

**КАК УБИВАЛИ
СТАЛИНА**

*Исследование «Как убивали Сталина» —
сильный материал. Очень сильный материал.
Убедительный... Документы о последней болезни
и смерти Сталина настолько значительны, что
теперь от них уже никто не сможет отвернуться.
Впервые мы имеем дело не с набором
воспоминаний, слухов и предположений
о смерти Сталина, а с исследованием
подлинных документов.*

Руководитель советской разведки (1974–1988)
Председатель КГБ СССР (1988–1991)
Владимир Крючков

УДК 82-43
ББК 84-4

Над Н.
Н-17 **Как убивали Сталина.**
М.: Московское отделение Союза писателей России,
Издательско-полиграфическое объединение
«У Никитских ворот».

ISBN 978-5-91366-004-6

**Нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным...**

Евангелие от Марка (глава 4, стих 22)

***После издания книги «Как убивали Сталина»
все существовавшие версии (мемуары, учебники,
энциклопедии и разнообразные монографии),
относящиеся к смерти вождя,
теряют смысл и превращаются
в политическую макулатуру.
Эта книга не для того,
чтобы обвинять или восхвалять,
а для того,
чтобы знали, как это было.***

Отрывки из этой книги публиковали: «Известия», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Совершенно секретно», «Независимая газета», «Новая газета», журнал «Огонек» и другие отечественные и зарубежные издания. Еще до выхода в свет сообщения о главах из этой книги попали в выпуски новостей центрального телевидения.

ББК 84-4

ISBN 978-5-91366-004-6

© Николай Над, 2007
Московское отделение Союза писателей России,
Издательско-полиграфическое объединение
«У Никитских ворот», 2007

КАК УБИВАЛИ СТАЛИНА

Москва 2007

*Он начинал как поэт.
Настоящая Поэзия —
сродни Революции.
Он выбрал Революцию.*

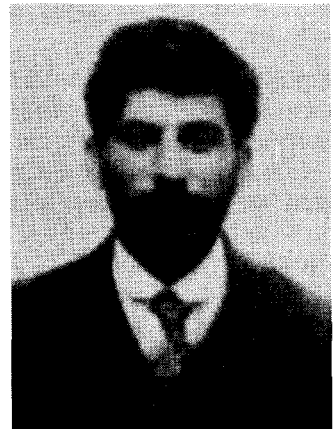
*Краткая историческая справка
о политической карьере Сталина*

*Глава Русского бюро ЦК РСДРП(б)
с 1912 г.*

*И.о. Председателя Совнаркома
примерно с 23-го по 28-е декабря 1917 г.
(на время лечебного отпуска Ленина)*

*Генеральный секретарь РКП(б)
с 3 апреля 1922 г.*

*Председатель Совнаркома
(с 1946 г. Совет Министров СССР)
с 5 мая 1941 г. по 5 марта 1953 г.*

Глава 1

НЕВЫДУМАННЫЙ СТАЛИН

И.В. Сталин был всемирно известным диктатором, а мог стать поэтом, художником и даже певцом...

Ключ к судьбе Сталина — его стихи

Что Сталина отравили, до сих пор ходили только слухи. Но настал момент, когда появилась возможность представить строгие документальные доказательства. Однако, чтобы во всех отношениях быть понятным, начну со стихов, которые написал Сталин.

Это моя очередная попытка перевести стихотворные опыты раннего Сталина. Первая дала неожиданные результаты: она была опубликована в «Комсомольской правде», а затем растиражирована по планете голосом Иннокентия Смоктуновского в советско-американском фильме «Монстр». В новых переводах удалось правильно по смыслу, а местами дословно и по содержанию, и главное, почти всегда точно ритмически, то есть музыкально, передать стихотворные оригиналы, принадлежащие вдохновению юного Иосифа Джугашвили.

Зачем это нужно? Кто-то из великих сказал, что разобраться в неповторимо сложной личности Сталина под силу только перу нового Шекспира. Ну а пока нового Шекспира нет, есть смысл вести исследования, какие могли бы послужить новому Шекспиру теми материалами, из которых создаются исторически поучительные шедевры. Моя решимость делать это утвердилась после обнаружения, на первый взгляд, невероятного откровения Михаила Булгакова о Сталине в сугубо личном послании Вересаеву. Вот оно: «...в самое время отчаяния... мне позвонил генеральный секретарь... Поверьте моему вкусу: он вёл разговор сильно, ясно, государственно и элегантно. В сердце писателя зажглась надежда...» Этой решимости способствовало и, казалось бы, немислимое *предсмертное признание* самого известного разоблачителя культа личности Сталина Н. С. Хрущёва, который сказал: «Сталин действительно велик, я и сейчас это подтверждаю, он несомненно был выше всех на много голов».

Все было не так просто, как теперь говорят на каждом углу, или, как говорили на каждом углу лет пятьдесят назад. Не случайно у поэта, у пророка Бориса Пастернака есть строки: «И тёмными силами храма/ Он отдан подонкам на суд,/ И с пылкостью тою же самой./ Как славилы прежде, клянут». Между тем появились люди, которые стали сравнивать Сталина с Гитлером, сравнивать несравнимое уже с самого начала. Если Гитлер — талантливый неуч, то Сталин... Впрочем, будет лучше, если вместо меня выскажутся о Сталине известные своей непримиримой критикой западные историки.

Итак — знаменитый сэра Алан Буллок: «В юности Сталин пел в церковном хоре, где его голос привлекал внимание. Он окончил духовное училище с почётной грамотой и успешно сдал вступительные экзамены в семинарию... Следует отметить, что Сталин упорно занимался, чтобы достичь необходимых знаний по дисциплинам, включавшим помимо церковнославянского языка и Закона Божьего латинский и греческий языки, русскую литературу и историю... У Сталина развилась феноменальная память...»

Мальчиком Гитлер, по данным того же сэра, «был не глуп, однако уже с ранних лет начал проявлять стойкое неприятие и ненависть к дисциплине и регулярным занятиям... единственным предметом, по которому Адольф имел положительную оценку, было рисование... он мечтал стать художником... В подростковом возрасте Гитлер продолжал отлынивать от любой работы... Он всегда считал себя личностью артистической, тем самым оправдывая своё неумение заниматься систематически». Обе его попытки поступить в Венскую Академию Искусств закончились провалом. И дальнейшие наблюдения не в пользу Гитлера. Если Адольф, как был, так и остался великим неучем, то Сталин с годами всё больше становился образованной даже по нынешним временам личностью, и не прекращал образования до последних дней. Особенно потрясающей (вопреки всем слухам!) выглядит его роль в кибернетике, а именно: в Москве и сейчас существует ЭВМ 1952 года, которая была первой в Европе и второй в мире... после США. Это фантастика! Ведь создана она несмотря на самую разрушительную из войн, тогда как США «участвовали» в этой войне... переживая самое тяжелое время за океаном. Кстати, дорого обошлись народу попытки наших безграмотных руководителей на протяжении чуть ли не 40 лет после смерти Сталина волевыми решениями отменять рыночное производство. Сталин же еще в 1952 году в работе «Эконо-

мические проблемы социализма в СССР» убедительно доказал губительность такой отмены для народного хозяйства страны.

Поразительно и то, как появляются биографические данные о Сталине. Американец Роберт Такер и англичанин Алан Буллок числятся среди наиболее прославившихся исследователей «русского диктатора», ибо во многом на их трудах основываются взгляды человечества на личность Сталина. Начнём с Такера, и... сразу окажется, что очень часто он заимствовал «факты» у Роя Медведева и Дмитрия Волкогонова. Однако и Медведев, и Волкогонов в свою очередь ссылаются на Такера. То есть получается: что-то кто-то из них сочинил или сделал предположение, а дальше это они друг у друга переписали и стало это предположение уже не предположением, а «фактом» со ссылкой на такой-то, якобы исключительно надёжный заграничный источник. В итоге изобретённый таким образом миф начинает гулять по миру уже в качестве «самого проверенного факта»...

В подтверждение можно взять признания любого из них, ну хотя бы того же Р. Медведева. Он пишет: «Я не использовал никаких архивов, никаких «спецхранов», никаких секретных материалов и не знаком с ними. Просто... мне предоставилась возможность ознакомиться почти со всеми книгами о Сталине и сталинизме, изданными в разных странах, накапливать факты и свидетельства прошедших сталинские тюрьмы и лагеря, а также воспоминания других очевидцев тех лет...»

Теперь подтверждение с западной стороны, написанное рукой уважаемого сэра Буллока: «...хотелось бы особо выделить тех, чьи труды весьма обогатили мои познания... По части советской истории, где меня никак не назовёшь специалистом, это — ...Роберт Такер... Рой Медведев... Дмитрий Волкогонов...»

А вот волкогоновские откровения о зарубежных источниках: «Большую помощь в работе над книгой («Сталин», — НАД.) оказали... разоблачения Исаака Дойчера... Роберта Такера... и других советологов».

Обратимся к ссылкам на источники и самого Такера: это прежде всего Волкогонов Д. «Триумф и трагедия Сталина», Medvedev R.A. «Zet History judge: The Original and Consequenees of Stalinism» — New York. — 1989 и т. д. Ну что с них взять? Жить-то надо, вот и пишут то, за что платят.

Нужны конкретные факты биографического мифотворчества? Пожалуйста! Несущественные и существенные — на выбор!

Волкогонов сообщает несущественные подробности: «Из троих сыновей Михаил и Георгий, не прожив и года, скончались, остался лишь Сосо (Иосиф). Но и он, заболев в возрасте пяти лет чёрной оспой, едва выжил...»

И сэр Буллок информирует мир: «До рождения Иосифа трое детей Джугашвили умерли, едва появившись на свет. В пятилетнем возрасте он и сам чуть не погиб от оспы...» Вопрос: «Сколько было братьев у Сталина?»

Волкогонов сообщает: «... дожив до июля трагического 37-го года, мать Сталина тихо скончалась...»

И сэр Буллок распространяет на весь белый свет: «...Сталин не очень ценил жертвы, на которые мать пошла ради него: ...и оскорбил чувства грузин, когда в 1936 году не явился на её похороны». Вопрос: «Сколько раз умирала мать Сталина?»

Вот так странно работает испорченный политический телефон! Между тем, если бы эти прославившиеся авторы обратились к газетам тех лет, то вслед за юристом Андреем Сухомлиновым прочли бы, что «мать И.В. Сталина, Е.Г. Джугашвили, заболела 13 мая 1937 года и скончалась 4 июня 1937 года».

Теперь пример *весьма существенной подробности*, равносильной атомной мине, которую подложили сами себе «признанные» историки мира, не проверив одну из главных «уток», вылетевших с XX съезда, а она оказалась искусной приманкой, а не живой птицей.

Итак: «Скрывал ли Сталин от народа письма (или так называемое «Завещание»), в которых Ленин давал критические и далеко идущие характеристики Сталину и другим вождям?»

Волкогонов сообщает: «... «Письмо к съезду», некоторые другие ленинские записи увидели свет лишь после 1956 года, после XX съезда партии».

И сэр Буллок, комментируя сказанное Лениным в «Письме к съезду», уже всю планету ставит перед неопровержимым «фактом»: «Последующие события стали известными лишь спустя много лет, в основном уже после смерти Сталина».

А вот, что говорят архивы... Впервые эти письма еще в 1924 году «были доведены до сведения XIII съезда партии, который решил не публиковать их в то время, имея в виду прежде всего волю самого Ленина, не предназначавшего эти документы к публикации в печати. Троцкистско-зиновьевская оппозиция знала об этом решении съезда, но, стремясь подорвать доверие к ЦК, распрост-

раняла клеветнический вымысел, будто ЦК скрывает от партии ленинские документы. В Ленинграде сторонники Зиновьева, вопреки решению XIII партийного съезда, размножили и распространили эти документы Ленина, сознательно опустив ту часть, в которой В.И. Ленин говорит о капитулянтском поведении Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года. Июльский (1926 г.) объединённый пленум ЦК и ЦКК, по предложению И.В. Сталина... принял решение просить XV партийный съезд отменить постановление XIII съезда партии и опубликовать указанные письма Ленина в «Ленинском сборнике». По решению XV съезда ленинские письма были напечатаны в бюллетене № 30 XV съезда ВКП(б).

Тираж бюллетеня в 1927 году составил 13 500 экземпляров. Однако этим не ограничились. По крайней мере, дважды обнародовали эти «спорные документы», включив их в «Стенографический отчёт XV съезда ВКП(б)», впервые изданный в 1928-м и переизданный в 1935 году. Теперь это может проверить каждый!

Примечательно, что Хрущёв, разоблачая на XX съезде культ личности Сталина, потворствовал вымыслу о сокрытии этих писем. Такой шаг Хрущёва становится загадочным, когда узнаёшь, что он был делегатом XV съезда, принявшего решение обнародовать ленинское Завещание. Однако, что заставило Хрущёва пойти на явную и преднамеренно убийственную ложь? Судя по данным 6-го номера «Вопросов истории» за 1988 год, Хрущёв занялся разоблачениями Сталина не только и, возможно, не столько по политическим соображениям, ибо сам возглавлял немало репрессий, сколько руководствуясь желанием отомстить Сталину за смерть своего сына-лётчика, которого тем не менее даже в хрущёвское правление Верховный Суд СССР оправдать не счёл допустимым...

Вот так выглядит одно из серьёзнейших разоблачений Сталина, которое в годы «оттепели» буквально потрясло мир.

Кстати, недавно в электричке я услышал странное гадание старрой, видимо, выжившей из ума цыганки. Она вещала: «Если Ельцин и все, кто с ним, вынесут Ленина из Мавзолея, то после смерти их всех тоже выкопают и бросят, чтобы их рвали бездомные собаки и клевали голодные вороны, пока их чёрные тела не успеют съесть белые могильные черви...» Стало не по себе. Это что ж? Значит и останкам Хрущёва не знать никогда покоя? Тем более, что «ползают» слухи, якобы его уже пытались выкрасть с Новодевичьего...

Звезды говорят

Одни, защищая Сталина, делают его чуть ли не Богочеловеком. Другие так же страстно сравнивают с Нечистой Силой. Когда же начинаешь все добросовестно исследовать сам, оказывается, что перед нами действительно чрезвычайно неординарный, а поэтому многим кажущийся мистически сверхъестественным человек, суд которому вынесут только столетия, ибо историческим призванием его, бывшего тифлисского семинариста, как и мифического Христа, была цель стать спасителем всех угнетённых... Будучи личностью бесспорно нерядовых способностей, он со всей отпущенной ему старательностью до последнего исполнял этот свой, как он считал, исторический долг. И там, где проявлялись его положительные качества, была победа. А там, где верх брали его отрицательные черты, была беда. Поскольку и положительные, и отрицательные его стороны были, по сравнению с простыми смертными, развиты чрезвычайно сильно, постольку всё, к чему бы не прикасалась его личность, носило печать Всемирного Добра или Вселенского Зла. Недаром Твардовский, один из действительно настоящих поэтов, написал: «Не зря, должно быть, сын востока,/ Он до конца являл черты/ Своей крутой, своей жестокой/ Неправоты./И правоты./Но кто из нас годится в судьи —/ Решать, кто прав, кто виноват?/ О людях речь идёт, а люди/ Богов не сами ли творят?»

Вхожий на правах «своего» в круг Цветаевой и Пастернака легендарный поэт Виктор Боков недавно, накануне своего 85-летия, вдруг признался: «В 26 лет я был арестован. Оклеветали. 5 лет отсидел... Я ненавидел Сталина, мечтал убить. А сейчас, после того, что пережил вместе со страной, в последние годы изменил отношение к нему. Я написал стихи «Я Сталина ругать перестаю...» Не переоценивает прошлое либо дурак, либо покойник...»

Да. Даже известные своей непримиримостью люди до сих пор не в состоянии определиться в своём отношении к Сталину. Один из них — постоянно грешащий и вечно кающийся Евгений Евтушенко. Вот он — до XX съезда: «Я знаю: грядущее видя вокруг,/ склоняется каждой ночью/мой самый лучший на свете друг/ в Кремле над столом рабочим».

А вот Евтушенко после XXII съезда: «Нет, Сталин не умер. Считает он смерть/ поправимостью./ Мы вынесли из Мавзолея его,/ но как из наследников Сталина/ Сталина вынести?»

И наконец, Евтушенко в наши дни: «Оголтелый антикоммунизм мне не только чужд, но и отвратителен, так же, как твердолобый зазнавшийся прокоммунизм, доходивший до инквизиторских расправ не только с инакомыслящими, но даже с мыслящими коммунистически...»

Пабло Неруда, вспоминая Сталина, говорил, что его «смерть получила космический резонанс. Содрогнулась человеческая сельва. И моё стихотворение отразило всемирную панику тех дней».

Обращает на себя внимание и такой случай... Тяжёлый на подъем Черчилль, когда появлялся Сталин, по собственному признанию, ощущал, как какие-то невидимые силы заставляют его вопреки активному нежеланию вскакивать. Вот что сказал об этом вдохновленный самим Шолоховым поэт Владимир Фирсов: «И даже враг Страны Советов/ сам Черчилль, признаваясь в этом,/ его приветствуя, вставал,/ а Сталин волю диктовал...»

По воспоминаниям К. Федина, при встречах со Сталиным писателей более всего ставил в тупик вопрос: «А эту книгу Вы читали?» Поэтому, готовясь к встречам с ним, они старались не пропускать ничего нового, не говоря уже о классике. Да. Сталин, — вопреки господствующим представлениям, — был очень начитанным человеком, что было замечено ещё выдающимся революционным демократом прошлого века поэтом Ильёй Чавчавадзе, который, кстати, и открыл миру Сталина... Именно Чавчавадзе, издававший газету «Иверия», в 1895 году опубликовал пять понравившихся ему стихотворений, в то время еще никому не известного Иосифа Джугашвили.

На первых страницах «Иверии» в номерах 123, 203, 218, 234, 280 за 1895 год под именем Сосело и И. Дж-швили и в № 32 журнала «Квали» за 1896 год под псевдонимом Созели можно прочитать шесть сталинских стихотворений.

14 июня 1895 года в № 123 газеты «Иверия» появилось первое стихотворение Сталина, ставшее позже известным под названием «Утро». Стихотворение подписано настоящим, а не вымышленным, как утверждают слухи, именем И. Дж-швили. Именно это стихотворение лет через 20 после первой публикации, то есть еще до революции, другой видный в Грузии человек Якоб Гогебашвили включил в учебник «Родного языка» для начальных классов. Сам Сталин, как полагают, узнал об этом только после Октябрьской революции. Может показаться странным, но при Советской власти в печати, и даже в объемной биографии Сталина, сопровождав-

шей собрание его сочинений, распространяться об этих поэтических успехах было не принято.

И наконец, ранний Сталин, как, впрочем, и молодой Маяковский не были дилетантами в живописи. И если картины Маяковского уже в музее, то, насколько мне известно, портреты, вышедшие из-под кисти Сталина, возможно, ещё предстоит увидеть на международных выставках. Прежде всего это касается особо удавшегося портрета Шота Руставели.

Исходя из сказанного, Сталин знал настоящую цену настоящим литературным талантам и прежде всего таким, как А. Толстой, Шолохов, Булгаков и Пастернак. О том, что он по самым высоким меркам ценил, например, талант Булгакова свидетельствует поучительный «Ответ Билль-Белоцерковскому», требовавшему опалы для автора романа «Мастер и Маргарита»: «...очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое лёгкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру *в порядке соревнования*, путём создания могущих её заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. ...Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда».

Так относился Сталин к верившему в божественное начало создателю романа «Мастер и Маргарита», в котором, как и в стихотворении «В этой стране...» ортодоксального материалиста Сталина, опубликованного, кстати, к Дню рождения Христа 25 декабря 1895 года, ясно звучит трагическая библейская тема Суда над нравственностью человека. Читая это стихотворение (в моём переводе «Гибель спасителя»), приходишь к мысли, что им начинающий Сталин как бы запрограммировал в главных чертах всю свою жизнь. Я далёк от мистических представлений о предопределении судьбы человека, однако вряд ли оспоримо, что цели, под вдохновением намечаемые в отрочестве, нередко подсознательно влекут к себе до самой смерти. Здесь, вероятно, именно такой случай.

Сенсационное письмо

Это стихотворение-предвидение поразительно совпадает с тем документом о кончине Сталина, который носит название операция

«Гамлет» и впервые будет полностью обнародован ниже. Согласно этому документу, Сталин умер не своей смертью, а – по воле Берии – *смертью отца Гамлета!* Иначе говоря, согласно Шекспиру, отец его главного героя был отравлен во время сна ядом, влитым в ухо. Как именно было со Сталиным, пока точно неизвестно: то ли вливание яда через ухо провалившемуся в сон вождю после последнего затянувшегося застолья; то ли ядовитые брызги в глаза при открывании им папки с документами; то ли ещё как-то. Ведь вождь, как уверяли знающие люди, ничего не ел и не пил прежде, чем это не употребили другие! То, что Сталин был отравлен, с юридической очевидностью подтверждают публикуемые в 18 главе документы, обнаруженные мною в бывшем кремлевском архиве. Однако, как именно это было сделано, по-прежнему остается загадкой! Между тем, человек, приславший это сенсационное письмо (кстати, проверяемое и поэтому пока неопубликованное мною полностью) и выдающий себя за одного из самых приближённых к Сталину людей (якобы он сын репрессированного маршала Егорова, и он же офицер по особо важным поручениям при Сталине), настаивает только на таком развитии событий, то есть – на операции «Гамлет». Если он прав, то это стихотворение вполне предсказывает то, что должно было скорее всего случиться со Сталиным, если считать, что он пошёл дорогой, начертанной этими стихами. Имеющиеся данные не дают достаточных оснований для подтверждения этой версии, но и не позволяют отмахнуться от нее совсем. Я прошу тех, кто может документально или ещё как-то убедительно подтвердить или опровергнуть её, дать об этом знать. А пока, чтобы уяснить, почему именно операция могла называться «Гамлет», и что значит «тень отца Гамлета», – давайте читать Шекспира (см. главу 17)... и, разумеется, следующие ниже стихи самого Сталина.

Сомнения и надежды

*В пору, когда луна заиграет
между землёй и небом лучами,
и синева окажется в звёздах,
словно осыпанная цветами...*

*В пору, когда под звуки свирели
нежно начнёт волшебные песни
петь с наслаждением соловей, и
в воздухе сразу всё затрепещет...*

*В пору, когда ручей, перекрытый
горным завалом, снова пробьётся,
ветром разбуженные, все птицы
дружно вспорхнут, и лес вдруг проснётся...*

*В пору, когда вернёт угнетённый
землю в неузнаваемом виде,
и заболевший, света лишённый
снова луну и солнце увидит...*

*Вот и меня тогда тьма печали
мигом оставит, кончатся муки:
счастья надежда в сердце вернётся
в пору, когда нет сил двигать руки!*

*И от надежды этой мне легче —
душу не давит прошлого бремя...
Неужто сбудется та надежда,
что вдруг пришла ко мне в это время?!*

Поклонение свету среди тьмы
*Свет, среди тьмы разрастайся!
Ты как — небесная совесть.
Тучи от света исчезнут.
Господа воля на всё есть.*

*Ждёт твоей светлой улыбки
мраком покрытое поле.
С неба ты песнею лейся.
Есть на всё Господа воля.*

*Знай! Окрылённый надеждой
он, хоть никто он сегодня,
всё равно неба достигнет.
Воля на всё есть Господня!*

*Нет ничего лучше света...
Свет среди тьмы окрыляет.
Милая, пусть, как и раньше,
всё в тебе светом сияет.*

*Грудь распахну нараспашку,
руки раскину — распятый,
чтобы наполнился светом
весь я! На то и — луна ты...*

Гибель спасителя

*В этой стране был он тенью,
гостем, пришедшим без вести.
Трогал он вечные струны,
пел необычные песни.*

*Песни, рождённые светом.
Песни, рождённые болью.
Всё в них была сама правда.
Всё в них дышало любовью.*

*Песни его волновали
даже остывшие души,
делали ясными мысли
к свету из мрака идущих.*

*Но, не способные слушать
пение тех чудных песен,
люди налили отравы
и, ослеплённые спесью:*

*«Всё пей, проклятый! — кричали —
это твой рок, ангел ада...
Правда зачем нам такая?
Нам таких песен не надо!»*

Утро

*Ветер пахнет фиалками,
Травы светятся росами,
Всё вокруг пробуждается,
Озаряется розами.*

*И певец из-под облака
Всё живее и сладостней,
Соловей нескончаемо
С миром делится радостью:*

*«Как ты радуешь, Родина,
Красоты своей радугой,
Так и каждый работою
Должен Родину радовать».*

Человек и смерть

*И он, как никто, был молод,
но также, как все, стал старым.
И... седины злой холод
без сил и его оставил.*

*А было: на дело жадный,
как саблей, владел косой.
А после горячей жатвы
был хлеб, и в душе покой.*

*Умел, как никто, работать:
один и — большое поле.
Болело тело от пота,
но дело — главнее боли!*

*Эх! ноги... отказывать стали —
всё старость берёт в свои руки.
Одни воспоминанья остались —
забыть их не могут внуки.*

*Но стоит напомниться песне,
донесшейся с полного поля,
и сердцу без поля — тесно,
как будто и не было боли.*

*Тогда, костыли отбросив,
старик, как ни в чём ни бывало,
на ноги встаёт и... косит
не он, а смерть его, как попало!*

Слуга рабов

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...
А.С.Пушкин*

*Когда под стоны жертв неправных,
поэт, взывал ты к небесам,
тогда ты, преданный свободе,
страдал ещё сильнее сам.*

*Когда душевностью народа
счастливый восторгался ты,
тогда, как в музыке, звучали
в твоих стихах его мечты.*

*Когда в любви ты признавался
своей растерзанной стране,
тогда поклялся ты стихами
служить ей с Богом наравне.*

*Когда ты всех спасал надеждой,
народ к словам твоим приник,
и, чуду равный, в каждом сердце
тебе вдруг памятник возник.*

*Твои призывы к жизни гордой
навек корни обрели:
того, кто сеял зёрна света,
ждёт урожай огня любви.*

*Отныне стать тебе подобным
растёт стремление в любом.
Ведь ты народу стал слугою,
чтоб перестал он быть рабом!*

Так писал Сталин.

Глава 2

ССОРА ВОЖДЕЙ

Кремлевская трагедия

15 декабря 1922 года главный человек России того времени В.И. Ульянов (Ленин) последний раз исполнил обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров. В связи с этим по сей день не прекращается хождение слухов относительно того, как соратники и прежде всего Сталин лишили его власти. Однако теперь, когда идеологическое противостояние двух миров утратило первоначальную остроту, настало время на место слухов и версий поставить документы тех лет и представить историю в неискаженном идеологией виде. И вот, если это сделать, мир ждет сенсация...

После того, как в середине декабря 1922 года Ленин окончательно осознает, что дни его полноценной жизни сочтены, и худшие опасения врачей начинают быстро сбываться, он принимает официальное решение передать свои государственные полномочия ближайшим сподвижникам по власти. И, судя по всему, — навсегда, ибо, передавая полномочия, он несколько суток тщательнейшим образом ликвидирует все свои понятные только ему записи, бумаги и дела. Тем временем страшная болезнь стремительно прогрессирует. Кровоснабжение головы резко нарушается. Отнимаются ноги и руки. Усиливаются сбои в работе мозга. А впереди его ждет паралич конечностей, потеря речи и... наступление полного безумия. И вот в этих драматических обстоятельствах происходит то, что войдет в историю как тайна личных взаимоотношений Ленина и Сталина.

Жалоба Крупской на Ленина

Начну со слухов. В среде чекистов говорят, что рассказ этот исходил от самого Сталина. Не знаю: так ли это, но с его обнаружением по-иному представляется истинный смысл последних ленинских писем и статей, более известных как Завещание Ленина, известных ленинскими словами о том, что Сталин груб, что нет уверенности, что он, сделавшись генсеком, сможет достаточ-

но осторожно пользоваться сосредоточенной в его руках необъятной властью и т.п.

Уже первые впечатления от излагаемой ниже истории заставляют сделать вывод, что не политические соображения, а личные отношения положили начало вражде Ленина и Сталина. Именно эти личные отношения под воздействием Надежды Константиновны, вступившей в телефонную войну с Иосифом Виссарионовичем, привели к ссоре между вождями, что сперва выразилось в резких критикующих личные качества Сталина ленинских письмах, затем — в требовании к Сталину извиниться и в конце концов дошло до таких нервных переживаний, что с Лениным случился непоправимый удар, после чего он уже не смог оправиться и скончался 21 января 1924 года, так и не приходя более 10 месяцев в нормальное человеческое состояние.

Не будет преувеличением сказать, что эта ссора основательно ускорила наступление смерти на и без того катастрофически подорванный напряженной работой ленинский организм. Стало быть, как можно убедиться из приводимых ниже документов, все обошлось без чьего бы то ни было яда. Здоровье Ленина было таким, что и без яда не на что было надеяться...

Рассказ Сталина

Однажды встречаю Крупскую. Вся в слезах. Протягивает заявление и плачет: «Не могу больше терпеть это...» Спрашиваю: «Что — это?» Она: «Владимир Ильич уже со всеми девицами из своего секретариата переспал. Мало мне этого позора, так теперь он и в других отделах Совнаркома стал отношения с девушками заводить... Прошу Вас собрать ЦК и срочно принять меры...» Я был в замешательстве. Дело в том, что я был в курсе, что Ленин очень нравится молоденьким девушкам и особенно женщинам и славится у них не только как политик. В нем чувствовалось давление крови. И его тогда, наверное, совсем не беспокоили любопытные глаза охраны. Но делать было нечего, надо было реагировать на заявление жены Ленина. И я сказал: «Что ж... Надежда Константиновна, мы соберем товарищей и разберем этот вопрос». И вот на заседании, когда была зачитана повестка дня, зал взорвался смехом. И, как это ни горько сказать в конце концов подавляющее большинство оказалось на стороне Ленина. Дело в том, что Надежда Константиновна никогда не было красавицей и чем дальше, тем больше теряла то, что в глазах мужчины делает женщину женщиной.

Однако надо было выходить из положения. И мы попытались рассмотреть заявление обиженной таким образом женщины... Я видел, что Ленин еле сдерживает улыбку, наблюдая, как все мы поставлены перед необходимостью вынести решение и возложить на кого-то контроль за его исполнением. И тогда я предложил компромисс. Во-первых, признать Ленина безусловно виновным. А, во-вторых, безусловно признать Крупскую Надежду Константиновну еще более виновной, поскольку она так много загружает себя партийной работой, что забывает исполнять свои супружеские обязанности. И поэтому мы вынуждены резко сократить ей второстепенные партийные задания и сделать главным ее партийным заданием — быть женой, достойной Владимира Ильича во всех отношениях!

Ленин, которому мы еще раз с товарищами сказали, что семья — все-таки ответственное дело, не выдержал и развеселился так, что даже мы не могли удержаться от смеха. Надежде Константиновне ничего не оставалось, как хлопнуть дверью».

Считается, что после этого Крупская возненавидела Сталина. И ее отчасти понять можно... Так зародилось то, что потом выльется в месть Крупской.

Секретная папка главы государства

Кстати, это решение ЦК, как считают компетентные источники, может находиться в особой секретной папке, к которой имеет доступ только 1-й человек государства, начиная со времен Сталина.

В этой папке, вероятно, хранятся и документы о «телефонной войне» между Крупской и Сталиным, которая произошла уже после разбирательства жалобы Крупской на Ленина. Вот, как это было.

Первое предчувствие смерти

Уже с начала 1922 года здоровье Ленина вызывало большие опасения. Сказывалось сильнейшее перенапряжение в годы революции, гражданской войны и НЭПа. Весной врачи рекомендовали ему продолжительный отдых и горный воздух. Ленин предполагал поехать на Кавказ или в какое-либо другое подходящее место.

6-го апреля он беседовал с Орджоникидзе об организации своего лечения и отдыха, а 7-го апреля написал ему письмо относительно своих планов на Кавказе. Вот строки из письма: «Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испытать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом». Однако поездка на Кавказ не состоялась. Планировалась она на середину июня, но уже в конце апреля и особенно в конце мая дали знать первые чрезвычайные сигналы о надвигающейся катастрофе...

22-го апреля Ленин приезжает в Институт биологической физики, где ему производят рентгеноскопию грудной клетки в связи с предстоящей операцией по извлечению пули, а 23-го он едет в Солдатенковскую больницу (ныне больница Боткина), где пулю ему извлекают. Уже 27-го апреля Ленин участвует в заседании Политбюро, и вроде бы ничего не предвещает резкого ухудшения здоровья. Вплоть до отъезда 23-го мая в отпуск в Горки он продолжает работать. И тут, в Горках, 25-27-го мая происходит первый приступ болезни Ленина, приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и расстройству речи.

Примерно в эти дни в связи со случившимся происходит откровенный разговор Ленина с лечащими врачами. Светила медицинской науки того времени под напором Ленина признаются ему в том, что он обречен на паралич конечностей и... безумие... из-за катастрофически прогрессирующего нарушения кровоснабжения мозга. И это может произойти в любой день...

После тяжелых раздумий Ленин потребует яд. И Сталин, как наиболее близкий тогда человек, даст Ленину слово, что «сделает это», если действительно окажется так, как предвещают врачи. Чтобы никто(!) не видел разбитого и униженного болезнью учителя...

Правда, уже в середине июня в состоянии Ленина отмечается прогресс, а 13-го июля в записке своему совнаркомовскому секретарю Фотиевой он сообщает об улучшении своего самочувствия такими словами: «Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк который начинает становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена)».

На третий пункт стоит обратить внимание, ибо врачи неоднократно замечали, что какие бы то ни было (положительные или отрицательные) политические новости всегда весьма тяжело

отражались на здоровье Ленина, и поэтому столь категорическое предписание было крайне необходимо. Тем более, что Крупская, писавшая: «О чём можно и о чём нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача,» — не очень-то придерживалась медицинских рекомендаций, что, как свидетельствуют факты, во многом сыграло роковую роль в ускорении развязки.

Между тем 11-го сентября «Консилиум профессоров О. Ферстера, В.В. Крамера и Ф.А. Гетье» разрешает Ленину приступить к работе с 1-го октября 1922 года. И вот 2-го октября Ленин возвращается из Горок и начинает работать. И тут оказывается, что и остальные также легко относятся к только что «отодвинувшему» тяжелейший недуг вождю. Недаром 24-го октября появляется следующее обращение к секретарям: «Поручается вам следить строго за тем, чтобы на заседаниях не велось частных разговоров, и останавливать разговаривающих. Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)». В связи с этим секретарь Фотиева срочно передает по просьбе Ленина всем окружающим «товарищам», что «он абсолютно не может переносить частных разговоров и хождения во время заседания, и что вот именно из-за этого он может снова свалиться».

Эти личные опасения Ленина вскоре действительно оправдываются. Уже 25-го ноября самым настойчивым образом врачи предписывают Ленину неделю абсолютного отдыха. Видимо, и сам Ленин предчувствует возможность неожиданного полного выхода из строя, и поэтому 30-го ноября пишет записку библиотекарю Ш.М. Манучарьянц с просьбой сохранить у него на полке книгу Энгельса «Политическое завещание»...

Ленин сам отрекся от власти

И вот тут обнаруживается сенсация, которая состоит в том, что Ленин сам принял решение об уходе со своего поста. И причина этого была не в стремлении Сталина и других соратников, создав соответствующие условия, любыми способами добиться его смещения, а в том, что после основательных консультаций с разными врачами Ленин отчетливо и окончательно осознал, что его ждет один единственный исход, а именно: уже в текущем 1922 году развитие болезни грозит полным параличом тела и отказом мозга... А это означает неотвратимое наступление безумия, что в конце концов и случилось. Разумеется, о скоро предстоящей

трагедии знали соратники. И, значит, у них не было необходимости каким-то образом искусственно избавиться от вождя. Так что слухи, например, о желании Сталина с этой целью отравить Ленина — плод политической непорядочности или обычного невежества.

Вместе с тем вопрос о яде для вождя действительно встал перед Сталиным достаточно остро. Но почему? На этот вопрос однозначно отвечают документы, впервые собранные в систему. Эти документы свидетельствуют, что критическое состояние Ленина, заставившее его принять окончательное решение об отставке и срочно взяться за составление «Политического завещания» в виде так называемых «последних писем и статей», еще более ухудшилось в результате конфликта Сталина и Крупской 22 декабря 1922 года и стало совсем безнадежным после приступа 7 марта 23-го года. В обоих случаях осложнение было спровоцировано безответственным поведением Крупской, действовавшей вопреки категорическим требованиям врачей оберегать и ограждать Ленина от любых волнений. Сталин по решению ЦК пытался призвать Крупскую к соблюдению порядков, установленных врачами. Однако это только осложнило положение. Разгоревшийся конфликт быстро распространился на новых действующих лиц и закончился подключением к нему самого Ленина, что, с точки зрения врачей, было совершенно недопустимо. В итоге произошло уже непоправимое ухудшение здоровья вождя.

Новые приступы

7-го декабря вечером Ленин уезжает в Горки, 12-го декабря возвращается в Москву, и уже 13-го декабря следуют два новых приступа болезни.

Что же происходило 12-го и могло послужить причиной приступов? Оказывается, по возвращении из Горок с 6 часов до 6.45 Ленин беседовал с Дзержинским о его поездке в Грузию во главе комиссии Политбюро для разбора конфликта между Заккрайком и группой Мдивани. Позже, 24-го января 1923 года, поручая запросить материалы комиссии по грузинскому национальному вопросу, Ленин скажет: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте» (то есть о рукоприкладстве Орджоникидзе в ответ на оскорбление, — НАД.), и

это на меня очень тяжело повлияло». «С большим трудом, — записано в истории болезни, — удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях, и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела».

С этого времени Ленин несколько дней работал дома — диктовал письма, давал различные поручения, стремясь закончить дела, которым придавал особенно важное значение. В письме о распределении работы между заместителями председателя СНК и СТО он откровенно говорит: «Ввиду повторения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск». А через 2 дня, 15-го декабря, диктуя письмо Сталину для членов ЦК, довольно обреченно сообщает: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно». И в эту же ночь, в ночь с 15-го на 16-ое, наступает резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина.

Чрезвычайно критическое состояние вождя и систематическое нарушение режима окружающими (в том числе и родными) заставляет пойти на нерядовой шаг: специальным постановлением 18-го декабря 1922 года пленум ЦК РКП(б) возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами.

Подчеркиваю: врачами! Однако режим по-прежнему нарушается и... прежде всего — Крупской, что состояние Ленина усугубляет до предела. Крупская вместо того, чтобы как-то отвлечь его от политических дел, начинает, например, записывать под его диктовку письмо Троцкому по весьма спорному вопросу о монополии внешней торговли. Это делается 21-го декабря, а в ночь с 22-го на 23-е происходит дальнейшее опасное ухудшение состояния Ленина: наступает паралич правой руки и правой ноги. Это второй предсмертный сигнал. Первый, напомним, случился 25-27 мая 1922 года...

Телефонная война

И тогда Сталин, выведенный из себя случившимся, в ту же ночь звонит Крупской и делает ей выговор в резкой форме с предупреждением передать дело в Контрольную комиссию «за то, что она записала под диктовку названное выше письмо» ...без

разрешения врачей. Крупская утверждает, что разрешение врачей было. Сталин возмущен ложью: врачи, — согласно установке пленума, — не могли дать такое разрешение, не поставив в известность Сталина. Крупская отвечает, что в конце концов Ленин ее муж, и она лучше всяких врачей знает, что ему можно, а чего нельзя; и вообще... прошу не вмешиваться в нашу личную жизнь! «Это Вы в постели можете знать, что можно, а чего нельзя, — говорит Сталин, — здесь же дело касается интересов партии, а ее интересы мне дороже всего!» Начинается разговор на повышенных тонах. Если верить слухам, — кстати, изложенным Шатровым в пьесе «Дальше, дальше, дальше...» в порядке достоверной информации, — Сталин закончил это телефонное столкновение следующими словами: «Спать с вождем — еще не значит иметь право собственности на вождя. Ленин принадлежит не только Вам, но и партии и... прежде всего партии!» (Примечание. По версии Молотова, Сталин сказал: «Пользоваться одним нужником с вождем — еще не значит...» и т.д.)

Естественно, что все эти или подобные слова были восприняты Крупской как «грубейшая выходка» со стороны Сталина, который, несомненно, потерял самообладание, услышав от Крупской очевидную ложь: дескать, разрешили врачи... Правда, тогда же или чуть позже (но явно до последнего письма Ленина 5-6 марта 23-го года) Сталин предложил Крупской, и та «выразила согласие забыть сказанное». Вместе с тем было бы несправедливо игнорировать обстоятельства, из-за которых внезапно и предельно опасно обострилась болезнь Ленина, за чье здоровье Сталин не только нес персональную партийную ответственность, но и неподдельно переживал. Это видно хотя бы из его ответа на попытку сравнить его с Лениным: «Что касается меня, то я только ученик Ленина, и цель моей жизни — быть достойным его учеником».

Тайна двух писем

Однако вернемся к тому, из-за чего случился телефонный конфликт между Сталиным и Крупской: было ли разрешение врачей на диктовку письма Троцкому? Причем, это должно было быть не просто разрешение врачей, а разрешение (согласно требованию пленума), обязательно согласованное с ответственным за соблюдение больничного режима лицом, т.е. со

Сталиным. Что второй части дела не было — это ясно! Но была ли хотя бы первая часть? Даже из личных признаний Крупской в двух письмах тех дней следует однозначный ответ: «Нет!» Вот эти письма.

Первое — это сопроводительный текст на послании Ленина Троцкому от 21-го декабря 1922 года: «Лев Давыдович! Профессор Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам». После текста письма Крупская добавляет: «Владимир Ильич просит также позвонить ему ответ. Н.К. Ульянова».

Обратите внимание! Не врачи разрешили, а врач — профессор Ферстер! Врач же — далеко не врачи, ибо врачи — это уже консилиум, т.е. гораздо более влиятельная и ответственная медицинская инстанция.

Второе письмо — это жалоба Л.Б. Каменеву на Сталина 23-го декабря, т.е. на другой день после телефонного конфликта: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей (Тут Крупская уже осознает свое нарушение и потому пишет уже не врача, а врачей. — НАД.), Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача (Здесь Крупская похоже проговорилась: не врачей, а все-таки врача! Да и тон необоснованно самоуверенный и явно безответственный. — НАД.), т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (имеется в виду Г. Зиновьев, — НАД.), как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку (Глупую ли... в свете будущих последствий? — НАД.). Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская». (Интересно, что в течение суток она — то Н.К. Ульянова, то Н. Крупская. — НАД.)

Второе предчувствие смерти

После второго критического приступа, предполагая самые плохие последствия, Ленин 23-го декабря просит врачей разрешить ему продиктовать стенографистке в течение 5 минут, так как его «волнует один вопрос». Получив разрешение, Ленин диктует 1-ю часть «Письма к съезду». Это письмо, как свидетельствует последовательность развития текста, вызывается вопросом о судьбе партии, которая в тот период переживает возможность раскола. Именно возможность раскола партии, а не желание предупредить партию, — как это вслед за Хрущевым повторяют теперь многие, — об отрицательных качествах Сталина вызвала у Ленина неотложное желание срочно продиктовать «Письмо к съезду». Здесь убедительнее всяких рассуждений будут продиктованные Лениным слова:

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе... В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы. ...Что касается... увеличения членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна... для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии. ...Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз. Ленин 23.12.22 г. Записано М.В.». (М. Володичевой, — НАД.)

Перед продолжением письма, которое последовало 24 и 25 декабря, уместны выдержки из записей М.А. Володичевой, сделанные ею 23 и 24 декабря: «23 декабря... В начале 9-го Владимир Ильич вызывал на квартиру (Имеется в виду вечер. — НАД.). В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось... На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера и сегодня является абсолютно секретным. Подчеркнул это не

один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным».

Продолжение письма

Итак, почувствовав, что в любую минуту навсегда может выйти из строя, Ленин безотлагательно продиктовал «Письмо к съезду» по самому волнующему его вопросу — вопросу предохранения партии от возможности раскола. Это произошло 23 декабря. Как оказалось на следующий день — это была первая часть письма, ибо 24-го декабря у Ленина возникла необходимость дать более веские обоснования 1 части. Где-то от 6 до 8-ми часов вечера, — после заседания комиссии Сталина, Каменева, Бухарина и лечащих врачей, — Володичева под диктовку Ленина записала: «Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, конечно, белогвардеец в «Русской мысли» (кажется, это был С.С. Ольденбург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к их игре против Советской России на раскол нашей партии и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезнейшие разногласия в партии...

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек. (Заметим! Здесь Ленин еще не знает подробностей «телефонной войны», и поэтому видит меру для предотвращения раскола в увеличении ЦК, а не в освобождении кого-то от руководящих должностей, поскольку для него очевидно, что при авторитетности каждого из них освобождение от должности не отменит их лидерства в той или иной фракции, и значит — не только не избавит партию от раскола, а наоборот увеличит его возможность. — НАД.)

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». (Через 2 дня,

26 декабря, продолжая Завещание, в 3-й его части Ленин на этот счет скажет: «...чем больше будет членов ЦК, ...тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности». Другими словами, в этом спасение от «неосторожности», которая может исходить от любого из лидеров ЦК, а не только – от Сталина. – НАД.)

Для Ленина, судя по его обстоятельным характеристикам главных членов ЦК, лишь один из «выдающихся вождей» (слова Ленина) полностью надежен в политическом отношении. Это – Сталин. Именно его Ленин 3 апреля 1922 года предложил в качестве единственной кандидатуры в генеральные секретари, на каждом из бюллетеней для тайного голосования собственной рукой напротив фамилии Сталин (это мне рассказывал Феликс Чуев со слов Молотова), написав краткое «генсек». Вместе с тем Ленин небезосновательно критиковал Сталина за неполитические недостатки, которые при особых обстоятельствах имеют свойство опасно влиять на политику.

Обстановка, в которой писалось Завещание

Чтобы лучше понимать происходившее, воссоздадим обстановку, в которой рождались в Завещании неоднозначные ленинские характеристики основных деятелей ЦК. Для этого вернемся в 24 декабря 1922 года.

Каменев, – а скорее всего и Зиновьев, – уже прочитали адресованную им вчера Крупской жалобу на Сталина с просьбой «ограничить... от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз». А что же сам Ленин? Ленин – в заботах, чтобы ему было разрешено ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, продолжать диктовать его «дневник». Врачи категорически возражают. Тогда Ленин ставит вопрос ультимативно: или ему будет разрешено, или он совсем откажется лечиться. Врачи просят посоветоваться и докладывают об ультиматуме в ЦК, Сталину. Собирается совещание.

После совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами принимается решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5-10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние

не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Несомненно, это решение касается и Крупской, что не может не вызывать у нее внутреннего раздражения, которое, чем она больше думает о «телефонном конфликте», тем труднее становится скрывать. Ведь это фактически прямой удар в ответ на ее жалобу Каменеву, ибо Каменев проявил солидарность со Сталиным при принятии решения об усилении больничного режима для Ленина. Получается, что Сталин был прав, когда, выполняя установку пленума, по телефону давал указания о том, как она должна вести себя с Лениным. Прав ... за исключением, разумеется, слов о постели. Короче говоря, в ответ на жалобу она получает от Каменева поддерживающее Сталина решение целой комиссии!

Вероятно, Каменев сообщил Сталину о ее жалобе и имел с ним разговор. Потом было совещание с врачами, на котором Каменев убедился, что в отношении сталинских требований о соблюдении больничного режима для Ленина Крупская явно не права; потому и был в решении комиссии заодно со Сталиным. А грубости насчет постели, видимо, просто не придавал такого, как Крупская, значения. Да и до того ли ему вместе со Сталиным, Бухариным и врачами было, если Ленин оказался на грани... Впрочем, вероятней всего, именно после разговора с Каменевым Сталин пожалел о вырвавшемся у него насчет постели и счел необходимым обратиться к Крупской с просьбой забыть сказанное, на что она «выразила согласие».

От опытного взгляда Ленина наверняка не могло ускользнуть то состояние Крупской, в каком она находилась после «телефонного конфликта» со Сталиным, а тем более после решения по этому делу целой комиссии. По словам современников, Ленин очень хорошо знал людей и, конечно, Крупскую, чтобы понять, что такое ее угнетенно-раздраженное состояние явно иного порядка, нежели ее состояние беспокойства по поводу его здоровья. Ведь беспокойство по поводу его здоровья ему приходилось наблюдать у нее уже не раз, и поэтому он мог точно отличать его от других видов беспокойств. Судя по тому, как довольно обычно Ленин после диктовки 1 части «Письма к съезду» в тот же день посылает ее Сталину, напрашивается вывод, что 23 декабря Ленин еще не знает о «телефонной войне», но уже, по поведению Крупской, начинает понимать, что что-то произошло.

Не исключено, что именно с этого момента Ленин начинает пытаться выяснять: в чем дело? А может быть, Крупская и сама не выдерживает переполняющего ее нервного напряжения (вспоминаются ее слова Каменеву «нервы напряжены у меня до крайности»), особенно после совещания, и, еле сдерживая себя, чтобы не рассказать все, начинает выражать недовольство решением комиссии, что, конечно, в положении Ленина очень созвучно его личному восприятию, его личной реакции на решение о нем его товарищей по партии. Факт ленинского ультиматума относительно лечебных порядков говорит сам за себя, говорит о том, что Ленин проявляет несвойственное ему упрямство против бесспорно разумных доводов врачей. Поэтому нервные комментарии Крупской находят у него отклик, явно далекий от истины. А замечания Крупской в адрес Сталина и других, которые дескать дошли уже до того, что диктатуру пролетариата начинают распространять и на сугубо личные отношения в их семье, производят на Ленина такое впечатление, что он уже не может не находиться под его влиянием, когда решается с 6 до 8 часов вечера продиктовать 2-ю часть, а затем на другой день, 25 декабря, и концовку 2-ой части «Письма к съезду», в котором наряду с дальновидными политическими решениями возникает и очень личностное только что скорректированное отношение к Сталину.

Разумеется, личностные оценки Крупской встречают у Ленина частую поддержку еще и потому, что уже дней за 10 до этого он был заряжен обострением грузинского национального вопроса, в каком Сталин, Дзержинский и Орджоникидзе повели себя, по его мнению, совсем не так, как подобает настоящим интернационалистам... особенно в случае с рукоприкладством Орджоникидзе в ответ на оскорбление. Кстати, и в этом случае в продиктованной после «телефонного конфликта» статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» наблюдается явно нарастающий перебор в выражениях против Сталина, хотя учинил рукоприкладство Орджоникидзе.

При всем при этом (с учетом нарастания резкости ленинских оценок в адрес Сталина) Ленин до 31 декабря вряд ли знал о «телефонном конфликте», во всяком случае о главной его подробности или, говоря словами Крупской, о «грубейшей выходке» Сталина. А если и знал, то только то, что Сталин, по рассказу Крупской, вряд ли позволительно воспользовался сосредоточенной в его руках необъятной властью генсека. 31-го же декабря впервые в за-

писях под диктовку встречается обвинение Сталина в *грубости*. Правда, делается это пока что в скрытой форме, т.е. говорится: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела (Имеются в виду «сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость». — НАД.), является... грубым великорусским держимордой».

Добавление к письму

Почему я обращаю внимание на обвинение именно в *грубости*? Да потому, что именно на *грубость* Сталина трижды делает ударение Крупская в своей жалобе Каменеву и Зиновьеву. (Примечание. Склонность Сталина к *грубости* была подмечена еще в Духовной семинарии. 16 декабря 1898 года в Кондуитном журнале есть запись: «Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами...» А Хрущев говорил: «У Сталина был... грубый темперамент, но его грубая манера не означала всегда злобность по отношению к людям, с которыми он грубо общался. Я часто сталкивался с его грубостью. Но Сталин любил меня».) Так что не случайно, находясь все эти дни и ночи прежде всего под воздействием информационного и эмоционального поля Крупской, Ленин 4 января 1923 года, услышав все подробности «телефонного конфликта», продиктует следующее «Добавление к письму от 24 декабря 1922 года». «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места (Какое-то загадочное предложение, когда достаточно просто поставить вопрос о переизбрании и выбрать более достойного, в том числе и в этом отношении. — НАД.) и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. (В этой оценке Ленина явно прослеживается отзвук «телефонного конфликта» Крупской со Сталиным. — НАД.) Это обстоятельство, — говорит дальше Ленин, — может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

В связи с этими словами Ленина Сталин в те годы, по крайней мере дважды, просил переизбрать его, однако при выборе «из двух выдающихся вождей» господствовало мнение: «Не Троцким же его заменять...»

Ленин о Сталине или месть Крупской

В ленинском Завещании бросаются в глаза 2 постоянно присутствующие линии: политическая (вызванная возможностью раскола партии) и личная (навеянная прежде всего обстоятельствами «телефонного конфликта»). Первая — выверенная всем развитием событий. Вторая — сложившаяся явно под влиянием жены, у которой в эти дни, по ее собственному признанию, «нервы напряжены до крайности». Отсюда, ее оценки Сталина переходят в Завещание Ленина и как бы становятся в полной мере и его оценками. Короче, как говорят во Франции, если что-то не так — ищите женщину!

А не так выглядит нечто весьма существенное. Вот оно — это нечто — заявление Ленина о Сталине на XI съезде РКП(б) весной 1922 года: «Аппараты партийный и советский следует размежевать. Сделать это страшно трудно: людей нет! Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами?

Ведь это все политические вопросы! И разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы подойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина».

Если сравнить эти выверенные годами выводы находящегося в форме политика и сложившееся вдруг (4 января 1923 года) не без

активного влияния жены мнение истерзанного жестокой болезнью человека, то сразу станет ясно, чему следует отдать предпочтение. Поэтому именно так в те годы воспринимало Сталина большинство ведущих людей партии, начиная с самого Ленина. В противном случае выходит: не прошло и года, как Сталин стал совершенно другим. Иначе говоря, получается, что Ленин, с его потрясающим знанием людей, насчет Сталина в корне ошибся. Предполагать такое о Ленине по меньшей мере — наивно! Более того, по ленинской оценке от 24 декабря 1922 года Сталин — один из «двух выдающихся вождей современного ЦК», а по оценке от 4 января 1923 года вдруг предлагается «обдумать способ перемещения Сталина» с поста генсека. Напрашивается вопрос: «Что такое сверхнеобычное и катастрофическое сделал в политике за эти 10 дней Сталин, чтобы у Ленина произошло столь крутое прозрение, перечеркнувшее его знание Сталина на протяжении 20 лет? Где он(?) его (Сталина) предательский «октябрьский эпизод», — как это было у Зиновьева и Каменева, — чтобы Ленин так резко изменил к нему свое отношение...» Ответ один: «Главная причина — «телефонный конфликт», случай на личной почве: будучи в другом состоянии, Ленин никогда бы не принял решение перенести на партийные дела личные отношения и тем более не стал бы делать так далеко идущие политические выводы при столь субъективной информации, получаемой им лишь от одной, от оскорбленной, стороны, и не ведая, что скажет сторона противоположная. Такой, явно ограниченный, подход всегда осуждался самим Лениным, а в данной ситуации был допущен только потому, что Ленин объективно чрезвычайно зависел тогда от своего тяжелого состояния». Это подтверждает хотя бы такая запись Фотиевой 14 февраля 1923 года: «Владимир Ильич вызвал меня в первом часу. Голова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т.е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже».

Крупская о Сталине

Наверняка это же он говорил и Крупской, поэтому при таком положении втягивание Ленина в свой конфликт со Сталиным не делало ей чести. Ведь как узнавал Ленин о «телефонном конфликте»? С подачи Крупской, которая логически совершалась пример-

но так (слова, естественно, были другие): «22-го звонил Сталин; ругался, что я способствую продолжению твоей работы вместо того, чтобы не допускать никакой твоей деятельности согласно режиму врачей... (Здесь, возможно, она умолчала, что Сталин, кстати, тогда еще не имевший всей полноты власти, контролировал соблюдение Лениным больничного режима не по личной инициативе, а выполняя установку пленума о персональной ответственности Сталина за здоровье Ленина.)»

24 декабря, после комиссии, ужесточившей лечебный режим для Ленина, Крупская могла высказаться уже откровеннее: дескать, не кажется ли тебе, что Сталин слишком спешит демонстрировать свою необъятную власть — уже даже внутри нашей семьи устанавливает свои порядки?

К 31 декабря Ленину преподносится новая информация, информация о том, что во время того телефонного звонка 22 декабря Сталин допустил еще и грубость...и тут, пока что в общих чертах, сообщается, что Сталин пытался тогда вмешиваться в личную жизнь их семьи, а поскольку тогда ему сделать этого не удалось... поскольку сделать это тогда она ему не позволила — он все-таки через 2 дня добился своего, демонстрируя свою власть, в виде решения комиссии...

А к 4 января 1923 года Ленин посвящается уже во все подробности «телефонного конфликта», за исключением факта о ее письменной жалобе Зиновьеву и Каменеву. Тут же говорится, что «я тогда сумела поставить Сталина на место так, что он вынужден был просить меня забыть сказанное... и я в конце концов дала на это согласие». И далее: «Ты еще не знаешь — какой Сталин! Вот ты его называешь одним из «двух выдающихся вождей современного ЦК», а он ведь заслуживает совсем другой характеристики, потому что...» И здесь Крупская передает телефонный разговор со всеми выгодными для себя подробностями. Однако о письменной жалобе Зиновьеву и Каменеву умалчивает, ибо понимает, что Ленину это не то, что не понравится: как бы ему после такой новости вообще не стало хуже или даже совсем плохо...

Проблемы ленинского «я»

Подобные условия существования и лечения, подобное нагнетание односторонней информации не могли не сказаться на последних письмах и статьях Ленина.

Подогреваемый день за днем, ночь за ночью все новыми и новыми подробностями о «телефонном конфликте» Ленин, находясь под постоянным угнетающим воздействием головных болей и паралича руки и ноги, каждый раз весьма активно и болезненно реагировал на них и, как известно, соответствующим образом (путем диктовки) выражал это на бумаге. Особенно в «Письме к съезду», где наряду с давно наметившейся и потому достаточно обоснованной политической линией систематически находила отражение и сугубо личная линия, т.е. реакция на «телефонный конфликт» Сталина и Крупской.

Неслучайно в те дни среди лидеров партии, хорошо знавших состояние Ленина, господствовало мнение: дескать, вряд ли можно все записанные под диктовку мысли тяжело больного вождя воспринимать как равноценные его здоровому состоянию. Был даже разослан по крупным партактивам соответствующий комментарий из ЦК. В нем рекомендовалось при чтении последних писем и статей В.И. Ленина учитывать сложности его положения...

В свою очередь Ленин, как натура очень жизнелюбивая и весьма подвижная, воспринимал даже вполне обоснованное ограничение свободы действий и режим, установленные для него врачами и ЦК, не столько как заботу, сколько как чрезмерное ущемление прав своей личности. В Дневнике дежурных секретарей Фотиева однажды запишет: «12 февраля... Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: «Ну вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих...» По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам».

Об отношении Ленина к врачам стоит сказать особо. Дело в том, что когда он начинал выздоравливать, и, стало быть, его нервная система начинала приходить в нормальное состояние, он мог правильно оценивать необходимость врачебного режима. Это видно из следующей записи Фотиевой: «9 февраля. Утром вызывал

Владимир Ильич. ...Настроение и вид прекрасные. Сказал, что Ферстер склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет. На мое замечание, что это с врачебной точки зрения, кажется, действительно было бы лучше, он задумался и очень серьезно ответил, что, по его мнению, именно с врачебной точки зрения это было бы хуже, т.к. печатный материал прочел и кончено, а свидание вызывает обмен».

Прелюдия смерти

Читаешь «Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина» и замечаешь, как постепенно через чередование то улучшений, то ухудшений организм Ленина вроде бы берет верх, и кажется — все будет хорошо. Но 5 марта Володичева запишет: «Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое — Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо». А на следующий день, 6 марта, вдруг... неожиданно для всех... происходит еще большее ухудшение в состоянии здоровья Ленина. Неожиданно, но для всех ли?

Как говорят архивы, случившееся ухудшение опять связано с большими для Ленина вопросами («грузинским» и «телефонным»). Почему и с «телефонным» — тоже? Этот вопрос снимается сразу — стоит только познакомиться с тем письмом, которое адресовалось Сталину, и про которое Ленин сказал, «что сегодня у него что-то плохо выходит»; поэтому пока просил его отложить. Однако — по порядку!

Письмо по «грузинскому вопросу» Л.Д. Троцкому: «Строго секретно. Лично. Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин»

Продиктовано по телефону 5 марта 1923 года. Однако «Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства». Неизвестно, действительно ли Троцкий был настолько болен, чтобы отказаться из-за болезни(?), или же для этого были другие причины... Например, разоблачительная характеристика Троцкого в Завещании, которое Ленин настаивал держать в абсолютной секретности, но которое, если взять письмо Крупской Зиновьеву осенью 23-го года, вряд ли долго оставалось секретным. Кстати, и сам Ленин очень сомневался, что так требуемая им секретность соблюдается на деле. Об этом свидетельствует запись Фотиевой: «24 января Владимир Ильич сказал: «Прежде всего по нашему «конспиративному» делу: я знаю, что Вы меня обманываете». На мои уверения в противном он сказал: «Я имею об этом свое мнение». Короче говоря, как бы там ни было, но от Троцкого последовал отказ.

При встрече с Володичевой на следующий день, т.е. 6 марта, Ленин первым делом «спросил об ответе на первое (Троцкому, — НАД.) письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани».

Даже эти сухие, очень краткие записи говорят: насколько напряженное тяжелейшее положение складывалось в эти часы у Ленина. Как эти записи отличаются от многих прежних — совсем не канцелярских, а сделанных в свободной, живой и яркой разговорной манере. Однако эти, очень концентрированные, строки стоят всех тех, вместе взятых, ибо в них — чувствуется: развязка близка!

Кстати. Что это за письмо группе Мдивани? Открываю 54 том. На странице 330 читаю: «Строго секретно тт. Мдивани, Махарадзе и др. Копия — тт. Троцкому и Каменеву.

Уважаемые товарищи!

Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин

6-го марта 23 г.»

Итак — опять терзающий Ленина «национальный вопрос», и опять он один против всех. Единственная надежда была на Троцкого, но Троцкий не поддержал... Может, и правда — болен? Тяжело. Жена подозрительно ушла в себя. Суется чего-то. Полная изоляция и одиночество. Невыносимо тяжело. Но! Развязка близка. Развязка уже чувствуется...

«Забытые» подробности

Здесь остановимся и соберемся с мыслями. Не этот ли случай имел в виду Г.И. Петровский, когда «сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича»? Трудно ответить: «да», но еще труднее сказать: «нет». Вот и Крупская говорит как-то неоднозначно: «... я бы крикнула: это ложь, больше всего В.И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах».

Ударение Крупской на «нравы, водворившиеся в наших верхах», есть тем самым признание того факта, что именно последствия «телефонного конфликта» стали последней причиной решающего усугубления болезни Ленина, хотя одновременно ею признается, что и Троцкий сыграл свою отрицательную роль, хотя бы в том же национальном вопросе.

Итак, о «телефонном конфликте» Ленин со своей поразительной, даже в тяжелейшие моменты болезни, наблюдательностью начал понемногу узнавать сразу же или вскоре после звонка Сталина; затем, в последующие дни, — все более подробно, вплоть до 4 января 1923 года. Полностью же все, включая факт письменной жалобы на Сталина Каменеву и Зиновьеву, приблизительно к 5 марта 1923 года. Возмущение и раздражение Ленина нарастали по мере все более углубленного посвящения его Крупской во все детали случившегося, что находило отражение во все более острых дополнениях к характеристике Сталина вплоть до Добавления от 04.01.23. Когда же Ленин узнал, что о случившемся Крупская письменно известила, — известила, да еще и письменно, — Зиновьева и Каменева, которых Ленин считал не умеющими держать язык за зубами, то он вынужден был в глазах окружающих, — и особенно в глазах Зиновьева и Каменева, — постоять за себя, написав Сталину следующее письмо:

«Товарищу Сталину Строго секретно Лично Копия тт. Каменеву и Зиновьеву Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы

взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

5 марта 23 года.

С уважением Ленин»

Это письмо явно написано для того, чтобы о бескомпромиссности Ленина в деле охраны чести семьи узнали прежде всего новые Бобчинский и Добчинский, то есть Каменев и Зиновьев, поскольку Сталин, судя по этому тексту, уже попросил Крупскую «забыть сказанное», на что она «выразила согласие». В то же время, поскольку извинение перед Крупской уже состоялось, Ленин этим письмом требует извинения прежде всего перед собой, ибо сказанное Сталиным касалось и его (Ленина).

Бросается в глаза, что, диктуя это поистине дуэльное письмо, Ленин его «пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо. А на другой день (06.03.23) прочитал его «и просил передать лично и из рук в руки получить ответ». При этом: «Чувствовал себя плохо».

Володичева не случайно записала, что 05.03.23 Ленин чувствовал себя «нехорошо», а 06.03.23 уже «плохо». Неслучайно потому, что в «Дневнике дежурных секретарей В.И. Ленина» предписывалось строго и точно отражать все, связанное с Лениным.

Получается, то самое письмо, которое, чувствуя себя «нехорошо», Ленин сам квалифицировал, как что-то оно плохо у него выходит, именно то самое письмо на другой день, уже чувствуя себя «плохо», Ленин все-таки решается отослать Сталину.

Очевидно, что не просто так тогда... «Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го. Но 7-го я (имеется в виду Володичева, — НАД.) сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. (Между прочим, это было сделано лишь после нового, уже критического, осложнения состояния Ленина из-за того, что он никак не мог дождаться ответа от Сталина. — НАД.) Она (Крупская) переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину, и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу). Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел». (В ответе, по словам М.И. Ульяновой, Сталин извинился. Факт, свидетельствующий, что Сталин действительно переживал за последствия своей «телефонной несдержанности». — НАД.)

Здесь необходимо сказать и подчеркнуть, что текст со слов «Надежда Константиновна просила...» в «Дневнике» записан стенографическими знаками. 14 июля 1956 года эта запись была расшифрована М.А. Володичевой. Не исключено, что эта «стенография» появилась в тот страшный для Ленина момент не случайно, как не случайно и то, что расшифрована она была только 14 июля 1956 года! То есть после XX съезда. Но еще более не случайно, что о ней умолчал «герой XX съезда» г. Хрущев, ибо сообщить о ней... означало абсолютно по-другому посмотреть на роль Сталина в той «телефонной истории», а значит — во многом и вообще на личность Сталина!

Секретные документы неопровержимо свидетельствуют, что Крупская, сама того не желая, имеет непосредственное отношение к последнему из наиболее серьезных ухудшений здоровья вождя. Именно с 5 по 10 марта 1923 года наступает «новый приступ болезни Ленина, приведший к усилению паралича правой части тела и к потере речи». Вряд ли можно говорить, что Крупская сделала излечение Ленина невозможным, но то, что своими действиями она ускорила его кончину, — это факт!

Яд для вождя

Между тем это время было наполнено и другими не менее бурными и до сих пор неосознанными событиями, главное из которых, судя по документам, заключается в факте неудачной попытки Крупской отравить Ленина, что представлялось ей в те кошмарные дни и ночи более гуманным, нежели беспомощно наблюдать, как самый близкий тебе человек корчится в мученических пытках от нарастающих болей нервов головы. От болей, которые адски обострились именно по ее вине — из-за спровоцированной ею задержки ответного письма Сталина с его то ли извиняющимися, то ли оправдывающимися неоднозначными объяснениями Ленину. Ленин ждал этого письма в ответ на свое требование к Сталину извиниться за конфликт с Крупской. Ждал, но не дождался. Сперва потому, что Крупская мешала отправлению такого письма, а затем потому, что Ленин, дожидаясь ответа, от волнения и нервного расстройства потерял сознание и... больше никогда уже в нормальное состояние не приходил.

В ответном письме Сталин написал: «7.III.23. Т. ЛЕНИН! Недель пять назад (Здесь Сталин явно ошибся — с 22 декабря прошло

более 10 недель. — НАД.) я имел беседу с тов. Н. Конст., которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) прибол. следующее: врачи запретили давать Ильичу полит. информацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его. Между тем, Вы, Н.К., оказывается нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича, и т. и д. ...

(Так писал Сталин. Вероятно, именно за этими буквами «т. и д.» Сталин, так сказать, «дипломатично» скрыл слова про то, «что можно, а чего нельзя в постели с вождём». Что такие слова могут быть не слухами, позволяют думать секретные сугубо личные воспоминания сестры Ленина М.И. Ульяновой о последствиях «телефонного конфликта»: «Сталин, — писала Ульянова, — вызвал её (Крупскую) к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, видимо, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н.К. разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр. ...»

Вот это вот «каталась по полу» и наталкивает на мысль, что нечто похлеще, чем предупреждение об ответственности перед ЦКК, повергло Н.К. в столь трудно представляемое для 54-летней женщины состояние...

Однако документального подтверждения этих вызывающих сталинских слов до сих пор никто не обнаружил, хотя нельзя исключать, что такие документы действительно существуют! — НАД.)

Я не считаю, — продолжал дальше Сталин в своем неоднозначном объяснении Ленину, — чтобы в этих словах можно было усмотреть что-либо против или непозволительное, предприн. «против» Вас, ибо никаких других целей кроме цели быстрого В. выздоровления я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н.К. подтвердили, что ничего кроме чистых недоразумений не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего собственно от меня хотят. 7.III.23 г. И. Сталин».

Это письмо на трех страничках (27, 28, 29) из блокнота с оттиском на каждом листке («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Центральный Комитет Р. К. П. [Большев.]. Москва. Секретарь Центрального Комитета И.В. Сталин») «генсек» оставил у себя, ибо, как нам известно от Володичевой, ответ Ленину он продиктовал и, скорее всего, на основании именно этих трех страничек.

Полностью ли совпадают личный сталинский вариант и продиктованный текст — говорить не берусь.

В личном варианте бросается в глаза, как шадящий больного Ленина тон сталинского письма, так и то, что местами Сталин на взводе от подчеркнуто вызывающей формы ультимативного ленинского обращения. А как иначе это могло подействовать на человека с легко вскипающей кавказской кровью?! В чем тут дело? Скорее всего, раздражение Сталина из-за того, что Крупская, высказав удовлетворение от его извинений на словах, на деле их не приняла, и все, случившееся между ними, в самом невыгодном для Сталина свете представила Ленину, тем самым солгав, что «согласна забыть сказанное», т.е. сталинскую телефонную выходку..

Как бы то ни было, но в итоге всех этих выяснений отношений сложилось такое катастрофическое развитие событий, что Ленину срочно понадобился... яд! И вот тут есть смысл документально прокомментировать еще одну серию слухов. В этом помогут личные воспоминания сестры Ленина. М.И. Ульянова доносит до нас следующую секретную информацию: «Зимой 20-21, 21-22 годов В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал.

Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой...

С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 года после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут пять, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просит его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы

решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно... В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» «Когда же вы видели, чтобы я лукавил...» — отвечал Сталин.

И вот после 7 марта 1923 года, когда у Ленина случился третий, наиболее страшный, удар, этот вопрос якобы встал снова. Почему якобы? Да потому, что к 17 марта, когда Ленин, дескать, опять категорически затребовал яд, он уже находился в не контролируемом собственным мозгом состоянии. Вот на этот счет записка Сталина: «Строго секретно Зин., Каменеву. Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина». Сталин». «Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя! Г. Зиновьев. Л. Каменев».

А 21.III.1923 г. Сталин напишет: «Строго секретно членам Пол. Бюро. В субботу, 17.III., т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что «В. Ильич переживает невероятные страдания», что «дальше жить так невыносимо» и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал «согласия Сталина», ввиду чего мы вынуждены были оба раза прервать беседу), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК. И. Сталин».

Над письмом после слова «Читал» стоят подписи Зиновьева, Молотова, Бухарина, Каменева, Троцкого и отдельный отклик

Томского: «Читал. Полагаю, что нерешительность Ст. — правильная. Следовало бы в строгом составе чл. Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)».

Если прочесть еще и запись, сделанную в «Дневнике дежурных врачей» 17.03.1923, то складывается впечатление, что вся эта акция имела место не по сиюминутной доброй воле безнадежно больного Ленина, а по инициативе впавшей в полное отчаяние Крупской, в жутком бессилии наблюдавшей за невероятными и не прекращающимися страданиями уже предельно истерзанного мужа...

Не исключено, что после критического осложнения отношений со Сталиным Ленину ничего не оставалось, как положиться отныне только на Крупскую... при осуществлении той страшной просьбы, выполнение которой до этого он всецело связывал с надежностью Сталина. Ленину категорически не хотелось, чтобы после неизбежной при его болезни потери рассудка кто не попадая и особенно враги «перемывали ему кости», жадно упиваясь при разглядывании фотографий его, потерявшим здравый смысл, обликом. Однако, вопреки всем его просьбам, именно так трагически и вышло... В свете всего этого становится понятным, почему так «упорно настаивала» не отказывать Ленину в его страшной просьбе Крупская. Есть основания предполагать, что она даже поклялась мужу «таким образом спасти его» от неотвратимых «при безумном исходе» циничных публичных унижений, оскорблений и осмеяний. Именно поэтому она сама пробовала дать яд, но... не смогла. И лишь то, что ей не хватило выдержки исполнить эту волю Ленина, заставило ее переступить через себя и обратиться к Сталину, якобы только за ядом, хотя, судя по записке Сталина, яд у нее уже был, раз она пробовала его дать...

А между тем вот что, в частности, происходило с Лениным в тот драматический день 17 марта 1923 года: «...Владимир Ильич хорошо пообедал. Через некоторое время он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, но ни сестра, ни Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли понять Владимира Ильича, он начал страшно волноваться, ему дали брома...» Какое уж тут может быть понимание, что настойчиво требовал он в тот день именно яд, яд, яд!?

Я не стану больше комментировать эти документы. Замечу лишь, что и сегодня, как свидетельствуют судебные процессы над доктором Кеворкяном в Америке, общество еще не пришло к од-

нозначному выводу, как поступать, если безнадежно больной человек оказался перед жестоким выбором: умереть безболезненно сразу или медленно ждать смерть в нарастании бесконечных и раздирающих душу мук???!!!

А Ленин задолго до краха своего организма отчетливо представлял, что его прогрессирующая болезнь (согласно мировому медицинскому опыту) неизбежно ведет к тяжелой и трагической форме безумия... И еще. Западная Европа неслучайно не приняла фильм Арабова и Сокурова «Телец». Главной причиной неприятия стал вопрос: «Что вы нам показываете человека, каким он стал, тяжело заболев в конце жизни, — от чего не застрахованы и все мы?! Вы нам покажите, каким он был, когда был здоровым, и как он смог чуть ли не весь XX век подчинить своему влиянию, победив с безграмотными людьми в лаптях, с одной винтовкой на троих, хорошо обученные войска Антанты, вооруженные самым современным оружием, танками и самолетами?!»

Катастрофа

Прежде, чем перейти к заключительной части в этом исследовании, представим положение, в каком оказался тяжело больной Ленин. Вновь и вновь переживая все подробности, связанные с конфликтом между Крупской и Сталиным, он с трудом («сегодня у меня что-то плохо выходит») диктует свое противоречивое письмо. При этом его ослабленный болезнью мозг все-таки, как бы через просветления, отмечает, что что-то в этом деле не так, что что-то ему не досказано, что что-то по отношению к Сталину есть необъективное... Ленин привык выносить решения только после того, как узнает позиции всех сторон. Здесь же, предлагая свое категорическое решение, он до конца остается в неведении: а что бы сказал со своей стороны Сталин? Именно поэтому он сомневается, сомневается в обоснованности своего письма, сомневается настолько, что в конце концов откладывает его... А на другой день, чувствуя себя еще хуже, прочитывает письмо вновь, но не успокаивается и требует категорической его секретности — требует передать его лично и из рук в руки получить ответ, но так, чтобы этот шаг вместе с тем стал обязательно известен Зиновьеву и Каменеву. Чтобы те потом не имели возможности выдать его решительность во всем за что-то показное, ибо, когда дело коснулось его жены и его лично, он якобы оказался мягкотелым... И опять воп-

рос: неужели Сталин действительно позволил себе это, неужели все было именно так, как рассказывает об этом жена???

Будущее, а именно 1926 год, покажет, как прав был Ленин, когда опасался, что «телефонный случай», став известным Зиновьеву и Каменеву, еще даст о себе знать. (Он-то, в отличие от Крупской, отлично представлял, каковы на самом деле ее наиболее «близкие товарищи».) В 1926 году на июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК Зиновьев действительно провокационно поднял этот вопрос в пику Сталину, разоблачавшему раскольническую суть «новой оппозиции»...

Итак, переживая случившееся, весь в сомнениях, в конце концов Ленин все-таки посылает это письмо и... начинает ждать ответ. Проходит час, два, три... Ответ не приходит. В его ожидании Ленин начинает нервничать, самочувствие резко ухудшается, но ответа нет! Значит... все правильно: Сталин такой, каким его представляет Крупская. В действительности же... именно Крупская всячески оттягивает передачу ленинского письма Сталину... просит письмо Сталину не отправлять!

Словно чего-то боится. Боится больше, чем стремительно ухудшающегося состояния Ленина. А может, надеется, что ей удастся уговорить его вернуть это письмо, куда оно не попало к Сталину? Может, все еще как-то образуется? Например, помогут что-то придумать «более близкие товарищи» — Лев Борисович и Григорий. Не случайно она так просит не отправлять это письмо. Понимает, что с получением этого письма Сталин вновь убедится, что опять она пошла на обман. А ведь давала обещание «забыть сказанное». Но(!) снова слова не сдержала. Напротив, все рассказала больному, чем опять навредила его здоровью. Это — факт, и Сталин обязательно узнает об этом. Теперь ей действительно придется нести ответственность перед Центральной Контрольной Комиссией, а это — что-то вроде Страшного Суда Партии...

Теперь выяснится, что повод для телефонного звонка Сталина своими нарушениями больничного режима Ленина дала именно она, Крупская! Стало быть, «телефонный конфликт» был спровоцирован не по вине Сталина (Сталин-то, решат, выполнял тогда установку пленума), а по вине ее, Крупской, опрометчиво бросившей всем, что она лучше всяких врачей знает, что можно, а чего нельзя... Ленину!!!

И вот: у Ленина — новые приступы. Что делать? Что делать?! Вместо того, чтобы не мешать Володичевой исполнить распоря-

жение Ленина о передаче письма Сталину, она уже целые сутки противится этому. А Ленину — все хуже! Он никак не может дожидаться ответа на свое решительное письмо. Наконец Володичева не выдерживает и заявляет, что обязана исполнить распоряжение Ленина. Крупская связывается с Каменевым (поскольку во многом из-за него и Зиновьева возникло это письмо) и начинает что-то согласовывать...

А Ленин все это время ждет. Ждет уже целые сутки. Ждет тяжело больной человек. Ждет в своей кремлевской квартире ответа от Сталина, который, находясь здесь же, в Кремле, в кабинете, в каких-то шагах от него, хранит поистине издевательское молчание. Значит, все, что говорит о нем Надежда Константиновна, правда! И даже более жестокая, чем она, наверняка жалея его, говорит... В муках проходит долгая ночь. Напряжение от страшного и без того недуга нарастает. Какие только мысли не приходят в голову прикованного к постели человека! А ответа все нет... И тогда, видя надвигающийся летальный исход, Володичева решается отклонить все просьбы Крупской и исполнить распоряжение: она передает письмо Сталину. Сталин тотчас же, как подчеркивает Володичева, тотчас же дает, хотя и витиеватый, но способный удовлетворить ждущего ответ. Однако... поздно: их отношения уже predeterminedены навсегда. Ленин уже никогда не прочтет этого ответа. У него за эти три дня произошли новые и, как окажется, уже необратимые приступы болезни.

Воспоминания Крупской

Что было потом — можно в какой-то мере представить благодаря следующим воспоминаниям Крупской, датированным ею 03 февраля 1924 года и названным

«ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА»

«Последняя болезнь Владимира Ильича разразилась 9-го марта 1923 года, она выразилась в потере речи, в усилении паралича правой руки и ноги, захватила отчасти и левую сторону — Владимир Ильич долгое время не мог правильно направлять действия левой руки. Болезнь распадается на два периода. В первый период, продолжавшийся до июля, шло еще ухудшение.

Этот период связан с тяжелыми физическими страданиями и тяжелыми нервными возбуждениями, в июле было желудочное заболевание с повышением температуры. С этого момента, после некоторого времени большой слабости, началось непрерывное улучшение, хотя и очень медленное, которое было прервано лишь смертью.

Первый период был очень тяжел — больного нельзя было оставлять ни на минуту одного, при нем постоянно была сестра, к нему постоянно входил дежурный врач, были непрерывные консультации. Сестры были очень хорошие — опытные, внимательные, заботливые. Одна из сестер, Екатерина Ивановна Фомина, была та же, которая ухаживала за Владимиром Ильичем в 1918 г., когда его ранили, и к которой он всегда очень хорошо относился. Врачи делали все, что могли, но положение было отчаянное. Об этом первом периоде Владимир Ильич старался впоследствии не вспоминать — не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали. В этот первый период вопрос шел главным образом о спасении жизни.

Во второй период — с июля — шло выздоровление. Прекратились всякие боли, явился нормальный крепкий сон, вошел в норму желудок, стала правильнее работать левая рука, явилась возможность не только сидеть, но и ходить, сначала, опираясь на санитаря, потом самостоятельно с палочкой, стала улучшаться речь, и в связи с этим совершенно изменилось настроение. Владимир Ильич много шутил, смеялся, даже напевал иногда «Интернационал», «Червоный штандар», «В долине Дагестана».

Ильич у нас в июле сбежал. (Примечание. В.И. Ленин провел в комнате А.А. Преображенского 21-23 июля 1923 года и встречался с ним за обедом. — НАД.) Жили мы в большом доме, а рядом во флигеле жил управляющий совхозом, старый партийный товарищ, бывший рабочий, которого Ильич знал с 1891 года еще по Самаре, Алексей Андреевич Преображенский. Вывели мы Ильича на прогулку, устроились в беседке около флигеля. Услышал Ильич, что во флигеле теперь живет Алексей Андреевич, и рванулся туда. Помогли ему взобраться по лестнице, крепко обнял он Преображенского, сел около него и стал говорить. У того больное сердце, побелел он весь, губы трясутся, а Ильич все говорит, рассказывает про переживаемое. Слов у Ильича не было, мог только говорить «вот»,

«что», «идите», но была богатейшая интонация, передававшая все малейшие оттенки мысли, была богатейшая мимика. И мы, окружающие, Мария Ильинична, я, санитары, все больше и больше понимали Ильича. Не только богородские рабочие, с которыми виделся Владимир Ильич, ушли, уверенные, что он говорит, но специалист по восстановлению речи, следивший последнее время за занятиями Владимира Ильича, говорил за пару дней до смерти Владимира Ильича: «Он непременно будет говорить, при такой степени сознательности не может человек не говорить, этого не бывает, он в сущности уже говорит, у него нет только памяти на словесные образы слов».

И вот Ильич, ушедший от врачей, сестер милосердия, от больничного режима, сидел около Преображенского и говорил. Пробыл он там три дня. Когда я приходила туда, он говорил, что и нам с Марией Ильиничной тоже надо перебраться во флигель, еле удалось его убедить вернуться. Уговорили только тем, что сказали, что Преображенский болен, что мы стесняем его и его семью.

В большом доме мы устроили Владимира Ильича так, как он хотел: в той комнате, в которой он жил раньше, до болезни — самой скромной во всем доме — сняли со стен картины, поставили ширму, поставили кресло, столик. Комната и теперь стоит так, как была. Кресло стояло против окна, а из окна было видно село Горки. Как-то раз (кажется, в декабре 1920 года) Ильич был в Горках. В самую большую избу набились все хозяева деревни, негде было яблоку упасть, Ильич делал доклад, а после долго беседовал с собравшимися. Заботился он потом о том, чтобы провели электричество в Горки (что и было сделано), чтобы давали крестьянам семена, рассаду, машины.

Последние месяцы Владимир Ильич любил, когда он сидит и занимается, чтобы были у него перед глазами Горки.

Во вторник, 31-го июля, последний раз у него было возбуждение. Потребовал он, чтобы не ходили к нему больше врачи — потом пускал к себе еще некоторое время профессора Осипова, но разговоры о болезни не допускались. На В.Н. Розанова и Ф.А. Гетье, лечивших его раньше, он смотрел не как на врачей, а как на добрых знакомых. Не как на доктора, а как на товарища, смотрел он на В.А. Обуха. Последние месяцы врачи наблюдали Владимира Ильича лишь из соседней комнаты. Стал он тяготиться и сестрами милосердия — и хоть сдерживался, но видно было, что их присутствие ему тяжело.

(Здесь я позволю себе на время прервать воспоминания Надежды Константиновны и привести следующий отрывок

*ИЗ ПИСЬМА Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО Н. И. БУХАРИНУ
29 июля 1923 г.— НАД.)*

Дорогой Ника!

*Давно собирался написать, но откладывал до третьего визита в [Гор-ки]. Но пришло Ваше второе письмо. Так что пишу немедленно.
1) Ильич.*

Во время первого посещения, неделю спустя после Вашего отъезда, говорил и с Н.К. и М.И. очень подробно. Старик находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Ферстера и др., глотая только покорно хинин и йод, особенно раздражался при появлении Н.К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И, все-таки, к нему ходила. (Очень важное наблюдение, заставляющее задуматься в свете того, что мы знаем о роли Крупской в случившемся, особенно в первые дни марта 1923 года. — НАД.)

Второй раз, 4 дня тому назад, я снова поехал (с Пятаковым решили ехать сегодня, а я не стал ждать воскресенья). Я только что вошел вниз, с Беленьким, как в комнате справа от входа Беленький мне показал рукой в окно, сказал: «вон его везут». Я подошел к закрытому окну и стал смотреть. На расстоянии шагов 25-ти вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: «вот, вот», требовал меня. Я только что приехал и еще не видел М.И. и Н.К. Они прибежали, М.И., взволнованная, говорит: «раз заметил, надо идти». Я пошел, не зная точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Решил все время держаться с веселым, радостным лицом. Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в голову. Но лицо! Мне стоило огромных усилий, чтоб сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время. М.И. мигнула мне, когда надо было уходить и его провезли дальше. Через минут пять меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жестами малиной и т. д., и сам пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой. Говорили про охоту и всякие пустяки, что не раздражает. Он все понимает, к чему прислушивается. Но я не все понимал, что он хотел выразить, и не всегда комментарии Н.К. были правильны, по-моему. Однако всего не передашь.

У него последние полторы недели очень значительное улучшение во всех отношениях, кроме речи. Я говорил с Ферстером. Он думает, что это не случайное и скоропроходящее улучшение, а что улучшение может быть длительным... Е.П.

(Однако вернемся к воспоминаниям Крупской, которые благодаря данному отрывку станут более ясными. — НАД.)

В конце концов, ухаживающий персонал свелся к трем санитарам: Николаю Семеновичу Попову, только что окончившему молодому врачу — он же делал Владимиру Ильичу и массаж правой руки, Владимиру Александровичу Рукавишникову и Зорьке, студентам старшего курса. Все это была партийная публика, бесконечно преданная Владимиру Ильичу, старавшаяся угадать каждое его желание, с глубоким волнением следившая за ходом его болезни. Владимир Ильич не мог не чувствовать этого и горячо к ним привязался. У него светлело лицо, когда они входили в комнату, он шутил и смеялся с ними. Они внесли в нашу жизнь молодую жизнерадостность и создали в значительной мере ту атмосферу уверенности в выздоровлении и спокойствия, которая облегчила Владимиру Ильичу последние месяцы существования. По саду возил Владимира Ильича в кресле и ездил с ним на охоту заведующий охраной Петр Петрович Пакалн. Для него Владимир Ильич тоже был дорог. Уже с 1922 года Петр Петрович всегда сопровождал Владимира Ильича во время прогулок, ни на шаг не отставая от него, исполнял все его желания. Во время последней болезни он особенно заботливо и внимательно относился к Владимиру Ильичу. Но и все другие — стряпавшая для Владимира Ильича латышка, прислуживавшая за столом работница с фабрики Мосшвей Е. Смирнова, товарищи шоферы, товарищи из охраны, монтер — тов. Хабаров — все жили мыслью, как бы сделать Владимиру Ильичу все получше. И он чувствовал, не мог не чувствовать этого. Он любил, когда я рассказывала ему что-либо об окружающих — о санитарях, о Смирновой, о Петре Петровиче. Мария Ильинична заботилась не только о Владимире Ильиче, но и о всех окружающих его.

Во вторник, 31-го июля, когда у Владимира Ильича было возбуждение, я была в Москве, на другое утро он рассказывал мне, что дело иметь с врачами бесполезно, так как все равно вылечить они не в состоянии — ходить не может, руки не действуют, речи нет.

К этому времени у меня явилась надежда на выздоровление. Я рассказала Владимиру Ильичу, как умела, почему я думаю, что он

выздоровеет. И говорили мы еще о том, что надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь все равно, как на тюремное заключение. Помню, Екатерина Ивановна, сестра милосердия, возмутилась этим моим сравнением: «Ну, что пустяки говорите, какая это тюрьма?» Я говорила о тюрьме вот почему. Помнила я, как сидел Владимир Ильич в 1895 году в тюрьме. Он развил там колоссальную энергию. Кроме того, что он в тюрьме работал — подбирал и обрабатывал материалы к своей книжке «Развитие капитализма в России», писал листки, написал нелегальную брошюру «О стачках», руководил из тюрьмы работой организации — он связался и с товарищами по тюрьме, завел с ними обширную переписку (письма писались молоком и лимоном в книжках между строк), бодростью и заботой о товарищах дышало каждое его письмо... «Затыкайте фортку тряпкой, чтобы не дуло...», надо позаботиться о том-то, тому-то нужна такая-то книжка и т. д. и т. п.

В 1914 году Владимира Ильича арестовали в Галиции по подозрению в том, что он русский шпион. Арестовали и посадили в местную тюрьму в местечке Новый Тарг. Очутился он вместе с сидевшими там раньше «преступниками». Большинство было темных забитых крестьян — кто не выполнил каких-то формальностей, у кого документы оказались не в порядке, кто каких-то налогов не внес. Сидели там и местные протестанты, имевшие мужество восставать против сильных и подведенные теми под тюрьму. И в их среду внес Владимир Ильич бодрость. Во время свиданий он передавал: надо найти защитника для такого-то, позаботиться о семье такого-то... Он писал им заявления, растолковывал, что надо делать. «Бычий хлоп» — прозвали его сидевшие в тюрьме крестьяне, т. е. крепкий, сильный.

Потому-то я и говорила Владимиру Ильичу, что болезнь надо рассматривать как тюрьму, когда человек поневоле на время выпадает из работы.

И Владимир Ильич переносил свою болезнь так же бодро, как раньше он переносил тюрьму. Был и тут таким же «бычьим хлопем». Раз, в припадке отчаяния, что не могу догадаться, что он хочет сказать, я малодушно заплакала. Владимир Ильич посмотрел на меня, вынул из кармана носовой платок и подал мне.

Как в тюрьме, Владимир Ильич все время заботился о других, смотрел, есть ли валенки у санитаров, когда кто из них приезжал, спрашивал, покормили ли их. Раз Мария Ильинична

была в Москве, приехал Николай Семенович, и я не позаботилась, чтобы его тотчас покормили. Владимир Ильич потребовал, чтобы его подвезли к буфету, вынул оттуда масло, сыр, хлеб, поставил Николаю Семеновичу и потом укорительно качал головой, что же, мол, не позаботились. Как заботливо угощал он В. Шумкина, старого партийного товарища, рабочего, приезжавшего к нам в Краков за литературой и живущего теперь в Горках.

Как заботился он о сапожнике, делавшем ему специальные сапоги и приезжавшем для примерки.

Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу. И к детям был внимателен и ласков Владимир Ильич. Когда осенью жил у нас племянник Владимира Ильича Витя, шестилетний мальчик, с товарищем Лешей Павловым, какими ласковыми глазами следил Ильич за ребятами, внимательно прислушивался к их детской болтовне, ласково смеялся, смотрел, как слушают они сказки, заботился, чтобы ничем их не стесняли.

Владимир Ильич не любил, когда его «развлекали», тяготился этим. Но, если видел, что что-либо доставляет удовольствие другим — охотно шел на это. Так было с грибами, с кинематографом, со стереоскопом.

Та форма болезни, которая была у Владимира Ильича, допускала восстановление речи. Быстрота и полнота этого восстановления зависят в очень сильной степени от того, насколько человек способен к упорному труду над собой, насколько систематически, неустанно может он работать. Не имевшим дело с такого рода больными трудно себе представить, какой колоссальный труд — завоевание способности речи, тут приходится бороться с рядом неслыханных трудностей, о которых здоровый обычно и понятия не имеет. У Владимира Ильича была та форма потери речи, при которой сохранено полное понимание чужой речи, понимание читаемого про себя, но утрачена способность говорить, читать вслух и писать.

Врачи, наблюдавшие Владимира Ильича, констатировали у него необычайную силу воли, инициативу, выдержку, систематичность в работе. Они считали, что налицо все данные за то, что у него восстановится речь, одновременно восстановилось бы и чтение вслух и письмо.

В среду, 1-го августа, я рассказала Владимиру Ильичу, как обстоит дело с речью, и предложила ему заниматься с ним. И вот мы занимались с ним изо дня в день, вплоть до 21-го января, до дня смерти. Пропустили лишь два раза — раз, когда ездил Владимир Ильич в Москву, другой, — когда после утра, проведенного на охоте, он очень устал и ему нездоровилось. (Примечание. 19 января 1924 года В.И. Ленин пробыл в лесу два с четвертью часа. — НАД.) Во время занятий Владимир Ильич очень увлекался и радовался каждому завоеванию. Еще за неделю до смерти, в воскресенье, он страшно был рад, что преодолел одну трудность в письме. Улучшение шло непрерывно. Восстановилась отраженная речь — говорил Ильич своим обычным голосом, с обычными интонациями, все лучше шло чтение вслух, были большие успехи в письме, создавался солидный фундамент для самостоятельной речи. Профессор Фельдберг считал, что к лету Владимир Ильич будет говорить.

Если Владимир Ильич чем-нибудь расстраивался, он начинал заниматься, и это успокаивало его.

Занятия давали ему уверенность в выздоровлении. Радовался он и возможности самостоятельно ходить, спускаться и подниматься по лестнице без чужой поддержки. Пугали только время от времени начавшиеся повторяться припадки дурноты. Хотя и были они мимолетны, но каждый раз охватывал ужас нового ухудшения.

Начав заниматься, Владимир Ильич скоро установил, что про себя он может читать. И тогда (это было 10-го августа) он настоял, чтобы ему давали газету. Газету он читал ежедневно, вплоть до дня смерти, сначала «Правду», а потом просматривал и «Известия». Мы очень боялись волнующего влияния газеты, но отнять у Ильича газету, лишить его этой связи с миром было немислимо. Установился такой порядок: после того, как Владимир Ильич сам просматривал газету, я прочитывала ему телеграммы, передовицу, статьи по его указанию. Сам он очень быстро ориентировался в газете, что прямо поражало докторов, и не позволял пропускать ничего существенного. Раз я пропустила про покушение на дочь тов. Раппопорта и была в этом уличена. Мы не торопились рассказывать о смерти Воровского, но незадолго до начала процесса Владимир Ильич разыскал в газете упоминание об убийстве и спросил, в чем дело. С громадным вниманием и напряжением выслушал он сообщение об убийстве и потом все время внимательно следил за процессом. В связи с чтением газеты Владимир Ильич постоянно спрашивал

меня то о том, то о другом товарище, посылал если я не знала сама — справиться по телефону. Спрашивал также о Потресове, об Аксельроде, о Станиславе Вольском, о Богданове. В связи с Аксельродом спросил о Мартове. Я сделала вид, что не поняла. На другой день он спустился вниз в библиотеку, в эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова и укорительно показал мне. Спрашивал о Горьком и волновался, прочтя известие об его болезни. Он внимательно следил за библиографией, указывая книги, которые надо достать ему, разыскал в объявлениях извещение о выходе в Петрограде «Звезды» с его статьей, раньше нигде не напечатанной. Просил достать вновь вышедшую книжку «о мясниковщине». Статьи он выбирал так, как выбирал бы здоровый. Просил читать ему вслух лишь то, что содержало фактический материал, просил, например, прочесть заметку о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке, статью Ларина о калькуляции Госиздата, сообщения о Германии, Англии, в особенности. Агитационные статьи перечитывать не просил. Очень я боялась партдискуссии. Но Владимир Ильич захотел ознакомиться лишь с основными документами и только, когда началась партконференция, просил читать отчет весь подряд. Когда в субботу Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы. Газета облегчала отгадывание вопросов Владимира Ильича. Отгадывать было возможно потому, что когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, об его теперешней политической позиции. Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать.

Кроме газеты, читали и книжки. Нам присылали все вновь выходящие книжки. Владимир Ильич просматривал приходящие пачки и отбирал те книги, которые его интересовали — о НОТе, о финансах, сочинения Воровского, Троцкого, литературу, связанную с партдискуссией, «Под знаменем марксизма», новую хрестоматию Красный Сказ, Хрестоматию Классовой Борьбы, Коваленского «Сегодня и завтра», Замысловской «За сто лет», атласы, справочники.

Он любил, чтобы вечером читать ему что-нибудь вслух: читали усиленно Демьяна Бедного, стихи из сборника революционных стихотворений Беранже. Читали несколько вечеров подряд «Мои университеты» Горького; сначала Владимир Ильич просил прочесть о Короленко, потом читали и другие статьи, помещенные в этой книжке. Отложил Владимир Ильич себе рассказ Джека Лондона, попробовали читать, но сразу наткнулись на подкрашенный такой махровой буржуазной моралью рассказ, что Владимир Ильич только засмеялся и рукой махнул.

Читал и сам. Как-то, смеясь, показал Н.С. Попову место из книжки Троцкого «Вопросы быта», где говорится о новых именах, которые дают детям (у Попова дочку зовут Икки: Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала), другой раз просил перечесть ему место из книжки Троцкого, где дается характеристика марксизма и ленинизма... Мне казалось, что ко многому он стал подходить как-то по-другому, точно он смотрит издали и подводит какие-то итоги, прочтет, перечтет еще раз и задумается. Тов. Хаймо из Коминтерна передал Владимиру Ильичу стеной календарь, изданный Коминтерном. Владимир Ильич подолгу рассматривал этот календарь. Смотрел также дружеские шаржи Дени и всякие иллюстрации, которые раздобывала ему Марья Ильинична.

Со свиданиями дело налаживалось плохо — раньше всего он случайно встретился с Евгением Алексеевичем Преображенским, очень обрадовался, но на вопрос, доволен ли он, покачал головой. Виделся с Евгением Алексеевичем еще раз, потом два раза с Иваном Ивановичем Скворцовым, с Пятницким, с Воронским, с Шумкиным, Панковым (крестьянином, ставящим в Горках хозяйство), с богородскими рабочими, с Крестинским. Каждое свидание волновало Владимира Ильича. Это было видно по тому, как он двигал после свидания стул, как судорожно придвигал к себе доску и брался за мел. На вопрос, не хочет ли он повидать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас, или еще кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело. Но он очень охотно слушал рассказы о них. После каждой поездки в город надо было рассказать, что делала и кого видела. Каждый раз — я ездила в Москву редко, обычно раз в неделю после обеда — Владимир Ильич давал поручения. В начале октября Владимир Ильич раз собрался со мной ехать в город. Тогда врачи боялись, как бы он не захотел

там остаться, и потому мы всячески отговаривали его от поездки, но в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву. Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу — ездил мимо сельскохозяйственной выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой... На другой день стал торопить ехать обратно в Горки.

Больше разговора о Москве не было.

В автомобиле в сентябре и октябре ездили много. Владимир Ильич любил лес, простор и охотно ездил на прогулки, указывая, куда надо ехать. Местность он хорошо знал. Зимой в солнечные дни тоже ездили в лес — товарищи брали с собой ружья, раза два брали с собою собак. Видели несколько раз лису, зайчишку. Владимир Ильич любил эти поездки, но нас с Марьей Ильиничной не брал с собой. Еще в субботу ездил он в лес, но, видимо, устал и, когда после обеда мы сидели с ним на балконе, он утомленно закрывал глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресле. Последние месяцы он не спал совершенно днем и даже старался сидеть не на кресле, а на стуле. Вообще, начиная так с четверга, стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у Владимира Ильича ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а, главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно. В субботу 19-го вечером он стал объяснять Николаю Семеновичу, что видит плохо. Николай Семенович посмотрел его глаза, сказал ему, что у него конъюнктивит, надо промыть глаза борной, очистить желудок и завести темные очки. В воскресенье пригласили профессора Авербаха. Владимир Ильич встретил его очень ласково, охотно отвечал на все вопросы, немного успокоился.

В понедельник пришел конец. Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в 11 попил черного кофе и опять заснул. Время у меня спуталось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше kloкотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд, Владимир Александрович и Петр Петрович держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробежала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку,

потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. (Примечание. Вероятно, этот факт способствовал развитию слухов об отравлении. – НАД.) Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфору, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было. Н. Крупская».

Таков рассказ Крупской о последних днях, быть может, самого известного человека. А вот как этот период (после 10 марта 1923 года) кратко изложен в 45-м томе собрания сочинений В.И. Ленина.

Политические сказки

Официальная версия, выдававшая во многом желаемое за действительное, гласит: «14 марта в «Известиях» публикуется правительственное сообщение о том, что в состоянии здоровья Ленина наступило значительное ухудшение и что правительство признает необходимым публикацию медицинских бюллетеней о ходе болезни Ленина... 14 мая Ленина перевозят в Горки. ...Вторая половина июля. В состоянии здоровья Ленина наступает улучшение; он начинает ходить, упражняется в письме левой рукой. ...С 10 августа 1923 по 20 января 1924 года Ленин ежедневно просматривает «Правду», а позднее — «Известия» и другие газеты и журналы, отмечает материалы, которые затем читает ему Н.К. Крупская. ...8 октября Ленин поручает периодически составлять и присылать ему списки новых книг. ...18 октября Ленин приезжает из Горок в Москву. ...19 октября Ленин проезжает в автомобиле по Кремлю, по улицам Москвы, по территории Сельскохозяйственной выставки, возвращается в Кремль, отбирает себе книги из библиотеки, затем уезжает обратно в Горки. ...Между 14 ноября и 9 декабря Ленина посещают Н.И. Бухарин, Е.А. Преображенский, М.Г. Бронский. ...29 ноября Ленин смотрит документальный кинофильм «6-я годовщина Октябрьской революции», встречается с И.И. Скворцовым-Степановым и О.А. Пятницким, проявляет большой интерес к их рассказам о ходе перевыборов в Московский Совет, о положении в Германии и др. ...16 декабря Ленина посещают редактор журнала «красная Новь» А.К. Воронский и Н.К. Крестинский. ...1924 год, 7 января, Ленин присутствует на елке, устроенной для детей рабочих и служащих совхоза и санатория «Горки». ...17-18 января Н.К. Крупская читает Ленину отчет о

ходе XIII конференции РКП(б), опубликованный в «Правде». ...19 января Ленин выезжает на сани в лес, наблюдает за охотой. ...19-20 января Н.К. Крупская читает Ленину резолюции XIII конференции РКП(б), опубликованные в «Правде».

...21 января. Неожиданное резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина. 18 часов 50 минут Ленин скончался».

Таким образом, обнадеживающие факты 23-го и 24-го годов — не более, чем политические сказки о медленном, но верном возвращении к полноценной жизни находящегося почти в бессознательном состоянии человека, ибо, как свидетельствуют документы о причинах смерти, его голова все чаще пребывала в пытках от умопомрачительных болей, которые порождала застарелая, а с 23-го года чуть ли не беспросветная непроходимость ряда основных сосудов, снабжающих мозг кровью. Победа в сражении с такой болезнью, носящей медицинское название «атеросклероз», еще и сегодня далеко не всегда на стороне человека.

Стало быть, изложенное выяснение отношений только ускорило эту неизбежную «смерть века», после которой в архивах истории появилось следующее заключение: «Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания. Вследствие сужений просвета артерий мозга и нарушения его питания от недостаточности потока крови наступали очаговые размягчения ткани мозга, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной смерти явилось 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозге и 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия. Горки, 22 января 1924 г. ...» И наконец: «Никаких указаний на специфический характер процесса (сифилис и др.) ни в сосудистой системе, ни в других органах не обнаружено. 16.02.24».

P.S. О том, как переживали эту смерть в Москве, говорят стихи Веры Инбер:

*И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно печален
Луны почетный караул.*

Как встретили ленинскую кончину в Европе – передал, сопровождая свое видение выводами и пророчествами, Иван Бунин: «...все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель Ленин человечества или нет? <...> А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!» <...> И если все это соединить в одно... и то, что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу...»

Глава 3

ОТЧАЯНИЕ ДЗЕРЖИНСКОГО

20 июля 1926 года от разрыва сердца умер Ф.Э. Дзержинский. Лишь самые избранные знали истинную причину этой смерти. Однако архивы сохранили их тайну. Она переворачивает господствующие ныне представления об этом человеке.

Когда это было

Изматывающая Первая мировая война (1914-1918) и разрушительная война гражданская (1918-1920) вместе с её неизбежным «военным коммунизмом» довели Россию до экономической катастрофы. Выход был один – НЭП (1921-1936), т. е. такая новая экономическая политика, которая «всерьёз и надолго» предполагала сосуществование и развитие всех форм собственности и предпринимательства.

Первой задачей НЭПа стало послевоенное восстановление хозяйства. Второй должно было стать его срочное переустройство на основе лучших достижений науки и техники. Ответственность за это во многом была возложена на Дзержинского!

Биографическая справка

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877-1926) – участник польского и российского революционного движения. Более 10 лет – в тюрьмах, на каторге и в ссылке. С 1917 г. председатель ВЧК (с 1922 – ОГПУ), нарком внутренних дел (1919-1923), одновременно с 1921 г. нарком путей сообщения, с 1924 г. – председатель Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). С 1921 г. – председатель комиссии по улучшению жизни детей. Членом Политбюро ЦК не был...

Первое откровение Дзержинского

Вот ответственность(!) – ответственность за порядок в стране, ответственность за экономику государства, ответственность за сохранение нации, в том числе и за счёт возвращения к полноценной жизни неисчислимой преступной массы беспризорников. На

всех направлениях Дзержинский одержал победу. Кроме одного. Оно и свело его в могилу.

Этим направлением оказалась политика. Неслучайно за 18 дней до своей трагической кончины 2 июля 1926 года он страстно напишет Председателю Совнаркома А. Рыкову: «Политики этого правительства я не разделяю». Именно «политика этого правительства» убила Дзержинского. Началось это давно, но впервые основательно дало себя знать 16 марта 1923 года, когда в адрес руководителя Рабоче-Крестьянской Инспекции В. Куйбышева было направлено следующее откровение: «... чтобы наша система государственного капитализма, т.е. само... Государство не обанкротилось, необходимо разрешить проблему госаппаратов, проблему завоевания этой среды, преодоления её психологии и вражды. Это значит, что проблема эта может быть разрешена только в борьбе.

Каково настоящее положение. Надо прямо признаться, что в этой борьбе до сих пор — мы биты. Активна и победоносна другая сторона. Неудержимое раздутие штатов, возникновение всё новых и новых аппаратов, чудовищная бюрократизация всякого дела — горы бумаг и сотни тысяч писак; захваты больших зданий и помещений; автомобильная эпидемия; миллионы излишеств. Это легальное кормление и пожирание госимущества — этой саранчой. В придачу к этому неслыханное, бесстыдное взяточничество, хищения, нерадения, вопиющая бесхозяйственность, характеризующая наш, так называемый, «хозрасчёт», преступления, перекачивающие госимущество в частные карманы.

...всё более истощается основной доставшийся нам капитал, и всё большее бремя ложится на крестьянство...»

Под этими словами Дзержинского и сегодня подпишутся все законопослушные граждане и прежде всего предприниматели, бесконечно уставшие от бумажной волокиты и безделья, от беспредельного произвола и поборов постсоветского чиновничества. Не знаю, кто начал изображать Дзержинского кровожадным убийцей, не разбирающим правых и виноватых?! Между тем в сверхсекретных и до сих пор закрытых архивах я обнаружил такие предложения первого председателя ЧК, которые протестовали против негласно утверждённой, безоглядной практики репрессий. В том же письме Куйбышеву, например, предлагается в корне изменить существующий порядок арестов: «Руководство в этой борьбе... должно всецело принадлежать руководителю данного ведомства (органа). Без его согласия аресты и привлечения к

следствию его сотрудников по делам, связанным с этой борьбой, не допускаются.

<...> Аресты и предание суду должны производиться лишь в том случае, если предreshено, что данное лицо вредно для производства, что оно должно быть изъято навсегда и нет нужды его пробовать исправить и покорить делу путём прощения.

<...> В систему мер воздействия и покорения себе (государству, — НАД.) — чиновничества — необходимо ввести беспощадное уничтожение преступлений и бесхозяйственности по намеченной системе и плану (определённые кампании — с широким оповещением и предупреждением) путём изъятия и наказаний (вплоть до террора). Эти изъятия необходимы и для воздействия на трудолюбие и производительность труда остающихся и для сокращения массы чиновничества — голое сокращение в одном месте даёт увеличение в другом. Изъятим чиновничеством следует колонизовать Север и безлюдные безинтеллигентские местности (Печора, Архангельск, Туруханка).

<...> Оказание всемерной помощи и поддержки честным хозяйственникам, тем, которые сознают свои ошибки, которые, руководя, учатся делу и изучают его, и сознают, что делают промахи, и что должны учиться.

<...> Поднятие — при максимальном сжатии аппаратов — жалования до реального прожиточного уровня. Борьба с системой подкупа спецов — путём безумно высоких ставок. Эта система не примирила с нами спецов, а породила чувство безответственности и безнаказанности, и презрения к нам...»

Когда читаешь всё это, невольно начинаешь думать, что Путин успел ознакомиться с предложениями Дзержинского прежде, чем они попали в мои руки. Уж очень схожи подходы президента теперешней России с теми, что предлагал Феликс Эдмундович. Неслучайно, наверное, Путин никогда не говорил о нём плохо. Видимо, знал, что говорит... Только непорядочные и неосведомлённые люди, знающие о том, что было, лишь по слухам, после приведённых выше слов решатся выставлять личность этого легендарного человека в качестве «жестокоего железного пугала».

Впрочем, если у кого-то закрадываются сомнения насчёт человечности Дзержинского, рассекречу здесь ещё один неизвестный, быть может, даже и самому Путину документ от 24.12.26 г., а именно письменное свидетельство сестры Дзержинского Ядвиги Эдмундовны: «Он очень любил Христа... Заветы Христа глубоко были

вкоренены в его сердце... В 1893 г. Феликс хотел из гимназии перейти в Духовную Семинарию, чтобы в будущем остаться ксендзом, но преподаватель Закона Божьего в гимназии, ксендз Ясинский, отговорил его от этой мысли, так как Феликс был слишком весел и кокетлив, ухаживал за гимназистками, а те влюблялись в него по уши...

<...> В 1894 г. Феликс увлёкся чтением книг разных философов, <...> которые своим материализмом отвлекли его от религии, но уважению личности Христа Феликс остался верен надолго, а может быть, до смерти — не знаю».

При прежней власти такие признания сестры о брате «железном Феликсе», конечно, не были известны широким массам. Хотя, казалось бы, что тут странного, что многие совершенно неверующие люди, в том числе и Дзержинский, могли и могут искренне симпатизировать самоотверженному главному герою Нового Завета, разделяя многие его поступки и заповеди?! Разве не могли на всю жизнь запасть в душу будущему борцу за всеобщую справедливость такие строки из Евангелия от Луки: «И спросил Иисуса некто из *начальствующих* (выделено мной, — НАД.): ...что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: ...знаешь заповеди: не прелюбодействуй; не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать твою. Он же сказал: всё это сохранил я от юности моей. Услышав это, Иисус сказал ему: ещё одного не достаёт тебе: всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах... Он же, услышав это, опечалился, потому что был очень богат. Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие... И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними».

Теперь, зная свидетельство сестры и письма Куйбышеву, другим представителям «верхов», можно сказать, что действительно до самой смерти Дзержинский мог сохранить верность заветам Христа по отношению к начальствующим и простым смертным.

Второе откровение Дзержинского

В прежние годы мы привыкли слышать, что Дзержинский — «рыцарь без страха и упрека»; никогда, нигде, ни в чём несдающая

яся нестигаемая личность... Так оно и было, но... до поры до времени, до того времени, как этот действительно кристально чистый, честный и справедливый человек впал в полное отчаяние, столкнувшись с системой, которую представляла власть бюрократов и политических выскочек в лице Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Рыкова и им подобных. Здесь надо заметить, что Сталин, «сделавшись генсеком», при всём своём умении «сосредоточивать в одних руках необъятную власть» тогда ещё (к 1926 г.) всей полнотой власти не обладал. Главная, исполнительная власть находилась в те годы (особенно с 1923 по 1930 гг.) у группы Рыкова, наследовавшего после смерти Ленина (в 1924 г.) пост Председателя Совнаркома и СТО (Совет Труда и Оборона). Так продолжалось до конца 1930 года, когда оформилась почти неограниченная власть Сталина, а именно вместо Рыкова Председателем Совнаркома был назначен ближайший соратник нового вождя — В.М. Молотов. С этого времени не только партийная, но и государственная власть, можно сказать, перешла в одни руки, возможность чего ещё 3 июля 1926 года (т. е. за 17 дней до своей внезапной смерти) в одном из последних писем предостерегающе предсказывал в каком-то демократическом порыве Дзержинский: «Если не найдём правильной линии в управлении страной и хозяйством — оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдёт своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне — бывшие красные — Муссолини, Пилсудский...»

Вопрос поиска «правильной линии в управлении страной и хозяйством» в годы НЭПа особенно невыносимо стал мучить Дзержинского, начиная с конца 1925 года и ...вплоть до самой смерти 20 июля 1926 г. Именно в эти исключительно тяжёлые для него месяцы и дни были написаны наиболее откровенные и отчаянные письма, многие из которых так и не дошли до своих адресатов.

Среди этих писем буквально кричит неотправленное письмо Сталину. При том, что отношения между ними выглядели так, как будто товарищами они не были, но и врагами назвать их нельзя. Впрочем, на последнем (смертельном для Дзержинского) пленуме ЦК и ЦКК Сталин, когда начались нападки на Феликса, встал на его защиту, а когда тот скоропостижно скончался, дал весьма необычную оценку его жизни, сказав, что, если бы потребовалось охарактеризовать её одним словом, то этим словом было бы слово «горение»...

Как бы не складывались их отношения, но 3 декабря 1925 г. Дзержинский решает написать Сталину следующее письмо отчаяния: «В связи с положением, создавшимся для промышленности и ВСНХ, я должен просить ЦК об отставке, так как при создавшемся положении руководить успешно промышленностью не в состоянии. У нас нет ни правильного плана, ни единого плана для всего советского хозяйства, ни единого оперативного руководства в хозяйственной области, ни единой увязки разных отраслей. На этой почве мы идем быстрыми шагами к кризисам частичным, которые, всё дальше разрастаясь, будут всё шириться и смогут превратиться в серьёзнейший кризис, если партией не будут в самом срочном порядке приняты необходимые меры. Я лично, не будучи политиком и не умея своевременно поставить вопросы так, чтобы они были своевременно рассмотрены и разрешены партией, ...становлюсь в должности предс. Президиума ВСНХ помехой для быстрого и своевременного разрешения вопросов, а потому мне не остаётся ничего, как просить отставки, и я уверен, что если бы жив был бы Владимир Ильич, он мою просьбу удовлетворил бы».

Это своё неумение ФЭД с горькой усмешкой объяснял тем, что вопросы он «ставил не раз, и не раз, а почти всегда они сдавались для проработки, согласования и т. д., и в результате вопросы и до сих пор прорабатываются...»

Письмо Сталину Дзержинский так и не отправил, после трёх дней мучительных раздумий обречённо написав на машинописной копии карандашом: «Не послал. б. XII. Ф.Д.» Явно его мучило то, что, получив такое письмо, Сталин вызовет и скажет: «Что, Железный Феликс, сломался? Тебе трудно. И мне трудно. Всем трудно. А товарищу Ленину не было трудно? Однако он до последнего сражался... Какой же ты Железный Феликс, если в самый тяжёлый момент уходишь с поля боя, прося отставки?!» (Примечание. В очерке «В.И. Ленин» Горький приводит следующие ленинские слова: «Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне не бывает тоже трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского, — на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!»)

Письмо Сталину не было отправлено, вероятно, ещё и потому, что Дзержинский снял нараставшее напряжение, что называется, выговорившись на бумаге. Тогда этого хватило. Правда, разрядка оказалась недолгой. Паразитирование чиновников и разного рода

посредников на теле экономики настолько выводило его из себя, что 11 февраля 1926 г., выступая в Ленинграде с разоблачительной речью в защиту политики снижения розничных цен, он с негодованием произнёс: «Что значит снижение розничных цен? Снижение розничных цен — это значит сокращение того тунеядского, того дармоедского аппарата, который присосался к нашей кооперации и к нашей торговле. Они наживают на нашей торговле миллионы, и поэтому товары, которые мы делаем, не попадают к крестьянину, а попадают именно к этим посредникам-дармоедам...»

К сожалению, высшая исполнительная власть в образе Председателя Правительства А. Рыкова и «тех, — как писал Дзержинский Сталину, — кто ВСНХ регулирует и исправляет, кто над ним комиссарствует» (в лице Шейнмана, Цюрупы, Сокольников, Каменева, и им подобных), не разделяла таких подходов руководителя Высшего Совета Народного Хозяйства; и если в открытую не ставила палки в его колёса, то подходы эти просто не замечала.

Дзержинский не сдавался, пытался стучаться во все двери, но часто не находил понимания даже у своих «комчванствующих» заместителей (вроде тов. Пятакова), к которым решил обратиться 1 июня 1926 г. со следующим письменным признанием: «...Я вынес твёрдое убеждение о банкротстве нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии... Эту систему надо отбросить, она обречена». Слова «о банкротстве» он зачеркнёт и вместо них напишет явно сдерживающую его раздражение фразу «о непригодности в настоящее время нашей системы». Что же касается фразы «она обречена», то от неё в печатном тексте не останется даже следа. И только то, что написано рукой Дзержинского в порыве откровения, полностью сохранит его действительное признание...

Пройдёт месяц, и 2 июля 1926 г. в послании Председателю Совнаркома и Совета Труда и Оборона А.И. Рыкову Дзержинский, словно чувствуя, что наступают его последние дни на земле, сделает обнажающее весь смысл действующей власти и в то же время не оставляющее ему никаких надежд заявление: «Я вынужден обратиться к Вам... при создавшихся условиях диктатуры т. Шейнмана (Председатель Госбанка, — НАД.) и непринятия реальных мер со стороны правительства для обеспечения кредитования промышленности и снижения розничных цен, а также полной изоляции ВСНХ в его усилиях справиться со всё увеличивающимися трудностями... я снимаю всякую ответственность за состояние на-

шей промышленности и ВСНХ и ввиду этого прошу Вас возбудить вопрос в ЦК о моей отставке. <...> При нынешней экономической политике *на практике* я не могу перед органами госпромышленности выступать и руководить ими как представитель правительства, ибо политики этого правительства я не разделяю.

<...> Кончаю повторным заявлением, что ответственность за ВСНХ с себя снимаю. Ф. Д.»

Последнее откровение Дзержинского

На другой день после заявления, которое, казалось, не оставляло ему никаких надежд, Дзержинским овладевает такое отчаяние, что он вдруг пишет поистине трагическое «обращение без адреса». Пишет так, как пишут самоубийцы перед смертью, пытаясь хотя бы фактом своей насильственной кончины доказать кому-то свою правоту...

Вот крик его души: «Устал жить и бороться» — это слова записки одного из лучших хозяйственников т. Данилова (директор Выксы), покончившего с собой самоубийством... Эти слова т. Данилова и его настроение характеризуют настроение в настоящее время огромного количества лучших хозяйственников... Такого настроения нельзя оставить без внимания — не найти его источников, не найти средств излечить этого убийственного недуга.

Каковы же эти источники?

Это положение наших хозяйственников и бесплодность 9/10 их усилий. <...> 9/10 сил и энергии уходит... не на создание новых ценностей, не на само производство, не на изучение его, подбор работников и организацию дела, а на согласование, отчетность, оправдание, испрашивание. Бюрократизм и волокита заели нас, хозяйственников. На работу нет времени. Мы устали жить и бороться.

Система управления нашим хозяйством от верху до низу должна быть в корне изменена. Эта система ныне является пережитком, вреднейшей преградой дела. <...> Она основана на полной безответственности; она основана на принципе постоянной проверки всех деталей работы и неслыханно разветвлённых параллелизмов работ.

<...> Эта отчётность вьелась так в систему у всех органов, что поголовно все органы живут тем, что требуют от других всякой отчётности, справок, сведений, докладов... Получился в результа-

те настоящий паралич при полном ходе всех машин — всех звеньев государственного управления и хозяйствования.

<...>Отсюда — тысячи тысяч комиссий. При нашей системе они неизбежны, какими бы ругательствами мы ни раздражались.

Отсюда — у нас хорошие работники сходят с ума и занимаются «писаниями» — для творческой работы создания ценностей нет у них времени. Отсюда мы кормим сотни и сотни тысяч людей излишне, отсюда — неслыханные потери в народном хозяйстве. Отсюда — аппараты объедают рабочих и крестьян, тех, кто своим трудом создает реальные ценности; отсюда — между нами — руководителями государства и хозяйства — и между рабочим и крестьянином — стена миллионного аппарата.

Вместе с тем и темп нашего развития приостановлен. Мы решаем вопросы и даём указания с неслыханным опозданием. Так дальше не может продолжаться не только потому, что лучший людской материал износился — «устал жить и бороться», но и потому, что иначе мы не можем справиться с той задачей, которую история поставила перед нами... 3.VII.26 г. Ф. Дзержинский».

Я представляю: какую непримиримую бурю чиновничьей злобы могло вызвать это, похожее на завещание, письмо... ни к кому, и в то же время обращённое ко всем, в том числе и к нашим, переживающим нечто подобное, дням!

Дзержинского и до этого травили по-чёрному. Неслучайно он вынужден был написать Сталину: «...по состоянию своего здоровья (нервы) я не в состоянии сейчас руководить... Я опасюсь, что... мне придётся уйти для лечения». Уйти лечиться он не успел. Его успели затравить. Его сердце довели до предела. И оно не выдержало...

Отчаяние и от положения в стране, и от того, что происходит с ним лично, Дзержинский в тот же день, 3 июля 1926 г., буквально выплеснул в письме Куйбышеву: «Существующая система — пережиток. У нас сейчас уже есть люди, на которых можно возложить ответственность. Они сейчас утопают в согласованиях, отчётах, бумагах, комиссиях. Капиталисты, каждый из них имел свои средства, и был ответственен. У нас сейчас за всё отвечает СТО и П/бюро... У нас не работа, а сплошная мука. <...> Сейчас мы в болоте. Недовольства и ожидания кругом, всюду. <...> Я лично и мои друзья по работе тоже «устали» от этого положения невыразимо. Полное бессилие. <...> Так нельзя. Всё пишем, пишем, пишем. Нельзя так. А вместе с тем величайшие перед нами проблемы, для

них нет у нас времени и сил. Муссолини вводит 9-часовой рабочий день и говорит: я знаю моих итальянцев, если призову, будут работать 10 часов. А у нас — мы знаем наших рабочих — при 8-часовом рабочем дне будут работать 5-6. Прогуливать будут до 30%. <...> Не находим общего языка.

<...> У нас сейчас нет единой линии и твёрдой власти. Каждый комиссариат, каждый зам и пом, и член в наркоматах — своя линия. Нет быстроты, своевременности и правильности решений.

Я всем нутром протестую против того, что есть. Я со всеми воюю. Бесплодно. <...> Я знаю, что мои выступления могут укрепить тех, кто наверняка поведут... страну к гибели... Как же мне, однако, быть?

<...> Я столько раз подавал в отставку. Вы должны скорее решить. Я не могу быть председателем ВСНХ — при таких моих мыслях и муках. Ведь они излучаются и заражают...»

Долго так продолжаться не могло. Развязка клубка противоречий, пропитанного духом отчаяния, наступила неожиданно скоро. 20 июля 1926 г. на пленуме ЦК и ЦКК его опять начали травить. Его пытался защитить Сталин. Дзержинский отбивался, как мог. Это была его последняя, предсмертная речь. Он опять пытался докричаться до совести «верхов». Страшно взволнованный, он говорил страстно и самоотверженно: «...если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас. Я не раз приходил к Председателю СТО и Совнаркома и говорил: дайте мне отставку... нельзя так работать!

<...> А вы знаете отлично, моя сила заключается в чём. Я не щажу себя... никогда. <...> Я никогда не кривлю своей душой. Если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них. Мне одному справиться трудно, поэтому и прошу у вас помощи...»

Однако и эта последняя его просьба повисла в воздухе. В зале заседаний политическая стихия дискуссий захватила всех. Было не до Дзержинского...

И только через несколько часов председательствующий А. Рыков сообщит: «Сегодня после утреннего заседания партию постиг исключительной силы удар. С т. Дзержинским после его речи сделался припадок сердца. На протяжении 2,5 часов он лежал в соседней комнате, к нему были вызваны врачи. После того, как

ему стало немного легче, он пошёл к себе на квартиру. Там уже в его комнате с ним случился новый сердечный приступ, и т. Дзержинский помер. Врачи определили его смерть, как результат паралича сердца. Относительно первого приступа, который с ним произошёл в соседней комнате, врачи устанавливают, что это был типичный, как они мне сказали, приступ грудной жабы. После второго приступа, через несколько минут прибыли врачи, но оказались бессильными перед совершившимся фактом».

Вечернее заседание было отложено.

Дзержинскому было 49 лет. Почти 49...

Уроки 20-х годов или то, чего не хватает сегодня

1) Дзержинский не допустил бы произволов Ягоды, «вязания ежовых рукавиц» Ежовым и «терновых венцов Берии». Это официально признано высшим политическим руководством СССР.

2) Как руководитель Высшего Совета Народного Хозяйства Дзержинский был против искусственной ликвидации многоукладности экономики. Только естественная конкуренция могла быть причиной отмирания тех форм собственности и предпринимательства, которые изжили себя экономически. Дзержинский горой стоял за «общественный строй цивилизованных кооператоров», действующих в интересах расцвета государства.

3) Законопослушные предприниматели наших дней заинтересованы в защите от произвола чиновничества и сбора дани разного рода «преступными крышами», что сумел предотвратить Дзержинский во времена НЭПа.

4) Малолетняя беспризорность, разлагающая общество преступность, распространение явления лиц без определённого места жительства (бомжей), вымирание населения страны благодаря организаторскому таланту Дзержинского были остановлены и в конце концов сведены до безопасного уровня.

После всего этого только у непорядочного человека поднимется рука бросить в Дзержинского камень.

Глава 4

ВРЕМЯ ДИКТАТУР

*Тайная Гражданская война
или
с чего начиналась кровь 37-го года*

Время после 1-й мировой войны (1914-1918) – время угнетающей разрухи и пугающего развала привычных жизненных устоев во всех частях Старого и Нового света. Чтобы со всем этим справиться – большинству наилучшим спасением казалось сосредоточение власти в одних руках. «Сильные руки» были востребованы, как никогда. Поэтому это время – время диктатур по всему миру! Стремясь осмыслить происходившее, я не мог не исследовать порядки тогдашних стран. В итоге сама собою составила следующая весьма показательная, но, конечно, далеко неполная «таблица диктатур».

Италия 1922-1943 – Муссолини
Польша 1918-1939 (Пилсудский – 1918-1922 и 1926-1935)
Венгрия 1920-1944 – Хорти
Болгария 1923-1944 – монархо-фаш. режим
Турция 1923-1960 (Ататюрк – 1923-1938)
Португалия 1926-1974 военная диктатура (Салазар 1932-1968)
Китай 1927-1949-1976 Чан-Кайши, Мао-Цзэдун 1949-1976
Германия 1933-1945 – Гитлер
Испания 1923-1977 – воен.-монарх. дикт. (Франко 1936-1975)
Австрия 1934-1945 – профаш. режим
Греция 1935-1974 – воен.-монарх. фаш. дикт.
Франция 1934 попытка фаш. переворота (Петен – профаш. режим Виши 1940-1944)
Япония 1937-1945 (Коноэ 1937-1939 и 1940-1941)
Румыния – королев. воен.-фаш. дикт. (Антонеску 1938-1944)

Все эти устремления к авторитарным и фашистским режимам означали, что беспощадное колесо репрессий покатило по всему миру. Но особенно значительными репрессии оказались там, где

были самые значительные преобразования: в Италии, Польше, Испании, Японии, Германии и России. Причем, — и это новость номер один, — потери населения от бегства и репрессий оказались в этих странах сопоставимы настолько, что прежние документально не подтверждённые заявления, дескать, Россия пострадала от диктатуры больше других, надо отбросить, как не соответствующие действительности. Вместе с тем, чтобы быть точным, следует признать, что Россия в процентном отношении находится среди стран, наиболее попавших под каток репрессий.

Это обязательно необходимо отметить перед тем, как начать исследование причин, быть может, самого страшного для России 1937 года. Ибо всё познаётся в сравнении!

Как сейчас пришло «время демократий», так тогда было «время диктатур».

Тайная гражданская война

Лишившись всего после Октября 1917 г., элита России пыталась вернуть себе прежнее положение и экспроприированные у неё богатства всеми возможными средствами. Так началась Гражданская война (1918-1920). Война эта имела открытый характер, т. е. противоборствующие стороны, экспроприаторы и экспроприруемые, открыто (армия на армию) противостояли друг другу. Белые и Красные сошлись в непримиримом сражении. Но неравными были силы. Белые потерпели тяжелейшее поражение. Однако — не сдались!

И, сумев извлечь уроки, стали искать способы взять реванш, продолжив сражение за возвращение к прежней жизни уже на «невидимом фронте», который в конце концов превратился во 2-ю, в Тайную гражданскую войну. Одним из первых «невидимых фронтов», представлявших, можно сказать, передний край несдавшейся Белой гвардии, явилось Лечебно-Санитарное управление Кремля. Именно тут можно было, что называется, одним махом ликвидировать всю Красную верхушку, самых активных деятелей Соввласти — и тем самым обезглавить Красное движение. Поэтому именно сюда стали стекаться готовые на это силы, мало-помалу организуя единый тайный «медицинский фронт», способный, как говорилось, «разгромить наголову Красного сатану». Здесь собирались люди, которые никак не могли смириться с тем, что произошло в 1917 году.

Даже сегодня в Кремлёвской больнице стараются подбирать кадры так, чтобы тут работали надёжные люди, которые бы, случайно услышав из разговоров высокопоставленных пациентов секретную информацию, не передали её иностранным подданным. А тогда, в 20-е, 30-е и 40-е, когда агрессивный реваншизм, особенно в облике фашизма, начинал своё стремительное восхождение к мировому господству, демонстрируя звериную ненависть к славянам и евреям, такая осторожность в подборе медицинских кадров для лечения главных советских деятелей особенно была обоснованной и крайне необходимой. Тем более, что далеко не все «бывшие» были настроены, как генерал Деникин. Он, активнейший антибольшевик, тем не менее категорически выступал против победы фашиствующих немцев даже над большевистской Россией. Многие же (из Белой гвардии) в противовес ему (ведомые генералом-предателем Власовым) готовы были встречать Гитлера в Москве с хлебом и солью. Только бы сокрушила Германия в России ненавистный советский строй... К великому сожалению, большая часть проигравшей Белой гвардии не желала даже думать, что вслед за Красными (согласно своим тайным планам) Гитлер станет уничтожать и всех подряд Белых... только потому, что они тоже славяне и евреи!

Вместе с тем следует понять (понять — не значит оправдать!) и этих наших соотечественников после того, как они, чаще всего не будучи агрессивными царскими сатрапами, тем не менее одним махом были лишены всего того, что наживали всю жизнь до 1917 года. Неслучайно теперь говорят: «Нельзя осуждать ни Красных, ни Белых — потому что неестественно осуждать воробьёв за то, что они — воробьи, а соловьёв за то, что они — соловьи, ибо таковы они — от природы и другими их не сделаешь, хотя и те, и другие — птицы... Единственный для них выход — не мешать друг другу жить и не устраивать своё благополучие за счёт остальных!»

Что ж, в какой-то мере, есть в этих словах присущая нашему времени правда, которая во многом даёт возможность понять причины контрдействий тех долго «неуловимых медицинских мстителей», что сумели к 1935 году основательно внедриться в самые главные лечебные палаты Кремля, дабы «единым фронтом» от вахтёра и швейцара, полотёра и посудомойки до повара и официанта, лаборанта и провизора, медсестры и врача медленно, но верно отправлять на тот свет «красных безбожников»...

Однако, как это чаще всего бывает, на любой яд находится противоядие. Так и в этой Тайной гражданской войне новая власть, ведомая инстинктом самосохранения, предприняла чекистские контрмеры и раскрыла «медицинский заговор Белых». Тогда Красные ещё твердо следовали правилу: только та власть чего-нибудь стоит, которая умеет себя защищать!

Вот как свидетельствуют об этом кремлёвские архивы.

Цианистый калий для диктаторов пролетариата

27 марта 1935 г. на стол председателя Комиссии Партийного Контроля Н.И. Ежова легло «Спецсообщение об отрицательных явлениях в работе Лечсанупра Кремля и засорённости его аппарата». На «Спецсообщении» стоял настораживающий гриф «Сов. секретно». Подписавший его начальник ОПЕРОДА ГУГБ НКВД Паукер докладывал:

«За последнее время в работе Лечсанупра Кремля, в особенности по лаборатории, аптеке, диетстоловой и больнице, отмечаются значительные отрицательные явления и факты, могущие, с одной стороны, привести к тяжёлым последствиям, с другой же стороны — показывающие, что постановка дела охраны здоровья партийного и советского актива находится не на должной высоте.

Этот вывод вытекает из следующих данных:

Лаборатория, по мнению ряда врачей, даёт искажённые или явно несоответствующие картине болезни анализы. Допускаются «ошибки» при определении свёртываемости крови.

По аптеке имели место факты неправильного отпуска лекарств (вместо кодеина был отпущен кофеин и друг.), наклеивались неправильно этикетки (на бутылке с нашатырным спиртом сделали этикетку «нашатырно-анисовые капли» и др.), для изготовления лекарств вместо назначенного отпускалось другое (вместо вазелина — валидол, вместо сандина — салол и т.п.).

Яды хранятся небрежно, шкаф легко открывается любым острым предметом.

Преступное отношение администрации к хранению ядов характеризуется следующим фактом: в никелировочной мастерской, в шкафу, ключ от которого был доступен всем работникам мастерской, хранился цианистый калий без всякого учёта (имея в приходе за 1934 год 52 клг., расход указан — 64 клг.).

По диетстоловой имеются многочисленные факты, когда пища для лиц из особой группы отправлялась без врачебного контроля и опробования, пища изготовлялась иногда на общей кухне, санитарное состояние мест изготовления пищи и хранения не всегда в должном порядке. К изготовлению пищи 5-го марта был допущен повар больной гриппом. Вследствие всего этого, в приготовленной пище обнаруживались булавки, вместо сахара оладьи посыпались содой и другими. Контрольные врачи, прикрепленные к членам П/Б фактически не наблюдают за изготовляемым меню, блюда в ряде случаев произвольно меняются.

В лечебной работе за последние дни имели место следующие факты:

– 26. II. 35 г. т. ЧУЦКАЕВ, принимая процедуру в физиотерапевтическом кабинете, по вине обслуживающего персонала, получил на спине ожог второй степени.

– т. КАЛУЖСКОМУ, у которого врач констатировал заворот кишок, не была своевременно оказана помощь, вследствие чего он скончался.

Все эти многочисленные факты, отмеченные по Санупру, не могут быть объясняемы как простые медицинские «ошибки» или простая халатность, как это делается представителями администрации.

Все вышеприведенные факты и «ошибки» несомненно являются следствием засоренности персонала Санупра антисоветским и социально-чуждым элементом. Несмотря на систематическую чистку аппарата (за время с мая 1934 г. по нашему предложению вычищено 60 человек) — эта засоренность остаётся в отдельных частях аппарата очень значительной, так, в лаборатории из работающих там 52 человек — 14 человек — дети бывших собственников, кулаков и торговцев, у многих родственники репрессировались органами НКВД. Во главе лаборатории стоит врач БОРОВСКАЯ, о которой имеются данные, что она имела связь с осуждённым английским шпионом.

Для иллюстрации засоренности, прилагается справка.

Нужно указать также, что засорен не только лечебный аппарат Санупра, но и его подсобные предприятия. В отделе снабжения по нашим материалам была ликвидирована группа из 5-ти человек, преимущественно из бывших, занимавшаяся крупными хищениями и злоупотреблениями. Такая же группа сейчас имеется в транспортном отделе Санупра, которая разбазаривает авто-

части, производит подлоги, пьянствует в гараже и т. д. (дело о них ведёт ОРО УРКМ)».

*Справка о засорённости Санупра Кремля
а/с и соц. чуждым элементом*

Всего в списке 109 человек. Прочитавший эту справку может сказать: «Ну и что тут такого? Чтобы жить, лишившийся всего человек просто должен был где-то работать. Вот и нашёл место в Лечсанупре Кремля...»

Однако одно дело, когда работать в больницу пошли бывшие медсотрудники или рабочие и крестьяне. И совсем другое дело, когда медициной стали вдруг заниматься бывшие состоятельные люди, которые прежде и близко не были с нею связаны или имели возможность вообще нигде не работать. Ну как можно воспринимать всерьёз квалификацию таких массажистов(!), как:

Кузьмина-Косова? (отец бывший купец 1-й гильдии, имел свои дома и кино, первый муж — сын купца, белый офицер, другой муж — сын даче- и домовладельца);

Федорович В.Ф.? (жена крупного помещика, очень болтлива, продолжает часто посещать Торгсин — это что-то вроде валютных магазинов «Берёзка» при Брежневе и Горбачёве);

Шаметова Е.П.? (отец был адвокатом при уездном судебном съезде, имел два больших дома);

Дмитриева-Заплаткина М.С.? (один из её братьев — бывший крупный землевладелец, а сестра — бывшая домовладелица).

Весьма сомнительной выглядела квалификация и других новоиспечённых специалистов в области медицины:

Ительсон-Фесик Е.Б. — дочь бывшего крупного собственника, служила опять-таки массажисткой(?) у белых, а у красных стала вдруг медицинской сестрой;

Иванцова А.П. — инструктор Лечсанупра (отец — священник, мать — дочь крупного купца и владельца Лубянского пассажа);

Емельянова В.И. — медсестра (дочь бывшего крупного торговца, муж — белый офицер, муж сестры — бывший белый полковник);

Харичкина-Артемьева А.А., — отец которой до революции и после имел постоянный наёмный труд и занимался скупкой и перепродажей скота, — вдруг превратилась в няню, т. е. стала обслуживать больных по малой и большой нужде;

Борщёва С.В. — дворянка и жена бывшего белого подполковника тоже устроилась медсестрой, да не куда-нибудь, а в Кремль. Туда же определились медсёстрами (и надо думать — также неслучайно!) дочь бывших торговцев и ростовщиков Бердичевская Ц.И., дочь бывшего белого генерала Осипова И.К. и дочь бывшего белого полковника и помещика Русанова К.М.. Всё бы ничего, если бы в обязанности медсестёр не входило помимо выдачи выписанных врачами лекарств ещё и проведение серьёзных лечебных процедур, в результате которых и от рук настоящих специалистов случаются тяжёлые осложнения и даже летальные исходы.

Конечно, странно смотрелась в качестве «кремлёвской няни» лишённая избирательных прав бывшая домовладелица Ларионова М.С.

Не могли не вызвать подозрение и: бывший дьячок Шелкунов Я.Д. в роли печника; бывший торговец Прокофьев С.В. в роли больничного слесаря; бывший кулак Разбоев П.А. в роли кремлёвского сторожа; а также Константинов М.К. в роли санитаря (его дядя имел сапожное производство с наёмной рабсилой 200 чел., а сам он настолько основательно занимался торговлей, что был лишён избирательных прав); и уж тем более настораживала подавальщица в главной столовой страны Ермилова А.Г. (её отец имел угольное производство и наёмную рабочую силу в 15-20 человек).

А мало ли как и чем мыла медицинские принадлежности и разную посуду судомойка Бухарева А.И. (её отец и муж, бывшие торговцы, лишились многого, в том числе и позволявшего жить безбедно трактира)?!

Не меньше вопросов было и к сестре бывшего биржевого маклера — ст. лаборантке Штиглус Г.С.; к дочери бывшей торговки и трактирщицы — приёмщице анализов Карасёвой М.И.; к сыну биржевика, владельца заезжего дома и двора, скупщика серебра — провизору Гольдентулу Д.М.; и, конечно, к бывшей домовладелице — диетсестре Троицкой В.Г.; к сыну держателя хозяйства с наёмным трудом — повару Пономарёву А.Н. и к Логуновой В.Г. — жене бывшего крупного торговца, согласившейся почему-то на должность простой рабочей в кремлёвской больнице...

Как все эти (случайные в медицине) люди могли сюда попасть? Вероятнее всего — через знакомых врачей и ведущих специалистов. А уж среди них тех, кто основательно пострадал от революции, и искать не надо! И здесь, конечно, среди первых стоит называть:

1) профессора И.А. Кассирского — выходца из семьи крупного торговца и домовладельца, он был в рядах Колчака, в других формированиях Белой гвардии, командовал полевым отрядом, брата его после разгрома Колчака расстреляли, а сестра стала участницей контрреволюционной группы молодёжи (Примечание. Сын профессора Кассирского Генрих Иосифович сказал мне, что отец никогда не говорил ему, что работал врачом в Кремле, да и насчет службы отца у Колчака и в других формированиях Белой гвардии он слышит впервые. Факты это или парадоксы времени? Не знаю! Перепроверить же публикуемые здесь данные об отце сын категорически отказался... — НАД.);

2) врача А.А. Низковского — до революции тесно связанного с крупными капиталистами (работал у них домашним врачом), мечтавшего об интервенции, которая «свалит Соввласть», и являвшегося крайне оголтелым антисемитом, потому что большинство комиссаров были евреи;

3) инженера Л.С. Ледовского — наследника крупных помещиков и активного организатора провалившегося рудневского восстания против Советской власти;

4) зубного врача В.С. Юделовича — стремившегося уехать из СССР в целях невозвращения и одновременно преклонявшегося перед Гитлером, способным, по его мнению, освободить Россию от большевиков, для чего поддерживал «подозрительные по шпионажу связи с лицами из инопосольств»;

5) фармацевта Д.А. Берестецкого — сидевшего в тюрьме за укрывательство и хранение похищенных ценностей и денег;

6) врача И.Ф. Горбачёва — потомственного дворянина, один брат его служил в Белой армии и расстреливал рабочих, другой — принимал участие в выдаче большевиков белым;

7) зав. финчастью Санупра С.Б. Кузнецова — контрреволюционно настроенного зятя князя Оболенского;

8) врача В.А. Кирасирова (по агентурным данным — настоящая фамилия Трегуб) — до революции работал в госпитале принца Ольденбургского, муж его сестры Мосятин — белый офицер, бывший владелец домов и торговых предприятий;

9) врача Л.В. Бехмана — его отец имел никелировочную фабрику с рабочей силой в 100 человек, а брат — белый полковник;

10) швейцара — бывшую домовладелицу А.И. Мицкевич;

11) машинистку лаборатории А.И. Иваницкую — дочь лишённого избирательных прав бывшего домовладельца;

12) машинистку Т.И. Розенберг — в прошлом дочь крупного помещика;

13) фельдшерницу Р.Я. Ямпольскую — наследницу крупных фабрикантов...

Можно было бы перечислить весь список, но, пожалуй, достаточно и этого, чтобы представить ту отрицательную энергию, которая скопилась в этих отчаявшихся людях против новой власти, сломавшей им всю жизнь. Конечно, то, что этот «медицинский антибольшевистский фронт» пытался предпринять, иначе, как террористическими формами, не назовёшь, а террор, как известно, может лишь осложнить положение, но никак не разрешить его. Более того — способен усугубить его не в пользу начавшей и опирающейся на террор стороны. Так это и было! На 2-й «белый террор» большевики ответили новым, ещё более страшным и беспощадным, «красным террором», который вошёл в историю как «волна репрессий 37-го года».

Нельзя, разумеется, считать доказанными медицинскими убийствами смерти, скажем, Крупской или Горького, бросившего грозный клич: «Если враг не сдаётся — его уничтожают!» Но вместе с тем нельзя не видеть и того, что действия, организованные «медицинским антибольшевистским фронтом», действительно имели место, действительно имели отдельные успешные результаты и действительно имели смысл, который можно квалифицировать как знак хоть в какой-то мере свершившейся классовой мести людей обречённых революцией 1917 года на уничтожение!

Глава 5

МАЯТНИК ГОРЬКОГО

С февраля по октябрь 1917 года две русские революции перевернули мир. Буревестником, Пророком, а потом вдруг Критиком этих революций был Горький. В нём, как в адовом котле, смешались голоса и отголоски тех дней, отзвук которых до сих пор бурлит непримиримыми идеями и кровью. В нём до последнего часа жили и не могли найти общий язык Уж и Сокол, вобравшие в себя все «за» и «против» уходящего Старого и наступающего Нового мира.

Жизнь — как маятник: туда — сюда... И обратно!

Жизнь порою страшно похожа на маятник, жизнь Горького — особенно. Случайно попавшиеся мне в архивах разноликие откровения и наблюдения его жизни — очень отрывочны. Но это только обостряет восприятие не связанных между собой архивных документов и даёт возможность подумать над тем, над чем обычно, вспоминая Горького и Революцию, не думают.

Между тем в этих архивах скрыты такие факты, которые невообразимо отразились на всей его жизни и во всём, что он написал. А значит — отразились и на нас. Если представить их в виде цепи событий, то звенья её можно было бы назвать так: заражение чахоткой и «заражение» марксизмом, которые время от времени угасают и даже сходят на нет, но потом вспыхивают вдруг с новой силой. И так — без конца, словно и то, и другое — в крови человека! Впрочем, вряд ли можно сравнивать марксизм с болезнью...

Чего только не приходится переживать русскому писателю, если, конечно, есть у него совесть. Совесть же, как известно, не даёт покоя до гробовой доски! Поэтому жизнь Горького особенно похожа на маятник...

Знакомство с Призраком

Как в последние десятилетия XX века молодёжь почти повально «ударилась в рок-музыку», так в конце века XIX многие молодые люди больших городов, особенно студенты, «с головою ушли в марксизм». Это было необъяснимое наваждение, когда юноши и

девушки даже из очень богатых семей поклонялись культу Маркса. В заброшенных домах на убогих окраинах устраивались полуночные тайные чтения запрещённых книг. В них как новое откровение при свечах утверждалась мысль, что Призрак Коммунизма уже бродит по Европе...

Не был в стороне от того, таинственно витавшего в воздухе времени, романтического марксизма и испытывавший на собственном опыте, что такое жизнь, юный Алексей Пешков, которому в недалёком будущем суждено было заявить себя автором произведений, наводящих на правительство ужас. «Песня о Соколе» (1895), «Песня о Буревестнике» (1901), пьеса «На дне» (1902) и в высшей мере революционная книга «Мать» (1906-07) принесли ему всемирную славу и имя — «великий пролетарский писатель Максим Горький».

А началось всё с того, что рано повзрослевший Алёша (примерно в 1886-1888 гг.) стал переписывать наиболее захватившие его места из подпольной брошюры «Царь-Голод». Революционный народоволец Алексей Бах (1857-1946), судя по всему, изложил в ней экономическую теорию Маркса настолько захватывающе, что 18-летний Пешков не мог не втянуться в распространение крамольных книг и листовок, и таким образом быстро оказался в числе самых действующих начинающих марксистов. Уже в октябре 1889 года его арестовали. Этот первый в его жизни арест был связан со следствием в Нижнем Новгороде по делу Николая Федосеева (1871-1898). Несмотря на то, что был года на три младше, Федосеев так сильно влиял на Пешкова, словно наводил на него какой-то политический гипноз. (Кстати, он же помог «заразиться» марксизмом и Ленину!)

Начавшиеся вскоре странствия по просторам Российской империи мало-помалу научили Алексея всматриваться в жизнь повнимательней и, что самое важное, сравнивать то, что он видел, с тем, что он читал. В итоге — маятник его романтических взглядов на происходящее пошёл в обратную сторону. В 1892 году, попав в Тифлисе в коллектив рабочих железнодорожных мастерских, он ещё продолжает свою революционную закалку в качестве пропагандиста новых идей, но здесь же уже по-настоящему проявляет он и своё «я». В тифлисской газете «Кавказ» печатает свой первый рассказ «Макар Чудра», подписанный псевдонимом Максим Горький. И этот рассказ (о жизни цыган)... уже не вписывается в рамки марксистского видения мира. Дальше — больше!

Наступает 1897 год. Маятник назревающих сомнений достигает, очевидно, крайней точки. Горький, хотя ему ещё нет и 30-ти, уже страшно болен тяжёлой формой туберкулёза. Находясь на лечении в Крыму, в Алупке, он начинает ругать марксизм и всех, кто хоть сколько-нибудь с ним связан, так, словно марксизм — болезнь, подобная туберкулёзу...

Я не верил своим глазам, когда в попавшемся мне в архиве февральском письме вчерашнего марксиста-романтика в адрес критика Скабичевского читал накануне ещё невообразимые строки: «Я — не марксист и оным не буду во веки, ибо считаю стыдом исповедовать марксизм по-русски и по-немецки, ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на неё...

Пансион, о котором я писал вам не суть дело Водовозовой, бабыни столь же честолюбивой, как и не умной. Водовозова только дала несколько денег на сей пансион. <...> От души желаю, чтобы 20 т. Водовозовой елико возможно скорее были затрачены. И процентов бы ей не принесли — это вылечило бы её от увлечения марксизмом, носящего у неё характер поминок о муже. Денег у неё 300 т., по её словам.

Здоровье моё очевидно намерено пойти на поправку — прибавился в весе на 2 1/2 фунта и не харкаю кровью вот уже 10 дней...

А. Пешков»

После таких откровений становится понятно, почему перед этим, в январе 1897 г., он писал из Алупки тому же Скабичевскому следующее:

«Марксистам я не сочувствую... Всё это взятое вместе — марксизм, Гарин, Садовская (В. Поссе) — до кровохарканья плохо, на мой взгляд».

Пройдёт год, выйдет двухтомник очерков и рассказов Горького, которые принесут ему первую славу. А изданный в 1899 году 3-й том придаст такой вес, что с ним станут считаться даже Толстой и Чехов. Редкий интерес к трёхтомнику критики объяснят тем, что, начитавшись Ницше, Горький под углом зрения его философии смог раскрыть мир так называемых босяков и сделать их носителями новой морали, «свободной от условностей окружавшего их больного мира».

Проще говоря, Горький стал исповедовать общечеловеческие ценности. Однако достаточно быстро понял, что мир до них ещё не дорос. И... маятник Горького снова двинулся в другую сторону. Тут его, попридержав, взял под своё влияние (и надолго!) Ленин, к

тому периоду уже признанный политический теоретик. Впервые они встретились в Петербурге 27 ноября 1905 года в редакции газеты «Новая жизнь».

Газета, созданная при активном участии Горького, быстро переходит под контроль Ленина. Горький, как только может, работает на революцию. В дни декабрьского вооружённого восстания он предоставляет свою квартиру в распоряжение одного из опорных пунктов руководителей восстания. А перед этим, когда всё ещё только начиналось, после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года, он даже составил революционное воззвание, призывавшее к свержению самодержавия. Его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Однако с успехом шедшие на Западе постановки пьесы «На дне» делают своё дело. Возмущение Европы и Америки заставляет царя освободить автора «Буревестника» и «Песни о Соколе».

Тем не менее его всё-таки высылают из столицы и тем самым только революционируют. Чтобы не дразнить царские власти, Горький едет в Америку и пытается там публичными выступлениями подзаработать денег на продолжение революции. Это толком не удаётся. Зато удаётся заработать новый литературно-политический капитал, который по ценности своего влияния превзошёл тогда все денежные затраты социал-демократов. Именно в Америке в 1906 г. рождается самая революционная книга Горького «Мать». Чего не смогли сделать самые умные и страстные речи вождей пролетариата – сделала эта книга. Его стали называть «великий пролетарский писатель».

Революция 1905 года в крестьянской России, не поддержанная широкими крестьянскими массами, терпела страшное поражение. Много ставившая на эту революцию интеллигенция впадала в упаднические настроения и теряла веру в тех, кто руководил восстанием против средневековья царских порядков. Горький всё больше встречал непонимание со стороны вчерашних единомышленников и товарищей по искусству, но сдаваться не хотел. Сомневался Шаляпин, бомбил чёрными письмами Леонид Андреев, а Горький упрямо твердил: «Я социал-демократ, потому что я – революционер, а социал-демократическое учение – суть наиболее революционное». Это из ответа Л. Андрееву 18 марта 1906 года. Серьёзность своего возвращения в марксизм и преданность ему он доказал в 1907 году участием в Лондоне в V съезде РСДРП на стороне большевиков.

Наступала пора невыносимых преследований и тюрем. Могли арестовать за одно слово против царя. Многие, в том числе и самые преданные поклонники, отошли тогда от Горького. И... Горький снова стал основательно задумываться. И маятник его сомнений в конце концов вырвал его из рук Ленина и медленно пошёл в прежнюю сторону. Шёл 1908 год. После амнистии 1913 года (в честь 300-летия Дома Романовых) Горький вернулся в Россию...

В итоге так разошёлся с Лениным во взглядах, что даже, говорили, не ответил ему, когда тот в январе 1916 года почти обречённо просил его выручить деньгами на жизнь... Вот те, напоминающие крики о помощи, слова: «В силу военного времени я *крайне нуждаюсь в зароботке* и потому просил бы, если это возможно и не затруднит Вас чересчур, ускорить издание брошюры». Наверняка не просто так не помог: брошюра та, «Капитализм и земледелие в Соединённых Штатах Америки», — как писал ему Ленин, — могла стать «особенно пригодна для популяризации марксизма».

Такой откат Горького от марксизма не был случайным. Ещё более явным свидетельством отката служит письмо Горького Пятницкому (тому самому К.П. Пятницкому, с которым он занимался книгоиздательством и которому посвятил пьесу «На дне» — одно из лучших своих произведений). Это письмо, касающееся желания вождя напечатать в России утверждающий философию марксизма «Материализм и эмпириокритицизм», содержит безапелляционное указание: «Относительно издания книги Ленина: я против этого».

Дошло до того, что они стали чуть ли не врагами. После Февральской революции Горький обратился к Временному правительству со словами поддержки. Ленин, как мало кто понимавший несостоятельность этого правительства, не знал, что делать?! Учитывая огромное влияние, которое Горький имел тогда в обществе (в том числе и среди рабочих), Ленин пытается хоть как-то нейтрализовать это обращение «главного певца революции» к Временному правительству. Для этого он обнародует то, в чём сам Горький признавался ему на Капри: «Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди».

После рассекречивания нелицеприятных для «великого пролетарского писателя» слов следовал раздражённый ленинский комментарий: «Нелегко спорить против этого. Нет сомнений, что Горький — громадный художественный талант, который принёс и

принесёт много пользы всемирному пролетарскому движению. Но зачем же Горькому браться за политику?»

«Великий пролетарский писатель» в долгу не остался. Он стал писать в газете «Новая жизнь» против большевиков такое, что, наверное, Ленин до сих пор по ночам в гробу ворочается... Уже на 13-й день после «революции, о необходимости которой всё время говорили большевики», Горький написал:

«...Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин... Вот куда ведёт пролетариат его сегодняшней вождей, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата».

Горький, много твердивший, что испытывает «органическое отращивание к политике», вдруг оказался «по уши в политике». Он не мог бездействовать, видя, как голод, холод и всеохватывающая неразбериха превращали даже столицу в центр беззаконий. И в то же время не мог смириться с теми вынужденными чрезвычайными мерами, какие срочно были противопоставлены большевиками этим нарастающим беззакониям. Его выводило из себя бесцеремонное, часто дикое и даже зверское обращение победившего народа с интеллигенцией, и без того обиженной и озлобленной непониманием происходящего; не говоря уже про необъяснимые, на его взгляд, жестокости ко всем бывшим — без разбору! Как бешеный метался в те дни из стороны в сторону маятник его жизни, решая: с кем быть?!

Особенно раздражали его ничем не вызванные, так называемые «огрехи революции», когда варварски «разбирая деревянные дома на топливо, рабочие ломают рамы, бьют стёкла, зря портят кровельное железо, а у них в домах — крыши текут, окна забиты фанерой и т. д.».

Всё это, вместе взятое, оттолкнуло Горького от Октября, и... он вышел из партии. Вышел как раз тогда, когда, как казалось большевикам, мог бы своим авторитетом успокоить и организовать стихию интеллигенции и студенчества в интересах новой власти. Вышел потому, что, бросаясь в жестоком хаосе тех дней от одной якобы спасительной идеи к другой, в конце концов решил, что для социализма на Руси ещё не время! Запутавшийся в своих мыслях Горький, конечно, пытался собрать в одно целое и объединить не-

примиримое, а именно — демократию буржуазии и диктатуру пролетариата. Он много думал об этом. Но разве это было возможно? О многом из наболевшего мучительно писал в «Новой жизни». Вышло около полусотни душераздирающих откровений. В июле 1918-го газету закрыли. Горький просил возобновить выпуск, но Ленин в политике был неумолим, повторяя (чтобы все знали!), что революцию в белых перчатках не делают!!!

Тогда Горький нашёл выход и... издал книгу «Несвоевременные мысли». Прочитавшего ждали следующие выводы:

— курс Ленина на социалистическую революцию был преждевременным;

— роль интеллигенции в революции большевиками не понята;

— союз рабочего класса и крестьянства — утопия;

— единственный выход — возврат к Учредительному собранию;

— в противном случае — всё это плохо кончится...

Горький явно не хотел вспоминать того Горького, который, когда бури ещё не было, страстно звал её ставшими известными на весь мир словами: «Пусть сильнее грянет буря!»

Так маятник качнулся в правую сторону и... застыл, как казалось тогда, навсегда!

Горький пытался ещё что-то делать по мелочам: что-то издавать, что-то добывать, кому-то помогать, кого-то спасать, но всё это было уже не то... И он зло написал Ленину, что после его(!) революции ему, Горькому, жить стало не только тяжело, но и «весьма противно»!!!

31 июля 1919 года Ленин ответил: «Советы уехать Вы упорно отвергаете. <...> Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно».

Надорвавшийся морально и тяжело больной физически, Горький на все предложения Ленина заняться большой политикой и настоящей литературой или уехать за границу года два отвечал «нет». Но после очередного ленинского письма в 1921 году всё-таки решился... и поехал лечиться... в Европу.

Во всяком случае так он сам объяснял свой отъезд 10 лет спустя, когда (после двух разведок — наездами в 1928 и 1929 гг.) собрался вернуться на Родину окончательно. Да! Горький не раз вспоминал, как Ленин «больше года с поразительным упрямством настаивал, чтоб я уехал из России» лечиться от кровохарканья. И Горький уехал. Вернулся только в 1931-м.

Почему Ленин так настаивал? Только ли из-за кровохарканья? Или, быть может, не меньше из-за того разлагающего влияния, которое Горький производил тогда на общество своим непосредственным присутствием, благодаря книге «Несвоевременные мысли»?!

Не просто так Ленин, обращаясь к Горькому, многозначительно произносил: «Загадочный Вы человек...»

Да, загадочности Горькому было не занимать! Стоило ему выехать за границу, а Ленину умереть, как маятник его жизни опять нервно задёргался... И это притом, что ему больше не нужно было угождать Ленину, в чём его, спустя 66 лет, упрекал Дм. Волкогонов, утверждая, что Ленин, обрета исключительную власть, сумел поставить Горького в зависимость от себя лично настолько, что «Горький стал почти ручным». Зависимость от идей — да! А вот зависимость от блатных связей — это сомнительно...

Однако маятник задёргался. И чуть ли не десять раз на день! Никто не принуждал Горького в одно и то же время писать явно несовместимые характеристики вождя. А он писал — потому что раздираем был противоречиями. Вот как по-разному писал Горький в год смерти Ленина.

«Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уоте Тайлере, Фоме Мюнцере, Гарибальди», — пишет он с осуждением.

Но вскоре бросается в другую крайность. «Много писали и говорили о жестокости Ленина», — ставит вопрос Горький и тут же отвечает, кто действительно был жесток: «Я знаю, что клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный приём борьбы против врага». Что он имеет в виду — поясняет следующими обличительными словами: «...отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они в течение четырёх лет позорной общеевропейской бойни (Первая мировая война 1914-1918 гг., развязанная за рынки сбыта и передел мира. — НАД.) не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну».

Этих слов, видимо, ему кажется мало, и он (заграницей!!!) разражается почти религиозными воспоминаниями о вожде мирового пролетариата... и создаёт своеобразное Евангелие о Ленине, читая которое, нельзя не сказать: ну чем Ленин не Христос, если он, по словам Горького, «отказался от всех радостей мира ради тяжёлой работы для счастья людей», если Ленин — «человек, кото-

рому нужно было принести себя в жертву... ради осуществления дела любви»?!

А разве не о метаниях маятника Горького свидетельствуют следующие его слова: «...Мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей... которые как будто играли как бы каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону. <...> Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич». Эти восторженные слова о вожде мирового марксизма, который не только «объясняет, но и изменяет мир», датируются 1920 годом. Однако примерно в те же дни Горького опять начинают душить сомнения относительно нужности коммунизма самому трудовому народу. Он в растерянности пишет, как в те дни разговорился со старым знакомым — с политически, так сказать, зрелым рабочим, который признался ему: какие настроения в действительности господствуют в душах даже самых передовых слоёв победившего пролетариата.

«А.М., милый, — признавался этот «политический, как он называл себя, воротило», — ничего мне не надо, никуда всё это — академии, науки, аэропланы, — лишнее! Надобно только угол тихий и — бабу, чтоб я её целовал, когда хочу, а она мне честно — душой и телом — отвечала, — вот! Вы — по-интеллигентски рассуждаете, *вы уж не наш, а — отравленный человек, для вас идея выше людишек...* Вы — с нами, а — не наш, вот что я говорю... Интеллигентам приятно беспокоиться, они издаля веков присовокупились к бунтам. *Как Христос был идеалистом и бунтовал для надземных целей, — так и вся интеллигенция бунтует для утопии.* Бунтует — идеалист, а с ним никчёмность, негодяйство, сволочь, и всё — со зла, видят они, что места в жизни нет для них. Рабочий восстаёт для революции, ему нужно добиться правильного распределения орудий и продуктов труда. Захватив власть окончательно, — думаете, согласится он на государство? Ни за что! Все разойдутся. И каждый, за свой страх, устроит себе спокойный уголок... Техника говорите? Так она ещё туже затягивает петлю на шею нашей, ещё крепче вяжет нас. Нет, надо освободиться от лишнего труда. Человек покоя хочет. Фабрики да науки покоя не дадут. Одному — немного надо. Зачем я буду город громоздить, когда мне только маленький домик нужен? Где кучей живут — там и водопроводы, и канализация, и электричество. А — попробуйте без этого жить — как легко будет! Нет, много лишнего у нас... надо освободиться от лишнего труда!»

После такой беседы, — вспоминал позже Горький, — «я невольно подумал: а что, если действительно миллионы русских людей только потому терпят тягостные муки революции, что лелеют в глубине души надежду освободиться от труда? Минимум труда — максимум наслаждения, это очень заманчиво и увлекает, как всё неосуществимое, как всякая утопия».

С этого времени на Горького навалились новые тяжёлые сомнения, порождая в нём очередной не дающий покоя хаос политической неразберихи. Оставалось лишь удивляться, как из «гадкого утенка» русского либерализма могли когда-то вырасти Буревестник и Сокол не только российской, но и Мировой революции?! Создавалось впечатление, что когда-то Горький впал в марксизм, как впадают в гипнотический сон. Пробуждение же его от марксизма было подобно отрезвлению после запоя, кончившегося кровавой рвотой... Между тем марксизм только тогда чего-то стоит, когда приходят в него сознательно и навсегда!

Когда сомнения за границей заели его совсем, он вдруг... решил вернуться в Россию (видно, повлияло то, что дела тут явно пошли на подъём, в то время как Запад лихорадил кризис), и стал каяться в совершённых ошибках и грехах времён Революции и Гражданской войны. Перед возвращением его словно вырвало от переживания в прошлом: и демократии, и анархии, и увлечения созданием новой религии...

Он, готовясь вернуться, не только каялся в грехах собственных, но и проклинал тех, кого когда-то больше всего защищал от «преступлений Ленина и его соратников». Особенно досталось интеллигентам и спецам-вредителям.

Вот как это описывалось самим Горьким: «В 17-18 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы их видеть, но они не могли быть иными. <...> *Первейшей задачей революции* я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны». В связи с этим, — пишет Горький, — «с коммунистами я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией... Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остаётся и ещё долго будет единственной ломовой лошадью, запряжённой в тяжкий воз истории России.

<...> Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. <...> Пусть же читатели знают эту мою ошибку. Было бы хорошо, если б она

послужила уроком для тех, кто склонен торопиться с выводами из своих наблюдений.

Разумеется, после ряда фактов подлейшего вредительства со стороны части спецов я обязан был переоценить — и переоценил — моё отношение к работникам науки и техники».

Наверняка, говоря это, Горький вспоминал, как ещё на заре революции Ленин предупреждал его, что в ответственные моменты истории интеллигенция ведёт себя не как «мозг нации», а — как «говно нации»... И вот теперь, много лет спустя, Горький убеждался, что Ленин — политик, «рулевой столь огромного, тяжёлого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия», был прав! Доказательством служили отчёты в европейских газетах о судебных процессах над спецами-вредителями, показавшими своё нутро, например, в ходе разбирательства «Шахтинского дела» в 1928 году. Было установлено, что инженеры и техники, связанные с бывшими владельцами шахт, осуществили, начиная с 1923 года, серию диверсий в Шахтинском и других районах Донбасса по заданиям белоэмигрантского «Парижского центра». Другим фактом, поразившим писателя, было разоблачение разветвлённой подпольной вредительской структуры, действовавшей в промышленности и на транспорте СССР в 1925-1930 годах. Структура объединяла часть верхушки бывшей буржуазно-технической интеллигенции из Промпартии и Союза инженерных организаций... Горький, получив подтверждение всем этим диверсиям из независимых зарубежных источников, был тогда потрясён прозорливостью Ленина.

Видимо, поэтому, а не из-за каких-то меркантильных и конъюктурных соображений Горький ещё до возвращения в СССР стал буквально воспевать мёртвого Ленина, когда, казалось, делать это он должен был прежде всего по отношению к новому вождю, а именно — к Сталину, от которого тогда начинало зависеть всё. Но нет, не Сталина лично, а последователей Ленина вообще приветствовал решивший вернуться «Буревестник». И это было удивительно, поскольку не кто иной, как Сталин сделал всё, чтобы буквально обожествить не находившего себе места «великого пролетарского писателя». А тот тем не менее упрямо продолжал петь славу не живому, а мёртвому вождю: «... не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память. Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал».

Ничего подобного о Сталине Горький так и не написал, хотя ожидать о нём стоило большего, чем о Ленине, потому что именно от нового вождя зависел чуть ли не каждый шаг в новой стране.

В конце концов маятник возвратившегося в Россию писателя так качнуло в левую сторону, что из-под пера автора «Буревестника» и «Сокола» стали «вылетать» ещё и не такие «смелые птицы»:

«Одна только правда есть — правда ненависти к старому миру».

«Классовая ненависть — самая могучая творческая сила».

«Классовая борьба — не утопия, если у одного есть собственный дом, а у другого — только туберкулёз».

«Слезой грязи не смоешь, тем более не смоешь крови».

«Если враг не сдаётся — его уничтожают...»

Это звучало решительнее, чем речи Сталина, потому что обрело форму художественного слова.

... А между тем Горькому продолжали мешать жить сомнения относительно необходимости коммунизма, которые он мучительно пытался уже не первое десятилетие разрешить в своём, быть может, самом важном и длинном (четырёхтомном!) произведении «Жизнь Клима Самгина». Но, так и не сумев свести концы с концами, — умер в тяжёлых физических и ещё более ужасных душевных муках. Поэтому, если бы даже 18 июня 1936 г. Горький не умер своей смертью, — с точки зрения большевиков, — его всё равно следовало бы убить... Зачем сеять в массах такие опасные сомнения, когда во все двери начинала стучаться самая страшная в мире война?!

Действительно, вернувшийся и сверх всякой меры возвеличенный Сталиным, и подкормленный и даже закормленный Советской властью Горький, заражая своими сомнениями, неожиданно начал действовать на общество исключительно разлагающе. Невиданный рост тиражей его книг и невероятно увеличившееся число его читателей во всех уголках СССР неожиданно становилось государственной проблемой. Насчёт раздвоенности или двойственности(?) Горького высказался в 1926 году не только Маяковский, но и в 1935 г. своенравная, честолюбивая, когда-то гремевшая писательница Мариэтта Шагинян. Да и сам Сталин, зная больше других, не мог не говорить себе, что Горький, конечно, не против нас, но, по большому счёту, Горький и... не с нами!

Однако это не была политика — «и нашим, и вашим». Горький, действительно, сам с собой не мог разобраться и... дёргался, как загнанный в угол маятник. Да! В год смерти Ленина он писал против Ленина, и тут же не мог удержаться от составления

Евангелия о Ленине. Он в одном лице был: грешащий и кающийся буржуазный гуманист и неумолимый пролетарский защитник. Это, быть может, прозвучит дико, но в нём, как в самой жизни, одновременно жили и Уж, и Сокол... И каждый со своим правом на существование, которое естественно сложилось в природе, предполагающей, что на земле всему должно быть место! Ведь, с точки зрения природы, Уж ничем не хуже Сокола. Рождённый ползать — летать... не должен! Летать не может — именно потому, что не должен, потому что разное у них на земле назначение. Во всяком случае — до тех пор, пока так устроена Земля.

Отравленный человек

Не докричавшись в 1917-1921 гг. со своими разоблачениями революции до Ленина, Горький, и прежде страшно большой туберкулёзом, докричался до нового непрерывного кровохарканья. После чего «истерзанный упрямым, но безуспешным желанием сделать что-то доброе» выехал в 1921 году по настоянию Ленина в Европу лечиться, а вышло, что ещё и эмигрировал на долгие 10 лет. Кстати, Ленин предусмотрительно предложил ему валюту на отъезд и лечение...

Совесть не продаётся. Она либо есть, либо её нет. У Горького сохранилась она до самого конца. И поэтому страшно мешала жить... И в Италии не давали ему покоя слова рабочего: «Вы — с нами, а — не наш... отравленный вы человек». Не жилось ему за границей. Но и по возвращении, исходя из того, что я вычитал в архивах, жить ему было «весьма противно».

Трагедия состояла в том, что ни та, ни другая сторона по-настоящему не могла признать Горького «своим». И та, и другая сторона говорила ему: «Вы — с нами, а — не наш!» Дошло до того, что в 1926 году из Москвы в Сорренто полетело и доньне мало цитируемое «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»: «Очень жалко мне, товарищ Горький, что не видно Вас на стройке наших дней. Думаете — с Капри, с горки Вам видней? <...> Друзья — поэты рабочего класса. Их знание невелико, но врезал инстинкт в оркестр разногласий буквы грядущих веков. Горько думать им о Горьком — эмигранте. Оправдайтесь, гряньте!»

Только вряд ли теперь Горький готов был даже мысленно сказать даже самому себе: «Пусть сильнее грянет Буря!»?

А строки из «Письма Маяковского» продолжали безжалостно бить в самый центр совести Горького: «Говорили (объяснения ходкие!), будто Вы не едете из-за чахотки. <...> Бросить Республику с думами, с бунтами, лысину южной зарёй озарив, — разве не лучше, как Феликс Эдмундович, сердце отдать временам на разрыв».

Тем не менее, словно понимая состояние Горького, Маяковский, давая ему определиться, предлагал выход: «Я знаю — Вас ценит и власть, и партия, Вам дали б всё — от любви до квартир. Прозаики сели пред Вами на парте б: — Учи! Верти!» Издевательски звучало это «Верти!..»

Между тем как Приговор падали на голову слова: «Алексей Максимыч, из-за ваших стёкол виден Вам ещё парящий в небе Сокол? Или с Вами начали дружить по садам ползущие Ужи?»

И Горький дрогнул. Что произошло тогда с ним? Прислушался ли к «Письму»? Подействовали ли уговоры Кремля? Или и то, и другое вместе — подействовало? Но в 1931 году вернулся Горький в Россию... и действительно (как по писанному Маяковским) получил от власти всё!!!

Подарков от Сталина сделано было столько, что даже у Горького могла закружиться голова. Началось с государственного празднования его 60-летия в 1928 году, для чего Горький специально приехал в СССР впервые после 1921 года. Стало готовиться полное собрание сочинений, вышедшее со временем в 63 томах. Потом в 1929 году последовало избрание его членом ЦИК СССР. А в 1932 году Нижний Новгород, где он родился и провёл детство, как говорится, ещё при жизни писателя был переименован в город Горький. И это — только некоторые подарки Сталина.

Кстати, и по сей день ни у одного из олигархов нет такого особняка в центре Москвы, какой «Советское правительство подарило» Горькому неподалёку от Никитских ворот. И всех скопом поэтов и писателей, а не только прозаиков отдали ему в поучение, организовав их, говорят, с его подачи и... по Постановлению ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года в один Союз Советских Писателей. И «избрали» Горького в 1934 году первым Председателем Правления этого Союза. И Алексей Максимович начал «учить и вертеть»... Ну а уж насчёт любви народной... да и женской тоже... до сих пор чего только не услышишь?! Зато из архивов о Горьком, искавшем единственно верные подходы к происходящему в стране, можно узнать следующие настораживающие факты.

Среди организованных в Союз писателей были, конечно, те, кто писал не за деньги, не за страх, а за совесть. Но большинство шло в советские писатели, чтобы, служа власти и выполняя её социальные заказы, занять в обществе привилегированное положение, а значит — получить доступ к кормушке под названием «Литфонд», в котором всё есть! Есть, если даже нигде нет! Союзом прежде всего таких писателей и выпало руководить его главному организатору Горькому. Как это делалось уже в те далёкие 30-е годы и продолжалось делаться до последнего — можно представить благодаря письму одного из допущенных к этой кормушке литераторов (легендарной соиздательницы Лжеленинианы Мариэтты Шагинян) в адрес Предсовнаркома Молотова.

Случай этот — показательный! Дело в том, что в 1934 году Правительство надумало преподнести литераторам, отличившимся (своим служением!) перед Родиной, большой подарок. С этой целью было принято «решение о помощи в строительстве дачного городка для писателей на 90 дач, стоимостью 6 млн. руб. в Переделкино». Курировал это строительство, как и весь писательский Союз, избранный по указанию Сталина Секретарём Правления СП СССР тов. А.С. Щербаков. И вот что из всего этого вышло.

Из письма Мариэтты Шагинян В.М. Молотову 16 сентября 1935 года: «<...> Тов. Щербаков, который внешне (и может быть, внутренне) всеми средствами как будто помогал нам получить дачи, в этой истории сыграл всё же роль не большую, нежели роль чиновника. (Здесь и далее все ошибки по части русского языка, передаются так, как они сделаны в оригинале. — НАД.) Он сам не ездил, не проверял, не смотрел, он пытался сгладить, примирить. Вообще он — враг решительных мер и в большой степени бездейственен. <...> Я считаю, что Литфонд не должен быть в руках Хапаловых и им подобных (Разъясняя, чем вызвано такое заявление, Мариэтта Шагинян даёт разоблачительную информацию: «Директор Литфонда Хапалов — оправдывает свою фамилию в том смысле, что вместо снабжения участка стройматериалами увозит с участка всё, что там есть. Так было увезено только на днях огромное количество труб для центрального отопления, заготовленных у нас, в то время, как нам, желавшим иметь центральное отопление, отказали в нём под предлогом... отсутствия труб». Какая знакомая картина: оказывается даже при Сталине в России воровали так же, как и до него, и, разумеется, после. — НАД.)...

Я считаю, — продолжает разоблачительное донесение правдолюбивая Мариэтта, — что Горький окружён паразитами, ту-неядцами, дельцами и барамы и что, *отдавая в руки Горького монополию на советскую литературу*, партия не должна забывать грязные промежуточные руки паразитов и Крючковых (Имеется в виду секретарь и директор музея Горького П.П. Крючков. — НАД.), во власти которых фактически мы оказываемся. У этих людей есть свои среди писателей, — почти с сожалением, что не попала в их число, сообщает Шагинян, — которых они балуют и лелеют, есть и враги, пасынки, которых они исподтишка «сжи-вают со свету».

Такое положение дальше нетерпимо».

Такая вот, между прочим, даётся оценка истинной роли Горького со стороны той группировки ведущих советских писателей, которую представляет в данном письме заслуженно забытая «легендарная писательница». Однако и дальше, где она говорит уже только от своего имени, содержится не менее глубокая характеристика натуры Горького окружать себя помощниками весьма сомнительного качества.

«<...> И последняя часть моего письма, — предупреждает М. Шагинян, — личная. Вячеслав Михайлович! Я погибаю! Пожалуйста, помогите мне. Я никогда не застрелюсь, так как я коммунистка! (Недобрый намёк на Маяковского, Есенина и других писателей, чьи самоубийства сослужили плохую службу новому строю. — НАД.) Но заболеть нервно могу каждую минуту и сил у меня остаётся немного.

Лично я в истории с дачами — одна из наиболее пострадавших. *Я не люблю Горького* (точнее — его окружение) и оно это знает и последствия этого дают себя знать решительно на каждом шагу в моей жизни».

Как говорится, откровеннее о Горьком, да и о себе — не скажешь!

Молотов, естественно, потребовал разобраться. И Щербаков в свою очередь спешит направить «Председателю СНК СССР» собственное спецдонесение о проведённом расследовании по делу известной (тогда!) писательницы М. Шагинян:

«В беседе со мной Шагинян заявила: «Перемрут 9/10 писателей, никто о них не вспомнит, таков их удельный (вес). А я буду сиять в веках. *Горького вы устроили так, что он ни в чём не нуждается. Толстой получает 36 тыс. руб. в месяц. Почему я не устроена также?»*

Союз писателей такого рода требования, навеянные манией величия, удовлетворить не в состоянии... 21.IX.35 г.», — подписывает секретное письмо о неподкупной Мариэтте Шагинян Секретарь правления ССП СССР Щербаков.

Однако на этом приведение в чувства зарвавшейся «до сияния в веках» и посягнувшей на самого Горького писательницы — не заканчивается. Ей устраивают соответствующую проработку с учётом того, что она недовольна ещё и реакцией Молотова на её разоблачительное письмо, и к тому же написала заявление о выходе из Союза писателей, с таким трудом созданного для контроля и направления заносчивых и своенравных литераторов в нужное русло. А как можно было поступить иначе, когда этим самым, желавшим жить лучше других, литераторам отдавались (благодаря владению печатным словом!) души тоже тянувшихся к лучшей жизни масс?!

«Решение Президиума Правления Союза советских писателей СССР по поводу заявления М. Шагинян о выходе из Союза писателей» было грозным:

«Президиум Правления признаёт мотивы выхода из Союза, изложенные Шагинян в её заявлении совершенно неосновательными и носящими характер огульных клеветнических обвинений по адресу писательской общественности советской страны. М. Шагинян обнаружила в своём заявлении непонимание роли и места писателя в Советской стране, а также чванство, зазнайство и переоценку своего значения в литературе».

28.02.1936 г. А.С. Щербаков, докладывая всё это Горькому, получившему, если не считать Сталина, «монополию на советскую литературу», так комментировал решение о строптивой литераторше, захотевшей иметь столько же, сколько имел сам Горький или хотя бы Алексей Толстой:

«Считаю необходимым сообщить Вам о следующем: 22 февраля я получил от М. Шагинян заявление о выходе её из ССП. Так как из заявления трудно было всё же понять, какая муха Шагинян укусила, то я поручил тов. Павленко переговорить с ней. Из этого разговора выяснилось, что она — Шагинян — всегда была против Союза писателей, что вступала она в него с колебаниями и что теперь она окончательно убедилась в бесполезности Союза.

Попутно выяснилось, что она против линии «Правды» на борьбу с формализмом в музыке, архитектуре, литературе.

<...> Мы расценили выходку Шагинян, как антисоветскую, решили по ней крепко ударить, с расчётом чтобы и другим неповадно было. (Так, не без участия Горького, свобода печатного слова ставилась в такие рамки, какие в конце концов и самому Горькому не всегда давали открыть рот. Этот факт, добавлявший вопросов и без того запутавшемуся в своих сомнениях Горькому, я также вычитал в преданных забвению архивах. — НАД.)

Состоялось заседание президиума Правления, — продолжает между тем Щербаков, — которое единогласно приняло по заявлению Шагинян осуждающее её решение. (Что отчасти и поделом. — НАД.)

Шагинян на этом заседании присутствовала и постепенно, не сразу, но в конце концов признала свою выходку грубой — политической ошибкой.

Думаю, что поведение Секретариата Вы одобрите...»

Естественно о делах писательского Союза, инициатором создания которого называют Горького, Щербаков докладывал и в те инстанции, которые «отдали в руки Горького монополию на советскую литературу». И особенно многозначительно докладывал Щербаков о делах самого «великого пролетарского писателя». Причём, порою так многозначительно, что и без того катастрофически больному туберкулёзом «Буревестнику» становилось совсем трудно дышать.

Из письма Щербакова секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу (декабрь 1935 г.):

«Сегодня 29/ХІІ мне удалось прочесть новую статью А.М. Горького «Литературные забавы». Статья написана в духе той, которая была задержана печатаньем перед съездом». <...> Обращает особое внимание то место статьи, где автор, беря под защиту критика Мирского — сына дворянина, аргументирует в пользу Мирского тем, что Ленин и другие революционные деятели — тоже дети дворян.

По ознакомлении со статьёй мною передан через Крючкова А.М. Совет:

- 1) дать предварительно статью в ЦК
- 2) изъять из статьи ряд мест (Эти слова Щербаковым вычеркнуты и вместо них написано. — НАД.) и обращено внимание А.М. на ряд, по-моему, ошибочных мест».

Идти дальше Горькому, как говорится, было некуда, если даже малограмотный в литературном отношении, по собственному при-

знанию Сталину, Щербаков начал с сугубо политической колокольни поучать мэтра мировой литературы.

Конечно, будь Щербаков поначитанней, он бы знал — что в подобном случае сказал Гоголю Пушкин! «Пушкин, — вспоминал Гоголь, — дал мне порядочный выговор и крепко побранил за Мольера. Я сказал, что интрига у него почти одинакова и пружины сходны между собой. Тут он меня поймал и объяснил, что писатель, как Мольер, надобность не имеет в пружинах и интригах, что в великих писателях нечего смотреть на форму и что, куда бы они ни положил добро своё, — бери его и не ломайся».

С другой стороны, и линию политически подкованного Щербакова не следует осуждать, ибо она касается не только литературной, но и общественной стороны дела Горького. И прежде всего — общественной! Зачем(?) и без того мучающемуся сомнениями народу — ещё и сомнения пусть даже и сверхвеликого писателя в тот момент, когда обездоленные люди только начинают становиться на ноги; тем более — в преддверии угрозы новой Мировой войны... Как говорится, всему должно быть своё время!

...Так-то оно так, но Горькому-то от этого не было легче! Такие политические уроки диктатуры пролетариата явно повергали его в ещё большие сомнения. И Щербаков, почувствовав что-то неладное, не мог не написать Сталину «О взаимоотношениях с Горьким»:

«Через самое короткое время, как я начал работать — А.М. в письмах стал захваливать меня. Затем, после нескольких разговоров, в которых я с ним был далеко не во всём согласен — он как будто немножко охладел. Теперь опять отношения тёплые, и что самое главное — А.М. стал прислушиваться к моим советам и считаться с ними. В отношениях с А.М. я исходил из того, что он великий пролетарский писатель, но что он делает ошибки (недооценка роли писателей-коммунистов, некоторая недооценка необходимости овладения буржуазной культурой и в связи с этим переоценка фольклора), которым потакать нельзя.

Сейчас удалось Горького помирить с партгруппой и отдельными коммунистами. Очень бы хотелось проверить свою линию в отношении А.М. и выслушать указания».

Недавние исследования Б. Илизаровым личной библиотеки Сталина свидетельствуют, что он был, как мало кто начитанный и образованный человек. Поэтому, естественно, Сталин не мог

остаться в стороне от того, что творилось с Горьким и вокруг Горького.

А вокруг Горького (после его возвращения на Родину) мало-помалу собиралась такая писательская элита и складывалась такая неоднозначная переполненная сомнениями атмосфера, что пускать дело на самотёк в условиях обострившихся отношений, как внутри страны, так и в мире, было крайне опасно. Тем более, что по всей до предела напряжённой Европе стояло «время диктатур»... А Сталин был — одним из главных представителей этого времени!

Что же происходило вокруг Горького? Об этом Щербаков в 1935 году писал Сталину так: «Есть известное недовольство органами цензуры (Главлитом и Главреперкомом). Погодин на совещании у Горького прямо заявил, что органы цензуры работают настолько неудовлетворительно (последние три слова Щербаков зачеркнул и вместо них написал, — НАД.) снижают писательский размах и смелость. Его поддержал Зархи. Вишневский открыто не сказал, но эти настроения разделяет. Панферов этот вопрос ставит особенно резко. Он в личной беседе заявил мне, что редактора и цензура дезориентируют писателей, сами неправильно понимая установку — не давать трибуны классовому врагу.

<...> Сельвинский... заявил: «...А что мне не верят, свидетельствует тот факт, что не дают возможности на месяц за границу съездить».

О поездке за границу ставят вопрос многие (В. Иванов, Леонов, Слонимский и др.) Леонов говорит: «...За границу едут инженеры, архитектора, повара, боксёры, легкоатлеты. Писателю поехать трудно».

Т. Ст. Воевать нам придётся. Писателей надо к этому готовить. Я выдвигаю вопрос о посылке части писателей за границу — не потому, что им хочется (они как раз могут и не попасть), а для того, чтобы они лучше изучили «соседей». Для этой цели следовало бы строго отобрать человек 10-15 писателей».

Выходит, не выпускали не только М.А. Булгакова...

На лето 1935 года был намечен Международный конгресс писателей в Париже. Даже среди настоящих советских литераторов возникла обычная по такому случаю склока: кому важнее поехать?! Многое решал Горький, однако последнее слово было за Сталиным! В связи с этим примечательны следующие (явно обидные для Булгакова) строки из письма Щербакова Горькому от 15 мая

1935 года: «Шолохов попросил т. Сталина освободить его от поездки в Париж. И.В. дал согласие и предложил наметить другого кандидата. И.В. также дал согласие включить одного делегата Белорусской литературы».

Булгаков в этот список не попал. Шолохов со своим антисоветским «Тихим Доном» отказался, а автор любимой Сталиным пьесы «Дни Турбиных» даже в список не попал, хотя очень хотел... Приложил ли к этому руку Горький? Вряд ли. Потому что с Горьким в эти дни творилось что-то неладное. Недаром ставил он под вопрос свою поездку на парижский конгресс. Об этом Щербаков писал 27 мая 1935 года Сталину следующее:

«Считаю необходимым направить Вам полученное мною письмо А.М. Горького, в котором он ставит под вопрос свою поездку в Париж. Должен от себя добавить, что о такого рода настроениях, какими проникнуто письмо, — мне приходится от Горького слышать впервые».

Что в действительности происходило в это время с Горьким, полного ответа в бумагах, с которыми мне повезло работать, я не нашёл. Скорее всего — крайне плохое самочувствие стало причиной отказа ехать в Париж. Во всяком случае, прежде всего такой вывод напрашивается, если исходить из следующих слов Щербакова в письме Горькому от 31 мая 1935 года:

«Озабочен тем, что плохая весна не очень, видимо, содействовала восстановлению Ваших сил...

<...> Я позволил себе о Ваших сомнениях относительно поездки в Париж сообщить И.В.

Вам должны были сообщить ответ».

С другой стороны, согласно выводам, которые вытекают из всей имеющейся у меня информации, главной причиной отказа Горького ехать в Париж могли стать вновь нахлынувшие на него сомнения. Сомнения оттого, что идеи коммунизма, вызвавшие невиданную поддержку масс на словах, на деле в СССР продолжали осуществляться далеко не в белых перчатках. Более того — в «ежовых рукавицах». А Горький, понимая, что ему обязательно предстоит на этот счёт сказать в Париже своё веское слово, не знал, что делать...

Вот так на поверку выглядели сладкие сказки о Горьком — писателе и человеке, который утопически верил, что историю можно творить, не пролив даже слезы ребёнка. Блажен, кто верует!

Тайна смерти

Дед его (по матери) Василий Васильевич Каширин прожил 80 лет (1807-1887). Бабушка Акулина Ивановна (в девичестве Муратова) — 74 года. Могла бы и больше, если бы не сломала ногу и не сгорела на 8-й день от «антонова огня». Казалось, и внук их Алёша будет жить долго. Однако мать его Варвара Васильевна (по мужу Пешкова) скончалась в 1879 году 35 лет от роду — от чахотки, а отец Максим Савватиевич Пешков и того раньше — летом 1871-го, когда был ему всего 31 год. Ухаживал за 3-летним Алёшей, заболевшим холерой, и... заразился. Сына выходил, а сам не выжил. Вот такое неопределённое здоровье получил в наследство будущий всемирно знаменитый мастер слова, и, «заработав» по молодости чахотку, протянул с нею до 18 июня 1936 года, т. е. всего чуть более 68 лет. Да и те 68 лет жил, что называется, от кровохарканья до кровохарканья. Кстати, после смерти было объявлено, что на тот свет отправили его «врачи — вредители». Однако на этот счёт в архиве нашёл я такой документ, который (представлю его ниже) свидетельствует, что писатель вполне мог умереть и сам, и что буквально каким-то чудом (и не раз!) избежал казалось бы неминуемой смерти.

Холера, как уже сказано, убила ухаживавшего за ним отца, а его не взяла. Как «заработал» он смертельно опасную в те времена чахотку? От матери или от бродяжьей жизни? А может, подорвала здоровье молодого богатыря пуля, которую он в себя выпустил? Удалось отыскать автобиографическое описание того, как это было вечером 24 декабря 1887 года на Феодоровском бугре высокого берега реки Казанки, когда Алексей Пешков пытался убить себя... «Купив на базаре револьвер, заряжённый четырьмя патронами, — писал Горький, — я выстрелил себе в грудь, рассчитывая попасть в сердце, но только пробил лёгкое, и через месяц, очень сконфуженный, чувствуя себя донельзя глупым, снова работал в булочной... Чёрт знает, почему я решил убить себя. Трудно ответить. После попытки самоубийства моё отношение к себе сильно понизилось, я чувствовал себя ничтожным, виноватым пред кем-то, и мне было стыдно жить». Кто знает, не это ли ослабленное выстрелом лёгкое искалечило здоровье ему на всю оставшуюся жизнь?

... Не прошло и 8 месяцев, как маятник его судьбы сделал совершенно противоположный ход. В августе 1888-го декабрьское

нестерпимое желание «не жить» сменилось несравнимой ни с чем «жаждой жизни». Слова из воспоминаний Горького: «Взорвалась бочка керосина. Крыша надо мною запылала. Стало нестерпимо жарко. Бросился к лестнице — густые облака дыма. Я растерялся. Задыхаясь, стоял неподвижно. Казалось, волосы на голове трещат. Кроме этого не слышал звуков. Понимал, что погиб, отяжелели ноги, было больно глазам, хотя закрыл их руками. Инстинкт жизни подсказал единственный путь спасения — я схватил в охапку тюфяк, подушку, окутал голову овчинным тулупом и... выпрыгнул в окно чердака. Очнулся на краю оврага. Я был пьяный от радости».

Вскоре смерть отступила от него снова. Странствуя, увидел, как озверевшие крестьяне истязают женщину. Хотел защитить. Куда там? Вот строки из письма, почему повезло выжить: «Меня сильно избили, вывезли из села... и бросили в кусты, в грязь, чем я и был спасён от преждевременной смерти, ибо получил «компресс». В Николаев меня привёз шарманщик, ехавший с какой-то ярмарки...»

Были ещё везения. Я отыскал в архивах и одно из последних.

...Эта смерть могла случиться в самый неподходящий момент — сразу после того, как Горький вернулся из последней эмиграции. Если бы она случилась — хуже всего пришлось бы Сталину. Во всём цивилизованном мире заговорили бы, что это специально Сталин выманил Горького — чтобы... убить(!) за ту страшную критику Октябрьской революции и её вождей, которую распространял за границей Горький. Однако писатель и на этот раз выжил — но, можно сказать, в данном случае явно повезло обоим: и Горькому, и Сталину. А положение складывалось критическое.

29 июня 1931 года в 10 часов утра в ЦК ВКП(б) Сталину и в СНК Молотову передали бланк Санитарного Управления Кремля со срочным «Сообщением о состоянии здоровья т. М. Горького». У получивших это сообщение Сталина и Молотова сразу отлегло от сердца, потому что Начлечсанупра Кремля Металликов осторожно давал понять, что самое страшное, скорее всего, позади. В частности, он писал:

«День 28 июня прошёл спокойно, крови в мокроте было немного, но к 11 час. вечера усилилась одышка и кашель, появились симптомы ослабления сердечной деятельности...

<...> Сегодня, 29 июня, в 10 ч. утра, внешний вид и общее самочувствие хорошие...

Возможность обострения, как со стороны лёгких, так и со стороны сердца, не исключена...

<...> У постели больного всё время находится д-р Л.Г. Левин. (Тот самый Левин, с которым будет связана смерть Горького. — НАД.)

Сегодня вечером состоится консультация в составе специалистов по лёгочным и сердечным заболеваниям».

В связи с критическим состоянием писателя было категорически предписано соблюдать «абсолютный покой, запрещение каких бы то ни было деловых бесед и посещений».

Случившееся произвело такое потрясение в Кремле (как говорится, вернули из заграницы на свою голову!), что следить за лечением (чуть ли не в качестве больничной сиделки) приставили самого М.Ф. Владимирского — тогдашнего наркома здравоохранения РСФСР.

На полях кремлёвского бланка рядом с этим сообщением некто (быть может, сам Владимирский), явно переживая из-за свалившейся ответственности, подробно записывал, что происходило и что делалось, дабы спасти... наконец-то вернувшегося в «родные пенаты блудного сына Революции».

28/VI утром (12 ч. дня) т. Холачов (или Калачов — неразборчиво, — НАД.) уведомил о сердеч. припадке у Горького: узнал об этом Ворошилов и сообщил Холачову, последний тогда позвонил Левину.

В 6 час. вечера я был у Горького вместе с Холач(овым) и Левиным, а утром вызвал из Ленингр. Горюнова.

Горький был *вне постели* и Левин не настаивал на постельном покое.

29.12 ч. был Горюнов условились о консультации. Горюнов настаивал, что в *интересах больного* консультацию назначить не вечером 29-го, а утром 30-го.

Металликов, ради того, чтобы сложить ответственность, советовал на 6 ч. — 7 час. вечера».

Пункт, в котором говорилось, что лечащий врач «Левин не настаивал на постельном покое» на тот день главного больного Советского Союза, через 7 лет дорого обошёлся всей медицинской свите, а самому Левину стоил жизни.

Дело в том, что 18 июня 1936 года Горький несмотря на то, что долго и очень тяжело болел, тем не менее достаточно неожиданно скончался. Левин, — как об этом говорил потом (в марте 1938 года) на судебном процессе по Делу «антисоветского право-троцкистского блока» прокурор А.Я. Вышинский, — опрометчиво опубликовал в газетах излишне откровенный некролог «Последние дни Алексея Максимовича Горького». Некоторые медицинские под-

робности этого некролога вызвали подозрение у компетентных органов. Назначили следствие. Пошли экспертизы. В итоге пришли к выводу, что эта смерть на совести наркома НКВД Г. Ягоды и его «правой руки» доктора Левина. А началось всё из-за женщины — жены сына Горького Максима Пешкова. Она была любовницей Ягоды. Муж, естественно, ограничивал её свободу. Из-за чего любовные утехы неоднократно срывались. Это приводило кровавого наркома в такое бешенство, что он решил устранить Пешкова, как лишнюю преграду для своих сладострастных наслаждений. Позже, на суде, Ягода, пояснив, почему «мотивы убийства носят сугубо личный характер», скажет: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова».

Дальше настала очередь самого Горького, который оказался для Ягоды ещё большей преградой... К тому же, будучи участником «право-троцкистского блока», Ягода признался, что руководимый Троцким и его союзниками блок видел «в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков».

Проще говоря, Ягода и в личном, и в общественном отношении был заинтересован «убрать Горького». Доктор Левин, подобранный не без участия НКВД в качестве домашнего врача писателя, являлся для Ягоды сообщником по карьерным планам. (Это — если верить показаниям разоблачённого и до сих пор нереабилитированного наркома.)

Согласно следствию Ягодой и его людьми было решено: «Подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и расшатанный организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или... подsunуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать не больному, а инфекции, и, таким образом, свести больного в могилу...»

Назначенная экспертиза пришла к единодушному заключению: «...меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А.М. Горького, были строго продуманными и имели своим результатом смерть...»

Выступая на суде, прокурор Вышинский рассказывал, какие вопросы задавались экспертизе по делу об умерщвлении Горького:

«Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без умысла?»

Последовал ответ: «Этого допустить нельзя».

«Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно – дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности, у тяжелобольного А.М. Горького, 68 лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?»

Ответ экспертизы: «Абсолютно недопустимо».

«Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А.М. Горького был заведомо вредительским?»

Ответ экспертизы: «Да. Безусловно можно считать установленным».

Основательно сославшись на то, что «обвинение здесь подтверждается целиком и полностью авторитетнейшей медицинской экспертизой, тщательно разобравшей все те материалы, которые были в её распоряжении, – Вышинский, как бы между прочим, заметил, – признания обвиняемых, разумеется, мы также не можем никак сбрасывать со счёта».

И вот тут прокурор вспомнил медицинские подробности из некролога доктора Левина:

«Если эту статью сейчас рассматривать в связи с медицинской экспертизой, то она будет представлять некоторый значительный, по моему мнению, интерес для оценки роли в этом убийстве Левина.

Во-первых, здесь вскрывается та самая механика умерщвления Алексея Максимовича, которая теперь вскрыта полностью. Это – механика, которая была раньше всего направлена на терапевтическую подготовку убийства Алексея Максимовича.

Левин в этом некрологе писал:

– За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катаральным воспалением лёгких.

Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью.

– <...> Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья, я всегда отвечал: – Относительно благополучно, но до первого гриппа. <...>

Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма — лёгкие — и как это страшно при его изменённых старым туберкулёзным процессом лёгких и его больном сердце. <...> Горький был из тех людей, которые доживают до 100 лет, и он, несомненно, дожил бы до 100 лет, если бы не злой туберкулёз.

Убийца выбалтывает тайну убийства», — заключает Вышинский.

При всём пафосе этой обвинительной речи в адрес врачей явных доказательств именно преднамеренности их вредительских действий всё-таки не хватает. Скорее, можно говорить о потрясающей и неистребимой безответственности медиков, процветающей по сей день не только у нас, но даже и в такой благополучной и дисциплинированной стране, как Германия. Об этом с ужасом рассказывал мне чудом выживший там после тяжелейшей операции Иосиф Кобзон. Подробно этот факт описывается в моей книге о нём «Как перед Богом».

Что же касается вины кровавого любовника по имени Генрих Ягода, то тут, как говорится, разговор особый.

...Горький всю жизнь играл со смертью. Не лучшим образом относился он к своему когда-то действительно могучему здоровью. И тот очевидный факт лета 1931 года, когда он находился на пороге смерти — свидетельствует, что его силы были уже на исходе. Поэтому оказалось достаточно случайного гриппа, чтобы жизнь... вдруг кончилась.

Здоровье его в 1934-1936 годах было уже настолько ненадёжным, что без курортных процедур он почти не жил, о чём говорят почтовые послания тех лет.

Начинал он свой писательский путь, можно сказать, с лечения от кровохарканья в Крыму в 1897 году. И заканчивал его там же и тем же. Об этом свидетельствует хотя бы телеграмма секретаря Правления СП СССР А.С. Щербакова: 17 февраля 1936 года в 21 час 30 минут из Минска — в Крым, Байдары, Тессели, Горькому...

Несмотря на невыносимо тяжёлое состояние, продолжая безостановочно харкать кровью, Горький всё это время упрямо пытался, что называется, довести до ума трагическую книгу «Жизнь Климса Самгина». Однако в этом переполненном вопросами деле так и не суждено было ему поставить точку, потому как не видел он в нём ни конца, ни краю...

Глава 6

ПРАВДА О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

По агентурным данным США

Американские интересы в России

В этом, обнаруженном в дебрях архивов, секретном докладе американской разведки все сохранено так, как оно было представлено руководству США. Форма изложения и пояснений соответствует тому уровню подготовки и понимания, который имели агенты, специально направленные в СССР, чтобы изучить последствия сельскохозяйственных преобразований, вошедших в историю как «процесс коллективизации».

Бросается в глаза главный вывод: для американских специалистов возможности и достижения коллективизации оказываются настолько неоспоримыми и убедительными, что они находят нужным безотлагательно и основательно поставить перед своими министрами вопрос о необходимости уже в ближайшие годы быть готовыми к появлению в лице СССР экономического конкурента США в области сельского хозяйства!!!

Американцы настолько поражены российскими успехами начала 30-х годов, что в принципиальном отношении они безоговорочно оправдывают политику советских экономических преобразований и — особенно процесс коллективизации, которая, по их мнению, позволила СССР сделать безусловный сельскохозяйственный скачок по сравнению с дореволюционной Русью. И это притом, что американцы не только были наслышаны, но и были свидетелями тех многих бедствий, которыми не могла не сопровождаться сплошная коллективизация сельского хозяйства.

В связи с этим американцы (как особо примечательный факт!) неоднократно подчеркивали, что в Советской России от них не только не скрывали ничего из того, что они хотели увидеть из общественной и личной жизни в СССР, но и вопреки всем предупреждениям посольства США за ними даже не пытались шпионить. Первое, конечно, так. Но что касается второго... Они явно заблуждались насчет возможностей и способностей ЧК. Иначе бы мы не читали сейчас этот их конфиденциальный доклад!

И наконец — нельзя не обратить внимания на то, что, согласно агентурным данным США, дореволюционная Россия (вопреки утверждениям многих нынешних ученых-высочек) не могла кормить хлебом весь мир... по той простой причине, что ее мелкие разрозненные крестьянские хозяйства (каждое на свой страх и риск) производили неоднородные, а значит нетоварные сорта пшеницы. Признанную же в мировой торговле ценность представляли и представляют только огромные массы зерна одного сорта и высокого качества, но никак не беспорядочные смеси пусть даже самых лучших сортов! Именно на это больше всего обращают внимание своего руководства американские разведчики.

Благодаря сплошной коллективизации возможности экспорта зерна (по оценкам американской разведки) в сравнении с царской Россией несоизмеримо выросли, потому что переход в общегосударственном масштабе от мелкой чересполосицы крестьянских хозяйств, дававших около половины урожая, к крупноземельным формам земледелия позволил собирать несравнимо больше односортного (а значит — товарного!) зерна без примесей других семян, которые при чересполосице неизбежно попадают на данное «поле» в ходе сева на соседних участках.

Кстати, если бы дореволюционная Россия даже постоянно экспортировала по 10 млн. тонн зерна, как это было в лучший 1913-й год, то и в таком случае (исходя из потребности минимум 285 кг зерновых на человека) русским хлебом можно было прокормить максимум 35 миллионов или примерно 2% населения планеты, которое приближалось тогда к 2 миллиардам.

К сожалению, объемы экспорта зерна до революции называются настолько разные, что невозможно вывести даже приблизительные реальные средние цифры. Часто у одного и того же автора данные разнятся до неприличия. Подобными нестыковками «славится» и, например, В.М. Симчера в своей книге «Развитие экономики России за 100 лет».

Согласно царской статистике, экспорт зерна продолжался даже в 1911 году, когда от разразившегося голода страдали около 30 миллионов или 20% подданных Российской империи. Продолжался экспорт и в 1891 — 1892 гг., несмотря на то, что голод не только охватил 40 миллионов, но и свел в могилу (по официальным цифрам того времени) до полумиллиона человек. Все это, конечно, не могло не революционизировать народ. Однако массовый голод с массовыми смертельными исходами до середины 30-х годов

периодически преследовал и СССР, пока он не реализовал возможности сплошной коллективизации. Впрочем, справедливости ради нельзя забывать, что в переломные моменты истории голод свирепствовал даже в таких развитых странах, как, например, Германия...

В отчете о проделанной работе американские специалисты приходят к исторически важному заключению, что, с точки зрения прогресса российской экономики, процесс коллективизации в СССР является несомненным и глобальным шагом вперед!

Однако, как показала жизнь, по мере того, как коллективные хозяйства стали насильно втискиваться в рамки централизованной командно-административной системы управления, процесс свободного развития кооперации, а следовательно, и все советское сельское хозяйство начало заходить и в конце концов зашло в тупик.

Как свидетельствует история человечества, централизованные командные способы хозяйствования оправданы только тогда, когда во главе их стоит просвещенный диктатор, опирающийся в своем правлении на научные подходы. (Это со всей очевидностью подтверждают наблюдения американских специалистов в СССР середины 30-х годов.) И наоборот — централизованные командные способы управления ведут к полному упадку хозяйства, если они являют собой волюнтаристские формы руководства.

При сравнении прошлых эпох возникают естественные выводы:

1) широко просвещенным и потому, как никто в истории, успешным диктатором был Сталин;

2) жалким, хотя и до предела самовластным подобием Хозяина, был, не умеющий даже грамотно писать, главный сеятель волевых решений — Хрущев. Недаром сказано: не то делают в том, чего не знают!

В доказательство, что Сталин знал, что делать, достаточно привести слова из его речи перед избирателями 9 февраля 1946 года: *«Чтобы покончить с нашей отсталостью в области сельского хозяйства и дать стране побольше товарного хлеба, побольше хлопка и т. д., необходимо было перейти от мелкого крестьянского хозяйства к крупному хозяйству, ибо только крупное хозяйство имеет возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать побольше товарной продукции. Но крупное хозяйство бывает двойное, капиталистическое и коллектив-*

ное. Коммунистическая партия не могла стать на капиталистический путь развития сельского хозяйства не только в силу принципиальных соображений, но и потому, что он предполагает слишком длительный путь развития и требует предварительного разорения крестьян, превращения их в батраков. Поэтому коммунистическая партия стала на путь коллективизации сельского хозяйства, на путь укрупнения сельского хозяйства путем объединения крестьянских хозяйств в колхозы. Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, имеющими возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции. Нет сомнения, что без политики коллективизации мы не смогли бы покончить в такой короткий срок с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства».

Конфиденциально

Март 1935г.

Департамент сельского хозяйства США
Бюро сельскохозяйственной экономики

Доклад

*об общих впечатлениях и сторонних наблюдениях
в Союзе Советских Социалистических Республик
— особенно в сельском хозяйстве —
на основе посещения СССР в сентябре-октябре 1934 г.*

Луи Г. Михаэль,

с.х. атташе, Белград, Югославия,

иностранный отдел С/хозяйственного Департамента.

О. Стайн,

заведующий отделом

статистических и исторических исследований

1. Сельское хозяйство в Союзе Советских Социалистических Республик подверглось значительному изменению от дореволюционного, неорганизованного хозяйства, — которое велось, как попало, на основе привычек и обычаев, передававшихся в течение

долгих лет от одного поколения к другому, — к системе планируемой экономики, основанной на науке и опыте.

2. В Советском Союзе научная работа по сельскому хозяйству проводится научно-исследовательскими институтами, которые в большей или меньшей степени носят чисто научный характер, и опытными и селекционными станциями, где научные принципы применяются к местным нуждам и условиям. Эта работа напоминает по своему характеру работу, которая проводится в Соединенных Штатах, хотя она лишена единства организации.

3. Перенесение научных принципов в практические достижения достигается при помощи системы общесоюзных, республиканских, областных, районных и местных агрономов, напоминающей нашу систему провинциальных агентов, с той разницей, что в СССР эти специалисты по сельскому хозяйству помимо своих совещательных функций имеют некоторую исполнительную власть.

4. Планируемая экономика сельского хозяйства Советского Союза ставит своей целью непосредственный контроль над сельскохозяйственными работами (пахота, сев, уборка и т.д.) в противовес американской системе указаний без ответственности за руководство.

5. Общие планы, намечаемые центральным правительством в Москве, вырабатываются и осуществляются областными (республиканскими) земельными управлениями через их окружные, районные и местные организации посредством системы советских хозяйств (совхозов) и коллективных хозяйств (колхозов).

6. Коллективизация сельского хозяйства в Союзе Советских Социалистических Республик является совершившимся фактом. С точки зрения практического сельского хозяйства, коллективное хозяйствование представляет крестьянам Советской России следующие главные преимущества:

а) объединение множества мелких земельных полосок в небольшое количество крупных полей допускает ведение рационального севооборота на больших площадях. (Примечание. В некоторых частях Европы это преимущество было, в известной степени, достигнуто без отказа от чересполосицы. Например, в некоторых деревнях южной Бессарабии крестьяне, с общего согласия, засевают одной и той же культурой соседние полоски. Вся пшеница засеивается на одном участке деревни, вся рожь — на другом, кукуруза — на третьем и т.д. Каждый крестьянин засеивает своими собственными семенами свою собственную полосу. Севооборот производится по указанию сельского совета.) Полевые работы: пахоту, сев и уборку можно

проводить в большей мере при помощи машин с механическими двигателями. Большие площади могут быть засеяны односортными семенами. Имеется возможность производить большое количество односортных зерновых и других продуктов. Если эти преимущества успешно реализуются, урожаи будут больше тех, которые можно было получить при прежней системе мелких полосок;

б) размещение и хранение зерна и прочих продуктов может быть организовано коллективным путем лучше, чем это было возможно для среднего единоличного крестьянина, у которого обычно не было соответствующего оборудования для хранения;

в) при коллективной системе сельского хозяйства выращивание, корм и уход за скотом могут производиться более эффективно, чем это было возможно для среднего единоличного крестьянина до революции;

г) в четырех колхозах, которые мы посетили, жизненный уровень превосходил дореволюционный уровень среднего крестьянства в старой России. Есть возможность распространить этот более высокий уровень жизни на все колхозы и, если это будет осуществлено, тогда это будет иметь своим неизбежным результатом увеличение потребления сельскохозяйственных продуктов на месте по сравнению с уровнем потребления до революции.

7. Совхозы до известной степени играют роль дореволюционных крупных поместий, роль поставщика улучшенных семян, породистого скота и образца для колхозов в деле рационального сельского хозяйства. Кроме того, они непосредственно поставляют государству или каким-либо государственным организациям те различные товары, на производстве которых они специализировались.

8. Механизация сельского хозяйства в большом масштабе осуществляется посредством машино-тракторных станций (МТС), организованных в районном масштабе.

9. Машино-тракторные станции обслуживаются машино-тракторными ремонтными мастерскими (МТМ), организованными в окружном масштабе (несколько районов образуют округ).

10. МТМ является культурным центром округа, который она обслуживает, в том отношении, что она издает местную газету и является штабом окружных агрономов.

11. Сельская жизнь в СССР в принципе не отличается от дореволюционной, поскольку дело идет о семье. Иными словами,

семья живет в своем жилище, куда входит дом, гумно и внешние строения, расположенные в огороженном дворе, к которому часто примыкает огородный участок. Многие семьи имеют своих собственных коров, свиней и птицу.

12. Сельская жизнь в СССР организована на более высоком уровне, чем до революции в том отношении, что крестьяне вместо того, чтобы брать своих грудных и маленьких детей с собою на поле, оставляют их на весь день в детских садах и яслях, где о них заботятся. Обучение детей старшего возраста обязательно. Во многих селах имеются больницы, радио и кино. Каждый колхоз имеет клуб для общественного отдыха.

13. Неграмотность в СССР исчезает, и крестьянин превращается в мыслящее существо. Народные массы Советского Союза спланиваются в политический организм.

14. О совершенстве сельскохозяйственной техники и о сельской жизни в СССР не надо судить, исходя из западно-европейских условий. Суждение должно основываться на сравнении дореволюционных условий с теми условиями, в которых сейчас находятся народные массы на территории СССР.

От русской границы до Ленинграда

При въезде в СССР на ст. Негорелое одно из наиболее сильных впечатлений — это впечатление порядка. Таможенные формальности были выполнены спокойно, вежливо и быстро и без той шумливой суматохи и назойливости, которыми сопровождался переезд русской границы в довоенное время. *(Это говорит о том, что пишущие это американцы уже бывали в России и поэтому имели возможность сравнивать то, что они видели до революции, с тем, что они увидели после революции. — НАД.)*

По пути в Ленинград люди, которых видишь вдоль дороги на железнодорожных станциях, бедно одеты и многие, по-видимому, плохо питаются. Не видно ни одного мужчины, ни одной женщины, которые были бы хорошо одеты. Женщины заняты всеми видами труда. Их одежда по большей части грязна и часто изорвана. Многие ходят босиком, а другие носят сильно истрепанную обувь — даже ботинки, сделанные из автомобильных шин. Многие мужчины одеты в давно изношенные остатки военных и других мундиров. Пища на железнодорожных станциях скудная и скверного качества. Мужчины, женщины и дети кажутся хилыми и плохо

питающимися. Правда, территория, по которой проезжаешь, принадлежит к числу наиболее бедных сельскохозяйственных районов Советского Союза, и даже до революции здесь царила нищета. По мере приближения к Ленинграду положение улучшается.

В этой связи не следует судить о внешнем виде или о нынешних условиях существования русского народа, исходя из внешнего вида или условий существования в Западной Европе или в Америке. Полезно было бы сначала изучить народности юго-восточной Европы и, в качестве масштаба, взять их условия существования и внешность. Имеется еще один момент, который необходимо учитывать, когда судишь о русских условиях. Высший и средний классы были уничтожены, как таковые, и гражданство Советского Союза сейчас базируется на пролетариате. Правильным масштабом для оценки нынешних условий должно являться сравнение положения этого класса до революции и после революции. В городских центрах пролетариат, образующий массу нынешних советских граждан, получил сильную примесь от элементов, составляющих остатки прежних средних или высших классов. По этой причине городское, по крайней мере, население по своему составу является, строго говоря, не пролетарским, а смешанным. В сельских же районах население является фактически чисто пролетарским. Как бы то ни было, нынешняя Россия является пролетарской республикой, и о положении, как в городе, так и в деревне нужно судить с точки зрения массы простого народа. Такова точка зрения, с которой мы пытались подойти к русским условиям.

Ленинград

В Ленинграде мы остановились в гостинице «Астория». Что касается удобств гостиницы, то мы констатируем довольно успешную попытку держаться на уровне Западной Европы. Персонал этой гостиницы, несомненно, подобран из непролетарских элементов нынешнего смешанного населения.

На улицах Ленинграда мало свидетельств той бедноты, которую мы замечали в Белоруссии. В то же время нет или очень мало признаков процветания. Общий вид мужчин и женщин, хотя они и явно более сыты, весьма напоминает общий вид публики на улицах Вены (в 1922 и 1926 гг.). Подобно Вене Ленинград перестал быть столицей великой империи. Его будущее зависит от раз-

вития его промышленности. Цены на продовольствие в нормальных условиях несколько выше, чем цены на юге, и большая часть дохода уходит на предметы питания и меньше остается на одежду, чем в находящихся в более благоприятном положении южных частях страны. (Примечание. Можно предположить, что повышение жизненного уровня будет достигнуто на севере менее скоро, чем на юге. Во всяком случае во время этой нашей поездки мы констатировали улучшение внешнего вида и одежды людей по мере приближения от Ленинграда к Ростову.) Гидом «Интуриста», который был прикомандирован к нам в Ленинграде, была женщина, окончившая Оксфордский университет в Англии и правовой факультет в Москве. Были приложены все усилия к тому, чтобы свести нас с теми, кого мы хотели видеть. В то время мы еще не установили своего официального положения через американское посольство. Не было видно никаких следов шпионажа или попыток руководить нашими передвижениями.

Первым учреждением, которое мы посетили, был Ленинградский сельскохозяйственный институт. Этот институт располагает знаменитой мировой коллекцией пшеницы; здесь собраны и исследуются результаты экспериментов по культивации различных сортов пшеницы, проведенных в различных районах Советского Союза. Эта работа может представить весьма большой практический интерес для нас, и мы должны пристально следить за работой этого института и его филиалов в провинции. Как в Ленинграде, так и в провинции мужчины и женщины, занимающиеся научной деятельностью, поскольку мы могли наблюдать, являются людьми способными и сознательными и, в отдельных случаях, подлинно талантливыми. Общая структура научной работы, связанной с практическим сельским хозяйством России, аналогична структуре научной работы в Соединенных Штатах. Сейчас она недостаточно развита в Советском Союзе, и много еще остается желать в области организационной, централизации, увязки и руководства. То есть, рабочие ячейки вместо того, чтобы быть централизованными в столице, как, например, Департамент сельского хозяйства в Вашингтоне, разбросаны. (Примечание. Сейчас рассматривается проект переброски значительной части научной работы из Ленинграда в Москву, но до сего дня институт все еще работает в Ленинграде.) По-видимому, работа строится в местном масштабе вокруг отдельных талантливых людей, обнаруживающихся в различных частях Союза, вместо того, чтобы пригласить этих талантливых людей в столицу или какой-либо другой центр и дать им там заниматься по своей спе-

циальности, в сочетании с другими отраслями сельскохозяйственной науки.

Мы посетили также ленинградскую областную селекционную опытную станцию в Детском Селе, в 20 километрах от города. Эта станция настолько изолирована, что нам было очень трудно найти ее. Научные сотрудники, которых мы видели, являлись несомненно способными исследователями, но, поскольку мы могли судить, институт имеет собственного директора и свой штат и не имеет тесной связи с прочей сельскохозяйственной научной работой, проводимой в Ленинградской области.

Москва

Положение в Москве и общий вид людей лучше, чем в Ленинграде. Все кажутся очень занятыми. Строительство идет днем и ночью. Улицы обычно полны народом, а трамваи и автобусы переполнены. Магазины довольно хорошо снабжены товарами и обычно полны покупателей. Заметно некоторое слабое расслоение населения на пролетариат и на то, что может быть названо «суперпролетариатом». Общие жизненные условия населения, несомненно, лучше, чем положение народных масс до революции.

В Москве при помощи американского посольства мы установили официальный контакт со Всесоюзной Сельскохозяйственной Академией имени Ленина и Народным Комиссариатом Земледелия. М-р А.С. Бондаренко из Всесоюзной Академии имени Ленина, который был в Соединенных Штатах, ратовал за установление официального контакта между сельскохозяйственными учреждениями обеих стран через посредство сельскохозяйственных атташе. Он говорил также о сельскохозяйственных обозрениях некоторых стран, разработанных Сельскохозяйственным Департаментом Соединенных Штатов, и предложил нам подобным же образом изучить сельское хозяйство СССР. Мы сказали ему, что, если его правительство благожелательно отнесется к подобному изучению и даст нам возможность провести его, то, возможно, что наш Департамент Сельского Хозяйства подумает о такой работе.

Наша беседа с м-ром Мураловым, заместителем комиссара земледелия, и руководителями различных отделов Комиссариата была особенно интересна в том отношении, что с самого же начала они стали обращаться с нами, как с коллегами в области сельского хо-

зайства и как с желанными гостями. У нас было слишком мало времени, и мы смогли затронуть лишь некоторые из проблем, связанных с той темой, которую мы выбрали для данной беседы, то есть с вопросом о пшенице. (Примечание. Время нашего пребывания в Советском Союзе было настолько ограничено, что мы сочли целесообразным сконцентрировать свое внимание на одном продукте и не входить в рассмотрение сельского хозяйства в целом.) Во время нашей беседы м-р Муралов осветил ту систему, которую они применяют для производства большого количества односортовой пшеницы.

В ответ на вопрос о том, как крестьяне снабжаются сортовой пшеницей, м-р Муралов сказал, что имеется сеть селекционных станций, вырабатывающих новые сорта. Когда получают достаточное количество нового сорта, его передают для размножения совхозу, специализировавшемуся на производстве семян. В СССР имеется около 200 подобных специализированных совхозов. Размноженные таким образом семена, в свою очередь, передаются колхозам, также специализировавшимся на производстве семян. В СССР имеется около 8.000 подобных колхозов. Семена, выращенные семеноводческими колхозами, передаются для дальнейшего размножения еще другой группе отборных колхозов, которых имеется около 10.000. Таким образом обеспечивается создание достаточного фонда односортовой пшеницы, как для посева, так и для потребления.

Когда мы спросили, какие меры принимаются для того, чтобы сохранить чистоту породы, м-р Муралов затребовал и подарил нам снабженный автографом экземпляр советского правительственного пятилетнего плана улучшения зерна. (Примечание. Об этом плане будет представлен особый доклад.)

Когда мы спросили, как правительство стимулирует употребление чистого зерна, м-р Муралов ответил, что крестьянам, сгруппированным в колхозы, объясняют, что употребление улучшенных семян представляет шаг вперед к достижению той зажиточной жизни, которая, по словам Сталина, является главной целью второй пятилетки. А кроме того, в СССР все делается по плану. Если план требует посева определенного сорта пшеницы, то сеется именно этот сорт. Наконец, используются различного рода стимулы, как то: уменьшение налогов, или даже освобождение от налогов.

Отвечая на вопрос о том, какие успехи достигнуты в отношении выращивания морозоустойчивых сортов, м-р Муралов ска-

зал, что московская опытная станция вырастила в высшей степени удовлетворительный сорт — «Московский 24-11». За пару недель до нашего разговора можно было видеть, как этот сорт достиг 6-ти футов с 40-50 зернами в колосе. Он заявил, что мы увидим эту пшеницу, когда на следующий день посетим станцию. Профессор Мейстер, руководящий Саратовской станцией, по его словам, вырастил великолепный морозоустойчивый сорт под названием «саруба». Им удалось также получить гибрид пшеницы и многолетней травы, от которого они уже имеют 5 поколений. Он сожалел о том, что мы не сможем посетить город Козлов, где знаменитый Мичурин очень успешно работает сейчас над между-сортной гибридизацией.

В ходе разговора нам задавали вопросы о мерах, которые мы принимаем в отношении сохранения влаги, выращивания засухоустойчивых и морозоустойчивых сортов, уменьшения посевной площади, борьбы с заражением ржавчиной, организации работы по расширению посевной площади и т.п. технические и научные вопросы. Каждый специалист хотел знать о последних достижениях в Соединенных Штатах в его области. Мы предложили посылать каждому те бюллетени, которые ему требуются, и оставили им адрес нашего Белградского отделения.

Совещание длилось свыше часа, и советские работники проявили по отношению к нам самое сердечное дружелюбие. Временами они шутили, например, когда коснулись планирования хозяйства, м-р Муралов сказал: «Если Соединенным Штатам нужны какие-либо планы, вы только обратитесь к нам — у нас их масса».

Утром 28 сентября м-р Навроцкий (заведующий Иностраннным Отделом Всесоюзной сельскохозяйственной Академии им. Ленина) повез нас за 20 километров от города, чтобы посмотреть Московскую опытную и селекционную станцию.

Станция сейчас находится в процессе строительства. Директор и те научные работники, которых мы видели — явно крестьянского типа. Лаборатория только что разместилась в своих новых помещениях и была еще не в полном рабочем порядке. Работники отдельных секций извинились, но было видно, что они знают, чего хотят. Программа работ включает селекционирование морозоустойчивых сортов; улучшение качества и повышение урожайности; опыты по изысканию наилучших культурных методов и расширению посевной площади. Эта станция типична для того, что делается всюду в СССР. Делается попытка поставить сельскохо-

зайственную практику на научную основу. До революции было мало хорошо организованных станций для разработки местных сельскохозяйственных проблем. Сейчас такая станция имеется фактически в каждой области. Во многих местах имеются институты по специальным отраслям сельского хозяйства, как, например, птицеводческий институт в Харькове, институт коневодства в Одессе и т.д. Несмотря на то, что они разбросаны и что им не хватает координирования работы, значительная часть научной работы, широкое развитие которой сейчас только начинается, великолепна и должна оказать глубокое влияние на сельскохозяйственную практику.

Селекционирование пшеницы и других злаков стимулируется всюду, и страна поделена на зоны в соответствии с теми известными сортами, которые наиболее пригодны для местных условий. Эти одобренные сорта размножаются и распределяются с максимальной быстротой. Вместо случайной смеси сортов, которой характеризовалась крестьянская продукция до революции, сеется лишь один сорт и одна порода, например, пшеницы, в пределах каждой зоны, на которые поделена страна. **Это само по себе является фактором большого значения в той будущей конкуренции, которой мы должны ожидать от России в области мировой торговли.** Черноморский договор — дело прошлого. Россия сейчас производит однородные сорта в большом количестве, и каждая из этих пород будет иметь признанную ценность в мировой торговле. Когда система поставок (Примечание. Сбор зерна, которое подлежит сдаче правительству в виде налога или покупается правительством за деньги.) будет усовершенствована, правительство будет иметь возможность требовать сдачи зернового налога в зерне стандартного натурального веса и сможет собирать и экспортировать целые пароходы гарантированного качества. Это вероятно делается и сейчас, хотя и в более ограниченном масштабе, чем это будет возможно, когда усовершенствуется нынешняя система, которая сейчас переживает свой младенческий период.

Ростов-на-Дону

В Москве мы не имели времени для изучения организации Всесоюзного Народного Комиссариата Земледелия, но, когда мы прибыли в Ростов-на-Дону, м-р Л.М. Гарник изложил нам организацию провинциального (областного) Наркомзема.

Комиссариат состоит из отделов, охватывающих все отрасли сельского хозяйства области (область аналогична одному из наших штатов); т.е. полеводство, животноводство и т.д., подобно отделам одной из наших государственных опытных станций, к ним добавляются отделы: финансовый, плановый, тракторный и другие специфические отделы, характерные для советской системы. Заведующие этими отделами руководят конкретными сельскохозяйственными работами по всей области.

В Москве мы слышали, что крестьяне забросили свои поля в период созревания, и что зерновые настолько заглушены сорняками, что часто нет возможности использовать комбайн для уборки. После беседы с мистером Гарник мы выехали на автомобиле в большой семеноводческий совхоз «Зерноград», расположенный на расстоянии 91 километр. По дороге мы видели много полей, заросших сорняками. В этой части долины Дона было гораздо меньше зяблевой вспашки, чем мы ожидали. Когда мы через два дня прибыли на Украину, были видны всюду вспаханные под зябь поля, а озимая пшеница и рожь, показывали хороший рост несмотря на отсутствие дождей. Но здесь, в бассейне Дона, вспашка под зябь задержалась, и невспаханные поля дали богатый урожай сорняков. Полям не только не уделяли внимания, они не только заросли сорняками, но пшеница, которую мы исследовали в одном пункте по дороге в «Зерноград», хотя и хорошего качества, была засорена и содержала высокий процент сорняковых семян в то время, как вся пшеница, которую мы видели на Украине, была замечательно чистая и великолепного качества.

В «Зернограде» мы впервые, хотя и поверхностно, осмотрели большой совхоз. Эти совхозы работают в пользу центрального правительства или одного из областных правительств, или же какого-либо учреждения или завода в противоположность колхозу, который работает в пользу своих членов. Каждый совхоз подчиняется директору и его аппарату, которые непосредственно отвечают перед теми, в чьих интересах работает совхоз. Вся работа выполняется наемными рабочими за заработную плату, получаемую либо в деньгах, либо в продуктах. Заработок рабочих не зависит от урожая, что, как мы узнали позднее, может иметь место в отношении колхозников.

Из самого хозяйства мы в Зернограде мало, что видели. Наши впечатления смутны: обширная равнина, элеватор у железной до-

роги, за которой расположено множество зданий, типа барачков, для нескольких тысяч людей, зданий, которые сгруппированы подобно городским кварталам. Есть гостиница, столовая, нечто вроде магазина, несколько учрежденческих и лабораторных зданий. Мы хотели сначала представиться директору, м-ру Кудинову, но в момент нашего приезда он был на совещании, и нам удалось его увидеть уже вечером. В общей столовой мы позавтракали здоровой, хотя и простой пищей. После завтрака мы посетили различные лаборатории и Агротехнический Институт. Это большая опытная станция для сельскохозяйственного оборудования, где производятся теоретические и практические испытания всякого рода сельскохозяйственного оборудования. Вероятно, по этой причине зерноград был избран местопребыванием Агротехнического Института, где несколько сот молодых мужчин и женщин обучаются техническим специальностям. Руководители станции и Института — люди крестьянского типа. Они энергичны и, по-видимому, способны выполнить порученную им работу. (Примечание. Типы мужчин и женщин, которым фактически вверено осуществление планов Советского правительства, представляли для нас большой интерес по тем соображениям, что успех начинаний Советского Союза в очень большой степени должен зависеть от людей, выдвигающихся из рядов пролетариата. Пользовавшаяся мировой известностью до войны крестьянская организация — Центросоюз — уже показала, что такая возможность есть. Центросоюз, или союз крестьянских кооперативов, которым руководили лица пролетарского происхождения, был хорошо организованным учреждением с отличной финансовой репутацией не только в старой России, но и во всей Европе.)

До нас дошли слухи о том, что дела в зернограде развивались не так успешно, как предполагалось. Нынешний директор, м-р Кудинов, лишь недавно назначенный, охарактеризовал структуру и задачи этого большого семеноводческого хозяйства, но к концу нашего совещания, к сожалению, оказалось чересчур поздно для того, чтобы осмотреть работы. Возвращаясь в Ростов, мы проехали по одному из участков, на которые разбит совхоз. Общий вид полей и состояние озимых зерновых можно определить, как «приличное». Мы смогли бросить лишь беглый взгляд издали на здания и оборудование совхоза.

На следующий день мы посетили молочный потребительский кооператив в Ростове. Это предприятие, работающее всего два года, хорошо выстроено, с санитарными полами и белыми изразцовыми стенами. Оно хорошо оборудовано современной

аппаратурой по обработке и охлаждению молока. Имеются контрольные лаборатории, как химическая, так и бактериологическая. Работники, непосредственно соприкасающиеся с продуктами, должны принимать душ и надевать при входе чистую одежду. Имеется комната для маникюра, где ухаживают за ногтями. Работу хозяйства в некоторых отношениях нельзя считать безупречной. Например, окна не закрыты занавесками от мух. Тем не менее, по сравнению с довоенной системой распределения молока по всей южной России, это молочное хозяйство является огромным достижением.

Между народами, составляющими большой Союз Советских Республик, имеются значительные различия в расовом отношении, в традициях и привычках. Надо полагать, что реакция этих различных народов на инициативу центрального правительства не может быть одинаковой, и что результаты не могут быть всюду в равной мере успешными.

Днепропетровск

В деле перехода от прежней системы сельского хозяйства, основывающейся на традиции, обычае и привычке, к рациональному сельскому хозяйству, основанному на приложении науки к практике, научно-исследовательские институты, подобные Днепропетровскому, играют самую крупную роль. На нас произвел глубокое впечатление характер людей, ведущих исследовательскую работу в Институте, а также величие предоставленного в их распоряжение оборудования. Мало что можно было критиковать и многое заслуживало похвалы, как в городском институте, так и на опытной станции, расположенной в нескольких милях от города. И то, и другое по своей работе могло бы весьма успешно выдержать сравнение с какой-либо из наших менее крупных опытных станций.

В Днепропетровске мы встретились с окружным руководителем коммунистической партии. К концу нашего посещения селекционной и опытной станции м-р Сердюк сказал, что политический руководитель пригласил нас в свое учреждение. Мы приехали туда около 9 часов вечера и застали энергичного молодого человека в возрасте около 28 лет. Наша беседа, длившаяся полчаса, была строго ограничена сельскохозяйственными вопросами. После краткой беседы он пригласил нас проехаться с ним и проделал с

нами 30 км. по пути обратно в город. По дороге он попытался втянуть нас в политический разговор, но мы уверили его в том, что ничего не понимаем в политике и, будучи научными работниками, интересуемся только научным и сельскохозяйственным развитием СССР и не интересуемся политическим положением. (*Это заявление американских специалистов, как показывает их доклад, не соответствует действительности. В действительности их интересовало все(!) — от экономики и политики до подробностей быта и личной жизни граждан новой, Советской России. — НАД.*)

Русский народ, несомненно, пробуждается к политической сознательности. В нескольких случаях нас спрашивали о нашем мнении по поводу советской системы управления. Не изучив этой системы, мы были не в состоянии отвечать.

Харьков

В Москве мы столько наслышались насчет шпионажа и нежелания властей сообщать факты, что в Ростове и Днепропетровске мы несколько опасались задавать вопросы. Но по прибытии в Харьков мы были так сердечно встречены А.П. Босковым и его товарищами, которые отнеслись к нам, как к коллегам, что смогли более интимно ознакомиться с сельскохозяйственной структурой области. М-р Босков сообщил о Харьковской области следующее:

общая посевная площадь составляет 4.400 тыс. га, из которых 3.900 тыс. принадлежат колхозам. Имеется 5.200 колхозов со средней площадью от 600 до 800 га. Кроме того, имеется 46 свиноводческих совхозов, 42 свеклосахарных, 24 животноводческих, 11 селекционных и несколько других специализированных хозяйств.

Распределение пашни следующее:

Озимая пшеница	640 тыс. га
Яровая пшеница	360 тыс. га
Рожь	600 тыс. га
Ячмень	300 тыс. га
Овес	240 тыс. га
Кукуруза	70 тыс. га
Сахарная свекла	200 тыс. га
Кормовые травы	400 тыс. га

Из общей площади озимой пшеницы в 640 тыс. га, 460 тыс. га засеяно в 1934г. улучшенной пшеницей. Улучшенными сортами яровой пшеницы засеяно 275 тыс. га из общей площади в 360 тыс. га.

В 1930 г. в Харьковской области было всего лишь 700 тракторов, главным образом американского происхождения. В 1934 г. имелось 6400 тракторов — главным образом русского производства, сконцентрированных в 127 МТС и распахавших 3 миллиона га.

Наше первое соприкосновение с сельской жизнью и коллективным ведением хозяйства имело место вблизи Харькова в селении Ольшня — большом городе с 10 тыс. жителей, из коих 8 тыс. работают в колхозах. **Прежде это село было окружено полосками земли в несколько ярдов ширины и до тысячи и больше ярдов длины. Каждый крестьянин владел одной или несколькими полосками, разбросанными на различном расстоянии и в различных направлениях от центра села. Долгие часы уходили на ходьбу от одного мелкого участка к другому в период вспашки, сева и уборки. Тысячи этих узких полосок были слишком малы для применения каких-либо машин, более сложных, чем плуг или простая косилка. Посев производился вразброс, и по краям невозможно было не забросить семена на соседние полоски. Крестьянин засеивал одну из своих полосок, скажем, пшеницей, его сосед справа — овсом, а сосед слева — рожью. При уборке первый крестьянин мог обнаружить смесь пшеницы, овса и ржи. Крестьянское зерно было всегда нечисто и всегда неоднородно. (Следовательно, это зерно имело нетоварный вид и не пользовалось спросом на мировом рынке. Уже хотя бы поэтому царская Россия не могла кормить весь мир. — НАД.)** (Примечание. Эта система в настоящее время существует в большей части центральных и юго-восточных стран Европы. В Австрии и Чехословакии были предприняты попытки объединить принадлежащие отдельным крестьянам земельные участки в единое владение, но до сих пор успехи в этом направлении невелики.)

В Ольшне тысячи мелких участков объединены в 8 больших колхозов. Каждый колхоз разбит на несколько больших полей, каждое из которых отведено под отдельную культуру, включенную в ту систему севооборота, которая пригодна в местных почвенных и климатических условиях. Каждый колхоз в Ольшне получил от правительства улучшенные сорта зерна (пшеницы, овса, ржи, ячменя и т.п.), которые, по мнению комиссии специалистов, были сочтены наиболее подходящими для местных условий.

Для вспашки, посева и уборки части полей в каждом колхозе употребляются лошади и конные орудия, но большая часть работы продельвается тракторами областной машино-тракторной станции (МТС). Благодаря работе машин земля глубоко вспахивается и хорошо взрыхляется там, где это нужно. Где упот-

ребляются плуги с лошадьми или с быками, там упряжка делается достаточно большой, чтобы обеспечить эффективную работу.

Подобного рода объединение мелких участков имело место по всей России, и мы должны признать, что в этом отношении произошла огромная перемена к лучшему, которая должна сыграть большую роль в сельском хозяйстве. Мы имели возможность лишь поверхностно обозреть это изменившееся положение в Ольшне и трех других местах, и можем сделать лишь весьма **общий качественный вывод**, основанный на том, что мы видели. **Количественная оценка** совершившейся перемены может быть сделана лишь после тщательного изучения. Однако, факт то, что прежняя неудовлетворительная система чересполосного хозяйства почти полностью ликвидирована и заменена системой, при которой имеется возможность организовать рациональное сельское хозяйство.

Общие результаты объединения земельных участков имеют тройкий характер: 1) лучшая обработка почвы и, вследствие этого — 2) увеличение продукции; 3) однородность продукции.

Крестьяне, прежде обрабатывавшие эти полосы, соединенные таким образом в несколько больших полей, образующих колхоз, стали колхозниками, которыми руководит выборный председатель. (Примечание. В большинстве случаев выборный руководитель является одним из местных колхозников. Иногда же он - посторонний человек, рекомендованный правительством. В СССР имеется несколько тысяч таких председателей. В 4-х посещенных нами колхозах 3 председателя были местными колхозниками и один был посторонний.) В Ольшне председатель колхоза им. Сталина — крестьянин местного села, наделенный необычной энергией, способностями и предусмотрительностью, весьма гордый достижениями своего колхоза. Члены колхоза сгруппированы в бригады под руководством выборных лиц, которыми являются обычно наиболее способные крестьяне данной группы. Каждая бригада специально занимается какой-либо одной отраслью сельского хозяйства. В колхозе им. Сталина имелась животноводческая бригада, несколько полеводческих бригад и огородническая бригада. Для надобностей каждой отрасли хозяйства возведены постройки: хлева для лошадей и скота, свинарники, житницы, подвалы для хранения картофеля и овощей. Эти постройки в Ольшне не хуже тех построек, которые можно было обычно встретить в прежнем крупном поместье, и несравненно выше любой постройки, которую имел возможность выстроить для себя крестьянин-единоличник.

Колхозная земля была обмерена, и составлен кадастр с указанием размеров, очертаний и месторасположения каждого поля.

Копия этого плана подшита к делам колхоза и имеется в различных правительственных учреждениях. Правительственный Плановый Отдел устанавливает севооборот и решает, какая культура должна быть посеяна в данном году на данном поле. В колхозе имени Сталина в Ольшне было несколько полеводческих бригад, а поля, отведенные под эти культуры, были разбиты так, что каждая бригада пашет, засеивает и убирает свою часть поля самостоятельно. Для каждого поля ведется отдельный учет затраченного времени и полученной продукции, причем, бригады соревнуются между собой в уменьшении трудовых затрат и увеличении продукции.

В первый год организации колхозов колхозники пользовались теми орудиями, какие у них имелись до момента коллективизации, а для хранения урожая — своими, разбросанными по всему селу, строениями. Затем, однако, были разработаны планы строительства колхозных хлевов, складов и других зданий, получившие одобрение центральных властей. Крестьяне сами выполняют большую часть строительных работ, а правительство авансирует колхозу наличные деньги для закупки материалов в долгосрочный кредит. (Примечание. Долгосрочные займы предоставляются из 6%.) Все 4 колхоза, которые мы посетили, были заняты сооружением необходимых построек. Некоторые уже были закончены. В этих постройках не было решительно ничего несурзадного; они основательны, по большей части крыты соломой и достаточны для надобностей практического хозяйства. Они гораздо лучше тех построек, которые прежде принадлежали отдельным крестьянам, в особенности же склады для зерна, овощей и т.д.

Правительство предоставляет также колхозам кредиты для закупки машин, скота и разного рода материалов (удобрений и т.п.) для коллективного пользования.

Крестьянин за свой труд получает стандартную плату за стандартный день. (Примечание. Каждый работник имеет свой счет трудодней, на который ежедневно заносится количество проработанных им часов. Счет передается бригадиром также бухгалтеру правления колхоза. Эти ежедневные записи заносятся в общий список, вывешиваемый на стене в помещении правления колхоза, с уведомлением всех работников, что они должны сравнить данные цифры с цифрами, занесенными в их книжки, и немедленно сообщить о всех расхождениях. Прежде, чем была введена эта система, было очень трудно

давать каждому работнику справедливую долю колхозной продукции.) Бригадир и председатель колхоза получают соответственно больше простых рабочих. Стандартная дневная зарплата в одном селе составила 2,5 клгр. зерна, 3 клгр. картофеля, 4 клгр. других овощей и 1/2 кг вина.

Как муж, так и жена могут работать на поле или в хлевах; старшие дети могут заменить жену. В страдную пору работникам засчитываются сверхурочные, и работник может заработать от 300 до 400 трудодней в год. Семья может либо потратить весь свой доход, либо продать излишек на крестьянском рынке.

Чем большую часть работы делают бригады, тем меньше остается работы для трактора, работники которого должны получать плату за свои услуги. Учет сбора с каждого поля выводится отдельно и с этих итогов вычитаются суммы, уплачиваемые МТС и бригадам, равно как и «налоги» государству. (Примечание. Этот, так называемый, правительственный «налог» представляет определенное количество продукции с гектара, с единицы скота и т.д., которое, по требованию правительства, должно быть продано правительственным органам по цене более низкой, чем рыночная.) Делаются также отчисления в посевной и нормальный запасной фонд. Колхозный Совет может принять решение об отчислении еще некоторой доли на общие улучшения. (Примечание. Один колхоз близ Одессы приобрел для нужд своих членов самолет.)

Остаток либо распределяется в натуре, либо продается правительству по рыночной цене, и деньги распределяются в виде премии на основе количества проработанных часов и с учетом характера и качества проделанной работы. Члены бригады, давшей большую часть излишка, получают большую часть премии. Делается все возможное для стимулирования индивидуальных усилий.

Каждый колхоз имеет лабораторию, где испытываются семена и образцы засеваемых растений и где демонстрируются их заболевания и язвы. На образцах растений показывают корневые и другие отличительные черты, а также демонстрируют коллекции других культур. Лабораторией одного из колхозов руководит местный крестьянин, который в течение года работал с агрономом в совхозе и имеет природную склонность к этому роду работы. Задача лаборатории разъяснить крестьянам характерные особенности тех растений и животных, с которыми им приходится иметь дело. Это — одно из многочисленных мероприятий, при помощи ко-

торых Советское правительство стремится создать мыслящее сельское население, которое должно стать фактором большого значения в жизни села и в деле поднятия производительности труда.

Общее мнение всех тех, с кем мы беседовали, сводится к тому, что коллективизированные крестьяне либо убеждены в том, что колхозная система лучше прежней чересполосицы, либо же они принимают существующий порядок, как неизбежное. Сберегается время, тратившееся прежде на ходьбу от одного отдаленного маленького участка к другому, крестьяне работают меньшее количество часов, чем прежде, и в среднем получают для пропитания своей семьи большее количество и больший ассортимент продуктов. Это означает повышение жизненного уровня и увеличение потребления продовольственных продуктов в деревне по сравнению с дореволюционным периодом.

Продовольственные фонды семьи часто пополняются продуктами со своего приусадебного участка. В одном из сел, которые мы посетили, каждое хозяйство в дополнение к колхозному стаду имело свою свинью. В этом селе 80% хозяйств имели свою корову. Правительство ставит своей целью, чтобы каждое крестьянское хозяйство имело свою корову.

В течение 1933-34 гг. Советскому Союзу не повезло в том отношении, что сельскохозяйственные планы были опрокинуты засухой, поэтому невозможно оценить производственные результаты богато оснащенного крупного хозяйства. Однако в 1934 г. новая система была уже довольно тщательно организована и, при средних условиях, можно ожидать увеличения продукции, а сочетание благоприятных факторов дало бы крупный излишек продукции. До какой степени на подобной возможности отразится увеличение потребления – остается открытым, но вся эта проблема отныне требует пристального внимания с нашей стороны.

Увеличение продовольственных фондов не является единственным моментом в улучшении условий деревенской жизни. До революции женщины обычно работали на полях наряду с мужчинами так же, как это имеет место во всех странах юго-восточной Европы. Эти женщины обычно брали своих грудных младенцев и малых детей в поле, и там они проводили время среди глыб земли. Дети старшего возраста обычно работали вместе со своими родителями. Хотя в некоторых деревнях существовали школы, посещение их не было обязательно. Сейчас каждый ребенок посещает

школу в течение определенного количества лет. Дети дошкольного возраста получают уход в детских садах и яслях. Исходя из нашего западно-европейского уровня, эти сельские учреждения кажутся примитивными и оставляют желать много лучшего, но по сравнению с тем положением, когда ребенок оставался на поле под телегой среди грязи и насекомых, это — чудеса комфорта. Многие крупные села имеют больницы с родильными приютами — вещь, до революции неслыханная.

Деревенская жизнь по-прежнему основана на принципе размещения одной семьи в одном доме — в противовес сосредоточению в некоторых городах сотен семей в огромных жилых домах, похожих на бараки. Семейная жизнь осталась нетронутой. Один американский студент, изучавший в течение нескольких недель положение в зернограде, сообщил, что теперь женская независимость более обеспечена, и что женщины постепенно берут на себя руководство. Обычное в старой России битье жен, как говорят, фактически исчезло.

Деревенское жилище состоит из дома с садом или двором, где часто имеется огород. Имеются хлева и сараи для скота. В Ольшне мы посетили два жилища. Кучи сена в каждом из них указывали на то, что в личном владении имелась лошадь или корова (мы не спрашивались, какое количество частного имущества может иметь отдельное лицо).

Дети дошкольного возраста получают в яслях пищу три раза в день. Ночью они спят дома с родителями. Помимо своих семей колхозники колхоза им. Сталина содержат 15 сирот под наблюдением особой няни. Этим детей не отправили в городской государственный приют, а воспитывают здесь же в деревне, где жили и умерли их родители.

Некоторые из церковных зданий остались, но те, которые мы видели, выглядят потрепанными. Рассказывали, что в семьях, где муж и жена — пожилые люди, все еще висят семейные иконы, но что молодые пары заменили их портретами Ленина и Сталина. В некоторых из брошюр, которые мы читали, о Ленине и Сталине говорят почти как о высших существах, о кулаках же (богатых крестьянах) — как о дьяволах.

Образец крестьянского радушия мы видели в Ольшне, где женщины колхоза им. Ленина дали нам импровизированный завтрак. Когда мы возвратились с обхода полей и хлевов, мы нашли два длинных стола, расставленные, по-видимому, в их клубном поме-

щении. В конце зала была сцена, а во время закуски наш слух улаждал граммофон. Закуска состояла из холодного мяса, сыра, меда, черного и белого хлеба. Городские работники привезли бутылку коньяка, а у крестьян был большой запас водки. Сначала руководитель местной организации компартии произнес речь, в начале которой он указал на достижения Ленина и Сталина и коммунистической партии (ни один из ораторов, которых мы слышали в России, не обходится без того, чтобы не упомянуть о Сталине или процитировать его в своей речи). Было упомянуто о двух великих республиках, борющихся за всеобщий мир, и речь закончилась теплым приветствием по адресу заморских гостей. М-р Босков приветствовал нас от имени сельскохозяйственных рабочих Харьковского Округа, а председатель колхоза от имени колхозников. Мы прониклись сердечным духом собрания и благодарили их за их гостеприимство.

После предварительной закуски женщины подали нам жареных цыплят, жареный картофель, помидоры, соленые огурцы, вино и горячее молоко. Речи продолжались, и в перерыве няня, воспитывающая сирот, принятых колхозом имени Сталина, привела всю группу детей, которые по-русски произнесли маленькую приветственную речь. Все вместе явилось весьма дружеским выражением радушных чувств крестьян по отношению к Америке. Когда настало время отъезда, вся группа, мужчины, женщины и дети, столпились и выкрикивали пожелания приятного пути, пока мы не потеряли их из виду.

Колхозы весьма неодинаковы по размерам и по характеру. Хотя мы не посетили подмосковных колхозов, мы узнали, что некоторые из них занимаются одной-единственной культурой, например, картофелем. Работники получают зарплату в картофеле и должны продать излишек на еженедельном базаре, чтобы приобрести для себя предметы первой необходимости, что причиняет значительные трудности. Резкий контраст с подобным специализированным однокультурным хозяйством представляет колхоз «Новая Культура», недалеко от Олышны. Это — маленькое хозяйство из 380 га, включая пастбища и лесной участок. Оно охватывает 88 семейств и 140 работников. Иначе говоря, на семью приходится около 10,4 акра. Хозяйство имеет 65 коров и 15 телят, 50 лошадей, 37 овец, 35 свиней и множество кур и уток. Имеется свыше 100 ульев. Сельскохозяйственные работы разнообразны: 96 га под пшеницей, 63 — под ячменем, 30-40 — под сахарной свеклой,

7 — под картофелем и 4 — под просом. Председатель колхоза — расчетливый старый крестьянин, о практичности которого свидетельствуют полные житницы и скирды сена, откормленный скот и воодушевленные рабочие. Постройки и оборудование — соответствующие своему назначению, без показного лоска. Это хозяйство — выдающийся пример того, чего можно добиться всюду в СССР при условии, если председатель колхоза обладает энергией и здравым смыслом.

Большая часть совхозов, которые работают на пользу правительства, узко специализированы (свиньи, скот, свекла, семена и пр.). Многие из них велики, и ими неудобно руководить. Но другие, подобные тому совхозу, который мы посетили вблизи Харькова, разносторонни и обслуживают какую-либо городскую организацию. Вблизи колхоза «Новая Культура» имеется совхоз в 2200 га, обслуживающий своей продукцией — овощами, мясом и молоком — рабочих одного из Харьковских паровозостроительных заводов. Это хозяйство имеет 278 га под озимой пшеницей, 150 под овсом, 200 под ячменем, 202 под люцерной, 300 под викой и овсом и 150 га лугов помимо обширных огородов, которые в 1934 году дали Харьковскому заводу 1500 тонн овощей. В том же году совхоз отгрузил в Харьков 300 тонн молока и 35 тонн мяса. Его план предусматривает 415 коров и 200 породистых свиней. Было уже темно, когда мы приехали в совхоз, и мы не имели возможности осмотреть поля или здания. Около 500 рабочих, мужчин и женщин, работают в течение летнего сезона, они получают зарплату, но, в отличие от колхозников, не получают премий в годы большего урожая. По-видимому, это хозяйство работает по принципу Харьковского паровозного завода — «производства для потребления». Это противоречит большей части других типов советского сельского хозяйства, как колхозов, так и совхозов, которые, согласно принципу, изложенному Сталиным, должны работать для прибыли.

Киев

Один из крупных недочетов крестьянского хозяйства — его медлительность. Советское правительство стремится побудить крестьян к своевременному выполнению работ. Это делается двумя способами: с одной стороны, человеческому труду дается в помощь машина через посредство машино-тракторных станций, и с

другой стороны, работа колхозника стимулируется личными советами и руководством «агрономов», — напоминающих наших провинциальных агентов.

В Киеве мы посетили машино-тракторную ремонтную мастерскую (МТМ), обслуживающую группу машино-тракторных станций (МТС). (Примечание. На Украине имеется 154 МТМ, которые обслуживают 780 МТС, обладающих около 45 тыс. тракторов.)

Машино-тракторные станции организованы почти в каждом областном центре Украины (Здесь, очевидно, допущена ошибка — МТС были в каждом районе. — НАД.) Они обслуживают колхозы, совхозы (Примечание. Некоторые совхозы настолько велики, что содержат собственную тракторную бригаду.) и даже такие единоличные хозяйства (Примечание. Если в южных районах Украины фактически вся земля обрабатывается либо колхозами, либо совхозами, то на севере республики имеется значительное количество единоличных хозяйств.), которые велики для работы трактора. В штабе МТМ имеется телефонная распределительная доска с проводами, связанными со всеми МТС, с одной стороны, и с центральным Наркомземом в Киеве, с другой. Киев имеет непосредственную связь с Москвой. МТС связаны телефонами с деревнями, которые они обслуживают и, таким образом, каждый совхоз и фактически каждый колхоз имеют прямую телефонную связь с этими организациями, руководящими сельскохозяйственной деятельностью.

В горячую пору можно ежедневно давать распоряжения и получать ежедневные отчеты о работе, которая должна быть проделана или уже проделана. Таким путем московские власти имеют возможность постоянно внимательно следить, как обстоит дело во всех частях Союза в отношении вспашки, посева и уборки, производимых тракторами.

Канцелярия окружного «агронома» также расположена в МТМ. Он имеет непосредственную телефонную связь с главным агрономом областного земельного управления, с одной стороны, и с другой — с районными агрономами и его агентами. Таким путем высшие инстанции имеют возможность быстро спускать распоряжения и инструкции к тем точкам, где производится фактическая работа. Такая система связи должна быть очень полезной, так как она дает Москве возможность быть постоянно информированной о том, как сами крестьяне проводят на местах всякого рода полевые работы, о состоянии посевов, о вероятном урожае, итогах обмолота и т.д.

Отчеты МТМ и окружных агрономов должны составлять основу для ежегодного подсчета посевной площади, засеянной каждой культурой, земли, оставленной под паром, итогов обмолота, количества скота, урожая и т.д. С такой широко разветвленной организацией, проникающей до каждой деревни и до каждого колхоза, московское правительство потенциально имеет возможность получать более быструю и более точную информацию по сельскохозяйственным вопросам, чем, быть может, любая другая страна в Европе.

В каждой МТМ на Украине установлен типографский станок (Примечание. В других сельских районах СССР мы не видали типографских станков, и не знаем получило ли это средство передачи информации всеобщее распространение по Советскому Союзу.), которым ведает специальный редактор, издающий периодически листок. Несмотря на то, что первоочередной задачей этого листка, вероятно, является распространение политической пропаганды, он, вместе с тем, служит и местным человеческим интересам, создавая для крестьянина стимул участвовать в этом листке своими заметками и статьями. Таким путем крестьянин, выучившийся читать, получает стимул к тому, чтобы заинтересоваться происходящим вне его деревни. Крестьянин превращается в мыслящее человеческое существо с определенным взглядом на жизнь, горизонт которого выходит за пределы земельного участка, обрабатываемого его деревней. Создается национальное самосознание и взгляд на окружающий мир, вместо той индивидуалистической интроспекции, которая была характерна для дореволюционного крестьянина. С сельскохозяйственной точки зрения, этот газетный листок может играть большую роль в деле распространения агротехники и информации, которая требуется отдельным сельскохозяйственным работникам для того, чтобы разумно выполнять свои повседневные задачи.

МТМ, которую мы посетили, имеет штат в 132 человека, включая директора, канцелярских работников, бригадиров, механиков и проч. Имеется нормальное машинное оборудование для производства крупного и мелкого ремонта, а также для изготовления запасных частей. Мастерские занимают площадь в 100 га, что дает каждому работнику возможность иметь свой собственный огородный участок. При МТМ имеется 60 свиней и 5 коров.

Скорая полевая техническая помощь оказывается передвижными мастерскими, установленными на грузовиках, сконструированных таким образом, что его боковинки можно раскрыть и образо-

вать кров для тракторов и грузовиков, нуждающихся в ремонте. Существует два типа подобных грузовиков — легкий грузовик с отделениями для всех мелких запасных частей, необходимых для мелкого ремонта, и тяжелый грузовик, оборудованный токарным станком и прочими приспособлениями для крупного ремонта.

На нас произвела большое впечатление организация этих станций и различные функции, которые они исполняют.

Мы посетили колхоз вблизи Киева, специализировавшийся на производстве овощей. Председатель этого колхоза был не из местных крестьян, а посторонний человек, получивший специальную подготовку. Площадь этого колхоза составляет 779 га. Работает 370 работников. Его стадо состоит из 173 лошадей, 44 коров и 112 свиней, кроме того имеются куры, утки и гуси. Наш осмотр был кратким, но колхоз произвел на нас впечатление хорошо организованного хозяйства. Склады с большими кадками для соленых огурцов и помидоров находились в превосходном состоянии, точно так же как сараи и мастерские, где делаются бочонки и ремонтируется колхозный инвентарь. Система хозяйствования и характер деревенской жизни сходны с теми, которые описаны выше.

По возвращении в Киев на нас опять произвело глубокое впечатление сердечное гостеприимство советских работников. Киев является столицей Украины и местопребыванием правительства «малороссийской» нации. Нам предложили изысканный завтрак, во время которого приветственные речи и добрые пожелания были высказаны Р.М. Бредерско из Комиссариата иностранных дел, заместителем комиссара земледелия м-ром Григорьевым, м-ром Изоевич из ВОКСа, проф. Душечкиным из Института Земледелия и др. В этих речах подчеркивалась общность интересов между сельскохозяйственными работниками обеих великих республик и стремление к всеобщему миру.

Одесса

Та поддержка, которую оказывает Советское правительство научно-исследовательской сельскохозяйственной работе, отлично иллюстрируется зданиями и оборудованием, которые предоставлены в распоряжение сотрудников Агротехнического Института и селекционной станции в Одессе. Зеленые домики, оборудование для искусственного освещения и температурные помещения, где в любое время года можно создать условия лета и зимы,

являются образцовыми. Время позволило нам лишь весьма кратко изучить великолепные работы, которые ведутся на этой станции.

Мы особенно заинтересовались работой по «яровизации». Этот способ заключается в искусственном вызывании известных физиологических процессов в семенах (пшеницы, картофеля и т.д.) перед посадкой, что ускоряет их развитие и обуславливает созревание за несколько дней и даже недель до нормального срока для аналогичных растений, не подвергнутых этой обработке. Нам также показали методы, применяющиеся для получения пяти поколений гибридизированной пшеницы в течение менее полутора лет. По этому вопросу готовится особый доклад.

Наше посещение колхоза «Червонный Бурлак» было одним из наиболее приятных впечатлений нашей поездки по Советской России. Это — небольшой колхоз с 630 га посевной площади, в том числе 34 га виноградников. В деревне живет 134 семьи с населением около 500 человек, из которых работников 262 чел. Каждое домашнее хозяйство имеет своих свиней, кур, а 80% семейств имеют в дополнение к колхозному стаду своих собственных коров.

Строения колхоза практичны. **Во всех посещенных нами колхозах на нас произвело определенное впечатление то обстоятельство, что нигде не видно никакой попытки делать что-либо напоказ, для виду.** Делается все то, что необходимо для хорошего ведения хозяйства, и крестьянский здравый смысл избегает всего несущественного.

Председатель этого колхоза — парень всего лишь 25 лет, скромный и уравновешенный, принимающий близко к сердцу интересы колхоза.

Полевые работы хороши и вполне на уровне довоенного крупного поместья.

После обозрения полей и колхозных строений, мы возвратились в деревенский клуб и увидели, что женщины приготовили импровизированный завтрак. Пол был посыпан чистым белым гравием с морского берега. Два стола покрыты газетами, на которых были расставлены блюда с соленой рыбой (вроде небольших селедок), помидоры, нарезанный лук, хлеб и стаканы своего собственного вина. За этим последовали великолепные жареные куры и жареный картофель. Все мы сели за стол вместе с руководителями колхоза; ели, пили и провозглашали тосты в честь американских гостей, пожелания успеха колхозу, тосты дружбы между двумя великими сельскохозяйственными республиками.

На обратном пути в Одессу мы остановились в винодельческом институте и перепробовали вина, чтобы доказать нашу способность выбирать лучшие. Этот институт, кроме того, делает великолепный небродящий виноградный сок.

В Одессу мы вернулись поздно вечером и, в качестве гостей областного земельного управления, были приглашены на балет в помещение оперного театра.

Утром 10 октября м-р Ананченко и группа его товарищей взяли нас с собою за 70 километров к северо-востоку от Одессы в совхоз величиною 6.100 га, из коих 3.340 га пашни, на которой работает 450 рабочих под руководством м-ра Бесписткова. На площади в 2.643 га засеваются следующие культуры:

Культуры	га
Пшеница	890
Люцерна	878
Рожь	300
Ячмень	275
Кукуруза	300

Этот совхоз имеет свою собственную МТС с 29 тракторами. В горячую пору трактора работают в две смены по восемь часов. Каждый трактор должен выработать 2.600 часов в год.

Кроме тракторов совхоз имеет 92 рабочие лошади и 47 голов молодняка. Имеется 92 коровы (46 молочных), 1.200 овец и 230 свиней.

Полевые работы и состояние озимых хлебов великолепны — не уступают лучшим образцам, какие можно было встретить в первом-классном дореволюционном крупном поместье.

В Одессе Ф.И. Ананченко, заведующий отделом зерновых культур областного земельного управления, сообщил нам цифры, иллюстрирующие тот сдвиг, который проделан в этом округе от яровой пшеницы, ржи и ячменя к озимой пшенице и кукурузе (данные в га):

	1916 г.	1933 г.
Озимая пшеница	779.172	1.683.661
Яровая пшеница	344.048	133.480
Рожь	506.016	330.824
Ячмень	1.344.263	617.607
Кукуруза	156.944	346.026

Увеличивается поднятие паров, что иллюстрируется следующей таблицей:

1932 г.	240.000 га	1934 г.	560.000 га
1933 г.	293.000 га	1935 г. (план)	640.000 га

В период объединения мелких участков в крупные хозяйства многие богатые крестьяне (кулаки) закололи свой скот, предпочитая уничтожить его, чем передать в колхозы. Таким образом численность скота по всему СССР сильно сократилась. У нас не было ни времени, ни возможности ознакомиться с мероприятиями, принятыми для восстановления животноводства Союза, но следующие цифры показывают, что в течение 1934 г. в Одесской области получен значительный прирост поголовья скота:

	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Крупный рогатый скот	470.600	425.500	585.100
Свины	257.100	228.400	573.900
Овцы	218.300	314.000	393.500

В Одессе, как и в каждом пункте, посещенном нами за время нашей краткой поездки по Советскому Союзу, на нас произвели глубокое впечатление сердечный прием, оказанный нам местными сельскохозяйственными организациями, и выраженное научными сотрудниками и советскими работниками желание сотрудничества с сельскохозяйственными работниками США в деле развития сельского хозяйства обеих республик.

Глава 7

ХРУЩЕВ И МИКОЯН ПРОТИВ БУХАРИНА

7.1. ХРУЩЕВ ПРОТИВ БУХАРИНА

Кровавый архив

Говоря о репрессиях 37-го года, прежде всего вспоминают расстрельные показательные судебные процессы над «правой» оппозицией и то, как Сталин и НКВД расправились с лидером «правых» Н.И. Бухариным. При этом многие доказательства строятся на чьих-то воспоминаниях и страшных слухах. В лучшем случае — на каких-то отрывочных архивных материалах. Между тем в старых кремлёвских документах есть на этот счёт обстоятельные, ошеломляющие данные. Они раскрывают, как всё было в действительности, свидетельствуя, с чего на самом деле началось преследование Бухарина и его сторонников, в котором Сталин и НКВД сыграли хотя и последнюю, но далеко не решающую роль. Теперь это надо признать, даже если очень не хочется. Признать ради истины и справедливости. И, как это не покажется возмутительным, снова переписать историю. Но, если верить документам, на этот раз окончательно. После того, как в мои руки попал личный архив Н.И. Ежова, стоявшего у самых кровавых истоков 37-го года, я убеждён в этом, как никогда!

Как Хрущёв примерял «ежовые рукавицы»

После поражения курса Бухарина «на продолжение НЭПа» его, члена Политбюро и редактора газеты «Правда», в 1929 году освобождают ото всех постов и с вершин политики отправляют на второстепенные роли. После чего, как это бывает чаще всего, имя Бухарина, несмотря на предпринимаемую им активность, само по себе, естественно начинает сходить на нет.

И вот, когда о «правом уклоне» стали уже забывать, тогдашний борец с «врагами народа» и будущий отец «оттепели» Хрущёв Никита Сергеевич, — именно этот до бесконечности противоречивый деятель, — оказывается инициатором последней, теперь уже

трагической, войны против Бухарина. Именно Хрущёв дал ход докладной записке К. Чудиновой, сопроводив ее словами «лично тов. Н.И. Ежову». Записка содержала категорическую «просьбу» проверить «подбор руководящих кадров», заставляющий «проявлять исключительную настороженность» и прежде всего в газете «Известия», ответственным редактором которой был в тот момент никто иной, как Бухарин Николай Иванович...

Не зря, спустя полвека, изучая архивы 30-40-х годов, А.Н. Яковлев скажет: «Жертв на совести Хрущёва не меньше, а по сравнению с кое-кем и больше!»

Вот та взрывоопасная докладная! (Обнаружится впервые).

«Секретарю Московского Комитета тов. Хрущёву.

Никита Сергеевич!

В нашем районе имеется целый ряд редакций газет и журналов, но подбор руководящих кадров в этих редакциях заставляет проявлять исключительную настороженность.

Прежде всего о редакции газеты «Известия». В редакции работают бывшие крупные троцкисты Радек и Сосновский, правый Фин и ряд других лиц, которым бы не следовало быть в центральной газете. Говоря о Радеке и Сосновском я, конечно понимаю, что не открываю вам «Америки», но обстановка, которая создалась вокруг этих лиц заставляет меня писать Вам. (Все ошибки соответствуют тексту подлинника. — НАД.)

Эти люди к парторганизации относятся пренебрежительно — на партийных собраниях не бывают, членские взносы платят под нажимом.

Парторганизация их не знает и относится к ним с большим недоверием, особенно к Сосновскому. Причины следующие:

1) Сосновский всё время проявляет недовольство своим положением, постоянно подчёркивая, что он раньше стоял близко к т. Ленину. Обычны такие фразы: «Я и Ленин», «Мы с Лениным», «Ленин мне сказал». Очень часто Сосновский говорит о том, что раньше вожди чаще бывали на предприятиях.

... По заявлению секретаря парткома Великодворского Сосновский очень часто противопоставляет прежнее руководство партии настоящему. Сосновский держится обособленно, замкнуто, ни с кем, кроме Зорича не дружит, а у Зорича жена бывшая активная троцкистка Маковская. Совсем недавно Сосновский настаивал на том, чтобы взять эту Маковскую к себе секретарём в редакцию, но парторганизация запротестовала.

Сосновский пользуется большой самостоятельностью и фактически работает безконтрольно, как большинство людей в «Известиях», к нему ходит, как в редакцию, так и домой очень много народу. Если он работает против партии, то у него для этого исключительно благоприятная обстановка.

Теперь Радек к нему за последнее время, в связи с тем, что арестованы 2 ранее работающих с ним Танин и Тивель, отношение резко ухудшилось, тем более, что брат Тивеля Ралов и до сих пор работает в «Известиях» в иностранном отделе, а этим отделом руководит Радек.

В качестве ответственного секретаря в редакции работает Лям кандидат партии с 31 года. Этот Лям служил в Армии Деникина. С 1919 г. состоял в партии, но был исключён за подлог по служебной линии.

Дежурным секретарём редакции работает бывший правый Фин. <...> Сейчас мы проверяем и другие редакции.

Сообщая Вам всё это я прошу провести сплошную проверку кадров всех редакций.

13/VIII К. Чудинова».

Начавшиеся «сплошные проверки» в «Известиях» говорят, что это был 1935 год. Хрущёв как раз стал первым секретарём партийного комитета не только Москвы, но и всей Московской области. И ему ещё нужно было доказать, что новая метла метёт не хуже старой...

Конечно, трудно сразу понять: почему эту, «заставляющую проявлять исключительную настороженность» к подбору руководящих кадров «Известий», докладную Хрущёв как секретарь МК направил не кому-нибудь (не Молотову или Сталину), а именно Ежову? В какой-то мере ответ удалось найти в мемуарах Маленкова, записанных с его слов сыном: «*В мае 1937 года на московской городской партконференции заслушивался доклад первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Н.С. Хрущёва (на эту должность он был выдвинут Ежовым). Хрущёв задал вопрос: «Почему вы, товарищ Маленков, так затягиваете разбор дела врагов народа – ведь здесь необходима быстрота, промедление вредит делу партии и народа?»*

Действительно, именно Ежов, будучи председателем КПК, в момент продвижения Хрущёва в секретари курировал в ЦК назначение руководящих партийных кадров. И от него тогда в судьбе Хрущёва зависело почти всё! Поэтому перед тем, как пред-

принять особо решительные шаги, Хрущёв направлял дело прежде всего *«лично тов. Н.И. Ежову»*. Это – во-первых. Во-вторых, если верить архивам, Хрущёв всегда был готов двигаться вперёд всеми возможными путями, – в том числе и на волне репрессий 37 года, – только бы не породить сомнений, что его заслуженно называют *«одним из передовых новых политических вожakov огромных пролетарских масс»*.

Вместе с тем, судя по его мемуарам, он искренне считал, что так, как он делает, будет лучше для страны. И организуемая через Ежова новая перепроверка «правых» в «Известиях», – как мне видится, – осуществлялась им скорее из лучших побуждений, нежели с каким-то сознательным дальновидным прицелом против Бухарина. Во всяком случае все главные будущие «инициативы» Хрущёва, начиная с выращивания кукурузы *«от Москвы до самых до окраин»* и кончая стремлением построить коммунизм к 1980 году, заставляют думать именно так. И я почти не вижу причин обвинять Хрущёва в преднамеренности его зла. Дорога, которая привела его в ад, была вымощена, скорее всего, его хорошими, а не плохими намерениями. И кто бы что не говорил, – насколько я знаю, – пока не имеет достаточных документов, чтобы доказать обратное. Хотя, конечно, трудно объяснить: зачем(?) выдвигенец Никиты Сергеевича Иван Серов, будучи Председателем КГБ, судя по всему, решил, – как говорил мне Семичастный, – не сохранять некоторые документы тех непростых лет...

Теперь бесспорно одно: так в те дни Хрущёв только примерял «ежовые рукавицы», дабы более сильные чужие руки помогали ему делать его собственные добрые дела. А уж то, что они окажутся очень недобрыми, разве он мог знать?! Бог и Тот сперва создал Землю, человека, прочих тварей, и только потом увидел, что у Него получилось хорошо...

Как сжималось кольцо вокруг Бухарина

Желая быть точным, замечу, что, согласно обнаруженным мною архивным данным, Н.С. Хрущёв организовал обнародованную выше докладную о необходимости *«исключительной настороженности»* к подбору руководящих кадров в «Известиях» только после того, как 14.VI.1935 г. *«О крупнейших дефектах и расхлябанности в редакционном аппарате газеты»* заводделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б. Таль сообщил Сталину, Андрееву и Ежову. То есть,

предполагая реакцию названной «троицы» на письмо Таля, Хрущёв решил своим более обстоятельным сообщением об «Известиях» на всякий случай опередить паровоз репрессий Ежова по принципу: как бы чего не вышло... В самом деле, если письмо Таля свидетельствовало лишь о бесхозяйственности, безответственности и традиционных газетных недостатках руководимых Бухариным «Известий», то докладная Хрущёва предупреждала Ежова и ЦК уже о политической неблагонадёжности руководства бухаринской газеты, а значит — и самого Бухарина. Письмо Таля призывало ЦК укрепить редакцию новым заместителем редактора и новым ответственным секретарём. Тем самым предполагалось помочь Бухарину исправить создавшееся положение. Докладная же Чудиновой (благодаря Хрущёву) ставила вопрос о чистке руководства «Известий» от «бывших крупных троцкистов и правых» уклонистов, лидером которых был сам Бухарин. Это — не голые слова. Для сравнения с уже обнародованным выше посланием Хрущёва Ежову приведу показательные места из письма Таля: *«Работа «Известий» за последнее время свидетельствует о крупнейших дефектах и расхлябанности в редакционном аппарате газеты. Редакция не может обеспечить даже такие элементарные условия работы газеты, как своевременный её выход и фактическую точность публикуемых материалов. Несколько дней назад редакции «Известий» пришлось сообщить о неправильности фельетона о «чёлках». Тов. Вышинский сообщает, что расследованием установлена неправильность материалов другого фельетона (авторы фельетона бр. Тур, не проверив материалов, неосновательно обвинили людей).*

Зам. редактора «Известий» тов. Цыпин подал заявление об уходе. Редактор «Известий» т. Бухарин просит забрать т. Цыпина из газеты. Сейчас т. Цыпин в отпуску, и всю текущую работу по газете проводит отв. секретарь т. Лямм — кандидат ВКП(б), не могущий обеспечить правильную и прочную организацию дела.

<...> Редакция «Известий» требует срочного укрепления.

Для укрепления редакции «Известий» я предложил бы утвердить заместителем редактора (взамен т. Цыпина) т. Фейгина, ответственным секретарём т. Черняк».

...Шли месяцы. Проверки продолжались. Делались выводы, позволявшие делать ещё более далеко идущие выводы. И вот 19-22 августа 1936 года состоялся суд над так называемым «контрреволюционным троцкистско-зиновьевским блоком». В ходе судебно-

го разбирательства по делу Каменева и Зиновьева были обнародованы их заявления о связях с «правыми». 21 августа прокурор СССР Вышинский на всю страну сообщил: *«...мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Уланова, Радека, Пятакова, и в зависимости от результатов этого расследования будет прокуратурой дан законный ход этому делу...»*

С этого дня начались фактически официальное следствие и слежка за лидерами «правых» и прежде всего, конечно, за Бухариным. Правда, уже 10 сентября появилось сообщение, что для привлечения Бухарина и Рыкова к судебной ответственности юридических оснований не обнаружено. Следствие было прекращено, однако, как оказалось, лишь... на время. Уже 4-7 декабря в связи с получением «новых свидетельств» вопрос о Бухарине и Рыкове был вынесен на пленум ЦК ВКП(б).

На пленуме «всплыли» политические отношения Бухарина с бывшим подчинённым «известинцем» Л.С. Сосновским, на что Бухарин отвечал отрицательно: *«Я с Сосновским ни одного разговора относительно общей политики не вёл...»* Однако ему не верили. Да и как можно было проверить сказанное в обстоятельствах начавшейся личной неприязни и взаимных упрёков?! Конечно, пока Бухарин был «на коне», он вместе с соратниками всячески разоблачал Троцкого, Каменева, Зиновьева и их последователей. А когда оказался «под конём», его самого стали всячески разоблачать вчерашние соратники. То же самое наблюдалось и в отношении других, попавших под машину репрессий, бывших активных большевиков-обвинителей (Постышева, Косарева и прочих).

Они были расстреляны так же, как в день приговора 22 августа 1936 г. сразу расстреляли Каменева и Зиновьева, оклеветавших, — как утверждал Бухарин, — его(!) в надежде сохранить собственные подлые жизни...

Таким образом, «Известия» тогда стали не только политическим убежищем «правых», но и главным центром сопротивления и борьбы «правых» под руководством Бухарина против нарождавшейся диктатуры и бюрократизации общества в форме командно-административной системы управления. Правда, поначалу имевшей неподдельный характер просвещенной монархии...

Лидерами «правых», действовавшими тогда в «Известиях», были Бухарин, Радек, Сосновский, Фин и сотрудничавший с ними Лям.

Неправда, что они не были против существовавшей власти и ничего не делали, видя обкладывающую их по всем направлениям, берущую их в кольцо «диктатуру пролетариата» в лице Сталина и его сторонников. Говорить так о «правых» — значит принижать их роль, значит обвинять их в отсутствии противодействия, тогда как они всё время искали, что предпринять. Об этом свидетельствуют не столько архивы Лубянки, сколько архивы их «переписки» с читателями «Известий». Поэтому говорить так о «правых» — значит исказить и оскорблять их подлинные лица. Это были не «заблудшие овцы», а сознательные борцы за дело «правых», хотя были среди них, конечно, и люди малодушные...

Исторический казус тех дней, к сожалению, заключался в том, что и они, «правые», в конечном счёте «сползали» на диктаторский путь правления, так как это тогда была общемировая тенденция, больше того — политическая мода! Даже в самом центре земной цивилизации (Италия, Польша, Испания, Германия, Япония, Китай) — везде, где меньше, где больше, но везде в том или ином виде объективно и естественно складывались диктаторские формы правления. Да и можно ли было рассчитывать на демократические пути развития в условиях разваливающихся экономик?! Тем более, что империализм, не удовлетворённый переделом мира в Первой мировой войне, уже дышал новым переделом, предвещая Вторую мировую войну как борьбу новых тираний за мировое господство...

Если быть историком в чистом виде (то есть безо всяких пристрастий), дабы иметь возможность смотреть, как бы сверху, на все, что происходило в России, то окажется, что побежденным в 1917 г. в 20-40-е гг. ничего не оставалось, как организовать, где только можно, тайное сопротивление победившим! Фактически это были последние отчаянные попытки сопротивления в ходе Тайной гражданской войны между относительно малочисленными остатками Белой гвардии и огромными Красными массами. В голодной и холодной напряженнейшей предвоенной обстановке политических распрей 20-30-х годов в СССР Красные не могли не склониться к диктатуре, если хотели прекратить государственный и хозяйственный хаос, чтобы выжить и победить фашизм, организованно положивший уже почти всю безостановочно дискутирующую цивилизованную Европу на лопатки. Яд порождает противоядие.

К диктаторским порядкам и репрессиям 37-го года против явных врагов и сомнительных политических попутчиков Россию

подтолкнуло все более ощущавшееся дыхание Второй мировой бойни, которая стала особенно очевидной после гражданской войны в Испании (1936-39).

СССР и Германия тех лет больше других обвиняются в диктаторских настроениях. Правильнее же говорить, что Россия и Германия были в тот период гораздо сильнее других в военном отношении. Поэтому и сыграли решающую, диктующую роль в противоборстве за переустройство мира в процессе Второй мировой войны: одна сторона — как победитель, другая — как побежденный, значительно усиливший тем самым роль победителя. На этом роль диктатур в истории, казалось, исчерпала себя...

Историки, находившиеся большую часть XX столетия (ввиду существования двух потенциально враждебных систем) под контролем крайне *идеологизированных правительств*, не располагали возможностью иметь *незаидеологизированный взгляд* на развитие общества. В итоге этот предельно насыщенный событиями период оказался, быть может, самым белым пятном в истории человечества. И вот теперь под напором очевидности сверхрезультатов экономического развития (например, таких стран, как коммунистический Китай) оказывается, что «*явления диктатуры*» могут не только сохраняться всерьез и надолго, но и иметь далеко идущие перспективы. Причиной тому — стремление некоторых диктаторских режимов быть просвещенными в духе времени во всех отношениях и действовать только по науке!

Конечно, вряд ли все это(!) явится поучительным уроком хотя бы для современных политиков, ибо, как когда-то бывшие единомышленники, верные ученики и соратники Ленина, сводили между собой кровавые счета в теоретических и террористических схватках, так и сегодня шедшие еще вчера в едином строю против прежней системы демократы стали подслушивать, травить, преследовать и уничтожать друг друга морально и физически, прибегая к помощи частных сыскных агентств, заказной прессы и жестоких наемных убийц. Стало уже правилом, что все(!) революции и контрреволюции (какие бы гуманные идеи они не возвещали) в конце концов обязательно пожирают своих вождей, идя от послереволюционного хаоса к системе новых порядков и нового правления. Не просто так у поэтов наших дней (к примеру, у Льва Болдова) стали появляться следующие стихи:

*Не списывайте на большевиков
Все реки крови и помоев реки.
Все зло и подлость испокон веков
Заложены, к несчастью, в человеке...*

В самом деле, чем лучше своих предшественников нынешние демократы, дорвавшиеся до власти и дележа экспроприированных у всего народа богатств?! Где их думы народные о делах праведных?! Ждут простые люди ответа. Но новые столпы, погрязшие в своих властных и денежных разборках, не дают ответа. И вновь крутится на языках вопрос: «Куда опять идешь ты, Россия???»

Когда в 1917-м народ решил все отнять и поделить (у кучки грабивших его богачей) – это, – говорят, – было незаконно! Почему же считается законным, когда кучка ловких людей решила отнять и поделить между собой все, что принадлежало всему народу?! Это такая несправедливость, которая никогда не закончится примирением между грабителями и ограбленными. После событий 1905-17 гг. Россия неслучайно уже целый век находится в центре мирового внимания. Между тем, какую страну ни возьми, какой народ – такая и жизнь!!!

Подполье «правых» в «Известиях»

Пока Бухарин был заодно с большинством Политбюро, он всячески разоблачал «врагов народа», а когда пошёл «своим путём» – его самого стали всячески разоблачать как «врага»... Бухарин пытался напоминать о своих заслугах: «*Я дрался вместе с вами против Троцкого...*» Или говорил: «*Что расстреляли собак – страшно рад!*» (Это о Зиновьеве и Каменеве.). Увы, ничего не помогло!

Сочиняют, когда говорят: «Тогда все жертвы назначались заранее». Нет, тогда тоже шла борьба за выживание в мясорубке соперничества за «диктатуру пролетариата» в чьём-то вполне конкретном лице, как, например, в России, или за нацистскую диктатуру, как в Италии, Германии, Испании. Шёл естественный (жесткий и жестокий) отбор диктаторов, ибо стояло «такое время на дворе» – время диктатур!

Итак, именно от Хрущёва берёт начало разгром бухаринских «Известий» – как идейного центра «правых». Точнее, началось с докладной Хрущёву от некой (не рассекреченной до сих пор) К. Чудиновой. А уж докладную эту Хрущёв знал кому переправить...

Хрущёв всегда стремился дружить с верхушкой «ЧК». Сперва с Ежовым. Потом с Берией... Вот и переслал прямо «лично» — в «ежовые рукавицы» — докладную Чудиновой, чтобы его почти всемогущий покровитель завтрашний нарком НКВД Ежов навёл в подчинённой Хрущёву партийной организации «Известий» чекистский порядок. И завертелось с новой силой московское колесо репрессий...

Ежов ещё не был наркомом НКВД, но как секретарь ЦК и председатель Комиссии Партийного Контроля сразу взялся за проверки, поручив Б. Талью первым делом разобраться в «Известиях» с Сосновским, как того требовала докладная, полученная от Хрущёва.

Недоверие было к Радеку. Недоверие было к Фину. Но «особенно большое недоверие — к Сосновскому». Изучение редакционной документации свидетельствовало, что Сосновский действительно борется с установившимся режимом. Его положение в газете предоставляло для этого действительно исключительно большие возможности, и прежде всего — использование «переписки» с читателями-единомышленниками. Благодаря этому «Известия» становились «легально» действующим центром оппозиционных сил, могли создавать и направлять настроения недовольства и распространять таким образом своё влияние на всю страну.

Чтобы не пользоваться материалами НКВД, которые там некоторые способны были и сфабриковать, я решил проверить правильность данных о Сосновском, используя его «переписку» с читателями, обнаруженную в редакционных бумагах. Эта «переписка» настолько интересна и показательна, что считаю необходимым дать её довольно подробно, хотя и далеко не полностью. На её основании Таль готовил аналитические записки руководству страны.

Вот что писал он, анализируя самую свежую почту, поступившую в адрес Сосновского летом 1935 года:

«Спасибо за Вашу статью — она мне принесла много радостных мыслей».

Можно, — комментирует Таль, — немало ещё привести примеров такого рода реляций и сентенций по адресу Сосновского со стороны контрреволюционных элементов, врагов партии и Советской власти, нашедших в «Известиях» того человека, к которому можно обратиться со всякого рода своими «горестями» и «переживаниями».

В качестве примера, — продолжает Таль, — приведём некоторые выдержки из отдельных контрреволюционных писем, получаемых Сосновским.

*Классовый враг, спрятавшийся под инициалами «А. Н.», пишет Сосновскому: «Хотелось бы, чтобы Вы осветили в Ваших статьях слова Мануильского на VII конгрессе Коминтерна: «Только **теперь** (через 18 лет после революции) мы можем поставить перед собой во всю величину **в центре всех наших помыслов и дел заботу о человеке**»... Социализм для человека, а не наоборот... Так ли это? Ведь пока всё наоборот. Везде такой бюрократизм, такое бездушное сухое отношение к человеку. Кажется, личность человека, его культурность, моральные качества не имеют никакого значения, наоборот, везде и во всём играет решительную роль «что-либо социальное» или до-революционное прошлое как человека, так и его родичей по восходящей и нисходящей линии... «Так сказать, чистота арийского происхождения...».*

*Таким образом оказывается, что новые чудотворцы — это пролетариат по крови пролетарской и плоти... Боже мой, какой ужас! <...> Девяносто процентов всего мира не знает ещё учения Маркса — Ленина — Сталина. Горькая, горькая участь ждёт эти девяносто процентов грешников перед большевистской праведностью в СССР... Они не знают, сколько слёз и страданий, унижений, угнетений и позора создаёт это варварское средневековье, эта фашистско-большевистская чистота арийской крови... Они не знают, что коммунизм — ортодоксальная религия самых бездушных аристократов, чиновников, людей, сочетающих чистоту пролетарской крови с лицемерными живыми богами... Они не знают, что такое лицемерие новых фарисеев, новых **сановно-чванливых праведников!!!**»*

<...> Некто Корнеев утверждает, обращаясь к Сосновскому, что «Вы лучше меня (пожалуй) знаете, как трудно в нашей стране добиться справедливости»... «В нашей стране свободомыслящий, подлинный идейный и независимый человек это — белая ворона»... Я всё больше и больше убеждаюсь в том, что в нашей стране самоубийство является единственным средством реабилитации и разоблачения трубманов».

Служащий Боуден из Днепрпетровска: «Мне кажется, что печать имеет право цитировать или пересказывать антисоветские выступления врагов с тем, чтобы этих врагов разоблачать».

Неизвестный контрреволюционер в своём анонимном письме пишет: «В газете от 1 сего июня в заметке «Непоправимая ошибка»

Вы задеваете очень большой вопрос. Описанный Вами случай не единственный, в газетах были отмечены несколько других случаев самоубийства затравленных работников. Но в газеты попадают подобные случаи весьма редко, в жизни же их миллион. В каждом месте, на каждом производстве Вы найдёте массу затравленных людей. При всём моём уважении к правящей партии и к профсоюзу я должен сказать, что если всех этих деятелей просеять на хорошем аппарате, то останется, может быть, не более десяти процентов здоровых и плодородных зёрен, а на девяносто процентов будет совершенно негодный отсев. Кто идёт обычно в партию? Идейных людей идёт мало, остальные шкурники. Чем же занимаются эти шкурники? Склокой, шпионажем, сыском, доносами и всякими иными подлыми делами...<...> Во всех учреждениях введены парторги. Чем же они занимаются? <...>Они ищут для себя отдушины во всём противоположном. Им надо чем-то оправдать своё существование, и вот они пускаются во всю прыть на всякие гадости. <...> Наши газеты занимаются подхалимством и лакейничанием перед всеми и каждым стоящим у власти. Наша пресса не допускает никакой критики, а исповедует только «самокритику». И даёт её. <...>Здравия желаем!!! Так точно!!! <...> Кошмар, кошмар, великий кошмар!»

Сплошная контрреволюционная галиматья в письме махрового врага Советской власти, подписавшегося «И. Кор». В связи со статьёй Сосновского «Непоправимая ошибка» этот его корреспондент пишет: «Эти махровые, пышные цветы подлости, подхалимства отравляют не только жизнь Нескучаевым, но и сотням, тысячам других честных людей у нас в Союзе. <...> Вы, безусловно, правы. Режим царской России создавал условия для пышного развития исправничества и губернаторства с их беззаконием и беззащитным угнетением широких масс. Но скажите, пожалуйста, на какой основе возникли, живут и благоденствуют «трепачи» уездного, областного и даже всесоюзного – мирового масштаба? Почему здесь Вы говорите, что личности виноваты, а не режим? <...> Такими, как Штанько, заполнены все советские учреждения, нет ни одного советского учреждения, где бы не было своих Штанько... Почему же всё это существует? И режим этот поголовно везде, начиная с острова Врангеля и кончая Кремлём. <...> Наши газеты пишут о режиме в Польше, который создал концентрационный лагерь в Картуз-Березе на 5 тыс. человек! О, ужас, срам, позор! Лагерь! На пять тысяч человек! Это каторжный режим! Ну,

а у нас, тов. Сосновский, нет этих лагерей? Мы чисты, как голуби: «Гром победы раздавайся!» И что значит польский лагерь на пять тысяч человек с нашими мировыми масштабами?»

Нагло и цинично излагает всю свою контрреволюционную историю осуждённый по делу трудовой крестьянской партии (ТКП) Серёжников. Этот враг открыто в своём письме позволяет себе гнусные выпады против Советской власти и партии, их руководящих органов, против коллективизации, восхваляет правых оппортунистов и особенно гнусно инсинуирует против НКВД, обвиняя его органы в терроре, пытках и провокации. Вот некоторые выдержки из письма этого распоясавшегося врага, осмеливающегося просить своего освобождения у Советской власти, как якобы уже искупившего свою вину: «Ни режим тюремной камеры, ни подвалы ГПУ не заставили меня признаться в том, в чём я не был виновен. Мы — уцелели, хотя побуждение покончить с собой было у многих и многих (в том числе и у меня). <...> Издерганные тюрьмой нервы рисовали картины одна хуже другой... Между тем следователь искусно играл на чувствах»...

Описывая процесс признания им необходимости подтвердить свою «мнимую вину», Серёжников пишет: «<...> Партия ищет выхода и оправдания своих ошибок с принудительной коллективизацией и решила пожертвовать рядом спецов, обвинив их в саботаже и вредительстве делу коллективизации. <...> Посулы сразу облегчить режим, дать свидание и возбудить ходатайство о выпуске, перспектива спасти семью — пересилили нравственную чистоплотность и привели к тому, что я попросил бумаги и написал признание... <...> в 1925 г. Рыков А.И. провёл свой проект 77 млн. фонда на «реорганизацию крестьянского хозяйства», и этот фонд мы использовали со знанием дела и добросовестно. В два-три года мы заложили очаги культурного крестьянского хозяйства, и оно пустило корни и уже показало себя к 1928 г. <...> Но вот гром с неба, появление нового курса, шквал принудительной коллективизации на селе, забраковка всего дела нашего, смена руководства (Рыков, Смирнов А.П., Томский и др.), появление на сцене «ТКП» и всё последующее»...

Двое сотрудников научно-исследовательского института птицепромышленности Наркомптицепрома СССР Бояркин и Гармаш настоятельно просят Сосновского разоблачить в печати их директора Лосева, обвиняемого в антипартийных поступках. При этом они просят Сосновского опубликовать стихотворение, в котором «все

слова соответствуют действительности». Приведём лишь некоторые места из этого контрреволюционного стихотворения:

*«У Наркомата Пищепрома
Есть птицеводства институт,
там у директора в хоромах
Дела чудные вопиют...
Там крепостное время в праве,
Людей там купят, продадут,
А кто продасться не захочет,
Законы тотчас подведут...»*

Необходимо добавить, что письма, которые действительно заслуживают внимания и требовали вмешательства редакции «Известий», как правило, игнорировались и вместе с контрреволюционной перепиской Сосновского сваливались в архив. Зlostнейшие контрреволюционные письма не сдавались в НКВД (по установленному порядку), а собирались в папках у Сосновского.

Мне кажется, что в порядке очистки аппарата редакции «Известий» следует освободить Сосновского, который и теперь не нашёл ничего лучшего, как представить никуда не годную жульнически протаскивающую прославление Троцкого статью.

Прошу это санкционировать.

7/IX Б. Таль

Санкцию «освободить Сосновского» дали быстро, а вскоре выдали и санкцию ... на его арест. Такой была только 1-я реакция на послание Хрущёва «лично тов. Н.И. Ежову»...

Между тем, осознавая страшные последствия нарождающегося ягода-ежовского и бериевского произвола, Сосновский действительно, получая в свой адрес страстные и предельно откровенные разоблачительные письма читателей, отбирал среди них тех, кто так или иначе был против нового режима. Он понимал, что, если понадобится, можно(!) будет опереться на этих бесстрашно и искренне высказывающихся людей.

Сегодня, глядя из Будущего на то, что происходило тогда, нельзя не сравнивать факты и... нельзя не делать выводы! Как это не печально, но напрашивается признание, что в который уже раз с приходом новой власти для широких масс мало что сразу меняется. Каждый раз требуется проявить терпение. И это объяснимо и оправдано. Вместе с тем всегда: тот прав — у кого больше прав! Так было до 1917 года. Так было после. Так есть и сейчас. И не только в России!!! Наряду с этим материально при социализме большинству

(и заметно!) жить было лучше, хотя и имела место чаще всего обидная, угнетающая уравниловка для трудяг и лентяев, для талантов и серостей, для принципиальных и поддакивающих граждан... Она и погубила этот «казарменный социализм».

Прав был поляк Кароль Войтыла, известный миру как Папа Римский Иоанн Павел II, когда говорил, что ни капиталистическое, ни социалистическое государственные устройства проблему прав человека не решают! Решил бы коммунизм, обходящийся без государственности чиновников, однако он вновь кажется недостижимой мечтой человечества. Единственный на сегодня очевидный для большинства выход видится в том, чтобы выбирать из всех имеющихся зол наименьшее. Да и этот выход возможен только тогда, когда есть настоящая свобода выборов прежде всего для двух основных реально конкурирующих и тем самым более или менее контролируемых друг друга (на предмет коррупции!) сил, а именно: для партий буржуазно-демократического и социал-демократического направлений.

Что касается СССР середины 30-х годов, когда произошёл коренной перелом от капитализма к социализму, обозначившийся принятием Социалистической Конституции, то здесь необходимо заметить, что в 1935 г. жило ещё очень много людей, которые жили при царе и не забыли, как было до 1917 г., и как стало после. Неслучайно поэтому у читателей «Известий» тех лет появляется убийственный вопрос: *«Вы, безусловно, правы. Режим царской России создавал условия для пышного развития исправничества и губернаторства с их беззаконием и беззастенчивым угнетением широких масс. Но скажите, пожалуйста, на какой основе возникли, живут и благоденствуют «трепачи» уездного, областного и даже всесоюзного — мирового масштаба? Почему здесь Вы говорите, что личности виноваты, а не режим?»*

А ведь со дня Революции не прошло и 18 лет! Значит, не только в людях что-то не так, но и в системе жизни вообще — будь то самый успешный царизм или самый гуманный социализм?!

Кстати, тогда (да и до последнего дня!) велись разговоры, как затравливают в СССР хороших людей. Хотя следовало бы признать, что говоривший это тем не менее считал, что, — упаси, Боже, если он кого-то травит, — это окружающие травят его!..

Очень поучительно выглядели посылаемые в «Известия» отовсюду отклики читателей Сосновского. Этого не мог не видеть наблюдательный Таль. Не просто так подобрал он процитирован-

ные письма на большие темы. Хотя он и употребляет, информируя высшее руководство, самые резкие выражения по отношению к обвиняемым им в контрреволюции читателям, тем не менее складывается впечатление, что во многом он поддерживает правоту их слов и хоть таким путём пытается помочь им докричаться до Политбюро, чтобы оно, что называется, из первых рук узнало, чем в действительности дышит наиболее думающий и «*подлинно идейный*» народ.

С другой стороны, страшная ирония судьбы заключается в том, что и Таль, обвинявший читателей Сосновского в контрреволюционности, через 3 года сам окажется обвинён в том же и... в 1938 г. будет расстрелян. Так что не исключено, что на самом деле Таль был единомышленником Сосновского и других «правых» во главе с Бухариным. За это говорит и его первое письмо, призывавшее укрепить кадрами, а не репрессировать бухаринские «Известия». Он даже «*бывшего денкинца Ляма*» не предлагал уволить. За это (в том числе и за это) и поплатился.

А то, что главную роль в разгроме «правых» в «Известиях» во главе с Бухариным сыграло послание Хрущёва Ежову, многократно подтверждается другими материалами. В них везде основным выступает поднятый Хрущёвым вопрос о подозрительно антисоветском **подборе руководящих кадров «Известий»**. Вот несколько показательных цитат из разных источников.

Ежову от Таля (1935-36 гг.)

«Нами был проверен аппарат редакции и секретариата «Известий ЦИК СССР». Обнаружена сильная засорённость троцкистами, антисоветскими, чуждыми и сомнительными людьми (бывшие белогвардейцы, попы) и иноподданными.

Во всём редакционном и литературном аппарате очень низкая партийная прослойка: на 248 чел. всего лишь 50 членов и 3 кандидата ВКП(б), причём, значительная часть из них имеет серьёзные партийные взыскания за антипартийные проступки.

В комплектовании аппарата «Известий» царили хаос и неразбериха. В редакции нет ответственного работника за подбор сотрудников (отзвук послания Хрущёва Ежову 13.08.35. — НАД.). В аппарат принимались люди по телефонным звонкам и без всякой проверки.

Комиссия считает, что ответственность за такое состояние аппарата редакции и секретариата «Известий ЦИК СССР» несёт не-

посредственно ответственный редактор «Известий» Николай Иванович Бухарин, который вместо бдительной заботы о подборе выдержанных и проверенных кадров газеты сам непосредственно способствовал значительному засорению аппарата редакции и перевернул важнейшее дело подбора кадров секретарю редакции Ляму — бывшему деникинцу, исключавшемуся из партии, скрытому троцкисту (второй отзыв послания Хрущёва Ежову 13.08.35. — НАД.).

Ежову по агентурным данным НКВД (1935-36 гг.)

(Одно из подтверждений о работе в «Известиях» иноподданных)

«Совершенно секретно

СПРАВКА

Гаус, он же Гаусшильд Роберт, 1900 г. рождения, германский подданный, работает в редакции газеты «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК в качестве консультанта по военным вопросам. Член КПП (немецкая секция Коминтерна не имеет точных данных о времени вступления Гаусшильда в КПП равно, как и о его партийной работе).

<...> По прибытии в СССР Гаусшильд установил связь с Радеком и при поддержке последнего устроился на работу в редакцию «Известия». Гаусшильд по агентурным данным продолжает поддерживать связь с Радеком до настоящего времени (Радека освободят от должности руководителя иностранного отдела «Известий» и вскоре после этого арестуют — это третий отзыв послания Хрущёва Ежову 13.08.35. — НАД.).

<...> Жена Гаусшильда — Левен Гильда (работает на немецком радио), по её собственным словам, поддерживала связь с чиновником 1-го Отдела полиции (работа против КПП). Поведение Левен, специально пытавшейся выяснить данные о военно-политической работе КПП, дало основания для подозрения её в провокационной работе. Одновременно с этим Гаусшильд располагает широкими связями среди военных работников в СССР и проявляет специальный интерес к секретным военным вопросам и секретным делам Коминтерна.

По данным агентуры, Гаусшильд поддерживает связь с германским посольством, объясняя эту связь паспортными делами.

<...> Помимо этого, агентурные данные дают достаточно оснований для подозрения Гаусшильда в шпионской деятельности против СССР».

Ежову от Таля (после смерти М. Горького 18.06.1936.)

(О фоторепортёре «Известий» Скурихине А.В.)

«...В 1933 году произвёл на Сев. Кавказе несколько фотографий к. р. характера и прислал их в Москву, сопроводив запиской: «Везде валяются трупы лошадей, а также людей. По дорогам идут человеческие караваны с мешками на плечах. В некоторых колхозах в конюшнях лошади подвязаны на верёвках — не могут стоять. Снял, потому что это — история. А. Скурихин».

(Это четвёртый отзвук послания Хрущёва Ежову 13.08.35 с «просьбой провести сплошную проверку кадров». — НАД.)

Талю от помощников Мишуриса и Левина

(После отстранения Бухарина от должности редактора «Известий» 17.01.1937 г.)

«Проверка работников корреспондентской сети, корректуры и издательства «Известий» установила исключительную засорённость этих важнейших участков газеты. Среди работников перечисленных учреждений имеются: имеющие отношение к троцкистам служившие в Белой Армии, бывшие офицеры, состоявшие в некоммунистических партиях, исключённые из рядов ВКП(б), работавшие на территории белых, судившиеся, люди, не внушающие никакого доверия в политическом отношении, и т. п. Всё это лишний раз свидетельствует о преступном отношении прежнего руководства газеты (Бухарин, Селих) к подбору кадров, как уже отмечалось и по редакционному аппарату (Это пятый отзвук послания Хрущёва Ежову 13.08.35. — НАД.).

<...> Аппарат издательства фактически ни разу не проверялся со времени существования газеты. Люди работают годами, никто не интересуется состоянием аппарата; парторганизация и дирекция издательства не занимались со всей тщательностью и ответственностью подбором кадров.

<...> Секретарь парткома Блат откровенно заявил нам, что парторганизация не ставила и не обсуждала вопросы подбора кадров в издательстве (Примечание: тогда издательство «Известия» подчинялось ответственному редактору газеты, т. е. Н.И. Бухарину. — НАД.). В самый разгар нашей работы Блат и зам. директора издательства Хайкин уехали в отпуск. Особенно безответственно подошёл к делу зам. директора издательства, член ВКП(б) Хайкин, который обнаружил не только полнейшее незнание аппарата издательства, но и пытался замазывать факты засорённости аппарата, самодовольно заявляя, что по его мнению подбор работников в основном удовлетворителен.

Не лишне отметить, что Хайкин в прошлом член партии «Поалей-Цион», член Стародубского комитета этой партии.

Аппарат издательства плохо окоммунизирован. Важнейшими органами издательства руководят беспартийные, не внушающие к себе необходимого доверия: начальник производственно-оперативного управления Майзус, работавший в издательствах буржуазных газет; начальник финансового управления Кристер, работавший на территории белых на Украине и имевший связь с немцами; начальник управления подсобных предприятий Геллер, бывший меньшевик...

Мы непосредственно проверили по издательству 91 ответственного работника, а также работников среднего звена. Из них: членов ВКП(б) — 11 чел., комсомольцев — 4, сочувствующих — 2. Из среды членов ВКП(б): выходцев из других партий — 2, исключавшихся из партии — 3, имеющих партвзыскания — 2. Из состава беспартийных сотрудников: бывших дворян — 3, бывших торговцев — 2, из среды помещиков — 2, из среды кулаков — 1, управляющих торговыми фирмами и помещичьими имениями — 2, исключённых из партии — 3, исключённых из комсомола — 2, состоявших в других партиях — 5, имеющих родственников за границей и поддерживающих с ними связь — 9, бывших царских чиновников — 4, служивших в Белой Армии — 2, работавших в разных учреждениях на территории белых — 12.

(То есть, с точки зрения проверяющих, 54 человека или 60% сомнительных в политическом отношении людей от числа занимавших серьёзные должности. Это в какой-то мере показывает расклад сил в Тайной гражданской войне, в которой центр идеологической борьбы «правых» находился в «Известиях» под руководством Н.И. Бухарина. Бухарин, разумеется, всё это знал и как старый подпольщик с дореволюционным стажем не мог не понимать, что это значит и чем грозит ему и его единомышленникам раскрытие «правого» подполья на базе одной из самых центральных газет. Сказать, — как это до сих пор принято говорить, — что для всех этих людей были характерны просто «идеологические шатания», значит — оскорбить этих людей, поскольку они, как могли, последовательно занимали «правые» позиции и одновременно вынуждены были в сложившихся обстоятельствах в той или иной мере лавировать, дабы вообще не оказаться вне властных структур и тем самым крайне ограничить возможности для своей легальной борьбы. Таким образом, сперва редактируемая Бухариным газета «Правда», а затем и бухаринские «Известия» были не только политубежищем, но и самым настоящим руководящим центром

«правых» в их борьбе с «диктатурой пролетариата» в лице Сталина, Молотова, Микояна, Кагановича, Жданова и их последователей и сторонников. Не видеть это может только тот, кто не хочет это видеть! Между тем это ещё раз подтверждает тот очевидный факт, что, лишившись после Октября 1917 г. **всего(!)**, элита России пыталась вернуть себе прежнее положение и экспроприированные у неё богатства всеми возможными средствами!

Свидетельством тому являются и данные о социальном происхождении и политических пристрастиях ответственных работников «Известий», изложенные в «Докладной записке» Мишурица и Левина. — НАД.)

Среди проверенных нами сотрудников издательства заслуживает особого внимания:

1. Хайкин. — зам. зав. издательства, член ВКП(б), с 1903 по 1907 г. и в 1917 по 1920 г. состоял в ЕСДРП («Поалей Цион»), член Стародубского комитета этой партии. Жил в Палестине до революции.

2. Кристер — начальник финансового управления и главный бухгалтер, беспартийный, бывший владелец имения, имел связь с немцами во время пребывания их на Украине. При немцах и белополяках работал директором гимназии, имеет родственников в Германии.

3. Геллер — начальник управления подсобных предприятий, беспартийный. С 1909 по 1917 состоял членом меньшевистской партии. Работал в меньшевистской газете в Бердичеве с 1918 г.

4. Гринберг — заведующий ФОНом, член ВКП(б) с 1921 г., служил у белополяков в армии...

5. Кудрявцева К. Т. — зам. главного бухгалтера, беспартийная, брат её кадровый казачий офицер, убит в Польше при несении охраны в рабочих районах. Муж сестры бывший белый офицер в 1935 г. выслан из Москвы. Сама Кудрявцева до 1921 г. жила и работала на территории белых в Новочеркаске.

6. Малеванный П. В. — зав. радиостанцией. Служил в штабе 9-й Красной армии в Балашове, перешёл вместе с радиостанцией к белым, служил у белых, отступал вместе с ними в Новочеркаск.

7. Гаевский В. В. — зав. автобазой. Беспартийный. По образованию юрист. В 1918-1920 г. находился на территории белых. В 1918 г. жил в Харькове, служил при гетмане Скоропадском, из Харькова уехал в Одессу к Деникину, потом в Ростов-на-Дону, затем отступил с белыми в гор. Грозный; мать и сестра жены его живут в Варшаве. Старшая дочь Гаевского замужем за австрийцем, живёт в Вене.

8. Гинс О.В. — телетайпистка. Беспартийная. Три сестры её в 1919 г. отступили из Самары с белыми. В настоящее время две из них живут во Франции, одна в Америке, имеет с ними связь...

(Кто-то скажет: «Ну и что с того, что поддерживает связь с теми, кто живёт на Западе?» На это можно ответить ему словами Путина Западу: «...Мы же видим, что в мире происходит... И куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, всё возможно, нет никаких ограничений...» «Мы думали, — говорил Александр Зиновьев, — Запад не устраивает коммунизм в России, а оказывается его не устраивала сама Россия и, прежде всего, её целостность».

Исходя из этих беспокойных слов, понятно, почему и в наши, уже далекие от советских порядков, дни по-прежнему в государственных делах приходится относиться с настороженностью к тем, кто, поддерживая связи с Западом, имеет там, как говорится, запасной аэродром. И не просто так совсем недавно настоящие граждане России, дочь и сын Светланы Аллилуевой, подтвердили, что отказались от матери-перебежчицы, а ещё раньше её брат Василий Сталин буквально проклял сестру, словно предвидел, что одним предательством отца дело у неё не кончится...

Не хуже, чем теперь, понимали всё это и в 20-30-е годы обе стороны, противостоявшие друг другу в непримиримой Тайной гражданской войне, начатой бывшей Белой элитой общества после победы Красных в открытом гражданском сражении. Живым свидетельством тех событий являются сохранившиеся подшивки «Известий» того времени, о чём, кстати, также докладывали начальству Левин и Мишурис. — НАД.)

«...Имевшие место в газете «Известия» грубые и корректорские ошибки, приобретающие политический оттенок, не случайны, а в значительной мере определяются теми людьми, которые работают в корректорском аппарате. Можно ограничиться лишь некоторым перечнем этих ошибок: «КИРЕВ» (Киров), «ебъективно» (объективно — из речи Вышинского на процессе троцкистско-зиновьевской банды), «Прелетарий» (Пролетарий), «Двор Урицкого» (Дворец Урицкого), «Едказ» (Отказ), «Ни одного плуга» (ни одного прогула) и т. д.

Среди корректоров мы имеем: прислугу, санитарку, судебного пристава, научного работника психоневролога, преподавателя-вокалиста, завхоза, артиста и т. п. Всего нами непосредственно проверено 26 корректоров, из них членов и кандидатов ВКП(б) — 2,

работавших в буржуазных газетах — 1, из среды попов — 1, торговцев — 2...»

Завершая цитирования, свидетельствующие, что именно инициатива Хрущёва положила начало разгрому «правых» в бухаринских «Известиях», следует заметить, как *«коротко, но убедительно и ярко»* об этом долгом и тяжёлом процессе отчитался перед XVIII съездом партии в 1939 г. сам Никита Сергеевич:

«...Успехи не пришли сами собой, они завоёваны в жестокой борьбе с врагами рабочего класса, с врагами крестьянства, с врагами всего нашего народа, в борьбе с агентами фашистской разведки — троцкистами, бухаринцами, буржуазными националистами... Кто посягает на землю... народа, того ждёт... проклятие народа и уничтожение, как бешеных собак...»

Бухаринский тупик

Бухарин Николай Иванович возглавил «Известия» 21 февраля 1934 г. Последний раз имя Бухарина как ответственного редактора появится на последней странице газеты в номере за 16 января 1937 г. Этот субботний день станет чёрной субботой Бухарина. Его место займёт Таль (Кришталь) Борис Маркович (1898-1938 гг.), но и его правление будет недолгим. В секретном письме *«О засорённости аппарата редакции «Известий»* новый заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис (1889-1953 гг.) напишет высшему руководству следующее: *«В течение последних лет аппарат редакции «Известий» являлся убежищем для троцкистско-бухаринских шпионов. Предпринятая Талем «чистка» бухаринского наследства в газете (её осуществляли талевские молодчики из Отдела печати — Мишуриц и Левин, недавно снятые ЦК с работы) преследовала, как сейчас установлено, лишь одну цель: под флагом укрепления аппарата редакции расставить на руководящих постах газеты троцкистов и иных шпионов. Установив личную монополию на приём и увольнение работников «Известий», Таль успел устроить в редакции таких явных врагов народа, как Мускин и Товаровский, вскоре арестованных органами НКВД. Дойдя до крайней наглости, Таль направил в редакцию своих трёх близких родственников — зятя, сестру и брата жены.*

<...> Обследование, проведённое Отделом печати, выявило чрезвычайно тяжёлое положение с кадрами в редакции. Приведём факты.

Радековско-бухаринские корешки

Кутузов-Голенищев Д.И. Временно возглавляет экономический отдел. Выходец из крупнопомещицкой, княжеской семьи. <...> Кутузов пришёл в газету при Бухарине.

Логинова Е.Н. Заведует отделом культуры. Дочь служителя религиозного культа. <...> С 1926 г. по 1930 г. работала в редакции «Правды» (т. е. тогда, когда редактором там был Бухарин, — НАД.), была связана с группой «правых», орудовавших в те годы в «Правде». <...> В «Известия» Логинова пришла в июле 1935 г. (т. е. при Бухарине, — НАД.).

Белявский П.И. Спецкорреспондент. Член ВКП(б). Сын сельского священника, служил в царской армии прапорщиком. С 1924 по 1929 гг. работал в «Правде» (т. е. при Бухарине, — НАД.). <...> Голосовал за выражение доверия лидерам «правых». <...> В «Известия» принят Бухариным...

Ландау А.М. Сотрудник иностранного отдела. Член ВКП(б). Выходец из семьи крупного хлеботорговца. <...> До революции и в первые годы Советской власти вплоть до декабря 1918 г. работал в киевских буржуазных газетах — «Последние новости» и «Киевская мысль». Ландау с 1926 по 1929 гг. работал в «Правде» (т. е. при Бухарине, — НАД.). Во время борьбы с «правыми» в аппарате «Правды» колебался, был уволен как занимавший непартийную позицию в борьбе с «правыми»...

Кальм (Кальмеер). Литсотрудник отдела литературы и искусства. Беспартийный. Из семьи крупного купца... В декабре 1935 г. перешёл в «Известия» (т. е. при Бухарине, — НАД.)...

Литинский Г.М. Литсотрудник отдела информации. Беспартийный. Из семьи крупного хлеботорговца... Литинский принят в «Известия» шпионом Фином...

Гуцо С.Э. Ревизионный корректор. Литовец. В дореволюционное время был судебным исполнителем. При белых служил в Кременчуге приставом. За время работы в «Известиях» неоднократно допускал «ошибки» в полосах. Имеет выговор за ошибки в материалах о Лейпцигском процессе и в прошлом году — выговор за искажение текста одного из правительственных сообщений.

Талевские корешки

Волгин М.Г. Заведует отделом писем. Член ВКП(б). Из купеческой семьи. Волгин никогда не был на газетной работе и направлен в «Известия» Талем в порядке насаждения своих кадров. <...> Волгин

принял и покровительствовал... Полосковой, пойманной на том, что уничтожала получаемые редакцией разоблачительные письма. <...> Настоящая фамилия Волгина — Генкин, и изменил он её в 1925 г. в Западной области незадолго до своего вступления в партию при весьма неясных обстоятельствах...

Общее состояние аппарата редакции

Для характеристики кадров «Известий» весьма показателен тот факт, что у 31 работника газеты родственники живут за границей, значительная часть которых эмигрировала уже при Советской власти.

<...> Газетой фактически руководит член редколлегии тов. Селих. По своим деловым качествам он не в состоянии навести полный порядок в редакции и обеспечить руководство центральным правительственным органом. Следует срочно сконструировать работоспособную редакционную коллегию и дать в газету группу политически проверенных работников...

Л. Мехлис 9 декабря 1937 года».

Итак, Таль убрал Бухарина, а Таля и его людей убрал Мехлис. Для многих будет новостью, что евреи разгромили евреев. И это, быть может, заставит засомневаться в серьёзности мифа об исключительной сплочённости еврейского народа, а вместе с тем признать, что и для евреев значение идей выше значения самосохранения нации.

При сравнении времён и нравов (ради исторической справедливости) стоит обратить внимание на тот факт, что, как теперь во многих цивилизованных странах существует запрет на занятие ряда государственных должностей работниками госбезопасности и разных спецслужб, так и в 20-30 — годы тоже действовали подобные правила... и не только в Советской России. Это (во все времена!) при ближайшем и добросовестном историческом рассмотрении не только объяснимо, но и достаточно оправдано!

...Теперь, когда мы проследили всю цепочку зарождения репрессий 37 года на примере коллектива газеты «Известия», становится понятным: насколько серьёзной могла становиться любая, на первый взгляд, безобидная, написанная от руки записка, если она попадала в руки таких пронизательных людей, как Хрущёв. Людей, способных любому делу придать такой необратимый ход, что останавливалось оно лишь тогда, когда все заходило в драматический и даже трагический тупик, как это было с Бухариным...

7.2. МИКОЯН ПРОТИВ БУХАРИНА

Отрывки из жизни

Бухарин: У больших людей – большие масштабы

«Родился 27 сентября (по старому стилю) 1888 г. в Москве, – писал Николай Бухарин в автобиографии, – отец был в то время учителем начальной школы, мать – учительницей там же. По специальности отец – математик (окончил физико-математический факультет Московского университета). Воспитывали меня в обычном интеллигентском духе...» Так что не было ничего удивительного, что и сын пошел учиться в Московский университет. Удивительное было в другом. Участвуя в первой русской революции 1905–1907 гг., Бухарин стал членом партии, когда ему не исполнилось и 18 лет, т.е. в августе 1906 г.

...Начались аресты. В 1911 году из архангельской ссылки бежал за границу, где работал под руководством Ленина. Так что, как говорится, было не до университетов. Позже вождь в связи с этим скажет: «Его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Между тем такие слова вождя не помешали Бухарину занять чрезвычайно высокое положение. Во многом произошло это благодаря тому, что он прославился беспощадной борьбой вначале с Троцким, а потом с Зиновьевым и Каменевым. Однако, когда в 1929 году сам занял позиции, объявленные большинством ЦК «правым уклоном», Сталин, опираясь на ленинскую характеристику, поставил вопрос: «Тов. Бухарин как теоретик». Вывод был ошеломляющий: Бухарину следовало бы быть скромнее, учиться диалектике, а он через год после смерти Ленина печатает в сборнике «Революция права» статью «К теории империалистического государства», не принятую при Ленине.

В итоге Апрельский Объединенный пленум ЦК и ЦКК 1929 года решает, что действия Бухарина Николая Ивановича расходятся с политикой партии. Его освобождают от должности ответственного редактора «Правды» – главной газеты страны, которой он

руководил с декабря 1917 года. Но Бухарин от своих взглядов не отказывается и продолжает выступать против генеральной линии ВКП(б). И тогда (через полгода) уже Ноябрьский пленум выводит его из Политбюро, членом которого он был с 1924 года, а кандидатом в члены избран еще в 1919-м...

Такими были последствия выступления Бухарина против, по его мнению, необоснованного форсирования темпов индустриализации и против чрезвычайных мер, введенных в связи с хлебными затруднениями и ударивших по зажиточному крестьянству. Эта тема подробно освещалась в средствах массовой информации, а вот о том, что было потом, знают только посвященные. Поэтому есть смысл представить один из самых скандальных документов того времени. Документ связан с именем по сей день не изученной личности «непотопляемого члена Политбюро» А.И. Микояна, про которого вместо характеристики знаменитый шеф КГБ В.Е. Семичастный предложил мне два анекдота. Первый: «Без инфаркта и паралича — от Ильича до Ильича». То есть от Ленина до Брежнева. Второй: «На улице ливень. Вбегает Микоян. На нем ни дождевики. — Анастас Иваныч, как это вам в такой дождь удалось остаться сухим? — А я между струй... Между струй!!!» «Вот! В этом весь Микоян», — заключил Семичастный.

Возвращаясь к личности Бухарина после такого «лирического» отступления, стоит заметить: видимо, поняв, что дело заходит слишком далеко, 25 ноября 1929 года Бухарин обращается в ЦК с заявлением о признании своих ошибок. Однако даже такой шаг не помогает ему вернуться в состав высшего политического руководства СССР. Таким образом, 1929 год становится в судьбе Бухарина переломным.

Тем не менее Бухарин не сдается и неоднократно пытается восстановить свое прежнее положение. Что отчасти удается. После его речи на XVII съезде ВКП(б), состоявшемся с 26 января по 10 февраля 1934 года, «Известия» 31 января публикуют это выступление. А вскоре Бухарина назначают ответственным редактором этой второй газеты страны. С 22 февраля 1934-го Бухарин начинает подписывать «Известия» в печать.

Наивно было бы думать, что такой поворот событий мало-помалу все расхождения Бухарина с ВКП(б) сведет на нет. Еще в июле 1928 года (если верить архивным данным Хогтонской библиотеки Гарвардского университета), в разговоре с «опальным» Каменевым Бухарин признался: «Разногласия между нами и Сталиным во

много раз серьезнее всех бывших у нас (т.е. у Бухарина, Рыкова и Томского, – НАД.) разногласий с Вами».

Эти самые «разногласия со Сталиным» будут только обостряться и в конце концов закончатся тем, что в 37-м году Февральско-мартовский пленум исключит Бухарина из состава ЦК ВКП(б) и членов партии. Он будет арестован, осужден и 13 марта 1938 года расстрелян. Остаться в живых не помогут никакие прошлые заслуги. Ни то, что весной 1917 года вернулся в Россию, чтобы наладить революционную работу в Петрограде. Ни то, что на VI съезде РСДРП(б) как особо активный революционный деятель был избран членом Центрального Комитета партии и стал одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Ни то, что долгое время был в числе лидеров Коминтерна. Ни то, что много лет посвятил разработке новых подходов к экономике страны и в 1929 году был избран действительным членом Академии наук СССР. Ни то, что, будучи уже академиком, работал в Конституционной комиссии над новой Конституцией...

После отставки в 29-м он продолжал слишком по-своему смотреть на происходящее в СССР, хотя на словах признавал правоту курса партии. Его еще продолжали избирать в члены ЦК, как это было на XVI съезде ВКП(б) в 1930-м, потом – кандидатом в члены ЦК, как это было на XVII съезде в 1934-м, и членом ЦИК СССР, как это было в 1935 году. Но с каждым разом уровень этих избраний становился все ниже и ниже. Пока его совсем не свели на нет...

Бухарина реабилитировали через 50 лет. 4 февраля 1988 года пленум Верховного суда СССР отменил приговор и прекратил дело, а 21 июня в том же году КПК при ЦК КПСС восстановил его в рядах Коммунистической партии... посмертно!

Доживи Бухарин до тех дней, когда по инерции Перестройки пересматривали и его дело, вряд ли бы он не оказался среди тех, кто счел для себя за благо не оставаться в рядах партии, как это сделали Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе и Горбачев... Да и само восстановление его «в рядах Коммунистической партии» Бухарин счел бы за медвежью услугу, потому что (как свидетельствуют главные написанные им труды) действительно «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Он чистой воды социал-демократ... русского разлива. Недаром в его партдокументах в графе «национальность» было написано – русский! Последователями Бухарина можно назвать Маленкова, Хрущева, Горбачева, Ельцина и, конечно, Берию,

оказавшегося истинным отцом советской «оттепели». Что же касается пролитой крови соратников по партии, то кто в этом не преуспел... в той или иной мере?! Не случайно А.Н. Яковлев как председатель комиссии по реабилитации жертв репрессий сказал: «Например, Хрущев... крови на его совести не меньше, а по сравнению с кое-кем и больше».

Что случилось

Бухарин: История сорвалась в 1917 г. со своих ржавых цепей...

...14 октября 1930 года Бухарин, не находя себе места, решает написать Сталину очень откровенное письмо: «Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня «напугал» — ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...

Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и, в конечном счете, неумной... Правда то, что несмотря на все наветы на меня, я стою плечо к плечу со всеми, хотя каждый божий день меня выгалкивают. Правда то, что я терплю неслыханные издевательства. Правда то, что я не отвечаю и креплюсь, когда клеветают на меня... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей а la Пятаков — или это делает меня «проповедником террора»? Тогда так и говорите! Боже, что за адово сумасшествие происходит сейчас! И ты, вместо объяснения, истекаешь злобой против человека, который исполнен одной мыслью: чем-нибудь помочь, тащить со всеми телегу, но не превращаться в подхалима, которых много и которые нас губят».

Вот такое откровенно резкое, но негласное письмо Сталину. Гласно же, буквально через считанные дни, а именно в ноябре 1930 года Бухарин публикует в «Правде» совершенно иное заявление. В нем он признает правильность решений XVI съезда, осуждает любую фракционную деятельность и любые попытки борьбы с руководством партии. Однако это скорее тайный маневр,

нежели действительное признание своих ошибок и отказ от того, что он писал Сталину всего несколько дней назад. И Сталин, судя по развитию событий, знает это.

Источником такой информации вольно или невольно оказывается прежде всего бывший с Бухариным, что называется, «на дружеской ноге» партийный функционер В.Н. Астров. (Кстати, в те годы, как сообщил, ссылаясь на архивы, А.Н. Яковлев, почти все, словно соревнуясь, участвовали в каком-то дьявольском наваждении по разоблачению врагов народа и писали друг на друга все, что хоть как-то могло содействовать подобному разоблачению. Не были исключением и Астров, и, к сожалению, сам Бухарин...) Особенно роль Астрова проявилась 13 января 1937 года на очной ставке, где он, разоблачая Бухарина, вдруг стал разоблачать и себя, каясь, что еще в 1933 году при аресте многого не сказал и лишь теперь готов сообщить о тайных конференциях «правых», на которых обсуждались террористические планы. За это «признание 9 июля 1937 года уголовное дело Астрова прекратили. После чего его, как свидетельствуют архивы: «Освободили. Оставили в Москве. Дали квартиру и работу по истории». В 43-м году, добиваясь восстановления в партии, Астров просил учесть Берию, что помог разоблачить не только Бухарина, но и других «правых» — например, Рыкова. Позже, в 50—60-е годы, когда решался вопрос о партийности и ответственности Астрова, он уточнил, что у Бухарина были лишь высказывания против деятельности Сталина, однако под влиянием НКВД он, Астров, трактовал эти высказывания как подготовку «правыми» теракта против Сталина и попытку переворота... Как было в действительности, пожалуй, уже не докопаться. Ясно одно: такая помощь следствию сыграла в судьбе Бухарина страшную роль.

Другую, быть может, не менее страшную роль сыграл отчаянный шаг Томского. 23 августа 1936 года «Правда» известила: «...кандидат в члены ЦК ВКП(б) М.П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшево покончил жизнь самоубийством». И хотя в своем предсмертном письме в адрес Сталина Томский отрицал какую бы то ни было личную антипартийную деятельность, его самоубийство, подобно молчанию, было расценено как знак согласия... с тем, что ставилось в вину ему и его главному единомышленнику Бухарину!

Загадочная ненависть Микояна

Бухарин: все это — злая выдумка!

На самоубийство Томского толкнуло то же, что заставило Бухарина и Рыкова обратиться к Сталину с заявлениями... Дело в том, что в августе 1936 года в ходе суда над «объединенным троцкистско-зиновьевским центром» Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, руководствуясь личными спасительными мотивами, вдруг признались в своих связях с бывшими лидерами «правых» — с Томским, Рыковым, Бухариным, Углановым, Радеком и Пятаковым. Не выдержав складывавшейся обстановки, Томский застрелился, а Бухарин и Рыков попытались развеять подозрения, потребовав очной ставки. К сожалению, очная ставка с Зиновьевым и Каменевым не состоялась. Они были расстреляны, так и не прояснив своих слов.

Зато состоялась очная ставка Бухарина и Рыкова с Г.Я. Сокольниковым, являвшимся в какой-то мере «подельником» признавшихся(?) лидеров. В присутствии Л. Кагановича, Н. Ежова и А. Вышинского 8 сентября 1936 года он прямо в лицо подозреваемым заявил: «В конце 1933 г. или в начале 1934 г. Каменев мне говорил о своих встречах с Рыковым и Бухариным на почве переговоров о вступлении в блок». В ответ Бухарин назвал сказанное «злой выдумкой». Тогда дело кончилось лишь... нервотрепкой: 10 сентября согласно постановлению прокурора СССР Вышинского было объявлено, что оснований для привлечения к судебной ответственности не обнаружено...

Однако прошло время. Были арестованы очередные подозреваемые, в том числе и причастные к «правому уклону». Их показания снова привлекли внимание к Бухарину и Рыкову. В связи с чем Ежов написал Сталину: «...Я думаю, что мы тогда до конца не докопались». И колесо следствия закрутилось с новой силой. Особенно после того, как 6 декабря 1936 года арестованный Е.Ф. Куликов показал, что «в 1932 году им лично была получена от Бухарина директива о необходимости убийства Сталина»... После таких слов Бухариным занялись вплотную. Это дело НКВД начинал Ягода, а закончил Ежов.

Стараясь оправдать свое назначение на пост наркома внутренних дел СССР, Ежов, уже 7 октября 1936 года, вождю сообщил: «...боевая террористическая группа Славинского

(организация «правых», — НАД.) ...намечала совершение террористического акта против тов. Сталина в день торжественного заседания 6 ноября 1936 г. в Большом театре... Известно о существовании центра контрреволюционной организации правых в составе Томского, Бухарина, Рыкова...»

Подобные послания (всего около 60) направлялись Сталину одно за другим, создавая у него, естественно, соответствующее настроение. В результате чего терпение вождя должно было лопнуть...

Вопрос о Бухарине и Рыкове в 1936 году вынесли на декабрьский пленум ЦК ВКП(б). Бухарин снова попытался доказать, что в обвинениях против него «нет ни единого слова правды», что Сокольников с ним «о политических делах никаких разговоров не вел, что он говорит со слов Томского — Томского, который к тому времени не существовал...

Я никогда не отрицал, что в 1928—29 гг. я вел оппозиционную борьбу против партии. (Обратите внимание! Это слова самого Бухарина примерно за 3 месяца до ареста. — НАД.) Но я не знаю, чем заверить вас, что в дальнейшем я абсолютно... ни о каких платформах, ни о каких «центрах» абсолютно ни одного атома предствления не имел...

Я вас заверяю, что... я всегда, до самой последней минуты своей жизни, всегда буду стоять за нашу партию, за наше руководство, за Сталина...»

Обращаясь к пленуму, Бухарин справедливо напишет: «Все говорят: «я убежден», «нет сомнений» и т.д. Обвиняемому говорят в глаза: а мы не верим, каждое твое слово нужно проверить. А на другой стороне слова обвиняемых — обвинителей принимаются за чистую монету...»

Вот так пытался что-то доказывать Н.И. Бухарин, но его уже толком не слушали... так же, как в свое время не слушал он сам, когда вместе со Сталиным громил Троцкого, Зиновьева, Каменева и других. Впрочем, какое было время, такие были и люди! Или — наоборот?!

В перерывах пленума проводились с участием Сталина очные ставки с новыми людьми, но и они ничего не прояснили. В итоге пленум принял предложение Сталина: «Считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело с решением до последующего Пленума ЦК».

Между тем ком разоблачений продолжал обрастать новыми, плохо поддающимися проверке, обвинениями, например, в при-

частности Бухарина к убийству Кирова. Кажется, явный абсурд и в то же время попробуй докажи, что это не так, если кто-то, пытаюсь сохранить жизнь себе и своим близким, утверждает обратное. Очередная очная ставка еще больше запутывала дело.

В начале 37-го года Бухарин делает заявление, что не явится на предстоящий пленум, пока с него не снимут обвинения в шпионаже и вредительстве. И еще в знак протеста объявляет голодовку.

На открывшемся 23 февраля пленуме ЦК, посвященном опять Бухарину и Рыкову, с главным докладом выступил Ежов. И если позиция этого, политически и нравственно разложившегося, разумного существа, вскоре оказавшегося на скамье подсудимых, вполне понятна, то поведение на пленуме Анастаса Микояна, — единственного из бакинских комиссаров, оставшегося в живых, — продолжает оставаться большой исторической загадкой. Во всяком случае — для меня. Дело в том, что однажды, будучи по делу в гостях у сына Микояна, я разговорился со Степаном Анастасовичем о Горбачеве и Бухарине и, как бы между прочим, спросил: какие отношения были у его отца с Бухариным? Сын стал уверять, что отец очень уважал Николая Ивановича и даже пытался его спасти... И вот теперь, когда я исследую приводимые ниже архивные данные, я не знаю кому верить: то ли подписи отца, то ли словам сына?!

С содокладом, поддерживающим Ежова, выступил Микоян. Его политические обвинения и оценки ошеломили Бухарина, пожалуй, больше всего. Впечатление, что Бухарин ожидал подобные слова от кого угодно — только не от Микояна: «Товарищи, я хочу сперва сказать несколько слов относительно речи, которую здесь произнес товарищ Микоян. Товарищ Микоян, так сказать, изобразил мои письма членам Политбюро ЦК ВКП(б) — первое и второе, как письма, которые содержат в себе аналогичные троцкистским методы запугивания Центрального Комитета...

Мне хочется, — говорит Микоян, — опорочить органы Наркомвнудела целиком. Абсолютно нет. Я абсолютно не собирался это делать... Относительно политической установки. Тов. Микоян говорит, что я хотел дискредитировать Центральный Комитет. Я говорил не насчет Центрального Комитета. Но если публика все время читает в резолюциях, которые печатаются в газетах и в передовицах «Большевика», о том, что еще должно быть доказано, как об уже доказанном, то совершенно естественно, что эта определенная струя, как директивная, просасывается повсюду. Неужели это трудно понять?..

Товарищ Микоян сказал, что я целый ряд вещей наврал Центральному Комитету, что с Куликовым я 29 год смешал с 32 годом. Что я ошибся — это верно, но такие частные ошибки возможны».

На этом роль Микояна не закончилась. Была образована комиссия под председательством того же Анастаса Ивановича. В ее состав вошли такие известные лица, как Андреев, Сталин, Молотов, Каганович Л.М., Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Ульянова М.И., Хрущев, Литвинов, Якир, Берия, Буденный, Чубарь, Косарев, Постышев, Петровский, Шверник, Гамарник и др.

К заседанию комиссии 27 февраля 1937 года был подготовлен проект Протокола с предварительными предложениями. Однако в ходе голосования кое-что в нем под влиянием речи Микояна существенно изменилось. Так Сталин первоначально предлагал Бухарина и Рыкова «исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), суду не предавать, а выслать», в то время как Ежов, Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев и Якир требовали помимо исключения из партии «предать суду и расстрелять», другие же (Постышев, Шкирятов, Антипов, Хрущев, Николаева, Косиор, Петровский и Литвинов) предлагали «предать суду без применения расстрела». В конце концов Сталин свою самую лояльную из всех позицию с решением «выслать» (именно так когда-то поступили с Троцким) заменил «дипломатичным» предложением: после исключения из партии «суду не предавать, а направить дело Бухарина—Рыкова в НКВД».

Его поддержали: сестра и жена Ленина, Варейкис, Молотов и Ворошилов, а при голосовании и все остальные, в том числе и те, кто выступал со своим предложением. В итоге «единогласно» постановили:

1) Исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

2) Поручить комиссии в составе т.т. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции».

И подпись: «Председатель А. Микоян».

На основании данных комиссии Пленум принял резолюцию, в которой под воздействием разоблачительной речи А. Микояна был записан особо серьезный пункт №3, а именно: «Пленум ЦК устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК, где он пытается опровер-

гнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т. Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнический выпад против НКВД и допускает недостойные коммуниста нападки на партию и ее ЦК...»

В этот же день, 27 февраля 1937 года, Бухарин и Рыков были арестованы. Комиссия под председательством Микояна сделала свое дело. Судьба Бухарина была выведена, в прямом смысле слова, на финишную прямую и завершилась расстрелом в тот же день, когда был вынесен приговор.

Слезы Бухарина

Архивы донесли до нас последние его слова. Из письма Сталину 10 декабря 1937 г.: «Я не христианин. Но у меня есть свои странности — я считаю, что несущую расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу.. Больше всего меня угнетает такой факт. Летом 1928 года, когда я был у тебя, ты мне говорил: знаешь, почему я с тобой дружу? Ты ведь не способен на интригу? Я говорю — да. А в это время я бегал к Каменеву. Этот факт у меня в голове, как первородный грех иудея. Боже мой, какой я был мальчишка и дурак, а теперь плачу за это своей честью и всей жизнью. За это прости меня... Я пишу и плачу, мне уже ничего не нужно...»

Однако, когда в марте 1938 г. был вынесен смертный приговор, в прощении о помиловании он написал: «Я внутренне разоружился и перевооружился на новый социалистический лад... Дайте возможность расти новому, второму Бухарину — пусть будет он хоть Петровым. Этот новый человек будет полной противоположностью умершему, он уже родился, дайте ему возможность хоть какой-то работы...»

Но и «второму Бухарину» не поверили!

ПРОТОКОЛ

заседания комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по делу

Бухарина и Рихова

27 февраля 1937 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

тов. МИКОЯН - председатель.

Члены комиссии: т. т. Андреев, Сталин, Молотов, Каганович Л. М., Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Кошуровская Косюр, Ярославский, Ефимов, Хрушев, Ульянова, Мануильский, Литвинов, Якир, Кабанов, Бария, Мирзон, Эйхе, Вагиров, Ибрамов, Нарейкио, Буденный, Яковлев Я., Чусарь, Косарев, Постышев, Петровский, Николаева, Шверник, Угаров, Антинов, Гамарник.

СЛУШАЛИ И РЕШИЛИ:

Предложено *Ежов* об исключении Бухарина и Рихова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предании их суду Военного Трибунала с примененной вносимой мерой наказания - расстрела.

Членами комиссии были внесены следующие предложения:

2. т. Постышев - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду, без применения расстрела.
3. т. Буденный - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду с примененным расстрелом.
4. т. Сталина - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), суду не предавать, а выслать.
5. т. Мануильский - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
6. т. Шкирятов - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.
6. т. Антинова - Т о ж е.
7. т. Хрушев - Т о ж е.
8. т. Николаева - Т о ж е.
9. т. Ульянова, М. - За предложение т. Сталина.
10. т. Шверника - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
11. т. Косюров С. - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.

Документ, свидетельствующий о ведущей роли Микояна «в деле Бухарина». Правки и подпись принадлежат руке Микояна (см. следующую страницу).

206

83

- 2 -

12. т.Петровский *а* - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.
13. т.Литвинов *а* - Т о ж е.
14. т.Крупская *а* - За предложение т.Сталина.
15. Косарев *а* - исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
16. т.Якир *а* - Т о ж е.
17. т.Варейкис *а* - за предложение т.Сталина.
18. т.Молотов *а* - за предложение т.Сталина.
19. т.Ворошилов *а* - за предложение т.Сталина.

П о с т а н о в и л и:

1) Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а ~~передать НКВД~~ *направить в Москву*

(Принято единогласно).

2) Поручить комиссии в составе т.т.Сталина, Молотова, Ворошилова, Агановича, Микояна и Ежова вработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

Микоян
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Глава 8

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ВАЛЕРИЯ ЧКАЛОВА ХРОНИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Совершенно секретный архив

8.1. АРМИЯ

Обещание сыну Чкалова

— Гибель Чкалова на совести Сталина и Берии, — сказал мне сын Валерия Павловича Игорь, когда неожиданно судьба свела нас в Театральном Центре на Дубровке. В тот вечер общественность отмечала возрождение спектакля «Норд-Ост» после разыгравшейся там трагедии. Поэтому не было времени обстоятельно, на основании документов, рассказать сыну, что в действительности произошло с отцом. Однако я обещал ему это сделать, как только будет возможность. И вот наконец я выполняю обещание. Теперь не по легендам и слухам, а по рассекреченным документам все смогут буквально по минутам проследить, как прежде всего Берия, Ворошилов и Сталин пытались спасти великого летчика — гордость советской авиации. И 12 декабря 1938 года спасли, однако через три дня, 15 декабря, спасти не успели, потому что, нарушив указания высшего руководства страны, заводское начальство да и сам Чкалов, испытывая новый самолет, как это часто бывает и сейчас, понадеялись на русское «авось повезет». Не повезло...

Из официальных источников

«Чкалов Валерий Павлович — великий летчик нашего времени. 18.06.1937 г. с подмосковного аэродрома взлетел самолет АНТ-25, о котором уже через несколько минут заговорил весь мир. Впервые в мире летчики В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.В. Беляков начали беспосадочный перелет СССР-США через Северный полюс. Через 63 часа 16 минут (по другим данным — 25 минут) 20 июня они приземлились неподалеку от американского города Портланд, преодолев 12000 километров (по уточненным данным 8504 км). Был установлен мировой рекорд дальности полета без посадки. Их встречало все

население города. В Портланде прогремел салют в 12 залпов, ознаменовавший триумф Страны Советов и ее авиации. Чкалова наградили орденом Красного Знамени.

Чкалов родился в семье рабочего. В 1919 г. в 15 лет добровольно вступил в Красную Армию, работал сборщиком самолетов в авиационном парке в Нижнем Новгороде. В 1921-24 гг. учился в Егорьевской и Борисоглебской авиационных школах, Московской школе высшего пилотажа и Серпуховской высшей школе Воздушной стрельбы и Бомбометания.

С 1924 г. Чкалов военный летчик, служит в Краснознаменной истребительной эскадрильи. В 1927 г. участвует в Воздушном параде в Москве и как особо отличившийся отмечается Ворошиловым в Приказе наркома. С 1930 г. — летчик-испытатель. В 1931 г. впервые в истории осуществляет полет на самолете-авианосце. Он не только испытывает самолеты, но и вместе с их создателями занимается их совершенствованием. При испытаниях нередко попадает в трудные положения, но его исключительное мужество, самообладание, выдержка, настойчивость, высокое мастерство и глубокое знание возможностей машин помогают ему выходить победителем. За летную жизнь им испытано около 70 типов самолетов. В 1935 г. за успешное испытание новейшей истребительной авиации Чкалов награждается орденом Ленина.

Великий летчик постоянно стремился совершенствовать технику воздушного боя, чтобы в будущей войне иметь бесспорное преимущество над врагом. Он выступал за внедрение бреющих полетов, считая их одним из лучших способов для высокой эффективности поражения наземного врага. Именно Чкалов создал новые фигуры высшего пилотажа — восходящий «штопор» и замедленную «бочку», осуществил выход из пикирования и набор высоты в перевернутом положении.

20-22 июля 1936 г. Чкалов возглавил экипаж АНТ-25, совершив знаменитый беспосадочный 9374-километровый перелет Москва — Земля Франца Иосифа — мыс Челюскина — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд. За этот рейс, осуществленный за 56 часов 20 минут в сложных арктических условиях, Чкалов 24 июля 1936 г. был удостоен звания Героя Советского Союза, второго ордена Ленина и денежной награды в 30000 рублей. В августе 1936 г. вступил в ряды ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Комбриг Чкалов погиб, испытывая скоростной истребитель. При заходе на посадку отказал мотор. Самолет упал на жилые дома.

Чтобы спасти сотни людей, Чкалов свалил истребитель на крыло. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Прощаясь с героем, газеты писали: «... до последней минуты он продолжал честно служить Родине, которая никогда не забудет образ этого настоящего большевика... Чкалова особенно любили бойцы, командиры и политработники...»

Многое, как у нас в стране, так и в Америке носит имя великого летчика. В США на аэродроме Пирсон филд, где совершил посадку АНТ-25, открыт обелиск, в Ванкувере в честь Чкалова названы улицы и парк, там же работает музей Чкалова...

Валерий Чкалов был кумиром советской молодежи».

Такова официальная справка. Так стали писать о Чкалове только в последние годы его жизни и... после. А что было в действительности — мало кто знает.

Сын неба и земли

...Валерий Павлович Чкалов погиб 15 декабря 1938 года. До Великой Отечественной оставалось около 2,5 лет. Однако, пожалуй, никто не скажет: «А какое отношение к Победе над Германией имеет Чкалов?» Не скажет хотя бы потому, что без чкаловской революции в пилотировании стальных птиц у нас вряд ли бы к 41-му году воздушные машины были в числе самых быстрых и маневренных. Не скажет и потому, что без чкаловских перелетов к 41-му году у нас вряд ли бы были самолеты в числе самых сверхдальних и надежных в мире...

Его не стало в том же возрасте, что и Гагарина: авиации погибают в 34? Великие люди — великие в своих делах. В обычной жизни их часто раньше времени губит то же, что губит простых смертных: пьянство и недисциплинированность. Об этом свидетельствуют секретные документы. И все же следует сказать: поведение великих людей — всегда парадокс для простых смертных. Это не означает, что оно подлежит безоговорочному восхвалению или осуждению. Зачастую отрицательная сторона их жизни есть лишь болезненная защитная реакция на непонимание их неадекватных поступков со стороны окружающих. Все это хорошо прослеживается по хронике жизни и смерти нашего самого знаменитого летчика. Итак, Подольский военный архив Министерства Обороны -

«Личное дело № 268818».

Это «дело» неоднократно подвергалось более поздним вмешательствам и даже изъятиям, что, как свидетельствует мой опыт работы с архивами, в целях «усовершенствования истории» делалось почти со всеми «Личными делами» наших знаменитостей.

В «ЛД» Чкалова бросается в глаза, что в одном случае он называется «Иванович», в другом — «Павлович», в третьем же пишется «Петрович». Что это? Обычные ошибки армейских кадровиков или же сам Чкалов по каким-то причинам не знал точного имени своего отца? Пока на этот счет можно строить только догадки, поскольку автобиографии в «ЛД» нет. Зато есть обращающая на себя внимание «составленная путем опроса» (не ранее 1930 г.)

Краткая записка о службе

Летчик-инструктор научно-испытательного института ВВС Чкалов Валерий Павлович родился 2 февраля 1904 г. в с. Василево-Слобода Нижегородской губернии.

Когда у Чкалова спрашивают о национальности, он отвечает: «Великорус». А на вопрос «Какой язык считает родным?» говорит: «Русский». Другими языками не владеет. Особый интерес представляет его ответ относительно социального происхождения. «Рабочий» — говорит Чкалов, хотя ранее, в «Аттестации 24-го года», говорил точнее: «Крестьянин». Говорил так, пока, вероятно, на себе не испытал все преимущества такой «точности». О профессии до поступления на военную службу он сообщает: «Кочегар водного транспорта».

В графе «Профессия родителей: а) до Октябрьской революции, б) в настоящее время» со слов Чкалова записано: «Отец — рабочий, мать — домохозяйка, умерли». Скорее всего, эти слова не совсем соответствуют действительности... и не только потому, что маловероятно, чтобы отец Чкалова, живший в селе, был потомственным пролетарием, но еще и потому, что в 1924 г. сам Чкалов признавался, что он «крестьянин».

Все книжные биографии скрывают чкаловские ответы на вопросы о его партийном положении или, как бы между прочим, дают лишь отрывочные данные, словно это в те времена имело несущественное значение. Все это не случайно и не может ограничиваться мало что значащей записью в «КЗС»: «безпартийный»... В мо-

мент составления «КЗС» идет, по крайней мере, 1931-й год. Стало быть, не в интересах Чкалова возобновлять информацию о том, что он был «членом РКСМ с 1921 по 1923 гг.» и... что был «исключен на 6 месяцев за недисциплинированность». Создается впечатление, что из-за вопроса о партийном положении Чкалов оказался в замешательстве, о чем может свидетельствовать начертание слова «безпартийный» поверх каких-то первоначально написанных букв.

Однако на этом его политические проблемы не кончаются: «Подвергался ли наказаниям за политическую работу?» и «Подвергался ли партийным взысканиям, когда, кем и за что?» Ответ у Чкалова один: «Нет». По всему чувствуется, что распространяться на эту тему ему не хочется. Зачем ворошить неудачное комсомольское прошлое?

О семейном положении Чкалов «пишет»: «Женат. Ольга Эразмовна Чкалова 30 л. Сын Игорь род. 1928 г., 1 января». В «Аттестации 24-го г.» Чкалов называет и свой адрес: «Г. Егорьевск, Советская ул., 10, кварт. 6». О состоянии здоровья Чкалов говорит: «Больной. Воспаление тонких кишек и повышенная кислотность». Лет 6 назад, по его словам, было «хорошим».

Особый интерес вызывают записи напротив строк «Взыскания по суду и дисциплинарные, объявленные в приказе по части и выше».

Здесь говорится: «2 раза судился Военным трибуналом. Подвергался неоднократно дисциплинарным взысканиям».

Далее идут краткие сведения о прохождении службы в Красной Армии, в том числе и такие: «В 1925 г. демобилизован по суду, в 1926 г. принят обратно в Кр. Ар. в 1-ю эскадрилью... С 1928 по 1929 г. 15-ая Авиаэскадрилья. 1929 г. — демобилизован... 1930 г. принят летчиком НИИ ВВС».

После этих, несомненно, горьких для Чкалова записей, отражавших очень тяжелые дни его жизни, следует неожиданное: «Присвоено воен. звание «полковник» — пр. НКО № 0761/п — 27.07.37 г.». Это уже признание. Однако прежде, чем появится эта запись, Чкалову предстоит прожить еще 7 напряженнейших лет! И только после них появится по-настоящему победная строка: «Определен в кадры РККА в счет «1000» с прикоманд. для работы в авиацион. пр-сти НКОП СССР. Пр. НКО № 0760 — 27.07.37». А за 10 месяцев до гибели будет сделана новая и последняя отметка: «Комбриг — НКО № 0170/п — 22.02.38». Между тем на самой «КЗС», точнее, на

ее титульной части написано: «Уволен из РККА по ст. 674, п. «е» (Приказ РВС СССР по л/с 00746 – 32 г.)). Как расшифровать ст. 674, п. «е»? Пока не знаю.

Такова в основных чертах *«Краткая записка о службе»*. Завершает ее 06.12.1932 подпись некоего Павлова – помощника начальника 7 сектора IX Упр. УВВС РККА (Возможно, это и есть дата составления *«КЗС»*).

Теперь об аттестациях и характеристиках, достаточно обстоятельно и порой весьма неожиданно раскрывающих смысл тех лаконичных слов, которые содержатся в *«КЗС»*.

Первая по-настоящему обстоятельная аттестация датируется 11 июля 1924 г. Именно в этом документе впервые проясняется отношение Чкалова к Советской власти. Оказывается, он «сочувствующий». И... не более. Здесь же, видимо в результате уточнений, еще серьезно не обжигавшийся 20-летний Чкалов простодушно признается, что он крестьянин, и что, будучи членом РКСМ, был «исключен на 6 месяцев за недисциплинированность». О восстановлении в комсомоле *«ЛД»* умалчивает.

Завершая ответы на 23 вопроса, Чкалов ставит размашистую подпись, сделанную обычной ученической ручкой, однако уже чувствуется не рука ученика, а сила будущего мастера: по мере приближения росписи к концу нажим на перо усиливается и доходит до такой степени, что заканчивать роспись приходится почти без чернил. Тем не менее за росписью следует похожая на первую каплю дождя точка. Этот росчерк пера похож на его реактивные полеты: вначале спокойный тонкий равномерный, как разбег самолета, изредка резко ускоряющийся ход пера – с жирными нажимами в моменты ускорений, а потом, вдруг, сплошное ускорение с почти сплошными нажимами и виражами. Он даже в росписи весь летит... У него даже подпись – след его самолета!

На следующей странице *«ЛД»* какая-то двойственная характеристика за подписью помощника начальника школы: «Дисциплинированность удовлетворительная. (И в то же время!) Исполнителен. Может быть использован, как хороший летчик в строевых частях».

Ну как тут не вспомнить, что где-то за полгода до этой характеристики была и другая, видимо, являющаяся лишь выпиской из более полной характеристики от 31.01.24 г. В ней говорилось: «Хладнокровие, выдержка и осмотрительность средне выражены. В летной и аэродромной работе вполне дисциплинирован, в стро-

евом отношении средняя дисциплинированность. Окончательная характеристика: характеризуется, как будущий летчик-истребитель».

Дело пахнет тюрьмой...

На этих двух лояльных характеристиках заканчивается терпимое отношение начальства к поведению Чкалова. Между тем ему только 21-й год. И если раньше командование само как-то разбиралось с теми или иными его проступками, то осенью 1925 г. происходит случай, который уже не ограничивается лишь внушениями и проработками. И молодой Чкалов оказывается на скамье подсудимых. Здесь вместо пересказа уместнее привести основное содержание документа, носящего название

«ПРИГОВОР именем РСФСР»

«Выездная сессия № 16 ВТ ЛВО... 16 ноября... рассмотрев в открытом судебном заседании в расположении 1-й эскадрильи... дело за №150 по обвинению гражданина Чкалова Валерия Павловича, 21 года, происходящего из крестьян... разведенного, ранее не судившегося, в преступлении... признала доказанным: 7-го сентября 1925 г. в г. Ленинграде гр. Чкалов, состоя в должности военлета 1-й эскадрильи... и будучи обязанным явиться на аэродром для совершения учебного группового полета к 3 часам дня, явился к указанному времени в совершенно пьяном состоянии, вследствие чего не только не мог лететь, но и вообще вел себя недопустимо, кричал, шумел и т.д., чем и обращал на себя внимание присутствовавших на аэродроме.

Будучи арестованным, а затем отправленным на автомобиле с летчиками Благиным и Богдановым домой, Чкалов в пути был очень недоволен, что его отправили с аэродрома и не дали ему полететь на аппарате, громко выражал свое неудовольствие криками и жестикуляцией, а при встрече знакомых у остановки трамвая афишированно с ними раскланивался, сопровождая свое приветствие также криками и жестикуляцией, чем обращал на себя внимание проходящих лиц.

Означенными действиями Чкалов дискредитировал авторитет и звание командира-бойца Красной Армии, т.е. совершил преступление, а потому выездная комиссия ВТ ЛВО ПРИГОВОРИЛА

гр. Чкалова Валерия Павловича на основании ст. 109 с последствиями по ч. 1 ст. 105 УК к лишению свободы со строгой изоляцией на *ОДИН* год, не поражая в правах, предусмотренных ст. 40.

Принимая во внимание первую судимость Чкалова, добровольную службу в Красной Армии, молодость и пролетарское происхождение на осн. ст. 28 УК снять строгую изоляцию и срок лишения свободы Чкалову понизить до *ШЕСТИ* месяцев.

На основании ст. 400 УПК настоящий приговор может быть обжалован кассационным порядком в УКК Верховного Суда РСФСР в течение 72 часов со времени вручения копии приговора осужденному».

Чкалов пытался воспользоваться предоставленной ему возможностью обжалования, однако данное в ответ «Определение» гласило: «*ПРИГОВОР оставить в силе*».

Конечно, с позиций нашего демократического времени подобные проступки (даже и на гораздо более ответственных постах!) за преступления не считаются и числятся в разряде довольно повседневных безобидных нарушений. Оттого это наказание кажется нам сегодня чрезмерным. Может, именно поэтому падает авторитет армии, в которой даже за распродажу военного имущества мало кто отвечает, да и отвечает ли? По тем же временам наказание Чкалова было вполне нормальным явлением, не игнорирующим, кстати, и права человека... и того, который что-то натворил, и особенно тех людей, которые могли пострадать от чьего-то безответственного поведения.

Как бы там ни было, но судьба Чкалова круто изменилась. И даже не столько из-за судимости, сколько из-за... впервые столь серьезной официальной характеристики его личности. В дальнейшем эта серьезность будет не только переходить из документа в документ, но и нарастать в своей строгости, впрочем, в рамках армии вполне оправданной.

Примером тому «*Аттестация за 1925 г. на Чкалова Валерия Петровича* (вместо Павловича?»).

1. *Аттестация*. С большой силой воли, энергичен, решителен, обладает инициативой, умеет разбираться в обстановке, в обращении с подчиненными груб: не дисциплинирован. Здоров, вынослив, отношение к работе энергичное, общественным авторитетом не пользуется. <...> Особо ценных военно-технических качеств не имеет. (Вот она – безапелляционность выведенных из себя начальников: написано «не имеет» вместо более точного «не наблюдает»

ся»; безапелляционность начальников, которых с этих пор (почти всех подряд) начнет не любить растущий не по дням, а по часам, — разумеется, по налетанным!, — гений Валерия Чкалова. И эта нелюбовь, все чаще переходящая в ненависть, вскоре станет обоюдной. — НАД.) Практический опыт и служебный стаж — малый, поверхностно знаком с другими родами войск. Революционных заслуг и подвигов не имеет, политически развит слабо, в общественной жизни и культурно-просветительной работе активности не проявляет.

...Летает хорошо, но слишком много удалства, невнимательности, отсутствует дисциплина, как в воздухе, так и на земле (Эта фраза «как в воздухе, так и на земле» отныне станет для него дежурной характеристикой вплоть до самых лучших времен. — НАД.), страшно грубый, не любит и не признает никакого начальства, на службу опаздывает, пьянствует, вследствие чего теряет авторитет красного командира. Должности летчика-истребителя соответствует. 1 ноября 1925 г. Командир... (Король).

II. Заключение: ...в должности военного летчика-истребителя соответствует, но ввиду того, что крайне недисциплинирован, требует хорошей обработки в этом отношении. 5 ноября 1925 г. ...7 подписей.

III. Окончательное решение: ...Чкалов В.П. подлежит предупреждению о неполном служебном соответствии. Аттестуемому сообщить отрицательные стороны аттестации. Начальник и военком ВВС ЛВО Зиновьев. 21 декабря 1925 г.».

К «Аттестации» прилагается «Перечень дополнительных указаний характеристики Чкалова Валерия». В нем, в частности, говорится: «...Имеется излишнее удалство с присутствием большого чувства соревнования. Отличный летчик-истребитель... за исключением некоторых недостатков, кои могут быть приписаны его молодости... Спиртные напитки употребляет в сильной степени. На службе отражается, но редкие случаи. Командир...»

«Аттестация» и «Перечень» к ней были, видимо, приурочены к судебному делу, после чего и последовала 1-я демобилизация в 25 г.

С таким поворотом судьбы Чкалов смириться не мог — иначе не был бы он Чкаловым, который тем-то и отличался, что проявлял свои сильные качества тогда, когда у других перед невозможным опустились бы руки. Он, летчик, что называется, от Бога не мог жить без Неба. И потому тут же начал борьбу за возвращение в строй. И прежде, чем в «КЗС» появится несколько счастливых для

него слов «принят обратно в Кр. Ар.», ему придется повоевать за свое «я». О чем свидетельствует секретная июньская бумага 1926 г. (под № 2455/с/к): «Ввиду воспрещения приема в кадры РККА тов. Чкалова В.П. — в части ВВС ЛВО принят быть не может...»

Воздушные университеты

Примерно через год на него, уже восстановленного в ВВС, была затребована новая *«Летная характеристика»*. В ней говорится: «Обладает большой волей. Мало выдержан во взаимоотношении с другими, но в последнее время исправляется. Довольно молод... Достаточно развит. Политически развит удовлетворительно. Политически вполне благонадежен... Хорошо летает. Отличный истребитель. Будет хороший командир звена, особенно в боевой обстановке... Командир... Шелухин. 26 мая 1927г.»

Для чего этот документ? Ответ, вероятней всего, связан со *«Статистической картой об аварии летчика (воздухоплателя) от 26 марта 1927 г.»*

До разбираемого случая аварий и физических повреждений при авиаполетах у Чкалова не было, да и никаких серьезных заболеваний не случалось. Обращают на себя внимание 2 момента: оказывается, Чкалов с сентября 25-го по март 27 г. курит умеренно и, как утверждает документ с его слов, совсем не пьет... с того дня, когда из-за появления в части в нетрезвом виде был отдан под суд. Далее приводятся

«Данные о происшествии»

Происшествие случилось в среду 24 марта 1927 г. в 17 ч. 55 мин. на самолете «Фоккер Д XI» во время учебного боя на высоте 800 м. Ночь накануне он провел нормально. Весь день чувствовал себя хорошо, однако все-таки произошло непредвиденное «столкновение в воздухе, после чего спланировал». При этом у самолета пострадали рули глубины и поворота. Сам Чкалов не пострадал.

Что же произошло в воздухе? Когда у Чкалова стали выяснять причины, один за другим последовали ответы «нет». Неисправность самолета? Нет! Качество аэродрома? Нет! Так, может быть, распорядок на аэродроме? Тоже — нет! Условия в воздухе? Опять — нет! Воздушный акробатизм? Да!

«Столкновение в воздухе во время воздушного боя произошло по невнимательности летчика Дроздова, с которым вел бой».

Однако через 2 дня члены комиссии Миронов, Кузнецов, Пальмбах и Бицкий подписались под заключением, гласившим, что... подвела «недисциплинированность летчика (Чкалова), выразившаяся в том, что он не сохранял положенную дистанцию во время ведения воздушного боя».

Но этим не кончилось. 02.07.27 г. новое заседание Комиссии по Изучению Летной Работы ВВС:

«*СЛУШАЛИ.* Из материала столкновения в воздухе самолетов «Фоккер Д XI» №№ 4801 и 4684... под управлением летчиков... Чкалова и Дроздова, имевшим место... над аэродромом в г. Троицке. Авария произошла при нижеследующих обстоятельствах: 24 марта... т. Павлушев дал задание... Чкалову и Дроздову на производство воздушного боя... были даны необходимые указания о высоте... дистанции между самолетами и т. д.

Летчики, набрав высоту около 1300 метров, начали вести бой... Бой велся на виражах... Чкалов был нападающим и находился сзади самолета т. Дроздова. Чтобы уклониться от боя, летчик Дроздов начал уходить от т. Чкалова со снижением. Самолет т. Чкалова был во все время снижения т. Дроздова на близкой дистанции сзади.

По показаниям т. Дроздова, он, видя самолет т. Чкалова, на чересчур близкой дистанции, резко перевел самолет в пике и, сделав 2 ординарных переворота, потерял высоту около 600 метров.

Выйдя на прямую, т. Дроздов видел самолет т. Чкалова гораздо выше себя и сзади.

Полагая, что на низкой высоте вести бой нельзя, летчик стал набирать высоту. В это время самолет т. Чкалова был т. Дроздовым потерян из поля зрения. Набрав 750-800 метров, т. Дроздов, желая определить местонахождение другого самолета, с небольшим креном начал разворачиваться влево. В этот момент самолет т. Чкалова прошел чуть выше машины т. Дроздова со стороны левой плоскости на правую и своей хвостовой частью ударил по правой плоскости его самолета.

По показаниям т. Чкалова, картина столкновения рисуется в следующем виде.

После того, как т. Дроздов, выйдя на прямую, сбавил газ, т. Чкалов начал его нагонять и, видя, что дистанция мала, стал уходить влево. Вследствие крутого разворота влево, допущенного т. Дроздовым, самолет последнего задел концом правой своей плоскости руль поворота и правый руль глубины машины т. Чкалова.

В результате незначительности... повреждений летчики совершили посадку на аэродром благополучно (т. Дроздов при поломке поломал шасси).

В результате столкновения самолет... летчика Дроздова требует среднего ремонта, а повреждения самолета... № 4801 отнесены к категории мелких поломок. Летный состав невредим.

ПОСТАНОВИЛИ... Причиной аварии (на этот раз, — НАД.) явилась невнимательность летчика Дроздова, выразившаяся в недостаточном наблюдении за самолетом противника...

Летчиком Чкаловым также была проявлена недопустимая невнимательность при подходе к самолету т. Дроздова, почему он, несмотря на то, что видел самолет противника, не смог избежать столкновения. ...вина т. Чкалова усугубляется и тем, что он, будучи атакующим, не соблюдал установленных для воздушного боя дистанций.

...столкновение явилось... следствием недостаточной полетной дисциплинированности... летчиков».

Я неслучайно привожу подробное описание «воздушного происшествия». Если быть внимательным к подробностям происходивших в воздухе событий, то окажется, что то, что согласно Уставу выглядело как обычная недисциплинированность, при оценке по принципу «боев без правил» было ни чем иным, как самовольной попыткой Чкалова самостоятельно разработать новые способы неотступного преследования противника... до тех пор, пока тот не потеряет самообладание и контроль над своим самолетом и, как следствие, потерпит катастрофу. И все это — без использования оружия! Чтобы не быть голословным, достаточно вернуться хотя бы к такому факту: «Чтобы уклониться от боя, летчик Дроздов начал уходить от т. Чкалова со снижением. *Самолет т. Чкалова был во все время снижения т. Дроздова на близкой дистанции сзади*».

Для кого-то это было просто «излишнее удалество с присутствием большого чувства соревнования». Для кого-то, но не для Чкалова. Недаром он так любил пролетать на предельной скорости между линиями электропередач и землей или под довольно низкими мостами, да и вообще — в непосредственной близости от чего бы то ни было... Конечно, не всегда обходилось без последствий, но Чкалов все равно не отказывался от мысли добиваться совершенства в своем искусстве и изобретал новые приемы высшего пилотажа, что опять приводило его к большим неприятнос-

тям, хотя, как говорится, и достижения были налицо. Однако, как это почти всегда бывает, новое с огромными трудностями прокладывает дорогу к признанию. И пока оно не добьется убедительности, люди больше склонны обращать внимание на его недостатки, нежели на его достоинства.

Так чаще всего было и с молодым Чкаловым. Разумеется, не все его эксперименты нашли свое отражение в «ЛД», однако следующий архивный документ, как нельзя лучше подтверждает сделанный вывод. Итак,

«Статистическая карта об аварии летчика (воздухоплателя)»

О прошлогоднем происшествии документ умалчивает, точнее, на вопрос «Подвергался ли ранее авариям и катастрофам?» не сказано ни «да», ни «нет». Однако довольно обстоятельно говорится о какой-то аварии 28 июля 1928 г.: «На гомельском аэродроме при посадке на точность на самолете «И-2/М-5» задел (опять «задел»... — НАД.) хвостом самолета за край оврага. Повреждений не имел».

В графе «По каким причинам и когда представлялся на отчисление» написано не соответствующее действительности слово «нет». И вдруг «Происшествие случилось 15 августа 1928 г. в 5 час. 25 мин. дня...

Высота полета в момент происшествия 5-10 метров. ... при горизонтальном полете самолет врезался в провода и упал». Короче, все, как говорится, по-чкаловски!

Сообщается, какие части самолета пострадали: «...винт, плоскость нижняя, шасси, фюзеляж... Непосредственная причина аварии — полет на низкой высоте; ухарство летчика, нарушение строевого устава авиации, невнимательность, хулиганство. Косвенные: выбор ведущим трудных условий полета (малая высота полета), небрежность и ориентировка, которая была потеряна». Дата заполнения карты 24.08.1928 г. После чего — подписи комиссии и мнение о дальнейшей пригодности летчика: «За свою летную недисциплинированность от полетов отстранен». Здесь надо понять и начальство: ведь все происходит в то время, когда неисполнение законов смерти подобно! Начальство под угрозой страшнейшего наказания само вынуждено обращаться с подчиненными только по закону..

«Шизоидный статус»

Только с 28 июля по 15 августа Чкалов по своей инициативе дважды побывал в крайне серьезных авиаситуациях, последняя из которых могла стоить ему жизни. За такой срок это и для земли много, а тут в воздухе... В связи с этим «СК» содержит и врачебно-санитарную характеристику летчика, и описание условий его жизни, а также его психо-физиологическое состояние до и после аварии. Вот некоторые результаты врачебного освидетельствования:

«Освидетельствован в последний раз 05.04.1928 и признан негодным по графе «Е» приказа РВС СССР №49 от 28 года...»

Еще написано, что находился в отпуске по болезни по причине «неврастении»...

И опять крайне неприятная для Чкалова запись: «Употребляет спиртные напитки периодически умеренно». Слово «умеренно» взято в скобки, а потом и вовсе зачеркнуто и вместо него — резкое: «неумеренно»! Зато курит он по-прежнему «средне».

Накануне происшествия в течение дня «собирался к отлету в г. Брянск, ночь не спал, искал свои украденные вещи... перед полетом... не завтракал...»

Состояние зрения до и после аварии — 0,9. Состояние слуха, статики и мышечного аппарата — в норме. По обследованиям через 3 дня: пульс 84, тоны чисты, настроение «хорошее», хотя и наблюдается «легкая подавленность». Зато импульс к летной работе «остался без изменений». И это для него — главное!

Среди дополнительных замечаний о личности потерпевшего указывается: «Имеется *незначительный шизодный статус*, выражающийся в недостаточной выдержанности в поступках, бравадой ими, самоуверенности». Уже тогда у наших врачей, — чуть что неординарное, — первым делом следует один и тот же безошибочный диагноз — «шизоидный статус» той или иной значимости.

По мнению Чкалова, причина аварии: «Техническая неисправность самолета». Однако это его мнение, судя по всему, не очень-то берется в расчет. Правда, по заключению лица, производившего психо-физиологическое обследование: в происхождении аварии «психо-физиологическое состояние роли не играло». Тут скорее поверишь Чкалову, который наверняка лучше других знал возможности своего самолета.

Среди описаний повреждений, полученных летчиком, отмечаются: «легкие ссадины лба, носа» и — в качестве наиболее существенного повреждения — «легкий ушиб правого колена»... На документе дата — 20 августа 1928 года и подписи врача Соболева и командира части Гуляева.

Вот и все, если не считать, что параллельно проводившемуся расследованию был наворочен очередной ком выворачивающих чкаловскую душу характеристик, в которых, хотя и отражалась в основном правда, однако она почти не затрагивала чкаловских замыслов, бывших главной причиной небесных аварий. То есть: эта «правда» как бы обходила стороной то творческое начало, которое чаще всего и доводило Чкалова до воздушных происшествий.

...Интересны документы, сопровождающие «последние прощупки» Чкалова.

«Свидетельство о болезни № 716 от 10 апреля 1928 г.»

Комиссия при Брянском Военном госпитале засвидетельствовала: «Рост — 168 см. Вес тела — 66,6 кг. Субъективные жалобы: на плохое зрение. Объективные признаки болезни: острота зрения правого глаза 0,7, левого глаза 0,8...»

На основании наставления ВВС «негоден к летной службе, к военной службе годен...»

Чкалову идет только 25-й год, и этот вывод для него страшнее смертного приговора. Но он опять не сдастся, хотя и появятся в его «ЛД» вот такие бумаги.

«Аттестация за период с 15.12.27 по 01.10.28»

«Тов. Чкалов обладает устойчивой силой воли. Энергичен, решителен. Имеет достаточную инициативу, но на практике ее не проявляет. Во время служебных обязанностей не выдержан. В обстановке разбирается хорошо. Авиацию любит. Сильно увлекается полетами. Хороший летчик по технике полета. Технически и практически в авиации грамотен: как летчик-истребитель отличный, ибо имеет качества смелости, настойчивости и упорство в воздухе во время полетов.

Не дисциплинирован, как в воздухе, так и на земле. Не признает никакого начальства: особенно это выделяется по отношению непосредственных его командиров. (Кстати, а вообще: возможно ли над гением начальство? — НАД.) В воздухе выбрасывает номера, граничащие с хулиганством... Развит выше среднего. Обладает значительной физической силой, вынослив, здоров. (А как же предыдущее «шизоидное заключение» врачей? — НАД.) Мораль-

но не устойчив. Единоначальником не может быть, ибо с равными ему, подчиненными и вышестоящими товарищами в обращении груб, а также и фамильярен со всеми во время служебного положения. Пьет в значительной степени при всех случаях (Все это очень напоминает рассказы близко знавших Есенина, даже рост у Чкалова есенинский. — НАД.), на службу пьянка отражается в опаздывании на полеты. Воспитательная мера на него никакая не действует. Общественную и политическую работу не несет и не интересуется ею. Продвижению по службе не заслуживает. 03 октября 1928 года. Подпись — командир отряда...»

С этой аттестацией комиссия согласна: «...принимая во внимание недисциплинированность, — особенно летную, — действующую разлагающе на остальной летный состав — т. Чкалова перевести из строевых частей ВВС для использования в нестроевых частях. Председатель комиссии... (Гуляев). Военком эскадрильи (Тайгреберт). Начштаба (Рафалович)... Представитель ООГПУ г. Брянска (Утянов) 03 ноября 1928 г.

Окончательное решение утверждающего аттестацию. Подлежит переводу в НИИ или приближенную по целям летную организацию на должность рядового летчика с предупреждением (последним) о неполном служебном соответствии. Вывод подлежит согласованию с решением суда, за коим числится тов. Чкалов. Комбриг 15 — летчик Лопатин, военкомбриг — Краузе. 15 ноября 1928 г.»

Что это за решение суда(?) — из «ЛД» не видно. К этой аттестации прилагается очередной «Перечень дополнительных указаний при составлении аттестационных характеристик на летчиков». Здесь приковывает внимание то, что Чкалов «...в апреле 1928 г. был признан не годным к несению летной службы по зрению. Был допущен к полетам с разрешения врача части и командиром бригады... Спиртные напитки употребляет в сильной степени (при случае не знает меру). Другие наркотики не употребляет. 03.10.1928».

И, наконец, последняя из имеющихся в «ЛД» аттестаций. Это уже 1931 год.

«Общее развитие хорошее: политическое развитие не достаточное и в этой области работает над собой мало. В общественной жизни части принимает участие, но не достаточно активное. Спиртные напитки употребляет. К себе недостаточно требователен. К подчиненным требовательность удовлетворительная. Чувство ответственности за порученную работу развито не достаточно, выполнение работ и приказов не всегда четко. При исполнении слу-

жебных обязанностей требует постоянного наблюдения. Как летчик хороший, с четко отработанной техникой полета. Дисциплинирован на земле удовлетворительно, в воздухе неудовлетворительно — имеет предупреждение н-ка ВВС т. Алксниса о снятии с летной работы за нарушение летной дисциплины. Опыта по испытанию самолетов не достаточно и в этой части над собой работает мало. Знание матчасти самолета и мотора — удовлетворительно. Указания по исправлению дефектов дать может. Тренировка в слепых полетах не достаточна (2 часа). Высотные полеты производил при испытании самолетов. <...> Имел вынужденную посадку из-за сдачи мотора — сел хорошо. Вести исследовательскую работу не может и в этой области над собой не работает. (Такой вывод может быть объяснен тем, что Чкалов тех лет — новичок в деле конструкторских испытаний. Он испытатель лишь с 1930 г. К тому же, судя по документам, после длительного отстранения от полетов из-за демобилизации — по суду? — в 1929 г. он еще не в форме. — НАД.) Военным делом мало интересуется. Здоров.

Должности летчика соответствует. Командир 2-й эскадрильи. (Шарапов)».

Утвержденное начальником НИИ Бузиновым *Заключение аттестационной комиссии от 13 декабря 1931 г.* гласит: «С аттестацией согласны — предупредить о необходимости активного участия в общественно-политической жизни части, а также о необходимости совершенствования в области политического самообразования».

Последняя характеристика

Самый последний в этом «ЛД» прижизненный документ касается «*Краткой характеристики на Чкалова В.П. за время пребывания на Специальном сборе с 10.11 по 10.12.1932 г.*».

«Имеющаяся характеристика о низких политико-моральных качествах за время пребывания его на Спец. сборе полностью подтвердилась независимо от того, что внешнее поведение его на сборе было значительно лучше. Тов. Чкалов наряду с хорошими летными качествами в политико-моральном отношении является крайне неустойчивым и по своей социально-идеологической сущности чуждым человеком. Дисциплину Красной Армии не переваривает, внутренне разболтанный и разложившийся командир.

По всем данным подлежит изъятию из ВВС РККА с применением решения ЦК и Совнаркома. Москва. Нач-к Спец. Сбора...»

Какое совместное решение ЦК и Совнаркома имеется в виду — остается только догадываться?

На этом «Личное дело» обрывается. Идет 1933 год. До гибели остается около 6 лет...

8.2. ГИБЕЛЬ

«Звездный час» крыльев Советов

Тяжёлые дни обрушиваются на Чкалова. Он отлучён от армии, как Толстой от церкви. Однако не сдаётся и пробует утверждать своё «я» в деле «обкатки» новых самолётов, одновременно испытывая, на что вообще способны авиаптицы и, в частности, куда они могут долететь?! Как говорится, «редкая птица долетит до середины Днепра», а авиа... долетит ли до океана? Да и вообще: сможет ли без посадки... вокруг света? Вот такая идея уже в который раз захватывает воображение Чкалова. И... в конце концов он летит по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — мыс Челюскин — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд...

Не всё получается, как хотелось бы, но(!) в главном полёт удаётся. Все преграды «положены на лопатки». Его, осмеянный некоторыми знаменитостями, АНТ-25 всё-таки достигает своей цели. Так и на улице Валерия Чкалова приходит долгожданный праздник. Ему присваивают звание Героя Советского Союза.

Наступает звёздный час Чкалова, но это вовсе не означает, что отныне перед ним легко открываются все «высокопоставленные двери». На этот счёт мне удалось раздобыть ещё один потрясающий документ, из которого видно, как «чкаловская кинд-заза» (то есть недооцененный даже асами лётного дела якобы допотопный АНТ-25), подобно неунывающим героям одноименного фильма Данелии, вновь совершает немислимый полёт: на этот раз к новому «пупу Земли» и... покоряет саму Америку!

Пока фаворит Кремля Леваневский рассчитывает на приобретение новейших самолётов из-за границы, чтобы именно на них во всём их великолепии лететь через океан, Чкалов решает, что называется, «свалиться на головы» загордившейся нации благодаря крыльям сугубо отечественного производства. И... великая западная страна достойно и с восторгом оценивает его нелёгкое, но триумфальное открытие Америки. Вот этот поистине истори-

ческий документ, предшествовавший чкаловскому покорению Соединённых Штатов:

Народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза тов. К.Е. Ворошилову.

Климент Ефремович! Извините за нашу назойливость. Мы к Вам во второй раз обращаемся по вопросу о перелете в Америку из Москвы через Северный полюс. Мы вынуждены это сделать по следующим мотивам:

1. Появились слухи о предложении Америки сделать регулярную воздушную линию через полюс (а следовательно, есть предположения, что американцы не замедлят сделать полет первые и наши трехлетние разговоры об этом останутся только разговорами).

2. Другие экипажи (Леваневский, Громов) не проявляют настойчивости к проведению в жизнь своих намерений, кроме как подачи заявлений в соответствующие наркоматы. Леваневский, не дождавшись вызова в Правительство, уехал в Мурманск.

3. Самолет, на который рассчитывал Леваневский (машина Болховитинова), в этом году уже не может быть использован для перелета, т. к. он, помимо переделок, потребует еще большего времени на испытания (самолет ни разу не ходил на дальность).

4. Идут слухи от ответственных работников ГУСМП о том, что Леваневский не пойдет в перелет.

5. Завязываются нездоровые отношения между претендентами на перелет через полюс. Леваневский, ставя себя абсолютным монополистом данного перелета, держится изысканно высоко по отношению к другим и отнюдь не собирается войти в число какого-либо экипажа. Помимо всего он по-прежнему плохого мнения, как о самолете АНТ-25, так и о руководителях авиационной промышленности. Сам же, на деле опираясь на готовенькую американскую технику, свысока относится к нашему самолетостроению и к возможностям наших машин и людей.

Все эти причины вместе взятые создают у нас крайне скверное впечатление — что люди к такому важному делу относятся с точки зрения своего высокого «я», тем самым не давая, возможности и другим, и правительству правильно оценить обстановку. Вам известно, Климент Ефремович, что мы также входим в число ярых болельщиков этого перелета. Но мы, как в прошлой беседе Вам это высказали, стоим за всякие комбинации в экипаже не дорожа своим честолубием. В этом нам никто не идет навстречу. Мы, не теряя времени, настояли на том, чтобы наш самолет АНТ-25 скорее

отремонтировали и переделали то, что оказалось несовершенным в прошлом перелете. Теперь самолет готов, остается только обкатать новый мотор. Следовательно, никаких затрат, пахнувших миллионами, не потребуется для перелета на АНТ-25, т. к. машина по существу готова.

Второе, сейчас, когда экспедиция ГУСМП, идущая на Северный полюс уже стоит на 82 параллели, этот момент весьма выгоден для перелета с точки зрения использования всей ее организации по метеообслуживанию, связи и на случай вынужденной посадки. То есть и здесь не потребуется никаких дополнительных материальных затрат, тогда как позже этого срока они станут, как необходимое условие.

Исходя из всего сказанного, мы просим Вас, Климент Ефремович, войти в Правительство с ходатайством о разрешении полета на АНТ-25 в самое ближайшее время. Нашему экипажу на подготовку к окончательному вылету нужно не более 10 дней, т.е. того времени, за которое можно будет получить разрешение на полет из Канады и Америки. Мы тренируемся и наша материальная часть — самолет АНТ-25 готов к последним поверочным полетам.

Если решить иначе (упор на новую машину и ожидание приезда Леваневского), тогда получится прежняя история — останется один август месяц и времени для выбора надлежащей погоды не окажется — перелет будет сорван, а хуже, если американцы воспользуются нашей заминкой и выйдут первыми.

По нашему мнению, ни на каком самолете не стыдно показаться в Америку, в том числе и на АНТ-25 (вопреки утверждению Леваневского), лишь бы наш советский самолет перелетел и сделал свое дело. За первый полет нас никто не будет осуждать. В дальнейшем его можно будет повторить и на более совершенных самолетах, когда они окажутся в жизни. Простите за наше упорство и настойчивость. Ведь из-за таких полетов мы сами жертвуем часто немалыми долями (например, Байдуков за это пожертвовал ценным делом своей жизни — учебой в академии ВВС) и поэтому Вам понятно, как мы яростно относимся к осуществлению полета через полюс.

Экипаж АНТ-25 сталинского маршрута. Летчики-испытатели — Чкалов и Байдуков. 26 апреля 1937 г.»

Позади американский триумф Чкалова. Позади 1937 год. Год больших достижений и кошмарных репрессий, отзвуки которых,

к сожалению, есть и в чкаловском письме... Впереди новые, самые обычные, рабочие будни, но и в будни, предчувствуя смертельное дыхание очередной мировой войны (уже вынашивается Мюнхенский сговор 38-го года), Чкалов старается сделать достоянием всего «Красного воздушного флота» свои революционные открытия и навыки в сфере запредельного воздухоплавания. Так 9 августа 1938-го (то есть за 13 месяцев до начала Второй мировой войны) на стол наркома обороны Ворошилова ложится новое чкаловское и опять-таки поистине историческое послание.

«Товарищ Народный Комиссар! Докладываю: Сегодня, 9.VIII.38 г., в количестве 20 самолетов летали на высоте 8.000 метров и выше, со стрельбой и с розыском отряда отрядом. Розыск не удался. Стрельба проведена на некоторых самолетах успешно.

Подготовку Ундоловского полка к высотным полетам считаю законченной.

Необходимо каждую пятидневку тренировать людей на 8.000 — 8.500 — 9.000 метров для розыска условно неприятельских эскадрилий. Короче говоря, на 8.000 метров люди не могут найти друг друга, а поэтому необходима повседневная тренировка. Герой Советского Союза комбриг Чкалов».

Берия предупреждает...

Только для высшего руководства

Каждое «Личное дело» по-своему поучительно. Чкаловское особенно: пить-то пил, однако и летать умел, как никто. Что бы ни говорили, Чкалов свое дело знал и делал.

И еще многое бы сделал, когда бы не наша безудержная страсть к показухе, которой страдаем мы больше всех в мире.

... Все началось, если верить документам, 7 декабря 1938 г. И уже 12-го наркому обороны Ворошилову нарком внутренних дел Берия срочно и «совершенно секретно» сообщал:

«Распоряжением директора завода НКОП №156 Усачева на центральный аэродром вывезен с наличием 48 дефектов, отмеченных протоколом отдела технического контроля, новый истребитель «И-180», конструкции инженера Поликарпова.

На машине нет ни одного паспорта, так как начальник технического контроля завода №156 — ЯКОВЛЕВ их не подписывает до

устранения всех дефектов, обнаруженных отделом технического контроля.

Однако, под нажимом директора УСАЧЕВА, ЯКОВЛЕВ подписал паспорт на крылья самолета, где отметил, что он разрешает полет на ограниченной скорости.

Это источнику известно со слов инженера 67 подразделения завода №156 ГЕНДИНА, которому все это рассказал начальник ОТК завода ЯКОВЛЕВ, возмущаясь незаконными требованиями УСАЧЕВА.

Сегодня 12.XII. с.г. в 12 часов дня, при наличии летной погоды, самолет-истребитель «И-180» должен пойти в первый опытный полет.

Машину поведет Герой Советского Союза – комбриг – В.П. Чкалов.

По мнению источника, имеющиеся дефекты, могут грозить катастрофой самолета в воздухе.

Для проверки сообщения агента, на завод выезжал оперработник НКВД тов. ХОЛИЧЕВ, которому пом. директора завода №156 СУРОВЦЕВ подтвердил, что самолет «И-180» отправлен с завода на аэродром с дефектами».

Благодаря быстроте действий Берии, Ворошилова, Молотова и своевременному вмешательству Сталина в тот день все обошлось, а на секретном письме НКВД ответственный работник наркомата обороны оставил запись: «Полет сегодня отменен. Исаев. 12. XII. 38».

Однако этим дело не кончилось. Напротив, все завертелось с такой угрожающей скоростью, что вскоре на стол наркома обороны легло новое, уже трагическое, письмо Берии:

«Сегодня, 15 декабря 1938 года в 12 часов 58 мин. новый самолет – скоростной истребитель И-180 конструкции инженера ПОЛИКАРПОВА, пилотируемый Героем Советского Союза комбригом тов. ЧКАЛОВЫМ, пошел в первый испытательный полет.

Примерно через 10 мин. после взлета самолет потерпел аварию.

При аварии погиб Герой Советского Союза тов. Чкалов, который был доставлен в Боткинскую больницу уже мертвым.

Самолет разбит. При падении упал на гору старых лесоматериалов дровяного склада Мосжилгорстроя.

Производившимся нами до этой аварии расследованием было выявлено, что самолет в результате преступного отношения дирек-

тора 156 завода тов. УСАЧЕВА был сдан на летную испытательную станцию завода 156 с рядом дефектов, часть которых неизбежно должна была вызвать аварию.

Пробный полет самолета И-180 был назначен на 12 декабря в 12 час. дня при наличии 48 дефектов, заактированных отделом технического контроля завода, о чем нам стало известно и мы сообщили об этом товарищам СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ и ВОРОШИЛОВУ.

Одновременно 12 декабря с.г. рано утром мною были направлены на летную испытательную станцию завода 156 исполняющий обязанности начальника 1-го Отдела Главного Экономического Управления НКВД тов. ГАГКАЕВ и помощник начальника 1-го отделения 1-го Отдела Главного Экономического Управления тов. ХОЛИЧЕВ, которые предупредили Героя Советского Союза тов. ЧКАЛОВА, начальника 1-го Главка НКОП тов. БЕЛЯЙКИНА, дежурного по Наркомату Оборонной Промышленности и директора завода 156 тов. УСАЧЕВА о наличии дефектов и неподготовленности самолета И-180 к пробному полету.

Получив такое сообщение, тт. ЧКАЛОВ, БЕЛЯЙКИН и УСАЧЕВ решили провести повторную рулежку самолета на земле. Во время производства рулежки сломалась тяга нормального газа. Поломка тяги в воздухе, по словам самого тов. ЧКАЛОВА и заместителя начальника летной испытательной станции завода №156 тов. СОЛОВЬЕВА, привела бы к невозможности управления газом мотора и повлекла бы за собой вынужденную посадку самолета.

Эта поломка была исправлена 14 декабря, и пробный полет был назначен директором завода тов. УСАЧЕВЫМ на 15 декабря в 12 часов дня.

Необходимо отметить, что 12 декабря, когда тт. БЕЛЯЙКИНУ и УСАЧЕВУ стало известно мнение *отдела технического контроля, возглавляемого тов. ЯКОВЛЕВЫМ, сигнализирующее о неподготовленности самолета к полету*, БЕЛЯЙКИН и УСАЧЕВ обвинили тов. ЯКОВЛЕВА в перестраховке и в том, что он об этом поставил в известность НКВД.

15 декабря, перед тем как самолет пошел в воздух, директор завода 156 тов. УСАЧЕВ позвонил Наркому Оборонной Промышленности тов. КАГАНОВИЧУ М.М. (брат Лазаря Кагановича, — НАД.), которому сообщил о том, что самолет И-180 под пилотированием Героя Советского Союза тов. ЧКАЛОВА в 12 час. 58 мин.

делает пробный полет, на что тов. КАГАНОВИЧ дал согласие. Ведется следствие».

Расследование

В этот трагический день руководству страны стало известно и другое письмо:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
Товарищу СТАЛИНУ
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
Товарищу МОЛОТОВУ

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

о катастрофе с самолетом И-180, пилотируемым Героем Советского Союза шеф-пилотом завода №156 т. ЧКАЛОВЫМ В.П.

...Самолет И-180 был окончен постройкой на заводе 156 и вывезен на аэродром 7.XII.38 года.

...10.XII. была произведена первая рулежка самолета на земле, показавшая удовлетворительную работу шасси, тормозов, костыля мотора. Результаты рулежки занесены в полетный лист.

12. XII. с.г. после осмотра самолета и исправления правой амортизационной стойки шасси самолет был пущен на вторичную рулежку, во время которой произошла поломка тяги управления нормальным газом мотора. Эта тяга заменена на усиленную к утру 14.XII. с.г. И тогда же опробована, на что был составлен специальный акт.

Удовлетворительные результаты обеих рулежек и тщательная неоднократная проверка самолета позволили перейти к оформлению первого вылета, для чего составлен специальный акт от 14.XII. с. г. на готовность самолета к первому вылету без уборки шасси.

(В числе 8 подписавшихся и начальник отдела Технического контроля завода 156 тов. Яковлев-Терновский, видимо, все-таки «сломавшийся» под давлением директора... — НАД.)

...Акт утвержден Главным Конструктором завода т. Поликарповым Н.Н. К этому акту была приложена ведомость дефектов, не влияющих на безопасность первого вылета, и подлежащая устранению после первых полетов. Ведомость завизирована лицами, писавшими акт на готовность самолета к первому вылету. После составления акта и на основании его был издан приказ по заводу №156

о выпуске самолета в первый полет без уборки шасси, подписанный директором завода т. Усачевым.

На основании приказа был выписан Начальником летной станции т. Парай и завизированный т. Чкаловым полетный листок на первый вылет без уборки шасси с ограничением скоростей в зоне центрального аэродрома, продолжительностью 10-15 минут.

15.XII.38 года самолет, — после тщательного осмотра и опробования мотора на земле в течение 25 минут, — был предоставлен т. Чкалову для вылета (к этому моменту мотор отработал всего 6 часов 37 минут, из них: на заводе № 29 — 4 час. 30 мин.).

Тов. Чкалов опробовал мотор, управление рулями, закрылками и вырулил на старт.

Самолет оторвался от земли после разбега, примерно в 200-250 метров и, набрав высоту 100-120 метров, с виражем пошел на первый круг. Далее полет продолжался на высоте 500-600 метров.

Закончив первый круг над аэродромом, самолет пошел на второй круг, растянув последний в сторону завода №22, после чего пошел на посадку. Не доходя до аэродрома один-полтора километра, с высоты около 100 метров самолет сделал вираж влево и скрылся за постройками.

Самолет обнаружен на территории дровяного склада (Магистральная ул., д. № 13) возле Хорошевского шоссе.

Самолет при снижении зацепил и оборвал провода на территории склада и, развернувшись, врезался в кучу дровяных отходов. При ударе т. Чкалова выбросило вперед на 10-15 метров вместе с хвостовой частью фюзеляжа, управлением и сидением. Передняя часть самолета разбита. Пожара не было.

Т. Чкалов был тотчас же взят еще живым работниками склада и доставлен в Боткинскую больницу, где скончался через несколько минут.

Вот, что коротко можно сообщить в данное время.

15.XII.38 г.

**ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР
И ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР З-да**
(т. Поликарпов Н.Н.)

ДИРЕКТОР ЗАВОДА
(т. Усачев М.А.)

**ЗАМ. ГЛАВНОГО
КОНСТРУКТОРА ЗАВОДА**
(т. Томашевич)

Такое объяснение высшему руководству не показалось исчерпывающим. Наоборот, было назначено расследование, в результате чего появилось новое секретное донесение.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
тов. МОЛОТОВУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ

Гибель т. ЧКАЛОВА явилась следствием выпуска в воздух недоработанной машины.

На самолете оставались все дефекты, послужившие причиной запрещения полета 12 декабря СОЮЗНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. Кроме этого самолет имел ряд чрезвычайно серьезных, опасных для полета недоработок, не отмеченных в ведомостях или актах.

Разрешение на вылет самолета 15.XII. было дано директору завода Наркомом т. М.М. КАГАНОВИЧЕМ, который был введен в заблуждение неправильной информацией руководства завода о готовности машины.

Все это является результатом расхлябанности, неорганизованности, безответственности и преступной халатности работников завода 156.

Основными виновниками катастрофы самолета И-180 являются:

- 1) Техдиректор, он же главн. конструктор завода, ПОЛИКАР-ПОВ, выпустивший в полет недоработанную машину;
- 2) Зам. главн. конструктора ТОМАШЕВИЧ, санкционировавший возможность полета на дефектном самолете;
- 3) Директор УСАЧЕВ, безответственно форсировавший вылет недоработанной машины.

Комиссия считает необходимым передать дело о катастрофе следственным органам для привлечения основных и косвенных виновников к ответственности.

ПРИЛОЖЕНИЕ: акт комиссии

Председатель комиссии Комдив АЛЕКСЕЕВ

Члены комиссии Громов, Байдуков, Репин

17 декабря 1938 г.

В прилагавшемся многостраничном Акте особое внимание привлекает следующее:

«Причиной вынужденной посадки Комиссия считает отказ мотора в результате его переохлаждения и ненадежной конструкции управления газом.

Отказ мотора произошел в такой момент полета, когда благополучный исход его, без работающего мотора, был невозможен (низкая высота, отсутствие площадок). Судя по обстановке катастрофы, летчик до последнего момента управлял самолетом и пытался сесть и сел вне площадки, занятой жилыми домами. (То есть Чкалов, спасая людей, сознательно жертвовал своей жизнью. — НАД.)

...На самолете отсутствовала система регулируемого охлаждения, без чего производство полета и особенно первого вылета в морозный день (минус 25°) было чрезвычайно опасно. Устройство жалюзей предусматривалось... но выполнено не было.

...Самолет был выпущен в полет 15 декабря с рядом неустраненных дефектов, вследствие которых Союзным Правительством был запрещен полет именно на этом самолете 12 декабря.

...Подготовка самолета к полету с момента вывода на аэродром 7.XII.38 г. происходила в условиях исключительно вредной спешки при фактической обезличке и безответственности за это ответственное дело.

В результате такой обстановки летчик шел в полет не представляя себе особенностей самолета, его состояния и обстановки, в которой происходила подготовка самолета».

Последние слова заставляют думать, что и нарком М. Каганович, и сам Чкалов скорее всего «пошли» на полет, не ведая об истинном положении дел: слишком уж обстоятельно были оформлены заверения руководства завода насчет устранения и безопасности обнаруженных дефектов...

Судя по всему, Ворошилову данный Акт не понравился, и он, написав на нем резкое слово «Слабо», потребовал дополнительного и всестороннего доклада о случившемся. Такой доклад был сделан, но и он, видимо, не смог поставить точку на разбирательствах. И вот, полгода спустя, 4 июня 1939 г. за подписью Ворошилова появился обобщающий документ, известный в узких военных кругах как строго секретный Приказ №070 «О мерах по предотвращению аварийности в частях ВВС РККА». В нем, в частности, говорилось: «Герой Советского Союза, известный всему миру своими рекордными полетами, комбриг В.П. Чкалов, погиб только потому, что новый истребитель, который комбриг Чкалов

испытывал, был выпущен в испытательный полет в совершенно неудовлетворительном состоянии, о чем Чкалов был полностью осведомлен; больше того, узнав от работников НКВД о состоянии этого самолета, тов. Сталин лично дал указание о запрещении тов. Чкалову полетов впредь до полного устранения недостатков самолета, тем не менее комбриг Чкалов на этом самолете с неустранимыми полностью дефектами через три дня не только вылетел, но и начал совершать свой первый полет на новом самолете и новом моторе вне аэродрома, в результате чего, вследствие вынужденной посадки на неподходящей захламленной местности, самолет разбился, и комбриг Чкалов погиб».

Вот так. Не поворачивается язык говорить, что Валерий Павлович Чкалов погиб... в том числе и из-за собственной недисциплинированности. Однако после тщательного изучения документов это приходится признать! Вместе с тем есть основания (см. выше!) предполагать, что он пошел на полет только после того, как заводским начальством ему были даны документальные гарантии безопасности, то есть Чкалова, попросту сказать, спровоцировали или, как теперь говорят, «подставили»... В самом же полете злую шутку сыграла с ним присущая ему недисциплинированность!

Кто виноват?

Версии и слухи

Владимир Николаевич Бычков, один из дотошных историков нашего самолетостроения, работавший в Центральном музее авиации, перед смертью успел передать мне свои «авиазаписки», в которых я обнаружил исключительно важные наблюдения, касающиеся последних месяцев жизни нашего самого знаменитого летчика. И хотя я не присоединяюсь ко многим из этих наблюдений, тем не менее должен заметить, что они существенно дополняют уже предложенную здесь документальную картину, и поэтому имеют право быть представленными в качестве вспомогательных исторических материалов:

«...В.П. Чкалов отправился со своим экипажем в перелет через Северный полюс в Америку... с двигателем, снятым с самолёта Громова. Именно это обстоятельство (а не какая-то болезнь Михаила Михайловича, как писали раньше) и задержало на месяц

вылет экипажа М.М. Громова, хотя первоначально старт обоих самолётов намечался с разрывом в несколько минут: обстоятельный и «неавантюрный» Громов не хотел лететь на двигателе, досконально им неопробованном. История не любит сослагательного наклонения и всё же: эта яркая страница в истории нашей авиации выглядела бы совсем по-другому, если бы перелеты прошли по первоначальному плану. Ведь несмотря на всю действительную героичность в первом перелёте не была достигнута его основная цель — установить рекорд дальности полета по прямой. Эта цель была зашифрована даже в названии самолёта: АНТ-25РД — «рекорд дальности»! Она была достигнута вторым экипажем — М.М. Громовым, А.Б. Юмашевым и С.А. Данилиным, но только через месяц.

<...> в гибели Валерия Павловича виноват он сам. Есть в архиве документ — задание на первый вылет, подписанное В.П. Чкаловым, где... чётко написано: «Первый вылет без уборки шасси с ограничением скоростей, согласно указаний главного конструктора завода тов. Поликарпова Н.Н. По маршруту Ц.А. (Центральный аэродром — В.Б.). На высоте 600 м». Таким образом, если бы Валерий Павлович не нарушил полётного задания, то остался бы жив: не выходя в полёте за границы аэродрома, он спокойно бы сел на лётное поле.

...Живёт в Петербурге «ходячая энциклопедия» по Н.Н. Поликарпову — В.П. Иванов, математик по специальности.

Так вот, Владимир Петрович излагает историю гибели В.П. Чкалова следующим образом.

По плану, разработанному Н.Н. Поликарповым, лётные испытания его нового истребителя И-180 должны были начаться в феврале 1939 г. Однако начальник 1 Главного управления Наркомата оборонной промышленности С.И. Беляйкин выступил с инициативой: «Встретим грядущий съезд партии трудовыми успехами — досрочно выпустим на лётные испытания И-180». (А может, он держал ещё в уме и день рождения И.В. Сталина — кто его знает...) Из-за несогласия Н.Н. Поликарпова с такой гонкой он фактически был отстранён от руководства испытаниями своего самолёта.

Ту машину, на которой полетел В.П. Чкалов, Н.Н. Поликарпов вообще не собирался выпускать в полёт, а предназначал её лишь для наземных испытаний. Поэтому на этом экземпляре самолета

не был установлен автомат изменения шага винта, и сам винт был другой — не ВИШ-23Е, с которым И-180 должен был летать, а ВИШ-3Е, хотя и годившийся для наземных испытаний, но резко снижавший к.п.д. винтомоторной установки. При этих условиях для создания необходимой тяги двигатель должен был работать на повышенных оборотах, что приводило к его перегреву. Отсюда и его плохая приёмистость, остановки при резком движении ручки управления дросселем (РУД) и т.п. Таким образом, проблема была не в том, чтобы не переохладить двигатель, а в том, чтобы не перегреть его на взлёте. Поэтому при подготовке того самого полёта, несмотря на мороз, и были сняты жалюзи на входе в двигатель. Здесь с В.П. Ивановым трудно согласиться: жалюзи, видимо, были сняты раньше — при наземных испытаниях самолёта при тёплой погоде. В силу изложенных причин Н.Н. Поликарпов и отказался ставить свою подпись на допуске машины к полёту. (Это не так. Смотрите подписанный 14.12.38 г. Поликарповым спецакт, дающий разрешение на первый вылет. — НАД.)

Такова версия В.П. Иванова. Мы же продолжим наш рассказ.

Важное значение в этой истории, кроме уже цитированного задания на первый вылет, имеют ещё два документа — два акта, составленные накануне полёта, 14 декабря 1938 г. Первым из них, подписанным среди прочих и заместителем главного конструктора Д.Л. Томашевичем, подтверждалась готовность самолёта к первому вылету: «...Дефекты, указанные в ...ведомости от 11.12.1938 г. ... не могут служить препятствием для первого вылета... Самолёт готов к первому вылету без уборки шасси, с ограничением перегрузок и скорости согласно указанию Главного конструктора завода тов. Поликарпова Н.Н.». Во втором акте говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся..., составили настоящий акт в том, что винт на машине заказа 318 (И-180 — В.Б.) предназначен для работы от автомата, но ввиду того, что автомат не поставлен, по распоряжению заместителя Главного конструктора... винт работает только на два крайних положения...», то есть винт получился двухшаговым.

По существу, именно эти три документа и определяют трагедию, разыгравшуюся 15 декабря: самолёт, в принципе, мог летать, но с ограничениями по скорости и в пределах аэродрома. Наложившиеся же субъективные (спешка некоторых руководителей, недисциплинированность В.П. Чкалова) и объективные (резкое изменение погодных условий — от небольшой отрицательной тем-

пературы накануне до -25°C 15 декабря) обстоятельства сделали своё дело. А развивались события следующим образом.

В ноябре-декабре 1938 г. В.П. Чкалов находился в отпуске у себя на родине. Для проведения досрочных испытаний его досрочно вызвали в Москву. По существовавшим правилам лётчик-испытатель после перерыва в работе, прежде чем приступить к испытательным полётам, должен был совершить несколько тренировочных на специально предназначенных для этой цели самолетах. Был такой самолёт — «Нортроп» — подготовлен и для Чкалова, но находился он на другом аэродроме и из-за погодных условий его смогли перегнать на Центральный аэродром, где располагалась Лётно-испытательная станция завода, лишь в тот момент, когда Валерий Павлович уже забирался в кабину И-180.

В.К. Коккинаки, проводивший в тот день испытания ильюшинского самолёта, рассказывал впоследствии, что он встретил Чкалова далеко за пределами аэродрома на высоте 2000-2500 м. Заходя на посадку, Чкалов, как всегда, убрав газ, сбавив обороты двигателя до минимума. Однако в данном случае, возможно, из-за отсутствия на самолёте автомата изменения шага винта, выполненный им расчёт захода на посадку оказался неточным и, видя, что он не дотягивает до края аэродрома, Чкалов попытался вновь прибавить обороты двигателя, о чём свидетельствовал виденный многими очевидцами чёрный дым, появившийся за самолётом. При этом то ли от переохлаждения на морозе работавшего на малых оборотах двигателя, то ли от слишком резкого движения РУД (что естественно при таких обстоятельствах), но двигатель «не забрал», и Чкалов врезался в склад металлоизделий на краю аэродрома.

Что касается возможного переохлаждения двигателя, то бортмеханик 1 класса А.М. Захаренко, готовивший «Нортроп» для тренировочного полёта Чкалова, пишет в своих воспоминаниях: «Самолёты И-180 и «Нортроп» имели большое сходство в моторных установках: и М-88 на И-180, и «Райт Циклон» «Нортропа» были двухрядными звёздами воздушного охлаждения. Ни на первом, ни на втором в тот день не стояли жалюзи. Три полёта совершил в этот трагический день «Нортроп». И в двух случаях — когда лётчики не были предупреждены механиком-мотористом об особенностях эксплуатации мотора — застывал мотор при планировании на посадку из-за отсутствия жалюзи... Как мне впоследствии стало известно от работников нашего отдела М. Сычёва и В. Бар-

ского, Валерий Павлович интересовался у них, сколько времени потребуется на установку жалюзи. Ответ был неопределённым: часа два-три, может, больше. Валерий Павлович понял, что в этом случае назначенный полёт может не состояться, так как в зимнее время темнеет рано. И он решил не подводить конструктора и рабочих и лететь без жалюзи...»

Откровенный приказ наркома

К сожалению, то, что произошло со Чкаловым, не было единственным случаем. Чтобы спасти людей от безумия безответственности, нужны были какие-то крутые меры. Видимо, на это и был рассчитан следующий документ, отражавший последнюю точку терпения. Этот документ уже упоминался. Однако, чтобы беглое упоминание о нем не вызывало подозрений и вопросов, привожу его без сокращения существенных мест.

ПРИКАЗ

О МЕРАХ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ АВАРИЙНОСТИ В ЧАСТЯХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ РККА

№ 070

4 июня 1939 г.

16 – 17 мая с.г. Главный военный совет Рабоче-Крестьянской Красной Армии с участием военных советов и командующих воздушными силами ЛВО, БОВО, КОВО, ХВО, военных советов АОН, специально вызванных командиров и комиссаров авиабригад, авиаполков и эскадрилий заслушал и обсудил доклад начальника Военно-Воздушных Сил РККА о мерах борьбы с катастрофами и летными происшествиями и об улучшении организации летной подготовки в Военно-Воздушных Силах.

В результате обсуждения этого вопроса Главный военный совет устанавливает:

Число летных происшествий в 1939 году, особенно в апреле и мае месяцах, достигло чрезвычайных размеров. За период с 1 января до 15 мая произошло 34 катастрофы, в них погибло 70 человек личного состава. За этот же период произошло 126 аварий, в которых разбит 91 самолет. Только за конец 1938 и в первые месяцы 1939 гг. мы потеряли 5 выдающихся летчиков – Героев Советского Союза, 5 лучших людей нашей страны – тт. Бряндинского, Чкалова, Губенко, Серова и Полину Осипенко.

Эти тяжелые потери, как и подавляющее большинство других катастроф и аварий, являются прямым результатом:

а) преступного нарушения специальных приказов, положений, летных наставлений и инструкций;

б) крайне плохой работы командно-политического состава воздушных сил и военных советов округов и армий по воспитанию летно-технических кадров авиачастей;

в) плохо организованной и еще хуже проводимой плановости и последовательности в учебно-боевой подготовке авиационных частей;

г) неумения старших начальников и комиссаров наладить летно-техническую подготовку с каждым экипажем и летчиков в отдельности в соответствии с уровнем их специальных познаний, подготовленности, индивидуальными и специфическими их способностями и качествами;

д) все еще неудовлетворительного знания личным составом материальной части и, как следствие этого, плохой ее эксплуатации и

е) самое главное, недопустимого ослабления воинской дисциплины в частях Военно-Воздушных Сил и расхлябанности, к сожалению, даже среди лучших летчиков, не исключая и некоторых Героев Советского Союза.

Подтверждением всего сказанного служит буквально всякая катастрофа и происшествие, так как при самом беглом ознакомлении с ними, как правило, причиной является или недисциплинированность и разболтанность, или невнимательное и недопустимо халатное отношение к своим обязанностям летно-подъемного и технического состава.

Вот наиболее тяжелые катастрофы и аварии за последнее время.

1. В конце прошлого года в полете на место посадки экипажа самолета «Родина» произошло столкновение двух самолетов «Дуглас» и ТБ-3, в результате чего погибло 15 человек. В числе погибших был и командующий воздушными силами 2-й Отдельной Краснознаменной армии комдив Сорокин и Герой Советского Союза комбриг Бряндинский.

Командующий воздушными силами 2 ОКА Сорокин без какой бы то ни было надобности и разрешения центра, но с согласия командования 2 ОКА вылетел на ТБ-3 к месту посадки самолета «Родина», очевидно, с единственной целью, чтобы потом можно

было сказать, что он, Сорокин, также принимал участие в спасении экипажа «Родина», хотя ему этого никто не поручал и экипаж «Родина» уже был обнаружен.

Вслед за Сорокиным на «Дугласе» вылетел Бряндинский, который также не имел на то ни указаний, ни права, целью которого были, очевидно, те же мотивы, что и у Сорокина.

Оба эти больших авиационных начальника, совершив проступок и самовольство, в дополнение к этому в самом полете проявили недисциплинированность и преступную халатность в летной службе, результатом чего и явилось столкновение в воздухе, гибель 15 человек и двух дорогостоящих самолетов.

2. Герой Советского Союза, известный всему миру своими рекордными полетами, комбриг В.П. Чкалов погиб только потому, что новый истребитель, который комбриг Чкалов испытывал, был выпущен в испытательный полет в совершенно неудовлетворительном состоянии, о чем Чкалов был полностью осведомлен. Больше того, узнав от работников НКВД о состоянии этого самолета, т. Сталин лично дал указание о запрещении т. Чкалову полетов впредь до полного устранения недостатков самолета, тем не менее комбриг Чкалов на этом самолете с не устраненными полностью дефектами через три дня не только вылетел, но начал совершать свой первый полет на новом самолете и новом моторе вне аэродрома, в результате чего, вследствие вынужденной посадки на неподходящей захламленной местности, самолет разбился и комбриг Чкалов погиб.

3. Герой Советского Союза заместитель командующего ВВС БОВО полковник Губенко, прекрасный и отважный летчик, погиб потому, что производил на И-16 полет высшего пилотажа на недопустимо низкой высоте. Полковник Губенко, невзирая на свой высокий пост заместителя командующего воздушными силами военного округа, невзирая на то, что еще накануне своей гибели, проводя совещание с подчиненными ему командирами авиабригад по вопросам аварийности в воздушных силах, сам указывал на недисциплинированность как главную причину всех несчастий в авиации, допустил лично недисциплинированность, граничащую с преступлением. Полковник Губенко обратился к командующему войсками БОВО командарму 2 ранга т. Ковалеву с просьбой разрешить ему полеты высшего пилотажа с использованием взлетных полос. Командующий Белорусским особым военным округом командарм 2 ранга т. Ковалев категорически запретил полков-

нику Губенко летать. И все же Губенко не только грубо нарушил прямой приказ своего высшего и прямого начальника, но одновременно нарушил все приказы и наставления по полетам, начав высший пилотаж на недопустимо низкой высоте.

4. Два Героя Советского Союза — начальник летной инспекции ВВС комбриг Серов и инспектор по технике пилотирования МВО майор Полина Осипенко погибли потому, что организация тренировки по слепым полетам на сборах для инспекторов по технике пилотирования, начальником которых являлся сам комбриг Серов, не была как следует продумана и подготовлена, а главное, полет комбрига Серова и майора Полины Осипенко, выполнявших одну из первых задач по полету под колпаком, производился на высоте всего лишь 500—600 метров вместо установленной для этого упражнения высоты не ниже 1000 метров. Это безобразное, больше того, преступное нарушение элементарных правил полетов, обязательных для каждого летчика, и начальников в первую голову, и явилось роковым для Серова и Полины Осипенко.

Этот последний случай, так же как и случай гибели Героя Советского Союза Губенко, является ярким свидетельством того, что нарушение правил полетной работы не может пройти безнаказанно ни для кого, в том числе и для самых лучших летчиков, каковыми в действительности и являлись погибшие товарищи Губенко, Серов и Полина Осипенко.

5. Однако недисциплинированность и распушенность настолько вкоренились среди летчиков, так велика эта болезнь, что, невзирая на частые и тяжкие катастрофы, результатом которых является гибель лучших наших людей, невзирая на это, всего лишь месяц примерно тому назад два Героя Советского Союза — командующий ВВС МВО комбриг Еременко и его заместитель полковник Осипенко в неурочное время вздумали произвести «показательный» воздушный бой над люберецким аэродромом и произвели его на такой недопустимо низкой высоте, позволили себе такое нарушение всех установленных правил и приказов, что только благодаря счастливой случайности этот, с позволения сказать, «показательный» бой закончился благополучно. Однако такие «показательные» полеты показывают лишь, что источником недисциплинированности, расхлябанности, воздушного лихачества и даже хулиганства являются не всегда худшие летчики и рядовые работники авиации. Вдохновителями и образцом недисциплинированности, как это видно из приведенных фактов, бывают и

большие начальники, на обязанности которых лежит вся ответственность за воспитание летчиков и руководство их работой, которые сами обязаны быть и непременно образцом и примером для подчиненных.

б. Ко всему сказанному необходимо отметить, что культурность летно-подъемного состава нашей авиации продолжает оставаться на весьма низком уровне. Замечание т. Сталина, сделанное им на заседании Главного военного совета о том, что законы физики, механики и метеорологии летно-техническим составом плохо усвоены, их, этих законов, многие не знают, с этими законами природы не всегда и не все летчики считаются — это указание т. Сталина исключительно правильно определяет физиономию большого числа летно-подъемного и технического состава воздушных сил. Оно бьет прямо в цель.

У нашего летного состава не хватает постоянной, не показной, а подлинной внутренней подтянутости и внимания к своему делу, особенно в воздухе, где необходима высокая дисциплина, где летчик, штурман, радист, стрелок, бортмеханик обязаны быть всегда начеку, внутренне собранными, внимательными ко всему, что относится и к технике, к полету в целом. В полете летчик должен быть полностью внутренне отобилизованным.

Если хорошим безаварийным паровозным машинистом может быть только человек организованный, внимательный, знающий и любящий свое дело, то насколько же повышаются требования к летчику, который управляет не паровозом, движущимся по рельсам, а современным могущественным летным аппаратом, заключающим в себе сотни и тысячи механических лошадиных сил и развивающим огромную скорость в полете.

Все эти азбучные истины, к сожалению, забываются нашими летчиками, и за это многие из них платятся своей жизнью. И что самое тяжелое, старые, испытанные мастера летного дела не борются с отрицательными явлениями среди своих молодых со товарищей и тем самым поощряют молодняк на поступки, совершенно нетерпимые в рядах бойцов нашей авиации. <...>

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза К. Ворошилов.

470 218

477 218
 КОМУСЬ ИЗ НАС

НАКОЛОВ УМЕНЬШАЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ С С Р
 ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Ваня, Андрей, Коров
Pravda, Komsomol

МАЯ 20 1956

Разработчики двигателя самолета ИЛОН И-156 КОММЕНД, на центральном аэродроме шлохезен с самолетами ИЛ до шлохезен, отечественных аэродромов отдела казахского полковника, за- уий постребитель И-150, конструкция механизма постребитель- ПОВА.

На машине лет на самолете постребитель, так как индустриаль- технического контроля самолета И-156 - ИЛОНЕВ на не постре- писываем до устранения всех дефектов, обслуживаемых авиа- зом технического контроля.

Однако, под началом директора УСАИИИ, ЯКОБОВ подделал паспорт на крылья самолета, уже поставил, что он разумеется полет на ограниченной скорости.

Этот паспорт выдан со слова инженера СР постребитель- лония самолета И-156 КОММЕНД, которому в 1956 выдана была выдана ОК самолета ЯКОБОВ, разработчик постребитель- требовался УСАИИИ.

Самолет ИЛОН С.Г. в 12 часов дня, при взлете в аэро- вой полет, самолет-постребитель И-150 ЯКОБОВ полет

470 218

477 218

в первый опытный полет.

Машину поведет Герой Советского Союза - капитан - В.И. ЗИЛЮК.

По мнению инженера, вставшая дефекты, могут угро- зить казахской авиации в воздухе.

Для проверки сообщения инженера, на аэродроме выдана оперативная ИЛОН тов. КОММЕНД, которому пов. директора самолета И-156 СТУДЕНЦЕ подтвердил, что самолет И-150* отправлен с аэродрома на аэродром с дефектами.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНЕШНИХ ДЕЛ
 СССР С.С.Р.

М.Ф. БЕЛЫЙ

Документ, свидетельствующий, что Берия пытался спасти Чкалова от авиакатастрофы.

Глава 9

СТАЛИН И КОРОЛЕВ

Я бросил все. И, не зная ни дня, ни ночи, отдал раскрытию тайн Сергея Павловича Королева много месяцев. (Говорю это не ради красного слова — так было.) И вот, когда передо мной открылись лица живых людей, каждое со своим воспоминанием, и ожившие благодаря им буквы множества мертвых документов, я вдруг увидел: каким(!) был Королев. И понял, что надо еще решиться, чтобы все это писать... Ведь он не только космический гений, но и — для большинства — нечто святое! Однако не мог же я писать полуправду? И я решил: будь, что будет, но расскажу все, как было...

За изложенное здесь обязан другу Королева академику Борису Евсеевичу Чертоку и космонавтам: Алексею Леонову, Константину Феоктистову, Виталию Севастьянову и Валентине Терешковой. Не все в их и в рассказах других об одних и тех же событиях совпадает. Но, когда все объединяешь и начинаешь сопоставлять, вырисовывается такая картина, про которую категорически уже не скажешь, что в ней концы с концами не сходятся.

Королев в Сталине не ошибся

Впервые Сталин обратил внимание на имя «Сергей Павлович Королев» в начале 30-х. Случилось это в связи с затягиванием вопроса организации Реактивного института — предтечи первого космического центра в СССР. Создать Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ) запланировали еще 3 марта 1932 года на совместном совещании начальников управлений Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Газодинамической лаборатории (ГДЛ) и Группы изучения реактивного движения (ГИРД). Прошел год, но М.Н. Тухачевскому, председательствовавшему на том совещании, так и не удалось осуществить задуманное. И тогда 20 апреля 1933 года ГИРДовцы (а начальником ГИРД был Королев) написали письмо Сталину.

Космонавту Алексею Леонову (благодаря которому я это знаю) от дочери Королева известно, что в письме ГИРДовцы говорили о тяжелом положении, в котором оказалась их Группа, и просили ускорить организацию Реактивного института, а пока — оказать

ГИРД помощь деньгами, материалами и оборудованием. «В очень недалеком будущем, — писали ГИРДовцы Сталину, — можно ожидать осуществления снарядов с дальностью метания порядка несколько тысяч километров с несением не только боевой, но и живой нагрузки». Речь шла о возможности летать за пределами атмосферы, иначе говоря, в безвоздушном космическом пространстве. Шел 1933 год, т. е. это заявление было сделано за год до рождения Гагарина и за 24 года до вывода на орбиту первого Искусственного Спутника Земли!

В ответ ГИРД вскоре получила ощутимую материальную поддержку: новые станки и грузовик; сотрудников поставили на спецобслуживание в соседнюю столовую Наркомата сельского хозяйства; штат усилили несколькими инженерами; но самое главное — через пять месяцев состоялось открытие Реактивного института.

Нацеленный с 1931 года на космос Королев таким образом добился своего. Сам же Сергей Павлович считал, что если бы его единомышленником не стал тогда такой влиятельный человек, как зампред Реввоенсовета (РВС) М.Н. Тухачевский, дело с Реактивным институтом могло бы затянуться на неопределенный срок. Именно Тухачевский, заряженный идеями, делами и энтузиазмом Королева, сумел заразить Сталина фантастическими королевскими проектами. Трудно поверить, но даже в те годы сторонников подобных фантазий принимали, по меньшей мере, за чудаков. Как бы там ни было, но в конце концов именно эти три «чудака» (Королев, 1906-1966, Тухачевский, 1893-1937 и Сталин, 1879-1953) больше других сделали для организации (именно организации) советской космической программы. Их научными предшественниками были: Н.И. Кибальчич (1853-1881), К.Э. Циолковский (1857-1935) и Ф.А. Цандер (1887-1933). Но главная заслуга в том, что Россия первой прорубила окно во Вселенную, принадлежит Королеву и Сталину. Об этом свидетельствует и дочь Королева Наталия Сергеевна: «Всем известно, как много значило в те годы слово Сталина. Отец как конструктор надеялся на его поддержку и не ошибся... Рассказ отца врезался мне в память».

... Когда до Сталина дошла секретная записка из РККА и письмо ГИРДовцев о возможностях реактивной техники и о тупиках, в которые заходят ее разработки и испытания из-за чиновничьей волокиты, он, по свидетельству замначальника Управления военных изобретений Я.М. Терентьева, тут же вызвал к себе с докладом и объяснениями Тухачевского и замнаркома тяжелой промыш-

ленности И.П. Павлуновского. Решение о Реактивном институте было принято и направлено в Совнарком СССР на исполнение немедленно.

Вскоре после вмешательства Сталина 21 сентября 1933 года Тухачевский подписывает приказ № 0113 РВС о создании РНИИ в системе Наркомата по военным и морским делам СССР. А Постановлением Совета Труда и Оборона № 104 СС от 31 октября 1933 года за подписью В.М. Молотова организация Реактивного института возлагается на Наркомат тяжелой промышленности. Так новому делу дается большой ход и государственный масштаб. Королев сразу оценивается руководством страны как весьма зрелый и перспективный человек. Ему присваивается звание военного инженера, соответствующее уровню современного генерал-лейтенанта. Справка от 9 декабря 1933 года удостоверяет, что С.П. Королев действительно является заместителем начальника института с окладом 700 рублей. О таких деньгах тогда можно было только мечтать. Между тем Королеву не было и 27 лет.

Но, как это чаще всего бывает, неожиданные взлеты таят в себе еще более неожиданные падения. И только тот, кто способен не падать духом, достигает еще больших вершин. Это про Королева... Второе пересечение его деятельности с деятельностью Сталина оказалось для него тяжелейшим испытанием... Сталина Королев ценил всегда, но, пройдя через все испытания, он, как это ни странно, только утвердился в своем отношении. И когда объявили о смерти Сталина, переживал так, словно потерял лучшего друга. Об этом свидетельствуют его письма-дневники.

1953 год. 5 марта: «Тревога не оставляет сознание ни на минуту. Что же с ним будет и как хочется, чтобы все было хорошо».

6 марта: «Умер наш товарищ Сталин... Так нестерпимо больно на сердце, в горле комок и нет ни мыслей, ни слов... В самые трудные минуты жизни всегда с надеждой и верой взоры обращались к товарищу Сталину... Его великим вниманием была согрета любая область нашей жизни и работы...»

7 марта: «Не могу ни за что взяться и собраться с мыслями».

8 марта: «Как страшно тяжело на сердце».

9 марта: «Как страшно тяжело... Наш товарищ Сталин всегда будет вечно жить с нами».

То же самое слышала от Королева его дочь. Но вот что она не могла понять: «Отец глубоко переживал смерть Сталина. Так же, как многие другие, он не видел его вины в изломах собственной

судьбы... И это писал и говорил человек, прошедший сталинские тюрьмы и лагеря, насильственно оторванный от любимой работы и семьи более чем на шесть долгих лет...»

Да! Королев был в числе жестоко репрессированных в 30-е годы. Однако, когда докапываешься до оснований его ареста, полностью осознаешь причины столь уважительного отношения Королева к Сталину. Это, если не закрывать глаза на все(!), что было...

Бухарин и Тухачевский против Королева?

Не успел 26-летний Королев в соответствии с умопомрачительной в его возрасте карьерой надеть генеральскую форму с двумя ромбиками в петлицах, как ему в начале января 1934 года преподнесли новогодний подарок: освободили от должности заместителя начальника РНИИ. По словам дочери, «приказ об освобождении и одновременной ликвидации своей должности отец впервые увидел на доске объявлений...»

К этому приказу приложили руки заведовавший научно-техническими делами ВСНХ СССР Н.И. Бухарин и М.Н. Тухачевский. По договоренности с ними не переносивший Королева начальник РНИИ И.Т. Клейменов сократил начинающего «организатора космических полетов» до «старшего инженера бригады Е.С. Щетинкова», чтобы не устраивал непримиримых выяснений отношений с руководством. Вдобавок ко всему 11 января 1934 года приказом по личному составу РККА Королева уволили с действительной военной службы в резерв. Но это было только начало самой черной полосы в его жизни, продлившейся около 10 лет.

...В те времена было в порядке вещей писать друг на друга жалобы и доносы. Это настолько вошло в «политическую моду», что, согласно выводам А.Н. Яковлева, председателя комиссии по реабилитации жертв незаконных репрессий, писали друг на друга почти все. Не обошла эта «болезнь» и молодого Королева. Вот слова из его жалобы Тухачевскому на начальника Клейменова от 29 мая 1934 года: «Клейменов не успокаивается и ставит вопрос перед командованием Управления РККА о моем исключении из рядов резерва РККА. Когда это не получается, он ставит вопрос о том, что он не может работать в одном учреждении со мною (хотя сейчас мы непосредственно по работе не связаны)...» То ли жалоба достигает цели, то ли все происходит согласно принципу «разделяй и

властуй», но Клейменов, оставшись начальником, на время успокоился (и даже дал Королеву рекомендацию в партию), а затем вообще «загремел» как «враг народа» и был расстрелян, успев, правда, перед расстрелом «разоблачить» Королева как своего сообщника.

Примером другого обращения является жалоба Королева от 19 апреля 1938 года на новое начальство института в Октябрьский райком партии: «Мне он (арестованный Клейменов, — НАД.) очень много сделал плохого, и я жалею, что взял у него рекомендацию... Встал вопрос вообще о возможности моей работы в институте. Директор института т. Слонимер дал мне срок до 1 мая 38 г., после чего он собирается уволить меня... Так продолжаться дальше не может: или же я действительно должен оставить институт в угоду Костикову, ... или обстановка д. б. изменена». На этот раз жалоба не прошла — райком вернул ее для разбирательства в институт фактически тем, на кого жаловался Королев. В чью пользу заканчиваются такие разбирательства — ясно без слов.

Положение Королева в институте становится угрожающим. А тут еще одна за одной неудачи. «Так, — по рассказу дочери, — 13 мая 1938 года при испытаниях двигательной установки ракеты произошел взрыв. Для выяснения причин аварии создали комиссию... 27 мая проводились испытания, предусматривавшие сброс макета ракеты с самолета. Экипаж из пяти человек, в том числе отец, оказался в аварийной ситуации. Все обошлось, но снова образовали комиссию, снова состоялся разбор причин с обвинениями конструктора — моего отца, нервы которого и так были на пределе. 29 мая отец проводил на стенде опыты с двигательной установкой, отремонтированной после взрыва ракеты. А.В. Палло говорил, что, проверяя в тот день вместе с механиками соединения трубопроводов, он не смог добиться необходимой герметичности и предложил отцу изменить конструкцию уплотнения, а до этого отказаться от испытаний. Отец очень рассердился и, сказав, что обойдется без помощников, ушел на стенд. Все случилось так, как и предвидел А.В. Палло: силой давления из соединения вырвало трубку, конец которой ударил отца по голове. Окровавленный, он, шатаясь, вышел во двор, прикрывая рану носовым платком, упал, потом поднялся... Вызвали «скорую помощь»... Отец получил сотрясение мозга, а в теменно-височной области — ушибленную, но без повреждения кости, рану. Лишь по счастливой случайности

остался жив... В больницу к нему приехал А.В. Палло. Отец сразу признал, что тот был прав, предупреждая его об опасности».

Короче, с Королевым едва не случилось то, что в конце того же 38 года произошло с Чкаловым, который, зная о недоделках в новом самолете, все-таки отправился в неконтролируемый испытательный полет и... разбился, чудом избежав падения на жилые дома. Из-за гибели Чкалова многие руководители надолго, а кое-кто и навсегда лишились свободы.

После всего происшедшего в мае 1938 года Королев, по воспоминаниям матери, хорошо представляя, что его ждет, сказал: «Ну вот, дорогие мои старики... Клейменов арестован, Лангемак арестован. Глушко арестован. Теперь очередь за мной!»

Так оно и вышло. Однако, если арестованные Клейменов и Лангемак, бесспорно, были людьми Тухачевского, действительно настроенного против Сталина, о чем в 2004 году сообщили «Известия», основываясь на воспоминаниях родных и близких Тухачевского, то Королев отчетливо осознавал, что его посадят прежде всего за ущерб, нанесенный им государственному карману скоропалительными испытаниями. Действительно, ничем другим, как азартом желания поскорее достичь нужных результатов, спешку Королева в этих дорогостоящих испытаниях не объяснить. Конечно, и Королев, по признанию его первой жены, обсуждал с коллегами у себя дома причины и правомерность объявления Тухачевского врагом народа. Но не за это, точнее, не столько за это, сколько за то, что он, Королев, угробил своими явно неподготовленными экспериментами огромные народные деньги, нависла над ним угроза ареста. Дорого стоившие обществу авантюрные ракетные испытания Королева, разумеется, в какой-то мере, можно оправдать тем, что в интересах дела молодой конструктор еще «страдал» мальчишеством, торопясь получить результат так же, как нетерпеливый подросток желает опробовать велосипед с неприкрученными до конца колесами. Вместе с тем Королев неоднократно включал в производственный план РНИИ то, чего делать не собирался, и предполагал использовать отпущенные под это деньги на другое дело, которое финансировать бы не стали. Эти «ходы» и «хитрости» и довели его до ареста, хотя такое «вредительство» Королева предпринималось им явно на благо общества, так сказать, с прицелом на будущее.

За что был осужден Королев

За что был осужден Королев? За дело и... не за дело. Не за дело... в том смысле, что сознательным вредителем, работавшим по заданию антисоветской организации, он, несомненно, не был. А за дело... в том смысле, что у него все время не хватало терпения дожидаться хотя бы минимально необходимой обоснованной готовности испытаний, как это было, например, 29 мая 1938 года, когда он чудом не погиб сам и не погубил предупреждавших его о неготовности оборудования людей. У него тогда вошла уже в систему «российская болезнь» начинать опыты с существенными недоработками, полагаясь на авось. Забегая вперед, скажу, что после уроков тюрьмы и Колымы он не только во многом избавился от этой «болезни» сам, но и добивался, чтобы ею не «болели» другие, приговаривая: «Помните, братцы, мы тратим страшные деньги. После таких неудач ничего не стоит «пришить» нам политическое дело — сознательную экономическую диверсию. Я эти штуки знаю...» Говоря это, Королев не мог не помнить, как в заключении ученые других направлений вычитывали ему: «Вы со своими лунными проектами пускали деньги на ветер — вот нас и пересажали за ваши фокусы».

Впрочем, один из первых Героев Советского Союза Николай Петрович Каманин, работавший бок о бок с Сергеем Павловичем в последние годы его жизни, осенью 1964 года записал в своем дневнике: «Люди чувствуют: Королев зарывается и не хочет понять, что главная причина недостатков и промахов — в отсутствии твердого плана, в спешке и бессмысленном дерганье исполнителей». Выходит, в Королеве, тогда уже доказавшем свои силы в покорении космоса, при неудачах вновь начинал срывать тот самый рецидив, который довел его до тюрьмы в 38-м.

Если все это основательно усложняло положение Королева после всемирного успеха его космических проектов в 60-е, то понятно, чем грозили ему аварии и взрывы, превращавшие в ничто десятки тысяч рублей, в те годы, когда страна, будучи предельно нищей, все-таки выделяла на испытания его изобретений чуть ли не последние деньги с готовностью жить впроголодь, но так, чтобы через две пятилетки зажить по-человечески. Или, как говорили тогда, мы сделаем за 10 лет то, что другие делали за 100, или попадем в рабство и погибнем. Не погибли, потому что сделали так, как задумали, потому что большинство понимало, что нельзя

допустить, чтобы господствовала так любимая в наши дни отговорка: хотели, как лучше, а получилось, как всегда...

Чтобы иметь представление, что это были за деньги, за безответственную трату которых Королеву дали срок (в Приговоре Суда называется цифра 120 тысяч рублей), достаточно сказать на какие средства тогда жили обыкновенные люди, в том числе — и сам Королев, когда был студентом. Перебиваясь с хлеба на воду, в Киеве он снимал за 8 рублей в месяц койку в общежитии и не знал, где взять 25 рублей на ботинки. В течение суток до и после учебы приходилось подрабатывать: крыть институтскую крышу, работать в порту и на вокзале грузчиком... Вот как Королев писал про это матери: «Встаю рано утром, часов в пять. Бегу в редакцию, забираю газеты, и потом бегу на Соломенку, разношу. Так вот зарабатываю восемь карбованцев...» Стало быть, цену своим деньгам Королев знал с юности, а вот узнать цену народным, к сожалению, научила его Колыма.

Конечно, испытания изобретений не обходятся без неудач. Но одно дело неудачи после устранения всех заактированных недостатков, и другое — при их явном игнорировании. Это как перевозка людей на автобусе с заведомо неисправными тормозами, закончившаяся катастрофой. Виновен допустивший ее водитель? Безусловно, виновен. За подобное по сей день сажают. А тогда, перед войной, тем более. Поди объясни, почему ты раз за разом устраиваешь заведомо чреватые общественно-опасными последствиями да еще и дорогостоящие испытания?!

Королеву в 38-м дали 10 лет с поражением в правах. Потом мать добилась пересмотра дела. В 40-м срок убавили до 8 лет. И поражение в правах отменили. Но факты нанесения ущерба государству (пусть по легкомыслию) никто отменить не мог... В конце концов Королев, пытавшийся выбраться из создавшегося положения путем «бомбардировки» Сталина письмами, попал в «шарашкину контору», чтобы можно было использовать свои космические способности по назначению, а не вкалывать кайлом на золотых приисках. И хотя королевские письма о его желании усилить страну новым, космическим, сверхоружием, скорее всего, до Сталина не доходили, тем не менее такая замена лагерей на конструкторские бюро за колючей проволокой («шарашки») для эков-специалистов была во времена Сталина своеобразным негласным общим ответом вождя провинившимся, подобно Королеву, ученым и инженерам.

Отвратительный недостаток или великое достоинство?

Кстати, выкрутиться, во что бы то ни стало, из любого положения, было для Королева неискоренимой привычкой. Впрочем, этот отвратительный недостаток, проявлявшийся в компрометирующих его обстоятельствах, превращался в великое достоинство, когда требовалось найти научное или техническое решение в, казалось бы, безвыходной космической ситуации. Об этом с сожалением и одновременно с восторгом рассказывал Ярослав Голованов, входящий в семейный круг Королевых на правах «своего». Вот два показательных примера. Первый — от первой жены Сергея Павловича, от Ксении Максимилиановны Винцентини. Второй — от второй жены, от Нины Ивановны Королевой.

Как-то, еще до войны, Ксения Максимилиановна чистила пиджак мужа. Из кармана выпала розовая бумажка. Это были два билета в Большой театр. Королев ничего не говорил о них. Значит, решила она, пойдет с какой-то дамой. А у Ксении Максимилиановны был поклонник, крупный военный, и уговорить его сходить в Большой не стоило труда. Столкнулись в антракте. С Сергеем была красивая брюнетка. Увидев жену, Королев рванул от брюнетки, словно кот со стола, и стал сбивчиво оправдываться: «Случайно предложили билеты... Неудобно было отказать... Где мы встретимся после спектакля?» «А зачем нам встречаться? — спросила Ксения. — Меня проводят». Она посмотрела на своего представительного попутчика. Тот, естественно, не отказался. И тогда Королев сказал: «Нет. Мы поедем вдвоем!» Куда он сплавил даму — неизвестно, но, проявив все свое упорство, увез-таки жену из театра сам... Он очень не любил проигрывать, тем более — оставаться в дураках.

Об этом же, но по другому поводу, говорила и вторая жена Сергея Павловича. «Однажды, — рассказывала Нина Ивановна Голованову, — это было за несколько дней до его смерти, в январе 1966 года, Сергей Павлович вдруг сказал: «Должен тебе признаться, что я как-то плохо помню старика Циолковского...» Эти слова я запомнила дословно. У меня на языке крутилось тогда сказать ему: «А чего же ты врал, что «еще в 1929 году познакомился с Циолковским»?!» Но я смягчила свой вопрос:

- Сережа, а что же ты так много неправды говорил?
- Я фантазировал... — нашел подходящее слово Королев».

Не стану заниматься выяснением: зачем ему было нужно сочинять насчет Циолковского?! Дело в другом. Королев был готов, если не на любые, то на автобиографические фантазии точно, когда ему нужно было добиться своего. Такие фантазии встречаются у него, прямо скажем, нередко! Чем больше узнавал я о Королеве, тем больше создавалось впечатление, что он всю жизнь «фантазировал», но не только насчет своего будущего, но и свое прошлое. Поэтому так много расхождений в его рассказах об одних и тех же событиях разным людям. Это чаще всего не люди сочиняют, это им Сергей Павлович так «нафантазировал». Дело в том, что с детства и особенно со времен ГИРД полюбил он секретность, чего от него, кстати, тогда да и потом всегда строго требовали. Полюбил и возвел секретность в ранг своей политики жизни. Теперь же все ломают головы: как было у Королева на самом деле, если даже свои автобиографические данные он «сочинял» каждый раз в зависимости от необходимости?!

Зная стремление украинских чиновников растить свои национальные кадры, Королев при поступлении в Киевский политехнический институт в анкете в графе «национальность» 10.08.1924 г. пишет «украинец», а через 2 года, чтобы облегчить себе перевод в Москву, в МВТУ – он уже «русский». Подобных «несовпадений» в его автобиографиях и в рассказах о себе, чем дальше, тем больше. Порою они вообще не вписываются в исторические рамки. Например, Королев указывает, что с 1931 года работал в Реактивном институте, хотя РНИИ, как известно, образован лишь осенью 1933-го. Большой стаж, вероятно, был нужен ему для придания себе большего веса...

...Королева арестовали по доносу. Но и сам Королев, как теперь уже достоверно известно, разоблачал так называемых «врагов народа». На воле, как уже говорилось, он писал Тухачевскому и в райком. За решеткой – прокурорам, судьям и Сталину на тех, кто, по его представлениям, был виновен в его аресте, считая, что это избавит от тюрьмы. Но, видимо, их разоблачения оказались более убедительными. Хотя из предъявленных ему обвинений только часть была правдой, к сожалению, и этого хватило, чтобы в полной мере испытать беспощадность Сталина к нарушавшим законы того времени.

Какими были разоблачения Королевым «врагов народа» можно судить по тем местам из его заявлений, которые, на его взгляд, особенно откровенны, конкретны и неопровержимы.

Выдержки из трех документов в разные инстанции говорят сами за себя.

Первый. Из заявления в Военную прокуратуру СССР 18.07.1939 г. «Я твердо и неизменно верю в Советское Правосудие... Обвинение меня во вредительстве, участии, якобы, в какой-то антисоветской организации и в разделении взглядов ее... — все это от начала и до конца является ложью, вымыслом и подлой клеветой как клеветников, так и арестованных ранее врагов народа с нашего завода. Органы НКВД разоблачили и обезвредили их, но даже и после этого они продолжали свое грязное дело и оклеветали меня».

Второй. Из заявления Сталину 13.07.1940 г. Здесь Королев для убедительности прямо называет фамилии тех, кого считает врагами народа.

«В Советском Союзе работы над ракетными самолетами производились мною... Аналогичных работ никем и нигде в СССР не велось. <...> Целью и мечтой моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолеты.<...> Однако все эти годы я лично и мои работы подвергались систематической и ожесточенной травле, всячески задерживались и т. п. ныне арестованным руководством НИИ-3 (Клейменовым, Лангемаком) и группой лиц: Костиков (сейчас зам. директора НИИ-3), Душкин и др. Они по году задерживали мои производственные заказы, увольняли моих сотрудников или их принуждали к уходу... Сейчас я понимаю, что клеветавшие на меня лица старались с вредительской целью сорвать мои работы над ракетными самолетами».

Третий. Из жалобы Прокурору СССР Панкратьеву 23.07.1940 г.

«Исключительно важное и существенно необходимое для СССР оборонное дело — создание ракетных самолетов, превосходящих по своим летно-тактическим данным лучшие винтомоторные современные образцы, — это дело замалчивается, презрительно игнорируется и ведется недопустимо медленно и плохо.<...> Работы над ракетными самолетами в СССР были впервые организованы и велись мною. Аналогичных работ более не велось нигде. Но арестованные враги народа подлой клеветой ввели в заблуждение НКВД...<...> Все эти годы меня и мои работы жестоко преследуют ныне арестованные, б. дирекция НИИ № 3: Клейменов, Лангемак, Костиков (ныне зам. директора НИИ № 3 НКБ), Душкин и др.».

После всего этого следует сказать, что те арестованные (Клейменов, Лангемак и др.), которых Королев разоблачал как врагов народа, позже были полностью реабилитированы, как был полностью реабилитирован и сам Королев.

Товарищу Сталину можно говорить то, что думаешь?

Все это было. Но, по признанию Сергея Павловича, было и то, что именно Сталин способствовал его продвижению, сразу оценив гениальные космические перспективы Королева. Не просто так Королев, смертельно больной и чудом выживший в лагере под Магаданом, тем не менее в семейном кругу (что особенно показательно!) даже после того, как тело Сталина в 1961 г. вынесли из Мавзолея, неизменно отзывался о положительной роли вождя не только в своей судьбе, но и в судьбе всей советской космонавтики. Вот как он лично описывает встречу в Кремле: «Так все было неожиданно, а потом так просто; мы ожидали его в приемной и вошли — какое волнение охватило меня, но товарищ Сталин сразу заметил и усадил нас. Началась беседа. Все время он ходил по кабинету и курил свою трубку. Все было коротко и ясно. Много спрашивал и много пришлось говорить. Эти часы пролетели незаметно. Как заботливо говорил он о всех нас и как глубоко направил по правильному пути наш труд. А ведь многое из того, с чем мы пришли, придется теперь делать по-иному. И как это хорошо и ясно все стало.

Говорили и о будущем, о перспективе. Д.Ф. (Дмитрий Федорович Устинов — тогда министр вооружения. — НАД.) потом мне сказал, что слишком много было сказано о нас в розовом тоне, но я с этим не могу согласиться, — где же, как не у товарища Сталина, можно говорить легко и то, что думаешь, чего хочешь...»

В соответствии с этим убеждением Королева не только вспоминаются слова английского историка Исаака Дойчера (приписываемые, кстати, Черчиллю) о том, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с ядерным оружием, но и напрашивается дополнение этого высказывания следующим образом: Сталин принял Россию с сохой, а оставил с космическими ракетами и ядерным оружием.

И это правда, поскольку уже за 3-4 года до смерти Сталина при его личной активной поддержке замыслились, проектировались

и испытывались те самые ракеты, которые доставят на околоземную орбиту 4 октября 1957 г. первый Искусственный Спутник Земли, а 12 апреля 1961 г. первый в истории человечества космический корабль «Восток» с советским человеком на борту.

Фундаментальный момент в истории нашей космонавтики 13 мая 1946 г., когда начало действовать Постановление Совета Министров СССР об организации научно-исследовательских центров и производственной базы для создания и развития отечественной ракетной техники. Тогда же был поставлен вопрос о специальном крупномасштабном полигоне для испытания ракет дальнего действия.

Главным достижением Королева стала ракета «Р-7». Именно ей обязана российская космонавтика тем, что была первой в покорении космоса все годы, пока жил главный конструктор. Однако мало кто знает историю этой ракеты. А начиналась она так. На одном из заседаний (это было 25 апреля 1947 г.) министр вооружения Устинов сделал секретное сообщение: по агентурным данным «американцы работают над ракетами с дальностью 8-10 тысяч километров, хотят сажать туда людей и возвращать их на Землю».

Эти слова настолько задели и без того бредившего космосом и не любившего проигрывать Королева, что вскоре он стал выдавать один проект за другим. Несколько черновых набросков будущей «Р-7» были готовы уже с 49-го по 51-й гг. Среди единомышленников Королева шло их бурное обсуждение и отбор лучших вариантов. В 1953 г. оптимальная схема была найдена. После чего Сергей Павлович делает доклад о результатах проведенных работ, и его КБ начинает эскизное проектирование «семерки». 20 мая 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР на основании подготовленных документов о космических возможностях вновь проектируемого носителя приняли постановление о создании межконтинентальной ракеты «Р-7». Уже в ноябре правительство одобрило готовый проект. А к 15 мая 1957 года Королев после ряда испытаний опять добился своего. Аппарат, который мог, как сказал Гагарин, «ездить» по дорогам космоса, был полностью готов к выполнению самых невероятных до этого дня заданий во Вселенной.

Д.Ф. Устинов, которому Сталин поручил вести ракетное хозяйство, в своих предсмертных мемуарах напишет: «Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом... При всей своей властности, сурово-

сти, я бы сказал, жестокости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений... Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И.В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие, как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное».

Вот с кем необходимо было встретиться Королеву лично, чтобы его космические идеи дали космические всходы и небывалый в мире космический урожай. И такая встреча состоялась 9 марта 1948 года. Говорят, были и еще. Но эта главная. Сошлись самый могущественный политик того времени и самый выдающийся конструктор космических систем. Они наконец-то напрямую оценили друг друга. Результатом их взаимодействия стало первенство СССР в космосе. Они уже тогда понимали, что, кто станет первым в космосе, тот будет первым и на Земле. Так и было, пока они жили.

Глава 10

КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Данные из невыполненных приказов

«Это сказал мне Молотов»

У этой тайны невероятная даже для наших дней судьба. Многие соглашались обнародовать ее отрывками, но никто не решался печатать все. И вот наконец она впервые по-настоящему увидит свет. И вся история начала самой страшной из войн сразу окажется совершенно не такой, какой ее представляли до сих пор все учебники. Однако были люди, которые и раньше знали все, как было...

Писатель Иван Стаднюк поддерживал мало кому удававшиеся отношения с Молотовым и другими влиятельными людьми прошедшей эпохи. То, что он сообщил мне, сопровождая рассказ документами, несомненно, вызовет волны добрых и недобрых слов в его адрес. Однако, поскольку истина была для него дороже, Иван Фотиевич решился на такой шаг. Предлагаю его рассказ.

— Вы хотите знать, как действительно начиналась война? Что ж, я готов передать то, что услышал от Молотова. Напомню, что именно он по радио 22 июня 1941 года в 12 часов дня объявил народу о начале военных действий Германии против СССР. Никто лучше его самого, как вы понимаете, не знал того, как он, тогдашний нарком иностранных дел, первым узнал о войне. Стало быть, его рассказ не очередная версия, а правда.

Итак... В ночь с 21-го на 22-ое июня между двумя и тремя на его даче раздался телефонный звонок. На другом конце провода представились: «Граф фон Шуленбург, посол Германии». Посол просил срочно принять. Чтобы передать меморандум об объявлении войны.

Молотов назначает встречу — в наркомате. И тут же звонит Сталину — на дачу. Сталин, как всегда, не выдает своего состояния — размеренно произносятся слова: «Езжай, но прими немецкого посла только после того, как военные нам доложат, что агрессия началась. Еду собирать Политбюро. Ждем там тебя».

С этого момента и до самой Победы Сталин почти не покидал Кремль, во всяком случае, в первые особо трудные дни войны. Это

можно проверить по журналам охраны Кремля. После взаимно резкого выяснения отношений между политиками и военными в Наркомате обороны 29 июня Л.П. Берия предупредил Сталина о возможности заговора в армейском руководстве.

Анализируя рассказанное Молотовым и прочие источники, я прихожу к выводу, что именно это послужило причиной создания 30 июня Государственного Комитета Обороны, а также причиной «переброски» маршала Тимошенко с поста наркома обороны в командующие Западным фронтом вместо только что освобожденного и преданного суду генерала армии Д.Г. Павлова. Вероятней всего, с этим же связаны: и посылка на Северо-Западный фронт первого заместителя начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутина, и поездка 2-го июля на Западный фронт Мехлиса — с целью контроля за действиями Тимошенко... Не исключено, что и оставленный в Москве начальник Генштаба Г.К. Жуков какое-то время тоже находился под наблюдением Берии. (В бериевском черновике его последнего письма Маленкову, Молотову и другим из тюрьмы от 1 июля 1953 года есть следующий косноязычный набросок воспоминаний о Жукове: «Жуков, когда сняли с Генерального штаба по наущению Мехлиса, ведь его положение было очень опасно. Мы вместе с вами уговорили назначить его командующим фронтом и тем самым спасли будущего героя нашей Отечественной войны...» — НАД.)

Однако преувеличивать смысл данных решений тоже не стоит. Достаточно вспомнить сложившееся в первые дни войны в среде высокопоставленных военных положение — близкое к панике. И слава Богу, что политическое руководство нашло силы и указанными перестановками все-таки смогло восстановить боевой дух командиров.

Мне из закрытых сводок известно, что там, где командующие округами должным образом выполнили ночную сверхсекретную директиву наркомата обороны и под утро 22-го июня привели войска в боевую готовность, там немцы долгое время не очень-то могли продвигаться, а кое-где их наступление, как, например, в районе действий Черноморского флота, вообще захлебнулось. Что же касается катастрофического провала Западного округа под командованием Павлова, то с ним произошло следующее.

Наблюдению за театром военных действий генерал Павлов предпочитал театр МХАТ

Где-то недели за две до начала войны Павлов доложил Сталину, что переданная нашей заграничной агентурой информация о скоплении немецких армий вдоль советских границ является очередной провокацией. Поэтому нет особых оснований для чрезвычайных действий. Свидетелем такого доклада был будущий Главный маршал авиации А.Е. Голованов.

Я расспрашивал многих полководцев насчет Павлова. И вот их единогласное мнение: генерал, который, имея настораживающие сообщения, заранее, — хотя бы на всякий случай, — не побеспокоился о создании себе командного пункта и в первые же часы войны потерял управление армиями, не может быть невиновным.

В самом деле, разве может быть невиновным генерал, который вечером 21-го июня, в то время как высшее военное руководство страны непрерывно сообщало о нарастании активности по ту сторону границы, позволил себе вместе с корпусным комиссаром А.Ф. Фоминых и членами своих семей отправиться в Дом офицеров на «Анну Каренину» в представлении гастролировавшего тогда в Минске МХАТа?

И разве меняет положение то, что Павлов установил телефон ВЧ в коридоре и дважды в ходе спектакля отвечал на звонки из Москвы так, словно отвечает не из театра, а из штаба военного округа, где в тот момент ему полагалось находиться для координации предвоенных действий командующих армиями?

Откуда я это знаю? Да из переданных мне мемуарных записей того самого генерал-лейтенанта Фоминых, бывшего тогда, кстати, не кем-нибудь, а членом Военного Совета Западного фронта...

То же самое я узнал и от москвича А.Н. Колесова — офицера отдела культуры Политуправления Западного Особого Военного округа. Именно этот офицер в те часы дежурил у павловского ВЧ и приглашал генерала из ложи к аппарату.

Разумеется, вас интересует, как объяснял случившееся сам Павлов? Мне удалось добыть свидетельство на этот счет одессита И.Г. Бойко, тогдашнего капитана госбезопасности. Он был в числе тех, кто 4 июля 1941 г. арестовывал Павлова. А вот что происходило после ареста...

«Примерно в 16.00 мы были в Смоленске в кабинете начальника НКГБ. Через некоторое время в кабинет вошел Мехлис и сразу с присущей ему резкостью и несдержанностью обрушился на Павлова с гневом и ругательствами, допуская такие выражения, как «подлец, негодяй, предатель, изменник, немцам фронт на Москву открыл», и др. Павлов, сидя в кресле, пытался возражать Мехлису, но у него ничего не получалось под градом слов крайне раздраженного Мехлиса. Минут через 10-15 Мехлис и остальные вышли из кабинета, а мне было приказано провести личный обыск Павлова, оформить, как это положено протоколом, что я и сделал. После ухода Мехлиса и других Павлов, оставшись со мной, стал выражать свое возмущение тем, что Мехлис назвал его предателем и изменником, признавая, однако, при этом свою вину за неподготовленность войск округа к отражению нападения немецко-фашистских войск, несмотря на предупреждение Наркома обороны накануне, за потерю почти всей авиации на приграничных аэродромах в момент начала войны, за необеспечение и потерю связи штаба округа с армиями и соединениями в первые дни войны, что привело к потере управления войсками и незнанию обстановки на границе.

В разговоре со мной он часто повторял: «Я виноват и должен нести ответственность за свою вину, но я не изменник и не предатель». Успокоившись через некоторое время, Павлов попросил у меня разрешения покушать и выпить немного коньяку (у него в чемодане с собой были курица, хлеб и бутылка коньяку). Покушать я ему разрешил, а в отношении коньяка сказал, что этого делать нельзя. На что Павлов сказал: «Ну вот, арестовали, и выпить не дают». После настойчивых просьб я уступил ему и разрешил немного выпить. Отвлекаясь записью и оформлением протокола обыска, я и не заметил, как Павлов в считанные минуты выпил почти всю бутылку коньяка. Когда я это заметил, то забрал у него остаток коньяка, на что Павлов сказал: «Ну вот, выпил в последний раз в жизни». На мой вопрос, почему в последний раз(?), он ответил: «Меня расстреляют, я хорошо знаю Сталина, он мне не простит того, что произошло».

— Ну и что? Правильно, что его расстреляли... а заодно и некоторых его генералов?

— В той обстановке, видимо, это был страшно жестокий, но необходимый урок для всех остальных — ведь сколько тысяч людей из-за посещения этого спектакля ни за что, ни про что погибло: в то время как в других округах ждали, в павловском — спали... Не

все, конечно. Что же касается меня лично, то я бы не стал применять высшую меру для наказания Павлова, Климовских, Клича, Григорьева и других. Они бы, разжалованные, могли принести огромную пользу, командуя менее крупными подразделениями; тем более, что тогда ощущалась нехватка боевых офицеров.

Впрочем, легко рассуждать, находясь не на вершине власти, а где-то там, где нет никакой ответственности за те или иные рассуждения, поскольку от того, что бы ты не сказал, все равно ничего не меняется. И никто не знает: чем кончилось бы такое мое гуманное прощение в те страшные панические дни?

Кстати, мне приходилось держать в руках протокол дознания, в котором Павлов «сознается» в дескать имевшем место его стоворе с немцами. Правда, там есть примечание следователя, что «протокол подписал в невменяемом состоянии». Вот как было с Павловым. Трагедия...

А для семей расстрелянных — трагедия вдвойне: их репрессировали, хотя статья, по которой были приговорены Павлов и его окружение, повода для этого не давала. Мехлис здесь явно переборщил...

Что знал Жуков

Стаднюк закончил рассказ, а я решил организовать поиски первопричин трагедии, разыгравшейся в самом начале войны. Просчеты и легкомыслие генерала Павлова сыграли роковую роль для всей Красной армии. Они создали возможность для осуществления «молниеносной войны», открыв Гитлеру беспрепятственный путь на Москву «по широкой смоленской дороге». Именно отсюда стало возможным расползание немецких армий вглубь страны по всем направлениям. Описанная трагедия оказалась лишь вершиной военного айсберга.

Вскоре мои поиски еще больше подтвердили это. Началось с того, что в мемуарах Жукова я наткнулся на «затерявшиеся для подавляющего числа исследователей» строки.

«Накануне войны 10-я армия и ряд других частей Западного округа были расположены в Белостокском выступе, выгнутом в сторону противника. 10-я армия занимала самое невыгодное расположение. Такая оперативная конфигурация войск создавала угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара по флангам. Между тем дислокация войск фронта на

гродненско-сувалковском и брестском направлениях была недостаточно глубокой и мощной, чтобы не допустить здесь прорыва и охвата белостокской группировки.

Это ошибочное расположение войск, допущенное в 1940 году, не было устранено вплоть до самой войны. Когда главные группировки противника смяли фланги войск прикрытия и прорвались в районе Гродно и Бреста, надо было быстро отвести 10-ю армию и примыкающие к ней фланги 3-й и 4-й армий из-под угрозы окружения, рокировав их на тыловые рубежи — на угрожаемые участки. Они могли значительно усилить сопротивляемость действующих там соединений. Но этого сделано не было...

Острые самой мощной группировки германских сухопутных и военно-воздушных сил на нашем западном стратегическом направлении было направлено на Москву. Против Западного фронта действовали войска группы армий «Центр»...

...Здесь на всех направлениях своих главных ударов немецкие войска создали 5-6-кратное превосходство.

...Что происходило в эти дни на дальних подступах к Минску? Не зная точно положение вещей в 3,10-й и 4-й армиях, не имея полного представления о прорвавшихся бронетанковых группировках противника, командующий фронтом генерал армии Д.Г. Павлов часто принимал решения, не отвечавшие обстановке.

...Враг жестоко бомбил Минск. Город был объят пламенем. Умирили тысячи мирных жителей. Гибнущие ни в чем не повинные люди посылали свои предсмертные проклятия озверевшим фашистским летчикам...

...26 июня мне позвонил Сталин:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым...

...обстановка на всех участках Западного фронта продолжала ухудшаться. Вечером 28 июня наши войска отошли от Минска.

...29 июня И.В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении. В 6 час. 45 мин. 30 июня у меня, по указанию наркома С.К. Тимошенко, состоялся разговор по «Бодо» с командующим фронтом генералом армии Д.Г. Павловым, из которого стало видно, что сам командующий плохо знал обстановку... Мне в Генштаб позвонил И.В. Сталин и приказал вызвать командующего Западным фронтом.

На следующий день генерал Д.Г. Павлов прибыл. Я его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны. В тот же день он был отстранен от командования фронтом и вскоре предан суду...

...Советские Вооруженные Силы, и особенно войска Западного фронта, понесли крупные потери, что серьезно отразилось на последующем ходе событий...»

Так уже в первые дни войны было утрачено то стратегическое преимущество, которое СССР приобрел благодаря перемещению своих границ на Запад согласно Пакту Молотова-Риббентропа.

Откровение от Павлова

Нет слов. Павлов виноват. И получил по заслугам, ибо на его совести кровь сотен тысяч военных и мирных людей. Но вместе с тем эта кровь и на совести тех высших военных и политических чинов, какие задолго до войны знали о крайне критическом положении в Западном военном округе; знали, но не сделали (или не смогли сделать?) ничего, что в корне улучшило бы боевую готовность самого ответственного военного участка.

И хотя Героя Советского Союза генерала Павлова как одного из военных, отличившихся в Испанской и Финской кампаниях, в июне 1940 года специально командировали в Белоруссию для срочного наведения порядка в одном из самых запущенных округов, следует заметить, что даже и такой боевой генерал – один в поле не воин там, где для коренного перелома требовались усилия всего государства или, по крайней мере, военный гений. Но! На роль гения, если верить его и Мерецкова признаниям, Павлов не претендовал. Вот подтверждение.

Из объяснения (12.07.1941г.) бывшего старшего советника в Испании К.А. Мерецкова, впоследствии Маршала Советского Союза: «Уборевич меня информировал о том, что им подготовлена к отправке в Испанию танковая бригада и принято решение командование бригадой поручить Павлову. Уборевич при этом дал Павлову самую лестную характеристику, заявив, что в мою задачу входит позаботиться о том, чтобы в Испании Павлов приобрел себе известность в расчете на то, чтобы через 7-8 месяцев его можно было сделать, как выразился Уборевич, большим танковым начальником.

В декабре 1936 г., по приезде Павлова в Испанию, я установил с ним дружеские отношения и принял все меры, чтобы создать ему

боевой авторитет. Он был назначен генералом танковых войск Республиканской армии. Я постарался, чтобы он выделялся среди командиров и постоянно находился на ответственных участках фронта, где мог себя проявить с лучшей стороны...»

Судя по присвоению Павлову уже 21.06.1937 г. звания Героя Советского Союза, это «задание» Мерецкову удалось выполнить быстро, благодаря чему уже в июле-ноябре того же года Павлов, как и планировалось, вышел в самые «большие танковые начальники».

Между тем 22 июля 1941 года буквально за считанные часы до расстрела Д.Г. Павлов скажет суду: *«Прошу доложить нашему правительству, что на Западном особом фронте измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступление в период военных действий, а потому что недостаточно готовились к войне в мирное время.»*

Мне удалось обнаружить довоенные документы, которые полностью подтверждают эти, может быть, самые последние откровения генерала относительно мирного времени. Кто держал в руках папки секретных приказов Наркомата обороны за 1938-41 гг., тот заметил, что чаще других в них отражаются преступные недостатки в организации военных дел именно в Белорусском (позднее переименованном в Западный) округе.

Тайны невыполненных приказов

Из цитируемых в сокращенной форме приказов видно, какую разложившуюся военную систему, сформированную еще в царские времена (ведь командирский корпус во многом по-прежнему состоял из дореволюционных офицеров), должен был реформировать, возможно, и способный, однако, по собственному признанию, любивший выпить с Мерецковым генерал Павлов. Но(!) поскольку он по-прежнему остался крестьянином Павловым, а не стал графом Суворовым, постольку и на этот раз система оказалась сильнее человека, и, проигнорировав его большие реформаторские настроения, затянула его в обычные пьянки-гулянки, как бы в очередной раз страшно подшутив над тем, кто, не усвоив должной ответственности, решился шагнуть из грязи в князи.

К этому следует добавить и совершенно новый факт — массовую эпидемию офицерской паники и самоубийств, охватившую Красную

Армию во второй половине 30-х годов. Именно она, — по данным до сих пор засекреченного архива, — послужила поводом для начала репрессий НКВД в армии: сперва на бытовой, а потом и на политической почве.

Точнее, как информировал меня пожелавший остаться неизвестным архивный работник, одной из главных первопричин неожиданно резкого падения нравов и распространения алкоголизма и наркомании среди офицеров явилась отмена примерно в 1936 году командирских пайков, служивших в те голодные времена одним из важнейших факторов стабильности и привлекательности службы в армии для наиболее образованных граждан.

Подрыв относительного материального благополучия командиров мигом породил разлад в их семьях, вначале вылившийся в повальное пьянство, а затем и в политическое недовольство... особенно среди дореволюционных офицеров, знавших и гораздо большие привилегии еще по царской армии.

Так что невыдуманых поводов для военно-политических репрессий у НКВД в тот период оказалось действительно больше, чем достаточно. Один из отголосков той «пайковой» истории я все-таки обнаружил. Это приказ № 0219 от 28.12.1938 г.

«За последнее время пьянство в армии приняло поистине угрожающие размеры. Особенно это зло вкоренилось в среде начальствующего состава.

По далеко неполным данным, в одном только Белорусском особом военном округе за 9 месяцев 1938 г. было отмечено свыше 1200 безобразных случаев пьянства, в частях Уральского военного округа за тот же период — свыше 1000 случаев, и примерно та же неприглядная картина в ряде других военных округов. Вот несколько примеров тягчайших преступлений, совершенных в пьяном виде людьми, по недоразумению одетыми в военную форму.

15 октября четыре лейтенанта, напившиеся до потери человеческого облика, устроили в ресторане дебош, открыли стрельбу и ранили двух граждан.

18 сентября два лейтенанта при тех же примерно обстоятельствах в ресторане, передравшись между собой, застрелились.

Политрук, пьяница и буян, обманным путем собрал у младших командиров 425 рублей, украл часы и револьвер и дезертировал из части, а спустя несколько дней изнасиловал и убил 13-летнюю девочку.

8 ноября пять пьяных красноармейцев устроили на улице поножовщину и ранили трех рабочих, а возвращаясь в часть, изнасиловали прохожую гражданку, после чего пытались ее убить.

27 мая капитан Балакирев в пьяном виде познакомился в парке с неизвестной ему женщиной, в ресторане он выболтал ряд не подлежащих оглашению сведений, а наутро был обнаружен спящим на крыльце чужого дома без револьвера, снаряжения и партбилета.

Пьянство стало настоящим бичом армии. Значительная часть всех аварий, катастроф и всех других чрезвычайных происшествий — прямое следствие пьянства... Многочисленные примеры говорят о том, что пьяницы не редко делают добычей иностранных разведок.

Пьянство процветает, оно стало обычным бытовым явлением, с ним смирились, оно не подвергается общественному осуждению. Много ли случаев, когда командирская общественность потребовала удалить из своей среды какого-нибудь неисправимого пьяницу? Таких случаев почти нет».

О дисциплине в Белорусском округе говорит и другой чрезвычайный приказ № 070 от 04.06.1939 г.

«Герой Советского Союза, заместитель командующего ВВС БОВО полковник Губенко, прекрасный и отважный летчик, погиб потому, что производил на И-16 полет высшего пилотажа на недопустимо низкой высоте. Полковник Губенко, невзирая на свой высокий пост заместителя командующего... невзирая на то, что еще накануне своей гибели, проводя совещание с подчиненными... сам указывал на недисциплинированность как главную причину всех несчастий в авиации, допустил лично недисциплинированность, граничащую с преступлением. <...> Командующий... округом... категорически запретил... Губенко летать. И все же Губенко не только грубо нарушил прямой приказ своего высшего... начальника, но одновременно нарушил все приказы и наставления по полетам...»

Что уж тут говорить о рядовых подчиненных, если даже среди лучших руководителей Белорусского округа приказ регистрирует «недисциплинированность, граничащую с преступлением»?

Еще хуже обстояли дела с боевой подготовкой, о чем свидетельствует особый обобщающий приказ № 120 от 16.05.1940 г., то есть незадолго до вступления Павлова в должность командующего округом. Прямым следствием этого приказа явилась директива

(№ 15119-С от 27.09.1940 г.) «О результатах инспектирования Западного особого военного округа», а также логически связанный с ним приказ № 0200 от 28.08.1940 г. о росте аварийности в авиации. Однако — все по порядку.

Из приказа №120. «Опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочеты в боевом обучении и воспитании армии.

Воинская дисциплина не стояла на должной высоте. Войска не были подготовлены к позиционной войне, к прорыву УР, к действиям в суровых условиях зимы и в лесу. Пехота вышла на войну наименее подготовленной: не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии.

...Артиллерия, танки... также имели ряд недочетов... особенно в вопросах взаимодействия с пехотой и обеспечения ее успехов в бою.

В боевой подготовке воздушных сил резко выявилось неумение осуществлять взаимодействие с наземными войсками, неподготовленность к полетам в сложных условиях и низкое качество бомбометания, особенно по узким целям.

Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям. Командиры не командовали своими подразделениями, ... теряясь в общей массе бойцов.

...Наиболее слабым звеном являлись командиры рот, взводов и отделений, не имеющие, как правило, необходимой подготовки, командирских навыков и служебного опыта.

Старший и высший комсостав слабо организовывал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации.

... Штабы по своей организации, подбору и подготовке кадров, материально-техническому оснащению не соответствовали предъявленным к ним требованиям: они работали неорганизованно, беспланово и безынициативно, средства связи использовали плохо и особенно радио. Информация была плохая. Донесения запаздывали, составлялись небрежно, не отражали действительного положения на фронте. Иногда в донесениях и докладах имела место прямая ложь.

Командные пункты организовывались и несли службу плохо...

...Штабы слабо занимались подготовкой войск к предстоящим действиям.

Управление войсками характеризовалось поспешностью, непродуманностью, отсутствием изучения и анализа обстановки, предвидения последующего развития событий и подготовки к ним...

Старшие начальники, увлекаясь отдельными эпизодами, упускали управление частью или соединением в целом.

Разведывательная служба организовывалась и выполнялась крайне неудовлетворительно... не умела брать плененных.

...Дисциплина в тылу отсутствовала. Порядка на дорогах, особенно в войсковом тылу, не было. Организация помощи раненым была нетерпимо плохой и несвоевременной...

...Все эти недочеты в подготовке армии к войне явились в основном результатом неправильного воинского воспитания бойца и командира, ориентировавшихся на легкую победу над слабым врагом, и неверной системой боевого обучения, не приучавшей войска к суровым условиям современной войны...» (Как все это напоминает недавние чеченские события! – НАД.)

В Западном округе без перемен

Данный приказ призван был сыграть особую, решающую реформаторскую роль и не только потому, что это первый серьезный приказ нового, только что пришедшего (07.05.1940 г.) на смену Ворошилову, наркома Тимошенко, но еще и потому, что этот приказ фактически нарушал публичное ублаживающее восхваление армии, завершившееся не столько победами, сколько бедами отрезвляющей Финской войны.

И хотя на главном, Белорусском, направлении и с приходом Павлова существенно ничего не изменилось, а на других, если что и изменилось, то недостаточно, тем не менее нельзя не признать, что именно с этого осознания истинного состояния наших военных дел началось возрождение армии, сделавшее ее «непобедимой и легендарной».

Между тем для доказательства такого вывода относительно Западного округа теперь наконец-то есть возможность привести *выдержки из приказа №0200*: «Проверка была произведена с целью выяснить причины недопустимо высокой аварийности в частях ВВС Красной Армии.

Установлено, что основными причинами, порождающими аварийность, являются:

1. Чрезвычайно низкая дисциплина, расхлябанность и неорганизованность... В результате слабого контроля приказы, уставы и наставления по производству полетов, регламентирующие летную работу, твердо и последовательно не выполняются...

Большое количество пьянок с дебошами, самовольные отлучки и прочие аморальные проступки, несовместимые со званием командира, красноармейца, характеризуют низкое состояние дисциплины и порождают аварийность.

...Знание основ навигации слабое. Происходит чрезмерно большое количество потерь ориентировки, в том числе и у руководящего командного состава.

...В одном полку ЗапОВО обнаружена книга приема и сдачи самолетов, в которой за десять дней вперед летчик расписался за принятую машину.

Техническая учеба развернута слабо, что приводит к вылету без горючего.

Командиры не умеют научить своего подчиненного. Командующие предоставили их самим себе».

Однако настоящим приговором Западному округу стала уже упоминавшаяся *директива от 27.09.1940 г.*:

«Определить, произошел ли решительный перелом в сторону приближения к боевой действительности в соответствии с приказом № 120.

...Полной перестройки всей работы в частях Западного особого военного округа еще не произошло.

...Боевые порядки в наступательном бою совершенно не отработаны. Наблюдается большая скученность и беспорядочность в движении пехоты, часто последняя наступает толпой: орудия перекатываемые вручную, отстают от пехоты; управление с началом наступления теряется.

...Командиры не умеют выбирать себе место для командного пункта, подвергаясь опасности поражения при первом же огне противника.

...Служба связных не налажена и пользоваться ею не умеют.

Разведка ведется плохо, части действуют вслепую.

...Охрана флангов отсутствует...

...Авиационные части работали неудовлетворительно: частыми были случаи пикирования по своим войскам. ...Части связи технически небрежно и безграмотно наводят проволочные линии, благодаря чему имеют место постоянные нарушения связи.

Радиосвязь по-прежнему часто отказывает, радиосети работают с большими перебоями.

...Мосты наводят..., затрачивая времени в 3-4 раза больше установленных норм...

Приказываю:

1. Совершить коренной перелом во всей системе боевой подготовки войск...

5. О принятых мерах донести 5.10.1940 г.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко».

Как видим, нарком выдвигал чрезмерные требования. То что привыкали делать 20 лет, за 10 дней не исправил бы и Суворов. Ведь привычка – вторая натура. Однако за 9 месяцев при обычной добросовестности все-таки можно было сделать многое... хотя бы по основным вопросам. Тем не менее, если верить *приказу № 0055 от 02.10.1940 г.*, как было, так почти все и осталось до самой войны. Судите сами.

«...Округа имели все предпосылки для того, чтобы развернуть и подготовительные, и основные работы по оборонительному строительству своевременно. Обеспеченность рабочей силой, материалами, механизмами и оборотными средствами при своевременном финансировании давала полную возможность вести работы широкими темпами.

Между тем проверка хода работ текущего года в ЗапОВО, КОВО, ЗакОВО показывает, что оборонительное строительство ведется слабо, процент выполнения годового плана низкий и достигает на 1 сентября в КОВО 24% и ЗапОВО – 30%.

Основные недостатки, тормозящие выполнение годового плана, заключаются в следующем:

1. Слабый разворот и неудовлетворительное качество проведенных работ в подготовительный к строительству период, особенно в КОВО и ЗапОВО, несмотря на то, что эти округа еще в январе текущего года получили исчерпывающие указания по развертыванию подготовки к строительству...

2. Неудовлетворительная система в организации работ... Низкий процент использования автомашин и механизмов на строительных участках и слабая производственная дисциплина...

3. Недостаточность повседневного и конкретного руководства вопросами строительства... Терпимость ко всяким срывам в работе...

5. Наличие излишних запасов дефицитных строительных материалов в округах, что вызывает затоваривание и финансовые затруднения. Так, например, отдел инженерных войск ЗапОВО при норме трехмесячного запаса материалов на 15-17 млн. рублей имел на 1 августа запас материалов на 35 млн. рублей. Аналогичное положение имеется в КОВО и ЛВО.

Большая кредиторская задолженность округов: по ЗапОВО, например, на 1.08.40 г. кредиторская задолженность возросла до 13,2 млн. рублей, по КОВО превысила 29 млн. рублей...

6. ... Нередки случаи безответственного отношения к государственным средствам:

а) по ЗапОВО полагалось израсходовать по смете адмхозрасходов за первое полугодие 2588,2 тыс. рублей, израсходовано 2855,9 тыс. рублей...

в) В УНС ЗапОВО (начальник полковник Дралин) затрачено из государственных средств на ремонт квартиры начальника УНС и приобретение мебели 14425 рублей. Виновные в этом безобразнейшем разбазаривании государственных средств никаких наказаний не понесли...»

Таковы скучные конторские строчки предвоенных приказов. Таковыми, скорее всего, они представляются читающему их сейчас.

Таковыми же, судя по всему, воспринимались они и тогда... до тех пор, пока не грянула беда, и невыполненные строчки не стали превращаться в большую кровь, перечеркивая миллионы беззащитных жизней. У русских... и было все чисто по-русски: пока гром не грянет — мужик не перекрестится! Впрочем, не везде эта плохая черта нашего национального характера господствовала безраздельно.

В приказах бросается в глаза то, что повсюду на Западе СССР военные дела обстояли не на уровне требований времени, но хуже всего в ЗапОВО, который в документах упоминается гораздо чаще других. Поэтому именно на западные границы в 1940 г. были направлены новые командующие из числа прославившихся боевых генералов: в мае в КОВО — Жуков, действительно показавший себя на Халхин-Голе, в июне в формирующийся в какой-то мере заново ЗапОВО — Павлов, проявивший себя, как было выяснено выше, больше на словах друзей, нежели на деле. Это, кстати, еще раз подтвердилось, когда в январе 1941 г. в учебной войне он, Павлов, начисто проиграл Жукову примерно при тех же обстоятельствах, которые повторятся 22 июня. Вспоминают, что Павлов пытался

относительно того своего «бумажного поражения» отделаться шуткой, которая не понравилась Сталину. Впрочем, как бы там ни было, но в итоге Павлов не смог сделать должных выводов, и то, что происходило на макете в январе, начало воплощаться на действительных полях военных сражений в июне. Правда, на этот счет есть и другие мнения. Например, в своих исследованиях Виктор Суворов доказывает, что Жуков вышеприведенный случай с Павловым, скорее всего, сочинил... да и вообще во многих делах присвоил себе чужую славу?!

...Что и говорить, от Павлова требовалось совершить в Белорусском округе революцию. Для сравнения следут заметить, что Киевский округ был самым большим и, стало быть, тоже имел свои сложности для приведения в модернизированный боевой вид.

Тем не менее из того, что удалось за 8 месяцев сделать Жукову в КОВО, мало что удалось в ЗапОВО Павлову даже за 12!

Другими крайне большими и, как оказалось в первые дни войны, решающими вопросами были вопросы подготовки войск связи, артиллерии и ПВО. И опять и в этом отношении наиболее часто упоминался Западный округ.

Из невыполненного приказа № 0360 от 20.12.1940 г.

«...Один из основных видов современной связи — радио — используется недостаточно. Организация радиосвязи при массовом насыщении радиостанциями, и особенно радиосвязь взаимодействия родов войск, освоена недостаточно... Недостаточны практические навыки в работе в сложных метеорологических условиях и ночью. (Здесь сразу вспоминается, что вечернюю директиву от 21.06.1941 г. о возможном начале войны ранним утром 22 июня многие части Западного округа получили, когда война шла уже вовсю... или не получили вовсе. — НАД.) Слабая подготовка специалистов: по работе на быстродействующей аппаратуре,... в определении и устранении повреждений в аппаратах и на линиях. Линии строятся плохо и небрежно. Слабо отработаны обязанности должностных лиц: дежурного по связи, ...начальников направлений связи...

Приказываю:

...Радиосвязь считать в армии одним из основных средств связи и подготовке радиоспециалистов в 1940-1941 гг. уделить серьезное внимание...

...о результатах докладывать мне каждые три месяца.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко».

Из невыполненного приказа № 0367 от 27.12.1940 г.

«Приказом НКО № 0145 от 09.09.1939 г. требовалась обязательная маскировка всех вновь строящихся оперативных аэродромов... Эти мероприятия должно было провести не только на оперативных аэродромах, но и на всей аэродромной сети ВВС. Однако ни один из округов должного внимания этому приказу не уделил...»

И опять вспоминается, как в первый день войны прежде всего из-за невыполнения этого и подобных ему взывающих к самосохранению предвоенных (№0038 от 18.06.41, №0042 от 19.06.41, № 0043 от 20.06.41 г.) приказов Красная Армия потеряла, по некоторым данным, свыше 1200 самолетов, причем, в одном только Западном округе — 738, из которых 528 — на аэродромах!

Из невыполненного приказа № 059 от 14.02.1941 г.

«...Проверка стрелково-артиллерийской подготовки командного состава показала следующие результаты:

ПриОВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав четырех артиллерийских полков, из них все получили плохую оценку; по зенитной артиллерии проверены один полк и пять дивизионов, все получили плохую оценку.

ЗаОВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав пяти артиллерийских полков, из них четыре получили плохую оценку и только один посредственную.

ОдВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав трех артиллерийских полков, из них один получил плохую и два посредственную оценку; по зенитной артиллерии проверены один полк и пять дивизионов, из них только два дивизиона получили посредственную оценку, остальные плохую.

...ЛВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав трех артиллерийских полков, все получили посредственную оценку..

Штабы в их настоящем состоянии являются более канцелярией, чем действительным органом управления».

Читаю эти приказы и думаю: «И куда только смотрел Сталин, если знал об этих приказах? Почему Павлов и ему подобные, бывшие врагами народа на деле, не только оставались на воле,

но еще и жили припеваючи, а сажали тех, кто воровал колоски или лишь на словах был против Советской власти? Тем более, что дальше их кухонь чаще всего слова эти не расходились. Впрочем, вначале было слово, и только потом христианство пошло. И все-таки от слов могло стать по-настоящему плохо в далеком будущем, а от бездействия и безответственности — уже совсем скоро!

Руст не был первым

Таково было истинное, зачастую критическое, как в Западном округе, положение дел в Красной Армии накануне самой страшной войны. И как предупреждающий сигнал о неизбежных катастрофических последствиях всей этой военной недоделанности стал факт беспрепятственного пропуска через советскую границу самолета Ю-52 15 мая 1941 года...

Да-да, вы можете верить своим глазам. Не Руст был первым немцем, который беспрепятственно посадил свой самолет в Москве! Руст только повторил «подвиг» соотечественников, словно с целью проверки сделавших это за 37 дней до начала адской человеческой бойни... И снова все произошло на павловской части границы!

Из приказа № 0035 от 10.06.1941 г.

«...германский внереисовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты... ПВО Западного округа обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внереисового Ю-52 не оповестили.

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командира ПВО и... авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военнослужащими. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й отд. бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели.

В свою очередь в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир генерал-майор артиллерии Тихонов и зам. начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета не было принято и по линии ВВС КА. Более того, начальник штаба ВВС генерал-майор авиации Володин и зам. начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к его задержанию, но и содействовали его полету в Москву..

Все эти факты говорят о неблагоприятном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа...»

После подписи этого сенсационного приказа до массового «беспрепятственного пропуска» германских военных самолетов через советскую государственную границу оставалось 11 дней...

Так действительно начиналась война!

Глава 11

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

Арифметика для генералов

Главная военная тайна

Каждый год 22 июня мир отмечает одну из самых черных дат — день начала Великой Отечественной войны. Однако уже которое десятилетие главная тайна этой самой страшной мировой трагедии продолжает оставаться тайной...

Много научных книг, мемуаров и разных архивов прошло через мои руки. И вот особо примечательный факт: не только перед началом Великой Отечественной войны, но и до наших дней не установлены достоверные данные по одному из главнейших вопросов любой войны, а именно: какие по численности людей и техники вооружённые силы Германии и СССР противостояли друг другу 22 июня 1941 года?

Если до сих пор, через десятки лет, учёные в спокойной обстановке не в состоянии и близко определить бесспорные данные по этому вопросу, то становится понятным, почему в условиях быстро менявшегося напряжённейшего международного положения и строжайшей предвоенной секретности советскому руководству во главе с И.В. Сталиным получать точную информацию на этот счёт было не менее трудно. Мои выводы покажутся невероятными, однако к ним придёт каждый — стоит ему сравнить результаты разных исследователей. Приведу наиболее авторитетные издания, авторы которых имели доступ к главным мировым архивам.

Армия Сталина

Итак, «Вторая мировая война. Итоги и уроки». Военное издательство. Под редакцией С.Л. Соколова и ведущих военных, политических и научных деятелей. Читаем: «Группировка фашистской Германии насчитывала 5,5 млн. солдат и офицеров, более 47 тысяч орудий и миномётов, около 4,3 тысячи танков и штурмовых орудий и до 5 тысяч боевых самолётов. Этой мощной армии вторжения, укомплектованной отборными кадровыми соединениями, противостояли советские войска западных пригра-

ничных военных округов, насчитывавшие 2680 тысяч солдат и офицеров, 37,5 тысячи орудий и миномётов, 1475 танков КВ и Т-34, 1540 самолётов новых типов, а также значительное количество танков и самолётов устаревших конструкций. Непосредственную охрану государственной границы несли пограничные части (сухопутные и морские), которые вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск насчитывали около 100 тысяч человек. В составе трёх флотов имелось около 220 тысяч человек и 182 корабля основных классов». То есть всего около 3 млн. человек против 5,5 миллиона. Дополнительно сообщается: «...в западных приграничных округах находилось 170 дивизий (советских) сухопутных войск... Штатная численность стрелковой дивизии составляла 10,9 тысячи человек (июль 1941 г.), 9,4 тысячи человек (июль 1943 г.), 11,7 тысячи человек (декабрь 1944 г.). По последнему штату дивизии содержались до конца войны».

Если 170 дивизий умножить на 10,9 тыс. чел., то на июль 1941 г. получается 1,853 млн.. Откуда же тогда число «2680 тысяч солдат и офицеров»? Оставлю эту неувязку на совести авторов книги...

Для сравнения предлагаю цифры из разговора Жукова со Сталиным 14 июня 1941 года.

«Сталин:

— Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы (Жуков и Тимошенко, — НАД.) доложили, что всего в составе четырёх западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада.

...По разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В составе дивизий имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких». (Г.К. Жуков «Воспоминания и размышления»)

Перейдём к расчётам. К июлю 41-го года в дивизии полагалось иметь до 10,9 тысячи человек, а в действительности было в лучшем случае, согласно докладу начальника Генштаба Г.К. Жукова Сталину, около 8 тысяч. И всё-таки допустим, что вопреки Жукову все дивизии были укомплектованы полностью, но и тогда получится не 3 млн., а всего 1,635 млн. человек. По Жукову, и того меньше — 1, 2 млн. человек.

Кстати, мало что изменится, если исходить из другой, расширенной, наиболее полной информации Г.К. Жукова: «170 наших

дивизий накануне войны были рассредоточены на обширной территории: до четырёх с половиной тысяч километров по фронту от Баренцева до Чёрного моря и на 400 километров в глубину». Тем не менее Жуков, вероятно, с подачи не очень знающих или безответственных консультантов тоже говорит, что «всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек».

Конечно, можно предположить, что расчёты велись исходя из составов дивизий, которые (вспомните!) полагалось иметь по меркам военного времени, то есть от 14,5 до не соответствующих нормам 19 тысяч человек. Тогда (при 170 дивизиях) получится от 2 465 000 до 3 230 000 человек. Это уже гораздо ближе к наиболее часто называемой численности Красной Армии – 2,9 млн. человек. Чтобы убедиться, загляните в «Советский энциклопедический словарь» или в книгу «Великая Отечественная война. Вопросы и ответы», где, правда, называется цифра 2,68 млн. Простая арифметическая прикидка показывает: дабы получить приводимые этими и многими другими изданиями данные, следует исходить из 18–19-тысячных дивизий при 150 дивизиях или из 16-17-тысячных дивизий при 170 дивизиях, чего, как говорил Жуков Сталину, и в помине не было!

Армия Гитлера

Впрочем, и немецкие данные не отличаются прославленной германской педантичностью. Лучшим свидетельством тому служат дневниковые записи начальника генштаба немецких сухопутных войск Франца Гальдера и 1-й том ежедневника ОКВ, то есть верховного командования вермахта. Итак, Франц Гальдер:

«21.6.1941 г. Общая численность войск Германии на фронте «Барбаросса»: 102 пехотные и горно-стрелковые дивизии (в том числе четыре лёгкие пехотные и две горно-стрелковые), 19 танковых дивизий, 14 моторизованных дивизий (в том числе четыре дивизии СС), пять особых соединений (в том числе три охранные дивизии и две дивизии 15-й волны). Всего – 141 дивизия». Из данной записи напрашивается вывод, что итог расходится с числом дивизий на одну единицу. По мнению же наших историков, всего против СССР к началу войны были выставлены 152 дивизии и 2 бригады. По Жукову – даже 153 немецкие дивизии.

Теперь приведём данные из документов вермахта: для проведения «молниеносной войны» вооружённые силы к июню 1941 года содержали 7234 тыс. человек. Из них: в сухопутных войсках и армии резерва было 5 млн. человек, в ВВС — 1680 тысяч, в ВМС — 404 тысячи, в войсках СС — 150 тысяч человек. Далее, в 1-м томе военного ежедневника ОКВ находим, что вся действующая сухопутная армия Германии к 22.06.41 г. располагала 208 дивизиями и 2 бригадами, в которых насчитывалось 3,8 млн. человек. Из этого числа: 148 (в том числе 19 танковых) дивизий и 2 бригады на востоке.

Уже эти цифры (141 — у Гальдера, 148+2 — по документам вермахта и 153 — у Жукова) дают представление о серьёзном разбросе данных среди самих немцев. Этот разброс становится ещё более поразительным, если принять во внимание выставленные против СССР 35 дивизий и 14 бригад стран-сателлитов Германии, т.е. всего 183 дивизии и 16 бригад. Правда по подсчётам советских военных, эти цифры выглядят иначе, а именно: помимо 152 немецких дивизий и 2-х бригад было ещё «29 дивизий (16 финских, 13 румынских) и 16 бригад (3 финские, 9 румынских и 4 венгерские), в которых числилось в общей сложности 900 тысяч солдат и офицеров. Следовательно, всего против СССР противник развернул 181 дивизию и 18 бригад». Теперь по числу дивизий, брошенных (по разным источникам) на СССР, установим их общую минимальную и максимальную численность.

Выходит, что численность сухопутных войск, действовавших в июне 41-го на стороне Германии против СССР, колебалась: по немецким данным — от 2,538 до 3,582, а по советским — от 2,142 до 3,184 млн. человек, но никак не 5,5 млн.! Напомню, что этому количеству с советской стороны противостояла армия от 1,2 — 1,36 до невероятных цифр 2,85 — 3,23 млн. человек. Примерно такая же картина и с цифрами по военной технике.

Кому верить?

Без военной техники война не война. И каким бы ни было соотношение живых сил, количественное и качественное соотношение вооружений играет решающую роль. Вот случай, когда не скажешь: «Кадры решают все!» И здесь открывается другая сторона медали с названием «Главная тайна войны».

Поражаешься, как могли не видеть ее раньше все историки мира! Может быть, потому что она была у всех перед глазами, на нее, как это чаще всего бывает, просто не обращали внимания. Мне же удалось обнаружить ее существование, благодаря наставлениям моего покойного учителя — замечательного философа и поэта-фронтовика Евгения Михайловича Винокурова, знакомого народу по легендарной песне «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой». Он говорил мне: «Задача настоящего ученого — удивляться обычному. Не понять то, что всем ясно, якобы ясно, затрудниться вопросом, которым никто из-за его очевидности не затрудняется». И вот что, — применив этот подход, — я вдруг узнал... из давным-давно известных официальных источников.

Как известно, Жуков перед войной и в самом ее начале командовал работой Генерального штаба и, следовательно, должен был иметь дело со всеми цифрами советских и немецких вооружений того времени. Если верить его воспоминаниям, то 22 июня 1941 года в нападении Германии на СССР участвовало 4950 самолетов и 3712 танков и штурмовых орудий. С нашей стороны им противостояло в воздухе более 1500 самолетов новых конструкций и значительное число устаревших летательных аппаратов, а на земле — 1800 тяжелых и средних танков, из которых две трети были машинами нового типа.

Сравним эти цифры с данными из других источников. «Советский энциклопедический словарь» заставит нас засомневаться в достоверности воспоминаний Жукова, утверждая, что не 4950, а 5000 немецких самолетов участвовали в нападении на Советский Союз. И уж совсем не согласен «СЭС» с тем, что против СССР Германия выставила 3712 танков и штурмовых орудий. По информации «СЭС» было 3700 танков. И никаких штурмовых орудий. Ну, может быть, от силы — штук 12? Если и дальше доверяться «СЭС», получается, что бывший начальник Генштаба не очень-то представлял и состав находившихся у него на службе танков и авиации, а именно: с немцами сражались не 1500 самолетов новых конструкций и значительное число старых, а всего 1540 авиаединиц и все только новых конструкций. Что же касается советских тяжелых и средних танков, то тут «СЭС» согласен с тем, что их было 1800. Правда, о том, что две трети из них новых типов — ни слова.

Свое мнение имеют и авторы пособия «Политиздата» по истории КПСС. Они в 1972 году существенно поправляют Жукова,

заявляя, что цифра 3712 в вооружениях Германии действительно имела место, однако соответствовала она только числу танков, а не общему количеству немецких танков и штурмовых орудий, как это считал, планируя наступательные и оборонные операции, тогдашний начальник Генштаба Жуков.

В 1984 году в книге «Великая Отечественная война» того же «Политиздата» вдруг круг данных о советских вооружениях, противостоявших Гитлеру в 1941 году, основательно расширяется: оказывается, что у Красной Армии тогда было 7230 самолетов, но лишь 1540 из них — не 1500, как у Жукова, — а именно 1540 самолетов относились к новым моделям. И с танками, судя по этой книге, Жуков серьезно просчитался. У него из 1800 тяжелых и средних танков две трети, т.е. 1200 машин были из нового поколения, в то время, как андроповские историки насчитали их уже 1475 штук, а всего у них набралось 8105 танков.

Но, видимо, их военные товарищи по истории вооружений решили, что те сильно хватили лишнего. Поэтому в 1985 году выпустили в «Воениздате» более проверенное исследование под названием «Вторая Мировая война». Подтвердив, что у СССР против Германии было 1475 танков новых конструкций, военные историки вместо, вероятно, сомнительной общей цифры 8105 написали уже знакомые по другим источникам слова: «а также значительное количество танков старых конструкций». Однако, что конкретно означает это «значительное количество», указывать почему-то не стали. Вместе с тем одним росчерком пера и те, и другие сообща увеличили наши предвоенные танковые силы на западных границах на целых 275 машин новых типов. Вот сказал бы им спасибо от имени Генштаба и Ставки великий полководец, если бы эти потрясающие находки обнаружили не в наше время, а в суровые дни 41-го...

Между тем «Воениздат» серьезно уточнил и немецкие вооружения против СССР. Количество танков и штурмовых орудий подскочило весьма заметно с 3712 у Жукова до 4300 у военных историков.

Можно продолжать эти сравнения бесконечно, вплоть до наших дней, и все же ясности не будет. Не занимаясь подробными сравнениями, приведу несколько убедительных цитат.

Москва, 1994 год. «Пособие по истории отечества», подготовлено на историческом факультете МГУ: «Против СССР было сосредоточено 5,5 млн. солдат и офицеров, 5 тыс. самолетов, 3,5 тыс.

танков... Им противостояло 2,7 млн. советских солдат и офицеров, 1,5 тыс. самолетов, 1,8 тыс. танков...»

Москва, «Владос», 1995 год, «История России», том 2. Учебное пособие, подготовленное Московским педагогическим государственным университетом и одобренное Госкомитетом РФ по высшему образованию гласит: «Армия вторжения насчитывала 5,5 млн. человек, 3,8 тыс. танков и 4,6 тыс. самолетов. Ей противостояли 3,3 млн. советских войск, имевших 10,4 тыс. танков и 8,6 тыс. самолетов».

Москва, «АСТ-ЛТД», 1998 год, «История России – XX век», подготовлена институтом истории Российской Академии Наук для студентов вузов, обучающихся по специальности «История», одобрена высшими государственными инстанциями по образованию: «Агрессор имел 4,3 тыс. танков, около 5 тыс. самолетов... в полтора-два раза меньше, чем было на вооружении Красной Армии...»

2001 год, Москва, научное издательство «Большая Российская энциклопедия», «Большой энциклопедический словарь»: «Вместе с европейскими союзниками Германия сосредоточила для нападения на СССР 191,5 див.; силы противника насчитывали 5,5 млн. ч., около 4,3 тыс. танков и штурмовых орудий... около 5 тыс. боевых самолетов... К июню 1941 Кр. Армия имела 187 див.; в ее составе было около 3 млн.ч., ...13,1 тыс. танков, 8,7 тыс. боевых самолетов; в Сев., Балт. и Черномор. флотах... 1,4 тыс. боевых самолетов».

Вот так по сей день пишут наши лучшие историки.

А что же немцы с их прославленной и неподражаемой тщательностью учета во всем? Увы! Но и их в этом деле... словно подменили. В обобщающем сборнике немецких документов и мемуаров под названием «Совершенно секретно. Только для командования» согласно А. Филиппи и Ф. Хайму, а также согласно Дневнику ОКВ (Верховного командования вермахта) утверждается, что против СССР Германия выставила не 5000, а всего 3000 самолетов, да и то лишь 2000 из них были свои, а 1000 – союзников. Число же танков и штурмовых орудий с немецкой стороны укладывается в 3500 единиц, что весьма приблизительно соответствует воспоминаниям Жукова. Тем не менее эти немецкие данные выглядят все-таки сомнительно при сравнении их с цифрами Гальдера – начальника генштаба немецких сухопутных войск, который писал, что Германия против России

подготовила 1800 самолетов и 3724 танка. Но если данные Гальдера по самолетам относятся к 22 февраля 1941 года и до 22 июня их число еще можно было как-то довести до 2000, то при объяснении наличия 3724 танков по Гальдеру и 3500 танков и в их же числе штурмовых орудий по Дневнику ОКВ концы с концами и у немцев никак не сходятся. Поэтому неудивительно, что «концы» тем более не сходятся у историков разных стран.

Напрашивается вопрос: «Кому верить?» Ну... наши историки, ясно, могли друг у друга просто списать, как это обычно у них водится с университетской скамьи... Но почему у немцев такая каша?

К сожалению, этот вопрос становится еще более неразрешимым, когда исследователи путают всю имевшуюся в распоряжении сторон военную технику и живую силу с тем вооружением и войсками, которые использовались Германией и СССР непосредственно друг против друга. Не исключено, что никто(!) не сможет полностью избавиться от такого «греха» в связи с тем, что сами отчетные данные тех времен очень противоречивы и весьма неточны. Да и кто из воевавших мог ручаться за точность своей информации, когда уже вовсю шла Вторая Мировая война, на которой течение событий менялось порой быстрее, чем о них успевали докладывать?! А мало ли было других причин для искажения истинности происходившего, например, у разведчиков?! Вся эта разногласица данных, включая и военно-морской флот, относится к тому, что было на бумаге. Как было на самом деле? Этого тем более не знает никто...

Кому это нужно?

Вольно или невольно исследователи всего мира по сей день выдают предполагаемое за действительное по одному из фундаментальных начал любой войны. Между тем встает вопрос: если такие цифры распространяют, значит, это кому-нибудь нужно? Первое, что хочется предположить: быть может, это делается с целью, чтобы принизить боевые качества советских солдат? Ведь тогда, по этим расчётам, 5,5 млн. немцев противостояли бы не 1,2 млн., а 3 млн. русских... Впрочем, не исключены и другие, гораздо более прозаические причины. Например, такие, как повод для списания безответственно или даже преступно утраченного военного имущества, не говоря уже о денежных расходах не по назначению.

Кто думает, что только в наши дни люди с большими звёздами на погонах способны колоссальные средства, с трудом выделенные на оборону страны, направлять прежде всего на укрепление благосостояния собственной семьи по принципу «Мой дом — моя крепость», тот сильно ошибается. На самом деле ещё в 30-е годы в этом их опередили те красные командиры, которым в преддверии небывалой войны доверили подготовку встречи врага на дальних подступах. Для убедительности достаточно вспомнить хотя бы такие строчки из приказа наркома Тимошенко от 02.10.1940 (№ 0055): «В УНС Зап. ОВО (начальник полковник Дралин) затрачено из государственных средств на ремонт квартиры начальника УНС и приобретение мебели 14 425 рублей. Виновные в этом безобразнейшем разбазаривании государственных средств никаких наказаний не понесли...»

Как бы там ни было, но эта главная военная тайна о соотношении сил по сей день остается тайной!

Глава 12

ТЕНЬ СТАЛИНА

Правил ли вместо Сталина двойник?

Секреты синего конверта или тайна двух покушений

Это очень запутанная история, которой даже НКВД времен Ежова, сколько ни бился, не смог дать толку. Зато слухи после нее пошли — один невероятнее другого. И самый невероятный тот, повод для которого дали сами сотрудники НКВД. Слух этот касался внезапной болезни и еще более внезапной и необъявленной смерти Сталина в 1937 году, после которой править стал якобы его двойник. Так ли это или не так, однозначно сказать не могу. Но одно основательное свидетельство все-таки есть! Это Акт патологоанатомического исследования тела Сталина в 1953 году, точнее, если верить Акту, тела человека, удивительно похожего на Сталина, но... не Сталина! Правда, до сих пор не ясно, когда именно Сталина подменили и когда именно к власти пришел его двойник?! В том страшном 37-м или не менее жутком от голода 47-м? Однако все по порядку!

Эти документы бывшего кремлевского архива, которые рассекретят лишь через 75 лет после официальной кончины вождя, то есть в 2028 году, как видно, суждено мне обнародовать впервые. Доступ к ним имеют только избранные, но им сегодня не до них. Я — не избранный, скорее — случайное исключение?! Поэтому получил их в свое «распоряжение» абсолютно неожиданно: в папку между обычными архивными делами каким-то образом «затесался», словно забытый или ловко спрятанный кем-то, синий конверт, а в нем — совершенно секретные материалы о... двух непонятно чем окончившихся покушениях на Сталина! Вроде бы он и выжил, но... тогда почему(?) патологоанатомическое обследование тела покойного вождя существенно не совпадает с медописаниями особенностей живого Хозяина Кремля (о чем подробно расскажу ниже)!

Естественно, вскрыв синий конверт, я уже не мог остановиться и... тщательно перебрал все «заключенные» в нем бумаги. Вот

они(!) с теми моими пояснениями, без которых, скорее всего, никому не обойтись! Потому что тех, кто на этот счет что-то знал, давно уже нет в живых, а из современных людей, кажется, никто, кроме меня, серьезно ими не занимался!

Аптекарь Рабинович

После бесконечных расстрелов 37-го года это покушение на Сталина казалось естественным. Впрочем, я бы не сказал, что это было покушение в чистом виде. На мой взгляд, обычная рассеянность или плохое настроение аптекаря Е.Л. Рабиновича, готовившего лекарства по рецепту для обычного гражданина Ракова... А этот Раков возьми и окажись Сталиным, который в то время (23-24 декабря 1937 г.) как раз заболел якобы очень тяжелой формой стрептококковой ангины, а может быть, просто чем-то серьезно отравился. Чего уж там не так сделал 25 декабря в заказанном лекарстве Рабинович, не знаю! Не знаю также, чем кончился прием этого лекарства. Только после этого весь цвет НКВД был поставлен на ноги. Разумеется, аптекаря Рабиновича начали подвергать проверкам! Во что все это для него вылилось, в документах не сообщается. Зато, что касается Сталина... Дела с его здоровьем пошли, видимо, настолько плохо, что для получения лекарств по рецептам ему срочно придумали новый псевдоним — Румянцев. Вначале, по чьей-то глупости, дабы аптекари больше не забывали об ответственности, решили написать, что такое-то лекарство нужно лично т. Сталину. Но... вовремя спохватились. И уже 28 декабря Сталин превратился в Румянцева. Это видно отчетливо: над плохо зачеркнутой простым карандашом надписью «т. Сталину» написано «Румянцеву».

Дальше рисковать не стали. И даже анализы мочи, которые вызывали подозрения на тяжелое отравление, начали делать в Аналитической лаборатории Санотдела АХУ НКВД по адресу: Москва, ул. Дзержинского, Варсонофьевский пер., дом 5. Позже здесь, если не ошибаюсь, по указанию Берии активно работает под руководством Георгия Моисеевича Майрановского современнейшая лаборатория по созданию и испытанию ядов для тайных убийств. Но это то, что еще только будет! Нам же важно отметить, что уже было... якобы после чьих-то других ядов (не Майрановского?!) — со Сталиным. Между тем 25 декабря (вряд ли только из-за лекарства аптекаря Рабиновича) у Иосифа Виссарионовича

«среди дня усилилось ощущение слабости, появилась тошнота и один раз сорвало небольшим количеством выпитого перед тем мандаринового сока. Появились также жалобы на неприятные ощущения в области сердца...» А вот это уже было очень серьезно, ибо могло свидетельствовать о проявлении настоящих ядов, которые, как говорили специалисты по отравлениям, «бьют» прежде всего по системам дыхания и кровообращения, выводя из строя сердце, мозг, печень, почки и легкие. Именно после этих «ощущений в области сердца» 25 декабря было решено все анализы делать не в Аналитической лаборатории Лечсанупра Кремля (Москва, ул. Грановского, 2, телефон 3-23-46), а в лаборатории НКВД. Однако даже здесь фамилию А.М. Ракова заменили на Румянцева, а потом (очевидно, чтобы сбить лаборантов с толку) 29 и 30 декабря — на Кирилина, 3 и 4 января — на Ефимова и 5 января — на Ефимова С.А. (Кстати, 24 и 25 декабря фамилии вообще были зачеркнуты синим карандашом...) Лечили Сталина в эти дни (с 23 декабря по 5 января 1938 г.) профессора Б.С. Преображенский, В.Н. Виноградов, И.А. Валединский. И, судя по всему, вылечили. Тем не менее, видимо, именно с этого момента поползли дурные слухи, что Сталин скончался, а его место под бдительным контролем Молотова, Маленкова, Кагановича и других вождей занял послушный их коллективному руководству двойник, который и выиграл войну. Но всё это — слухи... Во всяком случае — так я считаю!

P.S. Со временем (благодаря генералу КГБ М.С. Докучаеву) я выяснил, что охрана Сталина с целью скрыть факт его «болезни» все лекарства для него и все его анализы стала выписывать на себя. Так в медицинских документах вождя появились фамилии его охранников: Ракова, Румянцева, Ефимова, Кузьмичева, Хрусталева и других.

Яд вместо лекарства?

Новая беда пришла к Сталину через два года после победы. И, кажется, по-настоящему! Как раз в этот период Маленков и Берия переживали опалу. Берию отстранили от руководства карательными органами, а Маленкова и вообще на время убрали с политической сцены за... «выпуск и приемку недоброкачественных самолетов» в годы войны.

Вот в такой обстановке и в окружении вот таких людей и разыгралась вторая драматическая история с... неизвестно чем закончившимся тяжелейшим заболеванием(?) Сталина.

Прошу прощения, но предметом моих дальнейших исторических исследований вынужденно должны стать такие пренеприятнейшие явления, как, например, понос и рвота. Что поделаешь, но и у вождей это бывает точно так же, как и у простых смертных. Только конец чаще всего оказывается намного страшнее!

Итак, 1947 год. «26 марта у Иосифа Виссарионовича начался понос; слабило за день раз 10. <...> Сегодня 27-го с утра общее самочувствие было удовлетворительным. Аппетит с утра был. <...> Слабило весь день понемногу, но часто. Сегодня за день слабило около 20 раз. Слизи в испражнениях и крови не заметил. К вечеру стало познабливать, появилось чувство общего недомогания, t в 5 часов была 38,5.

<...> 28. III. 9 часов утра. Ночь не спал совсем. <...> Стул был с 7 часов вечера до 9 часов утра 11 раз. <...> 16 часов 30 минут. <...> нередко прощупывается несколько увеличенная печень. <...> 21 час. <...> Стул с 17 часов до 21 часа... (4 раза), состоящий из слизи и крови от 1/2 до стакана...»

Что ж, всякое бывает. Однако далеко не все было так просто, как это часто бывает почти у всех в подобных случаях! Оказывается, Сталину стало чрезвычайно плохо (якобы!) после лекарства «сульгин» (сульфагуанидин). Еще зимой были предположения, что в нем содержится яд замедленного действия. Однако тогда 08.01.47 первый анализ (№ 280/92) ничего не показал. Тем не менее продолжали (в том числе, вероятно, и сам Сталин) грешить на яд именно в этом лекарстве.

И вот его «по поручению Аптеки за № 884 (Протокол исследования № 0884)» 27 марта 1947 года (то есть, когда болезнь(?) стала действовать не на шутку) сдают на повторный анализ в Контрольную лабораторию Лечебно-Санитарного Управления Кремля. И контрольный анализ подтверждает, что в сульгине «солей тяжелых металлов, мышьяка, сульфатов, хлоридов — не обнаружено. Анализ производила Жамова». Это все, конечно, могло быть именно так, если не иметь в виду признания сына Берии, что у отца везде были свои люди, готовые действовать по его указанию. Между тем складывавшаяся тогда вокруг Берии обстановка подстегивала его не быть «бараном, послушно идущим на бойню».

... В тот же день, точнее, вечером в 22 часа 25 минут по поручению начальника ЛСУ Кремля А.А. Бусалова в Клинико-Диагностической Лаборатории Лечсанупра Кремля (телефон 302-25) было произведено срочное «исследование эксcrementов № 25745 на имя гр. Кузьмичева С.Ф.» (новый псевдоним Сталина на случай чрезвычайных обстоятельств). И вот тут в анализах угрожающе отмечаются (с намеком на использование против вождя яда и бактериологического оружия?): «слизь в большом количестве, <...> лейкоциты – в значительном колич(естве), эритроциты (кровь, – НАД.) – в небольшом колич(естве)» и другие вызывающие страшные предположения показатели.

К тому же, к ужасу врачей, обнаружен рост и даже резкий скачок белка в моче от 0 до 0,45 промилле в 2 часа 10 минут 28 марта, что еще больше усиливает подозрения... Однако 28.03.47 Контрольная лаборатория ЛСУ Кремля за подписями Уткиной и Жамовой снова успокаивает – дескать, все нормально: в моче больного «солей тяжелых металлов и алкалоидов – не обнаружено».

Между тем состояние Сталина не только остается чрезвычайно тяжелым, но и в чем-то продолжает серьезно ухудшаться. В «Исследовании эксcrementов № 26068 от 28.03.47 в 19 час. 10 мин. (обнаруживается, – НАД.) слизь и кровь в значительном количестве». В 21 час отмечается рост белка до 0,75... В 23 часа 40 минут – 0,90. Врачи А.Н. Бузников и В.Н. Виноградов, напуганные таким развитием событий, начинают опасаться разрушения почек... Наблюдаемое отслоение клеток почечного эпителия действительно может вести к такому исходу. «29. III. 10 часов. <...> t в 9 часов 37,6, пульс 84. <...> Спал урывками 10-15 минут. Жалобы на слабость и боли в боках и спине. <...> Стул с 21 часа вечера до 9 часов утра 18 раз...» Начинается обезвоживание организма. Поэтому врачи приписывают: «По-прежнему обильное питье 6-8 стаканов в сутки».

«16 часов 30 минут <...> Съел блюдо манной каши на бульоне и блюде риса, выпил 1 стакан чая с красным вином».

01.04.1947. «10 час. 30 мин. <...> За сутки с 9 часов 31. III по 9 часов 1. IV стул был 6 раз, все время каловый с примесью большей или меньшей гнойной слизи, иногда с примесью крови».

Так продолжалось очень долго. Даже 19 июня в 23 часа 30 минут в «Истории болезни» можно прочитать следующие малоутешительные слова: в кале «отмечены хлопья слизи с довольно зна-

чительным количеством клеток кишечного эпителия и лейкоцитами в умеренном количестве...»

... А потом больной(?) как-то очень быстро выздоровел. И 30.VII. 47 г. появилось до того ни разу за 96 дней болезни(?) не звучавшее «заключение: наблюдавшиеся явления хронической дизентерии постепенно стаяли. Остаются явления катарального состояния нижнего отрезка толстой кишки. Кроме того имеются явления гипертонической болезни с проявлениями нефросклероза...»

В связи с этим возник вопрос: «Как Сталин мог заразиться да еще такой «грязной» болезнью, как дизентерия(?), при том образе питания, которому он следовал безукоризненно, а именно: вначале ели гости, и только потом ел он сам. И вот почему-то никто кроме Сталина не заболел?!» Больше того, началось-то все с проклятого лекарства «сульгин»... Впрочем, как бы там ни было, но, согласно записи врачей, Сталин выздоровел... Непонятно только: выздоровел ли он сам, или... вместо него появился кто-то другой и по-настоящему здоровый?!

Дело в том, что даже дочь Сталина Светлана, которая после войны с отцом почти не встречалась, приехав на его день рождения 21 декабря 1952 года, узнать отца не могла. Вот как с удивлением описывает она эту последнюю с ним встречу: «Странно — отец не курит. Странно — у него красный цвет лица, хотя он обычно всегда был бледен...» Еще меньше она узнала отца в том больном, которого увидела через 2,5 месяца на смертном одре: «Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми...»

И если в те страшные часы такое неузнавание можно объяснить тем, что любая, а тем более смертельная болезнь искажает человека до неузнаваемости, то как быть с Актом патологоанатомического обследования вождя, который... не совпал с прижизненными медописаниями подробностей его тела?!

Вскрывали не Сталина!

Кто похоронен у Кремлевской стены вместо Сталина?

Прежде чем цитировать медицинские документы, отмечу, что все(!) исследователи берут за основу воспоминания Петра Лозгачева, который якобы первым увидел смертельно больного вождя.

Лозгачев, — помощник коменданта дачи, где умер Сталин, — утверждает: «Сталин лежал на ковре около стола... Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутусову. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке... Бутусова отвернула ему завернутые рукава сорочки... Сталина положили на диван и укрыли пледом... В 9 часов 2 марта прибыли врачи... Начали осматривать Сталина...»

Однако из журнала врачей известно, как было в действительности: «Первый осмотр больного был произведен в 7 часов утра 2 марта профессорами... в присутствии Начальника Лечсанупра Кремля тов. Куперина И.И. ...Больной лежал на диване в бессознательном состоянии в костюме». Значит, во-первых, врачи были вызваны до 7 часов утра. Во-вторых, Лозгачев нигде(!) не говорит, что Сталина к приезду врачей одели. Почему? Не потому ли, что его сразу нашли мертвым, а потом полураздетого покойного вождя заменили «срочно заболевшим» одетым в костюм двойником?! О том, что Сталина сразу нашли мертвым, сообщил мне, со слов коменданта дачи Орлова, отвечавший за кремлевское питание Геннадий Коломенцев (см. гл.16).

Куда дели мертвого Сталина — неизвестно. Не исключено, что вначале спрятали на даче в имеющуюся там огромную холодильную камеру. Потом тайно захоронили. Или замуровали в подвале. Как никто(?) до сих пор не знает, где находятся останки Бухарина и Рыкова, так могло быть и с самим Сталиным, и с его двойниками. А вот то, что на патологоанатомическую экспертизу доставили не Сталина (если верить Акту патологоанатомического исследования), сомнений не вызывает. Вызывает сомнение то, что найденный мертвым человек был настоящим Сталиным.

Подобные мысли порождают оказавшиеся в моем распоряжении документы кремлевских и лубянских медиков — участников тех, надеюсь, невероятных событий.

Чтобы прийти к этим выводам достаточно сравнить Акт патологоанатомического исследования тела с врачебными описаниями живого вождя.

Удивляет, что при наружном осмотре покойного не обнаружено, что 2-й и 3-й пальцы на левой ноге срослись, хотя при жизни Сталина (при аресте в 1904 г. и медобследованиях в 20-е годы) специально отмечалось наличие такого срастания. Причем, об операции по разделению этих пальцев нигде ни слова. Да если бы она и была — остались бы шрамы, которые патологоанатомы обяза-

тельно бы зафиксировали так же, как они фиксировали другие «достопримечательности» тела. Ноги описаны в Акте до мельчайших подробностей: «Стопы находятся в среднем положении. Пальцы правой стопы (первый и второй) слегка разогнуты. Ногти на первом и на втором пальцах стоп утолщены, коротки, сморщены, буроватого цвета. Ногти прочих пальцев стоп бледны и тонки». Ничего подобного врачи у живого Сталина не замечали. Зато, например, в «Амбулаторной истории болезни» в 1925 и 1926 годах врачи Крауз, Ферстер, Розанов, Обросов и Елистратов отмечают «сращение пальцев на левой ступне» у Сталина Иосифа Виссарионовича, 46 лет от роду.

Тело патологоанатомы описывают очень подробно: пятна, порезы, шрамы, углубления, рябины, цвет... Но вот вопрос: почему не говорится, что левая не разгибавшаяся рука заметно отличается от правой, о чем свидетельствуют многие прижизненные медобследования Сталина?! В частности, 11 августа 1926 года консультанты И. Тарасевич, Ф. Щуровский и Обросов записали в «Истории болезни»: «левая рука с периартикулярной атрофией плечевого и локтевого сустава, вследствие ушиба в шестилетнем возрасте, с последующим длительным нагноением в области локтевого сустава, которое, однако, не повлекло за собой заращения сустава...» Или: «Неполные движения в левом плечевом суставе и атрофические явления в мышцах левой руки вокруг локтевого и плечевого сустава».

Эти обращающие на себя внимание при жизни Сталина «аномалии» левой руки отмечали не только соратники (например, Молотов) или арестовывавшая его в 1904 году полиция, но и многие исследователи, которые писали: «У Сталина было несколько серьезных физических недостатков. Один из них скрыть было практически невозможно — это плохо разгибавшаяся в плече и локте левая рука».

В Акте патологоанатомов говорится только об объеме мышц, но ничего нет о повреждении плеча и локтя: «Окружность левой верхней конечности на середине плеча 24 сантиметра, а на середине предплечья 20 сантиметров. Окружность правого плеча на этом же уровне 28,5 сантиметра, а окружность правого предплечья 21 сантиметр». «Подогнать» двойника под подобные отклонения проблем не составляет. Достаточно, как при переломе, наложить гипс, и рука «усохнет». И, если ее не тренировать, явно отстанет в объеме...

Сомнения, что вскрывали именно Сталина, основательно усиливаются, когда обращаешь внимание на шепетильность патологоанатомов в исследовании подробностей сталинского организма. Они пишут, скажем, следующее: «Кожа тыльной поверхности правой кисти со слегка розоватым оттенком, а на левой кисти с желтоватым оттенком. На коже тыльных поверхностей кистей рук рассеяны многочисленные разнообразной формы буроватые пигментные пятна величиной от булавочной головки до 0,6x1 см. Такого же характера пятно размером 0,6x0,5 см расположено близ запястья правого предплечья с наружной его поверхности. Ногти на пальцах рук с выраженной продольной исчерченностью; цвет ногтей голубоватый. Сильно выражена отслойка эпидермиса в области ногтевого валика». Трудно представить, чтобы при таком подробном описании 19 светил медицинской науки не заметили те явные отклонения от нормы на левой руке, о которых так много писалось в медицинских документах при жизни вождя. И уж совсем наталкивает на мысль о двойнике то, что ведущие патологоанатомы страны не обнаружили явное, определяемое даже на глаз, несовпадение ног по толщине, описанное в медкарте профессорами Валединским и Версиловым еще 2 сентября 1929 года: «Правая голень, измерена на расстоянии 20 см от колена, — 33 см, левая — 31, бедро на таком же расстоянии от колена — 51 пр., лев. 48 см». Замечу, что разница в толщине ног даже в 1 см бросается в глаза, не говоря уже об имевшей место у вождя разнице в 2 и 3 см.

Все это может означать только одно: вскрываемое посмертно тело Сталину не принадлежало!!! Если же иметь в виду слухи, согласно которым настоящий Сталин был отравлен еще 23 декабря 1937, а его талантливый двойник 26 марта 1947 года, то периодическая смена «Сталиных» у руля страны двойниками могла стать настолько привычной, что соратники, обожествляя вождя таким образом, могли делать правление Сталина практически бесконечным?! Зачем это им было нужно? Да затем, чтобы эксплуатировать беспрецедентный в мировой практике сталинский авторитет! Здесь нельзя не вспомнить, как сын Маленкова Андрей признается, что насчет Сталина из отца невозможно было и слово вытянуть даже через 30 лет после смерти вождя...

Это, конечно, невероятное предположение, но... чем черт не шутит, особенно в лице таких «деятелей» как Берия и Маленков?! Именно они в марте 1953-го «остановили» правление предполагаемого очередного, видимо, ставшего неуправляемым двойника.

Впрочем, здесь надо оговориться: если нашли мертвым даже настоящего Сталина, то вместо него Берия все равно должен был подложить умирающего двойника, чтобы было время поделить власть, то есть, чтобы раздел власти не вышел из-под его контроля.

Сталина подменили?

*Работал Сталиным в Москве,
а умер никем в Душанбе*

Это мое исследование вызвало у главного редактора «Комсомольской правды» Владимира Сунгоркина большие сомнения. И он предложил еще раз все тщательно перепроверить. Проверки привели к еще более ошеломляющим результатам. Листая подшивку «КП» за март-июль 1947 года, я обнаружил следующие серьезные нестыковки информации в СМИ с «Историей болезни Сталина в 1947 году» («ИБС»).

«КП», 9 апреля. Сталин принял видного деятеля Республиканской партии США Стассена.

«ИБС». «5. IV. 22 часа <...> Был на воздухе в 2 приема 3 часа (Не гулял, а «был». — НАД.). 6. IV. 23 часа 30 минут<...> Разрешено принять ванну t 36-37, продолжительность 7 минут. 30. IV. в 21 час 10 минут <...> Предписаны минимальные движения. Погулки (так у врачей, — НАД.) не разрешаются. Вино запрещено. Мясное блюдо за едой только одно. Супы мясные и вегетарианские. Железо по-прежнему... 4.V. 23 часа <...> в моче наблюдается прогрессирующее увеличение белка и лейкоцитов. Настойчиво дан совет лежать и ограничиваться минимальными движениями. <...> 12. V. среди дня в течение часов 2 были спазматические боли под пупком с легкой тошнотой. 28. V. 23 часа 15 мин. <...> Разрешены прогулки, которые начать с 30 минут и прибавлять ежедневно по 5 минут...»

Итак, только 28 мая разрешены прогулки, и то продолжительностью 30 минут с последующим очень осторожным их увеличением всего на 5 минут. Только 12. VI. в 23 часа 30 мин. впервые будет отмечено: «Гулял 1 час без чувства утомления. <...> в кале реакция Грегерсена слабо положительная (т.е. кровь остается, — НАД.). (Вместе с тем. — НАД.) В клиническом анализе крови необходимо отметить повышение РОЭ до 25 шт.». Лишь 30.VI. в 23 часа 30 мин. врачи с удовлетворением напишут: «Гуляет до 1 часа в день, но на воздухе бывает много. Бузников. Виноградов».

Теперь сравним это с тем, что писалось в те дни в газетах, а «КП», как известно, писала тогда на этот счет то же самое, что и все центральные газеты, а именно: «15 апреля Сталин принял Госсекретаря США Д. Маршалла. 19 апреля Сталин принял Вице-Председателя Совета Министров Югославии Эд. Карделя.

24 апреля Сталин дал обед в честь министров иностранных дел Англии Э. Бевина, Франции Ж. Бидо и госсекретаря США Д. Маршалла (Интересно, хотя бы догадывались эти министры, с кем они в действительности имели такое удивительно радушное застолье, или же им по русскому обычаю помогли «нарезаться» так, что они даже себя в зеркале туалета не узнавали?! Впрочем, скорее всего, до западных спецслужб дошла информация, что Сталина отравили, и западные министры, добившись приема у вождя всех народов, пытались подобным образом проверить, так ли это на самом деле. Однако, судя по всему, обед под русскую водочку все испортил... И вся проверка пошла насмарку. — НАД.)».

3 мая в Кремле состоялся прием в честь военного парада 1 мая. Сталин появился в окружении других вождей. Однако за все время во всеуслышание не проронил ни слова. Все тосты (в том числе и во славу главного вождя) провозглашал Молотов. Сталин только молча приветствовал собравшихся. А перед этим 1 мая на трибуне Мавзолея он почему-то скромно стоял в сторонке в окружении Шкирятова и Буденного (так на фото), тогда как основная верхушка (Берия, Маленков, Микоян и т.д.) сосредоточились явно особняком в центре трибуны. Может, примером послужила ленинская скромность, когда опоздавший Ильич, чтобы не отвлекать внимание зала, не пробирался задом через головы сидящих в центр президиума, а незаметно устраивался где-нибудь на ступеньках сцены. Та же мысль возникает, когда разглядываешь фото, запечатлевшее 20 июня открытие сессии Верховного Совета РСФСР, где в 7 часов вечера Сталин в ложе президиума сидит на самом заднем плане в одиночестве в странном отдалении от Берии, Булганина, Маленкова, Молотова, Микояна и других. Впрочем, скорее всего, верхи знали, что настоящему Сталину врачами «дан настойчивый совет лежать и ограничиваться минимальными движениями», двойнику же они просто не позволяли слушать содержание своих бесед. Подобные наблюдения и выводы, исходя из публикаций в прессе тех дней напрашиваются на каждом шагу. И, разумеется, они имеют под собой почву, поскольку человек, имевший столь опасные медицинские показания, да еще в пожилом воз-

расте, вряд ли мог позволить себе такую активную политическую и общественную деятельность. Неужели, прошу прощения за вынужденный натурализм, когда на переговорах у него начинались частые позы к смене стула на унитаз, он раз за разом бегал туда-сюда?

Остается одно: за него устраивал официальные обеды и вел переговоры двойник?! Кстати, с американцем Стассеном двойник 9 апреля, видимо, наговорил не то, что нужно, а американцы возьми и опубликуй это. В конце концов 8 мая пришлось и у нас печатать запись той беседы с пояснениями, дескать, текст, опубликованный в прессе США, имел ряд произвольных изменений и неточностей. Что и кем тогда говорилось, утверждать не берусь, так как вместо прямой речи Сталина и Стассена в наших газетах предлагалось лишь изложение слов каждого по тому или иному вопросу. Сомнения только усилились, когда в мои руки попала следующая информация от источника, пожелавшего остаться неизвестным.

Итак...

Справка о двойниках Сталина

Двойников у Сталина было несколько. Самый известный из них — Евсей Лубицкий.

Именно он не раз стоял на трибуне Мавзолея и принимал участие в переговорах с некоторыми иностранными делегациями.

Предполагается, что найти себе двойника Сталин согласился после убийства Кирова. Так украинский бухгалтер из Винницы Евсей Лубицкий стал двойником вождя.

Над образом двойника работала целая бригада специалистов. Впервые роль Сталина Евсей Лубицкий сыграл на встрече с делегацией шотландских шахтеров, никогда не видевших Сталина живым. Дебют прошел удачно... Сталин стал пользоваться двойником. Он усаживал его в кресло в собственном кабинете и тайно наблюдал, например, как приходил с докладом Ежов. Поведение ничего не подозревавшего главного чекиста доставляло Хозяину Кремля ни с чем не сравнимое удовольствие.

В 1952 году Лубицкого якобы арестовали. Остается только догадываться: за что?! После смерти Сталина Лубицкого освободили и... выслали в Среднюю Азию. Умер он в 1981 году в Душанбе.

Чтобы проверить эту интригующую информацию, я позвонил бывшему ответственному работнику ЦК КПСС историку Николаю Зеньковичу, который сказал, что в годы Перестройки ЦК за-

нимался этим вопросом, но получил весьма противоречивые ответы, один из которых говорил «да», другой – «нет»...

P.S. Когда эта книга была уже в процессе издания, историк Ю.Жуков вдруг обнаружил документ, который до сих пор приводит его в замешательство. Вместе с тем этот документ еще раз основательно свидетельствует в пользу того, что двойник Сталина все-таки существовал и имитировал «деятельность вождя». Именно к такому выводу приходится склоняться, исследуя документальную находку Ю.Жукова, которую он сопровождает следующими словами: «... 16 февраля 1951 г. ПБ, собравшееся в составе: Сталин, Булганин (С 07.04.1950 г. Булганин был назначен единственным 1-м заместителем Председателя Совета Министров СССР, то есть Сталина. – НАД.), Берия, Маленков, Молотов, Микоян, Хрущев, при участии Сабурова, – приняло три взаимосвязанных решения, определивших более чем на два года судьбы страны (то есть до официальной смерти Сталина, – НАД.). <...> Третье решение коренным образом меняло... саму систему власти в стране:

«Вопрос Президиума Совета Министров СССР. Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета Министров СССР гг. Булганина (Заметьте, Булганин неслучайно назван первым! – НАД.), Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов (Раньше в подобных документах дополнительно указывалось «в случае отсутствия тов. Сталина». – НАД.). Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью Председателя Совета Министров СССР тов. Сталина И.В.».

Последняя фраза, как ранее, так и позднее никогда больше не встречавшаяся в подобного рода документах, – более чем странная. Сложная и для расшифровки, и для понимания, и для объяснения.

Если ее внесли в текст с ведома и согласия Сталина, то тогда она несет следующий смысл. В силу неких определенных и веских, весьма серьезных причин, а ими могли быть либо загруженность какой-то иной, более важной работой, либо серьезное ослабление работоспособности после тяжелого заболевания, Сталин передоверил свои высокие властные полномочия, позволил сам,

и не кому-либо, а Булганину, Берия и Маленкову на неопределенное время вершить судьбы страны от своего имени.

Возможно, конечно, и иное прочтение документа. Если его последняя фраза, как, впрочем, и само решение в целом, появилась вопреки воле Сталина или была принята им лично вынужденно, под сильнейшим давлением, она должна означать прямо противоположное. То, что в тот день, 16 февраля 1951 года, первого секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета Министров СССР фактически, но отнюдь не юридически, отстранили от руководства. Но в любом случае, по доброй воле или нет, Сталину пришлось практически отойти от власти и остаться главой государства лишь символически.

Пока все известные данные заставляют — вплоть до того времени, когда появится наконец возможность изучить личный фонд Сталина, все еще остающийся засекреченным в Архиве Президента РФ, — склониться в пользу принятия второго варианта толкования последней фразы решения ПБ от 16 февраля 1951 г. Разумеется, подобное утверждение, входящее в абсолютное противоречие со всеми без исключения существующими концепциями, нуждается в веских доказательствах».

Не говорит ли это, что Сталина уже не было в живых и «бурную деятельность» от его имени осуществлял двойник направляемый прежде всего Берией, Маленковым и Булганиным, назначенным *более* первым заместителем вождя, чтобы уравнивать Берию и Маленкова по обоюдному согласию последних?! Кстати, своеобразное подтверждение в пользу существования двойника есть и у легендарного военно-морского министра Николая Герасимовича Кузнецова: 20.07.1951 г. «на совещании моряков Сталин сидел в стороне. Председательствовал Маленков... Сталин, не проронив ни слова, что-то писал (или делал вид, что что-то писал, — НАД.) на бумаге... Сталин только сказал, что Юмашев (министр МВФ до Кузнецова, — НАД.) «пьет» и предложил подумать о замене».

Другим существенным доказательством о наличии двойника, а значит и о снижении роли подлинного Сталина может быть неожиданное прекращение издания Собрания сочинений Сталина за... 2 года до его официальной смерти. Но более всего, конечно, заставляет задумываться заметно выросшее проявление самостоятельности со стороны соратников, что им не было свойственно в прежние годы!

Глава 13

БЕРИЯ ПРОТИВ СТАЛИНА

Главная тайна Кремля

*Сталин был лишён власти
в результате государственного переворота
за три дня до своей смерти*

Когда умер Сталин?

Это открытие состоялось совершенно неожиданно. 27 ноября 2001 года, находясь в Архиве на Старой площади в Москве, я обратил внимание, что даже известные авторы не знают(?) точно, когда умер Сталин. У одних (например, у Волкогонова) Сталин умер в 9 часов 50 минут утра, у других (скажем, у Радзинского) — вечером 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут. Опыт подсказывал мне: такие «ошибки» не бывают случайными. За ними обязательно скрывается какая-то тайна. И я (чуть ли не по часам) начал отслеживать последнюю неделю жизни Сталина и поведение в эти дни и ночи его тогдашнего ближайшего окружения, прежде всего — Берии, Маленкова, Хрущева и Булганина. И вот что предстало перед моими ошеломленными глазами: Сталин был *лишён власти в результате государственного переворота за три дня до своей официально объявленной смерти!!!*

Я прочитал массу архивных документов, газет, журналов, книг о Сталине, изучил множество документальных и художественных фильмов о его времени. И вот мой вывод: и те, кто выступал против Сталина, и те, кто выступал за Сталина, руководствовались не тем, чтобы узнать и рассказать, как всё было на самом деле, а исходили из желания навязать своё представление о личности этого человека. А то, что при этом и те, и другие почти на каждом шагу отступали от документов и исторических фактов, их, судя по всему, не волновало. Главным было, чтобы одержала верх именно их точка зрения!

К собранным здесь данным следует относиться очень осторожно, так как все они собирались и писались людьми, и у каждого из них имелись свои интересы. Поэтому их данные могут содержать «двойное дно». Между тем эти личные и документальные

свидетельства несмотря на свою противоречивость, собранные в систему, все вместе наиболее полно и точно отображают то, что происходило в действительности.

Да. Всё надо проверять! Столько нелепостей и очень существенных неточностей у самых разрекламированных личностей, что порою становится не по себе от того, как же искажена наша история... Осторожней всего следует относиться к воспоминаниям. Особенно много явных сочинений, противоречащих даже общеизвестным фактам, в воспоминаниях Хрущева, Маленкова, Г.К. Жукова, А.Н. Яковлева и других. Подтверждением тому всё, что изложено ниже.

Поначалу я, как и большинство, доверчиво пытался строить свои исследования о смерти Сталина, исходя из подробного рассказа Лозгачева, который утверждал, что он первый, кто увидел вождя лежащим на полу после приступа болезни, закончившейся летальным исходом. Однако, находя архивные документы и встречаясь с людьми, тоже оказавшимися в центре тогдашних событий, я стал замечать в воспоминаниях Лозгачева больше сомнительных вымыслов, нежели взаимообусловленных фактов. Вместе с тем получаемые со всех сторон и накапливаемые мною данные стали сами по себе складываться в систему, в которой одно вытекало из другого. Так появилась картина того, что произошло в действительности. Благодаря системе, воспоминания Лозгачева своей противоречивостью только подтверждали правильность подхода, при котором собираемые по частям данные дополняют друг друга так же, как верно подобранные ключья, на которые изорвана фотография, восстанавливают бывшее на ней изображение.

В первую очередь вспомним доводы и выводы на основе версии Лозгачева. Ее кажущаяся достоверность будет в корне подорвана представленными дальше документами и свидетельствами очевидцев.

Хроника смерти

Итак — **01.03.1953**. В пятом часу утра Сталин провожает гостей и, судя по воспоминаниям охраны, сразу ложится спать.

В обычное для себя время пробуждения, то есть с 10 до 12 часов дня, Сталин не подаёт никаких сигналов.

И только в 18.00 в малой спальне Сталина зажигается свет. К сожалению, теперь, видимо, трудно или даже невозможно вос-

становить то, как чувствовал себя Сталин между 4-5 часами утра и 6 – 6,5 часами вечера. Впрочем, серьезно нарушенный режим дня означает, что, скорее всего, что-то с ним было не так! В связи с этим встречавшийся с Лозгачевым Радзинский высказывает предположение, что, пока остальные спали, кто-то сделал вождю смертоносную инъекцию или предпринял еще какой-то убийственный шаг. Например, оставил какую-то переданную Сталину не вызывающую подозрений «вещь» (газету, папку с бумагами, бутылку минералки и т. п.), которая давала отравляющие испарения или же излучала радиоактивность направленного действия. Таким человеком, сам того не подозревая, мог стать якобы видевший здорового Сталина последним имевший доступ в покои вождя главный его охранник И.В. Хрусталёв, который вскоре и сам ушёл из жизни. Причем, не исключено, тем же, что и Сталин, путём, получив свою дозу, скажем, от оставленной им для Сталина не привлекающей внимания «вещи»... *Вот почему надо обязательно узнать историю болезни и смерти Хрусталёва!*

18.30 – возможное время падения Сталина на пол. Об этом могут свидетельствовать выпавшие из его рук (на ковер?) карманные (или наручные?) часы, которые, вероятно, из-за падения остановились на половине 7-го вечера. Видимо, за минут 30 до этого Сталин включил свет и читал, но, почувствовав себя плохо, поднялся и пошёл к столу с «нарзаном», чтобы положить часы и газету «Правда» и выпить воды(?). Однако упал, не дойдя до стола. Впрочем, скорее всего, с газетой в руках он подошёл к столу, выпил, быть может, отравленный «нарзан» и, взяв со стола часы, уже не смог дойти до дивана... (Где теперь эти часы, газета, «нарзан»? И вообще, может быть, все это произошло утром? И свет горел весь день?)

До 22.00 – 22.30 Сталин беспомощно лежал на полу. И только через 3,5-4 часа после падения был обнаружен помощником коменданта кунцевской дачи П. Лозгачевым. Когда Лозгачёв обнаружил лежавшего на полу Сталина, паралич правой стороны тела ещё не произошёл. Это подтверждает тот факт, что потерявший дар речи Сталин, ещё находясь в сознании, пытался что-то объяснить или позвать Лозгачёва на помощь... именно правой рукой. При этом левой рукой действовал так, будто хотел на себе что-то поправить. Может быть, из-за того, что, пока лежал, он обмочился...

Около 22.30 охранник М. Старостин начал звонить министру МГБ С.Д. Игнатьеву, но тот посоветовал сообщить о случившемся Берии и Маленкову. Вскоре Старостин дозвонился до Маленкова.

Приблизительно в 23.00 на дачу позвонил Маленков и сказал: «Берию я не нашёл».

Примерно в 23.30 звонит Берия и говорит охранникам странную фразу: «О болезни товарища Сталина никому не говорите».

Наступает **02.03.1953 года**. В 3 часа ночи, то есть через 4,5 часа после первых звонков, на дачу приезжают Берия и Маленков, но вызывать врачей явно не спешат... Более того, в состоянии «спящего» Сталина Берия не увидел (или сделал вид, что не увидел?) ничего необычного и ещё отругал охрану за панику.

В районе 8 часов утра после очередного звонка Старостина Маленкову приехал Хрущев и сказал, что сейчас будут врачи.

В 8.30 – 9.00, то есть только через 14 – 14,5 часов после случившегося появились врачи.

После осмотра больного(?) врачами на дежурстве оставляют Булганина, а Берия, Маленков и Хрущев уже в 10.40 зарегистрированы в Кремле в кабинете Сталина, где начинают свое первое полуофициальное совещание. Позже к ним присоединяются опальные Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович и другие члены Президиума ЦК. (Все ли? Точно не знаю, но вот их полный список: 1) Андрианов, 2) Аристов, 3) Берия, 4) Булганин, 5) Ворошилов, 6) Игнатьев, 7) Каганович, 8) Коротченко, 9) Кузнецов, 10) Куусинен, 11) Маленков, 12) Малышев, 13) Мельников, 14) Микоян, 15) Михайлов, 16) Молотов, 17) Первухин, 18) Пономаренко, 19) Сабуров, 20) Сталин, 21) Сулов, 22) Хрущев, 23) Чесноков, 24) Шверник, 25) Шкирятов; кандидаты: 1) Брежнев, 2) Вышинский, 3) Зверев, 4) Игнатов, 5) Кабанов, 6) Косыгин, 7) Патоличев, 8) Пегов, 9) Пузанов, 10) Тевосян, 11) Юдин; из них Сталиным было сформировано неофициальное «Бюро Президиума ЦК» в составе: 1) Берия, 2) Булганин, 3) Ворошилов, 4) Каганович, 5) Маленков, 6) Первухин, 7) Сабуров, 8) Сталин, 9) Хрущев.

Маловероятно, чтобы все эти люди, особенно иногородние, присутствовали в тот понедельник в Кремле.)

Таким образом, уже через 16 часов после «падения» Сталина начинается активная дележка власти. После чего Берия, Маленков, Ворошилов и Микоян, если верить данным Радзинского, возвращаются к умирающему, а в 20.30 все вновь собираются в

кремлевском сталинском кабинете и продолжают делить власть. Состоится второе за день заседание Президиума ЦК.

Наступает **03.03.1953 года**. Утром главные действующие лица — опять на дачу. А потом происходит третье — историческое — заседание Президиума ЦК, на котором *«единодушно и единогласно»*, если верить официальным речам Берии и Маленкова, одобряется их сценарий *«по организации партийного и государственного руководства»*, а фактически государственного переворота. По нему Маленков назначается Председателем Совета Министров СССР... вместо живого еще Сталина. Впрочем, вождя от обязанностей Предсовмина... официально пока не освобождают. Так, на всякий случай, устанавливается формальное двоевластие (два Председателя Совета Министров СССР сразу!!!), а фактически — единоличная власть Берии, который получает главный на тот момент пост в стране — пост министра МВД с включением в него министерства госбезопасности... При этом, подчёркиваю, Маленков назначен не Исполняющим Обязанности, а именно — Председателем Совета Министров! Значит, заранее знали, что Сталин не выживет?!

...Берия и Маленков очень спешат. Завершение переворота, согласно обнаруженным мною документам, намечено на 4 марта, однако, видимо, какое-то улучшение состояния Сталина заставляет отсрочить окончание «дела» на 5-е. Но 5-го, не дождавшись смерти, самые «верные соратники» все-таки решаются на крайне незаконный шаг по передаче власти... До сих пор не ясно, что заставляло их так спешить?!

Из воспоминаний дочери Сталина: *«Только один человек вёл себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбуждён до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить, и как бы недохитрить»*.

Что скрывал Маленков?

Треть века (до самой смерти!) Маленков вел себя так, словно ничего особенного тогда не произошло. Что скрывал Маленков? Чего боялся Маленков? Этого не знает даже его сын Андрей, наиболее близко стоявший к отцу. Маленков даже с сыном не откры-

венничал. Тем не менее теперь это будут знать все, ибо обнаружены неожиданнейшие документы! На вопросы «Что скрывал Маленков?» и «Чего боялся Маленков?» найденные документы дают короткий, но достаточно определенный ответ: он знал тайну смерти Сталина и знал тайну своего незаконного возвышения до первого лица в государстве с названием СССР... тогда, когда до смерти вождя оставалось ещё минимум три дня!!!

...Всё выглядело зловеще. Как только они поделили власть и лишили власти Его, они тут же отправились (каждый со своей новой, отобранной у Него, властью!) к Нему в дом... наблюдать: как Он будет умирать, и когда Он умрёт. И они, облечённые только что отобранной у Него властью, приехали и смотрели, как Он борется со смертью, и как смерть побеждает Его. И, дождавшись, когда Он скончается, каждый взялся за своё... И Главный из них тут же бросился «исполнять» секретное решение ... № 13 из «тройского» Постановления, принятого при делёжке власти. «Хрусталёв! Машину!» — закричал Берия. И помчался в Кремль, чтобы в соответствии с этим «дьявольским решением» начать приводить по своему усмотрению в должный порядок Его бумаги, как действующие, так и архивные... Это было нужно не столько для 13-го решения, сколько необходимо было ему самому, ибо там, в сейфе, могло быть то, что восприняли бы в качестве завещания усопшего, составленного, скорее всего, против него, Берии... когда власть уже перешла в его руки! (Недаром, через треть века его сын скажет о реакции их семьи на смерть Сталина: *«Было бы нечестным не признать, что это траурное сообщение было воспринято в нашей семье с некоторым облегчением...»*)

Никто из четверых, допущенных в последнее время к Нему в дом, не был так заинтересован в Его смерти, как он — товарищ Берия... Булганин — бездарь и трус. Хрущев — вечный вахлячок. Маленков (Маланья) — тюфяк, который и при Нем хорошо устроился. И только он, Л.П. Берия, мог жаждать этой смерти. И он ее дождался. Он так много для неё сделал... Теперь он едет, чтобы, — как потом станут говорить исследователи, — найти и изъять ту страшную **чёрную тетрадь**, куда Сталин тайно что-то записывал. (Про эту чёрную загадочную тетрадь Волкогонов напишет: бывший заместитель министра госбезопасности А.А. Елишев, рассказывавший о ней, был уверен, что Берия очистил сейф до его официального вскрытия. Видимо, это ему было очень нужно. Поэтому, вероятно, никогда мы не узнаем содержания записей. А

ведь не исключено, что Сталин оставил там распоряжение или даже завещание. И при том отношении, которое тогда к нему было, окружение вполне могло исполнить его волю...)

Почему Берии удалось подбить Маленкова на это дело? По словам сына Берии, отец показал Маленкову такое досье, что тот сразу понял, что за это можно ответить головой.

И по сей день историкам не даёт покоя роль Маленкова в «ленинградском деле»: всё явственнее в документах проглядывает, если не прямая заинтересованность в устранении из борьбы за власть главных соперников в лице Жданова, А.А. Кузнецова и Н.А. Вознесенского, то потворство и даже его пособничество Берии в расправе над ними. Или, может, выведение Кузнецова и Вознесенского из полит-игры связано с тем, что Сталин имел неосторожность объявить их наиболее вероятными своими преемниками? А Берия и Маленков в 46-ом, 48-ом и 49-м, как когда-то Ежов, увидели в этом конец своей карьеры. Да что там карьеры! Жизни!!!

Бросается в глаза и другая подозрительная последовательность событий: только кого-то Сталин объявляет или просто выделяет в качестве особо приближённого к себе, как через короткое время тот или умирает (как Жданов), или погибает в процессе «политических чисток» (как Кузнецов и Вознесенский), или же медленно, но явно отодвигается на второй план (как Молотов, Микоян, Каганович и Ворошилов)...

Маленков опасался, что, если возьмут вызывавшего все большие подозрения вождя Берию, тот потянет за собой и его, поскольку многое Маленков делал, идя на поводу у Берии. Сговор о лишении Сталина власти состоялся между Берией и Маленковым минимум за три дня до смерти Сталина и был окончательно оформлен официально, как свидетельствуют приведённые ниже документы, 5 марта 1953 года. На этот счёт есть многозначительное воспоминание Хрущева. Это воспоминание Хрущева соответствует тому разговору, который был не после смерти Сталина, как, полагаясь на память, думает Хрущев, а тогда, когда Хрущев и остальные узнали, что Сталин умрёт... Об этом неопровержимо говорит подпись самого Хрущева на тех официальных документах, которые лишили ещё живого Сталина власти. Итак, откровения Хрущева.

«... они (Берия и Маленков) стали неразлучными друзьями. Сталин в шутку, бывало, у себя за обедом называл их «два жулика», но не в оскорбительном тоне, а дружески: где, мол, эти два жулика.

... Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы решили немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался.

Я решил с Маленковым поговорить. Я подошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чём говорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берией, и всё уже давно обсуждено.

... Началось распределение портфелей. Сейчас же Берия предложил Маленкова назначить Председателем Совета Министров с освобождением от обязанностей секретаря ЦК. Маленков тут же предложил своим первым заместителем утвердить Берию и слить два министерства — госбезопасности и внутренних дел — в одно Министерство внутренних дел и назначить Берию министром».

Подчёркиваю, все эти переговоры, воспроизведённые Хрущёвым, согласно обнаруженным документам, могли иметь место только до официально объявленной смерти Сталина(!), когда Хрущев и Маленков остались на дежурство у постели умирающего вождя. Такое дежурство было организовано парами. После полного завершения государственного переворота Сталин продолжал жить еще около 1 часа 10 минут. Так что новые хозяева страны в лице Маленкова, Берии, Хрущева и других приехали к вождю, ещё живому, и стали ожидать или наблюдать, как и когда произойдёт его кончина. А может быть, если что, даже и содействовать ей в случае особо решительных мер со стороны врачей, предупреждая их окриками (как это делал Берия): «А вы уверены, что эта ваша процедура не приведёт к ухудшению состояния товарища Сталина? Не забываете, какую вы несёте ответственность!»

Ждать пришлось недолго. Согласно официальному сообщению лечивших врачей дыхание прекратилось в 21 час 50 минут 5 марта 1953 года. Однако каким страхом и ужасом были наполнены эти и особенно самые последние минуты ожидания для тех, кто лишил Его власти: а вдруг выживет?!

... Действительно, предложение о Маленкове сделал Берия. Со своей стороны, чтобы не вызвать голосов против Берии, Маленков предлагает его в списке из четырёх человек, то есть как бы среди прочих. Зато дальше: главная силовая власть передаётся только Берии — МГБ и МВД объединяются в одно Министерство внутренних дел и его министром Маленков предлагает Берию. Так Берия становится обладателем самой могущественной и динамичной власти в стране. Причём, Берия (в случае, если Сталин выживет) может пострадать меньше всех, так как он фактически остаётся на прежнем посту заместителя Предсовмина. А то, что Берия обретает ещё и пост министра МВД, опять совместившего два самых силовых ведомства, так тут тоже мало греха, так как именно Берия и до этого под разными предлогами официально и неофициально курировал эти два министерства, а когда-то и стоял уже во главе их обоих. Зато вот Маленков, в случае выживания Сталина, сразу «идёт под нож», так как, не дождавшись кончины вождя, взойшёл на его «трон», заняв пост Председателя Совета Министров СССР. Впрочем, как и Хрущев, тоже вставший на место Сталина в партии тогда, когда ещё Сталин не ушёл, как говорится, в мир иной. Да к тому же Хрущёва ставило под удар и то, что он согласился председательствовать на том Совместном заседании ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета, которое он открыл в 20 часов 5 марта 1953 года, и которое на деле означало государственный переворот.

Сенсационные документы

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 11

ЗАСЕДАНИЯ БЮРО ПРЕЗИДИУМА ЦК ОТ 3 МАРТА 1953 ГОДА

О созыве Пленума ЦК КПСС

ПОСТАНОВИЛИ:

а) созвать 4 марта 1953 года в Москве Пленум Центрального Комитета КПСС;

б) подготовить к Пленуму ЦК КПСС необходимые организационные вопросы.

БЮРО ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС...

С этого невзрачного документа без подписи, но с многозначительным указанием принявшего его органа, «БЮРО ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС» начинался государственный переворот. На июльском 1953 г. пленуме ЦК Молотов по этому поводу скажет, что с

того дня протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК никто не подписывал. Вместо привычной подписи Секретаря ЦК отныне стояло безымянное «Президиум ЦК». Чтобы объяснить простым членам ЦК такую странность, Молотов открыл ее тайну. Оказалось, эта форма подписи была навязана руководству ЦК Берией и фактически являлась его второй подписью.

**«Протокол Совместного заседания
Пленума Центрального Комитета КПСС,
Совета Министров Союза ССР и
Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1953 года**

Заседание началось в 20 час. и закончилось в 20 час. 40 мин.

Председательствует тов. Хрущев.

Тов. Хрущев предоставляет слово Министру здравоохранения СССР т. Третьякову для информационного сообщения о состоянии здоровья товарища Сталина И.В.

Сообщение т. Третьякова принимается к сведению.

Тов. Хрущев сообщает, что с самого начала болезни товарища Сталина у его постели непрерывно находятся члены Бюро Президиума ЦК. Сейчас дежурит тов. Булганин, поэтому он не присутствует на заседании.

Слово предоставляется тов. Маленкову.

Тов. Маленков говорит:

Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас.

Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

<...> Бюро Президиума ЦК поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства с тем, чтобы принять их в качестве совместного решения Пленума Центрального Комитета партии, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР.

Бюро Президиума поручило мне доложить, что при выработке этих организационных мероприятий мы исходили из того, что в это трудное для нашей партии и страны время важнейшей задачей партии и правительства является — обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что в свою очередь требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники, с тем чтобы таким образом безус-

ловно обеспечить успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики, как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах.

Затем слово предоставляется тов. Берия.

Тов. Берия говорит, что Бюро Президиума ЦК тщательно обсудило создавшуюся обстановку в нашей стране в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин. Бюро Президиума ЦК считает необходимым теперь же назначить Председателя Совета Министров СССР. Бюро вносит предложение назначить Председателем Совета Министров СССР тов. Маленкова Г.М. Кандидатура тов. Маленкова выдвигается членами Бюро единодушно и единогласно. Мы уверены – вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост Председателя Совета Министров СССР – кандидатура тов. Маленкова. (Многочисленные возгласы с мест: «Правильно! Утвердить!»).

Затем тов. Хрущев предоставляет слово тов. Маленкову.

Тов. Маленков вносит по поручению Бюро Президиума ЦК КПСС следующие предложения:

1. О назначении первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР тт. Берия Л.П., Молотова В.М., Булганина Н.А., Кагановича Л.М. (многочисленные возгласы с мест: «Правильно!, утвердить!»).

Предложение о назначении тт. Берия, Молотова, Булганина, Кагановича первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР, говорит тов. Маленков, выдвигается членами Бюро единодушно и единогласно.

2. Иметь в Совете Министров СССР вместо двух органов – Президиума и Бюро Президиума, один орган – Президиум Совета Министров СССР. <... >

3. Рекомендовать Председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Ворошилова К.Е., освободив от этих обязанностей тов. Шверника Н.М. <... >

4. Объединить Министерство государственной безопасности СССР и Министерство внутренних дел СССР в одно Министерство – Министерство внутренних дел СССР.

Назначить Министром внутренних дел СССР тов. Берия Л.П.

5. Назначить тов. Молотова В.М. Министром иностранных дел СССР. <...>

Назначить тов. Вышинского А.Я. постоянным представителем СССР в ООН. <...>

6. Назначить маршала Советского Союза тов. Булганина Н.А. Военным министром СССР и первыми заместителями Военного министра СССР – маршала Советского Союза тов. Василевско-го А.М. и маршала Советского Союза тов. Жукова Г.К. <... >

8. <...> Назначить тов. Сабурова М.З. Министром машиностроения, освободив его от обязанностей Председателя Госплана СССР. <...>

11. Назначить Председателем Госплана СССР тов. Косяченко Г.Л.

12. Рекомендовать тов. Шверника Н.М. Председателем ВЦСПС, освободив от этих обязанностей тов. Кузнецова В.В.

13. Бюро Президиума ЦК предлагает иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК – Президиум и Бюро Президиума, один орган – Президиум Центрального Комитета КПСС, как это определено Уставом партии. (Это, пожалуй, единственное в Постановлении место, в открытую демонстрирующее отказ от «политической самодеятельности» Сталина, которая в нарушение Устава КПСС привела к сформированию внеустановленного «Бюро» Президиума ЦК. То же самое говорилось и о «Бюро» Президиума Совета Министров. И все это объявили при еще живом вожде. В итоге оба «Бюро» были тут же ликвидированы. Остались только Президиумы. То есть тем самым членам ЦК дали понять, что Сталин грубо нарушал Устав КПСС и предельно сужал возможности коллективного руководства. – НАД.)

16. Признать необходимым, чтобы тов. Хрущев Н.С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС и в связи с этим освободить его от обязанностей первого секретаря Московского Комитета КПСС. <... >

17. Освободить от обязанностей секретарей ЦК КПСС тт. Пономаренко П.К. и Игнатова Н.Г в связи с переходом их на руководящую работу в Совете Министров СССР и т. Брежнева Л.И. – в связи с переходом его на работу начальником Политуправления Военно-Морского министерства. <... >

Затем тов. Маленков сообщает, что Бюро Президиума ЦК поручило тт. Маленкову, Берия и Хрущеву принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные были приведены в должный порядок.

В заключение тов. Маленков выразил уверенность в том, что в это трудное для партии и страны время Центральный Комитет партии, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР обеспечат бесперебойное и правильное руководство всей жизнью страны.

Тов. Хрущев спрашивает, есть ли у товарищей вопросы, замечания по предложениям Бюро Президиума ЦК КПСС, есть ли какие-либо другие или дополнительные предложения? (Дружные возгласы с мест: «Принять, утвердить предложения Бюро»).

Тов. Хрущев ставит на голосование внесенные предложения.

Совместное заседание Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР единогласно утверждает внесенные Бюро Президиума ЦК предложения о мероприятиях по организации партийного и государственного руководства...

Тов. Хрущев объявляет Совместное заседание закрытым. Председатель Совместного заседания ... Н. Хрущев»

Так за какие-то 25 минут (как потом единогласно будут признавать участники июльского 53-го года пленума ЦК) были осуществлены коренные основополагающие перемены, предпринятые в целях перехода от единоличного руководства в условиях культа личности Сталина к игре в коллективное руководство под особым надзором Берии. Для этого, не дождавшись смерти Сталина, в партийной, исполнительной, законодательной и профсоюзной властях только 5 марта произвели не менее 73 фундаментальных перемен с заменой самых высокопоставленных руководителей, в том числе подвергнув полной перетряске и аппараты 17 главных министерств. Однако, словно опасаясь, что обезврежены ещё не все ставленники Сталина, Берия и Маленков вскоре после похорон (13 и 14 марта) продолжили свои беспрецедентные замены, перестановки и реорганизации, назвав их «ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства». В результате состоялось ещё не менее 68 фундаментальных изменений с освобождением от должностей «ярких сторонников вождя». Среди этих изменений и «Объединение некоторых (не менее 46-ти, — НАД.) министерств и центральных учреждений СССР». Итак, за считанные дни и даже часы минимум 141 «перестройка» так изменила партийное и государственное лицо СССР, что, если бы выздоровел Сталин, он вряд ли бы понял, куда попал?!

Такое впечатление, что Берия задолго до смерти Сталина готовился к тому, что он будет делать уже на другой день после его смерти. Иначе откуда сразу столько радикальных политических и государственных шагов? Такое за три дня не делается! Ещё труднее представить, чтобы все эти срочные предсмертные перемены замышлялись самим Сталиным на случай своей внезапной смерти... Итак, это называлось «рядом мероприятий», а фактически было государственным переворотом. В газетах серьёзнейших моментов Совместного заседания, а тем более протоколов и решений Бюро Президиума ЦК, конечно, не напечатали. Тогда вряд ли кто из непосвящённых понял, что значили слова о необходимости «бесперебойного и правильного руководства». И вот теперь, когда открылись почти все главные документы, я вправе сказать о том, что говорилось о ещё живом Сталине на до сих пор засекреченных заседаниях тогдашнего Бюро Президиума ЦК... Говорилось, что Сталин стал допускать не только перебои в управлении страной, но и, перейдя к методам сугубо единоличного руководства, всё чаще стал принимать необоснованные решения. Между тем в прощальных речах на похоронах Сталина ни у Маленкова, ни у Молотова ничего не говорится о последних — поистине исторических — решениях Совместного заседания. Зато Берия наряду с дежурными словами о величии Сталина делает на этих решениях особое ударение. И эти его ударения становятся понятными, если знать, что на всех закрытых заседаниях и в личных разговорах с «соратниками» именно он был инициатором беспощадной критики умиравшего Сталина, и именно он организовал эти грандиозные, идущие вразрез со Сталиным, перемены! Правда, сделал он это не потому, что был очень дальновидным или просто хорошим человеком, хотя, очевидно, что-то было и от этого... Прежде всего, таким образом, Берия спасал свою шкуру от объявившего на неё охоту Хозяина.

Что же касается Маленкова, то у него в прощальной речи, кажется, нет и намёка на события, связанные с Совместным заседанием. Однако в ней нет заявления и о том, что страна будет идти прежним сталинским курсом. Вместе с тем речь Маленкова построена так, что её можно трактовать, как в пользу продолжения сталинской линии, так и в сторону отказа от неё. Маленков говорит: «Наша партия следует великому учению марксизма-ленинизма, дающему партии и народу... умение прокладывать новые пути в истории». Эти слова вроде бы укладываются в общий контекст

хвалебной речи над гробом Сталина, но в то же время явно готовы к существованию и вне его, что и имело место в действительности на тайных сходах в ЦК. Так что уже эта расплывчатость и неопределённость в словах самого осторожного сталинского функционера заставляла сделать вывод, что что-то в тогдашних верхах с продолжением прежнего курса становится не так. Этот предположительный вывод наблюдательных людей того времени окончательно подтверждала последняя треть прощальной речи Берии. И хотя в открытую продолжали говорить то же, что и раньше, а на закрытых заседаниях озвучивались совсем иные мысли, в действительности же уже делалось то, о чём договорились тайно: даже само имя Сталина начало исчезать со страниц печати и появилось вновь через 4 месяца, т. е. только после ареста Берии.

... Поразительно, что никого из более чем 250 человек, участвовавших в чрезвычайном Совместном заседании, при голосовании не взволновал тот факт, что Сталин ещё жив, а все решения принимаются так, словно его уже нет и уже никогда не будет! (За исключением того случая, что его выбрали или оставили членом преобразованного Президиума ЦК.) Поразительно и то, что уже никто не говорит, что принимаемые решения предлагаются, исходя из идей товарища Сталина. Более того, если в Протоколе Совместного заседания имя Сталина хотя бы трижды упоминается особо, в связи с его болезнью, то дальше, в Постановлении, его уже как бы не существует... кроме тех двух-трёх случаев, где оно буквально затерялось среди прочих фамилий. И ни единого слова о верности делу Ленина или идеям коммунизма... Все будто захвачены азартом делёжки власти. Все ссылки уже не на Сталина, а на «политику, выработанную партией и правительством» в лице собравшейся здесь же, в президиуме, верхушки КПСС и государства.

Сталин «единодушно и единогласно» лишается ими своей власти ... при жизни! Закономерный финал? Нет! Это ещё не финал. У бывших «верных учеников и соратников» хватает «духа и совести» отправиться к умирающему в дом, чтобы своими глазами ещё около часа созерцать невиданное и захватывающее зрелище — агонию и смерть самого могущественного на земле человека! Причём, созерцать в новом качестве: каждый со своей долей час назад еще Его власти!!! И पहले всех Берия и сверхосторожный Маленков, согласившийся, однако, в горячке... на не освободившийся ещё пост Председателя! И вот теперь он стоит и ждёт Его смерти.

Ждёт с трепетом совести и содроганием духа. Ждут все, но особенно эти двое...

Так поделили шкуру ещё не убитого до конца медведя.

А Берия, согласно совместному решению ЦК, СМ и ПВС, уже за 1 час 10 минут до кончины вождя получил еще и официальное право «приводить бумаги тов. Сталина в должный порядок». Что он, бросив не успевшее остыть тело, как говорят, сразу и сделал, отправившись срочно в Кремль...

Да! Самым последним, 13-м, пунктом Постановления Совместного заседания, но, разумеется, далеко не последним по важности, был пункт, который гласил, что Маленкову, Берии и Хрущеву поручается привести в должный порядок документы и бумаги тов. Сталина, как действующие, так и архивные... Это означало то же, что пустить козла в огород!

Решение о коренных переменах во власти, состоявшееся 5 марта ещё до(!) смерти Сталина, газеты, исключив 13-й пункт, опубликуют только 7-го... так, словно новые назначения состоялись 6-го, то есть уже после смерти вождя. Так потом и будут писать. Так пишут и по сей день почти все исследователи мира. Хотя всё было сделано уже минимум 3 марта! Мало того, что 5 марта сменили всех руководителей на ведущих постах, но даже и на менее значимые места поставили новых надежных людей. Все было сделано так, будто Берия и Маленков специально хотели основательно нарушить все сложившиеся между руководителями личные связи, словно опасались организованного неподчинения их антисталинским решениям и... предполагали, что против них могут выступить единым фронтом!

До сих пор не ясно, кто именно(?) и почему(?) 3 марта 1953 года вначале поспешил назначить пленум ЦК на 4 марта, а затем вдруг предложил перенести его на 5-е? Быть может, испугнуло и насторожило наступавшее моментами (после 3 марта!) просветление сознания больного(?), что могло отодвинуть и даже сорвать официальное оформление власти между уже поделившими её лицами! Или, может быть, Берия боялся, что на Сталина не подействуют его лабораторные препараты и лечебные разработки, как когда-то, если верить убийцам, не подействовал даже сильнейший яд на «святого старца» Григория Распутина? Недаром вспоминают, что при каждой возможности возвращения Сталина в сознание Берия бросался к нему со словами «Отец родной...» и начинал судорожно и трусливо целовать ему руки. Однако, как только вновь

наступало у него полное забытие, выражение лица мастера тайных дел обретало своё обычное жуткое выражение.

К сожалению, ответа на вопрос «Когда созрело решение о Совместном заседании Пленума ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР?» имеющиеся у меня документы не дают. Хотя из них ясно, что где-то точно существуют (!) до сих пор засекреченные протоколы, отражающие полную картину принятия решений на Бюро Президиума ЦК КПСС 3 марта 1953 года.

Кстати, когда в июне 57-го на пленуме разоблачали «антипартийную группу», министр МВД Дудоров объявил, что *«во время ареста Суханова (помощника Маленкова) в его сейфе был обнаружен написанный рукой Маленкова состав правительства, который он определил вместе с Берия ещё до того, как приближённые Сталина на его даче принялись делить портфели»*.

Признаки переворота

Итак, налицо главные признаки государственного переворота. (Представить их в виде выводов совершенно справедливо предложил мне бывший редактор международного отдела «Комсомольской правды» Е. Умеренков.)

1) В целях захвата власти и одновременно спасения Берией себя от ареста отчётливо наблюдается, если не организованное убийство Сталина, то, по крайней мере, явное содействие его смерти. *В день своего пленения 26 июня 1953 года Берия на Президиуме ЦК признался, что в последние месяцы стал серьёзно опасаться, что Сталин его арестует и расстреляет. Об этом свидетельствует речь Микояна на июльском пленуме ЦК 1953 года:*

«... товарищ Сталин в последнее время не доверял Берия. Берия вынужден был признать на последнем для него заседании Президиума ЦК, что товарищ Сталин ему не доверял, что мингрельское дело создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берия, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел».

2) Происходит решительная, но совершенно секретная критика партийного и государственного устройства созданной Сталиным системы управления страной. Причем, делается это в те дни, когда медленно, но неотвратимо надвигается смерть Сталина.

3) В открытую осуществляется отмена политического, экономического и идеологического сталинского курса, как в теории, так и на практике с поворотом в сторону социал-демократических пе-

ремен, предполагающих отказ от пути, указанного Сталиным в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», и переход ко всем формам собственности. Как Ленин в Октябре призвал большевиков немедленно захватывать банки, почту, телеграф и другие механизмы государственной власти, так и Берия в паре с Маленковым мгновенно взяли под сугубо свой контроль все основные и даже мало-мальски значимые учреждения, за 25 минут(!) реорганизовав все важнейшие министерства и ведомства и заменив в них своими людьми ведущих министров, а также президента страны — Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

4) Во внешней политике обозначился курс Берии — отказаться от навязывания социализма другим странам, например, ГДР и Югославии. Более того, Берией при попустительстве Маленкова был поставлен вопрос о согласии на объединение двух Германий. Провозглашался переход от политики «холодной войны» к нормам мирного сосуществования и т. д.

Как Берия и Маленков (при молчаливом согласии Хрущева, Булганина, опальных Молотова, Микояна, Кагановича, Ворошилова и остальных) дошли до жизни такой, чтобы пойти на государственный переворот, убив(?) того, кто их породил, особый разговор.

Глава 14

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА

Как соратники Сталина стали его врагами

Хозяин Советской Империи

Сталин Иосиф Виссарионович (1879 – 1953). Настоящая фамилия – Джугашвили. Есть исследования Михаила Вайскопфа, в которых он переводит ее как производное от слов с понятиями: стая, стадо, община, общество. С ним категорически не согласны специализирующиеся на расследованиях журналисты Евгений Крутиков из Москвы и Алан Качмазов из Осетии. Они считают, что фамилия Джугашвили могла пойти от корней «джуга», «дзуга» или даже «дзуц», что по-осетински означает «еврей». Между тем известно, что просто так прозвища и фамилии не даются.

Начинал Сталин как религиозный певец, поэт и художник, но стал марксистом-материалистом. В партии с 1898 года. Во власти с 1917-го. Генеральный секретарь ЦК КП(б) с 1922-го. Председатель Совнаркома и Совмина СССР с 1941 по 1953. Генералиссимус с 1945-го. Разносторонний, образованнейший человек XX века. Учёный. И в то же время – величайший и своенравный диктатор всех времен и народов. Его могущество было сравнимо с могуществом Бога на земле. И поэтому, когда его не стало, планета, – как писал испанский гений Пабло Неруда, – содрогнулась, будто умер Бог... При нем Россия (по влиянию) впервые стала первой державой мира.

Один из сталинских парадоксов – отмена смертной казни 26 мая 1947 года – был как подарок в ознаменование чёрного юбилея «расстрелянного 37-го года». Но как он дал его, так и забрал: 12 января 1950-го высшая мера наказания была восстановлена.

Ещё при жизни Сталина началась мифологизация его жизни и... смерти. Примерами тому (впрочем, их можно собрать сотни, если не тысячи) – два рассказа двух разных писателей А. Фадеева и Э. Радзинского. Эти рассказы существуют уже на уровне мифов.

Фадеев: *«После ликвидации РАППа я подчинился решению партии. Авербах был против. А тогда считали, если расходятся идейно,*

должны прервать личные отношения. Хотя до этого мы дружили. Меня вдруг приглашает на дачу Ягода, женатый на сестре Авербаха. Мне сказали: будет товарищ Сталин. И Авербах будет. Я не хотел, но приехал. Стоят в саду Ягода, Авербах, Сталин. Сталин говорит: «Ну, зачем вы поссорились? Помиритесь». Авербах протягивает мне руку. Я пожал руку. Сталин говорит: «А теперь поцелуйтесь». Что нам было делать? Мы поцеловались. Тогда Сталин махнул рукой и сказал: «Слабый ты человек, Фадеев». Я, не помня себя, выбрался из сада. Перескочил забор и ушёл пешком в Москву».

Радзинский: «Фотокопия выписки из метрической книги Горийского Успенского собора о рождении Иосифа Джугашвили... «1878 год. Родился 6 декабря (по ст. ст., — НАД.), крестился 17-го...» Итак, он родился на целый год и три дня раньше официальной даты своего рождения... Столько лет отмечать ложную дату? Но это не ошибка. В архиве находится свидетельство об окончании маленьким Иосифом Джугашвили Горийского духовного училища. И тоже: «Родился в шестой день месяца декабря 1878 года». Сохранилась анкета, которую он сам заполнил в 1920 году. И там он собственноручно написал — 1878-й! Да, официальная дата его рождения вымышленна! Но когда? Зачем?»

На первый вопрос ответить просто: вымышленная дата рождения появляется сразу после официального возвышения Сталина. Уже в декабре 1922 года секретарь Сталина Товстуха заполняет за него новую анкету, где проставляет измененный год его рождения — 1879-й. И новое число — 21 декабря. С тех пор Сталин избегает сам заполнять анкеты. За него их заполняют секретари. Они своей рукой ставят вымышленную дату. Он, как всегда, ни при чём. Ложная дата рождения становится официальной. Но — зачем?

На второй вопрос — до сих пор нет ответа! С тайны началась его жизнь и тайной закончилась...»

Сталин и власть

И Бог несчастен, если он один

Сталин знал, что власть развращает людей, а абсолютная власть развращает их абсолютно. И тем не менее он создал систему абсолютной власти...

Видя, как власть портит людей, он всё время заменял их новыми. Но и они вскорости становились такими же, как те, что были

до них. Созданная им система власти каждый раз воспроизводила саму себя, делая каждый раз и переделывая людей в таких функционеров, которые бы действовали только в соответствии с заведёнными в ней порядками. И если кто-то выбивался из общего строя и начинал или пытался действовать по-своему, того система безжалостно, беспощадно и без исключений обламывала, ломала, а то и уничтожала вовсе, осуществляя таким образом естественный отбор себе подобных внутри себя.

Так, после войны, наступило время очередной попытки Сталина укомплектовать власть новыми, по-настоящему порядочными и стойкими, людьми, не меня самой системы власти. Странно, что Сталин, как мало кто в мире, понимавший невозможность и несостоятельность такого подхода, тем не менее раз за разом и в который уже раз пытался решить вопрос именно таким способом вместо того, чтобы попытаться изменить саму систему.

Впрочем, скорее всего, он понимал всё это, но выстроенная им система, как это бывает чаще всего, оказалась сильнее своего создателя. И он стал её заложником, ибо, как он сам любил повторять, обстоятельства, которые выстраивают люди и в которых они сами тоже живут, всегда сильнее намерений людей.

...Видимо, для больших коренных перемен не только умственные и физические силы Сталина были уже не те, но и преклонный возраст уже не оставлял времени, чтобы основательно разрушить старое и создать что-то новое, которое бы было лучше старого.

Поэтому вождь был обречён на... самоубийство системой, которую сам же так тщательно и добросовестно создавал. Своими намерениями избавиться от коварного Берии и своего уже ненадежного старого окружения Сталин фактически приговорил себя к насильственной смерти руками своих бывших соратников, ибо в тех заговорил инстинкт самосохранения. Сталин сам окружил себя такими людьми. И это было равносильно самоубийству Сталина.

Говорят, Сталин был болезненно подозрительным человеком. Признаюсь, и я склонялся к этому общепринятому мнению, пока в архивах не узнал о той (чаще всего достоверной) информации, которую получал Сталин. Посмотрел бы я на любого из нас, каким бы неподозрительным он стал, если бы тоже имел возможность узнавать нечто подобное тому, что сообщалось Сталину.

Хроника зарождения переворота

«Освободить от занимаемой должности». Эта формулировка после войны, пожалуй, как никогда часто приходила в голову Сталина. 1946 – 1948 гг. были годами, кажется, никем не ожидаемой перетряски среди политиков, военных и хозяйственников, одержавших невиданную победу. Но примерно с мая 1946-го министра МГБ Меркулова Сталин заменит Абакумовым, а на место наркома НКВД Берии, «освобожденного от занимаемой должности» 29 декабря 1945 г., поставит Круглова. Берия лишается непосредственной власти над органами, но разными правдами и неправдами еще не 1 год продолжает их опекать. И все-таки (после отстранения Берии и Меркулова людьми Жданова) начинается чистка силовых министерств без Берии, а значит во многом и... против Берии. Кстати, большинство, справедливо проклиная Берию, считают, между прочим, его виновным и в репрессиях 37-го года. Но разве так можно, если наркомом НКВД он был с ноября 1938-го по декабрь 1945-го?!

Жукова в марте 1946 года отзывают с поста Главнокомандующего группой советских войск и главы советской администрации в Германии и назначают Главкомом сухопутных войск, а в июне, освободив от обязанностей замминистра обороны, отправляют командовать Одесским Военным округом. В феврале 48-го задвигают еще дальше, направив командующим в Уральский Военный округ. За год до этого, в феврале 47-го, выводят из состава кандидатов в члены ЦК и вернут кандидатство только на XIX съезде в 1952 году.

В эти же годы опала распространяется и на маршала Рокоссовского, которого Сталин отсылает командовать Войском Польским. Впрочем, это могло быть не понижением, а политическим ходом Сталина в целях удержания позиций в вечно недовольной Польше.

В мае 46-го Маленков освобождается от обязанностей секретаря ЦК по кадрам и, по слухам, почти на 2 года отправляется куда-то в Среднюю Азию. *(В действительности же, по словам сына Маленкова Андрея, отца «удаляют из секретарей ЦК, некоторое время он находится под домашним арестом, а потом Сталин решает послать его на хлебозаготовки в Сибирь /1946 год был голодный год, и вопрос о сборе урожая стоял необычайно остро/. Отец пока остается в должности зампреда Совета Ми-*

нистров, но до конца 1947 года он устранен от работы в ЦК. Вторым человеком в партии становится А.А. Жданов... <...> в июле 1948 года отец вновь становится секретарем ЦК и возглавляет Оргбюро», то есть «быстро восстанавливает свои позиции в партийной иерархии». К этим словам сына Маленкова историк Ю.Н. Жуков вносит следующие поправки и дополнения: «Маленков 2 августа 1946 г. был возвращен из трехмесячной опалы, его утвердили заместителем председателя СМ СССР, членом Бюро СМ... Тем самым вернув его на вершину власти, но серьезно сузив полномочия...») Его влияние полностью достается Жданову, а его пост в ЦК занимает А.А. Кузнецов. К делу подключаются новые люди: Пономаренко из Белоруссии и Патоличев из Челябинска. Вознесенский в конце февраля 47-го избирается членом Политбюро. Таким образом, на главные позиции выходят люди Жданова (Кузнецов, Вознесенский и другие), которые в центре и на местах теснят группировку Берии и Маленкова. Начинается (поистине не на жизнь, а на смерть) непримиримая борьба за власть между двумя этими силами.

Окончательно возвращается из опалы Маленков с 1-го по 10-е июля 1948 г. В это лето борьба за власть обостряется до предела. Но в июле-августе из-за болезни сердца выходит из строя Жданов – наиболее реальный, как считалось, преемник Сталина на высшие посты в партии и государстве. На время болезни его заменяет Маленков. 31 августа Жданов внезапно умирает... Сразу после этой «странной смерти» обозначается и назревает новая развязка. В феврале-марте 1949 года Кузнецов, Вознесенский и их люди лишаются власти. Против них начинается так называемое «ленинградское дело». Органы госбезопасности под руководством Абакумова приступают к расследованию заговора(?), в котором якобы замешаны десятки партийных и государственных деятелей в Ленинграде, продвинутых на посты людьми Жданова. (В их числе и будущий Предсовмина СССР А.Н. Косыгин, чудом избежавший расправы...)

Схватка между Ждановым – Кузнецовым – Вознесенским и Берией – Маленковым – (и отчасти) Хрущевым заканчивается полной победой последних и расправой над первыми. Некоторые будут расстреляны уже в сентябре 1950 г. «После устранения Кузнецова пост начальника управления партийных кадров, – пишет сын Маленкова Андрей, – переходит к Хрущеву». (Подтверждения этим словам я не нашел. Дело в том, что в марте 1947 г. Хрущев,

совмещавший посты первого секретаря КП и Председателя СМ Украины, остался только Председателем СМ, а на место 1-го секретаря в Киев прислали Л. Кагановича. Но 15 декабря 47 г. Кагановича вернули в Москву, и Хрущеву опять доверили совмещенные двух постов до тех пор, пока 13 декабря 1949 г. его не забрали в Москву секретарем ЦК ВКП/б/ и одновременно 1-м секретарем объединенных МК-МГК. Был ли Хрущев при таком раскладе ролей еще и начальником управления партийных кадров — остается вопросом?!)

Министры без портфелей. В марте 1949 года Молотова в МИДе заменили Вышинским, Булганина в Военном министерстве — Василевским, а Микояна во «Внешторге» — Михаилом Меньшиковым. Все трое при этом были оставлены замами Предсовмина СССР. Начатые в разное время гонения против «старой гвардии» окончательно проявляются после XIX съезда осенью 1952 года. Молотов, Микоян, а также в разной степени Ворошилов и Каганович попадают в опалу. Одновременно выдвигается так называемая «грешная троица», то есть Берия, Маленков и Хрущев. *(К ним время от времени примыкает Булганин. Однако его «нахождение в тени» — это плод заблуждения многих историков. На самом деле его роль с марта 1949 г. по 7 апреля 1950 г. вырастает до 1-го заместителя Председателя Совета Министров СССР, то есть на долгое время Булганин оказывается единственным заместителем Сталина и курирует весь военно-промышленный комплекс за исключением атомного Спецкомитета Берии.)*

Сперва указанная «троица» убрала своих конкурентов в лице так называемых «ждановцев» или «ленинградцев» (Жданов, Кузнецов, Вознесенский и пр.), а потом и самого Сталина, вероятно, довольно опрометчиво назвавшего своими преемниками Вознесенского и Кузнецова, но никак не Берию и Маленкова. Между тем ни те, ни другие не могли бы ужиться даже при Сталине, не говоря уже о том, чтобы они сосуществовали без Сталина. (Кстати, на фото последних лет Берия и Маленков почти всегда рядом. И это символично, а не простая случайность!)

Перемены в тогдашнем руководстве впервые достаточно подробно, хотя (во многом из-за нехватки документов) и не всегда доказательно описал историк Ю.Н. Жуков в книге «Сталин: тайны власти». И я не могу не сказать ему спасибо, потому что он значительно сократил ту черновую работу, которую, в противном

случае, мне пришлось бы проделать самому, а это, — если не хватает времени, — просто беда!

«Культ был, но и личность была». Так ответил Шолохов на вопрос о культе личности Сталина. Точнее не скажешь. Между тем в связи с культом личности Сталина наблюдались крупные недостатки. Коллективность руководства не соблюдалась. (И это, даже при потрясающем умении Сталина объять необъятное, все чаще начинало сказываться на развитии страны. Ведь вождь старел, и способности его угасали.) 13 с лишним лет не собирались съезды партии. Деятельность ЦК как коллективного органа руководства была нарушена — пленумы созывались редко и нерегулярно: после февральского пленума 1947 года следующий состоялся только в августе 52-го. Вопросы решались, в лучшем случае, голосованием путем опроса по заранее заготовленным и разосланным членам ЦК постановлениям. Заседания Политбюро почти не собирались. Многие решения принимались Сталиным в очень узком кругу так называемых «соратников». Этот круг (прежде всего в лице Сталина, Маленкова, Берии, Хрущева и Булганина) в октябре 1952 года оформился в БЮРО, выделенное Сталиным в обход Устава КПСС из Президиума ЦК. (Так стало называться после XIX съезда Политбюро.) В новое БЮРО не вошли, словно уже списанные со счетов, Молотов и Микоян, оставленные тем не менее в увеличенном примерно вдвое по сравнению со старым Политбюро Президиуме ЦК.

Вот как об этом пишет Волкогонов: *«Сталин предложил (конечно, в старом Политбюро все сразу согласились) увеличить состав Президиума до 25 человек и 11 кандидатов. Состав секретарей был расширен до 10 человек. Таким образом, он сразу «растворил» своих старых соратников среди новых функционеров, на которых хотел делать ставку в будущем».*

Да. Это был промежуточный шаг Сталина к полному (быть может, даже физическому) устранению «стариков» из власти. Объявлять на XIX съезде о своем недоверии к ним Сталин не стал. Напротив, предложил по-прежнему включить их в состав членов ЦК и Президиума. Недоверие он выразит позже (в малочисленном и полностью контролируемом кругу членов ЦК) на последовавшем за съездом пленуме. Резко выступив против Молотова и Микояна, оставит их в конце концов лишь формальными членами Президиума ЦК, почти лишенными права принимать решения. Зато таким правом будут наделены члены Президиума, введенные

Сталиным в состав внеуставного БЮРО. То есть продолжится линия марта 49-го на оставление Молотова и Микояна во власти... без власти! О них распространятся нехорошие слухи. Например, подозрительные намеки, дескать, странно, как это в годы английской оккупации Баку 26 бакинских комиссаров казнили, а комиссар Микоян выжил?

Эта, как считают, последняя публичная речь Сталина до сих пор засекречена (или не стенографировалась?), но вот что о ней известно из слов Маленкова на июльском пленуме ЦК 53-го года, посвященном разоблачению и аресту Берии: *«Я обязан сказать, и таково наше единодушное мнение, что в выступлении И.В. Сталина на Пленуме ЦК после XIX съезда партии, под влиянием клеветнических наветов со стороны вражеских элементов из МВД, была дана неправильная ошибочная характеристика т. В.М. Молотову, которого партия и страна знают десятки лет как верного и преданного борца за коммунизм, как виднейшего деятеля партии и Советского государства. (Бурные аплодисменты.) Также неправильным мы считаем и замечания, сделанные на том же Пленуме в адрес т. Микояна с обвинением его в нечестности перед партией».*

Эти слова Маленкова подтверждает в разговоре с Чуевым и Шепилов: *«Нарастало прямое уже проявление неприязни Сталина к Молотову, которое вылилось в этой истории на XIX съезде, когда Сталин... сказал, что Молотов пресмыкается перед американским империализмом... Трех тогда назвал — Микоян, Ворошилов и Молотов. Все мы тогда поняли, что судьба их решена».*

Западный историк Алан Буллок считает: *«Эти шаги были всеми восприняты как подготовка к чистке, имеющей целью заменить старую гвардию новыми людьми, которые ничего не знали о более ранней истории партии и, не задавая вопросов, будут поддерживать сталинские пожелания. Подтверждением тому служила предпринятая Сталиным на Пленуме открытая атака на Молотова и Микояна за трусость и капитуляцию во время его отпуска. Он заявил, что они действовали как агенты определенных западных правительств».*

«...» Неожиданно Сталин попросил Пленум принять его отставку... сославшись на возраст и неверность Молотова, Микояна и еще нескольких человек. Всерьез было это сделано или нет, но Пленум отказал и просил его остаться».

Буллок делает ряд во многом небезосновательных предположений и о предыдущих шагах вождя.

1) «... что бы ни было истинной причиной смерти Жданова... накануне смерти он уже впал в немилость. Возможно, Сталин почувствовал, что тот становится слишком сильным, и пришло время произвести перестановку сил... А может быть, Жданов сделал промах, и пришло время менять политику — или и то, и другое. Верным признаком было возвращение Маленкова, как раз за месяц (точнее, за два месяца, — НАД.) до смерти Жданова, в Секретариат ЦК (членом Политбюро он оставался все это время).

<...> Как говорят, возвращением он был обязан Берии, и они оставались близкими друзьями до самой смерти Сталина».

2) «Следуя обычаям всех тираний, начиная с греческих времен, за падением фаворита всегда следовало изгнание его вассалов. Заняв место Жданова на посту главы... Секретариата ЦК, Маленков избавился от трех других секретарей, которых привел с собой Жданов — Кузнецова, Попова, Патолочева — и заменил 35 из 58 первых секретарей обкомов в РСФСР».

3) «Так как те, кто сменил в 1949 году Молотова, Микояна и Булганина, были людьми меньшего калибра... можно... прийти к выводу, что этот шаг усилил позиции Маленкова и Берии, особенно повышало их шансы удаление Молотова, которого многие считали заместителем Сталина. Они были самыми молодыми из возможных претендентов занять место Сталина, когда придёт на то время.

<...> Какую роль сыграли, если вообще сыграли, Маленков и Берия в подготовке акции против Молотова и Микояна никто не знает. Мог это сделать только Сталин, но его могли убедить сделать это».

Новый этап репрессий. 20.11.1948 за попытки самостоятельной политической, государственной, общественной и международной деятельности распускается ЕАК (Еврейский Антифашистский комитет), а в начале 49-го начинается кампания против «безродных космополитов», которая во многом перерастает в «дело ЕАК». В прессе рядом с псевдонимами начинают указывать настоящие фамилии граждан и в первую очередь граждан еврейского происхождения. В результате в июле 1952-го прозападные активисты еврейского движения в СССР попадают под суд и... расстрел.

«Дело безродных космополитов» на этом не кончается, а незаметно перетекает в преследование так называемых «убийц в белых халатах»... преимущественно из числа граждан еврейской национальности. Налицо, как иронизирует Радзинский, «идея

разветвленного еврейского заговора, использующего в своих целях людей самой гуманной профессии в мире». В первую очередь под подозрением оказываются врачи из Кремлевской больницы, обвиненные в умерщвлении ряда ответственных партийных и государственных работников.

13 января 53-го объявляется о раскрытии «заговора врачей-вредителей». Поводом к открытию «дела» служат аресты и допросы врачей из «кремлевки» в сентябре 1952 года. Судебный процесс намечается на март 53-го.

Ползут слухи, что в связи с происками еврейского населения в последние 5 лет с 1 по 5 марта 1953 года планируется (как это уже было с народами Кавказа и немцами Поволжья) высылка евреев из Москвы и других крупных городов в необжитые районы Сибири и Средней Азии. (То есть — к черту на кулички вместо надежд евреев на разрешение Сталина образовать свою республику в Крыму взамен выселенных оттуда крымских татар...) Поговаривают, что уже были готовы даже лагеря на необходимое количество мест. Все это категорически опровергает Лазарь Каганович, входивший тогда в самую верхушку власти. Однако, как мне уже приходилось подтверждать документами, даже удивительная память 97-летнего Кагановича в последние годы его жизни не всегда соответствовала тому, что было. Вполне вероятно, что и по этому вопросу он помнил не все... (Кстати, друживший с ним Чуев, бывший неофициальным секретарем Молотова, говорил мне: «Я не видел более преданного Сталину человека, чем Каганович. Его преданность превосходила даже верность Сталину Молотова».) Между тем есть люди, которые склоняются к тому, что именно эти долгие и пугающие антисемитские слухи привели отчаявшихся евреев к отравлению Сталина. И уж точно, в полной мере, воспользовался ими Берия...

Дело неместного значения. Осенью 1951 — весной 52-го года МГБ Грузии якобы при прямой поддержке назначенного в октябре 51-го года Сталиным замминистра ГБ СССР Рюмина заводит «мингрельское дело» как бы местного (грузинского) значения. «Дело», однако, направлено прежде всего против ставленников Берии, то есть против выходцев из Мингрелии, связанных, согласно разведанным, с Парижским центром грузинской эмиграции, которая добивалась (и добилась-таки уже в наши дни) отделения Грузии от Союза. Отношение Сталина к

Берии резко меняется. От прямого влияния на органы он был отстранен еще раньше. Начинаются аресты его ставленников. Сталин тайно запрашивает материалы о Берии и его «личное дело». В этом «деле» обнаруживаются весьма сомнительные места, да к тому же (по матери?) Берия оказывается мингрельским евреем... Назначенному вместо Абакумова министру госбезопасности С.Д. Игнатьеву поручается распутать этот клубок, в который заодно с «мингрельским делом» завязываются «дело безродных космополитов» и «дело врачей».

В связи с этим сын Маленкова Андрей приводит якобы отцовскую, но в чем-то сомнительную версию: *«В борьбе с Маленковым Берия не мог рассчитывать на поддержку Сталина. Поэтому он решает создать почву для устранения их обоих. С этой целью он раздувает «дело врачей»... Расчет был прост: обвинение кремлевских медиков в умышленно неправильном лечении и отравлении представителей высшей власти; можно безопасно убрать и Маленкова, и Сталина, используя «медицинские методы». Ведь после «дела врачей» легко будет свалить вину за эти убийства на обвиненных ранее и уже разоблаченных «бдительным» Берией врачей.*

Отец, как я знаю, сразу же понял смысл этой кампании, но для подозрительного Сталина необходимы были конкретные доказательства... И уже через месяц Игнатьев докладывает отцу, что у него есть данные, раскрывающие истинный замысел «дела врачей». Маленков и Игнатьев докладывают эти данные Сталину, и тот произносит не оставляющую сомнений фразу: «В этом деле ищите Большого Мингрела (то есть Берию, — НАД.)».

По данным Радзинского и В. Карпова, эти слова были сказаны еще Абакумову. Другие исследователи, тот же Буллок, ссылаются на речь Хрущева в 1956 году, в которой говорится, что Сталин сказал Игнатьеву: *«Если не получите от врачей признаний, мы вас укоротим на голову».*

Кстати, Абакумов, по словам Хрущева, прежде чем докладывать что-то Сталину, обычно ставил в известность Берию. И только получив от него согласие, докладывал вождю. Поэтому назначением Игнатьева вместо пробериевского министра МГБ Абакумова Сталин пытался отстранить Берию от участия в делах органов госбезопасности, проводя одновременно аресты его ставленников. Однако все силовые структуры были настолько сверху донизу укреплены людьми Берии, что серьезно ослабить его влияние вряд ли удалось. Чтобы это сделать, надо было уничтожить

самого Берия, являвшегося как бы позвоночником, на котором держались голова и все ребра тогдашней советской репрессивной системы. Показательны на этот счет слова Кагановича на июльском 53-го года пленуме ЦК: *«Берия нам, группе людей, говорил: Сталин не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание...»*

Таким образом, что не получилось в расчете на Кузнецова, то не могло получиться и с помощью Игнатьева. Вероятно, Сталин так и не понял, насколько далеко зашло дело с Берией.

...Расследование «дела Большого Мингрела» всё больше касалось самых близких Берии людей. Вот-вот и сам Берия должен был оказаться «под колпаком» у Сталина. Однако... Через 4 месяца после смерти вождя на пленуме ЦК Микоян скажет уже знакомые слова: *«Берия вынужден был признать... что товарищ Сталин ему не доверял, что «мингрельское дело» создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берия, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел».*

Смерть Жданова и жизнь Сталина. Смерть Жданова была кому-то очень нужна! По Волкогонову, *«электрокардиограмму Жданова просто подменили».* Значит, его «убрали» так же, как, скажем, Димитрова, Щербакова или Куйбышева? Залечили(?), *«скрыв имевшийся у него инфаркт. Позволили ходить, работать и быстро довели до ручки...»*

На этот счет у Радзинского есть следующие строки: *«Еще в 1948 году заведующая электрокардиографическим кабинетом Кремлевской больницы Лидия Тимашук подала заявление: врачи неправильно лечат Жданова».*

Вопрос о смертельном заболевании(?) Жданова важен не только сам по себе, но еще и потому, что прямо связан с профессором В.Н. Виноградовым, который участвовал в крайне неудачном лечении Жданова, а потом (гораздо позже, то есть в разгар антисемитской кампании), обследуя самого Сталина (он был у него главным лечащим врачом), якобы посоветовал вождю уйти на покой... И это, говорят, насторожило Сталина. Было похоже, что от него хотят избавиться под благовидным предлогом. Виноградова арестовали. Сталин помнил о тех, связанных со смертью Жданова, неясных обстоятельствах!

... 27 августа Жданов почувствовал себя плохо, но консилиум, куда входил и Виноградов, ничего существенного не нашел и про-

должил прежнее лечение. «Светила кремлевки» проигнорировали диагноз простого врача Л.Ф. Тимашук, определившей по кардиограмме инфаркт миокарда. Более того, заставили ее переписать свое заключение, а собственный курс лечения не изменили, не отказались и от массажа конечностей. 31 августа Жданов скончался.

Вскрытие показало, что у него уже были инфаркты, не отмеченные в истории болезни. (Кстати, и в медицинском заключении о смерти, составленном при участии Виноградова и распространенном через газеты, об этом тоже ничего не говорилось!) Однако Тимашук тогда не сдалась и в открытую обвинила «кремлевских профессоров» в недобросовестном лечении. В итоге уже 7 сентября 1948 года «слишком самостоятельного кардиолога» уволили. Кстати, 27 марта 1953 года (уже после смерти Сталина и накануне прекращения «дела врачей») Виноградов напишет Берии: *«Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карней, было с нашей стороны ошибкой».*

Эта версия исследователя Г. Костырченко повторяется В. Кардашовым и С. Семановым. Согласно ей Сталин стал подозревать, что «заговор врачей» подстроен Берией, против которого он уже готовил свои меры. Сопоставляя странное «виноградовское лечение» Жданова и медзаключение Виноградова в свой адрес, Сталин не мог не размышлять: почему тогда, в 1948-м, всегда такой бдительный Берия не проявил должного внимания к обвинительному заявлению Тимашук?! Правда, ему сообщали, дескать, такая уж у нее работа: она ведь еще и агент МГБ... Впрочем, кто тогда не был агентом?

Все это только ускорило развязку в противостоянии «Сталин — Берия», когда Берия начинал бояться Сталина, а Сталин начал бояться Берию...

Неразбериха в делах госбезопасности и атмосфера страха, сложившаяся к тем дням, были настолько гнетущими и всеобщими, что основательно затронули даже тех, кто привел общество в такое состояние. Даже Берия и Сталин (не без участия Маленкова) в декабре 1952 года вынуждены были провести через ЦК следующую директиву: *«Считать важнейшей и неотложной задачей партии... осуществление контроля за работой Министерства госбезопасности. Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов госбезопасности и поставить их работу в*

центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии...»

Историки и по сей день не могут разобраться, кто и кого хотел убрать с помощью «дела врачей» и Маленкова: то ли Берия — Сталина, то ли сам Сталин — Берия??? А может, было и то, и другое? Вопросы. Вопросы. Вопросы. И нет пока однозначных ответов. Потому что и по сей день, через 55 лет, продолжают оставаться совершенно секретными многие, и без того переполовиненные и искаженные «царскими свитами», архивы.

...После ареста Абакумова Берия не мог не понять, что следующим будет он!!!

Подозрительная полоса совпадений. Незадолго до кончины Сталина обозначилась целая череда подозрительных увольнений, арестов и смертей вокруг вождя. Подобная череда «недоразумений» предшествовала смерти Жданова и последовавшим за ней преследованиям его сторонников в лице Кузнецова, Вознесенского и других.

Из окружения Сталина (менее чем за год) устраняются самые преданные и проверенные временем сталинские люди. И вот что примечательно: не утратив главного — верности вождю, все действительно в чем-то проштрафились! А кто без греха?!

1) «Вечный секретарь» и надзиратель за исполнением указаний Сталина А.Н. Поскребышев отстранен от дел за пять дней(?) до смерти вождя. По слухам, за «утечку информации».

2) Около 30 лет служивший Хозяину телохранитель, а потом и начальник его охраны генерал-лейтенант Н.С. Власик где-то в апреле 52-го попался на использовании казенного счета в качестве личного... Вместе с подчиненными злоупотреблял он икрой и балыками, списываемыми на расходы госдач; да еще забыл, дескать, своевременно передать Сталину якобы найденную где-то в его апартаментах секретную бумагу. «*Что же касается мотива его ареста, то, — как предполагает К. Столяров, — он прямо связан с делом врачей-убийц: Власика сочли изменником Родины за то, что он, оказывается, не отреагировал на донос агента МГБ Лидии Тимашук, еще в августе 1948 года просигналившей о злодейском умерщвлении секретаря ЦК ВКП(б) Жданова*». Арестован 15 декабря 1952 года.

3) Охрана и служба Ближней дачи, на которой последние годы жил Сталин, как на беду, по неведомо кем установленным прави-

лам комплектовалась стараниями Берии. Сталину оставалось только выбирать из тех, кого предлагал «самый верный слуга». Эти «свои люди» Берии держали вождя в постоянном напряжении.

4) 15.02.1953 г. внезапно умирает генерал П. Косынкин. И коммандатура Кремля остается без одного из надежнейших руководителей, которому было немногим более 50-ти...

5) Осенью 52-го года арестовывается личный доктор Сталина Виноградов. Другие арестованные эскулапы в той или иной мере признаются в своих «медтераках». Арестован даже начальник Лечсанупра Кремля Егоров, а министр здравоохранения Смирнов заменен Третьяковым. Подогреваемый слухами о неблагонадежности врачей Сталин вообще отказывается от медицинских услуг и переходит, как пишет дочь, на самолечение!!! Вот до чего дошло «дело»...

6) И наконец, быть может, самое важное то, что закрываются двери для старых и верных боевых друзей – для Молотова, Ворошилова и Кагановича. Зато, будто играя с огнем, Сталин распахивает ворота для сомнительных личностей: Маленков, Хрущев, Булганин и, конечно, Берия становятся чуть ли не единственными заведующими в доме вождя. Так считает большинство историков!

...После похорон Сталина начинается еще более черная и подозрительная полоса: обслуживающий персонал буквально разгоняется в разные стороны – кого-то отправляют подальше от Москвы, кто-то умирает своей(?) смертью, а кто-то кончает самоубийством. Открывается новая страница советской истории.

Неутешительные выводы

Неутешительные – для Сталина. После войны с Гитлером Сталин начал новую войну... сразу против всех, точнее – против главных людей из своего окружения, видимо, забыв, что мало кто в истории побеждал, воюя на два фронта. А тут – сразу на несколько...

Борьба за власть под конец его жизни крайне обостряется. Более молодые «соратники» не могли не думать о том, что 73-летний хозяин страны в самые ближайшие годы будет уже не в состоянии управлять государством, и наступит (в лучшем случае!) естественная его замена. А в худшем? На этот счет, конечно, у каждого из «соратников» было свое мнение, которое, однако, в главном поразительно совпадало с общим, а именно: все (по прошлому

опыту!) знали, что недовольство Сталина просчетами и проступками «соратников» неминуемо приводило к их замене и даже к истреблению.

К началу 1953 года почти все наиболее видные руководители в той или иной мере стояли перед проблемой политического, а кое-кто и физического выживания... Меркулов провалил работу органов госбезопасности и скрыл это. Жуков мало того, что скомпрометировал себя наполеоновскими замашками и аполитичными заявлениями, так еще и нажился на небескорыстном покровительстве мародерства своих генералов в побежденной Германии. Маленков «погорел» из-за снабжения фронта недоброкачественными самолетами и из-за сомнительного поведения при расследовании «ленинградского дела»... Да к тому же подозрительно далеко зашел в отношениях с Берией, на котором вообще пробы ставить негде. Это же просто главный враг народа, который сделает врага из кого угодно... и прежде всего — из самых честных и по-настоящему преданных людей. От него всего можно ждать, причем — в любое время! Поэтому Берия был и с каждым днем становился все опаснее для Сталина. Молотов и Микоян попались на политической неблагонадежности. Ворошилов и Каганович просто потеряли доверие... да и не соответствовали уже во многом новым требованиям времени. Хрущева же Сталин вообще никогда не брал в серьезный расчет...

Поэтому Сталин в последние годы и особенно в последние месяцы, когда он готовил материалы и условия для ареста Берии, старался быть начеку. Однако и Берия, зная и понимая все не хуже Сталина, тоже готовился к этому самому решающему в своей жизни шагу. Приведенный инстинктом самосохранения в исключительное состояние, он отчетливо осознавал, что другого столь опасного и в то же время благоприятного стечения обстоятельств, в каких оказались все так называемые «сталинские соратники», больше не будет. Следовательно, необходимо действовать срочно, решительно и беспроигрышно. И Берия сделал этот шаг. О нем он скажет потом Молотову, стоя на первомайской трибуне Мавзолея, в котором уже безопасно будет покоиться тело второго вождя: *«Я его убрал. Я вас всех спас!»*

Таким образом, государственный переворот стал неизбежен!

(Что «натворил» каждый из так называемых «соратников» и тем самым утратил доверие вождя — тема особого исследования.)

Глава 15

ИМ БЫЛО ЗА ЧТО ОТВЕЧАТЬ

*За какие грехи Сталин преследовал своих соратников?
Израиль мог быть в Крыму!*

Действовавшие лица глазами знавших их людей

Самая большая опасность незеркального отображения происшедших событий в том, что они подобны разговорам, которые доносит до нас «испорченный телефон», когда случившееся, передаваясь от одного к другому, обрастая додумываниями и сплетнями, превращается в слухи, которые в конце концов преподносятся как неоспоримые факты истории. А если иметь в виду, что одно и то же разными людьми воспринимается и передается по-разному, то становится понятным, как далеки сложившиеся представления от действительно имевших место событий.

Вот что получается, если очистить так называемые «факты истории» от шелухи, возникшей из-за неоднозначности восприятия живых и грешных людей.

Сталин и Жуков

...Победивший маршал Георгий Жуков (1896 – 1974) отмечает Победу большими гуляньями и массовыми генеральскими застольями на широкую ногу в роскошных подмосковных усадьбах и в лучших домах «великой Германии», поверженной простыми советскими работягами, ставшими за время войны непревзойдёнными воинами. Порою все это очень походило на пир во время чумы: в России умирают от голода, а здесь – чего только нет?! Как говорил на следствии подсудимый и... муж самой популярной тогда певицы страны Лидии Руслановой командир казачьего корпуса генерал-лейтенант Владимир Крюков, *«в июне 1945, на следующий день после Парада Победы, Жуков устроил банкет на своей подмосковной даче. Русланова произнесла тост за верных жён, восхваляя жену Жукова, и преподнесла ей бриллиантовую брошь»,* присвоенную Руслановой в Германии.

«Вы оба раболепствовали перед Жуковым, зная его любовь к лест-ти. И вами было пущено выражение «Георгий Победоносец!» — скажет следователь. А незадолго до этого (установив, что «находчивый генерал» Крюков вывез из Германии 4 автомашины трофейных старинных ковров и гобеленов, множество антикварных сервизов, мебель, меха, картины) спросит: «Опускаясь всё ниже и ниже, вы превратились, по существу, в мародёра и грабителя. Можно ли считать, что таким же мародёром и грабителем был Жуков, который получал от вас подарки, зная их происхождение?» Крюков ответит: «Жукову... я отправил дорогие отрезы, ковры, посуду и много чего дру-гого...»

Кроме того, Крюков, ставший приятелем Жукова, сообщит: *«Жуков не раз называл себя спасителем Родины. В своём зазнайстве он дошёл до того, что стал противопоставлять себя Верховному главнокомандующему, бесстыдно заявляя, что заслуга в разгроме немцев принадлежит только ему, Жукову... К тому же он всегда относился враждебно к политаппарату и партии». Однако Верховный главнокомандующий ни тогда, ни позже не поддержал полностью эти обвинения. По воспоминаниям самого Жукова, «Сталин, выслушав предложение о моем аресте, сказал: «Нет, Жукова арестовать не дам. Я его хорошо знаю. Я его за 4 года войны узнал лучше, чем самого себя». И всё же 01.06.46 некоторые меры были приняты...*

Жуков: «Сталин спокойно меня выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и затем сказал: «А всё-таки вам, товарищ Жуков, придётся на некоторое время покинуть Москву». Так маршал-победитель оказался командующим Одесским Военным округом, а 02.02.48 был переведён руководить округом на Урале. В докумен-тах пленума ЦК от 21 — 26.02.47 за подписью «И. Ст.» я нашел на странице 2 в пункте 2 решение: «Вывести из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) как не обеспечившего выполнение обязанностей к. в чл. ЦК — Жукова Г.К.». Это решение было принято после предложения Жданова, который мотивировал его следующей речью: «Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального Комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный Комитет партии, мало подготовлен в партий-ном отношении. Я считаю, что в кандидатах ЦК Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков проявлял антипартийное отно-шение. Об этом известно членам ЦК, и, я думаю, будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК». Молотов, который

вёл это заседание пленума ЦК спросил присутствующих: *«Кто желает высказаться по этому поводу? Нет желающих. Голосую. Кто за принятие предложения тов. Жданова об исключении из состава кандидатов в члены ЦК Жукова, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет. Предложение об исключении Жукова... утверждено единогласно».*

Поразительно, но желающих высказаться «за» Жукова не нашлось. В газетах, напечатавших «Информационное сообщение о пленуме ЦК ВКП(б)», состоявшемся 21–26 февраля 1947 года об этом вообще не говорилось ни слова.

Подобные послевоенные перестановки в руководстве страны коснулись не одного Жукова. Много известных лиц распрощалось с насиженными местами, и, надо признать, за исключением редких случаев, было за что.

Сталин и Маленков

Немало «авиаподельников», по чьей вине в годы войны погибло на недоделанных самолётах много лётчиков, попало под суд, а главный организатор и вдохновитель их «трудовых побед» Георгий Маленков (1902 – 1988) 4 мая 1946 года из секретарей ЦК «загребел», по словам сына, «на хлебозаготовки в Сибирь»... Постановление пленума ЦК ВКП(б) звучало так: *«Опросом членов ЦК ВКП(б) от 4 – 6 мая 1946 года. Вопрос авиации и авиационной промышленности. Утвердить следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1946 г.:*

1) Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приёмке самолётов – над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приёмка небожорокачественных самолётов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).

2) Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б).

3) Утвердить секретарём ЦК ВКП(б) тов. Патолочева Н.С. СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б)».

Вторым человеком в партии становится Андрей Жданов.

По поручению Сталина (1946 – 1948) начинается разработка новой Конституции СССР. Так что появление её в 1977 году – это

не заслуга Брежнева, а всего лишь очень запоздавшее и во многом формальное осуществление грандиозных планов Сталина.

Идея построения коммунизма в СССР к 1980 году также принадлежала Сталину, а не Хрущёву, который, попугайничая, своей ненаучной Новой Программой КПСС в 1961 году превратил эту зародившуюся чуть ли не в дохристианские времена мечту человечества в обидное для советского народа всемирное посмешище. Первоначально этот коммунистический замысел, рассмотренный по предложению Сталина 15 июня 1947 года на Политбюро под названием «О проекте новой программы ВКП(б)», выглядел вполне выполнимым. В проекте говорилось: *«Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20 – 30 лет построить в СССР коммунистическое общество»*. Выработкой новой программы поручалось руководить Жданову.

После того, как Россия из бесконечной эпохи русской сохи за какие-то 15 лет вошла в число самых промышленно развитых стран мира, а еще через 20 – первой подняла космическую целину... такие планы не казались сказкой, которая никогда не сможет стать быльё. Иное дело, все ли хотели строительства коммунизма?

Соперничество Жданова и Маленкова закончилось неожиданной и плохо объяснимой смертью Жданова, которого Сталин уважал настолько, что рад был даже породниться, когда его дочь Светлана объявила, что выходит замуж за сына Жданова Юрия...

Сталин и Берия

Берия – это прежде всего его люди, которых он расставлял где только можно. Поэтому Берия (1899 – 1953) ощутит на себе особо осторожное отношение Сталина. Под видом острой необходимости сосредоточиться только на создании атомного оружия уже перед новым 1946 г. Берия освобождает от обязанностей наркома НКВД, а пять месяцев спустя отстраняет от другого карательного органа его ставленника – министра МГБ В.Н. Меркулова. Примерно с мая 1946-го по июль 51 года МГБ станет возглавлять В.С. Абакумов. Правда, за Берией останется, как утверждают многие историки, возможность (благодаря своему влиянию!) негласно курировать оба карательные ведомства. И это несмотря на то, что контроль за ними официально возложат (на какое-то время) на А.А. Кузнецова.

После ревизии дел в МГБ судьба тайного ока Берии Меркулова будет на многие годы предопределена следующей запиской Сталина: *«Членам ЦК ВКП(б). Из акта приёма и сдачи дел Министерства Госбезопасности устанавливается, что чекистская работа в Министерстве велась неудовлетворительно, что бывший министр Госбезопасности т. Меркулов скрывал от ЦеКа факты о крупнейших недочётах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств разведывательная работа Министерства оказалась проваленной.*

Ввиду этого Политбюро ЦК ставит на голосование членов ЦК вопрос о выводе т. Меркулова из состава членов ЦК ВКП(б) и о переводе его в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК И. Сталин».

Это предложение «Опросом членов ЦК ВКП(б) от 21 — 23 августа 1946 г.» было принято в виде решения пленума, без сбора членов ЦК.

Примечательно, что, если Меркулов тогда был членом ЦК, то Жуков даже в годы войны, то есть в годы максимальной расположенности к нему Сталина, был всего лишь кандидатом в члены ЦК, что на партийном языке означало: маршал Жуков — великий знаток военного искусства, но недостаточно зрелый политик. В этом через 10 лет, в 1957 году, убедился и сам Жуков, когда не позову совести, а из карьерных соображений подыграл Хрущёву в организации клеветы и подавления так называемой «антипартийной группы», а через 4 месяца сам был смещён тем же далеким от демократии хрущёвским способом, и потом всю жизнь раскаивался в содеянном в пользу Хрущёва...

После столь чувствительного понижения Меркулов становится и остается вплоть до ареста бериевцев в 1953 году министром Госконтроля СССР. Между прочим, этот кровавых дел мастер и человек Берии, по словам Хрущёва, пробовал себя ещё и в качестве писателя-драматурга. Не менее сомнительной личностью был и сменивший Меркулова Абакумов (1908 — 1954). В его судьбе тоже много непонятого. Чей он человек — Сталина или Берии? На этот счет много голосов, как «за», так и «против». Вот несколько фактов из этой разноголосицы.

Обладая какой-то очень важной изобличающей информацией, арестованный летом 1951-го Сталиным и «зашифрованный» под №15 Абакумов должен был обязательно оставаться живым до тех пор, пока не понадобится, чтобы разоблачить, кого надо, глядя тому прямо в глаза. А чтобы с №15 ничего не случилось, в тюрьме

для этого создали особые условия, которые подполковник ГБ Гришаев в рапорте 17.11.52 описывает так: *«Согласно распоряжению... №15 помещён в камеру №77 Бутырской тюрьмы... из шести камер, расположенных в конце коридора, где размещена камера №77, выведены все заключённые... В целях конспирации эта часть коридора отгорожена специальной портьерой. Удвери камеры выставлен круглосуточный пост из... проверенных надзирателей... Надзиратели предупреждены, что... №15 способен допустить любую провокацию и может прибегнуть к самоубийству. Поэтому за ним необходимо вести особо тщательное наблюдение... Также в целях конспирации принято решение прикрепить к... №15... умеющего держать язык за зубами врача... Согласно указания министра... №15 закован в наручники, которые будут сниматься только во время принятия пищи. Всё остальное время... №15 будет сидеть в наручниках, причём в дневное время с руками за спину, а в ночное время — с руками на животе. Материалы тюремного дела... №15, из которых можно догадаться о характере и содержании дела, переданы на хранение начальнику внутренней тюрьмы...»*

Это наброски портрета какой-то зловещей личности. Однако другие бывшие подчиненные Абакумова рисуют героический его портрет. У историка К. Столярова есть материалы, дающие право предполагать, что Абакумов в чем-то — очень порядочный и мужественный человек: он якобы даже под пытками никого не выдал и ничего не признал. Лично я отношусь к этому отчасти скептически, поскольку, узнав ряд самых главных документов о Берии и Маленкове, не могу оценивать преданность Абакумова этим двум заговорщикам положительно. Чтобы было ясно, о чем идет речь, сообщу, например, следующее: при обыске у Абакумова нашли бумаги, компрометирующие Маленкова и Берию. Где эти бумаги? Неизвестно! В материалах уголовного дела их пока не обнаружили. Может, их уничтожили или куда-то передали из опасений разглашения? Однако смысл их во многом просматривается в послании Абакумова Берии. В нем Абакумов как бы оправдывается, как бы сожалеет, что не успел вовремя передать Берии милицейские протоколы, связанные со скандалами из-за интимных похощений последнего, а также *«копии старых заявлений (1946 г.) в отношении тов. М. по линии брака самолетов»*. *«Как Вы знаете, Л.П., — напоминает Абакумов, — вопрос в отношении тов. М. обстоял тогда крайне туго и, несмотря на сильный нажим, я показал себя как честный человек...»*

«Годами хранить компромат, — справедливо замечает Столяров, — все равно что держать камень за пазухой...»

Абакумов, как свидетельствуют архивы, знал тайну убийства лидера советских евреев Михоэlsa. Судя по всему, это убийство Абакумов организовал с подачи Берии и Маленкова, действовавших по указанию Сталина. Кроме того, были подозрения, что Абакумов попал в зависимость от еврейских кругов США и, заметая следы, вынужден был довести до смертного исхода допрос еврейского врача и агента Запада Этингера. Вдобавок ко всему, как уже сказано выше, при обыске у Абакумова обнаружили компромат на Берию и Маленкова. Вот почему Берия и Маленков были заинтересованы в смерти Абакумова, чего в конце концов и добился Маленков.

Как бы там ни было, фактом остается то, что ни Сталин, ни Берия, ни Маленков... не были заинтересованы, чтобы 46-летний Абакумов после 3,5 лет страшной тюрьмы остался жить, хотя ко дню его казни в декабре 1954-го ни Сталина, ни Берии в живых уже не было. Значит, Абакумов знал что-то такое, чего никто больше, кроме оставшегося в живых Маленкова (и, может быть, Хрущева), не должен был знать. (Маленков и Хрущев тогда вдвоем управляли страной и только они могли решить: жить Абакумову или не жить...) Скорее всего, это была тайна фабрикации «ленинградского дела», незаконно отправившего на тот свет десятки, если не сотни тех талантливых молодых руководителей, с которыми Сталин связывал будущий расцвет страны!

...Главной заботой Берии в послевоенные годы становится организация совершенно новой системы противовоздушной обороны Москвы и создание атомной и водородной бомб. С этой задачей он справляется настолько успешно, что уже к 29 августа 1949 года неожиданно для Запада и прежде всего для Америки СССР становится обладателем самого грозного оружия. Между тем Берия успевает проявить себя и на сугубо внутреннем фронте. Несмотря на то, что он лишился прямой возможности управлять МГБ и МВД, ему удаётся «горячие посты» в этих министерствах занять своими людьми, с которыми в прошлом его связывали «большие темные дела». На каждого из них у Берии есть компрометирующее досье. Даже находясь «в опале», Берия остаётся «на коне». «Сито Берии» продолжает просеивать всю политическую элиту. Таким образом, предполагаемая историками попытка Сталина ограничить карательные возможности Берии не достигает цели.

Зато влияние Молотова разваливается на глазах. Поначалу — по собственной глупости и политической неосторожности в отношениях с Западом, а потом еще и с помощью жены! Его жена Полина Жемчужина — женщина, которая из-за своего еврейского происхождения незаметно для себя попала под влияние израильского посла Голды Меир и оказалась вовлечённой в сети проамериканских кругов Еврейского Антифашистского комитета.

Сталин и Молотов

А началось всё с того, что ещё в июне 1943 года глава ЕАК С.М. Михозлс и И.С. Фефер («видный еврейский писатель» и одновременно сотрудник МГБ) отправились в США, где встречались с представителями еврейской элиты (А. Эйнштейном, Т. Манном, Л. Фейхтвангером, Т. Драйзером, Ч. Чаплиным, М. Шагалом и др.) и главное — с Х. Вейцманом (будущим первым президентом Израиля), с руководителем Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдманом и с раввином С. Вайзом. Делегация ЕАК на этой встрече не проявила необходимой осторожности и впоследствии за это жестоко поплатилась.

Чтобы лучше понять существующий в мире еврейский вопрос — немного истории. Мало кто задумывается, что значит слово «еврей»... А оно значит — «пришелец»; в смысле — неместный, странствующий, скитающийся по земле человек, а стало быть — и народ. Но почему этот народ с древних времен вынужден странствовать и искать себе свободное пространство, где бы он, подобно другим народам, мог поселиться навсегда и... образовать государство. Есть историки, которые говорят, дескать, эти скитания начались с египетского плена, когда могущественные египтяне взяли в рабство целый еврейский народ. Якобы вывел евреев из египетского плена великий Моисей. Однако и тот около 40 лет не знал толком, куда же их вести, чтобы найти место, ещё не занятое другими народами... Почему так?

Исследуя не как «божественный источник», а как исторический материал Библию, одну из самых главных книг человечества, написанную преимущественно евреями, я обнаружил в Первой Книге Моисея «Бытие» (6:1-4) весьма любопытную информацию для размышлений. Вот она: *«Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто*

избрал. И сказал Господь (Бог): не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками (сими), потому что они плоть; <...> В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди».

Если воспринимать эти, выделенные мною, слова как отражение имевших место событий, то становится совершенно очевидным вывод, что в древности на Землю должны были прилетать «небесные пришельцы» из какой-то внеземной цивилизации. Для землян они, прибывшие с неба, могли быть только сынами неба, а значит, и «сынами Божиими». Не случайно и поныне в древних пещерах находят изображения человекоподобных существ, летящих в подобиях НЛО. Есть, кстати, в Библии, в Книге Иезекииля (1–3), и описание этих космических чудо-объектов и управляющих ими «пилотов». То есть эти так называемые «сыны Божии», посланники неба или Бога, — на самом деле обычные астронавты из других космических миров. Так вот.. они или им подобные и могли *«брать себе в жёны дочерей человеческих»* и иметь от них так называемых *«исполинов»*, которые, судя по всему, и были прародителями евреев, описавших в Библии своих космических предков. А поскольку эти пришельцы явились на те территории Земли, которые были уже заняты, они вынуждены были искать себе место, переходя из одной земли в другую, то есть скитаясь и странствуя по планете и оседая там, где их принимали другие народы, нуждаясь в их знаниях и опыте, доставшихся им от космических предков, быть может, вынужденно оказавшихся на Земле, когда их корабль терпел катастрофу..

Так и пошло. И дошло до наших дней. Поэтому и говорят о евреях, что это — избранный Богом народ, которому навеки суждено скитаться по просторам Вселенной... И лишь в конце 40-х годов XX века мировое сообщество решило покончить с этой несправедливостью по отношению к одному из самых *«сильных и славных»* народов на земле, имеющему полукосмическое-полуземное происхождение. И ссылка на Бога здесь совершенно неуместна.

Между тем американские глобалистические устремления по сей день готовы использовать это положение евреев в своих целях.

Первые по-настоящему серьёзные попытки создать своё государство в новейшее время евреи мира предпринимали ещё в начале XX века. Потом, когда «по старой России прошёл всё обновля-

ющий Октябрь», евреи опять заговорили о сугубо своём государстве. Они предполагали устроить его в Испании... Недаром у советского революционного русско-еврейского поэта Михаила Светлова воспевалась: «Гренада, Гренада, Гренада моя... Он песенку эту твердил наизусть... Откуда у хлопца испанская грусть?» А оттуда, как объяснял в личной беседе сам Светлов, что евреи, с незапамятных времён жаждавшие своего собственного государства, вместо этого попали в Испании, в Гренаде, в новую неволю. И вот одни, боровшиеся, чтоб землю в Гренаде евреям отдать, предполагали, освободив испанских евреев, устроить именно там, в Гренаде, государство Израиль, но — увы... И тогда другие, поддерживаемые в 20-х годах еврейскими комиссарами Октября, стали строить планы о создании Израйля на территории Крыма, бывшего тогда отечеством крымских татар. Началось очередное великое переселение евреев: на этот раз в крымские края, но что-то тогда не заладилось. Быть может, кто-то из комиссаров в чём-то перегнул палку...

Однако начало было положено, и, как рассказывал мне бывший политобозреватель «Комсомольской правды» Сергей Чугаев, эта тема зазвучала даже в одной из монументальных поэм Маяковского. Правда, потом этот отрывок он больше не встречал. Видимо, по чьему-то указанию решили не возбуждать лишний раз общественное мнение. Но нагрянувшая Великая Отечественная распорядилась на этот счёт по-своему, и тема вновь была поднята еврейскими активистами в Германии, Франции, Америке и России. Особенно после того, как Гитлер показал, что нет места евреям в Германии, да и вообще в Европе, а быть может, даже и на земле. И эта беда, как цепная реакция, распространилась среди евреев, и они, как никогда прежде, поставили вопрос о собственном государстве перед мировым сообществом. А тут как раз наметилось «освобождение» давно желанного для еврейской государственности Крыма... Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло: за дело или не за дело (не в этом суть), но татар решили выселить из Крыма... Таким образом, освободилось место для создания там государства Израиль, однако...

Во время переговоров ЕАК с американским миллионером Д. Розенбергом (один из лидеров сомнительной еврейской благотворительной организации «Джойнт») зашла речь о проекте, который западными империалистами вынашивался ещё с 20-х годов. Проект предполагал мирный захват «такого лакомого кусочка, как Крым... путём переселения туда 280 тысяч евреев и создания там

еврейской автономии». План, как считает ряд историков, осуществить не удалось, но переселение всё же шло при поддержке Троцкого, Каменева, Бухарина, Цюрупы и Ларина. В 1936 году в Крыму и на юге Украины насчитывалось уже 5 еврейских национальных районов или 11035 хозяйств. И вот в 1943 году мировые финансовые круги с помощью, возможно, ничего даже не подозревавшей группы советских евреев возобновляют этот небезобидный план. И это происходит тогда, когда в самой бесчеловечной войне и в топках концлагерей гибнут миллионы людей, в том числе и сотни тысяч простых европейских евреев. А еврейские магнаты Америки уже делят советскую территорию. По словам Фефера, Д. Розенберг говорил: «Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым – это Чёрное море, Балканы и Турция».

На Западе, как говорится, строили далеко идущие планы, мечтая заселить «своими» такое место под солнцем, как Крым, особенно после выселения оттуда крымских татар с 18 по 20 мая 1944 года.

Всё это всплыло на судебном процессе 1952 года и, естественно, что у такого заглядывающего вперёд государственного человека, как Сталин, не мог не сработать инстинкт самосохранения: для Сталина была преступной даже сама мысль, что Крым можно отделить от России и передать кому-то. Тем более – под контроль НАТО! Что ж... Если Сталиным грузинский народ вправе гордиться, то за подталкивавшего СССР к развалу Шеварднадзе ему должно быть просто стыдно.

...Михоэлс и начальник Совинформбюро С.А. Лозовский не только беседовали с Д. Розенбергом на «крымскую тему», но и составляли план действий, дабы затем в середине февраля 1944 года положить его на стол Сталина. А 21 февраля они добились приёма у Молотова...

Вот как описывают это исследователи В. Кардашов и С. Семанов. В плане было сказано: «1. Создать Еврейскую Советскую Социалистическую республику на территории Крыма. 2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса...» Но Молотов, опытный и осторожный человек, советует «проектантам» бросить это опасное дело».

Красная Армия освободит Крым только в апреле 1944 года, а в ЕАК уже «заблаговременно» распределяют места в будущем крым-

ском правительстве, и Михоэлс будет фигурировать как «наш президент». Тем не менее, говорят, что Сталин тогда не дал никакого ответа. Больше того, по окончании войны СССР, надеясь на самостоятельность нового государства, поддержал в ООН 29.11.47 создание и 14.05.48 провозглашение Израиля. Однако, убедившись, что новая страна, чем дальше, тем больше настраивается в пользу США, Россия изменила к ней отношение. К тому же было установлено, что за всеми этими настроениями стоит американская разведка.

Между тем в 47-48-м годах МГБ представило Сталину материалы о том, что деятели ЕАК стали проявлять интерес к семейным делам самого Сталина (в частности, Михоэлс пытался установить контакты с евреем Г.И. Морозом, первым мужем дочери Сталина Светланы). Рассмотрев эти данные, Политбюро 20 ноября 1948 года решает распустить ЕАК. Однако на этом деятельность ЕАК не завершается, и всё кончается тем, что в июле 1952 года 13 его членов приговариваются к расстрелу... В этой истории до сих пор много неясного и требующего самого тщательного и по-настоящему честного расследования! Буду очень признателен, если на сей счёт откликнется из США Архив американской разведки...

Американцы не мытьём так катаньем всё-таки добились Крыма. Не получилось через ЕАК – вышло через Хрущёва. Сперва откололи полуостров от России в пользу Украины. Потом под словоблудие нового Хрущева в лице Горбачёва вместе с «западниками» националистами оторвали его заодно с Украиной от Союза, а значит – и от России. И наконец через Кравчука и особенно Кучму сделали его полигоном для совместных учений Украины и НАТО, а стало быть, и США! История обрела закономерное завершение.

Одно только неясно, когда Кучма говорил правду? Когда был советским человеком, или когда объявил себя «незалежным хохлом», заискивающе заглядывающим в глаза господам с Запада? Впрочем, а мы кто, если считаем уже нормальным, что для поддержания суверенитета Грузии можно соглашаться на расположение военных подразделений США и НАТО вдоль российско-грузинской границы?! Так скоро начнём считать нормальным и высадку американского десанта на Красной площади... во имя сохранения суверенитета Кремля от непонимания соотечественников!

Между прочим, Шепилов успел рассказать Чуеву, как под шумок Хрущёв сумел организовать такой замечательный подарок

Украине и... США: «1954 год. Уже после Сталина. Закончилось заседание Политбюро. Мы пошли одеваться. Молотов, например, стоял уже в дверях, когда Хрущёв сказал: «Подождите! Ещё один небольшой вопрос остался решить. Надо Крым передать Украине!»

Кто-то спросил: «Как — Украине?»

«Снабжать будет удобнее!» — ответил Хрущёв.

«Конечно, глупость несусветная, — сказал Молотов, — но возражать бесполезно». Он понимал, что ничего не выйдет, поддержат Хрущёва.

Так в 5 минут была решена судьба Крыма...

Однако вернусь к тому, ради чего сделано такое большое отступление от темы, а именно — к судьбе Молотова, пострадавшего из-за опрометчивых связей и разговоров своей жены Полины Жемчужиной, преданность Родине и порядочность которой подтверждает вся её дальнейшая жизнь.

...Здесь я вспоминаю рассказ Феликса Чуева, который с 1969 года и до конца жизни Молотова был у него своего рода литературным секретарём. Молотов ему говорил: «Когда на заседании Политбюро Сталин прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семёновну, у меня коленки задрожали. Но дело было сделано на неё — не подкопаешься... В чем её обвиняли? В связях с сионистской организацией, с послом Израиля Голдой Меир. Хотели сделать Крым Еврейской автономной областью... Были у неё хорошие отношения с Михоэлсом... Находили, что он чуждый. Конечно, ей надо было быть более разборчивой в знакомствах. Её сняли с работы, какое-то время не арестовывали. Арестовали, вызвав в ЦК. Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала чёрная кошка. <...> Сталин подошёл ко мне в ЦК: «Тебе надо разойтись с женой!» А она мне сказала: «Если это нужно для партии, значит, мы разойдёмся». В конце 1948-го мы разошлись, а в 1949-м, в феврале, её арестовали. <...> Полина Семёновна немножко вольно себя вела. Это верно, с разными встречалась людьми. Тут я тоже, может быть, в какой-то мере виноват, поскольку категорически не высказывался против этого, и в основном-то связи у неё были хорошие, но были и такие знакомства, которые не вполне оправданны и даже неоправданны». С 49-го по 53-й она провела в казахстанской ссылке.

От Чуева я много раз слышал, как про это же говорила сама Жемчужина, когда к ней обратились западные корреспонденты в надежде получить новые разоблачения бесчеловечности Сталина. Она им ответила: «Я сама виновата. Не только себя, но и Вячеслава

Михайловича под удар подставила... Было так: пришли как-то Сталин с Молотовым, чтобы я их быстро покормила. За обедом они разговорились... А мы тогда с Голдой Меир чуть ли не подружками были, ну я ей, как Сталина с Молотовым кормила, и рассказывала, и в общих чертах, между прочим, про их разговор за столом, а он возьми и окажись важной гостайной. Вот и погорела. Так что Сталин тут ни при чём. Ещё хорошо отнесся. Других бы за это... Так что сама виновата». Жемчужина умерла в 1970 году. Её легкомысленные, хотя, судя по всему, и непреднамеренные поступки преподнесли урок на многие годы всем высокопоставленным мужьям. А таких жён было немало: у Молотова, у Ворошилова, у Калинина, Андреева, Шкирятова, Щербакова, Кирова, Ежова, Кагановича... Кстати, если вспомнить «Новый Завет», то там, в «Деяниях Апостолов», есть строки, с библейских времён настраивающие еврейских женщин выходить замуж за предводителей других народов.

Почти все историки сходятся во мнении, что, проживи Сталин дольше, Молотов (1890 — 1986) наверняка бы лишился головы. Кстати, и сам Молотов предполагал то же самое...

С 4 марта 1949 года он перестает быть министром иностранных дел СССР и... значит, теряет доверие Сталина. А ведь Молотов чуть ли не единственный, кто имел право на такое доверие.

Стало быть, как ни крути, но... им всем было, за что отвечать!

Глава 16

ДВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИЛИ ПОЧЕМУ МОЛЧАЛ МАЛЕНКОВ

Новые обстоятельства смерти Сталина

Когда все живые нити, связывающие наше время с прошлым, казалось, были навсегда утрачены, мне позвонил профессор МГУ Дмитрий Платонов: «У нас в университете, говорят, есть человек, который располагает уникальными данными о смерти Сталина. Этот человек — сын Маленкова...» Так благодаря неожиданному звонку, в результате долгих поисков я наконец-то стал обладателем нескольких действительно нерядовых данных, исходящих от сына Маленкова Андрея. Вот они...

Последнее рукопожатие Сталина

...Редки были часы общения с отцом. Лишь в 1987 году (за год до смерти, — НАД.) отец приоткрылся передо мной несколько щедрее, чем обычно. Только что перенесший инфаркт, потрясенный смертью жены, моей мамы Валерии Алексеевны, он отказывался верить, что ее уже никогда не будет рядом. Что-то надломилось тогда в его душе, и — обычно сдержанный, молчаливый — он вдруг охотнее, чем раньше, начал рассказывать о прошлом.

...У нас на квартире постоянно дежурил кто-либо из охраны, подчиненной непосредственно Берии. Все телефоны полностью прослушивались. Не только отец и мать, но и мы, дети, не могли выйти из дома без сопровождения офицера из органов. И тогда уже мы понимали смысл такой «заботы», у нас в семье выработался превратившийся почти в инстинкт обычай не вести никаких разговоров на политические темы, не называть никаких имен.

Чтобы сохранить доверие Сталина, крайне подозрительного человека, отцу приходилось постоянно подчинять свое поведение строжайшему самоконтролю и дисциплине, которые стали его второй натурой. Это предельное самообладание, сокрытие эмоций создавали впечатление об отце, как о незаметном человеке...

Вот записанный со слов отца рассказ о последних минутах Сталина: «Я, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович прибыли на ближайшую дачу Сталина. Он был парализован, не говорил,

мог двигать только кистью одной руки. Слабые зовущие движения кисти руки. К Сталину подходит Молотов. Сталин делает знак — «отойди». Подходит Берия. Опять знак — «отойди». Подходит Микоян — «отойди». Потом подхожу я. Сталин задерживает мою руку, не отпуская. Через несколько минут он умирает, не сказав ни слова, только беззвучно шевеля губами...»

Сталин умер. В молчании все направляются к выходу. Берии нет — он уже поспешил в Москву... На первом же пленуме ЦК, состоявшемся 6 марта 1953 года, отец был назначен председателем Совета Министров и секретарем ЦК.

...Слухи о якобы беспробудном пьянстве отца, распространявшиеся сознательно при правлении Хрущева, сменились затем слухами о чуть ли не старческом маразме, в котором — опять-таки «якобы» — пребывал Маленков в последние годы своей жизни. Ничего подобного! В августе 1983 года состоялась дружеская беседа Г.М. Маленкова с Ю.В. Андроповым...

Отец, насколько мне помнится, никогда не испытывал никакого желания предаться воспоминаниям о пережитом.

«Ага! — слышу голоса оппонентов. — Многие из наших «вождей» успели исповедаться перед потомками, а Маленков почему-то так и не решился сделать это. Так и унес с собой множество кремлевских тайн. Значит, боялся суда истории!»

Отец был убежден в том, что так называемая «вся правда», разглашенная не вовремя, принесет больше вреда, чем пользы. Запомнилась его фраза: «Не нужно говорить людям всего не потому, что нельзя, а потому, что обо всем не нужно знать». То есть — надо созреть до осознания. Не здесь ли кроется один из возможных ответов на вопрос: почему отец не оставил мемуаров? Писать без какой-либо утайки обо всем, что пережито, — время не пришло, а писать с купюрами и подтасовками — лишь увеличивать количество лжи на земле...

Как-то отец положил передо мной том любимого им А.К. Толстого и опять, ничего не объясняя, посоветовал внимательно прочесть историческую пьесу «Посадник». Сюжет ее таков: средневековый Новгород осажден врагами, завтра предстоит решающая битва. И тут вдруг выясняется, что новгородский военачальник, ослепленный любовью к женщине, по неосторожности помог ей выкрасть ключи от потайного хода в город, и они могли оказаться во вражеских руках. И тогда, понимая, что обвинения в измене лишит новгородское воинство полководца, — посадник новгородский берет вину на себя. «Ради

города, — говорит он, — отдам не только жизнь, но и честь...» Не о своем ли жизненном пути размышлял отец, давая мне прочесть эту пьесу?»

Вот такие воспоминания сына Маленкова попали в мои руки. Так чего же так боялся и почему так молчал Маленков? Лишь через 15 лет после его кончины неожиданно стало известно то, что заставляет совершенно по-новому нарисовать картину смерти Сталина и все, что делалось до и после этой таинственной смерти.

Оказалось жив тот человек, который, что называется, каждый день отвечал своей головой за питание Сталина... Впрочем, это отдельный рассказ.

Сталина нашли мертвым

Зовут меня Геннадий Николаевич Коломенцев. Полковник КГБ в отставке. Почетный чекист СССР. Родился в 1923 году в семье железнодорожника из поселка Кратово. В 41-м окончил среднее Калининское военно-химическое училище. После войны поступил в Институт народного хозяйства имени Плеханова на отделение продовольственных товаров. В 50-м году получил красный диплом и... предложение в аспирантуру. Тут моя судьба, как говорится, сделала крутой поворот. Меня пригласили в Москворецкий райком партии. Первый секретарь, поздравив с успешным окончанием, сказал: «Мы тебя как партийного человека направляем в органы госбезопасности». Я-то собирался в аспирантуру на кафедру пищевой микробиологии. Но! Партийная дисциплина была тогда прежде всего. Только и промямлил: «Спасибо за доверие». Так «распределили» меня в Главное управление охраны, в ГУО, которое возглавлял генерал Власик. В ГУО назначили рядовым сотрудником в 6-й отдел, который обеспечивал питание и обслуживание высокопоставленных людей. Несмотря на то, что я был там единственный по этому делу человек с высшим образованием, да еще в звании старшего лейтенанта, мне предложили перед большой карьерой пройти все ступеньки лестницы, занимавшейся продуктоснабжением «верхов».

В конце концов вышло так, что я отработал около 38 лет ответственным за питание руководителей от Сталина до Горбачева, в том числе начальником Особой кухни Кремля, а также командовал почти 1000 человек, обеспечивавших приемы, завтраки, обеды и ужины главных лиц страны.

...У нас особый был контроль. Особый подбор людей, которые работали у Сталина: сестра-хозяйка Валя Истомина, 2 подавальщицы Кленина и Миронова. Были 4 повара. Главный — Борис Владимирович Судзиловский. Потом Маренов, Сливкин и Бугаков. На подмену давали еще Колобова.

Когда Сталин умер, Берия всю сталинскую службу разогнал. Всю! Кого — куда! Единственная, кто ушла на пенсию, сестра-хозяйка Валя Истомина. Кстати, она омывала тело Сталина перед положением в гроб. Ее девичья фамилия была Жбычкина. Два брата ее Жбычкины работали у нас в 6-м отделе на 501-й базе, которую скоро возглавил я.

Это была спецбаза, обеспечивающая питанием руководителей партии и правительства и высоких зарубежных гостей, которые приезжали и проживали в госособняках и в кремлевской резиденции. При 501-й базе была спецлаборатория. Все продукты проверялись. И сказать, что кого-то там ими могли отравить, полная галиматья. Это исключалось на сто процентов. Я сам все пробовал. И, как видите, живу до сих пор.

Итак... как умер Сталин. Это мне рассказал Орлов Иван Михайлович, комендант дачи Сталина в Вольнском, то есть там, где Сталин умер. При жизни Сталина я ни разу не был на этой даче. А когда он умер, мне как-то позвонил Орлов, спрашивает: «Геннадий Николаевич, ты на даче у нас никогда не был?» Я говорю: «Нет».

— Приезжай, посмотришь, как Сталин жил, какая обстановка...

И я приехал в Вольнское. Дача самая обычная. Ничего помпезного. Показал Орлов мне валенки, в которых Сталин любил гулять, тулуп, который Сталин всегда одевал, потом самую простую шапку с длинными ушами. Тоже там висела. Показал он все это и говорит: «У Сталина был такой порядок. Приезжает. Чай попьет или там что... И уходит к себе. Закрывается. Все! Без звонка никто к нему зайти не мог. У него звонок стоял. Если нужно кого-то вызвать, он нажимал звонок. В эту ночь, когда он умер, ни звонка, ничего... Утро. Время подъема подходит: 10, 11... К этому часу Сталин обычно вставал. Брился. Брился сам. В парикмахерскую не ходил. Охрана забеспокоилась. Позвонили в Главное... нет, в 9-е управление. Тогда уже, кажется, было 9-е управление, а не ГУО. Оттуда приехали. Когда вскрыли дверь, он лежал на полу около тахты, на которой спал. У него тахта была. Он лежал на полу уже мертвый...

— То есть... вообще мертвый?

— Мертвый!

— А все говорят, что несколько дней умирал...

– Не-е-е. Нет-нет, он уже мертвый был. Все! Все эти разговоры и газетные сообщения – галиматья. Он уже мертвый был. Все! Это откровение Орлова, которое он сделал мне по дружбе. Примерно через месяц после похорон Сталина.

Этот рассказ Коломенцева в ряде существенных моментов совпадает с данными, полученными моим старым знакомым Феликсом Чуевым от Василия Рясного, одного из тогдашних руководителей МГБ. Кстати, и сын Берии Серго независимо от Коломенцева и Рясного приводит такие факты, которые во многом оказываются на стороне откровений коменданта Ближней дачи Орлова и ставят под сомнение являющуюся чуть ли не официальной версией, выстроенную на воспоминаниях замкоменданта дачи Петра Лозгачева.

Версия Лозгачева

В ночь на 1 марта 1953 года я был на даче... При Сталине в те сутки до 10 утра дежурил Иван Васильевич Хрусталиев. Потом его сменил старший прикрепленный Старостин. Еще в ту ночь дежурили помощник Старостина Туков, я и Матрена Бутусова... Кто из гостей был в ту ночь? Как обычно: Берия, Маленков, Хрущев и бородатый Булганин... В пятом часу утра гостям подали машины (Заметьте! Называя, кто дежурил сутки со Старостиным, Лозгачев почему-то забыл/?/ перечислить тех, кто сутки дежурил с И.В. Хрусталиевым. – НАД.)...

Пришел Хрусталиев, радостный: «Ну, ребята, никогда такого распоряжения не было... Хозяин сказал: «Ложитесь-ка вы все спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобятся». И правда, за все время, что я работал, это был единственный раз, когда хозяин сказал: «Ложитесь спать...» Мы были, конечно, очень довольны, получив такое указание, и смело легли спать.

1 марта было воскресенье. В 10 часов мы, как обычно, уже все были на кухне... Сталин вставал в 11-12, а иногда даже в 10 часов он уже не спит... Но вот уже 2 часа дня, а движения в его комнатах нет (так у нас говорилось, когда он спал). Начинаем волноваться... Уже 6 часов вечера, а мы не знаем, что делать. Вдруг звонит постовой с улицы: «Вижу, зажегся свет в малой столовой». Ну, думаем, все в порядке... И... опять ничего! Восемь, девять, десять – нет движения. Не знаем, что делать. В это время почту привозят – пакет из ЦК. А почту передать – это моя обязанность... Обычно входим мы к нему,

совсем не крадучись, иногда даже дверью специально громко хлопнешь, чтобы он слышал, что ты идешь. Он очень болезненно реагировал, когда тихо к нему входили... Ну, я открыл дверь, иду громко по коридору (наш служебный дом соединен коридором метров в 25 с его комнатами, туда ведет дверь отдельная), а комната, где мы документы кладем, она как раз перед малой столовой, ну я вошел в эту комнату, гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... вот так... Все во мне оцепенело... Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог. Слух у него был хороший, он, видно, услышал мои шаги и еле поднятой рукой звал меня на помощь. Я подбежал и спросил: «Товарищ Сталин, что с Вами?» Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: «Может, врача вызвать?» А он в ответ так невнятно: «Дз...дз...» Дзыкнул и все. На полу лежали карманные часы и газета «Правда». На часах, когда я их поднял, полседьмого было, в половине седьмого с ним это случилось. На столе, я помню, стояла бутылка минеральной воды «Нарзан», он, видно, к ней шел, когда свет у него зажегся. Пока я у него спрашивал, ну, наверное, минуту-две-три, вдруг он тихо захрапел... Слышу такой легкий храп, будто спит человек... Звоню Старостину: «Быстро ко мне...» Пришел (пришел, не прибежал! — НАД.) Старостин, тоже оторопел. Хозяин-то без сознания... За Старостиным Туков и Мотя Бутусова пришли. Общими усилиями положили его на диванчик... Я Старостину говорю: «Иди звонить всем без исключения!» ...Я не отходил от Хозяина, он лежал неподвижно и только храпел. Старостин стал звонить в МГБ министру Игнатьеву, но тот испугался и переадресовал его к Берии и Маленкову... Мы перенесли Хозяина в большую столовую на большой диван — там воздуха побольше. Укрыли пледом... Бутусова отвернула ему завернутые рукава сорочки — ему, наверное, было холодно. Старостин дозвонился до Маленкова. Спустя примерно полчаса Маленков позвонил нам: «Берию я не нашел». Прошло еще полчаса, звонит Берия: «О болезни товарища Сталина никому не говорите».

...В 3 часа ночи... приехали Берия и Маленков... Входят: «Что с Хозяином?» А он лежит и чуть похрапывает... Берия: «Что ты панику поднимаешь? Хозяин-то, оказывается, спит преспокойно. Поедем, Маленков!» Я им все рассказал, как было, а Берия: «Не поднимай панику!» И уехали.

...В восьмом часу утра заявляется Хрущев: «Как Хозяин?» Говорю: «Очень плох, с ним что-то случилось...» Хрущев говорит: «Сейчас врачи придут»... Между половиной девятого и девятью прибыли врачи...

Версия Рясного

(В изложении Ф. Чуева)

Беда со Сталиным случилась в ночь с 1 на 2 марта 1953 года. Рясному позвонил его подчиненный Старостин: «Что-то товарищ Сталин не просыпается... уже слишком долго. Что делать?»

— А ты поставь лестницу или табуретку и загляни! — посоветовал Рясной Старостину.

...Над дверью, где спал Сталин, было стеклянное окно. В комнате стоял диван, стол. Маленький столик для газет и рядом с ним мягкий диванчик, покрытый шелковой накидкой. Старостин приставил лестницу, заглянул в окно и увидел, что Сталин лежит на полу. Потрясенный, он тут же позвонил Рясному, у которого на даче всегда дежурила машина. Рясной помчался к Сталину. И сразу на ту же лестницу. Сталин лежал на полу. Похоже было, что он спиной съехал с диванчика по шелковой накидке.

— Скорей звони Маленкову! — приказал Рясной Старостину. Дверь в спальню была заперта на ключ, а ключ был у Хозяина. «Не знаю, что делать, — говорит Рясной, — придет Маленков — распорядится. Я-то что? Дать указание ломать — не имею права...»

Маленков и Берия приехали вместе. Рясной (В.С. Рясной /1904-95/ — тогда замминистра МГБ. — НАД.) встретил их во дворе, доложил о случившемся и добавил: «Надо срочно вызвать врачей!» Маленков побежал в коридор к телефону...

Версия Берии

(В изложении его сына Серго)

...Светлана ошиблась с рассказом об агонии своего отца. Сталин умер, не приходя в сознание. Он не сделал ни единого движения, даже глазами.

Вот что я узнал от моего отца. Члены Политбюро пришли к Сталину накануне вечером. Он их рано отправил по домам, так как плохо себя чувствовал и хотел спать. На следующий день охранники заметили, что дверь его комнаты закрыта дольше обычного (обычно он закрывался на ключ, не желая быть застигнутым кем-либо врасплох). Они постучали — ответа не последовало. Офицеры побоялись ломать дверь и позвонили Маленкову и моему отцу, кото-

рые посоветовали им взломать дверь. После этого все трое (вместе с Хрущевым) отправились к Сталину. Они нашли его лежащим на диване без сознания, с едва заметным дыханием. Вопреки тому, что рассказывали в печати позже, они сразу вызвали врачей: Мясникова, известного кардиолога, и трех или четырех других специалистов. Приехала служба реанимации, его положили на диван и сделали сердечный массаж. Врачи осмотрели его и поставили диагноз (Странно, то Сталин — на диване, то его только кладут на диван... — НАД.)...

Версия профессора Мясникова

Уж коли сын Берии упомянул о Мясникове, имеет смысл привести для сравнения и любопытное, нигде больше не встречавшееся, воспоминание самого профессора: *«Еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер из охраны еще в 3 часа ночи видел его за столом (он смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате. В кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром, в седьмом часу, охранник вновь посмотрел в замочную скважину и увидел Сталина расprostертым на полу между столом и диваном. В ночь на второе марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг...»*

Что касается дежурного офицера из охраны, которого упоминает Мясников, то я недавно встречался с офицером, охранявшим Сталина в ту ночь. Правда, он не был единственным, кто наблюдал тогда за сталинскими комнатами... Впрочем, лучше об этом пусть расскажет сам офицер.

Егоров Павел Иванович. В то время лейтенант госбезопасности из выездной охраны Сталина, которая одновременно стояла и на 6 постах вокруг сталинского дома на Ближней даче, сменяясь каждые 2 часа.

Последняя ночь вождя

— Про эту ночь, — говорит Егоров, — про каждый ее час исследователями всего мира написаны целые книги. Я же готов рассказать о времени с нуля до 2 часов ночи, потому что именно эти часы остались в моей памяти навсегда.

Мой пост № 6 находился как раз у окон той самой Большой столовой где, как принято считать, и закончилась жизнь Сталина.

Окна расположены достаточно высоко над землей, но так, что с поста более или менее можно отслеживать происходящее в комнате, поскольку окна в ней никогда не зашторивались, и обычно всю ночь (и даже днем!) горел свет. Вот это обстоятельство как раз и произошло в ту трагическую мартовскую ночь.

Где-то между часом и двумя пополуночи приходит ко мне на пост 1-й замначальника «выездной охраны» товарищ Старостин и спрашивает: «Как там? Случайно не видно движения в Большой столовой?»

— Да нет.

— Как только увидишь товарища Сталина, сразу сообщи мне!

— Хорошо, — говорю, — а сам глаз от окон не отрываю. Свет горит всюю, а никого нет. Нет и нет. Через некоторое время, минут, может, через 20, опять Старостин идет. Я ему снова доложил, что ничего не видел, а он и говорит: «Не знаю, что и делать... Обычно в это время мы ему чай с лимоном подаем, а сейчас что-то не зовет... Пойти самому — можно нарушить отдых. Неудобно будет. Короче, если что, ты мне звони».

Больше он не приходил. Утром 2 марта я сменился. Отдежурил еще сутки с 3-го на 4-е, приезжаю домой, а там — Бог ты мой, сообщение по радио: в ночь с 1 на 2 марта у товарища Сталина был удар, тяжелое состояние, врачи предпринимают все возможное...

Слова Егорова о том, что еще в 2 часа ночи не знали, что произошло со Сталиным, нашли некоторое подтверждение в мемуарах Хрущева. Хрущев, приехавший в ту ночь на вызов чекистов, говорит: «Мы зашли к дежурным и спросили: «В чем дело?» Они объяснили: «Обычно Сталин часов в 11 вечера обязательно звонил, вызывал, просил чай... Сейчас этого не было». Вывод: утверждение, что врачи не вызывались к Сталину около 14 часов, не соответствует действительности.

И еще одно воспоминание Егорова имеет существенное значение. Он сообщил мне, как И. Хрусталева вдруг начал рассказывать доставившим тело Сталина на вскрытие, что последнее время Хозяин стал закрывать все двери на запор. Согласно этому откровению Хрусталева дверь в комнату, где находился мертвый(?) или смертельно больной(?) вождь, все-таки пришлось взламывать. А это соответствует версии коменданта дачи Орлова, рассказанной Коломенцевым, но расходится с общепринятой версией Лозгачева — дескать, к Сталину просто вошли и увидели, что случилось...

Могло быть и так

Итак, одна версия противоречит другой, но особенно отличается версия Коломенцева. В ней интересно все, но особенно интересно и даже сенсационно то, что касается самой смерти Сталина. Ничего подобного не приходилось даже слышать, хотя документов, воспоминаний и книг на эту тему прошло через мои руки столько, сколько другим и не снилось. До сих пор главная версия сводилась к тому, что охрана нашла Сталина в полубессознательном состоянии. И потом он тяжело и долго умирал с 1 по 5 марта 1953 года.

В разных моих исследованиях и раньше отмечалось, что в обнародованных официальных и неофициальных сообщениях о кончине вождя слишком много нестыковок. Напомню о некоторых из них. Например, по одним данным, болезнь настигла Сталина в квартире в Москве; по другим – это произошло на даче в Волынском. Одни (Шепилов, Волкогонов и прочие) утверждали, что Сталин скончался утром, другие («Комсомольская правда», Радзинский и т.д.) – вечером. По версии Лозгачева – Сталина нашли «в одной нижней солдатской рубашке», а в «Истории болезни» врачи, прибывшие по вызову в 7 часов утра, сразу записали: «Больной лежал на диване в бессознательном состоянии *в костюме*». Получается, что Сталин не успел даже раздеться, чтобы лечь спать, и все, скорее всего, случилось с ним ранним утром (около 5-6 часов утра), а не вечером, как рассказывает Лозгачев. Лозгачев говорит, что озябшего Сталина «укрыли пледом». И ни слова о том, когда Сталина успели одеть к приезду врачей *в костюм*! Все так, словно на диване лежали два Сталина: первый – «в одной нижней солдатской рубашке», второй – «в костюме»... Абсурд или за этим скрывается какая-то тайна?!

Учебники истории учат, да и сын Маленкова говорит, что назначение нового руководства страны состоялось 6 марта, а в архивах Старой площади я обнаружил документы, согласно которым это было сделано еще с 3 по 5 марта, то есть при жизни вождя.

И вот новая, кажущаяся совершенно невероятной, версия, – «версия Орлова – Коломенцева». По ней Сталина сразу нашли мертвым, а все остальное, что сообщалось на этот счет (если следовать логике новой версии), делалось для того, чтобы у стоявших во главе страны лидеров было время поделить власть и организо-

вать ее по-своему. В пользу такого предположения следующее воспоминание профессора медицины Мясникова: «Маленков дал нам понять, что... он (следующий за Сталиным Председатель Совета Министров) надеется, что медицинские мероприятия смогут продлить жизнь больного на достаточный срок. Мы все поняли, что речь идет о необходимом сроке для организации новой власти и подготовки общественного мнения...»

Тут самый подходящий момент вернуться к тому, с чего я начал эту главу — к рассказам Г.М. Маленкова, который считал, что «вся правда», разглашенная не вовремя, принесет больше вреда, чем пользы, что «не нужно говорить людям всего не потому, что нельзя, а потому, что обо всем не нужно знать». То, что так до последних дней он поступал даже со своим сыном, — теперь доказанный (в том числе и признаниями самого сына) факт, а именно: Маленков якобы в порыве большого откровения все-таки рассказал сыну, как умирал Сталин, как 5 марта единственному Маленкову Сталин пожал перед смертью руку и тем самым как бы благословил его на наследство власть. После чего и состоялось уже официальное коронование Маленкова в Кремле 6 марта... Это по рассказу Маленкова.

А теперь приведем кремлевские документы и откроем то, чего «не нужно знать всем». А «не нужно знать всем», оказывается, то, что согласно документам сперва соратники разделили сталинскую власть, а только потом приехали с ним (еще живым!) прощаться. И особенно «не нужно знать всем» то, что официально(!) несколько дней(!) одновременно(!) в стране существовало два председателя Совета Министров СССР — не то умирающий, не то уже мертвый Сталин и здравствующий Маленков. Однако это уже явное нарушение Конституции, то есть самое настоящее преступление против Основного закона страны, когда официально живой еще Сталин официально еще не освобожден от должности, но тем не менее на эту должность официально уже назначен Маленков... Не этого ли так боялся и не из-за этого ли так молчал Маленков(?), придумав сыну трогательную сцену прощания со Сталиным и благословения его на власть самим вождем, что и было сделано якобы на другой день 6-го, а не с 3 по 5 марта 1953 года, как свидетельствуют добытые мною на Старой площади документы. И вот тут следует обратиться к словам, которые на одном из послесталинских пленумов сказал Хрущев прямо в лицо тогдашнему Председателю Совета Министров СССР Маленкову: «У него нет твер-

дого характера, хребта не хватает... может испугаться, сдаться». После этих слов трудно поверить, чтобы Маленков мог решиться пусть при тяжелобольном, но еще живом Сталине занять его пост Председателя Совета Министров. Выходит, Сталин был уже мертв(!) и преступления против Основного закона страны не было?! Поэтому Маленков и согласился занять пост Председателя Совета Министров... не пост исполняющего обязанности Председателя Совета Министров, а, повторяю, именно пост Председателя Совета Министров СССР.

Поскольку же *«людям не нужно знать обо всем»*, соратники решили официально объявить, что Сталин еще жив. Это тем, не совсем простым смертным людям, которые голосовали за это назначение Маленкова якобы еще при жизни Сталина 5 марта, а остальным смертным объяснили (и объясняют в учебниках вплоть до наших дней), что было это назначение 6-го, то есть уже после смерти вождя.

...Исходя из логики «версии Орлова – Коломенцева», следует сказать, что все крайне противоречиво изложенные в разных мемуарах воспоминания о том, как тяжело и долго умирал Сталин, касаются уже не самого Сталина, а... его двойника, который Берией «был уполномочен» играть роль умирающего вождя... И сыграл ее, как знает весь мир, так убедительно, что не только давно не видевшая умиравшего отца дочь, но даже и постоянно ухаживавшая за ним сестра-хозяйка Валя Истомина, не говоря уже о «случайных врачах», не обнаружили (или сделали вид, что не обнаружили?) ужасающую и кошунственную подмену... Кстати, не этим ли(?) объясняется и тот факт, что срочно(!) после смерти Сталина его ближайшая обслуга «отправилась» либо подальше от Москвы, либо вообще на тот свет, как, например, Иван Хрусталеv – якобы последний человек, видевший Сталина живым и здоровым (Это сказали мне охранники вождя – Ю. Соловьев и П. Егоров. – НАД.)...

Как бы там ни было, новая версия еще больше запутывает и без того неясную картину кончины этого таинственного, так и не разгаданного человека.

Борьба за власть идет внутри власти, сколько существует сама власть. Не было исключением и советское руководство. При Сталине тоже за право править все время боролись так называемые «друзья» Сталина и его опальные соратники. И, как свидетельствуют документы последнего присталинского XIX съезда партии, эта

борьба обострилась до предела. Ибо уже не только всеми понималось, что дни 73-летнего вождя сочтены из-за возраста, но и сам Сталин открыто заговорил об этом на съезде. Теперь понятно, что(!) для них должна была означать внезапная смерть вождя, который, заговорив о своем уходе, не сказал прямо: кого(!) оставляет после себя. Неожиданная его смерть была бы шоком, как для так называемых «друзей» в лице Берии, Маленкова, Хрущева и Булганина, так и для опальных соратников: Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна, Жукова и др.

Ясное дело, преимущество было в руках четверки «друзей», которые плюс ко всему последние встречались со Сталиным (Новые данные на это счет в главе 20.9. – НАД.). Им-то о случившемся и сообщила сталинская охрана. И в первую очередь – Маленкову и Берии, а те – Хрущеву и Булганину; ну, быть может, еще министру МГБ Игнатьеву... Таким образом, кроме сталинской obsługi правду знали лишь эти четверо, единственно допускаясь к Сталину, как в последние месяцы его жизни, так и сразу после его смерти. Они-то и поделят главные посты в государстве...

Именно смертью, а не внезапной болезнью может убедительно объясняться то, что к якобы заболевшему Сталину около 14 часов не вызывались пресловутой «четверкой» врачи. В самом деле, трудно представить, чтобы «друзья» рискнули так поступить, если Сталин был в том странном состоянии, которое известно из рассказов все проспавших охранников, а именно: он, дескать, пытался объяснить, что произошло и какая помощь ему требуется. Вряд ли в таком случае кто-то рискнул бы более полусуток не вызывать врачей. Каждый ясно осознавал: если вождь вылечится, за подобное промедление никому(!) и в первую очередь так называемым «друзьям» не будет пощады. Тем более, что у каждого из них еще свежи были в памяти картины из фильма об Иване Грозном, когда царь притворился умирающим, чтобы узнать истинное лицо своих приближенных, а потом быстро пошел на поправку...

Маловероятно, чтобы окружение Сталина готово было так рисковать своей головой. Исключение возможно лишь в том случае, если имело место отравление, и Берия на него рассчитывал абсолютно. Однако, пока отравление не доказано, приходится склоняться к тому, что Сталин умер своей смертью. (Это предположение имело силу, пока не были обнаружены документы, обнаруженные в 18 главе. – НАД.)

В пользу того, что в ночь с 1 на 2 марта 1953 года Сталина нашли мертвым, говорит и нечаянное признание Хрущева, который в своих воспоминаниях заявляет, что сразу, как только умер Сталин, он предложил Маленкову подумать, как быть дальше. До сих пор эти слова Хрущева воспринимались как ошибка, ибо найденные мною на Старой площади документы говорят, что этот разговор и дележка власти происходили еще при живом, тяжело умиравшем Сталине (или его двойнике?). И вот теперь получается, ошибался не Хрущев, а все мы, кто доверился официальным документам, согласно которым Сталин умирал почти пять дней. Точнее, с 1 по 5 марта 1953 года. Чтобы поделить власть, «четверке» нужно было время. И она его «нашла» путем организации медленной кончины вождя... в лице его двойника!

В пользу этого и тот факт, что смерть Сталина «наступит» сразу(!) после официального решения о назначениях нового руководства, а именно: вечером 5 марта в 20 часов 40 минут завершится Совместное заседание ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР, а уже в 21 час 50 минут, когда новое руководство приедет к вождю на дачу, Сталин тут же «скончается», то есть будет сыгран финал этой трагической комедии.

P.S. Неожиданно совершенно новые данные, касающиеся последних дней Сталина, обнаружилось, когда удалось выйти на связь с людьми, окружавшими в то время Н.А. Булганина (см. главу 20.9). От одного из них (от охранника А.П. Шарова) я узнал, что по чрезвычайному вызову в ночь с 1 на 2 марта 1953 года Булганин приехал на сталинскую дачу последним. К тому времени, судя по всему, Берия, увидев, что Сталин мертв, уже успел уехать в Москву. Хрущев же с Маленковым остались на даче дожидаться других членов Бюро и Президиума ЦК, чтобы здесь же, на месте, решить, как быть дальше! Впрочем, давайте еще раз вчитаемся в воспоминания Хрущева, но посмотрим теперь на все случившееся другими глазами, то есть с позиции тех документов и новых свидетельств, которые приведены выше.

Хрущев: «Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы решили немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался.

Я решил с Маленковым поговорить. Я подошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чём говорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берией, и всё уже давно обсуждено».

Вывод: скорее всего, Хрущев вспоминает тут о том, что произошло со Сталиным с 1 на 2 марта 1953 года, когда Берия, Маленков, Хрущев и прибывший уже после отъезда Берии Булганин приехали по срочному вызову сталинской охраны к вождю на дачу, то есть, когда тот был уже мертв или умер на их глазах. Разговор Хрущева с Маленковым состоялся еще до приезда Булганина...

Глава 17

ОПЕРАЦИЯ «ГАМЛЕТ»

или
как умертвили Сталина

Он подслушивал Берию по поручению вождя. Так вождь узнал, что против него готовится операция «Гамлет». Вот откуда чрезмерная сталинская подозрительность...

Страшное письмо

Эта касающаяся странной смерти Сталина история началась в годы Перестройки. В мои руки попало загадочное письмо. Связано оно было с деятельностью КГБ. Поэтому, опасаясь последствий, никто не хотел за него браться.

Решил подключить к делу тогдашнего Первого секретаря Союза Писателей СССР (автора книги «Генералиссимус») Владимира Васильевича Карпова, активно занимавшегося тайнами прошлого. Как раз перед этим у нас установились доверительные отношения: он приезжал на дачу ко мне, а я ездил к нему в знаменитый дом № 26 по Кутузовскому проспекту. До Карпова в той квартире жил одиозный министр МВД Щелоков, под ним жил Андропов, а над Щелоковым — Брежнев. Такое влиятельное окружение давало мне надежду, что у Карпова есть шансы попытаться распутать оказавшуюся в моих руках секретную историю. Тем более, что ставший Президентом СССР М. Горбачев открыто выражал ему свои симпатии, приглашая переселиться из злополучного «дома застоя» в свой «перестроечный дом» на Воробьевых горах в качестве соседа. Короче говоря, была возможность попробовать...

И я рискнул. Сделал ксерокопию письма и принес ее в огромный карповский кабинет в ЦДЛ. Владимир Васильевич обещал навести справки. Однако что-то у него не сложилось. Вопрос повис в воздухе...

Ничего не оставалось, как предпринять новый шаг. В те 80-е годы гремело имя Стаднюка — автора романа «Война». Иван Фотиевич считался своим не только у отставного Молотова, но и среди действующих людей с большими звездами на погонах. И вот

как-то я зашел к нему домой на улицу Правды. Выпили по рюмочке-другой коньяка. Расслабились. И я, заблаговременно заготовивший копию письма, уловив подходящий момент, заговорил о деле.

Стаднюк внимательно прочел все и, сразу став серьезным, как будто не было никакого коньяка, сказал: «Страшное письмо!» Я согласился: «Знаю, что страшное, но как дать ему ход?»

— Знаешь, Николай, — включив телевизор, глухо заговорил Стаднюк, — я бы не советовал «ЭТИМ» заниматься, потому что «ЭТО» хорошо не кончится. Еще живы люди, имевшие к «ЭТОМУ» отношение. И к тому же они — не безвредные пенсионеры, а имеют власть, как теперь говорят, в «силовых структурах»... С этими словами Стаднюк вернул письмо. Я понял: разговор окончен...

С того дня прошло около 20 лет. Времена изменились. Не стало КГБ, как, впрочем, думаю и тех, о ком говорил Иван Фотиевич. Теперь, кажется, уже можно обнародовать это «страшное письмо» и поставить вопрос о расследовании плана «Гамлет». Все-таки, если действительно такой «план» спецслужб существовал, то согласно ему был убит не просто Сталин, а главный руководитель страны. И как бы общество не относилось к его личности, прежде всего следует осознавать, что имело место преступление, организованное не какими-то отщепенцами, а теми, кому доверена власть и государственная безопасность. Значит, из случившегося должны быть сделаны выводы, которые бы максимально ограничили бесконтрольность спецслужб и не допускали никаких повторений подобного...

Под чужим именем

Личные знакомства с Председателями КГБ В.Е. Семичастным и В.А. Крючковым, а также с бывшим директором ФСБ Н.Д. Ковалевым в какой-то мере научили меня, как вести себя с «компетентными органами». Поэтому сегодня, в очередную годовщину кончины Сталина, считаю наконец-то возможным опубликовать это «страшное письмо», сопроводив его необходимыми пояснениями. Автор письма (если ему верить) — сын маршала Советского Союза А.Ил. Егорова (1883-1939 гг.), который в 1931-35 гг. был начальником Штаба РККА, в 1935-37 гг. — начальником Генштаба, с 10 мая 1937 г. сменил (вскоре репрессированного) маршала М.Н. Тухачевского на посту первого заместителя наркома оборо-

ны СССР, а в 1939 г. сам был расстрелян как «враг народа»... Итак — письмо.

«Не скрою: для меня И.В. Сталин не был хищником, я его лично и довольно близко знал, искренне любил, ничего не искал взамен и тем более не ищу теперь — он дать ничего не может по известной причине. Отправил его ТУДА Берия, а повышенного кровяного давления у Сталина не было ДО ТОГО. (Это подтверждают кремлевские документы в 18 главе. — НАД.) Он отлично слышал даже шепот и без очков отлично видел самый мелкий шрифт, чего не бывает у людей гипертоников. И.В. Сталин ни от кого не требовал любви и терпеть не мог подхалимажа ...»

Что касается А.А. Кузнецова, то он должен был немедленно из своего кабинета позвонить Сталину, как только увидел там бумагу об освобождении его от должности секретаря ЦК по кадрам, но не позвонил, не позвонил и позже, хотя Сталин ждал его звонка. (Очевидно, у них была такая договоренность. — НАД.) Кузнецов был нужен Сталину в качестве союзника в борьбе с Берией, а Кузнецов по сути дела отказался и, тем обрек на съедение Берии и себя, и других товарищей, и самого Сталина...»

Здесь необходимо отметить, что в конце 40-х личная сеть слежки, шантажа и террора Берии стала такова, что даже Сталин оказался под ее колпаком и все чаще получал информацию о происходящем в стране только после того, как информатор о том, что хотел сказать, ставил в известность Берию. Попасть к Сталину, минуя Берию, становилось невозможным, потому что люди, осуществлявшие охрану и допуск к вождю, нередко подбирались самим Берией. Вождь знал это, пытался что-то изменить, но... вместо одного ему подсовывался такой же другой. Поэтому Сталин действительно, особенно перед смертью, искал способы разоблачить Берию. Об этом, вскоре после ареста «шефа НКВД», свидетельствовал А.И. Микоян на секретном июльском Пленуме ЦК в 1953 г.: «Сталин в последнее время не доверял Берии. Берия вынужден был признать на последнем для него заседании Президиума ЦК, что Сталин ему не доверял, что мингрельское дело создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берию, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел...»

В связи с этим роль Кузнецова в деле разоблачения Берии могла действительно стать решающей. Однако осведомленный через своих людей Берия сумел сделать его самого жертвой разоблачения. Для этого Берия и Маленков сфабриковали так называемое

«ленинградское дело», по которому одним из основных обвиняемых оказался именно бывший ленинградский руководитель Алексей Александрович Кузнецов (1905–1950). «Ленинградцев» обвиняли прежде всего в стремлении создать собственную коммунистическую партию – компартию Российской Федерации, подобно тому, как это было в других союзных республиках, например, КП Украины или КП Армении. Это было расценено центром как попытка обособления Ленинграда в качестве столицы РФ и подрыв власти Москвы.

Но еще больше, по замыслу Берии, должен был повлиять на Сталина не факт крамольной идеи создания новой партии, а факт практического действия... Его рассекретил мне известный еще в кругах НКВД человек – Б. Сыромятников. Согласно агентурным данным, полученным от А. Романова, помощника начальника следственной части МГБ, он сообщил: «На первом этапе главная роль в компрометации «ленинградцев» принадлежала Берии. И он успешно ее осуществил. Берия установил, что в блокадный период был такой эпизод: Кузнецов, стреляя по бегущей по стене крысе, попал в обрез портрета Сталина, занимавшего полстены. В этот момент с Н. Вознесенским (второй основной обвиняемый по «ленинградскому делу», – НАД.) они были вдвоем. Обслуга лишь потом заметила дырку в портрете, но этому не придавалось никакого значения. В Ленинграде тогда все стены были изрешечены. Этот случай и явился основой. Берии оставалось «нарастить» эпизод словами, якобы сказанными Кузнецовым: «Хорошо бы так, но не в портрет, а в самого...»

Чтобы подтвердить эти слова нужны были свидетели. И Берия «нашел» их среди лиц обслуживающего персонала. Пытками их принудили переписать с заготовленного текста «собственные» заявления о словах Кузнецова и положительной реакции на них Вознесенского. После того, как «дело» завертелось, Берия ликвидировал и «свидетелей», и лиц, которые их готовили... Никто даже внимания не обратил на то, что в присутствии обслуги ни Кузнецов, ни Вознесенский не стали бы говорить ничего подобного».

Дальше в письме сына маршала начинается самое главное. Он пишет: *«В нашей действительности опасно знать много. Именно за это «правоохранители», включая и ведомство Берии, пытались топтать меня при Сталине (да он не давал) и теперь еще топчут: сначала «разоблачали в качестве сына «врага народа бывшего мар-*

шала Егорова», а потом стали «разоблачать» в обратном направлении и при этом оставили следы в спецархиве МУРа с моими отпечатками пальцев. Тут уж никуда не денешься!»

То есть сменили автору письма фамилию Егоров на Бостриков, сделав тем самым так, чтобы тот перестал быть сыном маршала Егорова. Как известно, подобная практика смены фамилий в те годы не была редкостью, если требовалось скрыть истинное происхождение человека. Сын маршала указывает и на механизм смены фамилий: вместо паспорта с одной фамилией человеку выдавался паспорт с другой фамилией, при этом отпечатки пальцев и у той, и у другой фамилии, разумеется, принадлежали одному и тому же лицу и хранились, — на всякий случай, — в спецархиве МУРа, т. е. при необходимости можно было быстро узнать, кто ты на самом деле.

План «Гамлет»

«Здесь же отмечу, — продолжает переименованный таким образом автор письма, — что далеко не все сотрудники «компетентных органов» были тогда подонками. Скажу и еще одно, не останавливаясь подробно, именно тогда их коллеги в присутствии отца, добываясь «признаний», пинками выбивали мне зубы, расписывались на спине, а «плохой» Сталин, узнав об этом, сумел забрать, вылечить, дал личную рекомендацию в ВЛКСМ и устроил воспитанником в авиашколу...»

В период Великой Отечественной и позже я фактически исполнял обязанности офицера для особых поручений у «плохого» Сталина, приходилось и контролировать ведомство Берии. Вот по этому случаю и не разрешили «компетентные органы» на страницах печати поднимать вопрос о плане «Гамлет», и уничтожили документы, включая даже учетную карточку в районном военкомате, да следы оставили...»

Имеются в виду уже упоминавшиеся отпечатки пальцев в спецархиве МУРа. Кстати, согласно приложенной автором письма фотокопии учетной карточки члена ВЛКСМ он числился радиотехником и значит, исходя из этого, действительно мог контролировать разговоры Берии через подслушивающие устройства, установленные (по указанию Сталина!) в местах пребывания «человека в пенсне». Вот откуда знание о готовящейся против Сталина операции «Гамлет».

Чтобы это сенсационное заявление о плане «Гамлет» стало понятным всем, напомним, как говорится «про это» у Шекспира. Вот наиболее показательные места из разговора Гамлета с королем-отцом, который после смерти является по ночам в виде Призрака.

- Призрак. *Я дух родного твоего отца...
Отмсти за подлое убийство.*
- Гамлет. *Убийство?*
- Призрак. *Да, убийство из убийств,
Как не бесчеловечны все убийства.
...Слушай, Гамлет.
Объявлено, что спящего в саду
Меня змея ужалила. Все люди
Бесстыдной басней введены в обман.
Ты должен знать...
Змея — убийца твоего отца -
В его короне...
...Когда я спал в саду
В свое послеобеденное время,
В мой уголок прокрался дядя твой
С проклятым соком белены во флаге
И влил в притвор моих ушей настой,
Чье действие в таком раздоре с кровью,
Что мигом обегает, словно ртуть,
Все внутренние переходы тела,
Створаживая кровь, как молоко,
С которым каплю уксуса смешали.
Так было и со мной. Сплошной лишай
Покрыл мгновенно пакостной и гнойной
Коростю, как Лазарю, кругом
Всю кожу мне...
Так был рукою брата я во сне
Лишен короны, жизни, королевы;
Так был подрезан в цвете грешных дней
Не причащен и миром не помазан;
Так послан второпях на Страшный суд
Со всеми преступленьями на шее...»*

Какую тайну унес с собой в могилу Маленков?

Процитированное – не гениальное предвидение Шекспира, а идея, взятая Берией на вооружение, чтобы обрубить все концы, ведущие к истинным авторам преступления. Официальные документы, подтверждающие действия «коварного Лаврентия» (Берии) и «святого Георгия» (помогавшего ему Маленкова) именно в таком направлении, обнародованы мною в «АиФ» в конце 2002 года. Теперь с учетом новых данных, изложенных в «страшном письме», можно представить происходившее в феврале-марте 1953 года гораздо более обстоятельно, используя для этого и наиболее значимые признания Г.М. Маленкова сыну Андрею. Обнаруженные новые сенсационные данные объясняют, почему Маленков не желал вспоминать последние дни Сталина и молчал об этом до последнего, даже в разговорах с сыном, что удивляет того до сих пор...

Продолжение следует?

Завершая свое сенсационное письмо, открывшее нам тайну последней сталинской весны, Егоров-Бостриков пишет: *«Если говорить о личной обиде, то обиднее всего быть приписанным «правоохранителями» в сыновья бесполому существу – они и это сделать оказались в состоянии... Вот такие пироги!»*

Публикуя признания Егорова-Бострикова, рассчитываю на официальное расследование... прежде всего темы «отпечатков пальцев в спецархиве МУРа», которые могут указать направление поисков, чтобы и в отношении плана «Гамлет» не было ничего тайного, что не сделалось бы явным.

Глава 18

КАК УБИВАЛИ СТАЛИНА

О состоянии здоровья и поведении Сталина в последние месяцы жизни (по воспоминаниям)

Сын Берии Серго: *«Я видел Сталина в декабре 1952 года, в тот момент он выглядел бодро... Однако в январе 1953 года на вечере, посвященном памяти Владимира Ильича Ленина и проходившем в Большом театре, Сталин отсутствовал — это был исключительный случай... Мой отец сказал, что Сталин болен... Мать сказала, что у него началось учащенное сердцебиение в тот момент, когда он садился в машину. Я увидел его спустя несколько дней, и эта встреча была последней. Он вызвал меня к себе, чтобы поговорить со мной об орденах, которыми он собирался наградить инженеров, занимавшихся системой противовоздушной обороны, построенной вокруг Москвы. Вопреки обыкновению он встретил меня, лежа на диване. Его привычная подвижность была утрачена...»*

Дочь Сталина Светлана: *«Мы увиделись и немножко были опять вместе лишь... летом 1951 года, когда он поехал отдыхать в Грузию, в Боржоми, и вызвал меня туда. <...> Ему было уже 72 года, но он очень бодро ходил своей стремительной походкой по парку, а за ним, отдуваясь, ковыляли толстые генералы охраны.*

<...> После возвращения из Грузии я видела отца всего два раза. ...в годовщину Октября осенью 1952 года... И потом я была у него 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось 73 года. Тогда я и видела его в последний раз.

Странно — отец не курит. Странно — у него красный цвет лица, хотя он обычно всегда был бледен (очевидно, было уже сильно повышенное давление). Но он, как всегда, пьет маленькими глотками грузинское вино — слабое, легкое, ароматное.

Он плохо выглядел в тот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, — так как неожиданно бросил курить, и очень гордился этим — курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет. Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и

никого не подпускал к себе близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, — откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты; но он сам же делал недопустимое: через два месяца, за сутки до удара, он был в бане... и парился там, по своей старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было...

<...> Молотов был фактически не у дел, и его даже в дни болезни отца не позвали».

Рассказ Хрущева: «... я уже видел, что Сталин тяготился Берией, и не только тяготился, а мне казалось, что были периоды, когда Сталин боялся Берию. На эти мысли наталкивал такой инцидент. <...> Как-то мы сидели у Сталина, и вдруг Сталин смотрит на Берию и говорит: «Почему сейчас окружение у меня оказалось все грузинское? Откуда оно взялось?»

Берия говорит Сталину: «Это верные вам, преданные люди».

— Почему грузины мне верны и преданны, а русские что, не преданны и не верны, что ли? Убрать!

Тут, как говорится, как рукой сняло этих людей. Сразу их убрали. Берия ходил как побитый.

Я тогда подумал... что Сталин просто боится Берию, потому что Берия способен через своих людей сделать со Сталиным то, что он делал с другими по поручению Сталина: уничтожал, травил и прочее. И поэтому Сталин, видимо (если за Сталина рассуждать), справедливо считал, что раз Берия способен сделать это, и сделать чисто с другими, то почему это он не может сделать и со мною, то есть со Сталиным? (Выходит, вопреки мнению большинства историков, не зря у Сталина была такая чрезвычайная подозрительность? — НАД.) Поэтому надо убрать окружение, через которое он имел доступ и к кухне, и прочее. Он их и убрал.

... Сталин не понимал, потому что стар был, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов докладывал ему уже после того, как он эти же вопросы докладывал Берии и получал указания, как докладывать Сталину. Сталин думал, что он свежее молодого человека выдвинул и что тот теперь делает то, что Сталин говорит. А этого не было на самом деле. Вот так».

Из разговоров Феликса Чуева с Молотовым:

«Молотов: ...Сталина я видел за четыре-пять недель до его смерти. Он был вполне здоров.

Чуев: ...Сталин перестал доверять Берии.

Молотов: Я думаю, да. Он знал, что Берия пойдет на любое, чтобы себя спасти. Тот же Берия подбирал охрану фактически, а Сталин выбирал из того, что ему давали, думал, что сам все это делает. А Берия подсовывал.

Чуев: Могло быть, что они (Берия и Маленков, — НАД.) отравили Сталина, когда выпивали с ним в последний день перед болезнью?

Молотов: Могло быть. Могло быть. Берия и Маленков были тесно связаны. Хрущев примыкал к ним и имел свои цели. Он всех перехитрил!

...Когда Сталин заболел, меня вызвали. Я приехал на дачу. Там были члены Бюро... Командовал Берия.

Сталин лежал на диване. Глаза закрыты. Иногда он открывал их и пытался что-то говорить, но сознание к нему так и не вернулось. Когда он пытался говорить, к нему подбежал Берия и целовал его руку.

Чуев: Не отравили ли Сталина?

Молотов: Возможно. Но кто сейчас это докажет? <...> Вот когда он умер, тут все и началось. (Это не так! Ради чего и воспроизводится вся эта история в документах и воспоминаниях современников. — НАД.)

Чуев: Говорят, его убил сам Берия?

Молотов: Зачем же Берия? Мог чекист или врач. Когда он умирал, были моменты, когда он приходил в сознание. Было — корчило его, разные такие моменты были. Казалось, что начинает приходить в себя. Вот тогда Берия держался Сталина! У-у! Готов был...

Не исключаю, что он приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да и я чувствовал... На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года делал такие намеки... Хотел, видимо, сочувствие мое вызвать. Сказал: «Я его убрал». Вроде подействовал мне. Он, конечно, хотел сделать мое отношение более благоприятным: «Я вас всех спас!» Хрущев едва ли помог. Он мог догадываться. А возможно... Они все-таки близко. Маленков больше знает. Больше, больше. (Знал, но молчал. Даже с сыном до последней своей минуты не захотел откровенничать на эту тему. — НАД.) <...> Перед смертью Сталин поднял руку. Поднять-то поднял, но...»

Константин Симонов (взгляд со стороны): «После смерти Сталина Берия хотел приобрести дополнительную популярность, показав себя... человеком, не случайно отодвинутым несколько в сторону в последние месяцы жизни Сталина, человеком, которому Сталин не доверял или перестал доверять...»

Что бы и кто ни говорил, но теперь тайна смерти Сталина раскрыта. В бывшем кремлевском архиве мною обнаружены документы, свидетельствующие о его отравлении!!!

Здоровье перед смертью

(по документам)

Все разговоры о том, что случившееся кровоизлияние в мозг и быстрая кончина Сталина явились следствием его плохого здоровья, особенно в последние годы жизни, полностью опровергаются обнаруженными мною обстоятельными медицинскими обследованиями его организма на протяжении более, чем 30 лет. Эти данные опровергают и те заявления, согласно которым Сталин настолько сомневался в надежности врачей, что боялся даже обследоваться и тем более лечиться, нередко прибегая из-за этого к самолечению. Наоборот. Из-за любого недомогания к нему тут же вызывались врачи и устанавливали многодневное, а порою и ежесуточное наблюдение за общим состоянием организма.

Привожу доказательства. Сталину 68 лет. Обследование перед курортными процедурами в Мацесте 16.09.1947 г. Выписка из медицинского документа: «Диагноз: основной – гипертония в начальной стадии; сопутствующий – хрон.(ический) суставной ревм.(атизм), переутомл.(ение). Пульс 74 в 1 мин. Арт.(ериальное) давл.(ение) 145/85. Леч.(ащий) врач Кириллов».

Чтобы в полной мере оценить эти сталинские показатели здоровья, читатель может пойти в больницу и, сравнив со своими собственными, убедиться, что у подавляющего числа людей в возрасте от 40 до 60 лет давление 135 на 85 считается нормальным, а у тех, кому (как тогда Сталину) за 60, отвечают норме и гораздо более высокие цифры 150 на 90.

И это до курорта. А после курорта 29.09.47 г. показатели у вождя были уже, как у сорокалетнего, а именно: «Кровяное давление после ванной 135/75. Пульс после ванной 68 в 1 мин., ритм.(ичный). Тоны сердца отчетливы. Суставы не беспокоят. Самочувствие и настроение хорошее. Кириллов».

Чтобы проследить, как складывалось здоровье вождя дальше, достаточно следующих буквально ошеломляющих выписок из его медобследований!

Сталину 71 год. «4.09.50. Пульс до ванной 74 в 1 мин. Кр.(овяное) давл.(ение) 140/80. После ванной пульс 68 в 1 мин.,

ритм.(ичный) Арт.(ериальное) давл.(ение) 138/75. Тоны сердца стали лучше. Сон удовл.(етворительный). Кишечник регулярно. Общее состояние хорошее. Кириллов».

Сталину 73 года. «09.01.52. Пульс 70, полный, правильный. Кров.(яное) давление 140/80...» И это измерения, сделанные при сильнейшем гриппе с высокой температурой. Вряд ли каждый даже гораздо более молодой и здоровый человек может похвастаться подобными цифрами! Обращает на себя внимание и тот факт, что больше даже о «начальной стадии гипертонии» нигде не говорится!

Вывод: заявления, что «Сталин был серьезно болен, особенно после тяжелейшего напряжения в годы Второй мировой войны», не соответствуют действительности. Кто автор этих заявлений, становится понятным, когда узнаешь время их появления... Они стали раздаваться сразу, как только 4 марта 1953 г. начал печататься бюллетень о состоянии здоровья вождя. В двух из них (вопреки действительному положению, неоднократно отраженному в прижизненных медкартах) официально утверждалось: «В ночь на второе марта у И.В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг... на почве гипертонической болезни и атеросклероза». Итак, эти лживые утверждения стали раздаваться сразу, как только к руководству страной пришли Берия и его ставленники Маленков и Хрущев. То, что я не оговорился, назвав Маленкова и Хрущева ставленниками Берии, свидетельствует обнародованный мною ранее секретный Протокол Совместного заседания 5 марта 1953 года Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, завершившегося в 20 часов 40 минут, т. е. за 1 час 10 минут до официально объявленной смерти Сталина!!!

Нескрываемое убийство

Подозрения, что Сталину могли давать яд для отравления в несколько заходов, скорее всего, несостоятельны. Конечно, как отмечают специалисты, такие «долгоиграющие яды» накопительного свойства существуют и начинают действовать, когда их накопление достигает критической массы. А до того эти яды способны почти незаметно накапливаться в организме в процессе биоаккумуляции. То есть, поступая в организм безвредными дозами, не обнаруживаемыми традиционным методом анализа, они из орга-

низма не выводятся, так как принадлежат к тем инородным веществам, которые организм выводить из себя не способен или почти неспособен, как, скажем, тяжелые металлы.

Обнаруженные документы говорят за то, что против Сталина был использован не «долгоиграющий», а сравнительно «быстрый яд». Скорость его действия зависела от форм применения и употребленных доз. Отравление состоялось с 28 февраля на 1 марта 1953 года, т. е. с субботы на воскресенье, когда по заведенному в России обычаю основные медицинские силы отдыхают и, стало быть, кого нужно, сразу не найдешь! Значит, с самого начала в этом отравлении отчетливо просматривается основательно продуманная заданность на случай, если яд не окажет мгновенного действия, что и имело место, если придерживаться официальных сообщений.

Впрочем, как я уже неоднократно сообщал в СМИ, вначале мог быть мгновенно отравлен сам Сталин, и только потом — его двойник... но с таким расчетом, чтобы действовавший яд давал время спокойно разделить власть! Вместе с тем есть документальные свидетельства, что такое затянувшееся отравление в планы Берии не входило. И он сильно перенервничал. Зато потом, «когда все было кончено» (как вспоминали многие, в том числе и дочь Сталина), не мог «скрыть своего торжества». А перед этим с его стороны наблюдалась какая-то суета, нашедшая отражение в подконтрольных тогда только ему средствах массовой информации, в виде следующего ложного Правительственного сообщения от 4 марта 1953 года: «В ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг...» Зачем Берии понадобилось такое вранье, до сих пор непонятно! Что изменилось бы в восприятии общества, сообщив он правду, что произошло это на даче, или не сообщив вообще, где это случилось?! Явно Берии это было зачем-то нужно! Но зачем? Неужели затем, чтобы разыграть роль двойника, когда настоящий Сталин сразу умер на даче, а предполагаемый двойник срочно «заболел» в Кремле, откуда его в течение ночи с 1-го на 2-е марта и доставили на дачу для подмены быстро скончавшегося Хозяина?!

К сожалению, сколько я не допытывался у нынешних ответственных лиц и у бывших охранников вождя, — был ли журнал, регистрировавший въезд и выезд приезжавших на дачу? — никто почему-то не хотел даже обсуждать эту тему. Говорили: либо «не

знаю», либо вообще отвергали существование тогда подобной формы учета на даче Сталина.

Это очень странно, потому что даже сейчас, через 50 с лишним лет, когда Хозяина на даче давно нет, охрана на въезде и то фиксирует в спецжурнале даже тех, кто просто обращается на пропускную. Исходя из своего огромного опыта, не могу поверить, чтобы в те сверхстрогие времена было иначе. Если же журналов регистрации все-таки не было, то получается, что могли привозить туда и увозить, кого угодно. Впрочем, даже при наличии журнала и требований обстоятельного контроля по отношению ко всем без исключения, машину Берии вряд ли тщательно да и вообще проверяли... (Когда я читал это исследование бывшему Председателю КГБ В.А. Крючкову, он сказал, что такой журнал наверняка был!!!)

Короче говоря, с этим отравлением у Берии что-то чуть не сорвалось. Недаром же, когда со Сталиным (в том числе и с возможным его двойником) все было кончено, Берия вскоре арестовал Майрановского Григория Моисеевича – начальника находившейся в Варсонофьевском переулке (это недалеко от Лубянки)... лаборатории ядов для тайных убийств. И тот потом еще долго оправдывался из тюрьмы в письменной форме в адрес Берии, дескать, виновен, что сила моих ядов оказалась не такой, как рекламировал. При этом обещал положение исправить!!! Так он оправдывался, пока его не приговорили... Оправдывался перед Лаврентием Павловичем, не зная, что того уже самого давно арестовали и... Выглядело это так.

Из писем Майрановского Берии: «Я обращаюсь к Вашему великодушию: простите совершенные мною преступные ошибки. <...> У меня есть предложения по использованию некоторых новых веществ: как ряда снотворного, так и смертельного действия – в осуществление этой вполне правильной Вашей установки, данной мне, что наша техника применения наших средств в пищевых продуктах и напитках устарела, и что необходимо искать новые пути воздействия через вдыхаемый воздух...» 21 апреля и 17 июля 1953 года.

Способы отравлений видны из допроса Майрановского 23 сентября: «Мы яды давали через пищу, различные напитки, вводили яды при помощи уколов шприцем, тростью, ручкой и других колющих, специально оборудованных предметов. Также вводили яды через кожу, обрызгивая и поливая ее...»

Из письма офицера по особым поручениям Сталина мне стало известно, что вождя собирались умертвить именно одним из этих способов и, скорее всего, последним, т. е. через смачивание кожи путем ее полива или обрызгивания. Эта процедура по подслушанному им плану Берии носила название «Операция «Гамлет».

Ещё известно следующее. Старый чекист Наум Эйтингон свидетельствовал, что однажды «присутствовал при производстве опытов в лаборатории Майрановского» и наблюдал «впрыскивание четырьмя подопытными жертвам яда кукарина. Яд действовал почти моментально...»

...Да! После отравления вождя Берия, судя по его приказу сталинской охране («Никому ничего о болезни товарища Сталина не говорить!»), заметно нервничал. Что-то пошло не так, как он планировал. И все-таки операция «Гамлет» (пусть и в сильно измененном виде) в конце концов состоялась!

А то, что Лаврентий Павлович готовился к «войне против Сталина» не отрицает даже его сын Серго. Вот как он вспоминает об этом, предварительно утверждая, что отец знал, что Сталин готовит его арест: «В 1952 году, — говорит сын, — мой отец уже понимал, что терять ему нечего... Мой отец не был ни трусом, ни бараном, послушно идущим на бойню. Я не исключаю, что он мог что-то замышлять... Для этого в органах у него всегда были свои люди... Кроме того, у него была своя разведывательная служба, которая не зависела ни от какой существующей структуры!»

Есть и другое свидетельство о причастности Берии к убийству Сталина. И хотя у меня оно вызывает сомнения, потому что исходит от живущего на Западе собирателя сплетен Романа Бракмана, для полноты информационной картины считаю необходимым привести и его. Это своеобразное свидетельство получено Бракманом от Нугзара Шария — заслуженного артиста Грузинской ССР, якобы являвшегося сотрудником грузинской редакции радио «Свобода» в Мюнхене. По словам Бракмана, Нугзар Шария своими ушами слышал от своего дяди Петра Шария, бывшего помощника Берии, как *«в кругу своих людей, освобожденных им из тюрьмы мингерельских генералов, Берия хвастался, что отравил Сталина и спас их от верной смерти, а всех мингерелов от высылки»*.

Что бы конкретно не планировалось, но, исходя из признаний Майрановского на допросе и воспоминаний сталинских охранников, выходит, что, скорее всего, Сталин отравился сразу, как

только выпил минералку. Об этом свидетельствует тот факт (а может быть, версия?), что его нашли лежащим у стола, на котором стояла бутылка минеральной воды и стакан, из которого он пил. А поскольку яд действовал «почти моментально», выпив, Сталин тут же упал... по одним данным замертво, по другим — потеряв сознание, во всяком случае — дар речи потерял точно! Тут его якобы и увидела дачная обслуга, взломав двери в покои Хозяина после длительных согласований в верхах...

Начав обсуждение темы отравленной минералки, самое время сказать насчет одной весьма загадочной улики, которая случайно попала мне на глаза, и которую я называю «Историей о трех бутылках минеральной воды». Дело в том, что, работая с архивами, я обнаружил, как 8 ноября 1953 года музеем Ленина из Санитарного управления Кремля решили передать для музея Сталина «медикаменты и три бутылки из-под минеральных вод», но отчего-то по не указанным причинам 9 ноября передали лишь «2 бутылки (одна из-под нарзана, другая из-под боржоми)». Возникают вопросы: «Почему не передана третья бутылка, где она находится, и какой она могла бы дать анализ, если верить версии, что «Сталина нашли лежащим у стола, на котором стояли стакан и открытая бутылка минеральной воды (по одним данным — боржоми, по другим — нарзан)»???» Впрочем, яд мог быть и... не в воде, а на дне и на стенках стакана, который легко мог подложить сам Берия, убрав прежний стакан, что называется, с глаз долой...

То, что Сталин был отравлен, свидетельствуют документы, обстоятельно приводимые ниже. Здесь же меня интересует: каким именно образом это было сделано? И тут я должен сказать, что очень сомневаюсь, чтобы у Сталина (на всякий случай!) не было потайного хода прямо из его комнат за пределы дома?! Тогда бы могло найти подтверждение и предположение о проникновении (говоря современным языком) киллера в его покои, чтобы осуществить операцию «Гамлет» в чисто шекспировской версии, когда вождь спал... Эту версию тоже не мешало бы проверить! Ведь нашли же в 90-е годы во время ремонта под его кремлевским кабинетом тайный лаз...

Секретные записи врачей, лечивших последнюю болезнь Сталина

Среди этих записей главное место занимают журнал, отражавший сутки за сутками развитие событий, и, разумеется, Акт патологоанатомов.

Журнал врачей во многом сводит на нет все без исключения мемуары и самые серьезные исследования о последней болезни и смерти Сталина. Хрушев и С. Аллилуева, Волкогонов и Радзинский, сын Маленкова Андрей и сын Берии Серго, другие известные и неизвестные авторы вместо изложения фактов писали сочинения... по памяти или с чьих-то слов. Каюсь. К ним какое-то время принадлежал и я. И вот теперь этот журнал, регистрировавший происходившее со 2-го по 5 марта 1953 г., совершает переворот во всех главных представлениях о том, что случилось тогда.

Я старался выбрать самые важные места из той кипы секретных бумаг, в которую по указанию властвовавшего тогда министра МВД Берии было свалено все, что писалось в те страшные часы. Особую важность представляют исчерканные «медицинские черновики», на основе которых тут же составлялись чистовые записи. Но даже в них легко просматриваются сомнения и опасения лечивших врачей в связи с тем, что они наблюдали. Многие врачи не знали как(?), а скорее всего, просто боялись правильно объяснить и... объясняли так, чтобы потом, если что, можно было... выкрутиться! У них было явное желание не упустить из виду ничего, дабы потом их не обвинили, дескать, вы не заметили то, что видели все, и якобы поэтому поставили неверный диагноз... и назначили неправильное лечение!

Прежде чем цитировать журнал, обобщенно представлю записи, которые отмечают признаки отравления Сталина и подтверждают то, что в конце журнала выявят анализы. Судя по всему, врачи, лечившие вождя, наблюдая значительное повышение температуры тела, дерганья конечностей, судороги, дрожания головы, расстройства дыхания и прочее, понимали, что имеет место... отравление!!! Поэтому среди лечебных назначений есть почти все, что применяется при поражении токсическими ядами, а именно: холодный компресс (пузырь со льдом) на голову, сладкий чай с лимоном, очистка желудка серно-кислой магнезией и т. д. Усердствуя, врачи заметно опасались и... переусердствовать по той про-

стой причине, что такое поведение диктовалось им каким-то подозрительно двойственным отношением Берии к предлагаемым медицинским процедурам... Врач Чеснокова вспоминала: «Реаниматолога Неговского и меня с аппаратурой для реанимации привезли на дачу Сталина 2 марта. Когда мы расставляли аппаратуру, Берия громко и властно сказал: «Так... Сейчас вы будете рассказывать, что с собой привезли, что собираетесь делать, а я вас буду внимательно слушать...» Ну какое после таких слов могло быть лечение?! Говорил бы это профессионал дилетантам, а то ведь — наоборот...

После такой предварительной подготовки можно приступать к чтению записей медиков о последней болезни и смерти Сталина.

Журнал врачей

<...> При осмотре в 7 часов утра — больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). <...> Дыхание не расстроено. Пульс 78 в минуту с редкими выпадениями. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190/110 <...> Живот мягкий, печень выходит из-под реберного края по среднеключичной линии на 3-4 см. В области правого локтевого сустава — следы ушиба (эксфолиация и небольшая припухлость). Больной в бессознательном состоянии. <...> Менингеальных симптомов нет. <...> Состояние больного крайне тяжелое. (К этим данным из записи профессора Лукомского можно добавить, что «был обнаружен полный паралич обеих правых конечностей. <...> При поднимании век глазные яблоки уходили то вправо, то влево. <...> В левых конечностях временами появлялось двигательное беспокойство. <...> Во избежание аспирации решено было снять зубные протезы...» — НАД.)

2 марта 1953 года

7.00 АД 190/110, пульс 86 в мин., дыхание 30 в 1 м. (Расхождение при измерении пульса, — 78 и 86, — можно объяснить либо более ранним замером, либо подсчетом пульса на разных руках, либо обычной ошибкой. — НАД.)

10.00 <...> Положен лед на голову.

11.00 Более выраженные двигательные беспокойства, левой рукой отталкивал пузырь со льдом.

12.45 <...> Температура 37,1. В. Иванов.

13.30 <...> Места от пиявок до сих пор понемногу кровоточат (В 9 час. было поставлено 8 пиявок за уши.) Лукомский.

15.00 <...> Дополнительно поставлены 4 пиявки на левый сосцевидный отросток. В. Иванов.

16.00 <...> В 4-м часу дня проглотил 3 чайных ложки чая без поперхивания. Паралич правых руки и ноги остается. <...> Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 час. утра стало еще более тяжелым... Третьяков, Куперин, Лукомский, Ткачев, Глазунов, В. Иванов.

18.30 Лед на голову пока отменен. <...> Начали давать пер. ос (непонятное сокращение слов, — НАД.) сладкий чай с лимоном. Больной получил 4 чайных ложки. Температура тела в правой подмышечной ямке 37,4°, а слева 37,6°. В. Иванов. (Создается впечатление, что моментами врачи одновременно пытались лечить и от отравления, и от его последствий, выразившихся в нарушении кровообращения и инсульте; но, конечно, не говоря об отравлении ни слова. То есть — имели его в виду, как нечто, само собою разумеющееся при отмеченных признаках. — НАД.)

22.45 Состояние тяжелое, больной открыл глаза и попытался разговаривать с т. т. Маленковым Г.М. и Берия Л.П. <...> Больной сильно потеет. Температура 38°.

3 марта 1953 года

7.10 Больной беспокоен, — после перемены подушек и питья воды с лимонным соком и глюкозой — стал несколько спокойнее.

10 час. 30 мин. Консилиум (Третьяков, Куперин, Коновалов, Мясников, Ткачев, Глазунов, Тареев, Филимонов, Лукомский, Иванов-Незнамов). <...> По сравнению с последним консилиумом от 2 марта в 24 часа в состоянии больного произошло значительное ухудшение: угнетение сознания стало более глубоким, усилились нарушения дыхания, деятельность сердца слабеет. Консилиум считает состояние больного угрожающим.

<...> Консилиум считает необходимым всем участникам в настоящее время находиться около больного.

13.30 <...> После дыхания кислородом ритм дыхания становится более правильным и ровным. <...> Временами появляются проблески сознания, пытается что-то сказать, отдельное слово разобрать невозможно. Голову на подушке держит, глаза временами открывает, взглядом не фиксирует, при усилении дыхательных

расстройств глазные яблоки производят колебательные движения то в вертикальном, то в горизонтальном направлениях. Зрачки узкие, реакция на свет вялая, правая носогубная складка опущена, язык не высовывается. <...> Временами появляется двигательное беспокойство в левых конечностях (перебирание пальцами в воздухе, застывание поднятой руки, иногда хватательный рефлекс в левой кисти).

19.00 Около 50 минут больной был без кислорода. Наблюдался кратковременный провал сознания, реагировал на речь товарищей.

<...> Состояние здоровья тов. Сталина на 24 часа 3 марта... Резко усилились расстройства дыхания, доходя часто до угрожающего состояния — полной остановки дыхания. <...> В последний час консилиум применил, в целях спасения жизни тов. Сталина, медикаментозные средства, намеченные ранее на крайний случай. Несмотря на применение этих средств в состоянии здоровья тов. Сталина улучшения не наступает.

4 марта 1953 года

0.10 <...> В начале первого часа ночи состояние больного стало крайне тяжелым вследствие часто повторяющихся остановок дыхания... Лукомский

(В связи с крайним ухудшением, начиная с полуночи на 4 марта больному стали вводить инъекции кофеина. — НАД.)

6.30 С 3.30 до 6 час. состояние дыхания было несколько лучше, чем в первом часу ночи, хотя периодически отмечались продолжительные паузы, проходившие после надавливания на грудную клетку.

7.35 Дан кислород — синюшность несколько меньше.

8.00 Резкий цианоз лица и конечностей. (Цианоз — посинение и почернение кожи и слизистых оболочек. Почернение с признаками побурения кожи появляется при отравлении некоторыми ядами — анилином, нитробензолом, бертолетовой солью и др., — так как из-за них гемоглобин крови превращается в так называемый метгемоглобин, имеющий темную коричневую окраску. Не исключено, что Сталин был отравлен целым букетом, то есть смесью различных ядов. — НАД.)

14.00 Больной вспотел. <...> Дыхание улучшилось. Явления цианоза губ, лица и кистей рук уменьшились. Больной спокоен.

(Начиная с 15.00 и до 21.00, то есть целых 6 часов дневник врачей почему-то не велся. Делались лишь общие обзорные заметки о состоянии и процедурах. — НАД.)

21.00 <...> Сознание полностью отсутствует. Дыхание с частыми и длительными паузами — до 10 секунд пауза.

22.00 <...> Значительное последовательное кровотечение после пиявок, особенно за правым ухом.

23.00 Прошедший час больной провел сравнительно спокойно, производя в общем впечатление спящего ровным сном <...> Больному было предложено 4 неполных ложки раствора глюкозы, которые он проглотил путем несколько запоздалых, но отчетливых глотательных движений.

5 марта

(С 1 часу до 3 часов ночи дневник опять почти не ведется. Вначале я думал, что это от полной безнадежности, но, когда вдруг обнаружил цитируемую ниже невзрачную бумагу, то... стало ясно, что это... от незнания, что делать, точнее — от незнания, как поступить?! К этому времени (в ночь на 5 марта) пришли анализы крови и мочи, из которых следовал однозначный вывод: отравление(!), отравление (!!), отравление!!! Заключение консилиума на 1 час ночи 5 марта предельно лаконично: «<...> При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец до 17.000 (вместо 7000-8000 в норме) с токсической зернистостью в лейкоцитах. (Вот оно!!! — НАД.) При исследовании мочи обнаружен белок до 6 промилле (в норме 0)». Еще одно подтверждение! Все стало ясно. Но... как врачи это могли сообщить Берии? Сразу бы последовал вопрос: «Лучше сами признавайтесь, кто из вас отравил товарища Сталина?! Иначе — всех...» Что делать? Решили, учитывая безнадежность положения и упущенное время, просто зафиксировать факт... Поэтому была такая длительная без всяких процедур пауза, нашедшая отражение в полном бездействии и первой записи лишь в 3 часа ночи... — НАД.)

3 ч. ночи. <...> Печень остается увеличенной. (Один из обязательных признаков сильнейшего отравления. — НАД.)

3 ч. 30 м. <...> В пальцах левой руки временами движения перебирания, в левой ноге стереотипные движения поднимания ее и отведения. Правые конечности неподвижны. Коновалов, Ткачев, Глазунов.

4.55 Появилась икота (2-3 раза). (Теперь события начнут развиваться стремительно! — НАД.)

6.00 У больного появилась икота (2-3 раза).

6.30 Снова появилась икота.

7.00 В 7.10 была икота, затем снова дыхательная пауза. Коллапс. Профузный пот. Дан кислород. В 7.12 дан кислород с несколькими глотками углекислоты. Цианоз нарастает.

7.20 У больного наблюдалось двигательное беспокойство, он попытался встать. Цианоз не исчезает. Обильный пот. Похолодания ног нет.

7.50 <...> Икота.

8.00 <...> Икота.

8.20 Двигательное беспокойство. Позывы на рвоту. Рвота с кровью (рвотные массы темного цвета). Несколько приподняли верхнюю часть туловища и голову. Сделана инъекция кофеина (1 кб. см). Состояние крайней тяжести. Больной открыл глаза. Резкий цианоз. Кровяное давление 170/110. Пульс — 110 в минуту, слабого наполнения. Рвотные массы посланы на анализ.

(Дальше я посвящу анализам целую главу со всеми подробностями и комментариями «звезд» отечественной медицины, а пока приведу первую реакцию на произошедшее из воспоминаний профессора А.Л. Мясникова: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить? /Вот именно, как объяснить его Берии?! — НАД./ <...> Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках...» Нельзя забывать — эти воспоминания писались в те годы, когда еще тема эта находилась под страшным запретом. Если даже сейчас к ней допускаются лишь избранные (я — случайное исключение?!), то можно представить, как это было засекречено тогда! И тем не менее какое красноречивое, хотя и весьма поверхностное, то есть какое-то недосказанное *признание о догадках...* — НАД.)

8.27 Снова рвотные движения. Под голову и верхнюю часть туловища подложена еще подушка.

8.30 Пульс 104. Больной побледнел и вспотел... Дыхание неглубокое 30 в минуту (при норме 16-18 в минуту, — НАД.), правильного ритма.

8.40 Снова повторились рвотные движения...

8.45 Кровяное давление 155/95.

8.50 <...>Кровяное давление 145/90... Дыхание стало ровным, но поверхностным.

9.05 Снова позывы на рвоту... Кровяное давление 170/105.

9.25 Рвоты нет...

10.15 Восстановилось ровное, глубокое дыхание. Изредка икота. Пульс 120 в минуту, число дыханий — 30 в минуту. В 10 час. температура 36,8°. Глазунов.

10.50 Появилась икота, которая затем быстро прекратилась.

11.08 Небольшой кашель...

11.14 Икота.

11.20 Кашель, рвотные движения, пульс стал очень слабым. Головной конец тела приподнят — подложены дополнительные подушки. Под кожу введен 1 кб. см кофеина и 1 кб. см кардиозола.

11.30 Внезапно наступили позывы на рвоту. Состояние больного сразу ухудшилось. Наступило резкое побледнение лица и верхнего отдела туловища. <...> Наблюдалось легкое движение головы, 2-3 тикообразных подергиваний в левой половине лица и судорожные толчки в левой ноге.

(Признаки сильнейшего отравления, как говорится, налицо. Свидетельствуют о нем и анализы кровавой рвоты. Исследование первого сгустка крови, выброшенного утром 5 марта 1953 года, состоялось уже в 9 часов 15 минут. На приемном бланке № 14944 /номер от руки/ написано: «Доставлен на салфетке сгусток темно-красного цвета величиной 3 см на 2 см. Сгусток отмыт физиологическим раствором, который окрасился ярко красным цветом, при исследовании взвеси оказались неизменные эритроциты. Нерастворимая часть сгустка отправлена для гистологического исследования. Лаборант Виноградов(а)».

Далее, на бланке «Гистологического исследования № 226 (от 05.03.1953)» клинко-диагностической лаборатории патолого-анатомического отделения Кремлевской больницы указывается: «Объект исследования — сгусток крови. Врач Сыряцкая. Результаты исследования: при микроскопическом исследовании обнаружен свежий сгусток крови: в нитях фибрина эритроциты и лейкоциты. 5.III.1953». Подпись неразборчива. Кажется, «В. Кирилова».

А перед этим в 9 часов туда же была привезена на исследование первая порция рвотной массы. Вот что о ней говорится в документе № 14934: «Доставлено небольшое количество рвотной мас-

сы коричневого цвета на салфетке. При исследовании реакция Грегерсена — резко положительная. /Определяет скрытую кровь в содержимом желудочно-кишечного тракта. — НАД./ После отмытия рвотных масс физиологическим раствором с последующим центрифугированием и исследованием осадка обнаружено, что осадок состоит из неизменных и выщелочных эритроцитов в небольшом количестве и значительного количества аморфного кровяного распада клеток эпителия в небольшом количестве. Лаборант Виноградов(а)». Даже неспециалисты ужаснутся от таких анализов. — НАД.)

11.40 <...> Позывов на рвоту нет.

11.45 Восстанавливается дыхание, оно становится более глубоким и ровным. Лицо покрыто потом. Кожные покровы бледноватые, губы и кисти рук (особенно ногти) цианотичны. Глазунув.

Заключение консилиума 5 марта в 12 час. дня

<...> В начале девятого у больного появилась кровавая рвота... которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести. В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из коллапса больной был выведен с трудом...

(Этого тогда в газетах не печатали. Вот, скорее всего, когда кто-то из врачей, уже имея на руках повторный анализ, под большим секретом сообщил сыну Сталина Василию, что в действительности случилось с отцом. И Василий, как пишет его сестра Светлана, стал кричать: «Отца отравили!..» — НАД.)

12.00 <...> Наблюдается дрожание головы.

12.10 Вновь появилась икота на короткое время.

12.15 <...> Икоты нет..

12.30 <...> Временами дрожание головы.

12.40 Снова наблюдается икота.

12.55 Икота.

14.35 Икота (2 раза).

14.55 Поднес левую руку к губам, шевелил губами, выпил 2 чайных ложки воды.

16.00 <...> Живот более вздут, чем обычно. (Кстати, дочь вспоминает, что Сталин якобы стал заниматься под конец жизни самолечением. Капал в стакан с водой йод и... выпивал в качестве какого-то лекарственного средства. Самоотравление

йодом в такой форме действительно могло быть, и могло кончиться такой же кровавой рвотой цвета кофейной гущи. Однако... тогда бы не наблюдалась «токсическая зернистость в лейкоцитах». — НАД.)

17.00 <...> Иногда икота (2-3 раза).

18.00 <...> Один раз была икота. Издавал 3 раза звуки стога. (До смерти остается 3 часа 50 минут. — НАД.)

19.40 Кровяное давление 150/100. Ткачев.

20.10 <...> Коматозное состояние... Потливость общая, резкая. Неполное смыкание век. (Кома — угрожающее жизни состояние с отсутствием сознания и реакций на любые внешние раздражители обусловлено нарушением кровообращения в головном мозге и (или) токсическим повреждением клеток центральной нервной системы ядами. — Комментарий специалистов. — НАД.)

21.10 Резкий цианоз лица. Кожа влажная. <...> Живот вздут...

21.30 Резкая потливость. Большой влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился.

21.40 Карбоген (4,6%CO₂) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Большой влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (60 СО) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание.

21.50 Товарищ И.В. Сталин скончался.

(Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филимонов, Глазунов, Ткачев, Иванов.)

Многие задокументированные врачами (в том числе предсмертные) наблюдения за Сталиным разительно отличаются от того, что пишут по памяти другие очевидцы, например, дочь Светлана: «Впервые я увидела отца нагим... В последнюю уже минуту он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Поднял вдруг кверху левую руку и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела». Так вспоминает дочь, правда, с оговоркой: «Не знаю, так ли было на самом деле...»

Обращает внимание фраза: «Впервые я увидела отца нагим...» Это дочь... за 27 лет жизни! Что уж тут говорить об остальных(?!), многие из которых вообще видели живого Сталина впервые так близко... Кстати, из книги Светланы Аллилуевой «20 писем к другу» можно сделать вывод, что дочь отца не узнала, объясняя это

тем, что болезнь изменила его до неузнаваемости. Впрочем, быть может, это все-таки был двойник, и поэтому узнать отца дочь не могла???

Последние уколы

Казалось бы — все! Однако ставить точку в журнале врачей рано. В этой общей папке много как бы бесхозных, но весьма содержательных бумаг. Одна из них особенно загадочна... Касается она медсестер и последних уколов. В «Папке черновых записей лекарственных назначений и графиков дежурств во время последней болезни И.В. Сталина» есть предписание о процедурах на 5-6 марта 1953 г. Выполнять их должны были медсестры Панина, Васина, Демидова, Моисеева. И надо же было такому случиться, что последние, как говорят, роковые уколы пришлось делать именно Моисеевой... В 20 часов 45 минут она введет инъекцию глюконата кальция. До этого такой укол больному за все время болезни не делался ни разу! В 21 час. 48 мин. она же поставит роспись, что ввела 20-процентное камфорное масло. И наконец в 21 час. 50 мин. Моисеева распишется, что впервые за все лечение осуществила инъекцию адреналина... После чего Сталин И.В. тут же скончался!!! Вероятно, именно это дурное совпадение дало повод для зловещих слухов, что Сталина на тот свет отправила специальным уколом специально подготовленная Берией женщина еврейского происхождения, якобы в отместку за готовящуюся высылку евреев...

Кстати, как сказали мне медики, при состоянии, которое наблюдалось у Сталина в последние часы, уколы адреналина категорически противопоказаны, так как вызывают спазмы сосудов большого круга кровообращения и чреваты летальным исходом, что и произошло!

Итак, из всего этого правда лишь то, что сразу после того, как бывшие соратники вождя, разделив в Кремле власть, прибыли к нему, еще живому, на дачу — состоялся последний укол, за которым и... последовала мгновенная смерть!

Сталина отравили ядом паука?

Итак, тайное стало явным! Слухи, что Сталин был убит, имеют теперь документальное подтверждение. Скорее всего, вождь был

отравлен ядом природного, органического, белкового происхождения. По оценкам современных специалистов отравляющие вещества такого характера содержатся в ядах змей, пауков и скорпионов, а также в некоторых видах растений и бактерий. Действуют они путем нарушения дыхания и кровообращения, поражая лимфатические узлы, глаза, головной мозг и т.д., и в зависимости от обстоятельств поражения в той или иной мере ведут к гибели человека. Обнаруженные мною документы, на которых я теперь останавливаюсь подробно, свидетельствуют о бесспорном наличии яда в организме Сталина. Вместе с тем точный его состав и происхождение эти документы не отражают. Видимо, в те жуткие дни и ночи, когда делались анализы крови страшно умиравшего Хозяина Кремля, разрешения, а тем более указания на это медики не получали. Да и вряд ли бы получили, если бы даже очень захотели?! Однако факт отравления они установили однозначно!

В связи с этим особый интерес представляют результаты анализов крови, мочи и рвоты... Прошу прощения за столь неприятные предметы этого исторического исследования, но, к сожалению, без подробного разговора о них не обойтись!

Итак, первые результаты анализов крови и мочи, потрясшие врачей, поступили в их распоряжение примерно к началу суток 5 марта 1953 года, т. е. тогда, когда предпринимать что-то было уже поздно, поскольку ядовитые вещества, попавшие в организм, привели к необратимым нарушениям в сердце и всей системе кровообращения Сталина, включая, что особенно опасно, головной мозг. Почему обнаружение ядов оказалось столь запоздалым, специалисты объяснили мне чуть позже, когда комментировали самые страшные моменты анализов крови?!

...Второй анализ 5.03.1953 г., отраженный в «Исследовании крови № 14966», дал еще более ошеломляющие результаты, а именно:

Гемоглобин по Сали – 83;

Эритроциты – 4740000 (эритроциты в норме);

Цветной показатель – 0,88;

Лейкоциты – 21.000 (При норме 5000-8000. Белые кровяные клетки поглощают бактерии, вредные для организма частицы и чужеродные вещества. – НАД.)

Лейкоцитарная формула:

Лимфоциты – 4,5% (При норме 22-30%. Резкое их уменьшение означает серьезную борьбу организма за сохранение своей

жизнеспособности и одновременно — опасное снижение защитных функций организма. Кроме того, резкое снижение числа лимфоцитов означает, что они зафиксировали в организме токсины, т. е. отравляющие вещества преимущественно природного происхождения, и начали активно превращаться в моноциты и макрофаги, способные поглощать и переваривать токсины, что и нашло отражение в следующих ниже показателях крови. — НАД.)

Моноциты — 10,5% (При норме 4-8%. Это дополнительное подтверждение наличия в организме токсинов. Превращение лимфоцитов в моноциты, а моноцитов в макрофаги свидетельствует о борьбе организма не на жизнь, а на смерть. Обнаружение нарастающего числа макрофагов говорит о необходимости борьбы организма именно с токсическими веществами. — НАД.)

Клетки Тюрка — 0% (При норме 0-1%. — НАД.)

Базофилы — 0% (При норме 0-1%. — НАД.)

Эозинофилы — не найдены (При норме 1-4%. Способны обезвреживать токсины. — НАД.)

Нейтрофилы — 85% (При норме 55-68%. Рост числа нейтрофилов, пожалуй, главный свидетель наличия именно токсических ядов в организме. Именно нейтрофилы способны поглощать токсины и вообще мелкие инородные тела. Токсины — сложные соединения белковой природы бактериального, растительного или животного происхождения, вызывающие в зависимости от форм проникновения в организм и силы своего воздействия летальный исход. Этот показатель на бланке жирно подчеркнут синим карандашом. — НАД.)

Классификация нейтрофилов по Шиллингу

Миелоциты — 0% (При норме 0%. — НАД.)

Юные — 0% (При норме 0%. — НАД.)

Палочко-ядерные — 18% (При норме 2-5%. Этот показатель тоже жирно подчеркнут синим карандашом. — НАД.)

Сегментно-ядерные — 67% (При норме 50-68%. — НАД.)

Особые замечания. В части нейтрофилов имеется токсическая зернистость.

Лаборант Виноградов(а)».

Вот эти «Особые замечания» и повергли в шок врачей, пытавшихся вылечить Сталина, ибо они-то знали (в отличие от простых смертных), что: зернистые лейкоциты или гранулоциты (т. е. базофилы, эозинофилы и нейтрофилы) защищают организм человека от бактерий и токсических веществ. В ста-

линском же случае была обнаружена в лейкоцитах именно «токсическая зернистость».

Здесь необходим дополнительный комментарий специалистов. Вот что они мне дали прочитать: «Сильнодействующие вещества ядов некоторых животных (змей, насекомых и пр.) и растений, а также токсины бактерий являются белками. (Поэтому, как я понял, резкое повышение белка в моче означает отравление организма этими ядами... или одним из этих ядов. — НАД.) При попадании в кровь... опасных для организма продуктов... вырабатываются антитела — белки иммуноглобулина, принимающие участие в нейтрализации токсичных чужеродных белков... Некоторые отравления вызывают тахикардию, т. е. учащение сердечных сокращений более 90 в 1 минуту при норме 60-80...»

Тут я спросил: «Почему анализы крови не сразу, а только на 3-й день, показали наличие токсинов?» Мне сказали: «Даже самые плохие студенты медвузов знают: чтобы лейкоциты отреагировали на чужеродные токсические частицы в организме человека, и произошло накопление антитоксичных моноцитов и нейтрофилов, лимфоциты должны иметь более или менее продолжительное время для распознавания этой чужеродности и время для образования такого количества моноцитов и нейтрофилов, которое способно пытаться уничтожить эту чужеродность. Что и имело место. Однако, когда обнаружили эту токсичность в лейкоцитах вашего больного, было уже поздно, так как произошли невосстановимые разрушения в сердце и головном мозге...» Что, кстати, и показала, — мысленно вспомнил я, — электрокардиограмма 5 марта, до этого (2 марта) не фиксировавшая сколько-нибудь серьезных изменений в сердце Сталина!

— Когда же и что нужно было делать, чтобы попытаться спасти больного? — не унимался я. И мне ответили: «Во всех случаях должно производиться промывание желудка... даже по истечении 3-5 и более часов после поступления яда. И независимо от того, применялись или нет другие мероприятия! Полезность и сила этого метода в относительной быстроте и полноте выведения яда из желудка (если отравление произошло через рот), а также в уменьшении опасности мозгового инсульта у пожилых людей, благодаря отсутствию подъема кровяного давления, какое бывает из-за сильного натуживания при рвоте... Кстати, во многих случаях промывание желудка помогает и при других формах попадания яда в

организм, а не только через рот. Почему? Долго объяснять... Но поверьте на слово, что это точно!...»

Внимательно перечитывая журнал врачей, я с удивлением обнаружил, что все или почти все сказанное специалистами имело место и в случае со Сталиным. Причем, надо сказать, показывая журнальные записи специалистам, я не стал объяснять, кого они касаются конкретно. Да меня, консультируя, и не спрашивали, видимо, предпочитая жить по принципу: меньше знаешь – лучше спишь! Короче, я получил консультацию, а они – деньги. И... разошлись.

Итак, когда врачи, лечившие Сталина, все это поняли, было уже поздно. (На что, скорее всего, и рассчитывал Берия!) После обнаружения **«зернистой токсичности в лейкоцитах»** врачи наверняка осознали, что отравление было совершено таким образом, чтобы сперва проявилось не само первичное заболевание (т. е. отравление), а так сказать, бросавшаяся в глаза видимость болезни в форме кровоизлияний в мозг и желудок, т. е. последствия отравления.

Светила медицины, напуганные разраставшимся в те дни «делом врачей», заявлять во всеуслышание о том, что они поняли, не решились. Оставили только (на всякий случай?!) ничего не говорящую некомпетентным людям запись «токсическая зернистость в лейкоцитах», которая тогда «просто затерялась» среди бумаг и... поэтому(?) не вошла в официально обнародованные документы.

Медики понимали: скажи они, что имеет место отравление, а они все эти дни лечили инсульт и гипертонию (т.е. болезнь, а не причину!), и Берия арестует их тут же. А уж под пытками они сами наговорят, чего угодно!

Так организованное (неважно кем!) «дело врачей» сыграло свою зловещую роль в убийстве Сталина.

Все это подтвердит вскрытие. Но кто же из патологоанатомов рискнет в Акте написать это прямо, когда Хозяин тела уже абсолютно бессилён защитить тех, кто узнал и мог бы сказать народу правду?!

Вскрытие тела Хозяина

То, что установила в своих анализах «Центральная клинико-диагностическая лаборатория Лечебно-санитарного управления Кремля», с ужасающей силой подтвердило вскрытие.

Кстати, все анализы производились без указания фамилии Сталина и выписывались на имя начальника его выездной охраны И.В. Хрусталева. Выходит, Хрусталев знал больше всех?! Если, конечно, не брать в расчет самого Берия... Существует чуть ли не официально принятая версия, якобы Хрусталев последний человек, который видел вождя в нормальном состоянии. В связи с этим вызывает вопросы внезапная смерть здоровяка Хрусталева через 10-15 дней после похорон Сталина, о чем по секрету рассказал мне несколько лет назад умерший 9 января 2005 года Ю.С. Соловьев, около 10 лет являвшийся подчиненным И.В. Хрусталева и одним из самых приближенных телохранителей Сталина. Соловьев уверял, что Хрусталев был предан вождю не меньше его. И вот какой вывод в связи с этим напрашивается: если Хрусталева, который слишком много знал, убрал не Берия, то, вполне возможно, он покончил с собою сам, осознав, что стал невольным соучастником убийства человека, которому был предан... Предполагать это заставляет тот факт, что вскоре после смерти Сталина Хрусталев был арестован, но... уже дней через 10 выпущен. Вряд ли Берия его выпустил бы, если хотел быстро расправиться. Впрочем, чем черт не шутит? А Берия был, как признавались мне его подчиненные, черт... и еще какой!

Вот под чьим контролем должно было происходить вскрытие тела отправленного в мир иной Хозяина Кремля.

Вскрытие производилось с 4 часов утра до 1 часа дня 6 марта 1953 г., т. е. началось через 6 часов 10 минут после официально объявленного наступления смерти в 21 час 50 минут 5 марта 1953 года. По ходу вскрытия комиссией составлялся «Акт патологоанатомического исследования тела Иосифа Виссарионовича Сталина». В комиссию входили 19 человек. Из них: 9 основных членов (министр здравоохранения СССР Третьяков А.Ф., начальник Лечсануправления Кремля Куперин И.И., Президент АМН СССР академик Аничков Н.Н., действительный член АМН СССР профессор Скворцов М.А., член-корреспондент АМН СССР профессор Струков А.И., член-корреспондент АМН СССР профессор Мардашев С.Р., Главный патологоанатом министерства здравоохранения СССР профессор Мигунов Б.И., профессор Русаков А.В., доцент Усков Б.Н.), 4 представителя от лечивших врачей (Главный терапевт Минздрава СССР профессор Лукомский П.Е., действительный член АМН СССР профессор Коновалов Н.В., действительный член АМН СССР профессор

Мясников А.Л., профессор Евдокимов А.И.) и 6 сотрудников Лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина (профессор Кушко В.М., доцент Авцын А.П., Кузнецов И.С., Дебов С.С., Обысов А.С., Шестаков И.Д.). Последним шести предстояло участвовать в бальзамировании тела, чтобы вскоре оно предстало для всеобщего поклонения. По неизвестным мне причинам Акт подписали 11 человек из... 19! И, если можно понять, почему нет подписей 6 специалистов по бальзамированию, то отсутствие двух подписей представителей от лечивших врачей (не подписали Коновалов и Евдокимов) наводит на размышления, которые после изучения Акта вскрытия только усиливаются... Конкретные сомнения лучше выражать по ходу цитирования, что я и сделаю.

Первым делом, дабы развеять мифы о «натуральных показателях» Сталина, приведу фактически зарегистрированные данные. Это нужно хотя бы потому, что не так давно по центральному ТВ даже ученые с мировым именем несли такую ахинею, от которой, как говорится, уши вянут. (Впрочем, не берусь утверждать, чьи это данные — вождя или его двойника?)

Итак: «Рост Сталина И.В. — 170 см. Состояние питания умеренно-повышенное. Вес тела — 70 кг. Вес головного мозга — 1340 гр. (При среднем весе у человека — 1375 грамм. — НАД.) Размеры сердца 12x12,5x6,5 см, вес 540 гр... (Обычно сердце взрослого человека весит около 300 г или равно 1/200 веса тела, т. е. у Сталина сердце должно было бы весить примерно 340-360 г. В Акте же указывается 540 г, что характерно для гипертоников или для хорошо тренированных людей, каким и был Сталин. Это может объяснять, почему он так долго сопротивлялся смерти, в то время как другие, подопытные жертвы, от аналогичных доз яда погибали «почти моментально». — НАД.) Печень: 26x18x8 см, вес 1540 гр. (По весу соответствует норме. — НАД.) Почки. Левая: 12x4,5x2,5 см, вес — 150 гр. Правая: 12x6x3 см, вес — 160 гр.) (В пределах нормы. — НАД.) <...> Органы малого таза не осмотрены по условиям бальзамирования. <...> Щитовидная железа, гипофиз и половые железы не осмотрены по условиям бальзамирования».

Вскрытие было не полным, чтобы не ухудшить «условия бальзамирования». По тем же «условиям бальзамирования полость рта не раскрывалась, и язык, миндалины, пищевод, гортань и трахея не были осмотрены». Впрочем, после того, как врачи увидели анализы крови, мочи и состояние желудка, продолжать вскрытие не имело смысла. Все и так стало ясно!

...Теперь можно переходить к сенсации вскрытия. Сенсация вскрытия в том, что оно не подтвердило публично объявленных «воспалительных очагов в легких». Зато показало такое состояние желудочно-кишечного тракта, какое однозначно могло быть только при сильнейшем и тотальном отравлении, которое будто бесчисленной дробью посеколо слизистые желудка и кишечника... да так, что на них не осталось живых мест. Это объясняло откуда такой бешеный лейкоцитоз (21.000!) при активной профилактике и отсутствии воспаления легких, на которое так рассчитывали начальники от медицины, дабы объяснить этим идущую в организме вождя борьбу лейкоцитов с чем-то якобы необъяснимым и одновременно тем самым скрыть загадочную кровавую рвоту и... «непонятно» откуда взявшуюся «токсическую зернистость в лейкоцитах».

Чтобы не сказали, дескать, клевету на медначальников, напомню, что писали в те дни газеты под бдительным руководством Берии.

«В ночь на второе марта у И.В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг... на почве гипертонической болезни и атеросклероза. <...> На 2 часа (ночи, — НАД.) 5-го марта 1953 г. существенных изменений в легких, а также со стороны органов брюшной полости за истекшие сутки не установлено. В моче обнаружен белок и красные кровяные тельца (т.е. моча — с кровью! — НАД.)... При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец (до 17 тысяч). <...> В связи с повышенной температурой и высоким лейкоцитозом усилена пенициллинотерапия (проводившаяся в профилактических целях с начала болезни).

<...> Утром пятого марта наблюдались в течение трех часов явления тяжелой дыхательной недостаточности... В 8 часов утра развились явления острой сердечно-сосудистой недостаточности (коллапс); кровяное давление понизилось, пульс участился, увеличилась бледность. <...> Снятая в 11 часов утра электрокардиограмма показала острые нарушения кровообращения в венечных артериях сердца с очаговыми изменениями в задней стенке сердца (электрокардиограмма, снятая 2-го марта, этих изменений не устанавливала). В 11 часов 30 минут вторично наступил тяжелый коллапс... На 16 часов кровяное давление: максимальное — 160, минимальное — 100; пульс 120 в минуту, аритмичный, дыхание 36 в минуту, температура 37,6°; лейкоцитоз 21 тысяча».

«Из медицинского заключения о болезни и смерти И.В. Сталина».

<...> С первого дня болезни повысилась температура, и стал отмечаться высокий лейкоцитоз, что могло указывать на развитие воспалительных очагов в легких».

А теперь то, что газеты скрыли от народа тогда, и... до сих пор скрывают официальные инстанции, объясняя это тем, что «это — личная тайна семьи Сталина и рассекретить ее будет разрешено только через 75 лет после случившегося, т.е. в 2028 году». Однако эти слова высокопоставленного чиновника, видимо, обычная отговорка, охраняющая не секреты семьи вождя, а тайну смерти Сталина и... его убийцы Лаврентия Павловича Берии!!!

Действительно, разве должен быть тайной от народа «Акт патологоанатомического исследования»(?), в котором как прокурорское обвинение звучат следующие слова: «Содержимое желудка представляет собой черного цвета жидкость в количестве 200 куб. см. На слизистой желудка обнаружены множественные мелкие черно-красные точки, легко снимающиеся ножом. По удалении их на слизистой желудка обнаруживаются мелкоточечные углубления. Слизистая желудка сглажена. Такого же характера изменения обнаружены на слизистой двенадцатиперстной кишки.

На вершине складок верхнего отдела тощей кишки в слизистой оболочке обнаружены мелкоточечные кровоизлияния. Такие же кровоизлияния кое-где встречаются и на протяжении всего тонкого кишечника.

В просвете верхнего отдела тонкого кишечника обнаружена густая темно-зеленого цвета масса, приобретающая на остальном протяжении кишечника черную окраску. Слизистая тонкого кишечника — местами интенсивно окрашивается этой полужидкой массой в черный цвет...»

После такой «убийственной картины» Генеральной прокуратуре самое время сделать заявление, что, по результатам вскрытия, возбуждается уголовное дело — дабы народ знал, что ни одно убийство в России (каким бы ни был срок его давности) не останется безнаказанным!!!

Муки совести профессора Лукомского

Обращает внимание то, что патологоанатомы обстоятельных оценок увиденному не дают. В основном — общие поверхностные

слова. Вместе с тем достаточно добросовестно описывают все, что увидели. Создается впечатление, что они предполагали, что когда-нибудь к этому их Акту обязательно вернуться, и специалисты сделают на его основании очевидные выводы об истинных причинах кровавой рвоты и смерти И.В. Сталина... Что и происходит сейчас!

А тогда, отчетливо осознавая, что кончина вождя имела не естественный, а принудительный характер, они на этот счет и заикнуться не могли, ибо это значило бы не только для них, но и для всех их близких войти в неравное выяснение отношений с самим убийцей — с Берией, с министром, сосредоточившим тогда в одних руках всю карательную власть и, как никогда, почувствовавшим в те дни свою абсолютную безнаказанность.

И все-таки даже в те смутные времена среди медиков нашелся человек, которому эта явно «преднамеренная смерть» не давала покою. Тем более, что именно ему, профессору Лукомскому, задним числом было поручено оформить «Историю болезни, составленную на основе журнальных записей течения болезни И.В. Сталина».

Вот наиболее показательные выдержки из его работы, свидетельствующие о попытке указать истинные причины смерти вождя. К сожалению, остальные члены консилиума лечивших врачей эту попытку не поддержали. Однако от этого признание ими факта убийства Сталина стало только очевиднее.

«В течение 2 марта перед каждым мочеиспусканием больной проявлял некоторые признаки беспокойства, которые позволяли вовремя ему подавать «утку». (Значит, сознание еще работало! — НАД.) <...> Во всех 4-х порциях мочи содержался белок в количестве 2,7 промилле. В осадке имелись эритроциты (т. е. кровь, — НАД.)...

При исследовании крови 2 марта было обнаружено: гемоглобин — 74%, эритроцитов 4.400 000, лейкоцитов 9300, из них 77,5% нейтрофилов (Значит, уже в первый день у Лукомского появились серьезные подозрения на отравление. — НАД.). **Содержание протромбина в крови 107%. Вязкость 4,5».**

5 марта. «В 12 часов дня ... консилиум обсудил вопрос о причинах кровавой рвоты и пришел к выводу, что она явилась результатом сосудистых трофических поражений (Чем? — НАД.) слизистой оболочки желудка, связанных с основным заболеванием. («Чем» — врачи, конечно, писать не стали. Не указывать же на

«токсическую зернистость в лейкоцитах»? Зато витиевато сослались на «связь с основным заболеванием», которым при таком диагнозе могло быть, что угодно, в том числе и не имевшая места гипертония. Врачам ничего не оставалось, как сделать этот неубедительный даже для дежурившего Булганина вывод. О замешательстве, в котором тогда оказались врачи /я об этом уже говорил, но здесь вынужден повторить это еще раз/, вспоминал позже профессор Мясников: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить?»

А что консилиуму оставалось еще(?), если он был вынужден сделать вид, что в лейкоцитах «токсическая зернистость» не обнаружена... Вот бы на это(!) консилиум попробовал обратить внимание Берии. Да Берия бы в этом их самих и обвинил. «Дело врачей» было в самом разгаре. Нашли бы крайнего(!) — кто, давая Сталину лекарства, дал вместе с ними ... яд! Как один сознались бы, что являются членами тайной организации врачей-вредителей! — НАД.)

Повышение температуры, доходившей до 39°, и лейкоцитоз (до 21 тысячи лейкоцитов) консилиум объяснил возникновением очаговой пневмонии, которая часто (исправлено Лукомским на «нередко», — НАД.) имеет место у больных с гемиплегией (т.е. параличом частей тела, — НАД.)»

Консилиум пытался «объяснить это пневмонией», а на вскрытии про это «забыл» и о пневмонии не сказал ни слова, словно и упоминаний о ней не было. Впрочем, в присутствии представителей консилиума вскрытие производили другие. Поэтому зачем им нужно было брать на себя ответственность за чей-то ошибочный диагноз?

«5 марта 1953 года у больного повторно наблюдались явления острой сердечно-сосудистой недостаточности (коллапс), которые до некоторой степени (какая скользкая формулировка — «до некоторой степени», — НАД.) зависели от желудочного кровотечения. 17.III.53 г. исп. Лукомский».

Позже Лукомский впишет: «до некоторой степени могли зависеть от желудочного кровотечения». Но, подумав, профессор зачеркнет слова «могли» и «до некоторой», а вместо них напишет окончательное — «в значительной степени зависели от желудочного кровотечения», что отныне будет означать (страшно подумать!)

появление и наступление *«острой сердечно-сосудистой недостаточности (коллапс)»* из-за *«желудочного кровотечения»*, т. е. все(!) началось с желудка!!! С яда в желудке. С *«токсической зернистости в лейкоцитах»*.

...В июле 1953 г. консилиум опять переписует это место и, не поддержав смелость Лукомского, даже после ареста Берии делает так: *«5 марта 1953 года у больного развились повторные явления коллапса, которые до некоторой степени зависели от желудочного кровотечения»*. Дальше в тексте вместо предложения *«Однако артериальное давление продолжало оставаться на высоком уровне до наступления 5 марта коллапса в связи с желудочным кровотечением»* напишут, как отрубят: *«Однако артериальное давление продолжало оставаться на высоком уровне до 5 марта, когда наступил коллапс»*. И... точка! А зачем снова поднимать «больной вопрос», когда легче от него уйти, чтобы быть «от греха подальше»?!

Важно отметить, что «История болезни И.В. Сталина, составленная на основании журнальных записей течения болезни со 2 по 5 марта 1953 года» переделывалась Лукомским и другими не менее 4-х раз! Сразу после кончины вождя был первый черновой вариант Лукомского, датированный 17.03.1953 г. Второй – после 17 марта, частично написанный Лукомским от руки. Третий – в июле без указания числа на основе «Истории» Лукомского. И четвертый (чистовой), подписанный всеми, без всякой даты на основе июльского варианта.

Почему к этому «больному вопросу» решили вернуться в июле 1953 года? Да потому, что в конце июня был арестован Берия, который во время майских праздников прямо сказал Молотову, что это он всех спас от Сталина!..

Поначалу, видимо, было решено отразить факт отравления вождя в «Истории его болезни», однако потом партийная верхушка, вероятно, сочла это рискованным, поскольку это могло повлечь за собой разбирательства, которые бы четко показали, что, когда еще не умер Сталин, на его место (по документам еще 3 марта!) уже был назначен Маленков... словно он заранее, как и Берия на 100% знал, что Сталин умрет!

Естественно, в такой обстановке Маленков, получивший первый пост в государстве, не был заинтересован в обнародовании тайны отравления Сталина...

Впрочем, всё хорошо взвесив, в этом не были заинтересованы

и остальные вожди, получившие новые большие назначения (Молотов, Микоян, Ворошилов, Булганин, Каганович и Хрущев) после неопределенности своего положения, возникшего на октябрьском пленуме ЦК в 1952 году. Сталин тогда выступил с разоблачительной речью... особенно против Молотова и Микояна.

Врачебный консилиум, начавший после ареста Берии активно составлять «Историю последней болезни Сталина», соответствующую действительности, сперва резко притормозили, а затем и вообще свернули, что нашло свое отражение, например, в 3-м (июльском) варианте, где было написано, а потом зачеркнуто следующее основное место в самом конце «Истории болезни»: *«Желудочное кровотечение способствовало возникновению повторных приступов коллапса, которые закончились смертью».*

Множественные переписывания и исправления именно этого места свидетельствуют, что согласия между врачами (как выйти из создавшегося положения?!) не было до самого конца! Быть может, именно поэтому датированный июлем 1953 года 3-й вариант «Истории болезни» никто(!) не подписал... А сказать, когда был всеми(!) подписан 4-й (нейтральный) вариант, пока не представляется возможным. Видимо, именно из-за него до сих пор гуляют слухи, что эта «История болезни» подделана! Во всяком случае, я сам убедился, что по сей день есть те, кому бы не хотелось, чтобы все выплыло наружу. В связи с чем предлагаю информацию для размышлений: когда 2 года спустя, я попросил еще раз допустить меня к тем документам, которые я уже видел и частично обнародовал, мне сказали: «Вряд ли это получится, так как документы эти снова засекретили...» И добавили: «Но надежд не теряйте! Может быть, через месяц-другой все встанет на свои места».

Аналитическое заключение самого опытного руководителя советской разведки Владимира Крючкова

Исследование «Как убивали Сталина», конечно, сильный материал. Очень сильный материал. Убедительный. Правда, за 17 лет руководства внешней разведкой СССР я привык, чтобы по любому значительному поводу высказывалось, как можно больше знающих людей. Брать на себя истину в последней инстанции ни одному человеку не под силу. Поэтому хотелось бы, чтобы после пуб-

ликаций тех ошеломляющих материалов, которые обнаружил и исследовал Добрюха, на этот счет высказались и другие видные специалисты, и вообще все, кто имеет к этому серьезное отношение. Всегда оказывается лучше, когда один человек не навязывает остальным свои выводы, а ведет дело так, чтобы вопрос, поднятый им, вызывал свободное обсуждение, уточняющее и дополняющее уже достигнутый результат.

Дальше. Было бы хорошо, чтобы по итогам обсуждения группа находящихся наверху и вызывающих доверие экспертов обнародовала выводы, имеющие бесспорные доказательства, а также те вопросы, которые еще требуют своего решения.

Вместе с тем надо признать, что впервые материалы о последней болезни и смерти Сталина настолько значительны, что теперь от них уже никто не сможет отвернуться. Как человек, проработавший главную часть жизни в компетентных органах, я всегда думал, что в случившемся в ту первую весеннюю ночь 1953 года много загадочного: и врачей долго не было; и поведение тройки «Берия-Маленков-Хрущев» — странное; и многое другое вызывает простые вопросы...

И вот наконец-то сделан(!) в нужном направлении очень примечательный первый шаг, такой шаг, от которого не отвертишься. Теперь ни один уважающий себя историк или политик не сможет не иметь этого в виду. Этот шаг примечателен тем, что впервые позволяет перейти от исследований воспоминаний, слухов и предположений к исследованию главных подлинных документов.

Что же касается темы двойников Сталина, то ее исследование не кажется мне убедительным. Впрочем, у меня не было времени заняться разработкой подобной информации, поскольку нараставшие как снежный ком проблемы Перестройки, случившейся в бытность мою Председателем КГБ СССР, не давали даже оглянуться назад...

Однако даже та информация, которой я располагаю, говорит, что никаких двойников у Сталина не было, как не было их у Хрущева, Брежнева, Андропова и Горбачева. Но разговоров про это приходилось слышать немало... Вот на Западе и в других странах такая практика была... И то — больше в государствах так называемого «третьего мира». А у нас нет! Даже после попытки выстрелить в Горбачева в ходе демонстрации на Красной площади этот вопрос не вставал.

Если бы двойники у Иосифа Виссарионовича были, вряд ли эту тайну кому-то удалось бы бесследно унести на тот свет. Если бы она была, кто-кто, а я бы ее знал...

Материалы же насчет последней болезни и смерти Сталина — это, действительно, по-настоящему серьезно!

Сомнения главного токсиколога Москвы

Когда все это прочитал один из крупнейших специалистов в области ядов главный токсиколог Москвы Юрий Николаевич Остапенко, то он сказал мне, якобы не видит подтверждений (исходя из предложенных мною документов), что был использован яд природного происхождения. Однако, чуть погодя, как бы между прочим, заметил, что склоняется к тому, что все это похоже на то, что было применено лекарство «дикумарин». «Дикумарин» мог быть изготовлен специально с передозировкой, после чего его прием вызывает инсульт...

И тут я вспомнил, как Лозгачев, первым увидевший лежавшего на полу после удара Сталина, говорил: «Я подбежал и спросил: «Товарищ Сталин, что с Вами? Может, врача вызвать?» А он в ответ так невнятно: «Дз... дз...» Дзыкнул и все».

Именно эти слова я вспомнил, когда зашел разговор об инсульте от «дикумарина», изготовленного с передозировкой. Может, именно о «дикумарине» пытался сказать парализованный Сталин, выдавливая из себя только «дз... дз...»

Справка о дикумарине

Белый мелкокристаллический порошок, без запаха. Плохо растворим в воде и спирте. Однако относительно быстро всасывается при приеме. Дикумарин был первым и основным представителем антикоагулянтов — лекарств, снижающих свертываемость крови. Однако в связи с высокой токсичностью изъят из употребления.

По современным представлениям, дикумарин является подавителем витамина К, необходимого для образования в печени протромбина, отвечающего за свертываемость крови (Смотрите «Муки совести профессора Лукомского» — о протромбине. — НАД.). Дикумарин способен незаметно для человека накапливаться в организме и при достижении определенной концентрации вести к отравлению. Эффект воздействия дикумарина проявляется не сразу,

медленно, но продолжительно. Воздействие начинается через 2-3 часа и достигает максимума через 12-30 часов. (Что, заметим, соответствует времени нарастания потери сознания у Сталина в течение первых суток его последней болезни. — НАД.) В плазме крови дикумарин связывается с белками и выделяется прежде всего с мочой. Вызывает снижение липидов в крови и, следовательно, расстройство нервной системы, а также повышает проницаемость сосудов, что чревато кровотечениями. При передозировке и длительном применении дикумарин приводит к тотальным кровотечениям, связанным не только с изменением свертываемости крови, но и с повышением проницаемости капилляров. Могут наблюдаться выделения крови с мочой, кровотечения из полости рта и носоглотки, желудочные и кишечные кровотечения, кровоизлияния в мышцы и т. д. Особо опасен для пожилых людей...

Осторожное мнение главного судмедэксперта Москвы Владимира Жарова

«Клинические данные свидетельствуют о том, что у Сталина было очень обширное поражение головного мозга — кровоизлияние и отек мозга.

Лейкоцитоз свидетельствует о серьезном воспалении. При мозговом поражении такого сразу не может быть. Это могут быть хронические болезни, которые обострились.

Последовавшая рвота тоже может быть проявлением мозговых нарушений, примерно того же характера, что и конвульсивные сокращения конечностей. *Кровь в рвоте — это основание для того, чтобы размышлять: возможно, действительно в организм попал какой-то яд, который разрушил стенки сосудов в желудочно-кишечном тракте.*

Анализ рвотных масс говорит о том, что кровь в желудке подверглась химическому воздействию. «Содержимое желудка черного цвета...» — именно такой цвет приобретает кровь, вступившая в реакцию с раствором соляной кислоты, который представляет из себя желудочный сок.

Но исключить отравление полностью нельзя. Есть подозрения, что некий токсический фактор присутствовал. Хотя подобные изменения могут быть связаны и с тяжелой гипоксией. А это, в свою

очередь, связано с отказом нормальной работы сердца, которое спровоцировано мозговыми нарушениями.

Это могут быть яды не разъедающего воздействия, а яды, вызывающие поражение дыхательной, сосудодвигательной функции. Это могло бы быть отравление ядом, который приводит к функциональным расстройствам — поражает, например, дыхание. Они не приводят к морфологическим изменениям в организме, а вызывают определенную клиническую картину нарушения кровообращения. В пользу отравления свидетельствует массивное кровоизлияние в полость желудочно-кишечного тракта из-за нарушения проницаемости стенок сосудов. Когда поступают яды, стенки сосудов начинают пропускать кровь.

Увеличенная печень может быть при гипертрофическом циррозе, когда функционально активная ткань замещается нерабочей соединительной и т.д. Он может быть действительно связан с токсическими воздействиями.

Заставляет задуматься и лимфоцитоз. Токсическая зернистость свидетельствует о том, что в организме есть какие-то очаги токсического воздействия — яды, может быть, что-то еще. Если в организм попадают бактериальные или токсические элементы, то лейкоциты, лимфоциты и нейтрофилы начинают размножаться и «съедают» их. Они как бы «нафаршированы» этими бактериями и увеличиваются в размерах. И в этом случае действительно наблюдается такое явление как токсическая зернистость».

В ответ на эти осторожные слова в книге «Маленков» Р. Баландина есть следующее замечание: «Некоторая неопределенность данного заключения вполне оправданна. Ведь если покушение на Сталина организовали профессионалы своего дела, то и средства были подобраны основательно».

P.S. На смерть Сталина Ольга Бергольц написала:

*Обливается сердце кровью...
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над тобой.*

Лечебно-Санитарное Управление Кремля
Центральная Клинико-Диагностическая лаборатория

23
149

Исследование крови № 14966

1953 г.

Гр. Хрусталева ист. бол. №

По поруч. д-ра _____ учрежд. _____ палата № _____

Гемоглобин и количество форменных элементов

Гемоглобин по Сали 83
Эритроциты 4740000
Цветной показатель 0,88
Лейкоциты 21.000
Кровяные пластинки (тромбоциты)
Ретикулоциты

Микроскопическое исследование окрашен. препаратов

ЭРИТРОЦИТЫ

Анизоцитоз
Пойкилоцитоз
Гипохромия
Полихроматофилия
базофильная зернистость
Нормобласты и др. формы

Один из тех анализов крови Сталина,
который привел врачей в замешательство: неужели вождь отравлен?

14905

Лейкоцитарная формула:

	В данной крови	В норме у взрослого
Лимфоциты _____	9,5%	22-30%
Моноциты _____	10,5%	4-8%
Клетки тюрка _____	0%	0-1%
Базофилы _____	0%	0-1%
Эозинофилы _____	не найдены	1-4%
Нейтрофилы _____	85%	55-68%

Классификация нейтрофилов по Шиллингу

Миелоциты _____	0%	0%
Юные _____	0%	0%
Палочко-ядерные _____	18%	2-5%
Сегменто-ядерные _____	67%	50-68%

Особые замечания В части нейтрофилов
имеется токсическая зернистость

Паразиты _____

Реакция оседания эритроцитов по микрометоду д-ра Панченкова
через 1 час. —

лаборант Виноградов
Зав. лабораторией Зав. отделением

Один из тех анализов крови Сталина,
который привел врачей в замешательство: неужели вождь отравлен?

Глава 19

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНА СТАЛИНА ИЛИ САМОЗВАНКА?

19.1. НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНА СТАЛИНА

*Какую тайну
хотела открыть падчерица вождю?*

Неотложное дело

Это событие не потрясёт мир, но останется в его памяти столько, сколько будут говорить о Сталине. Тайна, которая приоткроется здесь, долго не давала покоя не одному поколению историков. Над ней ломал голову Дм. Волкогонов. Её не смог раскрыть Б. Илизаров. И не сумели найти ответ на неё многотомные труды А. Бушкова. Тайна эта касается личной жизни И.В. Сталина.

...Сталину оставалось жить чуть более суток. Утром по радио и в газетах неожиданно и страшно было объявлено о его крайне тяжёлом состоянии. И в тот же день, 4 марта 1953 года, «в Кремль товарищу Маленкову» было передано с соблюдением всех секретных требований срочное и очень необычное письмо...

Теперь у нас есть право привести его без каких бы то ни было изъятий. Более того, представить фотографию оригинала письма. Вот оно.

«Уважаемый т. Маленков!

Я дочь Анны Рубинштейн (бывш. жены т. Сталина).

Ввиду его болезни прошу дать мне возможность его увидеть.

Он знает меня с детства.

Р. Свешникова

(Регина Костюковская — дев. фамилия)

Мой адрес: Народная 13 кв. 163

Если нельзя его увидеть, то прошу Вас меня принять.

У меня есть неотложное дело.

4/III-53 г.»

Кто — вторая жена Сталина?

Что в те смутные дни собиралась сказать умирающему Сталину автор письма? С каким неотложным делом обращалась эта женщина к руководству страны? Об этом теперь можно только догадываться...

В первую очередь необходимо сообщить — что(!) благодаря компетентным инстанциям мне стало известно об Анне Рубинштейн, которую дочь Регина называет «бывшей женой т. Сталина».

Начнём с возраста. Анна — примерно 1890 года рождения. Точная девичья фамилия её пока не установлена. Вместе с тем обнаружены документы, свидетельствующие, что она вышла замуж за Зельма Костюковского и 28 сентября 1911 года в г. Ромны тогдашней Полтавской губернии родила от него дочь Регину. Ту самую Регину, которая передала в Кремль своё срочное письмо...

Когда Анна развелась — неизвестно! Как неизвестно и то, когда она (с мужем или уже разведённая?) с малолетней дочкой переехала жить в Питер? Перед Первой мировой войной (1914-1918 гг.) или в 1917 году(?), когда Сталин (кстати — уже вдовец) благодаря Февральской революции раньше времени был освобождён из ссылки в Туруханский край и уже 12 марта прибыл в Петроград. (Первая официальная жена Сталина Екатерина Сванидзе умерла от брюшного тифа в Тифлисе 22 ноября 1907 года.)

Регина пишет: т. Сталин «знает меня с детства». Это, конечно, возможно, если иметь в виду, что в Питере будущий вождь находился с 10 по 22 апреля 1912 г. и затем с 12 сентября того же года (с большими перерывами) по 23 февраля 1913 года, когда его арестовали и 2 июля отправили в туруханскую ссылку. Однако, скорее всего, это могло случиться после возвращения Сталина из ссылки весной 1917 года, когда Регине было 5 с половиной лет. С этого возраста она уже могла его помнить. Сами же супружеские отношения Сталина с её матерью Анной могли начаться ещё в 1912 году.

В пользу того, что наиболее вероятными годами объявления Сталиным Анны своей второй официальной женой являются именно 1912-1918 гг., говорят и многочисленные нехорошие слухи вокруг отношений Сталина с Надеждой Аллилуевой в 1917-1920 гг. Неслучайно многие задавались вопросом: почему

почти 40-летний Иосиф так долго не заключает брак с сожительствующей с ним юной Надеждой? Впрочем, кто видел в ту пору паспорт Сталина, чтобы обсуждать, что в нём написано?! Как бы то ни было, брак Сталина с Аллилуевой принято отсчитывать только с 1919 года.

Жизнь без вождя

...Любопытна дальнейшая судьба Анны Рубинштейн. Мне удалось переговорить с родственниками её недавно умершего внука Виталия Владимировича Свешникова. И вот что выяснилось. Анна Рубинштейн скончалась в середине 50-х годов в Ленинграде. Где она похоронена — родственники внука, к сожалению, не знают. Зато им запомнился такой многозначительный факт: внук Виталий Владимирович Свешников вспоминал, что его бабушка Анна Рубинштейн жила не где-нибудь, а на Васильевском острове напротив дома, в котором примерно в 1926-1934 гг. жил Киров... То есть, скорее всего, принадлежала к числу тех граждан, кому не просто так местожительство определили среди домовладений новой элиты. Неслучайно также, видимо, выжила она и в годы блокады? Значит — была какая-то особенная возможность выжить... и не только ей самой, но и дочери Регине с сыном Виталием?!

Регина перебралась с мужем и сыном из Ленинграда в Москву 22 сентября 1950 года... и сразу въехала в один из новых «сталинских домов» на Таганке. В этих домах сейчас покупают квартиры только новоиспечённые миллионеры. Вместе с тем, по словам Регины, большая часть семейства Анны Рубинштейн (а семейство было очень большое!) блокадный голод и холод все-таки не перенесли...

Судя по письму в Кремль, высшее руководство страны (во всяком случае — Маленков и Берия) должно было быть в курсе того, что «Анна Рубинштейн — бывшая жена т. Сталина». Однако поскольку Анна была еврейкой, они, вероятно, сами без указаний Сталина не решились рассекречивать этот факт, дабы не компрометировать вождя. Ведь в то время борьбу с «безродными космополитами», якобы работающими на разведки всего мира, ещё никто не отменял...

Хранить вечно!

Между тем, по воспоминаниям Регины Зельмовны, нрав у её матери был ещё тот: Анна настолько была против брака Регины с Владимиром Васильевичем Свешниковым, что не хотела знаться даже с их сыном и её внуком Виталием. Эту нетерпимость матери переняла и Регина. Когда сын Виталий без её согласия женился на Маргарите – студентке Московского авиационного института, и у них родилась дочка Ирина, Регина, подобно матери, свела свои отношения с ними до минимума. А невестку... так она просто видеть не могла. Дошло до того, что как-то приехала, схватила все документы сына и... только их и видели. После всего этого Маргарита Николаевна Свешникова о свекрови без обиды слова сказать не может. Говорит, что нормальные люди так не поступают. В доказательство своих подозрений Маргарита Николаевна вспоминает, как в конце 50-х, вскоре после того, как она вышла замуж за Виталия, им позвонили и сказали, что Регина Зельмовна Свешникова находится в больнице. Откуда её нужно вызволить! «И мы с мужем, – возмущается Маргарита Николаевна, – всю ночь ездили её вызволять».

Здесь я остановил её: «Как вызволять? Зачем?»

– Знаете, – ответила Маргарита Николаевна, – я уверена, что она, как и её мать, была просто больная... Нормальные люди так не поступают!

Всё это заставило наводить справки. То, что выяснилось, произвело ещё большее впечатление. Оказалось, Регина Зельмовна Костюковская-Свешникова (падчерица Сталина?) работала в Москве инженером в режимном учреждении. Была военнообязанной, т. е. входила в офицерский состав, контролируемый спецслужбами. Сын её, Виталий Владимирович Свешников, и её невестка, Маргарита Николаевна Свешникова, работали в «почтовых ящиках» на особо важных участках, связанных, скажем так, с разработками новейшей техники. Эти организации и поныне являются носителями государственной тайны. При том отборе и контроле, который был в советское время, люди с сомнительными данными в таких местах, как правило, не работали. Это наводит на мысль, что ни сама Анна Рубинштейн, ни ее дочь Регина не были самозванками, надумавшими в силу какого-

то расстройства или из соображений выгоды «породниться» с вождем.

23 января 1989 года Отдел ЗАГС сообщил, куда следует: Регина умерла... Похоронили её на Николо-Архангельском кладбище.

...Письмо в Кремль Маленкову от Р. Свешниковой находилось на контроле до 16 апреля 1953 г. После чего главный помощник Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова Д. Суханов написал: в «Архив». Если бы это письмо было результатом «весеннего обострения» у какого-то случайного советского гражданина, на него вряд ли бы поставили грозный штамп «Подлежит возврату в канцелярию Президиума ЦК КПСС». И вряд ли бы письмо это оказалось в папке с надписью «Хранить вечно!»

19.2. САМОЗВАНКА?

*Неожиданное продолжение темы:
политическая загадка
или весеннее помешательство?*

«Личное дело» Регины Свешниковой

Мои поиски, идущие 3-й год, вновь принесли неожиданные находки. Причём, если бы сотрудничавшие со мной чиновники оказались бюрократами и протянули поиски «Личного дела» Регины Свешниковой до июня 2007 года, я бы его, наверное, уже никогда не увидел... Потому что на июнь была намечена ликвидация научно-исследовательского института, в котором работала Свешникова, а заодно с ним и... архива с её «Личным делом».

И вот, благодаря тому, что нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, я держу в руках «Автобиографию» Регины Зельмовны Свешниковой. Той самой Регины Свешниковой-Костюковской, которая в предсмертные часы вождя 4 марта 1953 года написала Маленкову: «Я дочь Анны Рубинштейн (бывшей жены т. Сталина)... Прошу дать мне возможность его увидеть. Он знает меня с детства... У меня есть неотложное дело».

Итак –

Автобиография

Свешникова Регина Зельмовна. Год рождения по паспорту г. Ромны 1911 г. Родители: мать Пескина Мария Юльевна домохозяйка (умерла), отец Костюковский Зельман Аронович. До 1920 г. жила в г. Ромны. В 1920 г. переехала с родителями в Ленинград (Тогда еще Петроград. — НАД.), где я окончила 37 трудовую школу девятилетку. (В 1928 г.). В 1930 г. приступила к работе на з-де Кр. Треугольник, где работала по 1932 г. и приступила к работе на Балтийском з-де. В 1935 г. уехала с мужем Свешниковым В.В. (в наст. время с ним разведена) и сыном Свешниковым Виталием 1932 г. рождения на Дальний Восток в г. Комсомольск-на-Амуре, где работала на з-де 199. В 1937 г. вернулась в г. Ленинград и приступила к учебе в институте Металлопромышленности, где училась по 1941 г. В 1941 г. ввиду эвакуации в г. Горький перевелась в Политехнический институт в г. Горьком, который окончила в 1944 г. После этого вернулась в Л-д с семьей и приступила к работе во II проектн. инст. М.С.П. (Вероятно, имеется ввиду Министерство Судостроительной промышленности. — НАД.). В 1946 г. ввиду болезни матери Пескиной М.Ю. получила право работать на дому в различн. организациях. В 1949 г. приступила к работе на з-де Большевик, где работала по 24 декабря 1949 г. В 1950 г. бывшего мужа Свешникова В.В. перевели на работу в г. Москву в М.С.П., где он и работает в настоящее время. И моя семья переехала в г. Москву. В 1956 г. мой сын Свешников Виталий Владимирович окончил Московский Авиационный институт и приступил к работе на з-де в г. Москве.

21 мая 1956 г. Свешникова

Всё! Как видите, ни слова об Анне Рубинштейн и тем более о Сталине. Какое-то весеннее помешательство или политическая загадка? Ведь одна серьёзная зацепка всё-таки остаётся. Это — загадочная история, которую мне помогают распутывать в Союзе писателей России. После чего становится ясно: теперь все дороги ведут в Ленинград 1920-1950 гг.

Подозрительные превращения Анны Рубинштейн

Через Союз писателей удастся выяснить, что в городе на Неве живёт писатель Виктор Иванович Кузнецов, который, занимаясь расследованием обстоятельств смерти Есенина, склоняется к выводу, что смерть поэта в ленинградской гостинице «Англетер» в декабре 1925 года носила насильственный характер. Кажется, ничего нового! Да и стоит ли отвлекаться на обстоятельства смерти поэта тогда, когда требуется решить вопрос: была ли Анна Рубинштейн женой Сталина?!

Однако, если вникнуть в подробности, установленные писателем В.И. Кузнецовым, оказывается, что в этой смерти могла быть замешана некая Анна Рубинштейн, которая весьма подозрительно всё время меняла свою фамилию и... даже имя и отчество. То она — Анна Яковлевна Рубинштейн, то — Елизавета Алексеевна Устинова, то Надежда Николаевна Рубинштейн, то... ещё Бог знает кто?!

Мало того, какое-то время жила она чуть ли не на одном этаже с... тестем Сталина — Сергеем Яковлевичем Аллилуевым. В 1-м Доме Советов. И когда Сталин приезжал к нему — действительно могла с ним встречаться. Тем более, что именно в те годы отношения у сравнительно недавно родившей Васю и Свету Нади с Иосифом Виссарионовичем доходили до разрыва. И Сталин мог приезжать в Питер мириться со сбежавшей с детьми к тестю женой... Данные для подобных предположений содержатся в воспоминаниях дочери вождя.

Вместе с тем интересно, что якобы эта самая Анна Рубинштейн как-то(?) не одна оказалась в «Англетере» и чуть ли не первой обнаружила, что Есенин... повесился. Вскоре «сей факт» она обнародовала в газете через журналиста Георгия Феофановича Устинова, с которым, видимо, жила тогда в гражданском браке или просто сожительствовала.

А может, и сама всё написала, поскольку помимо разных дел профессионально занималась и газетным ремеслом. Писатель В.И. Кузнецов утверждает, что она даже ответственным секретарём «Красной газеты» была. Правда, дальнейшей её судьбе не позабудешь. Поначалу, пока Зиновьев находился в Ленинграде у власти, а она входила в его боевое окружение, была наплаву. Однако,

когда Зиновьева свергли и в Ленинграде воцарился друг Сталина Киров, редактором «Красной газеты» назначили Петра Чагина (1898-1967 гг.), бывшего человеком Кирова и другом Есенина по Баку, где в одно время, до переезда в Ленинград, работали Киров и Чагин. Это ему посвятил Есенин свои знаменитые «Персидские мотивы». Так вот, друг Есенина Чагин, — уверен В.И. Кузнецов, — Анну Рубинштейн из «Красной газеты» выжил. А когда пришёл 37-й год, её отправили на Соловки. Завершила ли там Анна свой жизненный путь или опять, превратившись в какую-нибудь Марию Юльевну Пескину, продолжила свои похождения? Это достоверно неизвестно...

Однако причём тут Сталин? Сталин вроде бы в высказываниях против Есенина замечен не был. Это Николай Иванович Бухарин (впоследствии сообщник Зиновьева, Каменева и Троцкого) с резким публичным осуждением Есенина выступал, а 12 января 1927 года даже в «Правде» напечатал свои (отчасти, надо признать, справедливые!) «Злые заметки» и вынес в них излишне суровый, я бы сказал, даже зловещий приговор есенинской поэзии: «С этим гнильём надо кончать. И чем скорее, тем лучше...»

Вот с ним Анна Рубинштейн могла быть в одной связке по отношению к Есенину. Но — Анна Рубинштейн, подозрительно меняющая раз за разом свои имена и фамилии, и Сталин? Анна Рубинштейн и зиновьевско-бухаринский заговор против Есенина, а потом и самого Сталина? Что-то всё это никак не складывается в моём понимании. И в то же время не имею права сказать категорическое «нет», потому что... откуда Регина Свешникова могла в 1953 году знать и говорить именно об Анне Рубинштейн(?), если рассказ о ней впервые(!!!) появился в книге В.И. Кузнецова в 1998 году, то есть — лет через десять после смерти Регины...

Итак, все пути ведут в Ленинград 1920-1950 гг. Расследование продолжается...

135

Уважаемый
г. Маленков!

Я дочь Анна Рубинштейн
(брат жены г. Сталина)
Ввиду его болезни
крому дар мне возможности
его увидеть.

Он знает меня с детства
Р. Свешникова

(Резина Костюковская - дев. фамилия)

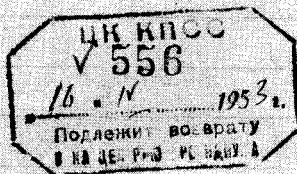
мой адрес: Народная 13 кв. 163

Если когда его увидеть, то прошу
все меня приехать.

У меня есть неотложное дело

4/III-53г

Анна
80
16/III

Документ, свидетельствующий,
что у Сталина могла быть жена, неизвестная его биографам.

Личный листок
по учету кадров

5

Свешникова

Регина *Зельмановна*

Родилась *1913. 28 сент.*

г. Ровны Слесской обл.

Урсыка б. Соц. проф. образования *Служащая*

Ж партизан *ис. с. с. с. с.*

Высшее

АВТОБИОГРАФИЯ

Свешникова Регина Зельмановна

Родилась по паспорту в Ровны 1913

годом. мать Гусева Мария Ивановна

мужья Ефим Викторович Зельманов

1926г. жила в г. Ровны

1928г. переехала в рабочий поселок

Кимовск где и жила до 1937г. у

мужа (с 1928г.). В 1937г. переехала

работать на 3-ю ст. в г. Ровны, г. р.

Фото из «личного дела» и автобиография Регины Свешниковой, которая написала Маленкову, что её мать «Анна Рубинштейн – бывшая жена т. Сталина».

Глава 20

НАСЛЕДНИКИ БЕРИИ

20.1. ПЕРВАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» ПОСЛЕДНЕЙ СТАЛИНСКОЙ ВЕСНЫ

Это была сенсация № 1

В первые мартовские дни 1953 года, когда мир обсуждал события и слухи, связанные с именем Сталина, в недрах советской и партийной власти уже официально был поставлен вопрос о необходимости разоблачения культа его личности. Это произошло за три года до так называемого «исторического XX съезда КПСС». И сделал это с трибуны не кто иной, как «соратник И.В. Сталина» (слова из Большой Советской Энциклопедии 1954 года) Г.М. Маленков. Но! Но сделал он это не сам, а под прямым влиянием непревзойденного мастера тайных дел советской госбезопасности Л.П. Берии, который 29 марта 1949 года, в день поздравления его с 50-летием от имени ЦК ВКП(б), тоже был назван «соратником товарища Сталина», а 23 декабря 1953 года (если верить официальным сообщениям) расстрелян по приговору суда как главный враг советского народа...

То действительно новое, что сделал Хрущев на XX съезде, — не разоблачение культа личности Сталина, а обвинение Сталина в организации массовых репрессий, в которых (согласно данным Председателя комиссии по реабилитации политических жертв А.Н. Яковлева) не меньше других преуспел сам Хрущев.

Самое удивительное, что Сталин сам подал идею борьбы со своим культом. Выступая на июльском пленуме 53-го года, Микоян сказал: «В первые дни после смерти Сталина Берия ратовал против культа личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, — говорил товарищ Сталин, — это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так и шло...»

Происхождение Маленкова

По рассказам сына Андрея, отец, Георгий Максимилианович Маленков, — из дворян. Его предки по отцовской линии — выходцы из Македонии, осевшие в Оренбурге. Здесь 8 января 1902 года и родился будущий первый преемник и ниспровергатель Сталина. Умрет он, по словам сына, 14 января 1988 года и будет похоронен на обычном Кунцевском кладбище, которое настолько далеко от Кремлевской стены, словно это и не Москва.

По семейным преданиям, уже в 18-м году гимназист-отличник с геройским именем Георгий обнаруживает себя среди красных кавалеристов и через короткое время становится комиссаром бригады. В 20-м юный большевик «Победоносец» встретит на Гражданской свою бессменную «боевую подругу» (тоже дворянку-большевичку), очень волевою девушку Валерию Алексеевну Голубцову. И проживет с ней вплоть до ее кончины осенью 1987 года, так и не оформив брак. По этой причине жена (она была на год старше и умерла месяца за три до смерти Маленкова) на всю жизнь останется с девичьей фамилией.

Примечательный факт. У матери жены Маленкова сестра Зинаида окажется замужем за известным ученым и революционером, в молодости близким другом Ленина, — Глебом Кржижановским — главным разработчиком плана ГОЭЛРО и председателем Госплана. После разгрома бухаринской оппозиции в 1929 году его отстранят от государственной деятельности, но пожизненно оставят академиком.

Маленков (кстати, гимназию он закончил с золотой медалью), судя по всему, с самого начала попадет под сильное влияние жены. Приехав с нею в 21-м году в Москву, он даже учиться пошел на электротехнический факультет Высшего Технического Училища имени Баумана, т.е. по линии, которую помогла определить ему жена и... скорее всего — не без помощи тети Зины. Вот эта вот несамостоятельность Маленкова, обнаружившая себя еще в молодости фактом «подкаблучника», пройдет через всю его жизнь и, получив зловещее развитие, сыграет с ним дьявольскую шутку в дни кончины Сталина, когда Маленков попадет под... «колесо дружбы» с Берией. А поначалу основные направления жизни Маленкова будут определяться родственными связями и работой жены... в орготделе ЦК ВКП(б).

В институте имени Баумана Маленкова избран секретарем парторганизации. По словам сына, будучи уже на партийной работе после вуза, отец вместе с товарищами организовал кружок по изучению философии и теории марксизма. На занятиях кружка нередко выступали даже Н. Бухарин и его сподвижник А. Слепков. Однако, когда между Бухариным и большинством Политбюро возникли разногласия, кружковцы (а с ними Маленков!) поддержали Сталина. И эта немаловажная тогда поддержка была замечена и высочайше одобрена: каждый из кружковцев — единомышленников вождя получил именное приветственное письмо от самого Сталина. Так «всевидящее око генсека» заметило молодого, но не по годам смышленного партработника Маленкова, своевременно сориентировавшегося, чье дело правое...

Сын неоднократно признавался, что при попытках развить ту или иную политическую тему в беседах с отцом даже в годы Перестройки «разговор чаще всего не получал продолжения», что свидетельствует о крайне скрытном характере Георгия Максимилиановича. Исключительно осторожный человек, он был, что называется, себе на уме даже с самыми родными людьми. Даже с собственным сыном осторожничал...

Сын Маленкова говорит, что в окружении Сталина широко бытовала грязная матерщина. Отец же даже тогда, когда появлялся дома чем-то очень расстроенный, не позволял себе ни повышенных тонов, ни грубых, ни, тем более, нецензурных выражений. К Маленковым ни разу не приезжал в гости никто из руководителей первого сталинского ряда и никто из их домочадцев. Даже после смерти Сталина, когда, демонстрируя свою сплоченность, члены высшего ареопага ввели в моду дружить семьями, дом Маленковых оставался вне этой моды. Зато он был гостеприимно открыт для научной интеллигенции и прежде всего родственников жены Маленкова.

Первое пришествие Маленкова

Карьера Маленкова стремительна. Уже с 1934 года (после «стажировки» на ответственной работе в аппарате ЦК с 1925 по 1930 гг. и с 1930 по 1934гг. на руководящих должностях в МК) он заведует отделом руководящих парторганов Центрального Комитета. С марта 1939 года Маленков секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно

начальник Управления кадров ЦК. В этот год происходит знаменательное для него событие: в конце января главный палач 1937 года, крайне распушенный и неисправимый педераст (впрочем, пытавшийся лечиться от этого в 1936 году в Германии) бывший нарком НКВД Ежов, по утверждению сына Маленкова, был арестован по инициативе отца прямо на выходе из маленковского кабинета...

С февраля 1941-го Маленков уже кандидат в члены Политбюро, а с началом Великой Отечественной войны как член Государственного Комитета Обороны — ответственный за оборонную и прежде всего за авиационную промышленность. 30 сентября 1943 года его заслуги Сталин отмечает званием Героя Социалистического Труда, а перед этим, в августе, назначает Председателем Комитета по восстановлению хозяйства на освобожденных землях. Результаты этого назначения говорят сами за себя. То, что Маленков смог организовать в условиях войны и небывалой разрухи за какие-то 5 лет, нам в несравнимо лучшей ситуации не удастся сделать и за 15...

В марте 46-го Маленкова избирают членом Политбюро. Одновременно он начинает работать заместителем Председателя Правительства, возглавляемого Сталиным...

По рассказам сына, которые страдают, хотя и понятным, но слишком уж явным преувеличением роли отца почти во всех главных событиях того времени, Маленков после войны «стал признанным лидером молодых технократов и пользовался полной поддержкой большинства лучших военачальников». Многие из них были якобы его выдвиженцами. Поскольку эмоциональные воспоминания сына нередко лишь отчасти соответствуют тому, что было, приходится раз за разом и тут, и дальше использовать уже и без того заезженное здесь слово «якобы».

...По предположениям сына Маленкова, в 1946 году министр госбезопасности Абакумов, располагая шифровками военной поры, в которых говорилось о многочисленных случаях гибели наших самолетов из-за технических недоработок, фабрикует «дело авиаторов». И Маленков как куратор авиапромышленности попадает в опалу..

Второе пришествие Маленкова

В 1948 году Маленков быстро восстанавливает свои позиции. Сын утверждает, что отец был единственным членом Политбюро, который голосовал против осуждения по «ленинградскому делу» А.А. Кузнецова и Н.А. Вознесенского по «делу работников Госплана».

На XIX съезде партии в октябре 1952 года основной доклад делает Маленков. Это значит, что именно его с данного момента Сталин рассматривает в качестве своего официального преемника. О силе позиций Маленкова, — говорит сын, — свидетельствовало и то, что отец получил право подписи за Сталина...

Третье пришествие Маленкова

На мартовском 53-го года пленуме ЦК Берия предлагает назначить Маленкова Председателем Совета Министров СССР... вместо Сталина! После похорон Сталина сессия Верховного Совета СССР утверждает такое назначение. И Маленков, как будто он готовился к этому, быстро разворачивает бурную деятельность, которая по многим направлениям явно расходится с ожидаемым большинством «курсом на продолжение дела Великого Сталина» и становится поистине «первой оттепелью последней сталинской весны».

...Неожиданно и вплоть до объявления об аресте Берии летом 53-го имя Сталина почти перестает упоминаться в общественной жизни страны. Газеты, журналы, радио... будто не знают, что был такой человек. А Постановление Президиума ЦК предписывает не оформлять отныне праздничные улицы портретами руководства. Правда, потом это и многое другое запишут (с молчаливого согласия Маленкова) в вину министру МВД Берии... А пока... Продолжение издания Собрания сочинений И.В. Сталина надолго оказывается под вопросом. В сентябре (Маленков теперь первый человек в стране!) принимается Указ Президиума Верховного Совета о ликвидации Особого Совещания и других внесудебных органов, т. е. главного репрессивного механизма, выносившего незаконные приговоры, минуя общепринятый порядок суда и следствия и... пути пересмотра дел. И, как это часто бывает, когда что-то делается в горячке или в состоянии эйфории, реабилитации и

амнистии происходят с чрезмерным перехлестом и с самыми нежелательными последствиями: страну наводняют прощенные уголовники и политические проходимцы...

В апреле происходит большое снижение цен. Но самой большой заслугой, приписываемой Маленкову людской молвой, оказывается призыв в августе 1953 года к отказу от высоких налогов на крестьян. В народе появляется частушка: «Как пришел Маленков, так наелися блинков». Параллельно идут суды и расстрелы наиболее страшных личностей из прежнего руководства МВД и МГБ. Свершается казнь Берии и его сообщников, а через год, в декабре 54-го, кара находит Абакумова и его сподручных. Однако и здесь имеет место спешка, сведение счетов и прятанье концов в воду. В итоге: опять наломано много дров...

Под эту «ледяную струю» разоблачения «подлинных врагов народа» в конце концов в 1955 году попадает и сам Маленков, «документально обвиненный» активизировавшимся Хрущевым и его сторонниками на январском пленуме в прямом содействии грязным планам Берии и... даже в сотрудничестве с ним. Особенно по «ленинградскому делу». Маленков, уже давно (еще со времени ареста Берии) опасавшийся подобного поворота событий, в феврале 55-го вынужден уступить место Председателя Совмина СССР Булганину. Опасения Маленкова были так велики, что даже его сын говорит: «Ни тогда, в 55-м, ни много позже я так и не добился от отца каких-либо комментариев по поводу того пленума...»

Сын описывает, как пытался Маленков распространить свою «оттепель» буквально на все сферы жизни и, в первую очередь, намечал решительное перераспределение средств, вкладываемых в тяжелую промышленность, в пользу легкой и пищевой индустрии, что сразу бы привело к росту так называемого ширпотреба. Правда, потом мог начаться спад всей экономики. Но кто же тогда думал, что может быть потом? Маленкова и самого начало заносить на волнах организованной им «оттепели»: без должных денежных и товарных запасов было заявлено о необходимости срочного решения задачи социального и прежде всего пенсионного обеспечения; провозглашался курс на постоянное снижение розничных цен и т. д. и т. п.

В эти годы Маленков, как Манилов, проявляет инициативу за инициативой, призывает к разрядке и мирному сосуществованию двух миров, дает указание вновь назначить Твардовского редакто-

ром «Нового мира» и мобилизует своего прославленного 82-летнего(!) родственника Г.М. Кржижановского, чтобы тот организовал лучших ученых для выработки соображений о путях развития СССР...

Однако, в начале 1955 года, Маленков и его «партия» технократов терпят поражение. С этого момента почти на треть века в нашей стране устанавливается полное господство партократии, чего не было даже при Сталине, и что началось с Хрущева. В этом, — убежден сын Маленкова, — главное отличие режима Хрущева от режима Сталина.

Из Председателей партия, возглавленная Хрущевым, перевела Маленкова в простые зампреды Совмина; оставив в Президиуме ЦК, в то же время сделала его министром электростанций СССР, но затем, в июне 57-го, вообще отправила из Москвы... руководить рядовой электростанцией: вначале в Усть-Каменогорске, потом в Экибастузе. Эта «ссылка» последовала в результате разгрома так называемой «антипартийной группы Маленкова, Молотова и Кагановича». Как утверждает сын, Маленков на правах члена Президиума предлагал освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, оставив за ним иной, не столь ответственный пост, не оставляющий возможностей для безудержного авантюризма Хрущева и стремления его к личной диктатуре... Однако вместо Хрущева освободили, от чего только можно, самого Маленкова! Поводом к возвращению из 11-летней «ссылки» в Москву послужила смерть матери Маленкова в 1968 году.

Такова в общих чертах биография Маленкова в глазах его сына. А вот каким он был в глазах тех, кто с ним работал.

Хрущев о Маленкове

Маленков был большим приятелем Ежова... Когда я приезжал в Москву, то всегда бывал у Маленкова на даче в выходной день... Позже Маленков очень сблизился и сдружился с Вознесенским, а потом он стал неразлучным другом с Берией. ...Один раз Сталин Маленкова даже устранил из ЦК и выслал в Среднюю Азию. Тут Берия подал ему руку помощи, и затем они стали неразлучными друзьями.

...Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы реши-

ли немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался.

Я решил с Маленковым поговорить. Я подошел к Маленкову и говорю: «Егор, надо мне с тобой поговорить».

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот, Сталин умер. Есть о чем говорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся. Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по-другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берией, и все уже давно обсуждено.

...Началось распределение портфелей. Сейчас же Берия предложил Маленкова назначить Председателем Совета Министров с освобождением от обязанностей секретаря ЦК. Маленков тут же предложил своим первым заместителем утвердить Берию и слить два министерства — госбезопасности и внутренних дел — в одно Министерство внутренних дел и назначить Берию министром.

...Я очень сомневаюсь в возможностях проведения Маленковым твердой линии: у него нет твердого характера, хребта не хватает. Я вижу, что нет у него характера, если человек нередко теряется, заискивает перед другими — может испугаться, сдаться...

Жуков о Маленкове

«Вина Маленкова больше, чем вина Кагановича и Молотова, потому что ему было поручено наблюдение за НКВД, ... с другой стороны, он был непосредственным организатором и исполнителем этой черной, нечестной, антинародной работы по истреблению лучших наших кадров... Я как-то зашел по делам к Булганину, и он показал мне документы, которые по его заданию были изъяты из личного сейфа Маленкова. Что это за документы? Это документы с материалами наблюдения за рядом маршалов Советского Союза, за рядом ответственных работников, в том числе... за Жуковым... с записью подслушанных разговоров в 58-ми томах.

Этот материал хранился в личном сейфе Маленкова и изъят был случайно, когда МВД понадобилось арестовать его помощника за то, что проворовался. (Имеется в виду Д.Н. Суханов. — НАД.)

В том числе был также обнаружен документ, написанный лично рукой Маленкова (а я его руку хорошо знаю — у Сталина не раз

во время войны вместе писали документы) об организации специальной тюрьмы для партийных кадров. И была приложена схема тюрьмы...»

В связи с этим драматург Э. Радзинский бросил как-то реплику: «После отставки Маленкова у его помощника Суханова были изъяты заранее написанные конспекты допросов будущих высокопоставленных узников. Они еще находились на свободе, а их допросы уже существовали!»

Любопытна и реплика последнего Первого секретаря СП СССР В. Карпова: «Внешне Маленков не импонировал Жукову: уж очень он нестройной – рыхлый, с бабским задом и действия его какие-то несамостоятельные, он тень Сталина, его послушный угодник. Знал Жуков, что некоторые члены Политбюро, не симпатизирующие Маленкову, зовут его Маланьей. Очень метко!»

Молотов о Маленкове

А вот что мне частенько приходилось слышать о Маленкове от Феликса Чуева, который любил говорить о главных действующих лицах сталинского времени, что называется, от имени Молотова. И, судя по всему, Чуев больше всех имел на это право, поскольку был для Молотова последние 18 лет его жизни чуть ли не единственным своим человеком.

Молотов говорил: «20 лет прошло после Сталина. Но кто со Сталиным крепко остался? Вот Каганович и я. Больше не знаю».

Чуев: «А Маленков?»

Молотов: «Он тоже держался хорошо. Нет, он не против Сталина... Маленков – способный аппаратчик... вопросами теории, вопросами коммунизма, по-моему, мало интересовался... Берия и Маленков были тесно связаны... Сказать, что Маленков был близок к Сталину, по-моему, нельзя...»

...Маленков и Берия были будто бы в большой дружбе, но я никогда этому не верил. ...Маленков отмалчивался, а я знал, что он пойдет за Берией.

...Маленков не играл решающей роли... Маленков – очень хороший исполнитель, «телефонщик», как мы его звали, – он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел. По организационно-административным делам, кадры перераспределить – это Маленков... Очень активный, живой, обходительный. В главных вопросах отмалчивался.

...Его первый недостаток заключался в том, что он сразу попал в руки правых, по политическим вопросам, а во-вторых, он вел себя не как настоящий член ЦК, когда он сделался Председателем Совмина.

...Маленков порядочный, безусловно. Он порядочный. Но, к сожалению, вот в этих условиях мало теоретически подготовлен. Не может, видимо, по-настоящему ориентироваться...

...Маленков тут был у меня два раза... Боюсь, что видеться со мною не хочет... Приехал, всех перецеловал и уехал. Толком не поговорили. Я так ничего и не понял...

...На пленуме, когда Хрущев предложил снять Маленкова с Председателя Совета Министров, я тоже выступил с критикой Маленкова, потому что Маленков крупными вопросами политически не занимался. Не самостоятельный.

...Маленков занимал несамостоятельную позицию. Слабоват насчет воли, слабоват».

Твардовский о Маленкове

Перед отставкой Маленкова с поста Предсовмина его видел Твардовский: «Тяжелое впечатление, как в полчаса увял этот человек, исчезла вся его значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами протянутых рук Президиума, запинаящийся, повторяющий, «темнящий», растерянный, чуть ли не жалкий... Жалка и безнадежна его дальнейшая судьба. Это-то он понимал».

Звездный час Маленкова, расколотый надвое

И все-таки, — утверждают современные историки, — некоторые идеи, рожденные государственным умом Маленкова, на десятки лет опередили свое время, а за такое явление, как «оттепель», ее сторонники обязаны не Хрущеву, а Маленкову. Поэтому продолжим то, с чего начали, то есть с роли Маленкова в развенчании Сталина и, стало быть, в зарождении «оттепели».

Первое развенчание произошло уже в первые дни... без Сталина. Наиболее серьезным было, хотя и секретное, но официальное заявление Маленкова вскоре после похорон, точнее, 10 марта на Президиуме ЦК, когда, критикуя СМИ, он сказал: «Считаем обя-

зательным прекратить политику культа личности». В итоге секретарю ЦК Пospelову поручили контролировать СМИ, а Хрущеву — надзирать за подготовкой информации, касающейся Сталина. Короче, преодоление культа свели к нормализации объективности пропаганды.

Однако месяца через четыре на июльском пленуме ЦК Маленков решается уточнить эту свою установку и разъясняет: «Дело не только в пропаганде. Вопрос о культе личности прямо и непосредственно связан с вопросом о коллективности руководства». Из-за выступившего перед этим Микояна дело принимает совершенно неожиданный оборот. Поскольку пленум был посвящен аресту Берии, Микоян говорил: «В первые дни после смерти товарища Сталина Берия ратовал против культа личности». Впрочем, самым первым эту тему на пленуме поднял самый верный «сталинский апостол» Каганович, а на следующий день Тевосян поддержал его словами: «Этот мерзавец Берия возражал против того, чтобы, говоря об учении, которым руководствуется наша партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина, называть имя товарища Сталина». Однако определеннее всех выдвигает обвинение Андреев: «Тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берия...»

И вот именно тогда на действительно историческом июльском пленуме 53-го года происходит уже основательно «отрепетированное» Маленковым второе развенчание Сталина. Маленков, как бы поправляя и правильно расставляя ударения, вдруг решительно заявляет: *«Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала.»*

Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Об этом надо сказать, чтобы решительно исправить допущенные на этот счет ошибки...»

Предполагалось, что после такой речи уже тогда будет принято постановление ЦК против культа личности Сталина. Но Маленкова не поддержали. И лишь Хрущев через годы довел начатое Маленковым до конца.

Вечное молчание Маленкова

Эта антисталинская позиция Маленкова может показаться самостоятельной. Но, как свидетельствуют знавшие его люди, сам Маленков вряд ли был способен на такие решительные заявления. Каждый раз, когда он шел на радикальные шаги, за направлением этих шагов кто-то стоял. Вначале — жена, потом — Сталин, затем — Берия и напоследок, скорее всего, — Молотов и Каганович, а под конец, видимо, опять жена. Он сам почти всегда был вторичен, и потому привык осуществлять чьи-то «я». Однако стоило ему зарядиться этим чьим-то «я», как он сразу делался для большинства соперников непобедимым. Бесспорно, что, каждый раз нуждаясь в режиссере, он вместе с тем должен был иметь и, разумеется, имел грандиознейшие исполнительские способности. И этого у него не отнять при всех его «но». Сам, без посторонней помощи, он делался безвольным и замкнутым человеком. И даже в кругу семьи отличался чрезвычайной скрытностью. Именно она хранила его не только от соглядатаев из ГБ, но даже и от наблюдательнейшего ока Сталина, который в итоге именно его выбрал в качестве наиболее надежного для себя человека... Хотя вполне сознавал весь смысл этой надежности. Как говорится, в такой обстановке и рака приходится принимать за рыбу.

Маленков — друг Берии или его кукла?

После всего сказанного становится понятнее, почему Маленков оказался в одной связке с Берией... Берия, лицемернейший и искуснейший умелец входить в доверие к кому бы то ни было, незаметно и Маленкова втянул в цепь таких своих дел, которые в конце концов в общей сложности оказались вдруг крайне преступными. Так Маленков попал в зависимость от Берии. И вот... когда Берия стал затевать последние свои «операции», а судя по всему, и убийство Сталина, он, очевидно, сказал Маленкову: «Сталин со дня на день должен арестовать меня (как говорит сын Берии, у отца были все основания так думать, в том числе и разведданные!)... А если возьмут меня, то, сам понимаешь, возьмут и тебя, так как никто не выстоит перед теми допросами, которые освоили наши головорезы. И тогда я вынужден буду признаться про все, что мы

делали вместе. Поэтому доводить до моего ареста невыгодно ни мне, ни тебе. Значит, надо до конца во всем действовать сообща...» После подобных слов и без того «свой» Маленков сделался в руках Берии буквально ручным.

Все это подводит к мысли, что в своей «оттепели» Маленков не был свободен так, как позже Хрущев, ибо Маленкова прямо связывала и компрометировала «дружба» или, точнее, «тесное сотрудничество» с Берией. Следовательно, вынужденное устранение Берии путем ареста не столько освободило Маленкова от зависимости, сколько ослабило его в преддверии назревавших событий.

Хрущев же, организовав арест Берии и выступив на XX съезде с якобы закрытым разоблачением репрессий, а на деле устроив преднамеренную утечку информации, фактически развязал себе руки для неограниченной свободы действий, как в духе «оттепели», так и в духе подавления любого инакомыслия, если оно не совпадало с его собственным. При этом, как говорят исследователи, предусмотрительно уничтожил через своего человека в КГБ И. Серова документы о личном участии в массовых политических расправах.

Вдобавок ко всему энергичный и в своем роде самодостаточный Хрущев сумел к 1955 году оттеснить Маленкова на 2-й план еще и потому, что вторичность и безволие Маленкова в борьбе за 1-ое место во власти не могли сыграть в пользу Маленкова так, как это было, когда Берия сам хотел, чтобы Маленков являлся первым человеком в государстве, но... в его, в бериевских, руках.

Как не опасался Маленков, что его объявят союзником и подпевалой Берии, это все равно случилось. Он всячески пытался откеститься от Берии и тогда, и позже, когда его громили в составе так называемой «антипартийной группы»; пытался даже доказать, что инициатива выступления против Сталина принадлежала не ему, а Берии. Однако его, терявшего позицию за позицией, уже никто не хотел слушать. Так пришлось ему принять на себя крест за дело, которое История должна была бы записать не на счет Хрущева и даже не на его счет, а на счет Берии...

...Каганович на пленуме в июле 53-го говорил про Берию: *«Он оскорблял, изображал Сталина самыми неприятными, оскорбительными словами. И все это подносилось под видом того, что нам нужно жить теперь по-новому. Надо сказать, что кое-чего он добился. Сталин постепенно стал сходить со страниц печати... На*

другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, он фактически начал... свергать мертвого Сталина...» Все это предопределило тот факт, что, если Берия выступал против Сталина в основном в кулуарах, то Маленков озвучил эти взгляды Берии совершенно официально. И таким образом, быть может, сам того не желая, стал «отцом» первой советской «оттепели».

Его тайны знает только смерть, нам же он не оставил никаких мемуаров. Впрочем, тайное когда-нибудь с помощью архивов все равно делается явным!

20.2. ГОРБАЧЕВ – НАСЛЕДНИК БЕРИИ

С кого началось объединение двух Германий

Из воспоминаний Серго Берии:

«Когда М.С. Горбачев и его окружение объявили Перестройку, я решил, что они захотели осуществить программу моего отца».

Успех Берии, ускоривший его конец

Поражение во Второй Мировой в 1945-м раскололо Германию на части. В Западной, находившейся под контролем Америки, Англии и Франции, к сентябрю 1949 года сложилась ФРГ. В Восточной, освобожденной от фашизма Советским Союзом, как бы в ответ на западное решение 7 октября 49-го было объявлено об образовании ГДР. Все это произошло в нарушение решений Потсдамской конференции об устройстве Германии после войны.

Может показаться неправдоподобным, но одновременно с искусственно ускорявшимся процессом создания новых немецких государств шел бурный и естественный процесс объединения двух Германий. Даже после катастрофы фашизма многие восточные немцы отказывались принимать социализм. Тем не менее тогда верх взял первый процесс. И все же недовольство чрезмерно навязываемыми сверху советскими порядками стало таким, что весной 1953 года, т. е. почти сразу после смерти Сталина, руководству

СССР пришлось принимать самые решительные меры, вплоть до подавления восставших танками. Подавление поручили Берии — тогдашнему министру объединенного Министерства внутренних дел и госбезопасности. Однако даже успешное завершение этой операции не спасло Берия от «соратников» — 26 июня 1953 года Берия был арестован...

То, что вы здесь узнаете, рассказывается не для того, чтобы показать политическую прозорливость Берии и тем самым отмыть его окровавленные многочисленными невинными жертвами руки, а для того, чтобы представить, как тогда было на самом деле.

Берия и объединение двух Германий

Горбачев сделал то, что собирался сделать Берия... Точнее: совершил своеобразный аншлюс, т.е. пошел на присоединение ГДР к ФРГ в пользу Западной Германии. Он пошел на объединение двух Германий на капиталистической основе. Однако еще весной 1953-го Берия настаивал сделать то же самое. «До сих пор, — говорил он, — мы вели линию на объединение Германии только на словах. Ведь мы в Восточной Германии строили социализм, насаждали колхозы. Как же мы могли создать объединенную Германию из капиталистической Западной Германии и социалистической Восточной? Нужно делать Германию буржуазно-демократической республикой. Не нужно строить социализм в ГДР, не нужно насаждать колхозы, от которых крестьяне бегут на Запад...»

Я отказывался верить глазам, когда в мои руки попало это откровение Берии, хотя что-то такое мне уже доводилось слышать от неофициального секретаря и помощника Молотова Феликса Чуева, который воспоминания своего политического кумира, бывшего министра иностранных дел, передавал так: «Мы в своем МИДовском проекте записали: «не проводить форсированную политику строительства социализма в ГДР». А Берия предложил выбросить слово «форсированную». Мы-то предлагали не форсировать, а он предложил слово «форсированную» вычеркнуть, и тогда получалось: «Не проводить политику строительства социализма в ГДР». — «Почему так?» А он отвечает: «Потому что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм, не будет, нам все равно».

Казалось бы, имея такое подтверждение почти от самого Молотова, можно вполне доверять сказанному. Однако, проверяя дру-

гие воспоминания, я убеждался, что память (а может быть – желание сохранить секретность?) порою изменяла даже очень известным своей точностью людям. Поэтому достоверность рассказанного Молотовым Чуеву решил проверить и на этот раз. И вот после множества мытарств на Старой площади передо мною наконец-то оказались оригиналы речей Маленкова и Молотова, а также выступление замминистра среднего машиностроения СССР Авраамия Завенягина на пленуме ЦК в июле 1953 года. Напомню, это был специальный пленум, посвященный аресту Берии. Оригиналы речей подтверждают, что память знаменитого 96-летнего старца не подвела!

Председатель Совета Министров СССР Маленков о Берии

В правительстве обсуждался германский вопрос. Речь шла о серьезном неблагополучии в положении ГДР. Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР сделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. За последний период, примерно за 2 года, в Западную Германию убежало около 500 тысяч человек.

Мы объяснили нашим немецким друзьям, и они вполне согласились с этим, что нельзя в современных международных условиях проводить курс на форсированное строительство социализма в ГДР.

Почему мы пришли к такому выводу и считаем, что не следует в настоящее время проводить курс на форсированное строительство социализма в ГДР?

Анализ внутреннего политического и экономического положения в ГДР, факты массового бегства населения Восточной Германии в Западную (около 500 тысяч уже убежало!) со всей очевидностью показывают, что мы имеем налицо опасность внутренней катастрофы. Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен. Политическое и экономическое положение в ГДР в настоящее время крайне неблагополучно.

Мы считали, что самая неотложная задача состоит в том, чтобы наши немецкие друзья быстро и решительно осуществили меры

по оздоровлению политической и экономической обстановки в ГДР. События в ГДР показали правильность этих мер. Мы даже запоздали с их осуществлением, чем враг, как вы знаете, воспользовался. Следовательно, мы считали и считаем вместе с немецкими друзьями, что надо поправить курс на форсированное строительство социализма.

Надо сказать, что Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию. В свете всего, что узнали теперь о Берия, мы должны по-новому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца...

Замминистра атомной промышленности СССР Завенягин о Берии

Рядовым работникам было непонятно, как можно пойти на объединение Западной Германии с Восточной Германией. Это означало отдать 18 миллионов населения и Германскую Демократическую республику в лапы буржуазных заправил. Это совершенно очевидно. Нельзя было вопрос о Германии решать таким путем. Кроме того, есть еще и специальные соображения, которые нельзя не учитывать. В ГДР добывается много урана. Может быть, не меньше, чем имеют в своем распоряжении американцы. Это обстоятельство было известно Берия, и он должен был сказать об этом Центральному Комитету, чтобы эти соображения учесть...

Министр иностранных дел СССР Молотов о Берии

Для большинства из нас истинная политическая физиономия Берия определилась тогда, когда в мае месяце мы приступили к обсуждению германского вопроса.

Ряд фактов, ставших нам известными в последнее время, сделали совершенно очевидным, что в Германской Демократической Республике создалось неблагоприятное политическое и экономическое положение, что среди широких слоев населения ГДР существует серьезное недовольство. Это, между прочим, нашло свое выражение в том, что за период с января 1951 года по апрель

1953 года из ГДР перешло в Западную Германию 450 тыс. человек. Было установлено, что особенно увеличился переход населения в Западную Германию в первые месяцы этого года. Среди бежавших было немало рабочих, и в том числе несколько тысяч членов СЕПГ и Союза Свободной немецкой молодежи. Ясно, что это было показателем больших недостатков в работе наших друзей в Восточной Германии. Такое положение могло быть выгодным только правительству Аденауэра, западногерманской буржуазии, иностранным империалистическим кругам.

При рассмотрении дела бросилось в глаза, что в Германской Демократической Республике был взят чрезмерно быстрый курс на индустриализацию и что здесь проводилось не соответствующее возможностям крупное новое строительство. Все это проводилось в условиях, когда Восточная Германия, кроме того, должна была нести значительные оккупационные расходы и платить репарации, не говоря уже о необходимости проведения больших восстановительных работ после окончания войны. Между тем, нельзя забывать, что Восточная Германия находится в особо сложных условиях, когда, используя положение оккупирующих держав в Берлине, власти США, Англии и Франции, а также власти Западной Германии, имеют возможность предпринимать немало таких шагов, которые дезорганизующим образом влияют на политическое и экономическое положение в ГДР. Нельзя забывать и о том, что Германия продолжает оставаться расколотой на две части и что следы гитлеровского влияния еще далеко не изжиты во всей Германии. В этих условиях мы считали своей обязанностью принять срочные меры к тому, чтобы помочь нашим немецким друзьям поскорее поправить явно левацкий курс, который был взят в ГДР, особенно начиная с лета 1952 года. Мы так и сделали.

При обсуждении германского вопроса в Президиуме Совета Министров вскрылось, однако, что Берия стоит на совершенно чуждых нашей партии позициях. Он заговорил тогда о том, что нечего заниматься строительством социализма в Восточной Германии, что достаточно и того, чтобы Западная и Восточная Германия объединились, как буржуазное миролюбивое государство.

Эти речи Берия не могли пройти мимо нашего внимания. Никто из нас не мог забыть о том, что за развязывание первой мировой войны на Германии лежит весьма большая ответственность, что тем большая ответственность лежит на буржуазной Германии за развязывание второй мировой войны. Для нас, как марксистов,

было и остается ясным, что при существующем положении, то есть в условиях нынешней империалистической эпохи, исходить из перспективы, будто буржуазная Германия может стать миролюбивым или нейтральным в отношении СССР государством, — является не только иллюзией, но и означает фактический переход на позиции, чуждые коммунизму. Возникал вопрос, что, может быть, слова Берия о «миролюбивой» буржуазной Германии являются случайным полемическим увлечением, что, может быть, это было наговорено сторяча. Скоро, однако, выяснилось, что это совсем не так.

Во внесенном Берия проекте постановления Президиума Совета Министров по этому вопросу было предложено — признать «ошибочным в нынешних условиях курс на строительство социализма, проводимый в Германской Демократической Республике». В связи с этим предлагалось «отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР». Этого мы, конечно, не могли принять. На мое возражение по этому поводу Берия пытался ответить, что ведь он предлагает отказаться от курса на строительство социализма в ГДР только «в настоящее время», а не вообще. Однако, эта уловка ему также не помогла.

В проекте постановления мною было предложено в обоих указанных выше случаях внести поправки: вместо слов об ошибочности «курса на *строительство* социализма» сказать об ошибочности «курса на *ускоренное* строительство социализма». С этим все согласились. Так это и было записано в постановлении Президиума Совета Министров 27 мая, вопреки первоначальному предложению Берия.

Из сказанного видно, что выступления Берия на предыдущих заседаниях Президиума Совета Министров по германскому вопросу были не случайными. *Он уже тогда настолько зашел далеко, что открыто предлагал отказаться от курса на строительство социализма в Восточной Германии и всячески добивался нашего согласия на то, чтобы наша партия отказалась от своей основной линии в отношении Германии. Он разглагольствовал о том, что для Советского Союза было бы достаточно, если бы Германия воссоединилась как единое государство — на буржуазных началах, будто современная буржуазная Германия не может не быть связанной тесными узами с другими империалистическими государствами и будто бы в нынешних условиях может существовать буржуазная Германия, которая не являлась*

бы, вместе с тем, агрессивной, империалистической Германией. Стало ясно обнаруживаться, что Берия стоит не на коммунистических позициях. При таком положении мы почувствовали, что в лице Берия мы имеем человека, который не имеет ничего общего с нашей партией, что это человек буржуазного лагеря, что это – враг Советского Союза.

Капитулянтский смысл предложений Берия по германскому вопросу очевиден. Фактически он требовал капитуляции перед, так называемыми, «западными» буржуазными государствами. Он настаивал на том, чтобы мы отказались от курса на укрепление народно-демократического строя в ГДР, ведущего к социализму. Он настаивал и на том, чтобы развязать руки германскому империализму не только в Западной Германии, но и в Восточной Германии. Это значило – отказаться от того, что было завоевано кровью наших солдат, кровью нашего народа в тяжелой борьбе с гитлеризмом, ибо для нас должно быть ясным, что существование Германской Демократической Республики, укрепляющей народно-демократический строй и постепенно осуществляющей курс на строительство социализма – это серьезный удар не только по германскому империализму, но и по всей империалистической системе в Европе. При правильном политическом курсе Германская Демократическая Республика будет становиться все более надежным другом Советского Союза и превратится в серьезнейшую помеху осуществлению империалистических планов в Европе.

Вы видите, как в политическом облике Берия стало раскрываться то, что до этого он всячески прятал. Стало, вместе с тем, обнаруживаться, что раньше мы плохо приглядывались к этому человеку. Нам стало ясно, что это – чужой человек, что это – человек из антисоветского лагеря.

(ГОЛОСА: Правильно!)

Разоблачить Берия было не так просто. Он искусно маскировался и в течение ряда лет, – притаившись, скрывая свое истинное лицо, – сидел в руководящем центре. Однако, последние три с половиной месяца сделали для нас многое более ясным. Этому помогло и то, что Берия за это время явно распоясался и проявил непомерную самонадеянность. В результате всего этого он был разоблачен, арестован и посажен в тюрьму. Я полагаю – следует одобрить это решение Президиума ЦК. (Бурные аплодисменты).

(ГОЛОСА: Правильно!)

В течение ряда лет мы, члены Президиума ЦК, близко стояли к Берия, часто имели с ним дело. Но только теперь нам стало ясно, насколько он — чужой нам человек и насколько это грязный, аморальный тип. Теперь ясно, что он причинил немало вреда нашей партии и Советскому государству, что это — большой преступник и опасный авантюрист.

Не может быть сомнения в том, что он пробирался или, лучше сказать, прокрадывался к захвату высшего поста в государстве. Он строил планы использования МВД, думая расчистить себе путь, чтобы стать над Правительством и партией. Но он оказался слишком недалеким человеком, и грубо просчитался.

По своей политической близорукости, он слишком полагался на некоторых своих ставленников в аппарате МВД. *Как теперь выяснилось, он подслушивал каждого из нас. Следил за каждым нашим шагом. Он уже делал открытые попытки сломать линию партии и, вместе с тем, начал подставлять ножку негодным ему лицам, с которыми хотел расправиться поскорее. Для чего это ему было нужно? Разве это требовалось ему, если бы он так же, как и мы, держал курс на победу коммунизма? Конечно, нет! Кто хочет идти по пути строительства коммунизма в нашей стране, тот не найдет для этого лучших товарищей, чем те, которые входят в состав нашего ЦК и его руководящего ядра. А он пошел против линии ЦК, против руководящего ядра. Совершенно очевидно, что он затаил план, направленный против строительства коммунизма в нашей стране. У него был другой курс — курс на капитализм. Ничего другого, кроме возврата к капитализму, не имел этот капитулянт — предатель так же, как и другие капитулянты-предатели, с которыми партия покончила раньше...*

P.S. Берия действительно хотел этого. И это действительно сделал за него Горбачев. Воистину: никогда не верьте тому, что кто-то говорит, но всегда исходите из того, что он делает!!!

20.3. БЕРИЯ И БОМБА

Водородная бомба в руках Берии могла стать орудием всемирного ядерного шантажа

Страшный человек

Берия был единственным человеком, который какое-то время тайно имел в сугубо своем распоряжении непредсказуемое в те годы сверхоружие, а именно — первую водородную бомбу! Он хотел взорвать ее без ведома остального руководства СССР. Но где(?) и как(?) он собирался это сделать — до сих пор является загадкой. Во всяком случае, хорошо осведомленный известный генерал КГБ Докучаев в разговорах со мной настойчиво делал ударение на то, что приговоренный к высшей мере наказания Берия преждевременно унес с собой столько тайн, как, быть может, никто на земле. Не исключено, что Хрущев и Маленков, расстреляв Берию, поспешили сделать это преднамеренно...

*Справки и комментарии
к спору о монополии СССР на водородную бомбу*

25 сентября 1949 года мир потрясло сообщение ТАСС об утрате США монополии на атомную бомбу! С этого момента атомная бомба появилась и на вооружении Советского Союза. И таким образом, перестала быть насильственным средством для «атомной дипломатии».

А 12 августа 1953 года планету облетело новое ошеломляющее сообщение: в СССР испытана первая в мире водородная бомба! Между тем существует представление, что не Советский Союз, а США еще 1 ноября 1952 года первыми испытали это новейшее и сверхмощное оружие. Во всяком случае, такой мысли придерживался академик Капица...

В свою очередь, один из главных руководителей и специалистов по этой теме в Министерстве атомной энергетики Евгений Дудочкин пояснил мне, что американцами было взорвано всего-навсего опытное стационарное устройство, предваряющее создание боееспособной водородной бомбы, а СССР испытал уже готовое к применению транспортабельное водородное оружие.

С другой стороны, ветеран командования ракетных войск СССР генерал-полковник Войтинцев 25 марта 2002 года, обсуждая со мной этот вопрос, высказал мнение, что СССР специально объявил о своем обладании водородной бомбой с некоторым опозданием, дабы показать, что именно США подталкивают мир к гонке вооружений. Итак, кажется, круг замкнулся!? Чтобы узнать при каких обстоятельствах все это имело место, необходимо вернуться во времена Берии и, главное, к тем историческим документам, которые хранятся на Старой площади в Москве.

«Стариков» или черный «монах»

Как же могло случиться так, что Берия единолично распоряжался столь невиданно грозным оружием? Все было просто. Никто из его подчиненных и даже никто из посторонних осведомителей не посмел, — как свидетельствуют рассекречиваемые сегодня документы, — сообщить об этом руководству страны. Организованная Берией слежка всех за всеми (особенно в окружении самого Берии) не позволяла даже и думать об этом. Ослушавшегося ждала неминуемая страшная кара. Мучительная смерть грозила не только самому осведомителю, решившемуся рискнуть сдать информацию, но и всем его мало-мальски значимым родственникам и близким знакомым, не исключая, иногда, даже грудных детей. Да что там простые смертные?

Последние два года жизнь самого Сталина находилась в сетях подпольной бериевской мафии из МВД и МГБ. И несмотря на отчаянные попытки вырваться из них, так и ушел Иосиф Виссарионович из жизни при совершенно невыясненных в то время обстоятельствах.

Все это позволяло тогда завоевавшему тайную власть в СССР стать единственным полноправным хозяином сверхоружия на земле. Это было страшное время страшного человека по имени Берия. Однако переводилось это имя вполне мирно и даже успокаивающе. Молотов вспоминал, дескать, Сталин ему говорил, что Берия то же самое, что по-русски значит фамилия «Стариков». Правда, среди грузинских родов бытовал и другой... в какой-то мере, настораживающий перевод этой фамилии — «монах», т.е. затворник — от грузинского слова «бери»...

И вот этот не контролируемый никем поистине «черный затворник» получил (к счастью, на время!) в свое полное распоря-

жение сверхоружие, которое было позловещее гиперболоида инженера Гарина. Да и сам Берия был куда более масштабной и опасной фигурой, нежели стремившийся завладеть гиперболоидом, чтобы стать самым богатым на планете, ненасытный миллионер мистер Роллинг. То была «эпоха гитлеров». Ко всеобщему благу, тогда уже проходившая эпоха. И Берия был одним из ее последних самых мрачных и загадочных представителей. Не все в планах его было плохим, но главное действительно наводило ужас на окружающих. Даже дочь Сталина Светлана до сих пор вспоминает о нем с содроганием: «Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких. Мама еще давно (году в 29-м), как говорил мне сам отец, «устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было у нас в доме».

Отец говорил мне это позже, когда я была уже взрослой, и пояснял: «Я спрашивал ее – в чем дело? Приведи факт! Ты меня не убеждаешь, я не вижу фактов! А она только кричала: я не знаю, какие тебе нужны факты, я же вижу, что он негодяй! Я не сяду с ним за один стол! Ну, – говорил я ей тогда, – убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист.. я ему верю. Факты, факты мне надо!»

Бедная моя, умная мама! Факты были позже...

<...> В 1938 году Берия воцарился в Москве и стал ежедневно бывать у отца, и его влияние на отца не прекращалось до самой смерти. Я говорю неслучайно о его влиянии на отца, а не наоборот. Я считаю, что Берия был хитрее, вероломнее, коварнее, наглее, целеустремленнее, тверже, следовательно, сильнее, чем отец. У отца были слабые струны: он мог сомневаться, он был доверчивее, грубее, резче; он был проще, его можно было провести такому хитрецу, как Берия. Этот знал слабые струны отца – уязвленное самолюбие, опустошенность, душевное одиночество, – и он лил масло в огонь, и раздувал его, сколько мог, и тут же льстил с чисто восточным бесстыдством. Льстил, славословил так, что старые друзья морщились от стыда – они привыкли видеть в отце равного товарища...

<...> Как боялась его и как ненавидела его мама!

<...> Во многом отец и Берия повинны вместе. Я не стану перекладывать вину с одного на другого. Они стали, к сожалению, духовно неразрывны. Но влияние этого ужасающего, злобного демона на отца было слишком сильным и неизменно эффективным...

<...> Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще-то трудно было обмануть. Многое из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца, и посмеивался при этом в кулак, для меня несомненно. И это понимали все «наверху».

<...> Все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не я одна, многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека».

К этим тяжелым воспоминаниям дочери Сталина добавлю и тот факт, который стал общеизвестным только 5 марта 2002 года, т.е. через 49 лет после смерти вождя, а именно: Сталин был лишен власти в результате государственного переворота за три дня до своей смерти. Во главе переворота стоял Берия. И поэтому чувствовал себя таким господином в доме так долго и так утомительно (для Берии) умиравшего Сталина...

И вот наконец в дополнение ко всему он, Лаврентий Павлович Берия, становится еще и единственным в мире хозяином самого страшного оружия. В его руках оказывается первая водородная бомба!

Зная его по зверским деяниям его, лишь отчасти открывшимся только на суде над ним, трудно представить: на какие шаги мог бы пойти он в планетарном масштабе, окажись у руля власти в случае успеха готовившегося им, по утверждению Хрущева, нового государственного переворота?!

Признания обманутого руководства

Я не стану упорядочивать в соответствии с правилами русского языка и сглаживать речи тех, кто (2-7 июля 1953 года) на пленуме, посвященном аресту Берии, сумбурно выкладывал перед членами ЦК то, что делал или собирался сделать глава Специального атомного комитета СССР Лаврентий Павлович Берия, бывший к тому же еще и первым замом Председателя Совета Министров и министром внутренних дел СССР, в чьем подчинении, между прочим, находилось и недавно объединенное с МВД Министерство госбезопасности.

***Он без ведома ЦК и правительства
принял решение организовать взрыв водородной бомбы***

Первое слово тогдашнему Председателю Совета Министров Союза ССР Георгию Маленкову: *«Берия ведал специальным комитетом, занятым атомными делами. Мы обязаны доложить пленуму, что и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы специального комитета. Так он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта. Когда ему руководящие работники специального комитета (они здесь: тт. Ванников, Завенягин) дали проект решения для внесения в правительство, он, Берия, перечеркнул этот документ и единолично вынес решение, скрыв его от ЦК и правительства».*

***У нас было впечатление,
что хочет Берия, то он и проведет***

Подробностей к рассказанному Маленковым добавило выступление одного из первых руководителей-атомщиков, министра среднего машиностроения и одновременно заместителя Председателя Совмина СССР Вячеслава Малышева. *«Многие из нас, — заявил Малышев, — видели, как Берия буквально с каждым днем, особенно после смерти товарища Сталина, все больше и больше нагелл и распоясывался. Он безжалостно давил своим высоким положением на людей. Берия безапелляционно командовал, диктаторствовал, он оскорблял, запугивал людей, в том числе министров и членов ЦК. <...> И у нас было впечатление, что хочет Берия, то он и проведет.* (Это говорит не рядовой гражданин, а один из крупнейших руководителей государства. — НАД.) *...Стали известны факты, что он обманывал Центральный Комитет, что за спиной ЦК и правительства, пользуясь своим положением председателя Спецкомитета, единолично проводил и подписывал важнейшие государственные решения... Товарищ Маленков говорил уже, что он подписал очень важное решение об экспериментах с водородной бомбой. Мы начали копать архивы и обнаружили, что он подписал целый ряд крупных решений без ведома ЦК и правительства, например, о плане работ на 1953 год по очень важному конструкторскому бюро, работающему над конструкцией атомных бомб. Разве партия и правительство не должны знать в*

каком направлении мы будем развивать атомную проблему? Он скрыл и единолично подписал целый ряд других решений, которые будут стоить многих и многих сотен миллионов рублей, решений по специальным вопросам. Он их скрыл от правительства, единолично подписал, пользуясь своим положением председателя Спецкомитета».

Прелюдия Чернобыльской атомной катастрофы

Эти, на первый взгляд, ничего не значащие подробности об атомном произволе Берии приводят к мысли о возможности совершенно неожиданного конца света. Особенно, когда вспоминаешь: к какой мировой трагедии привели скрытые формы борьбы с катастрофой на Чернобыльской АЭС! Хотя это была всего-навсего мирная электростанция, а не специальное, начиненное радиоактивной взрывчаткой, сооружение для массового уничтожения людей и средств их существования. Сейчас, когда угроза попадания военных атомных арсеналов в руки авантюристов вновь стала реальной, и человечество ломает головы над сокращением буквально каждой единицы ядерного оружия, опасность тех бесконтрольных бериевских решений о производстве, испытании и использовании немирных форм атома выглядит особенно пугающей и зловещей. И не потому, что у нынешних людей от страха глаза велики, а потому, что слишком многие наши современники уже испытали, что называется, на себе всего лишь некоторые ужасы атомного беспредела. Говорить, что об адских атомных последствиях во времена Берии не имели представления, значит находиться в состоянии очередных успокоительных иллюзий. В том-то и суть, что все занимавшиеся атомными проблемами специалисты уже тогда достаточно хорошо знали, с каким дьявольским материалом имеют дело.

Подпись – Председатель Совета Министров Г. Маленков.

Берия зачеркивает ее. Говорит: не требуется.

И ставит свою подпись...

Об этом свидетельствуют признания другого бывшего министра-атомщика Авраамия Завенягина, который только на июльском пленуме решился рассказать руководству страны, как все было, когда Берия предпринимал свои поистине сатанинские шаги.

«Товарищи, — признавался Завенягин, — вчера товарищ Маленков... сказал, что решение по испытанию водородной бомбы не было доложено правительству... и принято Берия единолично. Я был свидетелем этой истории.

Мы подготовили проект решения правительства. Некоторое время он полежал у Берии, затем он взял его с собой почитать, что ли. У нас была мысль, что, может быть, он хочет поговорить с товарищем Маленковым. Недели через две он приглашает нас и начинает смотреть документ. Прочитал его, внес ряд поправок. Он дома, видимо, раз прочитал, начинает исправлять. Доходит до конца. Подпись — Председатель Совета Министров Г. Маленков. Зачеркивает ее. Говорит — не требуется. И ставит свою подпись.

Что такое, товарищи, водородная бомба? Это важнейший сейчас вопрос не только техники, не только вопрос работы бывшего первого главного управления (теперь нового министерства среднего машиностроения), это вопрос мирового значения.

В свое время американцы создали атомную бомбу, взорвали ее. Через некоторое время при помощи наших ученых, нашей промышленности под руководством нашего правительства мы ликвидировали эту монополию атомной бомбы США. Американцы увидели, что преимущества потеряны и по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе.

Наш народ и наша страна не лыком шиты, мы тоже взяли за это дело и, насколько можем судить, мы думаем, что не отстали от американцев. Водородная бомба в десятки раз сильнее обычной атомной бомбы, и взрыв ее будет означать ликвидацию готовящейся второй монополии американцев, т.е. будет важнейшим событием в мировой политике. И подлец Берия позволил себе такой вопрос решать помимо Центрального Комитета».

Грядет ли Всемирный Раскольников?

Чего только мир не знает о Берии... Между тем самое удивительное по сей день то, что в 1953 году узнали члены ЦК на пленуме, посвященном аресту Берии, а именно: в тайне от высшего Советского руководства и тем более от руководства других государств Берии удалось какое-то время держать в своих руках судьбу всего мира...

Остается только предполагать, какую авантюру мог бы затеять Берия с этой бомбой, если бы ему удалось совершить тот самый

государственный переворот, о котором так много говорил Хрущев. Когда я познакомил с этими документами сведущих в мировой политике людей, их мнения свелись к двум основным версиям. Одни посчитали, что, если бы Берия захватил власть, то стал бы шантажировать весь мир и поставил его на грань Третьей мировой войны. Другие сошлись на том, что неожиданное появление такого сверхоружия в руках нового коммунистического диктатора наоборот заставило бы США и их союзников пересмотреть свои известные теперь всему миру планы атомной угрозы в отношении СССР. И тем самым предотвратило Третью мировую бойню.

Как бы то ни было, но сегодня этот вопрос вновь встал на повестку дня первой строкой: «Что может случиться с миром, если ядерное оружие попадет в полное распоряжение одного человека?!» Будь то диктатор типа Саддама или Ким Чен Ира, или террорист не от мира сего из Аль-Каиды, он может оказаться перед тем же маниакальным выбором, что и Раскольников в отношении права на убийство старухи-ростовщицы... То есть вопрос, поставленный Достоевским, встает вновь, но на несравнимо более опасном уровне, а именно — в масштабах планеты. Значит: грядет Всемирный Раскольников?!

P.S. В последние годы обозначилось стремление сотворить из Берии ангела. Особенно такое намерение просматривается в книге Ю.И. Мухина «Убийство Сталина и Берия». Главное из того, что говорится в этой книге в оправдание Берии, есть попытка выдать желаемое за действительное. Эта попытка может иметь успех у тех, кто знает историю по слухам и воспоминаниям, а не по документам. Впрочем, наблюдательности и необычности мышления автора можно позавидовать. Ю.И. Мухин — очень начитанный человек! Но, к сожалению, никакая начитанность не может заменить тех знаний, которые дают архивы...

И еще: когда человека начинают захлестывать эмоции, нить, ведущая исследователя к истине, рвется! Вместе с тем — давно я не читал с таким интересом: у этого самородка есть чему поучиться!!!

(Жаль, конечно, что в суждениях иногда страдает он наивностью и прямолинейностью... Иногда книга его похожа на сборник сплетен... Иногда вместо доказательств срывается на не делающие ему честь оскорбления — а ведь и ненавидеть нужно, не теряя чувства достоинства!

Иногда создается впечатление, что книга — плод коллективного творчества, поскольку явное дилетантство в элементарных вопросах соседствует с настоящим профессионализмом по целому ряду сложнейших проблем. Впрочем, говорят, такое бывает, если нет системы знаний...

Более того, нередко один и тот же вопрос в одном месте излагается правильно, а в другом — так, словно автор двоечник, не знающий прописных истин. Например, на странице 362 Мухин пишет, что «санкцию на арест... в 1939 г. дал секретарь Московского горкома Хрущев Н.С.». А перед этим он правильно писал, что с марта 1938 г. Хрущев стал первым секретарем ЦК КП Украины... Так что тем, что пишет Мухин, следует пользоваться с большой осторожностью. Во всяком случае, без проверки на его доказательство и факты ссылаться нельзя!

20.4. ХРУЩЕВ НЕ БЫЛ ПЕРВЫМ!

Главная тайна Хрущева

Родившийся 17 апреля 1894 года Никита Сергеевич Хрущев вошел в историю как «отец оттепели», как «герой XX съезда», как человек, положивший начало разоблачению культа личности Сталина. Обнаруженные документы свидетельствуют, что это было не так! И главное, об этом свидетельствуют личные признания «великого кукурузного кормчего», который, «покончив со Сталиным», хотел решить все продовольственные проблемы страны выращиванием кукурузы «от Москвы до самых до окраин». В результате — не стало ни молока, ни хлеба, не говоря уже о мясе. Из-за чего народ замитинговал так, что усмирять его пришлось пулями и тюрьмами! Например, в голодном Новочеркасске...

Дни власти «главного строителя коммунизма», обещавшего создать сытое и светлое будущее к 1980 году, были сочтены. 15 октября 1964 года страна проснулась «свободной от его волевых решений». И, недолго думая, начала «движение вперед»... к очередному застою и новой перестройке. Чем это кончилось — теперь знают все. Но мало кто понимает, как говорил мне участвовавший в свержении Никиты Сергеевича бывший Председатель КГБ Владимир Семичастный, «что все это началось с Хрущева, с Хрущева все началось!» Поэтому обратимся к началу.

Отец и отчимы «оттепели»

С именем бывшего министра внутренних дел и госбезопасности СССР Л.П. Берии связаны, быть может, самые черные страницы российской истории. Однако на основании изучения архивов ЦК на Старой площади следует отметить, что вместе с тем именно этот человек, — а не Н.С. Хрущев или Г.М. Маленков, — был подлинным отцом так называемой «оттепели» и разоблачения культа личности Сталина. Сам Хрущев признавал это, о чем свидетельствуют приводимые ниже документы. Более того, перед началом своего «исторического доклада» на XX съезде КПСС Хрущев прямо сказал собравшимся: *«Товарищи! В Отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС, не мало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.»*

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разьяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

<...> В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный Комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу».

После такого признания Н.С. Хрущева, — сделанного, кстати, 25 февраля 1956 года, т.е. через три года после смерти Сталина, — возникает правомерный вопрос: «Почему впоследствии разоблачение культа личности связывалось только с именем Хрущева?» Если говорить главное, то ответ сводится к следующему. Чем хуже шли дела у Хрущева, тем больше он предпринимал попыток свалить свою вину, просчеты и неумение править на своих предшественников, на самое близкое окружение Сталина и, конечно,

прежде всего на самого Сталина. И, надо признать, такое выгораживание себя ему удавалось до тех пор, пока он имел возможность расправляться то с одним, то с другим «козлом отпущения» из числа прежних соратников Сталина. Однако, когда тех в конце концов не осталось у власти, всем стало очевидным, на ком лежит главная вина за создавшийся в политике и экономике тупик. И Хрущев был свергнут...

Все, что Хрущев скажет в пользу «оттепели» на XX съезде в 1956 году, было сказано до него Маленковым на чрезвычайном июльском пленуме ЦК в 53-м. А до Маленкова все это уже говорил... и не только говорил, но и на протяжении 4 месяцев осуществлял... Берия!!! В связи с арестом которого и был собран тот чрезвычайный пленум. Это утверждают все(!) вожди того времени, о чем свидетельствуют рассекреченные на Старой площади документы.

Зачем Берия делал это? Еще при жизни Сталина Берия располагал достоверной информацией, что на основе полученных улик Сталин готовит его арест... Вместе с тем он осознавал, что после смерти Сталина для него единственным способом выжить являются меры, вошедшие в историю под названием «оттепель». Поэтому с марта по июнь 1953 г. он предпринимает все, чтобы предстать главным борцом против несправедливостей и тем самым снять с себя ответственность за прошлое, а по возможности и переложить ее на других...

Однако, почему именно Маленков первым официально озвучил идею «оттепели»? Да потому, что, находясь под колпаком Берии, он был его послушным рупором. По словам сына Берии Серго: *«Маленков был трусливым и слабым человеком, постоянно попадающим под чужое влияние, неспособным на независимость... Мой отец составил досье на всю его деятельность и все преступления, которые он совершил по собственной инициативе. Я присутствовал в тот момент, когда задание подготовить это досье он поручал Круглову и Меркулову... Мой отец показал ему досье. «Тебе повезло, что эти документы находятся в моих руках, — сказал он ему. — Но в будущем веди себя разумнее». Таким образом, он его нейтрализовал. Мне так и не удалось разгадать, что в занимаемой Маленковым позиции исходило от его собственных убеждений, и в каких случаях эта позиция менялась под влиянием моего отца... Ему хватало ума предвидеть то, чего от него ждали, и он выполнял задачи, поставленные перед ним, с лакейским раболепием... Мой отец пред-*

ложил на пост Председателя Совета Министров СССР кандидатуру Г.М. Маленкова, полагая, что сможет установить над ним полный контроль». Их связывали не только «приятельство» и так называемое «тесное сотрудничество», но и, например, «кровь невинных» в «ленинградском деле». После Сталина политическим верхам было совершенно очевидно, что второго грузина во главе государства, тем более такого, каким прослыл Берия, страна просто не вынесет. Именно поэтому Л.П. Берия сам предложил на место Сталина «негрузина» Маленкова, который по податливости своего характера и из-за жесткой зависимости от Берии не мог возражать, чтобы тому достались главные рычаги власти, а ему — лишь самый большой портфель... от власти. Так, став министром объединенных МВД и МГБ, Берия оказался серым кардиналом «оттепели», а Председатель Совета Министров СССР Маленков (до поры до времени) его политической тенью...

После таких слов нужны доказательства. Вот они.

Что успел Берия за время своей «оттепели»

- 1) Прекращение «дела врачей-вредителей».
- 2) Прекращение «мингрельского и грузинского дел».
- 3) Пресечение попыток переселения евреев в необжитые районы страны.
- 4) Отмена паспортных ограничений, в том числе в Москве и Ленинграде.
- 5) Предложение отменить госзаймы трудящихся в бюджете на 1953 год.
- 6) Инициатива написания новой, более правдивой истории Великой Отечественной войны.
- 7) Устранение излишних звеньев бюрократизма, тормозящих внедрение новых научных разработок и государственных решений.
- 8) Выдвижение вопроса о целесообразности двух властей (партийной и советской). Отдавая предпочтение Советской власти, считал возможным ограничить партийную власть ролью идеологии, пропаганды и, в какой-то мере, ролью подбора и подготовки кадров. Иначе говоря, предполагал возвращение к власти Советов, возникшей в результате Февральской революции 1917 года, т.е. на буржуазно-демократических принципах.
- 9) Предложение лишить Особые совещания МВД-МГБ права выносить приговоры без суда и следствия о высшей мере наказания и лишении свободы на 25 лет.

10) Широкая амнистия заключенных и прежде всего осужденных за незначительные уголовные преступления и государственные провинности из разряда воровства трех колосков, прогулов или систематических опозданий на работу.

11) Освобождение и реабилитация ряда представителей высоких партийных, советских, военных, научных, культурных и общественных кругов. Например, жены Молотова, репрессированной за участие в «еврейском деле».

12) Повышение роли национальных кадров в республиках с тем, чтобы не русские ставленники, а местные кадры решали все. Это особо проявилось в специальных инициативах Берии в Литве, Латвии, Белоруссии и на Западной Украине, а также в предложениях, чтобы каждая республика имела свои государственные награды (медали, ордена и пр. с национальной символикой).

13) Решение «не украшать» улицы портретами живых вождей и не носить их изображения на праздничных демонстрациях.

14) Внутрипартийное осуждение культа личности Сталина на другой день после его похорон и принятие решения, согласно которому имя Сталина стало исчезать со страниц печати и в передачах радио и телевидения, что в конечном итоге имело целью публичное развенчание культа в масштабах всего общества.

15) Поднятие вопроса о возвращении Японии спорных островов Курильской гряды.

16) Попытка установления дружественных связей с Югославией, строившей социализм по особому, так сказать, НЭПовскому образцу, т.е. с неограниченным по времени допущением всех форм собственности; иначе говоря, на социал-демократических началах, что в русском варианте предполагали сделать меньшевики.

17) Предложение не насаждать колхозы и вообще отказаться от строительства социализма в Восточной Германии, разрешив слияние ГДР с ФРГ на буржуазно-демократических принципах; в целях же недопущения новой войны заключить с объединенной Германией договор, исключаящий ее вхождение в какие бы то ни было военные блоки.

18) Резкое сокращение численного состава советской разведки в капиталистических странах.

19) Прекращение издания полного собрания сочинений И.В. Сталина (см. главу 12).

20) Объявление в апреле самого большого снижения цен...

Все это многие историки связывают с именем Берии. Разумеется, эти пункты не во всех отношениях отражают действительно проводившиеся Берией для наступления «оттепели» меры, но они вполне показывают характер предпринятой им либерализации СССР.

Как воспринимали бериевскую «оттепель» вожди того времени

То, что до недавнего времени ходило в виде слухов и выводов историков, сегодня предоставляется возможным проиллюстрировать живыми словами из стенограмм речей на чрезвычайном июльском пленуме ЦК 53-го года, который во всех отношениях предвосхитил, опередил XX съезд и только потому, что не получил огласки, остался в тени истории. Этим (вместо тайного отца «оттепели» Берии) в полной мере воспользовался присвоивший на XX съезде его лавры Хрущев. Воспользовался в целях саморекламы, но еще больше в целях ухода от ответственности за содеянное им лично, что выразилось позже в следующем признании Хрущева: «Эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие. И это было бы гибелью для руководства...» Уже в наши дни официальным, хотя, быть может, и не окончательным приговором Хрущеву стали основанные на документах слова А.Н. Яковлева, руководителя комиссии по реабилитации жертв незаконных репрессий: «Жертв на совести Хрущева не меньше, а по сравнению с кое-кем и больше!»

Между тем самые активные «деятели репрессий» Маленков и Хрущев, как свидетельствуют их речи на пленуме, больше всех осуждали допущенные ими же беззакония, стараясь при этом переложить ответственность главным образом на Берию и Сталина...

Обращает на себя внимание и тот факт, что главные места доклада Хрущева на XX съезде чуть ли не дословно повторяют то, что говорилось на пленумах и разных партийных заседаниях сразу после смерти Сталина, т.е. за три года до XX съезда КПСС, и особенно тогда, когда еще всю господствовал Берия. Стало быть, не будет преувеличением сказать, что разоблачение культа личности Сталина Хрущев осуществил по тезисам Берии.

**На другой день после смерти
Берия начал свергать мертвого Сталина
(Из речи Кагановича)**

После смерти тов. Сталина этот подлый человек, который при жизни Сталина демонстрировал себя как первого ученика, верно-го и преданного, начал дискредитировать Сталина.

...вопросы Берия подносил демонстративно, не по-деловому. Он торопился сразу же после смерти Сталина все эти вопросы под-нять.

И показать вот, дескать, «мой» новый курс. Это преподноси-лось как ревизия Сталина. Каждый из нас убежден, что Сталин сам бы поправил ошибки, как всегда, когда он их обнаруживал, особенно, когда возможности и здоровье ему позволяли.

Начал он атаку на партию с атаки на Сталина. *На другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, он фактически начал готовить переворот, начал свергать мертвого Сталина*, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин говорил про тебя то-то, про другого то-то, то говорил, что Сталин и против него, Берия, шел. Он нам, группе людей, говорил: *«Сталин не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание»*.

Это он говорил на трибуне Мавзолея. Когда он это сказал, мы сразу почувствовали, что имеем дело с подлецом, контрреволю-ционером, который что-то готовит. Он оскорблял, изображал Ста-лина самыми неприятными, оскорбительными словами. И все это подносилось под видом того, что нам нужно жить теперь по-ново-му. Надо сказать, что кое-чего он добился. Сталин постепенно стал сходить со страниц печати. Верно, что был перегиб в смысле куль-та личности. И товарищ Сталин сам нас упрекал, но это не значит, что мы должны сделать крутой перегиб в другую сторону, в сторо-ну замалчивания таких вождей, как Сталин.

Та торопливость, кипящая свистопляска, которую поднял Бе-рия, показали, что это карьерист, авантюрист, который хочет дис-кредитируя Сталина, подорвать ту основу, на которой мы сидим, и очистить путь себе. Он хотел подорвать основу учения Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина.

Берия враждебно относился к заявлениям о том, что Сталин великий продолжатель дела Ленина, Маркса-Энгельса. *Сегодня, ликвидировав этого предателя Берия*, мы должны полностью вос-

становить законные права Сталина и именовать Великое коммунистическое учение – учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. (Не значат ли выделенные мною здесь и ниже слова Кагановича, что Берии уже нет в живых, что Каганович проговорился?! – НАД.)

Подлец Берия не раз говорил: ЦК должен заниматься только пропагандой и частично кадрами – к этому он сводил роль ЦК. А для нас, старых большевиков, ЦК – это партийное, политическое и экономическое руководство всей жизнью партии, страны и государства.

Возьмем вопрос отношения Берия к рабочему классу. Я должен сказать, что он вообще с большим пренебрежением относился к профсоюзам. Все товарищи помнят, как он говорил о профсоюзах, что они ничего не стоят, что это бездельники. А мы знаем, какое значение партия придавала и придает этому большому объединению рабочего класса.

Центральный Комитет уничтожил авантюриста Берия и безусловно исправит все, что нужно по национальному вопросу.

Для него главное... окрылить, активизировать националистов всех мастей, завоевать на свою сторону недовольные националистические элементы и получить в их лице кадры для борьбы с партией, с советской властью...

Именно так он и действовал своим проектом «об амнистии». Мы все стояли за то, чтобы выпустить мелких воришек, и тем более сидевших за прогулы и другие мелкие преступления, но он, Берия, несмотря на то, что в первом проекте не было воров-рецидивистов, бандитов, он настаивал и добился включения всех: и воров-рецидивистов и других злостных преступников. Теперь ясно, что он это делал для того, чтобы, выпустив их, получить с них расписку в верности и использовать их потом для своих подлых дел.

*Незадолго до своей смерти
Сталин хотел арестовать Берию
(Из речи Микояна)*

Надо сказать, что товарищ Сталин в последнее время не доверял Берия. Берия вынужден был признать на последнем для него заседании Президиума ЦК, что товарищ Сталин ему не доверял, что мингрельское дело создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берия, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел.

В первые дни после смерти товарища Сталина он ратовал против культа личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, — говорил товарищ Сталин, — это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так и шло. Нужно подойти к роли личности по-марксистски. Но, как оказалось, Берия хотел подорвать культ личности товарища Сталина и создать культ собственной личности.

***Сталин был еще жив,
а Берия уже начал действовать***
(Из речи Ворошилова)

Особенно он распоясался в момент болезни и после смерти товарища Сталина. *Сталин был еще жив, находился в бессознательном состоянии, а Берия уже начал действовать.*

Мы были до последнего вздоха около Сталина, и он тут же себя показал, мол имейте в виду, я тут. *Им была указана кандидатура Георгия Максимилиановича Маленкова, но тут же он всякие подлости начал делать на наших глазах. Мы все признали товарища Маленкова, как естественного и законного кандидата. Берия не смог себя назвать и ждать нельзя было, что его кто-нибудь из нас назовет. Поэтому он решил идти каким-то особым путем на председательское место в Совете Министров.*

Единство руководства партии и правительства мы поставили, сговариваясь и не сговариваясь, своей священной и обязательной задачей. Каждый внутренне у тела нашего великого вождя пережил все это. Мы понимали, что *единство — это все*, единство действий, путь, который нам указан великим Лениным и великим Сталиным, который мы должны во что бы то ни стало сохранить свободным для нашего движения вперед — это наша священная и обязательная задача. А этот тип думал, что его не замечают. Этим объясняется, что *он три месяца подвизался и кое-что навязал нам, даже то, что мы не хотели бы.*

Наша задача, товарищи, сейчас состоит не только в том, чтобы заклеить преступления Берия, во многом навредившего нашему делу, но также и в том, чтобы направить наши усилия на превращение в жизнь всех тех предначертаний, которые перед нами в свое время Сталин наметил вместе со всей нашей партией. Мы стоим сегодня перед некоторыми задачами, которые у нас особенно выпирают.

Откуда вопрос о культе личности?**Это проделки Бери!***(Из речи Андреева)*

...он имел разработанный план ликвидации советского строя.

После смерти товарища Сталина, видно, что он начал форсировать свой приход к власти, и должно быть его торопили, как правильно сказал товарищ Ворошилов, и он еще больше обнаглел. *То, что он не решался сделать при жизни товарища Сталина, он начал проводить после его смерти, начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводит тень на величайшего человека после Ленина.* На самом деле, появление чекистских материалов в протоколах Президиума по врачам, где на имя товарища Сталина бросается тень доверчивости к преступлениям — ведь это же его дело.

Он делал это сознательно, чтобы имя товарища Сталина похоронить.

Я не сомневаюсь, что *под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине.* Это же позор для партии, раньше чересчур усердствовали, в каждой статье сотни раз повторялось это имя, а потом вдруг исчезло. Что это такое? Я считаю, что это его рука, его влияние. Он запугал некоторых людей. *Появился откуда-то вопрос о культе личности.* Что это за вопрос? Этот вопрос решен давным-давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет личность, которая руководит движением, знают, какое имеет значение гений во главе движения, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это его проделки.

Из Президиума товарищ Ворошилов: «Правильно».

Я считаю, что *не без его влияния было принято такое решение, которое мы читали в протоколах о том, чтобы демонстрацию проводить без портретов, не вывешивать портретов.* Почему? На каком основании? Народ должен знать своих вождей по портретам, по выступлениям. Это было неправильное решение.

Из Президиума тов. Ворошилов: «Неправильное решение».

Из Президиума тов. Каганович: «Андрей Андреевич, это решение отменили».

Это была, товарищи, тонкая, ловкая игра на то, чтобы расчислить себе дорогу, на то, чтобы начать подрывать основы ленинизма и учение товарища Сталина.

***Берия возражал, чтобы наряду с именами
Маркса, Энгельса, Ленина назывался Сталин***
(Из речи Тевосяна)

Берия начал чернить имя товарища Сталина, имя священное для всех наших членов партии, для всего нашего народа. Товарищ Андреев уже об этом говорил. Спрашивается — для чего понадобилось ему неоднократно подчеркивать в записках МВД по делу врачей и работников Грузии, разосланных по его настоянию всем партийным организациям, что избиеение арестованных производилось по прямому указанию товарища Сталина.

Я хотел бы обратить внимание, о чем указывал и товарищ Андреев, что *после смерти товарища Сталина стало постепенно исчезать имя товарища Сталина из печати. С болью в душе приходилось читать высказывания товарища Сталина без ссылки на автора.*

Вчера из выступления товарища Кагановича мы узнали, что этот мерзавец Берия возражал, чтобы говоря об учении, которым руководствуется наша партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина, называть имя товарища Сталина.

К черту авантюристический план Сталина
(Из речи Байбакова)

В феврале текущего года он вызвал меня и дал поручение по разведке и организации нефтяных месторождений в северной части Каспийского моря, при этом он сказал, что это дело большой важности и что этим интересуется лично товарищ Сталин.

Был представлен такой вариант, который устраивал авантюриста Берия. Однако этот проект не был представлен товарищу Сталину в связи с его смертью. Буквально через 5-6 дней после смерти товарища Сталина раздается звонок. Он с надрывом в голосе буквально заявил следующее: «К черту авантюристический план Сталина. Выброси или сожги все документы по разведке на нефть в Каспийском море» и повесил трубку.

К сожалению, такие *мерзкие выражения в адрес товарища Сталина высказывались* после этого *очень часто.*

При жизни товарища Сталина двурушник Берия боялся его, выслуживался перед ним, не вступал с ним в полемику по вопросам, по которым не был согласен.

**Берия хотел,
чтобы в республиках были свои ордена**
(Из реплики Юсупова)

Мне звонил, по его поручению, его помощник Ордынцев, что Берия вносит предложение о том, чтобы установить две группы орденов: первая группа — ордена союзные, вторая группа — республиканские; затем установить ордена великих людей национальных республик.

**Закреть позорные дела
Берию заставили обстоятельства**
(Из речи Булганина)

...приходилось слышать о якобы положительной роли Берия в его делах по освобождению врачей, ликвидации грузинского дела, по ликвидации дела так называемого Шахурина и Новикова, дела маршала Яковлева. Надо развенчать его и здесь. Никакой положительной роли в этих делах у него нет. Наоборот, все это делалось для того, чтобы создать себе видимость популярности. Как на самом деле дело обстояло? Скажу Вам, что еще при жизни товарища Сталина мы, члены Президиума ЦК, между собой, нечего греха таить, скажу прямо, говорили, что дело врачей — это липа. Еще при жизни товарища Сталина между собой об этом говорили. Верно, товарищи?

Голоса из Президиума: «Правильно».

Мы говорили о том, что грузинское дело — это липа, дутое дело. Дело Шахурина и Новикова — позорное дело для нас. Говорили? Говорили. Дело маршала Яковлева — позорное дело для нас. Говорили? Говорили еще при жизни товарища Сталина.

Берия знал об этом разговорах. Я спрашиваю, что ему оставалось делать после смерти товарища Сталина, когда он занял пост Министра внутренних дел? Конечно, он должен был эти дела кончать. Кончены эти дела не потому, что он лично сыграл какую-то положительную роль. Нет, его обстановка заставила. Он знал мнение ЦК, мнение членов Президиума ЦК по этим вопросам.

**Многие решения последнего времени
приняты под нажимом Берии**
(Из речи Молотова)

Вы, члены Пленума ЦК, помните, кто здесь в марте месяце выступил с предложением о Председателе Совета Министров. Это

был Берия, который тогда явочным порядком присвоил себе это право. После этого, как известно, собрался Верховный Совет. И на Верховном Совете Берия выступил с предложением о Председателе Совета Министров, хотя он и на этот раз сделал это без какого-либо решения ЦК.

Мы, члены Президиума ЦК, не могли не обратить внимания на это. Еще до заседания Верховного Совета я позвонил ему по телефону и пытался отговорить его от этого намерения. Мне казалось, что было бы более правильным, чтобы на сессии Верховного Совета предложение нашей партии о главе Советского Правительства исходило непосредственно от секретаря Центрального Комитета тов. Хрущева. Это и было предложено мною в разговоре с Берия. Однако, он не согласился с этим предложением и настоял на том, чтобы именно он выступил с этим предложением в Верховном Совете.

При обсуждении германского вопроса в Президиуме Совета Министров вскрылось... что Берия стоит на совершенно чуждых нашей партии позициях. Он заговорил тогда о том, что нечего заниматься строительством социализма в Восточной Германии, что достаточно и того, чтобы Западная и Восточная Германия объединились, как буржуазное миролюбивое государство.

Нельзя также не признать, что *некоторые из принятых в последнее время решений, поскольку на них сказался определенный нажим со стороны Берия, нам нужно вновь внимательно рассмотреть и соответственно исправить, устранив вкраишуюся в отдельных случаях однобокость и торопливость в формулировках.*

На что рассчитывал Берия, когда он в последнее время с такой наглостью стал навязывать отдельные свои предложения, направленные против партийной линии, направленные против основных партийных кадров? Очевидно, он стремился использовать первый период после смерти И.В. Сталина, считая это время более подходящим для нанесения ударов по партии.

Берия играл роль спасителя

(Из речи Хрущева)

Я считаю, позорное дело с врачами, грузинское дело — это позор. Мы, члены Президиума, между собой несколько раз говорили, я говорил Лаврентию. Я получил письмо в ЦК от генерал-полковника Крюкова. И Жуков получил это письмо. Я показал Президиуму ЦК, нужно рассмотреть. Там десятка два с половиной ге-

нералов осужденных, и Крюков осужден на 25 лет. Берия не берет-ся за разбор этих дел, а что это «липа» — это бесспорно.

(Ворошилов: «Липа»).

Я думаю, что это делал Берия в тех целях — он хотел поработать с этими генералами, а потом освободить. Потому, что *он освобождал не просто, а он освобождал, и эти люди выходили, а он им внушал, что это Берия им вернул жизнь, не партия, не правительство, а Берия.*

Я неоднократно слышал заявления Берия о партии, его взгляды. Последнее заявление было им сделано, когда мы обсуждали дела ГДР, когда вызвали немцев и когда обсуждали вопросы Венгрии. Тогда стоял вопрос о том, что надо разбединить работу в одном лице, решить, что совмещает ЦК и Совет Министров. Помните, тогда Ракоши сказал: «Я бы хотел знать, что решается в Совете Министров, и что в ЦК, какое разграничение должно быть? Раз не будет в одном лице, надо более рельефно выявить разделение вопросов». *Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой.*

Меня тогда резануло такое заявление. Значит он исключает руководящую роль партии.

Почему он так говорил? Он вносил в сознание, что роль партии отошла на второй план, а когда он укрепитя, тогда ее совсем уничтожит.

Он сам многим возмущался, что делалось в МВД или в госбезопасности. Интересно, с какими предложениями вошел он в Президиум. Мы еще их не обсудили, не успели, решили раньше его посадить, а потом обсудить. *Он внес предложение, что нужно ликвидировать Особое совещание при МВД. Что такое Особое совещание? Это значит, что Берия арестовывает, допрашивает и Берия судит.*

Он сам говорил: я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой, сам подпишет. И он это делал.

Разве это мыслимое дело? И что же он нам голову морочит. Он пишет, что надо упорядочить это дело, но как упорядочить? «Сейчас может Особое совещание выносить свое решение с наказанием до 25-ти лет и приговаривая к высшей мере — расстрелу. Я предлагаю высшую меру — расстрел отменить и не 25 лет, а 10 лет давать».

Мы все уважаем товарища Сталина, но годы свое берут, и в последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не прини-

мал, здоровье слабое, хотя он храбрился, потому что в старости всегда храбрятся.

...несколько лет, как поручено товарищу Маленкову наблюдать за сельским хозяйством. Берия демонстрирует внешнюю свою дружбу, неразлучную, неразрывную с товарищем Маленковым, гробь сельское хозяйство, доведя до последней степени... *Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем. А какой же коммунизм без горячих лепешек, если говорить грубо?*

(Голос из Президиума: «Картошки нет».)

Картошки нет. Это делалось для того, чтобы свалить вину на других, а потом добраться до власти, потом объявить амнистию, выступить с ворами и рецидивистами, чтобы сказали: вот Берия спасает. Он делал так, чтобы народ подкупить. Дешевая демагогия.

...а Берия уже тогда имел свои намерения. *Взмах он взял большой, но сорвался и разбился, дух выпустил.* (А это намек со стороны Хрущева, что Берии уже нет в живых?! — НАД.)

...когда поставил вопрос о том, что надо отказаться от строительства социализма, надо пойти на уступки Западу. Тогда ему сказали, что это значит? Это значит, что 18 миллионов немцев отдать под покровительство американцев. А он отвечает: Да, надо создать нейтральную демократическую Германию.

Как может нейтральная демократическая буржуазная Германия быть между нами и Америкой? Возможно ли это? Не надо скрывать, что с нами дружба капиталистических буржуазных государств определенная. Мы же скушали короля Михая, с которым охотился наш генерал в Румынии. Берия говорит, что мы договор заключим. А что стоит этот договор? *Мы знаем цену договорам. Договор имеет свою силу, если он подкреплён пушками. Если договор не подкреплён силой, он ничего не стоит...*

Некоторые говорили: как же так, Маленков всегда под руку ходит с Берия, наверное они вдвоем — это мне говорят, а другим, наверное, говорят, что Хрущев с ним также ходит. И это правильно. Ходили. И я ходил. Он посредине идет, бывало, а с правого бока Маленков идет, а с левого я. Вячеслав Михайлович как-то даже сказал: «Вы ходите и что-то все время обсуждаете». Я говорю: «Ничего путного, все гнусности всякие, противно даже слушать, но ходим».

Если бы мы сказали, когда уже увидели, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами. Вы не думайте, он умеет. Я

уже некоторым товарищам говорил и мне говорили, что я преувеличиваю, смотри, не будь чудачком, похоронит тебя, речь произнесет и табличку повесит: «Здесь покоится деятель партии и правительства», а потом скажет: «Дурак. И покойся там». Он способен на это. Он способен подлить отраву, он способен на все гнусности.

Я считаю, у нас вынужденная, так сказать, дружба была. Теперь вы видите, какая это дружба, и как она кончилась. Думаю, что правильно поймут члены партии.

Я не буду говорить о неправильном выступлении товарища Сталина, о котором говорил товарищ Маленков, в адрес товарища Молотова, в адрес товарища Микояна. Вы знаете, что это без всяких доказательств, это плод определенного возраста и физического состояния человека, в жизни не было того, что он думал.

Надо, чтобы Пленумы ЦК были, заседания были, повестка дня, и сессии надо организовать без парадности, без парадной болтовни бессодержательной. Все это надо перестроить. Сила в нас. И чем лучше и глубже мы будем развивать внутривластную демократию, чем мы лучше будем организовывать и привлекать народ к активному обсуждению политики нашей, хозяйственной и всей нашей работы, тем сильнее мы будем.

Разоблачение культа личности Сталина (Из речи Маленкова)

В последний период жизни т. Сталина и, следовательно, непосредственно после его смерти положение дел в Политбюро, как в руководящем коллективе, было явно неблагоприятно.

Политбюро уже длительное время нормально не функционировало. Члены Политбюро не привлекались к решению многих важных вопросов и работали по отдельным заданиям. В отношении некоторых членов Политбюро, как вы теперь знаете, совершенно несправедливо было посеяно политическое недоверие.

Здесь на Пленуме ЦК говорили о культе личности и, надо сказать, говорили неправильно. Я имею в виду выступление т. Андреева. Подобные же настроения на этот счет можно было уловить и в выступлении т. Тевосяна. Поэтому мы обязаны внести ясность в этот вопрос.

Хрущев: «Не выступившие вынашивают такие же мысли».

Прежде всего, надо открыто признать, и мы предлагаем записать это в нашем решении, что в нашей пропаганде за последние годы

имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. Не секрет, что партийная пропаганда, вместо правильного разъяснения роли Коммунистической партии, как руководящей силы в строительстве коммунизма в нашей стране, сбивалась на культ личности. Такое извращение марксизма несомненно способствует принижению роли партии и ее руководящего центра, ведет к снижению творческой активности партийных масс и широких масс советского народа.

Но, товарищи, дело не только в пропаганде. Вопрос о культе личности прямо и непосредственно связан с вопросом о коллективности руководства.

Все ли у нас благополучно, товарищи, в деле соблюдения выработанных великим Лениным норм, большевистских принципов руководства? Нет, не все. Больше того, у нас накопились за многие годы значительные ненормальности. Сошлюсь, например, на то, что у нас годами не собирался пленум ЦК, у нас последние годы Политбюро перестало нормально функционировать, как высший партийный орган, в период между пленумами ЦК. Я не говорю уж о том, что 19 съезд партии у нас собрался спустя 13 лет после 18 съезда.

О какой же коллективности в руководстве, о какой критике и самокритике можно говорить, как можно обеспечивать руководящую роль партии и правильно осуществлять партийное руководство при таких ненормальностях в организации работы Центрального Комитета и его руководящих органов.

...ничем не оправдано то, что мы не созывали в течение 13 лет съезда партии, что годами не созывался Пленум ЦК, что Политбюро нормально не функционировало и было подменено тройками, пятерками и т.п., работавшими по поручению т. Сталина разрозненно, по отдельным вопросам и заданиям.

...культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры. Методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала.

Такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

...уродливое проявление культа личности и уничтожение методов коллективности в работе Политбюро и ЦК, отсутствие критики и самокритики в Политбюро и в ЦК повлекли за собой ряд ошибок в

руководстве партией и страной. Печальные примеры на этот счет не единичны.

У всех нас в памяти следующий факт. После съезда партии т. Сталин пришел на Пленум ЦК в его настоящем составе и без всяких оснований политически дискредитировал тт. Молотова и Микояна.

Разве Пленум ЦК, все мы были согласны с этим? Нет. А ведь все мы молчали. Почему? Потому, что до абсурда довели культ личности, и наступила полная бесконтрольность. Хотим ли мы чего-либо подобного в дальнейшем? Решительно — нет.

Надо решительно покончить с бесконтрольностью в работе кого бы то ни было. Всякий член ЦК, какой бы он пост ни занимал, должен находиться под соответствующим партийным контролем. Деятельность любого из руководителей должна протекать под руководством ЦК партии.

Кто подрывает авторитет ЦК, топчет большевистские принципы и традиции нашей партии, тот является нашим злейшим врагом и таких людей надо беспощадно изгонять из партии. Никакой пост, никакие прошлые заслуги не должны служить препятствием к очищению партии от зарвавшихся вельмож, старающихся уйти из-под контроля партии.

В связи с задачей подъема животноводства в феврале месяца этого года т. Сталин настойчиво предложил увеличить налоги в деревне на 40 млрд. рублей. Ведь мы все понимали вопиющую неправильность и опасность этого мероприятия. Мы говорили, что все денежные доходы колхозов составляют немного более этой суммы. Однако этот вопрос не был подвергнут обсуждению, коллективность в руководстве была настолько принижена и подавлена, что приводимые т. Сталину доказательства были им безапелляционно отброшены.

...далее, решение о Туркменском канале. Была ли выяснена предварительно необходимость строительства канала, ...обсуждался ли этот вопрос в руководящих органах партии и государства? Нет. Он был решен единолично и без всяких экономических расчетов...

Разве не ясно, что мы должны исправлять подобные ошибки, явившиеся следствием неправильного отношения в руководящем коллективе, результатом принижения коллективности в работе и перехода на метод единоличных безапелляционных решений, следствием извращений марксистского понимания роли личности.

Или взять известное предложение т. Сталина о продуктообмене, выдвинутое в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Уже теперь видно, что это положение выдвинуто без достаточного анализа и экономического обоснования.

...решения по важнейшим международным вопросам, вопросам государственной работы и хозяйственного строительства нередко принимались без должного предварительного изучения и без коллективного обсуждения в руководящих партийных органах.

Наличие таких ненормальностей на деле приводило к недостаточно обоснованным и неправильным решениям,...

Мы должны об этом сказать, чтобы не повторить ошибок, связанных с отсутствием коллективного руководства и с неправильным пониманием вопроса о культе личности, ибо эти ошибки, в отсутствие т. Сталина, будут трижды опасными.

Товарищи! В представленном вам проекте решения ставится перед всей нашей партией задача — извлечь из дела Берия политические уроки и сделать необходимые выводы для своей дальнейшей деятельности.

...вскоре после смерти т. Сталина мы, члены Президиума, начали убеждаться в том, что Берия... стал ловко и умело пользоваться своим положением министра внутренних дел и развил активную деятельность в том преступном направлении, чтобы поставить МВД над партией и правительством.

Генерал-лейтенант Кобулов А.З. (брат заместителя министра т. Кобулова Б.З.) сказал: «Вы не учли того, что к руководству МВД СССР пришел т. Берия и что теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется т. Берия. Он решительно ломает все старые порядки не только в нашей стране, но и в демократических странах».

На прошлой неделе, накануне того дня, как мы решили рассмотреть в Президиуме ЦК дело Берия, он пришел ко мне с предложением предпринять через МВД шаги к нормализации отношений с Югославией.

Осуществить эту меру Берия не успел ввиду того, что мы повернули события в отношении его лично в другом направлении.

Или другой факт. В правительстве обсуждался германский вопрос. Речь шла о серьезном неблагополучии в положении ГДР. Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделано много ошибок, среди немецкого на-

селения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. За последний период, примерно за 2 года, в Западную Германию убежало около 500 тысяч человек.

Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию.

Затем, товарищи, факт, связанный с вопросом о массовой амнистии. Мы считали и считаем, что эта мера по амнистии является совершенно правильной. Но, раскрыв теперь подлинное лицо Берия, мы приходим к заключению, что он подходил к этому мероприятию со своих позиций, он имел свои планы на этот счет. Факты показали, что он проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил контингенты, которые не надо было освобождать, например, вовсе не надо было освобождать воров-рецидивистов.

Что же касается отдельных ошибок и неправильностей, допущенных нами в период, пока мы после смерти товарища Сталина на протяжении 3-4 месяцев разоблачали Берия, эти ошибки и неправильности мы дружно поправим.

Звездный час Берии, расколотый надвое

После всего сказанного имеет смысл повторить то, что уже говорилось, но посмотреть на все, исходя из того, что стало известно только что! Итак, на первый взгляд, напрашивается вывод, что за такое явление, как «оттепель», ее последователи обязаны не Хрущеву, а Маленкову, который, критикуя СМИ, уже 10 марта 1953 г., т.е. на другой день после похорон Сталина, сделал на Президиуме ЦК, хотя и секретное, но вполне официальное заявление: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». После чего секретарю ЦК Поспелову поручили контролировать СМИ, а Хрущеву – надзирать за подготовкой информации, касающейся Сталина...

Эта явная антисталинская позиция Маленкова действительно может показаться совершенно самостоятельной. Но, как свидетельствуют все характеристики хорошо знавших его людей, сам Маленков вряд ли был способен на такие решительные заявления.

Каждый раз, когда он шел на какие-то радикальные шаги, за направлением этих шагов обязательно кто-то стоял. Вначале — жена, потом — Сталин, затем — Берия и напоследок, скорее всего, — Молотов и Каганович, а под конец, видимо, опять жена. Он сам почти всегда и во всем был вторичен, и потому привык озвучивать, осуществлять и поддерживать прежде всего чьи-то «я».

Теперь очевидно, почему Маленков оказался в одной связке с Берией... Берия, как мало кто умеющий входить в доверие к кому бы то ни было, незаметно и Маленкова втянул в цепь таких своих дел, которые в конце концов в общей сложности оказались вдруг крайне преступными. Так Маленков попал в зависимость от Берии. И вот... когда Берия стал затевать последние свои «операции», а судя по всему, и заговор против Сталина, он, очевидно, поставил Маленкова перед фактом: «Сталин со дня на день должен арестовать меня (По словам сына Берии, у отца были все основания так думать). А если возьмут меня, то возьмут и тебя, так как никто не выстоит перед теми допросами, которые освоили наши головорезы. И тогда я вынужден буду признаться про все, что мы делали вместе. Поэтому доводить до моего ареста невыгодно ни мне, ни тебе. Значит, надо до конца во всем действовать сообща...»

В итоге и без того «свой» Маленков сделался в руках Берии буквально ручным. Так стал очевидным ответ на вопрос: «Маленков — друг Берии или его кукла?»

Все это подводит к мысли, что в своей «оттепели» Маленков не был свободен так, как позже Хрущев, ибо Маленкова прямо связывала и компрометировала «дружба» или, точнее, «тесное сотрудничество» даже с мертвым Берией. Следовательно, вынужденное устранение Берии (путем ареста?) не столько освободило Маленкова от зависимости, сколько ослабило его в преддверии назревавших сражений с Хрущевым и заставило, как в свое время и Берию, выступить против Сталина, чтобы списать на него все свои черные дела, многие из которых делал Маленков с Берией в тайне от вождя. Поэтому Маленков и стал развенчивать культ... по тезисам Берии!

Хрущев же, организовав арест Берии и выступив на XX съезде с якобы закрытым разоблачением репрессий, а на деле устроив преднамеренную утечку информации, фактически развязал себе руки для неограниченной свободы действий, как в духе «оттепели», так и в духе подавления любого инакомыслия, если оно не совпадало

с его собственным. При этом, как единодушно утверждают исследователи, предусмотрительно уничтожил через своего человека в КГБ И. Серова все или почти все документы о личном участии в массовых политических расправах. (Семичастный сказал мне, что ни он, ни Шелепин этого не делали, что, скорее всего, это дело рук Серова...)

Вдобавок ко всему энергичный и в своем роде самодостаточный Хрущев сумел к 1955 году оттеснить Маленкова на 2-й план еще и потому, что вторичность и безволие Маленкова в борьбе за 1-ое место во власти не могли сыграть в пользу Маленкова так, как это было, когда Берия сам хотел, чтобы Маленков являлся первым человеком в государстве, но... в его, в бериевских, руках.

Как не опасался Маленков, что его объявят союзником и подпевалой Берии, это все равно случилось. Он всячески пытался откреститься от Берии и тогда, и позже, когда его громили в составе так называемой «антипартийной группы». Однако его, терявшего позицию за позицией, уже никто не хотел слушать. Так пришлось ему принять на себя крест за дело, которое История должна была записать не на счет Хрущева и даже не на его счет, а на счет Берии...

P.S. В ответ на хрущевское разоблачение «культы личности» в 1956 году Борис Пастернак напишет:

*Культ личности забрызган грязью,
Но на сороковом году (Октябрьской революции, — НАД.)
Культ зла и культ однообразья
Еще по-прежнему в ходу.*

*И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Одних свиноподобных рож...*

Очевидный намек на Хрущева, Маленкова и им подобных. Если верить этим стихам, Пастернак, осуждая культ, тем не менее симпатизировал силе личности Сталина.

20.5. ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ ГЕРОЙ?

Время предательств

Проходит время, когда из предателей делали героев, а из героев — предателей. И некогда запретный смысл стихотворения «Время предательств» наконец-то, хотя и не бесследно, перестаёт быть злобой дня. Даже не верится, что ещё совсем недавно я мог только мысленно повторять строки: «Время предательств настало. Слава предателям! Слава! Слава навеки предателю первому! Первый во всём — раелюб Горбачёв. Всех, кого мог только, душенька, предал он так, словно сам вообще ни при чём. Слава второму крутому предателю! Яковлев — номер, бесспорно, второй. Он — идеолог сплошного предательства, Запада тайный и явный герой. Третьему слава — большому предателю! Нет Шеварднадзе хитрей и мудрей: так же, как Брежневу, льстил обаятельно, предал застенчиво верных друзей. И... чтобы некого было винить, имя своё он решил изменить. Слава, что, скромно и так обстоятельно выдав секреты вскормившей страны, служит всемирным примером предателям сытый Бакатин, не выдав цены... Слава тому, кто для старых приятелей Русь захотел по частям распродать. Слава ему — господину предателю: жаль умерла, а то б продал и мать. Слава другим незабвенным предателям, предавшим мир в белорусском лесу: чувствуя, что... их ждёт суд основательный, с трепетом крестик Иудин несут. Слава предателям! Слава! Время предательств настало...»

Зачем такое длинное и не совсем лирическое отступление(?) в теме про лётчика Леонида Никитовича Хрущёва (сына «великого кукурузного кормчего»), который, по одним слухам, — герой, но вот по другим... Язык не поворачивается сказать — кто! Говорят, наиболее страстное их отражение появилось из-под пера соавтора сталинского «Гимна Советского Союза» и... поэтому на редкость осведомлённого поэта Регистана:

*Мы не поверили ему!
Промчалась мимо слов лавина,
И недоверю тому
Была — и не одна — причина.
Шептались — в плен его сынок
В разгар войны без боя сдался.*

*Высокий преступив порог,
Тот «вождь» спасти его пытался.
А Сталин желтизною глаз
Сверкнул и тронул кончик уса:
— Я своего о-р-л-а не спас,
А ты пришёл просить за труса!!!*

Поговаривают, что слухи о переходе Л.Н. Хрущёва к немцам поползли ещё в войну. Что делать при такой непримиримости мнений? Ответ один: обращаться к документам и свидетельствам, которые помогут ликвидировать белые пятна, то есть опять-таки найти документы, которых не хватает!

Тайны «Личного дела»

В моих руках «Личное дело» Леонида Никитовича Хрущёва. Надо сразу сказать: в нём больше вопросов, чем ответов. И главный: зачем его так переполовинили и перекроили в 50 — 60-е годы, годы незабвенного царствования Никиты Сергеевича Хрущёва, который, разоблачая Сталина, никак не мог отмыть собственные руки от крови тех неисчислимых жертв, чьи жизни в Москве и на Украине оборвались после подписей, вылетавших по инициативе этих, выслуживавшихся перед Ежовым и Берией рук??? Почему из «Личного дела» его сына так внаглую выдраны страницы, касающиеся именно тех военных лет, когда в судьбе его Лёньки появились вопросы? А взамен, хотя и наспех, но уверенно выдранных (от которых, правда, остались кое-какие клочки) через 10 — 15 лет после войны вдруг возникли новые, датированные уже 60-ми. Про эти годы историки скажут: «Если у Сталина был культ личности, то Хрущёв культивировал культ без личности».

Что было на тех исчезнувших страницах, мир когда-нибудь всё равно узнает, ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. А вот то, что появилось на более поздних вставках, отдаёт попыткой переписать какую-то имевшую место нежелательную военную историю так же, как переписали её «под Хрущёва», а затем и «под Брежнева», сделав их чуть ли не главными полководцами Второй мировой. Выходит, раз через семнадцать лет понадобилось так основательно переделывать «Личное дело» сына, в нём было что-то такое, что не давало покоя Хрущёву до конца жизни. Что??? К счастью, про это можно не только догадываться, но и кое-что утверждать. Ведь, хотя главные бумаги из «дела» сына и выдраны, но и в

оставшихся прижизненных, да и в послевоенных документах встречаются такие данные, которые дают не голословные основания для восстановления факта: каким он парнем был.

Между тем напрашивается вопрос: а не могли ли в изъятых бумагах находиться те самые донесения разведчиков и партизан, из которых следовало, что сбитый или посаженный немцами лётчик (сын Хрущёва), оказавшись в плену, начал давать гитлеровцам какие-то важные показания, за что и попал под сталинский суд? Кстати, перестали «мучить» «Личное дело» Л.Н. Хрущёва 23.11.1964, то есть вскоре после освобождения 14.10.1964 Н.С. Хрущёва от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Здесь вспоминаются и те скандальные данные, которые мне удалось получить от информированного Молотовым и ведущими советскими полководцами писателя Ивана Стаднюка, автора известного романа «Война». Главный вывод из этих данных был обнародован им ещё в 1988 году на специальном совещании, а потом опубликован в шестом номере журнала «Вопросы истории». Причём, совещание это курировал секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, являвшийся председателем комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий.

Стаднюк рассказывал, что комиссия по реабилитации, которая состоялась после XX съезда, «пыталась доказать, что осуждённый во время войны сын Хрущёва — лётчик, совершивший героический подвиг, и ни в чём не виноват. Однако Военная коллегия Верховного суда не нашла возможности снять с него судимость». А ведь было это во времена беспредельного господства Хрущёва-старшего. Более того, Стаднюк назвал мне и фамилию О. Тёмушкина — одного из самых активных членов той комиссии, якобы стоявших за реабилитацию сына Хрущёва.

И ещё, Стаднюк предложил проверить один слух, от которого наступает потрясение, когда узнаёшь, что этот слух знающие люди упрямо связывают с тем же лётчиком Л.Н. Хрущёвым. Слух очень страшный, и поэтому его надо обязательно либо развеять, либо подтвердить!!! Суть его в следующем. После тяжелого ранения в ногу лётчик Л.Н. Хрущёв находился в отпуске в Куйбышеве, куда на первое время войны перебазировались многие члены правительства СССР и их семьи. Отпуск сопровождался пьянками, в одну из которых, отличавшийся «яканьем» (весь в отца!) и тягой к красивой жизни, сын будущего «кукурузного вождя» вдруг предложил

собутыльникам посоревноваться в стрельбе из пистолетов, чтобы определить, кто из них лучший «ворошиловский стрелок». Для этого они изобрели себе, словно в «подражание» Шиллеру, мишень. На голову девочки (не то шести лет, не то шестиклассницы) установили яблоко и начали в это «яблочко», как по мишени в тире, палить. Выстрел Л.Н. Хрущёва оказался якобы роковым... Хрущёв-старший, зная, что лучше самому сообщить о происшедшем Сталину, чем это успеет сделать кто-то другой, позвонил и, всё рассказав, спросил: «Что делать?» На что Сталин ответил: «Вы сами член Военного совета и должны знать, как поступают в таких случаях». Так Хрущёв-младший оказался на скамье подсудимых, а Хрущёв-старший на всю жизнь затаил на Сталина зло, тем более, что видел, как далеко неидеальному второму сыну Иосифа Виссарионовича многое сходило с рук, если, конечно, не доходило до отца. А желающих, на всякий случай, скрыть от отца «подвиги» Василия Сталина находилось достаточно. Между тем, пока шло расследование, в ожидании своей участи лётчик Л.Н. Хрущёв вновь оказался на фронте и в один из боевых вылетов не вернулся. Короче, что-то такое накручено...

Этот слух находится в явном противоречии с другой, но уже официальной версией, о чём — ниже. А пока скажу, что в «Личном деле» Л. Хрущёва есть многозначительная фраза свидетеля того последнего вылета, фраза лётчика Заморина (он был ведущим, а Хрущёв ведомым). Из неё предельно ясно, что Заморин не видел, чтобы кто-то сбивал Л.Н. Хрущёва, и потому очень долгие поиски (даже по свежим следам!) обломков его истребителя самолётами-разведчиками, а затем и партизанами не дали желаемого результата. (Правда, это объяснение Заморин сделал по воспоминаниям в 60-е годы, то есть через семнадцать лет после боя.)

Видимо, по той же причине поиски не принесли нужного результата и сейчас, когда ими занялась целая экспедиция «Комсомольской правды». Все это напоминает сказку «Пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что».

Вот, вероятно, откуда появилась версия об авиापобеге Л. Хрущёва от приговора суда к немцам, чему лично я доверять не могу, пока не найдутся хотя бы основные документы военного времени, в том числе и изъятые из «Личного дела» пилота. Ведь *все(!) более поздние вставки*, сделанные в духе переписывания истории «под Хрущёва» в годы его правления, вызывают массу серьёзных сомнений, хотя есть среди них и полезная для поисковиков информа-

ция. Например, о личных вещах военного лётчика Л.Н. Хрущёва, которые могут помочь продолжателям экспедиции «Комсомольской правды».

«Золотой папа»

Так авторами публикаций в «Комсомольской правде» назван Никита Сергеевич Хрущёв. Я же вместо многочисленных рассказов о нём хочу представить миру документ, показывающий, как начиналась карьера человека, обещавшего построить коммунизм к 1980 году.

Из «Личного дела» Никиты Сергеевича Хрущёва (1894 – 1971), комиссара запаса...

Аттестация за период с 21 июля 1930 г. по 1 сентября 1930 г.

Личные данные: энергичен и решителен, инициативу проявлял недостаточно (То есть брать на себя ответственность за других или за какое-то дело не стремился. – НАД.), дисциплинирован; походы вынес удовлетворительно.

Служебные данные: военная подготовка, стрелковое дело усвоил удовлетворительно; оружие – удовлетворительно; стрельбы выполнил; политзанятия «Наши западные соседи» усвоил удовлетворительно; политработа и политигры – удовлетворительно. Тактическая подготовка: в обстановке разбирается вполне (Умел держать нос по ветру. – НАД.), язык имеет, нет системы в мышлении по оценке обстановки и принятию решений.

Командир роты – старшина политсостава Страшненко. 3 сентября 1930 г. С «Аттестацией» и выводами согласен. Нач. под. див. Исаенко. 17 октября 1930 г.

Как видите, «Личное дело» Н.С. Хрущёва прямо свидетельствует, что даже в зрелом, 36-летнем, возрасте большинство его качеств оценивались как удовлетворительные. Так и хочется сказать: прислушались бы тогда к мнению старшины Страшненко, как это сделал нач. под. див. Исаенко, может быть, и не было бы у нас смуты, развала, бед и позора на весь белый свет. Между тем в том же «Личном деле» в особом замечании комиссии от 27.11.1931 г., то есть где-то через год, говорится: перевести «как выросшего на партработе» из старшей группы в высшую группу политсостава. Вот где, среди партийных подхалимов, по-настоящему оценили его способности, после чего Хрущёв сразу и резко пошёл в гору.

Кстати, несколько слов о происхождении фамилии Хрущёв. Народ не просто даёт прозвища, становящиеся фамилиями. Прозвища и фамилии чаще всего отражают главное в человеке, то есть его нутро. Слово «хрущи» означает семейство жуков-вредителей. И действительно, Н.С. Хрущёв вёл себя среди начальства «жучком-жучком», зато среди подчинённых был ещё тот «жук»... Коротче говоря, судя по «Личному делу», «не тот человек» был Никита Сергеевич с самого начала!

И ещё: его «Личное дело» тоже подверглось изъятиям и переработкам. Когда(?), что(?) и как(?) — не знаю.

Да! Укоренившиеся с незапамятных времён привычки наших политиков подвергать улучшению или ухудшению «дела давно минувших дней» очень мешают достоверному отражению спорных вопросов истории.

Уместно сказать, что по информации «Комсомольской правды» можно сделать вывод, что и сын «золотого папы» тоже не был примером для подражания. Любил прихвастнуть и пофорсить: «всегда приезжал на машине, всегда хорошо одевался», имел «американский меховой шлемофон», «хромовые сапоги», «металлический (серебряный) портсигар», «швейцарские часы «Longine», на плечах парадные золотые погоны»... У многих ли в те времена были такие возможности? Впрочем, это характерно чуть ли не для всех молодых людей его возраста. Были бы только условия! А Леониду тогда было чуть больше 25.

В «Личных делах» тех лет выражения типа «дисциплинирован, морально и политически устойчив, предан Социалистической Родине и делу партии Ленина — Сталина» были общеупотребимы. Я их встречал и в «Личном деле» падкого на авантюры Василия Сталина, и в «деле» будущего главного предателя Великой Отечественной войны двуликого генерала Власова. Нужно было совершить что-то совсем из рук вон выходящее, чтобы в характеристике появилось то, что узнаешь из документов Л. Хрущёва, которому, между прочим, даже при жизни опасались не то, что приписать что-то плохое, но, скорее, старались сгладить и то, что действительно было. Как-никак стояли годы кошмарных репрессий, одним из организаторов которых был не кто иной, как отец лётчика, тогдашний (с 1935 года) первый секретарь МК и МГК партии, а с 1938-го первый секретарь ЦК Компартии Украины Никита Сергеевич Хрущёв. Одного росчерка его пера по адресу неугодных правдолюбцев было достаточно, чтобы пролилась

кровь. Архивы, как их не «чистили», сохранили не один такой хрущёвский автограф... А надо сказать, Н.С. Хрущёв, трудно обнаруживаемый и потому непревзойдённый лицемер сталинских времён, как все подобного рода невежественные личности, отличался злобной памятью, холопской завистью и тайной мстительностью до победного конца. Примером тому — чрезмерное осуждение сына Сталина Василия после смерти вождя. Главной заслугой Н.С. Хрущёва, способствовавшей его исключительно скороспелой карьере, было умение лучше всех угождать начальству и безоговорочно и быстрее остальных выполнять любое, пусть даже самое преступное, указание сверху.

Впрочем, то, что яблоко от яблони далеко не падает, не всегда верно. Поэтому и в случае с сыном Хрущёва не стоит спешить с окончательными выводами ни в плохую, ни в хорошую сторону. Разумеется, сперва нужно собрать всевозможные документы, и только потом опровергать или подтверждать слухи, имея, на всякий случай, в виду, что не зря говорят: дыма без огня не бывает. Надо иметь в виду и то, что не все хорошие и плохие данные из характеристик являются главными свидетельствами качеств человека. Вот, например, мне приходилось читать «Личное дело» Валерия Чкалова. Исходя из него, на Чкалове негде пробы ставить: и пьяница, каких раз-два и обчёлся, и судимости имел, и дисциплина была ему побоку, и даже шизофрению у него усматривали, и тем не менее в лётном деле в те годы равных ему, пожалуй, не было!

А вот другой пример. Тоже своими глазами читал — «Личное дело» генерала Власова: ну ангел во плоти, чуть ли не второй человек после Христа, а ведь оказался Иудой, да ещё каким! Стало быть, все эти характеристики, какими бы хорошими или плохими они не были, ещё не есть суд над человеком в последней инстанции! Так надо относиться и к документам Л. Хрущёва, то есть очень осторожно. И сто раз правы те поисковики, которые именно так относятся к делу, стараясь не спешить с окончательными выводами в пользу геройства или в пользу предательства.

Кстати, наличие копий заставляет предположить о существовании, по крайней мере, двух «Личных дел» Л. Хрущёва, одно из которых я начинаю исследовать. В цитируемом мною «Личном деле» лишь пара-другая документов-оригиналов, остальные — копии, заверенные переработчиками-«шестидесятниками», то есть воинами невидимого канцелярского фронта конца 50-х начала 60-х. Где они теперь? Можно ли до них добраться или хотя бы до

каких-то их воспоминаний? Вот их должности и фамилии: старший научный сотрудник 1-го отдела подполковник Фост, старший офицер 4-го отдела УК ВВС полковник Бурмистров, начальник архива хранилища 2-го отдела Архива Министерства обороны майор Шалаев и О. Тёмушкин — член комиссии 1956 года по реабилитации репрессированных... Вероятно, указанные люди, их близкие, друзья и знакомые смогут сказать, что именно побудило их через 15 лет после войны вновь вернуться к «Личному делу» Леонида Никитича. И тогда, может быть, обнаружится, что за крысы завелись в «Личных делах» Хрущёвых...

Каким он парнем был

Много на этот счёт слухов и письменных рассуждений. Чтобы было с чем сравнивать, приведу наиболее распространённый вариант опубликованной биографии, а потом процитирую документы из «Личного дела».

Итак, Леонид. Родился в 1917 году в семье шахтёра Никиты Хрущёва, который вскоре ушёл на Гражданскую войну. Жена, Ефросинья Ивановна, осталась с двухлетней дочкой Юлей и с грудным Лёней. Получив отпуск, Хрущёв-старший увидел свою Ефросинью уже в гробу — скопил её сыпной тиф. Пришлось малолетних детей оставить на попечение деда и бабки, а самому опять вернуться на фронт. Лишь шесть лет спустя женился Никита Сергеевич во второй раз, но жена его, Нина Петровна, тоже была партийным работником: куда направят — туда и ехали. Какой уж тут домашний очаг! Только в конце 20-х начал складываться семейный быт. Родилась дочка Рада. В Москве, где Н.С. Хрущёв учился в Промакадемии, им дали в общежитии две комнаты. И только тогда взяли они к себе Юлю и Лёню. Выходит, около 10 лет рос парнишка как сирота. Мачеха, конечно, не мать, но всё же... Закончив школу-девятилетку, он поступил в фабрично-заводское училище. Учился хорошо и добросовестно работал у станка. Его любили товарищи, избрали комсоргом. Вскоре коллектив рекомендовал его на учёбу в школу Гражданского Воздушного Флота. Тогда среди мальчишек было в моде идти в лётчики. Двадцатилетний Л. Хрущёв после курса в лётной школе в Балашове и доподготовки в Ульяновске стал профессиональным лётчиком. Работал инструктором Центральных авиационных курсов в Москве, затем в Киеве, куда перевели отца. В жёны себе Леонид

выбрал тоже лётчицу – штурмана эскадрильи аэроклуба. Но не Гражданская авиация привлекала молодого пилота. Приближалась война и хотелось встретить её в рядах Военно-Воздушных Сил. В феврале 40-го Леонид добровольно вступает в Красную Армию. Его зачислят слушателем подготовительного факультета ВВА имени Жуковского. Потом переводят в военное авиационное училище в г. Энгельс. Дома бывает лишь наездами. Далее следуют только хвалебные характеристики.

Так или примерно так писали все биографы. А вот что увидел я в «Личном деле», у которого, кстати, масса всяких номеров. Никто не смог толком объяснить мне, что значат все эти номера. Вполне возможно, что они означают то, что написано, но не исключено и то, что они имели для сменявшихся делопроизводителей архивов какой-то вспомогательный характер. Вот эти номера: «Личное дело» № 71529; инвентарный № 0562178, а в Управлении кадров ВВС оно, видимо, числилось под № 950. И ещё – № 51973/92 – это может быть номер коробки, в которой в каком-нибудь архиве хранились документы Л.Н. Хрущёва.

Копия автобиографии на Хрущёва Леонида Никитовича (так в «Личном деле», – НАД.)

Родился в Донбассе, г. Сталино, в семье рабочего. До революции отец работал слесарем на шахтах и заводе Боссе, в настоящее время член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), г. Киев. Родственников за границей нет. Женат. Жена работает штурманом-лётчиком эскадрильи аэроклуба в г. Москве. Отец жены – рабочий. Брат – военнослужащий ВВС (г. Одесса). Сестра – домохозяйка. Начал самостоятельно работать с 1939 г. (скорее всего – с декабря 1939 по февраль 1940-го, в тексте неразборчиво, – НАД.) лётчиком-инструктором ЦАК СССР Москва – Киев. Общее специальное образование получил, учась в семилетке ФЗУ; школа пилотов ГВФ, подготовительные курсы в академию – школа ГФК – окончил в 1937 г. В ряды ВЛКСМ вступил в 1932 г. Принят организацией Краснопресненского района г. Москвы, билет № 1029961. В ФЗУ работал секретарём ячейки первичной организации ВЛКСМ. В 1936 году в районе ГВФК – комсоргом звена. В 1940 году за задолженность уплаты членских взносов получил выговор (не снят). В РККА добровольно с февраля 1940 г. В ВВА им. Жуковского слушатель доподготовительного курса. С февраля 1940 г. – ЭВАУ. За границей не был. Под судом не был. 22 мая 1940 г. Курсант Хрущёв.

И сразу приведу ещё два документа.

Первый документ.

Родился Хрущёв Леонид Никитович 10 ноября 1917 года в Донбассе, г. Сталино. Национальность — русский. Иностранным языком не владеет. Отец до 1917 года работал слесарем (завод Боссе — Донбасс). Отец — партработник — секретарь ЦК ВКП(б). Мать умерла в 1919 году. Сам он женат. Жена — Сизых Любовь Илларионовна 1915 года рождения. Родилась она в Киеве УССР. Дочь Хрущёва — Иолинда Леонидовна (год рождения 21.01.1941 — г. Москва). Сын, Хрущёв Юрий Леонидович, родился в 1936 году — г. Москва.

Образование (общее) — среднее, г. Москва, 7 групп и курсы по подготовке в академию — сентябрь 1939 г.

Специальное образование — школа пилотов ГВФ г. Балашов — 1937 г.

Окончил (военное образование) Энгельсскую военную авиационную школу (ЭВАШ) ПРИВО в 1940 г.

Научных трудов или изобретений у него нет.

Член ВЛКСМ с 1932 г. Краснопресненской организации г. Москвы. № комсомольского билета 1029961.

Подвергался комсомольским взысканиям, в частности, имел выговор за долгий период неуплаты членских взносов в 1940 г.

Апрель ЭВАШ.

Вступил в ВВКА — февраль 1939 г. — добровольно (так в «деле». — НАД.).

Второй документ.

Характеристика на курсанта (слушателя) ЭВАШ.

Хрущёв Леонид Никитович, член ВЛКСМ с 1932 г., политически развит хорошо, в вопросах международной и внутренней политики партии и Советского правительства разбирается правильно. В учебно-боевой подготовке осуществляет авангардную роль. Член ВЛКСМ. Сдал все зачёты на отлично. Дисциплинирован. За время пребывания в организации ВЛКСМ с 1 марта 1940 г. по 1 июня 1940 г. нарушений воинской дисциплины не имел. Имеет от комсомольской организации взыскания:

в 1937 году выговор за пьянку и недисциплинированность во время учёбы в Балашовском авиаучилище. Утверждён Молотовским РК ВЛКСМ г. Киева;

во вторую а/э ЭВАШ прибыл, имея задолженность по членским взносам за 12 месяцев, за что от организации ВЛКСМ получил строгий выговор, который ШПК ещё не утверждён.

В настоящее время недостатков, отмеченных выше, не имеет. Общественной работы в организации ВЛКСМ за период с 1 марта по 1 июня 40 г. не выполнял. Идеологически выдержан. Морально устойчив. Предан делу партии Ленина — Сталина.

Ответственный секретарь бюро ВЛКСМ 2-й эскадрильи Лацков.

Комментарии почти излишни, потому что теперь можно видеть: сознательно или бессознательно Л. Хрущёв не упоминает в автобиографии *отдельные* факты своей жизни. Можно видеть и то, как услужливые делопроизводители помогают ему «избавиться» от личных недостатков, используя хитрую формулировку: «подвергался комсомольским взысканиям, в частности, имел выговор за долгий период неуплаты членских взносов в 1940 г.». Хитрость заключается в том, что «строгий выговор» становится просто «выговором», а выговор «за пьянку и недисциплинированность» не упоминается вообще. Но к составителям этой бумаги не придётся — ведь они и не собираются перечислять все взыскания Л. Хрущёва, пряча их под лукавым словом «в частности». Впрочем, быть может и то, что эта копия не совсем верна, так как в 1961 году полковник Бурмистров, вероятно, не желая ставить в неудобное положение главного строителя коммунизма, просто не стал переписывать все(!) эти взыскания из автобиографии его сына.

Не обойтись здесь и без такого замечания. Тогда у Лёньки «родственников за границей не было». Однако, доживи он до наших дней, появились бы и не где-нибудь, а в самих Соединённых Штатах, которым когда-то лучший коммунист СССР Н.С. Хрущёв грозил с трибуны ООН показать Кузькину мать... Но иметь родственников за границей, как мы теперь понимаем, уже не предательство Родины... особенно со стороны второго сына Хрущёва — Сергея Никитича, который недавно захотел стать полноправным гражданином США, так и не дождавшись, когда (снова лапотная) Россия под лозунгом отца наконец-то «догонит и перегонит Америку»...

Если завтра война

Тогда почти все жили этой мыслью. И она вскоре действительно грянула. И 23-летний лётчик Лёнька Хрущёв не просто пошёл на Великую Отечественную: уже 1 июля 41-го он буквально полетел на её сражения и уже 16-го за боевые заслуги был представлен к награде орденом Боевого Красного Знамени. После задевших за

живое выговоров за пьянку, неумение вести себя и за грубейшее нарушение комсомольского устава дисциплина его, как утверждают характеристики, хромать перестала. Зато уже 26 июля основательно захромала нога — так закончилось одно из боевых крещений. Ногу хотели отрезать. Лёнька пригрозил пистолетом и... остался с ногой, а через полгода пошёл переучиваться на лётчика-истребителя. Впрочем, про это лучше меня рассказывает язык его военных документов.

Копия выпускной аттестации на курсанта Хрущёва Леонида Никитовича ... в РККА с 15.2.1939 года (В автобиографии: с февраля 1940 г.? — НАД).

<...> Морально устойчив. Бдителен и умеет хранить военную тайну. Как на работе, так и в быту отлично дисциплинирован, требователен к себе. Развито чувство ответственности за порученное дело. <...> Техника пилотирования на самолётах СБ, М-103 — отличная. Ориентировка хорошая. <...> В быту общителен, выдержанный и скромн. <...> В работе энергичен. Решительный, инициативен и вынослив. <...> Физически развит...

Вывод: целесообразно использовать в скоростной бомбардировочной авиации... лейтенант Щербаков. 21 мая 1940 г.

Выписка из донесения начальнику штаба ВВС 22-й армии (исходящий №012/СО от 16.7.41)

<...> 4. Командир экипажа лейтенант Хрущёв Леонид Никитович, сын Никиты Сергеевича (мало кому делались такие приписки, — НАД.) <...> В воздушном бою 6.7.1941 г. храбро дрался с истребителями противника, вплоть до отражения их атаки. Из боя т. Хрущёв вышел с изрешеченной машиной. <...> Его машина безотказна. Неоднократно шёл в бой, подменяя неподготовленные экипажи. Ходатайствую о награждении т. Хрущёва орденом «Красное Знамя». <...> полковник Писарский.

Боевая характеристика на... лейтенанта Хрущёва <...> В воздухе спокоен и расчётлив. Аварий и поломок, как в мирное время, так и на фронте не имел. <...> Неутомимый в бою, бесстрашный, всегда рвался в бой. Были дни, когда он делал по 3-4 вылета в день и никогда не жаловался на усталость. На Западном фронте пробыл два месяца (по другим данным того же «Личного дела» не пробыл и месяца, — НАД.) в начальный период, т. е. в самый тяжёлый период, когда полк летал без прикрытия, и он не боялся трудностей и смело шёл в бой. За период боевой деятельности совершил 27 боевых вылетов по войскам врага. <...> В бою был сбит противником и при посадке сломал ногу.

Вывод: хороший, опытный боевой лётчик и может быть назван хорошим сыном своего отца. <...> капитан Солоденко. С аттестацией полностью согласен... подполковник Ткачев. 9 января 1942 г.

Наградной лист. <...> участвовал на фронте борьбы с германским фашизмом с 1 июля 1941 г. <...> Постоянный домашний адрес: г. Москва, Большая Полянка, д. 3/9, кв. 35, жене.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига...

Метким бомбометанием его самолёт разбомбил танк и артиллерию противника в районе Великих Лук. 10 июля 1941 г. <...> На обратном пути самолёт Хрущёва подвергся нападению со стороны фашистских истребителей. Самолёт был обстрелян и имел 20 пробоин. Тов. Хрущёв спас самолёт и вернулся на свой аэродром. <...> майор Ткачёв ... старший политрук Куликов.

Справка. <...> Хрущев Леонид Никитович 26 июля 1941 г. после выполнения боевого задания на самолёте СБ... был сбит... При посадке сломал ногу. С 1 июля 1941 г. по март 1942 г. находился на излечении в госпитале. (Так в «деле». — НАД.) После выздоровления был направлен на переучивание на самолёт ЯК-7... с марта по ноябрь 1942 г. <...> Справка составлена на основании журнала боевых действий (134-й СБАП), боевой характеристики от 9 января 1942 г. и приказа командующего 1-й ВА №0477 от 19.12.1942 г. Старший офицер 4-го отдела УК ВВС полковник Бурмистров. 17 марта 1961 г.

Внимательный читатель заметит, как недобросовестно составлена эта справка. Сколько в ней неточностей! Однако стоит ли удивляться, если учесть, что писалась она через 19 лет после событий, как бы для очистки совести. Чьей? Кому и зачем понадобилось составлять такую, похожую на отписку, справку(?), в то время как «дела» других оставались нетронутыми.

Роковой день

С этого места я начинаю цитировать документы, которые по сей день носят гриф «секретно». Замечу, что очень редко в каком «Личном деле» встречаются бумаги с таким грифом. Однако этот случай особый: он касался судьбы сына члена Политбюро. Это в условиях войны действительно было необходимым, так как сын через отца мог знать какие-то сверхсекретные государственные тайны.

Итак, «Описание воздушного боя 11 марта 1943 года» (исходящий №038 от 14.4.43 г.).

<...> В 12.13 девять ЯК-76... вышли на боевое задание... в районе Кожановка, Ашково, Ясенок, Дынная, Жеребовка. <...> Придя в район действий, группы из-за плохих метеоусловий (дымка до 2000 м) стали действовать самостоятельно. <...> появились истребители противника, которые, пользуясь дымкой, начали производить атаку наших самолётов. <...> Два наших самолёта (ведущий... Заморин, ведомый... Хрущёв) были атакованы двумя ФВ-190. В результате завязался воздушный бой... на Н-2500 м. <...> Заморин производил атаку одного ФВ-190 и с дистанции 50—70 метров... сбил самолёт противника. Хрущёв шёл с правой стороны, и когда Заморин сбил самолёт противника и увидел, что к хвосту машины Хрущёва пристроился один ФВ-190 и вёл по нему огонь, Заморин открыл огонь по самолёту противника под углом. Немецкий лётчик, видя своё невыгодное положение, отвалил от Хрущёва и с пикированием пошёл на юг. Заморин продолжал атаковать. В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущёва, Хрущёв с переворота под углом 65—70° пошёл к земле, и когда Заморин возвратился, то Хрущёва не нашел и считает, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор (так не бывает, — НАД.). ...когда вёл воздушный бой Заморин и Хрущёв, все остальные семь на различных высотах и районах вели воздушный бой с истребителями противника... гвардии майор Голубов... гвардии полковник Вышинский.

Так отражает бой первый секретный документ. А вот что дополнительно сообщает другой секретный лист (исходящий №0164 от 28.3.43). *<...> В момент, когда производил атаку Заморин, один ФВ-190 зашёл в хвост Хрущёву. Заметив это, Заморин пошёл на помощь Хрущёву и дал очередь с дистанции 200 м по атакующему ФВ-190. Самолёт противника отвалил и ушёл со снижением. Хрущёв в этот момент тоже с резким снижением 65—70° пошёл вниз в районе Мужетенский. Заморин, преследуя атакующий ФВ-190, потерял Хрущёва. <...> Наши потери: не вернулся лётчик ст. лейтенант Хрущёв... подполковник Аристов... начальник опер. разведывательного отделения майор Бармотунов.*

Именно с этих двух секретных документов началась неразбериха, которая до сих пор порождает споры. Разгадку случившегося есть смысл начать с письма члену Военного Совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Хрущёву.

«Дорогой Никита Сергеевич! С глубоким прискорбием сообщая Вам печальную весть. Ваш сын... Леонид Никитич Хрущёв 11 мар-

та 1943 года не возвратился с боевого задания. Отважный сталинский сокол, он на протяжении всей Отечественной войны храбро сражался против немецких захватчиков. <...> В боях получил тяжёлое ранение... После выздоровления... Леонид Никитич Хрущёв настойчиво просил направить его для переучивания на истребителя. <...> Ещё до войны его налёт равнялся 1268 часов... Программу переучивания... окончил 03.11.1942 г. с оценкой «отлично»...

Мною и начальником штаба армии было предложено Вашему сыну перейти на работу в Управление Воздушной армии, но он пожелал остаться в боевом полку и от предложения отказался. 4.12.42 г. ...был проверен по технике пилотирования. Командир а/э 18 ГИАП гвардии капитан Мазуров дал общую оценку «хорошо». Для обучения воздушному бою к Вашему сыну был прикреплён лучший боевой лётчик полка старший лейтенант Заморин, имевший на своём счету 13 лично им сбитых самолётов противника. <...> На неоднократных поверках... Леонид Никитич Хрущёв неизменно показывал отличные результаты, мастерство, напористость и отвагу, свойственные талантливым лётчикам-истребителям. И всё же, несмотря на это, командование полка продолжало дальнейшую его тренировку, под разными предложениями удерживая от боевой работы.

Настойчивые просьбы Вашего сына, который очень обижался, почему «так долго возьтятся», и блестящая техника пилотирования, умение вести себя в воздушном бою послужили... основой для разрешения... Хрущёву выполнять боевые задания в составе группы из 6 – 9 самолётов под наблюдением и контролем... Заморина. <...> Заморин в первых совместных воздушных схватках сам боя не вёл, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением. (А таких боёв было три, да и те в один день?! – НАД.) По его докладу Ваш сын атаковал врага смело, преследовал неотступно, направлен использовал освещение облачностью, умело маневрировал, словом, вел бой грамотно и решительно. ...Хрущёв произвёл 6 боевых вылетов... Участвовал в трёх воздушных боях. Возвращаясь после воздушного боя, Ваш сын буквально ликовал, вспоминая подробности схватки и бегство «фрица», которому он зашёл сзади в хвост и, преследуя, расстреливал почти в упор». «Расстреливал почти в упор...» Выходит, расстреливая даже в упор, не смог сбить. А что если это – есть свидетельство о чрезмерном завышении оценок за полёты и свидетельство восприятия Л. Хрущёвым происходящего... как игры в

войну? Все эти бесплодные детские ликования вокруг не сбитого «фрица», к сожалению, наводят на такие нехорошие мысли. Создаётся впечатление, что это письмо переделывалось, а быть может, и дописывалось в ходе пересмотра «Личного дела» после войны. Слишком много косвенных славословий в адрес самого Н.С. Хрущёва, что больше соответствует не временам Сталина, а временам Хрущёва, хотя, впрочем, всякое бывает... Вместе с тем это показатель того, как даже в Великую Отечественную войну создавались особые тепличные условия детям и родственникам высокопоставленных лиц. Особое отношение было и в мирное время, тем более, когда об этом просили или этого прямо хотели наверху. Поэтому наблюдаемое здесь угодническое послевоенное улучшение «Личного дела» сына Н.С. Хрущёва делает моё предположение — об особых условиях для лётчика с «царской» фамилией — небезосновательным, что ещё определённое проявится в документах чуть дальше.

К сожалению, выделенные слова наводят на мысль, что, возможно, не такая уж «блестящая техника пилотирования» была у Л.Н., если его опасались выпускать без группы поддержки в 5 — 8 самолётов, да ещё и с *личной* охраной со стороны лучшего лётчика полка, который вместо того, чтобы воевать, должен был обеспечивать безопасную «игру в войну» для сына (выражаясь словами «Комсомольской правды») «золотого папы», что для такого аса, как Заморин, могло быть просто головной болью. И надо же было такому случиться: стоило им (Заморину и Хрущёву) остаться вдвоём против двух ФВ-190, как произошло то, чего больше всего боялись — Хрущёва не то сбили, не то сам разбился, благодаря такой «блестящей технике пилотирования», что «перетянул ручку и сорвался в штопор», из которого, судя по всему, не вышел... И если не разбился сам, то разбил самолёт, а сам мог попасть в плен, хотя, впрочем, из-за дымки и, так как горючее было на исходе, мог посадить самолёт и на немецкой территории. Ведь бой был чуть ли не в тылу гитлеровцев. А дальше — опять-таки плен... Кстати, на обстоятельство, что в тот роковой день стояла плотная дымка высотой до 2000 метров, никто тогда чрезвычайного внимания не обратил. А ведь именно в этой дымке мог заблудиться не имевший опыта полётов без штурмана Л. Хрущёв. Однако вернёмся к печальному письму.

«<...> Заморин и Леонид Никитич Хрущёв вступили в поединок против двух ФВ-190, постепенно оттесняя их на территорию

противника. ...Заморин атаковал и огнём с дистанции 50 – 70 метров сбил одного ФВ-190... Хрущёв в это время летел справа, охраняя хвост ведущего, и в свою очередь был атакован вторым ФВ-190. ...Заморин немедленно бросился к своему ученику на выручку и огнём отогнал противника, продолжая его преследовать.

Он видел, что самолет Вашего сына с переворота под углом 55-70° пошел к земле...

Закончив воздушный бой, Заморин вернулся в район, где оставил... Хрущёва, но не обнаружил его. Увидев в стороне свои самолёты и полагая, что... Хрущёв находится среди них, он присоединился к общему строю и прилетел на свой аэродром.

<...> Из состава наших истребителей не возвратился Ваш сын... Организованные мною тщательные поиски с воздуха и через партизан пока не дали результатов. (Эта фраза может свидетельствовать, что после войны данное письмо не только копировалось, но и подвергалось доработке с внесением дополнений. – НАД.) В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод. <...> Сообщая Вам эту тяжёлую весть, прошу принять моё искреннее соболезнование ...генерал-лейтенант Худяков».

Загадочно, что дата написания этого письма на копии не указана, как не указано и время изготовления копии, хотя из других источников известно, что оригинал письма датировали якобы 11.04.1943 г. Это тоже может свидетельствовать, что при составлении копии имела место послевоенная доработка оригинала. Но этот вопрос могут прояснить только майор Шалаев, его помощники, его близкие, ну и, конечно, те, кто вдруг приказал ему заняться этим «большим вопросом»... спустя много лет после войны. В пользу того, что поначалу данное письмо не было столь категоричным в утверждении гибели Л. Хрущёва, говорит и информация (если она, конечно, соответствует действительности) о том, что вскоре после того рокового дня был приказ о награждении пропавшего без вести лётчика орденом «Отечественной войны I степени». Причём, слово «посмертно» в приказе якобы отсутствовало. В пользу этого предположения свидетельствует и секретный «Приказ Главного управления по формированию и укомплектованию войск Красной Армии № 0363/ПР от 27 апреля 1943 г.», то есть через 16 дней после отправки упомянутой «похоронки» на сына в адрес Н.С. Хрущёва. В этом приказе прямо говорится, что

Хрущёв Леонид Никитович «пропал без вести 11.3.43», и поэтому «исключается из списков Красной Армии».

Три «признания» Заморина

Первое «признание» Заморина отражено в предшествующих документах. Второе «неожиданно» появилось через 17 лет после загадочного боя.

<...> Доклад об обстоятельствах гибели в воздушном бою ст. лейтенанта Хрущёва Леонида Никитовича 11 марта 1943 г.

<...> В соответствии с графиком боевых вылетов в первой половине дня было произведено... два вылета. <...> Во второй половине дня мы подготовились к выполнению 3-го боевого вылета. Во всех трёх вылетах участвовал ст. лейтенант Хрущёв Л.Н.

Напоминаю. На счету у Л. Хрущёва было всего три воздушных боя и, как выясняется, все чуть ли не в один день, что неслучайно «упускали из виду» все предыдущие составители хрущёвских документов, и на что я вынужден обратить особое внимание. Выходит, сбили Хрущёва в первый же по-настоящему боевой день. Это свидетельствует, что начальники не зря так опасались и так не хотели выпускать его в небо, очевидно, между собой прекрасно зная истинную цену его «отличным» отметкам за учебные полеты. Л. Хрущев в их глазах и близко не был новым Чкаловым, несмотря на лицемерные утверждения о настоящем таланте... И всё же это не умаляет Л. Хрущёва как человека, рвавшегося ценой жизни защищать Родину, а не отсиживаться в тёплом месте какого-нибудь военного управления. Что ж, продолжим второе «признание» Заморина.

<...> на высоте 3000 метров я увидел справа сверху пару ФВ-190 и передал по радио: «Справа сверху два «фокке-вульфа». ...Хрущёв ответил: «Вижу!» Уходя из-под удара, мы с ним развернулись на противника и стали в левый вираж. ...Хрущёв прикрывал меня в этой атаке. На вираже я зашёл в хвост ведомому «фокке-вульф» и с дальности 70—100 метров открыл по нему огонь. Самолёт противника перевернулся вправо и начал падать или уходить из боя. За ним я не стал следить и продолжал на вираже сближение с ведущим ФВ-190. В это время ведущий ФВ-190 приближался к хвосту самолёта Хрущёва. Я увидел, как ФВ-190 открыл огонь по нему, но снаряды, траассирующие, прошли сзади и правее самолёта. Я уже достаточно сблизился с противником и открыл по нему недостаточно прицельный

огонь, так как спешил ликвидировать создавшуюся опасность для моего ведомого. В момент моей атаки... немецкий летчик сделал резкий левый поворот, включил форсаж и пикированием начал уходить от моей атаки. Самолёт Хрущёва находился в это время в левом вираже. Преследуя противника... я дал по нему еще 2—3 очереди и, видя, что он уходит, сделал левый боевой разворот в сторону своего ведомого, но его я не обнаружил. Начал вызывать по радио, но ответа не последовало. Видя вдали воздушный бой самолётов нашей группы с группой самолётов противника ФВ-190 и полагая, что там и мой ведомый, я подошёл и вступил в воздушный бой в этой группе. <...> Собрав группу после воздушного боя, я не обнаружил в ней моего ведомого. Поиски и неоднократные вызовы по радио не дали никаких результатов, а так как горючее было на исходе, мы возвратились на аэродром. ...Хрущёв не вернулся из этого воздушного боя. В дальнейшем были организованы поиски... но они... не дали положительных результатов. Тогда мы пришли к выводу, что... Хрущёв... погиб... В... бою участвовало 9 лётчиков... Из них после войны остались 4 человека... Даниленко Николай Никитович... Замковский Николай Андреевич (проживает в г. Иваново)... Чихунов Михаил Никитович... Заморин Иван Александрович (в/ч 11325 — г. Куйбышев).

К сожалению, Даниленко умер в 1987 году, а совсем недавно, говорят, не стало и Заморина. О двух других ничего не известно. К счастью, у второго «признания» Заморина есть следующее продолжение.

Некоторые приметы обмундирования, снаряжения и личных вещей... Л.Н. Хрущёва, находившихся при нем 11 марта 1943 года.

Л.Н. Хрущёв выполнял этот полёт в кожаном чёрном шлемофоне; в темно-коричневом кожаном реглане с каракулевым серым воротником; в хромовых сапогах, в голенищах которых были замки «молнии» (ранее раненная нога затрудняла одевание обычного сапога); на руках были тёмно-коричневые перчатки на меху; гимнастёрка — коверкотовая, серого цвета с накладными карманами и стоячим воротником; на гимнастёрке слева орден Красного Знамени, справа гвардейский значок; погоны старшего лейтенанта — парадные; брюки — бриджи коверкотовые, одного цвета с гимнастёркой; вместо нательной рубашки носил морскую полосатую тельняшку; ремень офицерский со звездой; на ремне в желтой кожаной кобуре пистолет марки «Вальтер», а поверх реглана через плечо на ремне в деревянной кобуре пистолет «маузер»; на руке часы, кажет-

ся, марки «Лонжин»; при нем был серебряный портсигар (как будто с рисунком охотничьей собаки и дарственной надписью «В день рождения от жены»); зажигалка прямоугольной формы; небольшая записная книжка, заполненная в основном московскими адресами и номерами телефонов.

Доклад составил из личных воспоминаний... этот бой и образ боевого товарищу сохранятся в моей памяти на всю жизнь... гв. полковник Заморин ИА 23 ноября 1960 года.

И наконец, третье «признание» Заморина. Впервые я прочёл его лет 10 назад. И вот теперь его повторяет «Комсомольская правда», где сообщается следующее: «Уже после войны и даже после смерти бывшего руководителя СССР Никиты Сергеевича Хрущёва Заморин послал на имя маршала Устинова покаянное письмо, в котором признался: *«Я в рапорте умолчал о том, что, когда немецкий «ФВ-190» рванулся на мою машину в атаку, зайдя мне снизу под правое крыло, Лёня Хрущёв, чтобы спасти меня от смерти, бросил свой самолёт наперерез огневому залпу «фоккера». После броневой удара самолёт Хрущёва буквально рассыпался на моих глазах!.. Вот почему на земле невозможно было найти какие-либо следы этой катастрофы. Тем более, что искать начальство приказало не сразу...»*

Всё это позволяет предположить, что письмо Устинову действительно было, хотя и не попало по неизвестным причинам в «Личное дело», которым располагаю я. Однако полноценность такого «признания», вероятно, можно установить через нынешнего министра обороны. Смелодушничал ли тогда Заморин или до своего третьего «признания» ему приходилось молчать, спасая честь мундира своих начальников, карьере которых не способствовало бы откровение о том, как они не уберегли сына члена Политбюро? Ответов на эти вопросы у меня пока нет. И пока третье «признание» кажется мне наиболее правдивым. Если письмо Устинову с безоговорочным признанием Заморина в том, что Л. Хрущёв стал воздушным Александром Матросовым, действительно существует, я готов обнародовать его полностью.

И герой, и предатель?!

Молотов, как известно, долгое время был вторым человеком после Сталина. После отставки Молотова его литературным секретарём сделался Феликс Чуев, который пытался свести с Моло-

товым и меня. Однако тот очень неохотно шёл на знакомства. Поэтому встреча не состоялась. Но вот что неоднократно рассказывал Чуев...

Хотя Молотов, как никто знавший государственные тайны, откровенничал с ним, однако предпочитал делать это, как старый сталинский конспиратор, без посторонних и чаще всего во время прогулок в дачном лесу. Поэтому о согласии на магнитофонные записи бесед не могло быть и речи. Но как докажешь, что всё это узнал от Молотова? «И тогда, — говорил Чуев, — я решился на хитрость. Так как ходил в гости с портфелем, в котором приносил новые напумевшие книжки, то и на наши прогулки для разговоров с глазу на глаз стал ходить с портфелем, который для усыпления бдительности раз за разом открывал. И когда Молотов привык к этому, я пристроил в портфель маленький магнитофон. И с тех пор начал записывать все молотовские воспоминания и мнения. А что оставалось делать, если карманных диктофонов еще не было?»

К чему такой длинный рассказ на отвлеченную тему? Да к тому, что теперь я дословно процитирую слова Молотова о Хрущевых, которые подтверждаются чувевскими магнитофонными записями с указанием дат.

15.08.1972. и 08.01.1974. Молотов: *«Хрущев в душе был противником Сталина. Сталин — все и вся, а в душе другое. Личное озлобление его на любые шаги толкает. Озлобление на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли. После такого озлобления он на всё идёт, только бы запачкать имя Сталина».* Чуев: *«Никита от сына отказался, да?»* Молотов: *«Да».*

30.06.1976. и 30.10.1980. Молотов: *«У него сын был вроде изменника. Это тоже о нём говорит. Хорош политический деятель, у которого даже сын и тот...»*

16.06.1977. и 09.12.1982. Молотов: *«Сталин сына его не хотел помиловать. Хрущёв лично ненавидел Сталина. Это добавилось. Но не это главное. Он не революционер. В 1918 году только в партию вступил — такой активный! <...> Какой же это у нас лидер партии оказался! Это абсурд. Абсурд».*

06.06.1973. Чуев: *«Хрущёв попросил бывшего председателя КГБ Семичастного найти ему все документы, касающиеся его пребывания на Украине. Причём, это было в разгар кампании против Сталина».* Молотов: *«Наверно, принял меры, чтобы уничтожить подписанные им документы по репрессиям на Украине...»*

Эти документальные свидетельства заставили меня задуматься над личностями отца и сына Хрущёвых, причиной чему являлось и обнаруженное мною разорение «Личного дела» Л. Хрущёва. Между тем здесь, для сравнения, очень кстати дать интервью с его братом, то есть Сергеем Никитичем, ныне тем самым верноподданным США, о котором писалось в первой части. *«Слухи о том, что мой брат не погиб, выполняя свой воинский и патриотический долг, а якобы сдался в плен, выдал врагу военную тайну и что после войны он «попал в наши руки» и его ждала «заслуженная кара», — были явно выдуманы. Для чего? Это становится понятным из имевшей хождение версии о том, что, дескать, Хрущёв пошёл к Сталину вымолить снисхождение к преступнику, даровать сыну жизнь. И «благородный вождь», дескать, с презрением отверг недостойного, говоря: «Я не стал помогать своему сыну-герою, а твой трус должен получить по заслугам». Ясно, кого тем самым хотели возвеличить, а кого принизить и опорочить».*

Сильные слова! Которые тоже производят впечатление и ставят под вопрос данные, хотя и лучше всех информированного, но больно уж древнего старика Молотова. Однако достоверность воспоминаний Молотова подтверждают и другие, более надёжные по возрасту, источники, которые уже в войну были известными людьми, тогда как восьмилетний Сергей Никитич в 43-м, видимо, только-только перестал пешком под стол ходить... В самом деле, неужели вхожий с 30-х годов в самый высокий кабинет Кремля и, стало быть, информированный из первых рук нобелевский лауреат Михаил Шолохов знал меньше, нежели сын одного из самых главных, но и самых нечестных наших руководителей... Так вот, Шолохов придерживался тех же данных: дескать, «Хрущёву было чего опасаться — ведь он один из главных виновников массовых репрессий, да и сын, попавший в плен и начавший работать на немцев, расстрелян как предатель...»

Присоединяется к ним и один из главных полководцев и знатоков той войны Главный маршал авиации А.Е. Голованов. Ещё больше об этом рассказывал замначальника Управления кадров Министерства обороны Герой Советского Союза генерал-полковник И.А. Кузовлев (или Кузовков?), о чем известил меня историк авиации А. Симонов.

Многое мог бы прояснить и В. Семичастный. В последние годы правления Хрущёва он был шефом КГБ и, наверное, кое-что зна-

ет... Он-то уж, скорее всего, скажет: был ли суд над хрущёвским сыном-лётчиком, и где находятся нужные документы.

Да и О.П. Тёмушкин, работая в органах Прокуратуры СССР, в 50-х годах принимал непосредственное участие в деятельности по реабилитации лиц, незаконно репрессированных в сталинские годы, и, значит, держал в руках ту самую «папку коллегии военного суда», которая осталась после расследований комиссии с его участием, и которую лично читал писатель Стаднюк. Кстати, в какие только государственные органы я не обращался, никто ничего об этой папке даже не слышал, хотя при моей встрече с близким другом Л. Хрущёва С.А. Микояном 21.06.2000 г. выяснилось, что Л. Хрущёв действительно во время страшной пьянки убил человека, и был осуждён на восемь лет с отбывтием срока на фронте. Однако это была не девочка с яблоком, а моряк с бутылкой на голове... Итак — новая версия? Или на этот раз судебные документы могут найтись где-нибудь в бывшем г. Куйбышеве? Впрочем, этот суд не за предательство! Значит, был ещё один суд?

Можно надеяться, что не откажет в помощи и немецкое посольство, подтвердив или опровергнув пленение в годы Второй мировой лётчика Л. Хрущёва. Ведь, если меня не обманули, в Германии составляли и уточняли списки советских военнопленных.

Поисковики, быть может, и найдут сбитый самолёт Л. Хрущёва, но вот *его* останки, судя по всему, покоятся совсем в другом месте, то есть там, где он был расстрелян за предательство Родины, точнее за то, что, попав в плен, работал на фашистов в качестве агитатора...

Что же это получается: Л.Н. Хрущёв — и герой, и предатель одновременно? Ведь, скорее всего, и Заморин говорит правду, но и Молотов с остальными не искажают того, что было, а именно: в самолёт Л. Хрущёва действительно попал «ФВ-190», и он рассыпался на части, приняв на себя удар, предназначенный командиру (что соответствует данным Заморина); однако затем воспользовавшийся парашютом и спасшийся благодаря той самой дымке сын Хрущёва попал в плен и работал на немцев, за что и был расстрелян, а это уже соответствует воспоминаниям Молотова и других заслуживающих внимания людей. Предательские двуликие, двойственные гены отца, видимо, сказали своё и в сыне. Стало быть, Л.Н. Хрущёв — герой, потому что спас командира, и предатель, потому что изменил Родине! Военная трагедия... Так обстоят дела

с ответом на вопрос: «Предатель или герой?» И всё-таки я буду первым, кто выступит за присвоение лётчику Л.Н. Хрущёву звания Героя Советского Союза, если кому-то удастся документально опровергнуть то, что узнал я.

Завершить эти исследования помогает мне И.Н. Антонова — свидетельница привычного явления хрущевских времен. Случилось оно в Москве, в районе Ленинградского проспекта. Пошла она гулять. И вдруг... незабываемая картина: могучие русские ребята почти несли под руки совершенно пьяного главного руководителя СССР Хрущёва Никиту Сергеевича из ресторана гостиницы «Советская», а следом сама, своим ходом, шла Нина Петровна, его неотъемлемая половина. Однако больше всего бросались в глаза перекрученные фиолетовые чулки, которые «сезжали» с ее ног... И эти люди задавали тон в нашем государстве. Ох, если бы хоть что-то изменилось теперь!!!

Неожиданное продолжение

Вскоре после обнародования мною исследования «Предатель или герой?» на первой странице газеты «Московский комсомолец» появилось сообщение, что сын сына Хрущева требует возбуждения уголовного дела, утверждая, что имеет место необоснованное обвинение его отца в особо тяжких преступлениях. Однако, пока прокуратура Москвы не спешит. Сплошные тайны и грифы «совершенно секретно» требуют особо тщательного разбирательства...

Сын отвечает за отца?

Моя цель — представить все «за» и «против» по делу лётчика Л.Н. Хрущева, чей полет в туманах Второй мировой не удастся проследить до конца до сих пор. О желании быть *над* схваткой говорит не только мой заголовок с вопросом, но и мой литературный псевдоним — НАД. Больше того, подводя итоги сведенных воедино точек зрения и говоря, какие выводы из них напрашиваются, я на каждом шагу подчеркиваю необходимость их проверки и, быть может, впервые в истории этого запутанного вопроса настаиваю на публичном государственном расследовании, ибо этот вопрос перестал быть простым юридическим делом и вылился в политические распри мирового значения, связанные с тайнами XX съезда.

Юрий Леонидович, внук Хрущева, либо читал мои исследования невнимательно, либо знаком с ними понаслышке. Потому и написал заявление в прокуратуру. Вместе с тем вся эта история принимает неожиданный оборот. По мнению «посторонних», дело сводится не к тому, что я «оклеветал» невинного, а к тому, что, сам того не ведая, я, дескать, впервые перечислил ряд имен тех, кто незаконно уничтожал и переделывал сверхсекретные документы. Таким образом, впервые публично обнаружилась нить ко многим послевоенным тайнам переломных событий XX века... А заявление внука Хрущева – это только повод (причем, даже в глазах юристов весьма неловкий), чтобы помочь мне все забыть, а с уничтоженными до конца документами поступить так, словно их никогда не было.

Когда меня опрашивали в прокуратуре, было странно, что корреспондента «МК» ознакомили с содержанием заявления, а меня, на кого это заявление подано, ознакомить почему-то отказались. Зато предложили объяснить, где я взял то, что обнародовала пресса. Я отвечал: «Пока и меня не знакомят с заявлением на меня, я объясняться не стану, а то нехорошо получается – постороннему можно, а тому, кого это касается, нельзя знать, что там написано».

Удивляет и то, что, когда Ю.Л. Хрущев услышал то же самое, что опубликовала пресса, от С.А. Микояна в телепрограмме «Как это было», он в рамках телепередачи даже не возразил. А ведь на той встрече звучали слова и посерьезней в адрес его отца, например, из книги С.В. Грибанова «Хроника времен Василия Сталина», Москва, 1999. В ней дословно есть следующее: *«Летчик Хрущев в штопорящем самолете не разбился, а попал к немцам в плен и стал с ними сотрудничать, агитировать наших бойцов за сдачу врагу. Тогда специально подготовленная группа выкрала сына Хрущева, затем партизаны сообщили об этом в Москву и запросили самолет, чтобы переправить «агитатора» через линию фронта. Из Москвы последовал ответ: «Не будем рисковать жизнью другого летчика, – самолет не дали, а по поводу пойманного распорядились, – решайте сами...» Сына Никиты расстреляли.*

О том свидетельствует и генерал-полковник И.А. Кузовков: «...сын Н.С. Хрущева, Леонид, в 1943 году попал в плен к немцам. По настоятельной просьбе Н.С. Хрущева И.В. Сталин дал согласие на обмен его сына на немецкого военнопленного. Обмен состоялся, но, как установили работники НКГБ, когда Л.Н. Хрущев находился в

фильтрационном лагере для бывших военнослужащих, в плену он вел себя плохо, работал в интересах гитлеровской Германии. По совокупности совершенных преступлений Л.Н. Хрущев военным трибуналом был осужден и приговорен к расстрелу». <...> В доме на Лубянке, известном своей революционной крутостью, мне (Грибанову, — НАД.) рассказывали, как в годы правления Никиты основательной ревизии подвергались там многие «дела». Беспощадно были подчищены и протоколы допросов советских военнопленных. Неслучайно в них остались записи: «изъято... 80 листов», «изъято... 36 листов».

После издания этой книги, насколько мне известно, никаких заявлений на авторов высказываний не последовало. Быть может, потому, что все они основывались на воспоминаниях. Мой же случай оказался особым: заговорили документы, которые, вероятно, Хрущевы считали уничтоженными, а некоторые из документов, хотя и были известны, обнародовались с изъятием тех мест, которые представляли Л. Хрущева не в лучшем свете, и тем самым бросали тень на его воспитателя-отца, Н.С. Хрущева, претендовавшего на роль воспитателя советского народа.

Отчего же вдруг понадобилось разжигать вокруг меня такие страсти? Я этого долго не мог понять, пока не был предупрежден, что должен быть бдительным, ибо могут быть попытки выкрасть документы или устранить их путем поджога, а то и изъять при помощи фиктивного ордера в ходе несанкционированного обыска. В ответ я объяснял, что никаких таких документов, из-за которых стоило бы разыгрывать подобные спектакли, у меня нет. «Тогда обнародуй, хотя бы то, что есть!» — говорили мне.

Что ж, начну с отрывков, которые предоставил мне, заверив своей подписью, С.А. Микоян.

Микоян — друг Хрущева

«В Куйбышеве я ходил на процедуры в поликлинику, где познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном вождя испанской компартии знаменитой Долорес, и Леонидом Хрущевым. <...> Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ. Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, около трех месяцев. К сожалению, он любил выпивать. В Куйбышеве, в гостинице, жил в это время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший «блат» на ликероводочном заводе. Они покупали там напитки в расчете на

неделю и частенько распивали их в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Бывали там и другие гости, в том числе и девушки. Леонид, даже изрядно выпив, никогда не буянил, он становился еще больше добродушным и скоро засыпал. Мы познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации, с Валец Петровой и Лизой Остроградской. <...> Когда меня уже в Куйбышеве не было, там произошла трагедия, о которой я узнал от одного приятеля Леонида, приехавшего в Москву, а потом рассказ подтвердила и Валя Петрова, которой этот же приятель рассказал сразу после случившегося. По его рассказу, однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно «под градусом», в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом из пистолета бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным — сказал, что надо попасть в самую бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в голову. Его осудили на восемь лет с отбытием на фронте (это тогда практиковалось в отношении осужденных летчиков). Не долечив ногу, он уехал на фронт, добившись переучивания на истребитель Як-7Б. Когда он был проездом в Москве, мы с ним встретились, но об этой истории я еще не знал, а он мне ничего не сказал».

Что знают генералы

Эта цитата из воспоминаний С.А. Микояна послужила основанием для первого обвинения в мой адрес. Второе — связано с высказываниями Молотова. Многие из того, что говорил мне Чуев, он опубликовал в журнале «Мужество» № 4 за 1991 год. Но еще более шокирующую информацию я получил через Н.П. Кузьмина, который пишет на исторические темы, основательно интересуясь архивами. Он поделился со мной данными из мемуаров генерала В. Удилова, который тридцать семь лет прослужил в органах контрразведки и закончил службу в должности первого заместителя начальника Второго главного управления КГБ. На вопрос: можно ли найти в архивах КГБ какие-либо документы, касающиеся событий, о которых он рассказывает(?), генерал ответил: «Нет, вы ничего уже не найдете. Хрущев, придя к власти, сразу же позаботился, чтобы никаких следов этой истории не осталось».

По словам Удилова, «началось... с «Вечерней Москвы». 4 января 1995 года эта газета опубликовала материал об исчезновении на фронте летчика Леонида Хрущева. Леонид Хрущев попадал в руки органов правосудия не в первый раз. Еще до войны он связался в Киеве с бандитами. Их поймали и по приговору суда расстреляли, а сынок Никиты Сергеевича, первого секретаря ЦК Компартии Украины, чудом избежал наказания. После инцидента в Куйбышеве Хрущев умолял Сталина пощадить сына. И вымолил. В первом же бою истребитель, пилотируемый Леонидом Хрущевым, ушел в сторону немцев и бесследно пропал. На этом «Вечерняя Москва» поставила точку... Версию продолжения я слышал (давно уже) из уст сотрудников отдела административных органов ЦК КПСС и КГБ СССР. Сын Хрущева то ли по собственной инициативе, то ли из-за вынужденной посадки оказался в плену у немцев. То ли посчитав себя обиженным советской властью, то ли по какой-то другой причине, пошел на сговор с немцами. Последовала команда Сталина — выкрасть сына Хрущева... Операцию могли провести: контрразведка «СМЕРШ», руководимая тогда генерал-полковником Абакумовым, и те, кто участвовал в уничтожении за границей Троцкого... Во время войны ими руководил генерал-лейтенант Павел Судоплатов. Незадолго до своей кончины Павел Анатольевич сказал мне, что его подчиненные, возможно, участвовали в похищении Леонида Хрущева, но не стал вдаваться в подробности...

Сын Хрущева был доставлен в Москву. Военный трибунал Московского военного округа приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Можно представить, в каком положении оказался Никита Сергеевич. В недавнем прошлом он дважды просил Берию, Серова, лично Сталина о снисхождении к сыну. Узнав о приговоре Военного трибунала, он обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) и попросил отменить суровую кару. Как ни странно, но и тут Сталин пошел навстречу.

И вот заседание Политбюро. Абакумов изложил материалы дела, приговор Военного трибунала. Первым на заседании выступил секретарь московского обкома и горкома (он же начальник политуправления Красной Армии и кандидат в члены Политбюро) А. Щербаков.

От первого выступления зависело многое и прежде всего — в каком направлении пойдет обсуждение. Щербаков основной упор сделал на необходимости равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он,

прощать сынков именитых отцов, если они совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков высказался за то, чтобы оставить приговор в силе.

Затем слово взял Берия. Он напомнил, что Леонида Хрущева уже дважды прощали.

Маленков, Каганович, Молотов были едины: оставить приговор в силе.

Последним выступил Сталин. Его старший сын Яков также находился в плену у немцев. Своим решением Сталин как бы заранее подписывал приговор и ему. «Никите Сергеевичу надо крепиться и согласиться с мнением товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я с глубокой отцовской горечью приму этот справедливый приговор!» — так, рассказывали мне, подытожил Сталин, закрывая заседание.

После прихода к власти Хрущева в жизни участников этих событий произошли роковые перемены.

В Москве был ликвидирован Щербаковский район, закрыт Щербаковский универмаг. Камень, заложенный в основание памятника Щербакову, был уничтожен, а место заасфальтировано.

Берию арестовали. Непонятно, каким судом он был осужден и приговорен к расстрелу.

Абакумов к моменту прихода Хрущева к власти находился в тюрьме под следствием как сообщник «врачей-вредителей». Дело оказалось липовым и все подлежали освобождению. Но Абакумова, по просьбе Никиты Сергеевича, оставили в тюрьме и через некоторое время приговорили по другому, тоже липовому, так называемому «ленинградскому делу» к высшей мере.

Судоплатов был арестован, непонятно за что осужден на пятнадцать лет и отбыл весь срок наказания во Владимирской тюрьме. Впоследствии реабилитирован.

Маленков, Каганович, Молотов как представители «антипартийной группы», отправлены в ссылку под строжайший оперативный и милицкий надзор.

Сталин на XX съезде Компартии был представлен Хрущевым как тиран и поработитель народов.

Прежде чем сделать выводы, познакомлю с выдержкой из вышедшей в 1996 году книги «Москва — Кремль — Охрана». Автор ее — Герой Советского Союза, заместитель начальника Главного управления охраны КГБ СССР генерал-лейтенант Докучаев. На основании

имеющихся у него материалов Докучаев приводит слова Хрущева, сказанные в кругу приближенных, незадолго до начала XX съезда: «Ленин, в свое время, отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына».

Этот рассказ генерала Удилова должен был войти в его книгу, а отрывки из нее публиковала «Независимая газета» 17.02.98. В связи со всем этим встает вопрос: может быть, Юрию Леонидовичу, прежде чем обращаться в прокуратуру, стоило ознакомиться хотя бы с давно известными публикациями? Они, конечно, полны перепеваемыми на разные лады слухами. Но, как показывает жизнь, дыма без огня не бывает... И все документы уничтожить невозможно!

20.6. ХРУЩЕВ НА КОЛЕНЯХ УМОЛЯЛ СТАЛИНА ПОЩАДИТЬ СЫНА

К этому человеку меня привели вопросы, связанные со смертью Сталина. Он очень помог мне, а вместе с тем сообщил много такого, что имеет смысл рассказать всем. Этого человека зовут Михаил Степанович Докучаев. Один из тех генералов первой величины, кто отвечал в КГБ за охрану высшего руководства СССР и возглавлял особый отдел по выявлению и обезвреживанию предателей внутри наших спецслужб. Его работа, строго говоря, не ограничивалась рамками страны. Что-то он знает из первых рук, но многое знает и не с чужих слов, потому что участвовал в этом сам. Его воспоминания представляют исторический материал особой ценности. Вот отрывки из нашего разговора.

— Кто из охраны присутствовал при вскрытии Сталина и что поразительного для них было обнаружено, — спрашиваю я.

— Присутствовали Хрусталёв и Гусаров. То, что я сейчас вам сообщу, может показаться невероятным, но это мне лично сказал присутствовавший при вскрытии охранник Сталина Сергей Васильевич Гусаров. Мозг Сталина, когда вскрыли его череп, оказался намного тяжелее, чем у Ленина...

Я бы вам дальше той экспертизы, которая была после вскрытия Сталина, идти не советовал...

— А почему? Могут быть опасности?

— Нет. Я скажу вам так... Шум поднимать какой-то... Зачем? Я не верю, чтобы его вот так вот, как говорится, отравили... Просто

Сталин уже выдохся. Выдохся. Это мое такое мнение. А сложилось оно из моего долгого опыта работы с верхами. Все-таки 15 лет руководства охраной кремлевских небожителей чему-то меня, полагаю, научили.

– А почему же Берия сказал Молотову, что «это я его убрал»?

– Да врёт он... Знаете, он так его боялся, что у него не то что рука бы не поднялась... у него бы даже язык не повернулся приказывать что-то против Сталина! Вообще-то Берия, скажу я вам, любил приврать...

– Может быть, у родственников тех, кто охранял Сталина, сохранились какие-то письменные или устные воспоминания о последних днях жизни и работы Сталина?

– Воспоминания по свежим следам? Вряд ли. Дело в том, что сотрудникам охраны в советские времена категорически запрещалось вести какие-то записи, а тем более дневники. Если бы обнаружился хоть намек на что-то подобное – всё: не только сотрудник, но и вся его семья могла пойти под суд. На пенсии, конечно, охранники занимаются какими-то воспоминаниями, но и то не по всем вопросам. Ведь даже с самым незначительным, на первый взгляд, случаем из личной жизни руководства страны могла быть связана сверхсекретная государственная тайна, которая и по сей день должна оставаться тайной, хотя бы потому, чтобы ее рассекречивание не повлияло на дипломатические отношения с тем или иным государством. Тут не бывает мелочей. А потом достоверность воспоминаний пенсионеров, как свидетельствуют документы, серьезно не совпадает с тем, что они могли бы сказать по свежим следам... Но разговаривать между собой они, конечно, разговаривали всегда. Особенно когда «поддадут» ребята. О всех таких разговорах докладывалось руководству. Если в семье охраняемого, а тем более охранника, что-то случалось, мне немедленно докладывали. Тут глаз должен быть за всеми и даже друг за другом. Ведь гостайна – дело нештучное.

Ребята в охране работают здоровые. Другой раз стакан водки выпьет и идет на пост. Думает: «А чё со мной будет?!» Представляете? Как ни отбирают их в охрану, но все они, как говорится, живые люди. А то по пьянке драку устроят. Конечно, таких в конце концов увольняли. Все было... Однако каких-то дурных проявлений в отношении охраняемого лица на моей памяти у нас никогда не было. На этот счет у нас всегда глаз за всеми был... и друг за другом тоже! Поэтому я думаю, вряд ли Сталина отравили, хоть и хвалился

Берия Молотову, дескать, убрал его... Скорее от старости со Сталиным всё произошло. Ему ведь 74-й шел. А потом почти треть века быть во главе такой страны, да еще в такое время – тоже не шутка. По себе знаю, какое тогда напряжение было! Но исключать ничего нельзя!!!

– Послушайте, Михаил Степанович! Раз вы отвечали за охрану руководства, значит вы должны были отвечать и за возможность отравления руководителей. А для этого должны были знать, как и чем могут отравить. Наверняка, должны были быть знакомы с какой-то лабораторией, которая работала с ядами, как предположительно используемыми против нашей верхушки, так и для уничтожения одиозных личностей, например, предателей (типа Калугина), оказавшихся за границей?

– Я не этим занимался. Я вам вот что скажу. Я с 1986 года лауреат Государственной премии, но в другой области, в области выявления диверсионных ядов. Я был инициатором создания аппаратуры, способной практически мгновенно (буквально за 5 секунд) выявлять яды для тайных убийств в окружающем пространстве, ну и... вообще. Например, во Дворце Съездов, где могло одновременно находиться до 6 тысяч человек, достаточно было одной капли отравляющего вещества, чтобы никого не осталось в живых. Таким образом можно было на съезде в считанные минуты обезглавить всё руководство СССР снизу доверху. А наш аппарат, умещавшийся в чемоданчике, непрерывно выдавал экспресс-анализ и тем самым контролировал возможное появление диверсионных ядов вроде фосгена или иприта. Когда в Америке в одном из залов, где происходила встреча руководства двух сверхдержав, мы открыли этот чемоданчик, американцы сразу прибежали выяснять: что это такое? Им объяснили и показали нашу машинку в действии. У них просто челюсти отвисли. Вроде, тоже сверхдержава, а в этом от нас отстала.

Аналогов нашему прибору в мире не было. А мы сделали даже три поколения этих аппаратов. Для привлечения же к ответу предателей типа Калугина имелись тогда другие средства.

Был у нас для этого особый отдел во внешней контрразведке, которым руководил я. Его создали в начале 72-го года по указанию Андропова. Юрий Владимирович лично инструктировал меня, что и как мы должны делать. Главной задачей отдела было обеспечение безопасности советской разведки от проникновения в нее предателей. Их розыск. Собственно говоря, это была судо-

платовская линия, но применительно к нашим дням. Многих мы нашли. Большинство из них были уже старые, дышали, как говорится, на ладан, и Андропов сказал: «Ну что с них теперь взять? Вот если бы их вытащить из-за границы сюда... Пусть они расскажут, как и за что они предавали своих товарищей». Особенно это касалось сбежавшего советского резидента в Австралии Петрова. Он очень большой вред нанес. Только мы подготовили операцию по захвату и переправке его в Москву, а он... скончался. И Лялин в Англии не дождался принудительного возвращения его на родину — тоже скончался.

— А что теперь уже не могут таких тварей, как Калугин, выкрасть и доставить сюда на суд перед всем народом? Что теперь людей нет, способных на такие операции?

— Не то время. Не то время. Я скажу так. Сейчас столько предателей, навредивших не меньше Бакатина или Калугина, что на все операции против них просто людей не хватит. У преданных делу чекистов не будет другой работы, кроме как предателями заниматься. Сейчас, пожалуй, куда ни плюнь, попадешь в предателя. Что Калугин предатель, знали ведь, когда он еще здесь был. Однако выпустили. Видимо, он слишком большой предатель был. Вероятно, боялись, что, если начнут его раскалывать, гораздо большие головы полетят. Нет, не просто так его выпустили! К сожалению, подробностей я не знаю, поскольку уже с 89-го на пенсии.

Нет, не то время. Тем более, что ими дорожат на Западе не то, что раньше. Теперь предательство Западом не только высоко оплачивается, но и гораздо лучше охраняется. Наши предатели уровня Калугина для западных спецслужб — незаменимые консультанты до конца своих дней. Если Филби или Блейк работали на СССР по идейным соображениям, то калугины и гордиевские — обычные продажные шкуры, без зазрения совести работающие на того, кто больше заплатит.

Какие люди Филби и Блейк, я имел возможность убедиться лично. Скажем, с Блейком мы были соседями по даче. Этот прекрасный человек и разведчик, так много сделавший для нашей страны, жив, к счастью, и сейчас.

— Приходилось ли вам слышать об изъятии каких-то дел из КГБ во времена Хрущева?

Не только слышать... Я чекист около 40 лет, то есть с 51-го года по 89-й. Начинал старшим лейтенантом на той работе, которой

сейчас занимается ФАПСИ. Мы готовили на основе самых секретных данных в Главном управлении спецслужбы при ЦК ВКП(б) сводки для Сталина, Молотова, Маленкова, Берии, Генштаба. И вот примерно в 59-м году, когда я уже работал в Первом главке, во внешней разведке, то есть в бывшем судоплатовском отделе, приходят ко мне вышестоящие товарищи и говорят: передай нам такие-то дела. Обычно при передаче должен составляться акт. Однако мне было приказано сдать эти дела без всяких расписок. Почему так? Старшим объясняться с младшими не принято. Ну я и передал затребованные дела. И больше их никогда не видел. Куда они делись — тоже не знаю. Спрашивать об этом не полагалось. Что это были за дела? Представления не имею. Я только пришел в отдел, успел их принять, но не успел с ними ознакомиться... Принимал я их все по акту, а вот то, что отдал некоторые, не осталось никакого следа. Вроде как они у меня куда-то запропастились...

— В хрущевские, брежневские и горбачевские времена появилось много героев без подвигов. А когда и за что вы получили звание Героя Советского Союза?

— За успешное выполнение заданий командования 19-20 января 1945 года в боях под Лодзью. Воевать пришлось с 17-ти лет. Прошел от Сталинграда до Эльбы. Войну закончил 19-тилетним гвардии сержантом. Зато повезло быть участником Парада Победы 24 июня 1945 года...

— Как известно, внук Н.С. Хрущева, Юрий Леонидович, судился со мной, считая, что я в своем исследовании «Предатель или герой?» оклеветал и оскорбил его отца Леонида и деда Никиту Сергеевича Хрущева. Поводом для жалобы в прокуратуру послужили приведенные мною и требующие, на мой взгляд, проверки данные о том, что первый сын Н.С. Хрущева Леонид, бывший военным летчиком, повинен в убийстве человека и работал во время войны на немцев, после того как, будучи сбитым в воздушном бою, попал в плен; за что и был, согласно многочисленным утверждениям высокопоставленных лиц, схвачен, осужден и расстрелян. Московская Прокуратура в лице В.В. Замышляевой, прокурора отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях не нашла в моей публикации состава преступления против Хрущевых и отказала в возбуждении уголовного дела. Однако на этом Ю.Л. Хрущев не успокоился и потребовал моей ответственности через суд, требуя в том

числе, чтобы я выплатил ему 1 миллион рублей за моральный ущерб. В конце концов после долгих разбирательств в суде дело закрыли... И вот теперь мне стало известно, что вы располагаете какой-то информацией на этот счет. В чем ее суть?

— А суть ее в том, что при Сталине Хрущев внешне вел себя лояльно по отношению к Сталину, стремился быть ближе к нему, в действительности же не мог простить ему смерть своего сына Леонида, расстрелянного по приговору военного трибунала. Если не вдаваться в подробности, произошло следующее.

Однажды, во время войны, Сталину позвонил с фронта Хрущев. Хрущев настоятельно просил Сталина принять его. Получив согласие, Хрущев вылетел в Москву. Прием состоялся в кабинете Сталина в Кремле.

Перед этим Сталину сообщили, что сын Хрущева Леонид, военный летчик, совершил тяжкое преступление, за которое полагается высшая мера наказания. Как и полагалось, Поскребышев доложил, что товарищ Хрущев прибыл и ожидает в приемной.

Когда Поскребышев вышел, Хрущев решил изложить свою просьбу.

Говоря, Хрущев заплакал, а потом стал рыдать. Мол, сын виноват, пусть его сурово накажут, только не расстреливают..

Сталин встал с кресла. Встал с кресла и Хрущев. Сталин сказал: «В сложившемся положении я ничем помочь не могу». Хрущев упал на колени. Умоляя, он стал ползти к ногам Сталина, который не ожидал такого поворота дела и сам растерялся.

Сталин отступал, а Хрущев полз за ним на коленях, плача и прося снисхождения для сына. Сталин просил Хрущева встать и взять себя в руки, но тот был невменяем. Сталин вынужден был вызвать Поскребышева и охрану. Когда те влетели в кабинет, то увидели всю эту неприглядную картину.

Сталин попросил вынести Хрущева в одну из соседних комнат, пригласить врачей и привести Никиту Сергеевича в чувство, после чего сопроводить до места, где он остановился.

Когда сотрудники охраны и врачи приводили Никиту Сергеевича в чувство, он всё время твердил: «Пощадите сына, не расстреливайте...»

Этот случай дал повод хождению разговоров среди работников Кремля о трагедии в семье Хрущева и отказе Сталина в просьбе о помиловании сына. Происшедший инцидент на встрече Хрущева со Сталиным до сих пор всплывает в разговорах сотрудников

безопасности, особенно когда речь заходит об отношениях между Сталиным и Хрущевым. В частности, утверждается, что в этом заключается главная причина всех нападок Хрущева на Сталина и одна из главных причин разоблачения культа личности. При этом делаются ссылки на неосторожное заявление Хрущева в присутствии своих приближенных, когда он сказал: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына». Хрущев до самой смерти не мог простить Сталину того унижительного положения, в котором он оказался на глазах у всех по воле вождя.

Свое слово Хрущев сдержал. Однако жизнь коварна, и Хрущев не избежал своего позорного конца. По выражению Черчилля: «Хрущев начал борьбу с мертвым и вышел из нее побежденным».

20.7. ДВА СТАЛИНА

Как сын Сталина стал «врагом народа»

Эти воспоминания услышал я от дважды Героя Советского Союза летчика Виталия Ивановича Попкова. Ни одно прошение пришлось написать ему и его товарищам по оружию, прежде чем высшие инстанции реабилитировали друга детства и фронтового товарища Василия Сталина, чей прах после снятия клейма «враг народа» был перенесен недавно из Казани в Москву.

...Все когда-то были беспомощными детьми — даже такие герои, как этот летчик, которому при жизни, еще в 1953 году, в Москве поставлен памятник. В глазах у него дрожат слезы, слезы воспоминаний: «Да, когда-то и я был маленьким. Отец мой, Иван Максимович, начинал личным шофером товарища Дзержинского. Когда Дзержинского захватили эсеры, отца едва не убили, пробив голову топором. Позже отец заведовал хозяйством на даче Сталина в Мацесте под Сочи и на госдаче № 3 у Холодной речки в Гаграх. И одновременно возил там членов правительства. Мама, Елизавета Дмитриевна, была там же старшей сестрой-хозяйкой. Так что я, хотя и родился в Москве, немалую часть детства провел у Черного моря. Другом моего детства стал сын Сталина Вася. Подружились мы благодаря Иосифу Виссарионовичу. Дело было так...

У меня был брат Борис. Родители постоянно говорили нам, чтобы, когда приедет Сталин, не лезли к нему на глаза и не мешали отдыхать. Не то будут крупные неприятности с охраной. И чем больше говорили, тем сильнее хотелось нам, пацанам, сделать на-оборот.

И вот Сталин приехал. Стал обживать дачу. Гулял. Вникал в дела по благоустройству. А мы, как разведчики, наблюдали издали и выжидали, когда же можно будет «случайно» попасться ему на глаза и уже вблизи разглядеть его, как следует, а если удастся — и поговорить. О чем поговорить? Не имели ни малейшего представления! Но хотели — все-таки Сталин... Уже тогда говорили про него так, словно он и на свет появился не как все, а вышел из сказки. И действительно, чем больше мы наблюдали, тем основательнее убеждались, что он очень не похож на остальных, хотя и... очень простой в общении. Что-то магическое сразу начинало ощущаться там, где чаще всего неожиданно своей мягкой неслышной походкой появлялся он.

Первая встреча «случилась» в Маесте. Я был школьником начальных классов. Однако... чувствовал себя уже вполне взрослым. В тот день, как всегда, брата и меня мать предупредила, чтобы поменьше бродили по территории. Но как это можно было запретить пацанам?!

...Мы «встретились» на дорожке ко второй даче, где отдыхали Киров, Ворошилов, Аллилуев и вообще все близкие Сталину люди, которые приезжали к нему в гости. По его указанию здесь производили пересадку деревьев. Что-то там ему не понравилось. И он решил сам рассказать, что и где надо пересадить. Говорил: «Это — сюда, а это — сюда». Садовник и рабочие выкапывали и делали то, что он скажет. А впереди шел охранник и показывал посторонним, чтобы уходили. Мы тоже отошли, но, как только Сталин приблизился, рванули к нему: «Здравствуйте, дядя Сталин!» Сталин с удивлением поздоровался и говорит: «Кто вы такие?» Мы выпалили все одним махом. И стоим, разинув рты. Ждем, что будет дальше. И вдруг Сталин спрашивает брата: «А ты знаешь, кто такой Чемберлен?» С чего он про Чемберлена спросил, до сих пор не пойму. Брат мой, хоть и младше меня, не стушевался и говорит: «А как же... Чемберлен грозит войной по своей привычке. Скоро мы его пошлем к черту на кулички!»

— О-о-о! — изумился Сталин, — смотри какой ты грамотный... Шоколад хотите?

– Да. Хотим.

– Тогда угощайтесь! – Сталин взял у помощника две плитки шоколада и, весело улыбаясь, дал нам. – Ну... Приходите в гости – поговорим еще о политике.

– Как приходите? – говорим мы, а сзади стоит перепуганный охранник и грозит кулаком, дескать, чтобы духу вашего не было. Злой такой. Видим: плохо дело. Расскажет родителям. Будет такая взбучка, что могут не на один день под замок посадить. Как быть? Неожиданно брат говорит: «А вот – дядя... (Сталин глянул на охранника – тот сразу расплылся в улыбке.) Вот он сейчас улыбается. А когда вы на него не смотрите, он нам кулаком машет...»

Сталин еще раз глянул на охранника, и тот понял это как указание нас не трогать. Потом уже мы смекнули: видимо, Сталин рассчитывал, что мы с братом можем стать для его сына неплохими приятелями, и тем самым решится вопрос с приездом Васи, который никак не хотел уезжать на каникулы из Москвы, где в отсутствие отца был предоставлен сам себе. Теперь не будет ссылаться на то, что в Сочи ему не с кем проводить время...

Между тем охранник, хотя уже и по-доброму, но все-таки настоял, чтобы мы уходили, дескать: сколько можно разговаривать с пацанами?! Довольные, что все так здорово получилось, мы побежали рассказывать друзьям, как прошли наши садово-огородные переговоры с самим Сталиным.

После «случившегося» мы почувствовали настоящую свободу. Зачем было слушать родителей, если сам Сталин разрешил приходиться к нему, когда он гуляет. Летом, в каникулы, да и вообще, когда нам некуда было идти, мы выжидали момент и снова подходили к Сталину. Было время, что это получалось у нас регулярно. Сталин действительно был не против, чтобы были такие короткие встречи. Он мог услышать от нас, вездесущих пацанов, то, чего не услышишь ни от кого из взрослых. Особенно ощутили мы его симпатии после спасения челюскинцев. Сталин подарил нам специально выпущенный экземпляр книги с блестящей пластинкой на обложке. На пластинке золотыми буквами было выбито название «Как мы спасали челюскинцев». «Вот возьмите, почитайте», – сказал Сталин. Конечно, если бы он дарил книгу сейчас, я бы обязательно попросил: «Подпишите!» А тогда... не хватило ума. Я, кстати, учился в одном классе с племянницей Николая Островского. И он тоже подарил мне книгу, книгу «Как закалялась сталь». Теперь эти подарки – в музеях.

К Сталину все обращались «товарищ Сталин». Обслуживавшие его официантки, повара и другие работницы говорили «Иосиф Виссарионович», а мы звали запросто: «дядя Сталин». И это ему, видимо, нравилось, потому что никогда он никаким «дедушкой» себя не признавал. Позднее и Черчилль с Рузвельтом между собой звали его «дядей», точнее — «дядюшкой Джо»...

Когда на даче происходили коллективные посиделки без разговоров на серьезные темы, к Сталину приходили разные гости. Молотов садился за рояль (он довольно хорошо играл), и начиналось веселье. Особенно умели создавать настроение Киров и Ворошилов. Сталину это очень нравилось. Он от души смеялся. Смеялся до слез... Увидеть своими глазами, как ведет себя в компаниях Киров, самому мне не довелось, хотя я был с ним знаком, и он к нам с братом хорошо относился. Мы встречались с ним чуть ли не каждое утро, потому что, когда он отдыхал, он любил длинные пешие прогулки. Сзади шла машина с охранником, а он долго один шел пешком по тротуарам. Потом он давал машину, чтобы нас покатали. Мы даже к нему в гости ходили. Очень простой и очень добрый был человек.

На дачах я видел почти все тогдашнее правительство. Видел, как они вели себя в домашней обстановке с семьями. Все дети (и членов правительства, и сотрудников госдач) друг друга хорошо знали и дружили.

...Когда приехал Вася, мы очень завидовали, что он тоже хоть немножечко Сталин, потому что у него тоже была такая же фамилия, как у отца. Правда, сам Вася (в отличие от своего отца) ничем от нас не отличался. Разве что был постарше (старше меня — на год). К встречам с отцом Вася всегда серьезно готовился. Писал шпаргалки с формулами по физике и математике и не где-нибудь, а на коленях, на локтях и вообще на всех тех местах, где можно было подсмотреть незаметно, если Сталин вдруг станет проверять его знания. А Тимур Фрунзе, с которым приезжал отдыхать к отцу Вася, относился к таким экзаменам совершенно спокойно, потому что в отличие от Васи, наверное, достаточно хорошо учился и не имел никакой необходимости обеспечивать, подобно Васе, свой тыл. Вася же не раз говорил мне, что очень боится этих отцовских экзаменов.

Зато в играх он был заводилой — чего только не придумывал. И остался таким даже тогда, когда стал генералом. Но это особая история...

Рядом день и ночь зазывно шумело теплое море. Поэтому больше всего мы любили купаться и кататься на катере. Конечно, нас с братом на специально оборудованный правительственный пляж не пускали. Зато с Васей мы могли проходить — куда угодно.

Сталин тоже мог прийти на «общий» пляж... посмотреть, как ныряют и купаются другие. Но сам купался не там, где все. Видимо, поэтому до сих пор рассказывают, что он вообще не купался, поскольку не умел плавать и боялся утонуть. Это не так! Сталин, имея экстремальный характер, любил купаться под водопадами, там, где ледяная горная речка Агура, совершив последний прыжок, впадала в море. Вот куда ездил купаться Сталин!.. Я знаю это «святое место».

А мы с Васей, как и все, плавали на «общем» пляже. Накупавшись, брали катер и всей компанией носились вдоль живописных черноморских берегов, чем доставляли специальной охране долго не проходящую головную боль.

Приезжала с Тимуром и Васей и его сестра Светлана. Однако в свою компанию брали они ее редко. Это, кажется, обижало Светлану, которая была на пять лет младше брата. Так эта обида и осталась у нее на всю жизнь. Поэтому, наверное, и жили они — каждый сам по себе.

...Со Сталиным старшим я больше не встречался. Зато именно он сообщил моему отцу про мою вторую звезду Героя Советского Союза. Сталин спросил отца: «А ты знаешь, что твой сын получил вторую звезду Героя?» Отец: «Нет. Не знаю». Сталин: «Ну тогда я тебя поздравляю: теперь твой сын дважды Герой Советского Союза!» Потом спрашивает: «Письма-то он тебе пишет? Или, быть может, зазнался?» Ну батя, конечно, не мог сказать ничего плохого о сыне и решил поднять мой, как теперь говорят, имидж в глазах Иосифа Виссарионовича. Он ответил: «Да. Регулярно пишет». Кстати, с отцом я соревновался по наградам: он всегда меня опережал, и мне приходилось батю догонять...

А с младшим Сталиным жизнь сводила меня еще не раз. Даже жениться помог мне Василий. Случилось это так. 8 мая 1945-го перед перелетом в Берлин Василий приземлился в Мигалово под Калининским. Подходит к нему военврач местного госпиталя Волкова Раиса. Она не знала Василия Сталина в лицо. Поэтому смело подошла и, на всякий случай, спрашивает: не встречал ли он под Берлином летчика Попкова?

– Виталия?! Да мы с ним на одном аэродроме базируемся. А ты-то, красавица, откуда его знаешь?

– Да лечился он в нашем госпитале. И вот уже с 42 года дружим и переписываемся.

– Дружите? Не темни! Небось невеста? Знаешь что? Садись в мой самолет! Отвезу я тебя к твоему Виталию.

– Да я же на службе...

– Этот вопрос я улажу, – твердо пообещал Василий.

Волкова растерялась, но кто-то из окружающих шепнул: «Садись-садись! Тебе не кто-нибудь, а сын Сталина обещает».

Уже на другой день была у нас под Берлином свадьба, и посаженным отцом был друг моего детства Сталин...Вася!

А в войну служил я у Васи в 32 гвардейском авиаполку комэска. Не долго служил. Там случилась та злосчастная «рыбалка», о которой еще и теперь много слухов. Теперь признаюсь, что организатором той «рыбалки», к сожалению, был я. Нас было девять заядлых рыболовов. В том числе и Вася. Договорился я с инженером полка, чтобы снарядил какое-нибудь взрывное устройство, которое можно опустить в озеро, взорвать и тем самым наглушить рыбы. Я еще спросил: «Чем будем глушить – толлом или гранатой?» И он ответил: «Какой гранатой? «Эрэс», реактивный снаряд, опустим. В нем почти 100 кило взрывчатки. Рванет – рыбы будет... вагон!!!» Ну и – рванули... Было это под Осташково в 43-м году. Прав оказался инженер: не только рыбе, но и нам досталось – из 9 человек 6 получили ранения, инженера убило. Меня не зацепило, Васе же чуть пятку не оторвало. Боль была такая, что стонал он, не переставая. Перепугались – все-таки случившееся самого Сталина касалось.

Звоню командующему нашей воздушной армии М. Громову. Докладываю: «Тут вот на рыбалке ЧП случилось. Есть раненные. В частности, Сталин... Василий». Громов, наверное, чуть сознание не потерял: «Кто организовал эту рыбалку?» Спроси кого, мало кто решится ответить, что – я... Ну и... я тоже говорю, мол – Он... Потому что соображаю, что с него командующий не сможет спросить так, как с меня. Громов говорит: «Вылетаю...»

Через 15 минут прилетает на своем «Дугласе». Заходит в лазарет. Там Вася лежит стонет. Ему уколы делают. Громов тут же его на своем самолете в Москву. Переживал – будь здоров. Думал, что полетит с него папаха. Ничего. Обошлось.

Прилетает комиссия от главкома и из ЦК. Освободили меня от командирской должности под реплики — дескать, «совершенно разложились», «пьянствуете» и т. д. (Тут я не выдержал и спрашиваю Попкова: «А что... вы действительно много пили?» На что он ответил: «Не-е-е. Не много. Ну.. как обычно. Ну то, что было положено... на боевой работе, по 100 грамм...»)

В общем, нас разогнали. После войны, правда, Вася меня обратно к себе призвал, только уже полком командовать. И я, конечно, с удовольствием согласился... Светлана вот расписала в своих письмах, что ее брат, т. е. Вася, много пил. А я бы так не сказал. Она все преувеличивает. Знаете, Вася пил, как почти все летчики. И это я прямо сказал Светлане, когда после ее возвращения из заграницы прочитал эти ее «Письма другу». Еще я ей сказал: «Ты пишешь, что у него были не друзья, а подхалимы... Какие подхалимы? Скажем, Всеволод Бобров — хоккеист и футболист с мировым именем. Ему это надо было... подхалимничать? Нет! Или народный артист Николай Крючков... Они с Васей летали отдыхать вместе в Сочи, в Бочаров ручей, где теперь президент отдыхает. Крючкову славы и влияния и без Васи хватало. Если у тебя настоящих друзей нет, то не считай, что и у Васи их не было...»

Это я ей тогда сказал и теперь еще скажу: «Вот Васи уже столько лет нет, но я по-прежнему к нему на могилу езжу! А лет мне сколько? Девятый десяток идет...»

Я не забываю своего командира и друга детства. Недавно, кажется, 21 ноября 2003 г., его без объявления, как-то тайно, перезахоронили... Помню, еще при Брежнев, когда служил я в Генштабе, звонит главком ВВС Вершинин: «Дано разрешение перевезти останки Василия из Казани в Москву». Я был готов выполнить эту миссию. Но ни самолета, ни десяти солдат мне не дали. Так и остался лежать Вася вдалеке от родных могил, могил матери и отца. Правда, теперь тайком его вернули в Москву, но похоронили не рядом с матерью на Новодевичьем, а на самой западной окраине столицы, на Троекуровском кладбище.

До этого я навещал его могилу в Казани, где умер он в хрущевской ссылке. Последний раз было это лет 5 назад, до инвалидской травмы, выбившей меня из колеи... Перед кладбищем купил цветы. Прихожу на могилу. Надпись «Василий Иосифович Джугашвили...» Хороший памятник, а фотография вся разбита, глаза выколоты. Рядом могила татарина, Героя Советского Союза... На вто-

рой день встречаюсь с татарским президентом Шаймиевым. Говорю: «Был у Васи на могиле. По рождению и по паспорту он всегда был Сталин, а там почему-то написано Джугашвили... И потом там такое творится...» Шаймиев: «Ну... наверное, это ему мстят в память об отце». «Ну ладно! Васе мстят, за отца, — говорю я, — рядом лежит ваш... татарин, Герой. Ему-то за что мстят? Вы бы видели во что его лицо превратили...» Шаймиев все понял: «Завтра, — говорит, — туда вместе поедем. Я от имени нашего народа им обоим поклонюсь, как героям, которые ценой собственной жизни всех нас от фашистской чумы спасали».

Поклонились. Шаймиев венок возложил. Я — букет роз. «Пусть земля тебе будет пухом, командир, — сказал я. — До свидания...»

Страшный эпилог

Виталий Иванович не смахивает накатившуюся слезу. Настоящие герои не боятся плакать. С невероятным трудом поднимается он на костыли. ...Какая-то сволочь, а может быть, просто равнодушный водитель троллейбуса, не глядя, закрыл дверь и поехал, потащив за собой тело старика. Тащил, пока не порвал на части его кости. И оставил лежать на дороге. А че их жалеть? Развелось по Москве пенсионеров! Отбою нет. Лазят везде. По урнам колушаются. Ниче страшного, если станет одним меньше... Его подобрал новый русский. Какой-то не такой, как все, оказался этот новый русский. Слава Богу, бывают исключения. Знал бы — кого спас! Спас того, кто с другими героями Великой Отечественной спас все человечество от сплошных Бухенвальдов и Освенцимов. И вот теперь он, почти недвижимый, участник победного парада 1945-го будет наблюдать только по телевизору, как его, еще живые, товарищи по оружию пройдут по Красной площади в честь того первого Парада Победы.

Выжил в страшных схватках с озверевшим врагом и получил, можно сказать, удар в спину от своего... Только какой он свой?

Долгие лета героям, спасшим мир от фашистской заразы! Хорошо, конечно, ставить им памятники, но лучше беречь их, пока живые!!!

Трагедия Василия Сталина

Свидетельства времени

«Протоколы 1953 года являются неверными. Следователь Козлов составлял протоколы, которые я отказывался подписывать. Меня довели до припадков... Я эти показания подписывал, не читая их».

Из показаний В. Сталина

«Сколько людей подавили, жутко! Я даже с Хрущевым поругался. (Хрущев был председателем Комиссии по организации похорон Сталина, и поэтому именно он несет ответственность за эти жертвы. — НАД.) Был жуткий случай в Доме Союзов. Приходит старуха с клюкой. У гроба в почетном карауле стоят Маленков, Берия, Молотов, Булганин. И вдруг говорит им старуха: «Убили, сволочи, радуйтесь! Будьте вы прокляты!»

Из расшифровки телефонного разговора В. Сталина с шофером после похорон отца

«В. Сталин высказывал свои намерения сделать иностранным корреспондентам... клеветническое заявление, направленное на дискредитацию руководителей Партии и Советского Правительства».

Из приговора суда

«На вопрос «За что сидел?» В. Сталин отвечал: «За мой язык. При всех напомнил Берии, что он насильник, да и Булганин — большой бабник: квартиру в Москве с дорогой мебелью любовнице подарил... Отца угробили и теперь надо мной измываются, а у отца еще ноги не остыли».

Из воспоминаний друзей

Лучше быть простым смертным, чем сыном вождя! К такому выводу приходишь, когда узнаешь страшные хитросплетения судьбы сына Сталина Василия... Уже на похоронах отца он говорил, что тот умер не своей смертью. Высказывал подозрение, что руку к этому приложила новая верхушка. Начал откровенничать о нравах и небезобидных интригах первых лиц. Тень от его откровений все больше падала на Берию, Маленкова, Хрущева. Когда же Василий заявил, что готов встретиться с иностранными корреспондентами, его арестовали. 28 апреля 1953 года, т. е. через два

месяца после смерти отца, началось долгое тюремное заточение, а потом и... ссылка в Казань, кончившаяся быстрой смертью 19 марта 1962 г. Такова наиболее распространенная, почти официальная, версия.

Сам Василий описывал случившееся с ним по-другому. Во всяком случае от людей, окружавших его последние месяцы жизни, мне известно, что именно рассказывал им Василий Сталин, переименованный после заключения (по указанию Хрущева) в Василия Джугашвили. То, что я здесь обнародую, Василий Иосифович рассказывал своей последней жене, жена — своим дочерям, а дочери — мне.

Итак, взяли его под стражу гораздо раньше, чем была выписана официальная бумага на обыск и последующий арест, т. е. не 29 апреля 1953 года, а 9 марта. Это произошло в госпитале, куда он попал с похорон отца. Потеряв во время траурной процессии сознание (по слухам, был сильно выпившим, — НАД.), Василий упал, сломал два ребра и оказался на больничной койке... А с нее сразу угодил за решетку!

Обыск же по месту жительства действительно начал производиться 28 апреля. Впрочем, документ подписан 29 апреля, а мог вообще датироваться маем, поскольку на ордере было написано: «Мая... дня 1953 г.» без указания числа, т. е. число, как говорится, проставьте сами! В ведомстве Берии это было тогда в порядке правил. Посадили, но(!) суда не было. Все дела оформили... как бы между делом. Так Василий Иосифович стал «врагом народа»... Так и умер.

Более трети века билась последняя жена за его реабилитацию. Но чего не удалось жене, сделали друзья. На исходе 1999 года бывший все это время «врагом народа» Василий Иосифович Джугашвили (Сталин) вновь был признан нормальным советским человеком. Реабилитация облегчила и перенос его праха из Казани в Москву. Это я знаю, что называется, из первых рук. Вместе с тем, насколько мне известно, и реабилитация, и перезахоронение стали возможными только после завершения эпохи Горбачева и Ельцина. Решение этого вопроса состоялось не без ведома самых высоких инстанций.

Так считает дважды Герой Советского Союза боевой летчик Великой Отечественной Виталий Иванович Попков.

Перезахоронения добились «приемные дочери» Василия — дети его последней жены Марии Игнатьевны Швергиной (по преды-

душему мужу — Нузберг), принявшей в последнем браке фамилию Джугашвили... Дочери перезахоронили Василия Иосифовича рядом со своей матерью, которая всю жизнь добивалась этого перезахоронения и не дожила до него год. По словам служителей кладбища, дочери — люди очень скромные. Родством своим со Сталиным не кичатся. Чаще, чем обычно, навещают могилу отчима. Поэтому могила в образцовом состоянии и всегда с цветами. Впрочем, называют они Василия Иосифовича ласково — «отец», а не «отчим». И представляются по отчеству, как его прямые дети, то есть: Татьяна Васильевна и Людмила Васильевна. В этом я убедился сам, случайно встретившись с ними у новой могилы в тот день, когда В.И. Попков приехал с гвоздиками «навещать друга»...

Родной же сын Василия театральным режиссер Александр Бурдонский на кладбище замечен не был. Хотя я полагаю, его просто не знают в лицо. Зато внук Василия Иосифовича, очень похожий на своего деда, был точно. Родственники Сталина, — говорили мне служители кладбища, — не чета новым русским, которые даже похороны превращают в показуху.

20.8. ЗАПОЗДАЛОЕ РАСКАЯНИЕ МАРШАЛА ЖУКОВА

В октябре 1957 года Хрущев отправил в отставку маршала Жукова. За что? Теперь на этот вопрос отвечают не слухи, а документы, рассекреченные Государственным архивом Новейшей истории.

Все началось в июне 1957 года. «Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шепилов» были обвинены в создании «антипартийной группы». Экономическое развитие СССР, опиравшееся до этого в основном на научные подходы и позволившее всего за одну пятилетку восстановить разрушенное войной хозяйство, было приостановлено минимум на 10 лет, а именно с января 1955 года, когда состоялось первое отстранение Маленкова от власти и тем самым были прерваны осторожные реформы, и вплоть до отставки Хрущева в октябре 1964-го, когда на политической и экономической самостоятельности наконец-то была поставлена точка.

Шепилов недаром вспоминал то, в чем признался ему еще Сталин. «Положение сейчас таково, — говорил Сталин, — что, либо мы подготовим наши кадры, наших хозяйственников и руководи-

телей экономики на основе науки, либо мы погибнем! Нашу экономику надо перестраивать на действительно научной основе. Так поставлен вопрос историей...» Время подтвердило эти слова.

Хрущев же, сделав ставку на волевые подходы, отошел даже от тех научных наработок, которые уже были достигнуты, и закончил свое правление полным крахом. Однако ничего этого Хрущев не смог бы сделать, если бы ему не помог маршал Жуков... Обо всем этом свидетельствуют добытые в архивах Старой площади документы.

Хрущев поднимал целину, чтобы догнать Америку

Хроника событий глазами Хрущева

По правилам доступа к «совершенно секретным» документам читавший их человек обязан указать на них данные о времени и целях своего чтения. Я первый, кто со дня окончания тех неоднозначных событий 1957 года читал эти документы и оставил на специальной прилагающейся к ним справке свой след...

Уже одно это свидетельствует о том, как без обращения к первоисточникам, а с чьих-то чужих слов пишутся в России да и за рубежом исследования и учебники по нашей истории. И, может быть, именно поэтому пишутся и переписываются каждый раз заново...

Началось все 18 июня, но начавшееся было выяснение отношений отложили из-за неполного состава Президиума и Секретариата ЦК. Продолжение заседания последовало 19, 20, 21 июня и завершилось созывом пленума ЦК с 22 по 29 июня. Разгоревшееся политическое сражение продолжалось в общей сложности 12 дней.

Передо мной протокол № 4. Он составлен явно после пленума. В конце протокола — небрежная размашистая роспись Н.С. Хрущева. Значит, Протокол № 4 отражает ход событий глазами Хрущева.

Протоколы №№ 1, 2, 3 после долгих совещаний на самом верху Архива на Старой площади выдать так и не решились. Они составлялись не под председательством Хрущева, а под руководством Булганина (тогдашнего Председателя Совета Министров СССР), поначалу поддерживавшего главных противников Хрущева в лице

Маленкова, Кагановича и Молотова. Эти три протокола отражают события, происходившие на Президиуме ЦК (так тогда называлось Политбюро) с 18 по 21 июня, т. е. перед пленумом. Отражают во всей их полноте, а значит содержат нежелательные для Хрущева и его сторонников подробности его деятельности и жизни.

Однако благодаря стенограмме пленума и дополняющим 4-й протокол документам картина, зафиксированная в 3-х предыдущих протоколах, восстанавливается во всей своей «красоте». Как в Таблице Менделеева по местонахождению в ней элементов можно легко рассказать о любом из них, так и по разностороннему повторению в стенограмме пленума происходившего на Президиуме ЦК можно восстановить основное содержание 3-х невыданных протоколов. Правда, для этого пришлось перечитать тысячи страниц стенограмм и приложенных к «антипартийному делу» текстов. Никто до меня, судя по отсутствию отметок на документах, этого не делал. На чем, видимо, и строился расчет держателей секретов. Кто же теперь станет перелопачивать тысячи страниц, чтобы докопаться до истины? Впрочем, вряд ли и сами «секретчики» набрались духу прочитать все это, а то бы стенограммы тоже никто не увидел.

Итак, наиболее показательные отрывки из Протокола № 4, который тоже носит «строго секретный» характер. И хотя формально его давно рассекретили, фактически обнаружится он только теперь.

28 июня, пятница, 10.00. Шестой день заседаний. Утро начинается с того, что пленум соглашается еще раз дать возможность объясниться Кагановичу, Маленкову, Молотову и Шепилову. Они вновь пытаются высказаться так, чтобы их правильно поняли. Однако никто их толком не слушает. И на вечернем заседании Хрущев выступает уже как триумфатор.

После его речи Суслов оповещает присутствующих, что «члены пленума, учитывая, что не всем предоставится возможность выступить ... прислали письменные заявления, в которых присоединяются к мнению выступивших товарищей и предлагают вывести участников антипартийной группы из Президиума ЦК и из состава членов ЦК и привлечь их к строгой партийной ответственности...»

«Казнь», как повелось со времен распятия Христа, совершилась в пятницу, а на субботу, задним числом, победитель «первосвящен-

ник Хрущев» назначает... подготовку и оглашение приговора. Хрущев говорит: «Может быть, нам завтра собраться с тем, чтобы подработать резолюцию, подготовить документы». Голоса: «Возражений нет». Хрущев: «Есть предложение: завтра собраться в 2 часа дня».

Председательствующий Сулов уже без всякой игры в демократию (не спрашивая, как прежде, будем ли голосовать за это предложение?) объявляет: «Таким образом, заседание закрывается до завтра, до 2-х часов дня...»

29 июня, суббота, 2 часа дня. Последнее заседание открывается с приобщения к стенограмме пленума заявлений, проектов речей и телеграмм от ряда обкомов. Затем Сулов говорит: «Поступили в адрес Пленума заявления тов. Кагановича, тов. Молотова, тов. Маленкова. Я оглашу тексты заявлений».

После оглашения этих заявлений Сулов навязывает послушному «подавляющему большинству» вывод: «Товарищи, как вы видите, заявления тт. Кагановича, Маленкова и в особенности заявление тов. Молотова являются неудовлетворительными». Голоса: «Правильно». Сулов: «Мы не можем их принять». Голоса: «Правильно». Сулов: «Я вношу на рассмотрение пленума следующее предложение: «признать неудовлетворительными письменные заявления тт. Кагановича, Маленкова и в особенности Молотова, который даже в этом своем заявлении продолжает по существу отстаивать свои антипартийные позиции». Предложение Сулова принимается «единогласно», если не считать, что воздерживаются Молотов, Каганович и Маленков. Шепилов больше не решается быть «примкнувшим» к ним...

С проектом постановления пленума выступает Поспелов. Проект принимается «единогласно». Почти «единогласно». На этот раз воздерживается только Молотов. Он самый стойкий. Даже Маленков и Каганович, не говоря уже о Шепилове и других, ранее поддерживавших так называемую «антипартийную группу», сдаются на произвол судьбы. Пройдет 27 лет и лишь Молотова летом 1984 года, еще при жизни, восстановят в партии. Остальных же «антипартийцев», согласившихся тогда с решением пленума не восстановят уже никогда... Ничто не проходит бесследно!

Вот подробности того, как без лишних слов происходила расправа... Они очень показательны, потому что так расправлялись со всеми, кто был неугоден оказавшимся у власти!

На заключительном заседании бессменный председательствующий Михаил Суслов спрашивает: «Кто за то, чтобы принять проект Постановления Пленума ЦК «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова» в целом, прошу поднять руки?! <...> Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Принято единогласно ... при одном воздержавшемся в лице товарища Молотова <...>

Пленум ЦК принял решение вывести из состава членов Президиума ЦК и состава ЦК товарищей Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова.

Я прошу этих товарищей покинуть заседание».

Пунктом 4-м постановления пленума ЦК «об антипартийной группе» предусматривается посылка партийным организациям Закрытого письма...

После небольшого выяснения отношений между победителями Хрущев неожиданно говорит: «Мы подумаем, но, видимо, будет целесообразно на 4-5 дней задержать опубликование Постановления. Когда вы все будете на месте, получите документы Пленума. Нам надо проинформировать руководителей братских компартий о Постановлении Пленума до его опубликования. На это потребуется время. Видимо, кое-что о решении Пленума просочится, но нам надо провести необходимую подготовительную работу до опубликования Постановления Пленума».

Чуть погодя, как бы невзначай, Хрущев спрашивает: «Относительно Первого секретаря мы договорились. Я так понял?»

Голоса: «Да! Сохраняем».

Хрущев: «Хрущев – Первый секретарь. Аристов, Беляев, Брежнев, Куусинен, Пospelов, Суслов, Фурцева... Почему я спрашивал о Первом секретаре? Потому, что Хрущев идет не в алфавитном порядке, а как Первый секретарь. Остальные же товарищи идут в алфавитном порядке...»

Эти, как бы случайные, слова Хрущева обрели особый смысл после того, как в архиве в мои руки попали следующие подписанные Никитой Сергеевичем документы. Из них отчетливо видно: какие «антипартийные позиции» пытались отстаивать Маленков, Каганович и Молотов, и что эти позиции для народа в целом и для каждого из нас в отдельности значили и значат до сих пор на самом деле.

*Из Постановления Пленума ЦК КПСС**«Об антипартийной группе**Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.»*

«Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание совнархозов в экономических районах, одобренное всей партией и народом. Даже после одобрения указанных мер в процессе всенародного обсуждения и последующего принятия Закона на Сессии Верховного Совета СССР группа продолжала борьбу против реорганизации управления промышленностью».

(Как известно, переход от отраслевых министерств к громоздким Совнархозам разорвал сложившиеся хозяйственные связи между экономическими районами и привел промышленность, совхозы и колхозы страны к такому невиданному кризису, что пришлось возвращаться к прежним формам ведения хозяйства в срочном порядке. — НАД.)

«Они вели ничем не оправданную борьбу против активно поддержанного колхозами, областями, республиками призыва партии — догнать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения. Тем самым участники антипартийной группы продемонстрировали барски пренебрежительное отношение к насущным жизненным интересам широких народных масс и свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве, в развернувшееся всенародное движение за ускоренный подъем производства молока и мяса. <...>

Нельзя считать случайным, что участник антипартийной группы товарищ Молотов, проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости освоения целинных земель, но и сопротивлялся делу подъема 35 миллионов гектаров целины, которое приобрело такое огромное значение в экономике нашей страны».

(Результат этой затеи был плачевен: разразилась не только экономическая и сельскохозяйственная, но и экологическая катастрофа. — НАД.)

«Товарищи Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный Комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают возможность повторения их в дальнейшем».

(В действительности же, как и предупреждали Молотов, Маленков и Каганович, дело кончилось новым культом личности, культом Хрущева. Впрочем, поэт Евгений Евтушенко съязвил: «Култ без личности». Не случайно в постановлении давалось указание: «Текст в скобках не публикуется». Теперь мы можем прочесть, что было в скобках. — НАД.)

«(Как теперь установлено, товарищи Маленков, Каганович и Молотов несут персональную ответственность за необоснованные массовые репрессии в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских кадров и за другие явления подобного рода, имевшие место в прошлом. Они рассчитывали путем захвата ключевых позиций в партии и государстве скрыть следы своих прошлых преступных действий и отвести от себя ответственность за ошибки, извращения и тяжкие нарушения революционной законности в период их прошлой деятельности.)»

(Отказываясь обнародовать эту часть постановления, Хрущев не желал раздувать разбирательство дела, в котором преуспел, по словам А.Н. Яковлева, не меньше других. — НАД.)

«Товарищ Молотов в течение длительного времени, будучи министром иностранных дел, не только не предпринимал никаких мер по линии МИДа для улучшения отношений СССР с Югославией, но и неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией. Неправильная позиция тов. Молотова по югославскому вопросу была единогласно осуждена Пленумом ЦК КПСС в июле 1955 года «как несоответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающая принципам ленинской политики».

Тов. Молотов тормозил заключение государственного Договора с Австрией и дело улучшения отношений с этим государством, находящимся в центре Европы. Заключение Договора с Австрией имело важное значение для разрядки общей международной напряженности. Он был также против нормализации отношений с Японией, в то время как эта нормализация сыграла большую роль в деле ослабления международной напряженности на Дальнем Востоке. Он выступал против разработанных партией принципиальных положений о возможности предотвращения войн в современных условиях, о возможности различных путей перехода к социализму в разных странах, о необходимости усиления контактов КПСС с прогрессивными партиями зарубежных стран.

Тов. Молотов неоднократно выступал против необходимых новых шагов советского правительства в деле защиты мира и безопасности народов. В частности, он отрицал целесообразность установления личных контактов между руководящими деятелями СССР и государственными деятелями других стран, что необходимо в интересах достижения взаимопонимания и улучшения международных отношений.

(Результаты романтических и половинчатых подходов Хрущева к этим вопросам мы переживаем по сей день. Так, кашу, заваренную с Японией тогда, не можем расхлебать до сих пор, а войны не только не прекратились, но и, умножившись, все чаще носят характер откровенного истребления целых народов, стоящих на пути обогащения сверхдержав.

В Постановлении есть и явные нестыковки. Например, говорится, что «в составе пленума ЦК не было ни одного человека, который поддержал бы эту группу». В действительности же, кроме Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова были еще Сабуров, Первухин, Ворошилов и Булганин. Об этом свидетельствуют цитируемый чуть ниже третий пункт постановления, а также письменные заявления участников пленума. — НАД.)

«Оказавшись перед лицом единодушного осуждения Пленумом ЦК антипартийной деятельности группы, когда члены Пленума ЦК единодушно потребовали вывода членов группы из ЦК и исключения из партии, они признали наличие сговора, вредность своей антипартийной деятельности, обязались подчиняться решениям партии. Исходя из всего изложенного ... Пленум ЦК КПСС постановляет:

1) *Осудить как несовместимую с ленинскими принципами нашей партии фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.*

2) *Вывести из состава членов Президиума ЦК и из состава ЦК товарищей Маленкова, Кагановича и Молотова; снять с поста Секретаря ЦК КПСС и вывести из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК тов. Шепилова».*

(И вновь указание: «Не публикуются пункты 3 и 4». — НАД.)

3) *Принимая во внимание, что товарищи Булганин, Первухин, Сабуров, проявившие политическую неустойчивость, выразившуюся в поддержке ими на определенном этапе антипартийной фракционной группы, в ходе Пленума ЦК осознали свои ошибки, осудили их и*

помогли Пленуму ЦК разоблачить фракционную деятельность группы, Пленум ЦК считает возможным ограничиться следующими мерами: объявить тов. Булганину строгий выговор с предупреждением; перевести тов. Первухина из членов Президиума ЦК в состав кандидатов в члены Президиума ЦК; вывести тов. Сабурова из состава членов Президиума ЦК.

4) Признать необходимым обратиться от имени Пленума ЦК КПСС с Закрытым письмом к партийным организациям, ко всем членам и кандидатам в члены КПСС и утвердить текст письма «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.»

*Из Закрытого письма ЦК
«Об антипартийной группе»*

«...Антипартийная группа в своих фракционных целях стремилась оклеветать, представить как несвоевременный и нереальный лозунг «В ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока, масла на душу населения»; лозунг, встретивший горячую поддержку советского народа. Они пытались опорочить этот призыв и противопоставить его генеральной линии партии.

Как установлено на Пленуме, антипартийная группа неоднократно собиралась и обсуждала планы своих фракционных действий. Присутствовавшие на некоторых из этих заседаний товарищи Первухин и Сабуров, а также тов. Булганин сообщили на Пленуме ЦК, что в антипартийной группе за спиной Президиума ЦК было решено добиваться смещения Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева и назначения его на пост министра сельского хозяйства; смещения секретаря ЦК КПСС тов. Сулова и назначения его на пост министра культуры; немедленного снятия тов. Серова с поста председателя Комитета Госбезопасности и возложения этих обязанностей на тов. Булганина; одновременно в группе обсуждался вопрос о введении в Секретариат ЦК товарищей Маленкова и Кагановича. Однако, учитывая, что тов. Маленкова ввиду его непопулярности будет трудно протащить в секретари, решили продвинуть туда тов. Молотова и Кагановича. Факты, вскрытые на Пленуме ЦК, показывают, что Маленков, Каганович и Молотов и примкнувший к ним Шенилов, встав на путь фракционной борьбы, нарушили Устав партии...»

В Закрытом письме имеют место точность в отражении слов Маленкова и Кагановича и явное передегеривание заявления Моло-

това, который, признавая, что нарушил Устав партии и допустил преувеличение отдельных недостатков в руководстве страной тем не менее не отказался от критики Хрущева вообще. И поэтому единственный воздержался при голосовании за проект постановления о разоблачении антипартийной группы. В чем действительно признавал Молотов свою ошибку, так это в том, что он не имел права ставить вопрос об упразднении поста Первого секретаря ЦК КПСС на Президиуме, ибо вопросы, касающиеся Устава партии, могут решаться (согласно Уставу) на партийных заседаниях не ниже уровня Пленума ЦК. А как известно, нарушение Устава партии в КПСС считалось самым большим партийным преступлением. Вот об этот «камень» и споткнулись Маленков, Каганович и Молотов. Хотя, если обратиться к прошлой практике заседаний Президиума ЦК, то окажется, что такие неуставные действия были очень распространены. Достаточно вспомнить ситуацию с тем же Берией, которого Хрущев и Маленков свергли в результате такой же предварительной договоренности, как это пытались сделать Маленков, Каганович и Молотов в отношении Хрущева.

Как расправляться с теми, кто неугоден власти

Итак, партийная верхушка во главе с Хрущевым в отношении «антипартийной группы» была настроена непримиримо. А вот как воспринимали происходившее и действовали остальные участники пленума, составлявшие так называемое «послушное подавляющее большинство».

Во-первых, больше, чем кляли «антипартийную группу», они клялись в своей верности делу Ленина, последовательным и непоколебимым проводником которого был, по их словам, не кто иной, как Н.С. Хрущев. При этом категорически отвергали «как клевету – обвинение товарища Н.С. Хрущева в культе личности». И добавляли, что «вся наша партия и народ горячо любят товарища Н.С. Хрущева».

Во-вторых, требовали, чтобы не только «Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним Шепилов», но и «остальные сообщники этой антипартийной группы были привлечены к строгой партийной ответственности». Такое впечатление, что эти «рядовые участники пленума», руководствуясь не истиной, а желани-

ем выслужиться перед Хрущевым, буквально соревновались, кто придумает кару поизощренней для тех, на кого еще вчера молились так же, как теперь демонстрировали это взявшему верх Хрущеву... И Хрущев с чувством исполняемого долга осуществит эти требования. Так, например, уже через год Булганина освободят от обязанностей Предсовмина и передадут эту должность Хрущеву в дополнение к посту Первого секретаря ЦК КПСС.

Правда, раздавались призывы... сразу вывести Булганина из состава Президиума ЦК, но... его оставили членом Президиума. Пока оставили. Для игры Хрущева в либерализм и демократию. Сытый кот, прежде чем съесть мышь, хотел еще и поиграть...

Не удержался (совместно с З. Тумановой) от спецписьма в поддержку Хрущева против «антипартийной группы» и кандидат в члены ЦК КПСС, будущий Первый секретарь ЦК ВЛКСМ, В. Семичастный. Тот самый Семичастный, который, 7 лет спустя, будучи Председателем КГБ, сыграет в изложении Хрущева одну из главных ролей.

Другой кандидат в члены ЦК, К. Лунев, 28.06.57 в письменном заявлении высказал опасение, что, если бы не меры Хрущева, обезвредившие «антипартийную группу», предпринятая ею «попытка захвата руководства органами государственной безопасности могла бы привести к черным дням 1937-38 гг».

Однако особая роль в разоблачении «антипартийцев», как отмечали на пленуме, принадлежала Жукову и Швернику. Причем, оба позже крайне сожалели, что встали на защиту такого неблагодарного человека, как Хрущев...

В этом отношении оказался солидарен с ними и маршал Чуйков, который 27.06.57 в адрес президиума пленума ЦК с осуждением и подстрекательством писал: «Очень плохую роль в этом деле вел и до сих пор ведет тов. Ворошилов. Его и после выступления можно понять, что он защищает заговорщическую группу... И Булганин не может быть членом Президиума ЦК и Председателем Совмина».

А 28.06.57 в адрес Хрущева поступило письменное выступление В. Лукьянова, которому на пленуме «не досталось слова». Он сообщал: «На списках арестованных коммунистов Молотов писал «бить и бить», а Каганович на списках, представляемых к расстрелу, писал «приветствую»... (Никто тогда, в июне 57-го, еще не знал: а что писал сам Хрущев, опережая тех по наполнению рек кровью, кого судили на этом пленуме?!)

Между тем был момент, когда 27.06.57 группа членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС числом в 56 человек назвала в составе «антипартийной группы» и тех, кто на Президиуме ЦК, а потом отчасти и на Пленуме поддержал Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова, а именно: Первухина, Сабурова, Булганина и Ворошилова. Среди этих «56-ти» были и такие, кто со временем проклинал себя за то, что пошел тогда за Хрущевым. Например, писатель В. Кочетов...

Как только «антипартийцев» не называли: «раскольниками партии, душителями демократии, подлецами, негодяями, разбойниками, заговорщиками, душителями человеческих жизней...» И все бы ничего, если бы те, кто говорил это, сами были чисты, как слеза ребенка!!! Да уж... подобралось там поистине «подавляющее большинство». И все-таки, как показала жизнь, в вопросах политики, экономики и культа личности Хрущева «антипартийцы» оказались провидцами.

Тем не менее в конце концов 28.06.57 пленум сломил дух Кагановича и Маленкова. Каганович сказал: «Сговор был. Я это признаю». И Маленков сказал: «Несомненно, это был сговор». Молотов единственный, кто на вопрос «Вы признаете, что на путь заговора встали?» ответил: «Нет. Заговора не было. Но было то, что называется групповщиной». То есть Молотов отказался не от своей критики, а от путей и форм, в которых эта критика осуществилась.

Итак, представители «антипартийной тройки» согласились, что нарушение Устава КПСС с их стороны было и заключалось в том, что они не на заседаниях Политбюро (тогда Президиума), а просто в частных разговорах между собой критиковали Хрущева: отмечали, в чем состояло его неумелое руководство, и намечали пути исправления создавшегося положения. Они прямо говорили друг другу, как сказал мне Семичастный, что не по Хрущеву-Сеньке была шапка Мономаха...

Однако попробовал бы кто-то из них сказать в одиночку то, что думает, сразу на Политбюро — Хрущев бы его смял и снял в два счета. И дела бы не получилось, и самого критиковавшего не стало бы больше в верхах. В итоге у решившегося на критику исчезла бы хоть какая-то возможность воздействовать на ход событий.

Так что «тройке антипартийцев» ничего не оставалось, как сговориться до злополучного заседания Президиума ЦК. В результате правильные обвинения в адрес Хрущева, сделанные неправильным способом, закончились для них полной катастрофой.

Их ошибки учтут те, кто в 64-м предпримет вторую, но на этот раз успешную, попытку отстранения Хрущева от власти. Брежнев, Суслов, Семичастный и другие, очевидно, запомнили бесспорное примечание Хрущева, что « пленум — хозяин партии »! Не Политбюро, не партконференция, даже не съезд, а именно: « пленум — хозяин партии », ибо он в отличие от Политбюро может решать все вопросы! Поэтому они, тоже тайно сговорившись друг с другом (это мне рассказывал сам Семичастный) и дождавшись, когда Хрущев уедет отдыхать, собрали в октябре 64-го подготовленный таким образом пленум. И только потом вызвали на него Хрущева. И если бы они не одержали верх на том пленуме, то их тоже объявили бы « антипартийной группой ». Но они победили и назвали себя « партией, ряды которой после осуждения волюнтаризма и освобождения Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР стали еще более сплоченными и монолитными... »

Так Хрущев, продливший себе правление на 7 лет, сфабрикованным обвинением вчерашних соратников в « антипартийности », в конце концов сам оказался вне партии. Точнее, он просто был отправлен на пенсию, которая больше походила на домашний арест. Ему и присниться не могла та бурная общественная жизнь, какая была дарована после отставки бывшим президентам Горбачеву и Ельцину.

Кстати, многозначительный факт. Пленум, учинивший в октябре 87-го расправу над кандидатом в члены Политбюро Ельциным, рассекретили уже через пару лет. А вот многие документы о расправе с так называемой « антипартийной группой » в 57-м до сих пор находятся под грифом « Совершенно секретно »!!!

...Прав Маленков, подметивший, что стремление к научному подходу во всем(!) у дохрущевских руководителей сменяется у Хрущева во всех государственных делах(!) романтикой, мечтательными рассуждениями и не прекращающимися попытками добиться всего с наскоку. Одним словом, маниловщина XX века. Позже, в октябре 64-го, когда у Хрущева отберут все « царские права », эту маниловщину назовут волюнтаризмом или волевым подходом к управлению государством.

57-й год останется в истории: для одних — переломным, если под этим понимать последовавшую хрущевскую « оттепель » в литературе и искусстве; для других же — катастрофическим, если иметь в виду обозначившийся вскоре упадок уровня жизни наро-

да и грядущий развал СССР. Недаром Семичастный, говоря о безграмотности тогдашних политических решений, аukaющихся до наших дней, как-то сказал мне: «С Хрущева все началось, с Хрущева! С Хрущева начался и Горбачев, которого выплеснула волна именно хрущевской перестройки руководства после июня 1957-го».

Таким образом, группа, названная «антипартийной», в строго историческом смысле была не антипартийной, а сугубо партийной, если исходить из того, что именно она следовала принципам «научного коммунизма». И, напротив, большинство членов ЦК, которое благодаря маршалу Жукову последовало за Хрущевым, оказалось в этом смысле антипартийным, поскольку сперва робко, с оговорками, но в конце концов все больше стало руководствоваться не марксизмом, а его вульгарным, поверхностным восприятием и изложением в виде учебников для домохозяек из системы всеобщей политечебы, когда еще всерьез полагали, что каждая кухарка сможет и должна управлять государством. Этот суррогат науки в сущности и привел к краху в августе 91-го так называемых коммунистов по образу и подобию Хрущева и его более поздних последователей в духе Зюганова. Апофеозом их политического абсурда стала Новая Программа КПСС, благодаря которой Хрущев искренне на весь мир обещал построить коммунизм к 1980 году. Однако даже эта идея не была его идей. Мало кто теперь знает, что эта идея была лишь отзвуком планов Сталина, который еще 15 июня 1947 года благословил проект, предполагавший построение коммунизма к 1977 году...

По существу, если говорить на языке марксистов, в июне 57-го на смену «коммунистическому большевизму» пришел «коммунистический меньшевизм». И слова об очищении коммунизма от сталинизма ничего не меняют. Недаром Молотов не раз говорил своему литературному секретарю Чуеву: «Хрущев – меньшевик!!!»

Антипартийный хрущевский переворот 1957 года вместе с тем стал фактически своеобразной Мировой контрреволюцией: именно от него берут начало победы так называемых демократических революций Восточной Европы горбачевского периода. Именно после июня 57-го стало возможным то, что не смогло состояться в восстании ГДР 53-го, в венгерских событиях 56-го, в пражском движении 68-го или в Польше времен «Солидарности» конца 70-х. Именно июнь 57-го открыл дорогу таким силам, как Горбачев в СССР или Дубчек в Чехословакии. И нужно было только время, чтобы эти новые силы, продвигаясь по карьерной лестнице, в конце

концов естественным образом сменили отходящие (буквально один за другим) в мир иной остатки пресловутой «коммунистической гвардии» в лице лидеров типа Брежнева или Черненко.

Фактически именно в 57 году социал-демократизм «меньшевиков» пришел на смену коммунизму «большевиков». Причем, придя к власти, «меньшевики» своими социал-демократическими свободами легко «отравили» всех, в том числе и многих «несгибаемых большевиков». После Хрущева «большевики» времен Брежнева уже не могли быть ортодоксальными, т. е. знающими и строго чтущими науку коммунизма «большевиками». И поэтому они неминуемо были обречены на поражение. Что и произошло почти мирным путем в августе 91-го.

Зюганов со своей КПРФ (как «осколок брежневской эпохи») в этом смысле жалкое, до предела извращенное подобие тех коммунистов, которые, согласно заявлению А.Н. Яковлева, стояли во главе революции 1917 года. И поэтому он тоже обречен на небытие!

...Свержение так называемой «антипартийной группы» закончилось тем, что на смену «людям дела» пришли «люди слова». У первых за словом тут же обязательно следовало дело. У вторых — после слова продолжались сплошные слова... «Про Маленкова, например, — по словам Шепилова, — говорили, что, если Сталин даст какое-то указание, то Маленков требовал, чтобы оно было выполнено вчера».

Итак, вопрос не только в приверженности коммунистической или демократической идее, но и в отношении к делу, когда люди не только знали, что делать, но и умели делать то, что надо. И если кто-то говорит обратное, скорее всего, он не знает, что было до 57 года и что стало после! А пользоваться слухами и рассказами обывателей, значит — заряжать себя неточной информацией и, следовательно, осмысливая ее, приходиться к еще более неточным решениям.

Три письма

Готовя отставку Хрущева, Маленков, Каганович и Молотов пошли почти тем же путем, что и при аресте Берии, но(!) оказалось: «не повторяется такое никогда»... В случае с Берией сперва тоже был сговор. (Причем, инициатором его был никто иной, как Хрущев, о чем он сам неоднократно говорил позже). Далее... Берию арестовали прямо на заседании Президиума Совета Мини-

стров СССР 26 июня 1953 года. И только потом объявили это на собранном 2 июля пленуме, т. е. задним числом. При этом был нарушен не только Устав КПСС, но и все юридические нормы, ибо ордер на арест выписали лишь после того, как арестованный уже провел какое-то время в тюрьме!!! Если вообще выписали...

После поражения Кагановичу, Маленкову и Молотову ничего не оставалось, как оставить на суд истории следующие письма...

Л. Каганович – Пленуму ЦК КПСС

Я считаю необходимым письменно подтвердить мое вчерашнее устное заявление на Пленуме ЦК. Я глубоко и искренне сознаю совершенную мною крупную политическую ошибку, нанесшую вред нашей партии. Исправление имеющихся недостатков не требовало таких мер, как упразднение поста Первого секретаря ЦК и освобождение тов. Хрущева от этого поста. Это тем более недопустимо с моей стороны, что я считаю политику нашей партии правильной, как внутреннюю, так и внешнюю. Я также считаю, что наш Президиум ЦК и лично тов. Хрущев имеют большие заслуги в наших достижениях и успехах, как внутри страны, так и в международной политике.

Отдавая себе отчет в том, что путь, на который я вступил, путь сговора с другими членами Президиума, это путь вредный, непартийный, я прошу ЦК простить мне совершенную ошибку, граничащую с партийным преступлением и дать мне возможность оправдать ваше доверие. Я приму любое ваше решение, как полагается коммунисту, и приложу все силы к тому, чтобы и впредь бороться вместе со всей партией за расцвет нашей Родины, за победу идей Марксизма-Ленинизма, за победу коммунизма. 29.VI.

Г. Маленков – Пленуму ЦК КПСС

Вчера на заседании Пленума я сказал, что осуждаю свое поведение по вопросу, который рассматривается на настоящем Пленуме, что решение Пленума по мне приму как справедливое и должное. Считаю совершенно правильным сказанное здесь, на Пленуме, многими товарищами, что я и другие члены Президиума ЦК могли критиковать недостатки тов. Хрущева, но нельзя и вредно для единства партии было ставить вопросы о ликвидации поста Первого секретаря ЦК и, следовательно, об освобождении тов. Хрущева от этого поста. Тем более подлежат осуждению элементы сговора, групповщины между членами Президиума ЦК, к

которым мы прибегли. В своих действиях и во всем поведении я руководствовался только интересами партии, ее безусловного непоколебимого единства. Из этого я исхожу и теперь. Никогда и никуда за пределами Президиума ЦК своей критики результатов работы Первого секретаря ЦК не выносил. Но допущенная в моих действиях групповщина в отношениях с другими членами Президиума, несомненно, нарушает партийные нормы и с основанием может рассматриваться, как носящая антипартийный характер.

Мне предъявлялись на Пленуме ряд обвинений по прошлой работе в период руководства тов. Сталина. Я не хочу и не могу снять с себя ответственности на этот счет и несу эту ответственность.

У меня не было и нет другого мнения, что политика партии правильная, что, руководствуясь решениями XX съезда партии, Центральный Комитет осуществляет ленинскую политику, что мы имеем огромные успехи во внутренней жизни нашей страны и в международных отношениях.

Я понимаю, что, когда справедливо критикуют за допущенный мной тяжелый проступок, то критика эта должна быть суровой, но при принятии окончательного решения я прошу Пленум ЦК предоставить мне возможность на конкретном деле отдать свои силы великому делу построения коммунизма в нашей стране. 29 июня 57 г.

Заявление В. Молотова — членам Пленума ЦК
(Прошу огласить на Пленуме ЦК 29 июня)

В связи со вчерашним выступлением тов. Хрущева, которое было крайне необъективным и при этом в значительной мере направленным в мой адрес, считаю необходимым заявить следующее:

1) Я признавал и признаю политику нашей партии правильной, отвечающей жизненным интересам советского народа, обеспечивающей все новые и новые успехи СССР как в области внутренней жизни страны, так и в международных отношениях, в деле смягчения международного напряжения и сохранения мира. Считаю, что это результаты сложившегося в последние годы коллективного руководства в Президиуме ЦК. Причем, признаю большие заслуги тов. Хрущева во всем этом деле. Вместе с тем, как я уже говорил на пленуме, считаю, что в работе Президиума имеются некоторые недостатки, на которые время от времени законно обращали внимание отдельные члены Президиума ЦК;

2) Главным поводом созыва Президиума ЦК 18 июня, как уже здесь говорилось, были некоторые факты нарушения коллективного руководства со стороны тов. Хрущева. Вместе с товарищами Булганиным, Ворошиловым, Кагановичем, Маленковым, Первухиным, а затем и тов. Сабуровым я считал необходимым обсудить этот вопрос в Президиуме ЦК, а в случае необходимости и соответствующего требования членов Президиума ЦК и на Пленуме ЦК. Признаю вместе с тем политическую ошибочность моей позиции и позиции других членов Президиума ЦК, так как не было основания ставить вопрос об упразднении поста Первого секретаря, хотя это и вызывало желание укрепить коллективное руководство в ЦК;

3) Перед заседанием Президиума ЦК 18 июня я не раз встречался с отдельными членами Президиума ЦК, беседовал о созыве Президиума для обсуждения возникшего вопроса, но назвать это заговором нет оснований. Для этого тем более нет оснований, что все эти встречи не выходили за рамки бесед с отдельными членами Президиума, хотя я признаю, что в этом были проявления недопустимой групповщины;

4) Признавая указанную ошибочность своей позиции, я заявляю, что во всех своих действиях не преследовал каких-либо личных целей и интересов, а исходил из сознания, что это в интересах партии, ее дальнейших успехов в деле борьбы за победу коммунизма.

В. Молотов. 29 июня 1957 года.

Итак, Молотов был единственным, кто не попросил пощады или прощения и практически не отступил от главной своей позиции, считая свою критику Хрущева во многом небезосновательной. В результате он единственный, кто среди выступивших против Хрущева не был отправлен в ссылку на унизительную работу (например, директором электростанции, как Маленков), и в конце концов восстановлен в партии с возвращением всех льгот почетного пенсионера союзного значения. Да, Молотов единственный, кто ничего не просил, но получил все, чего добивался.

Между тем в 64-м Хрущева снимут за те же ошибки, за которые его критиковали еще Молотов, Маленков и Каганович. И, что особенно примечательно, сделают это прежде всего Сулов и Брежнев, которые в 57-м с помощью Жукова сделали все, чтобы Хрущев остался у власти.

Падение

Взгляды со стороны

Таким виделось происходящее рядовым членам пленума. А вот как оно выглядело в глазах непосредственных участников политического противостояния.

Глазами Молотова

Из рассказов мне Феликса Чуева

Молотов: «Мы решили снять Хрущева — в 1957 году. На Политбюро, когда он сел председательствующим, решили заменить его Булганиным. Дело в том, что, начиная с Ленина, всегда было так: председательствующим на заседании Политбюро был Предсовнаркома. Такова ленинская традиция. Сначала председательствовал Ленин (когда он болел — Каменев), потом Рыков, потом я, потом Сталин. Впервые отступил от ленинской традиции Хрущев... И вот сел Булганин председательствующим. Хрущева сняли только с поста председательствующего на Политбюро. Больше ничего не было. Его не освободили. И освободить его не могли. Это решает пленум.

Чуев: «А Хрущев молчал?»

Молотов: «Где там! Кричал, возмущался... Но мы уже договорились. Нас семеро из одиннадцати, а за него трое, в том числе Микоян. У нас программы никакой не было, единственное — снять Хрущева, назначить его министром сельского хозяйства. А за стеной шумят. Там Фурцева, Серов, Игнатов.

От автора: Тогдашнее Политбюро состояло из 11 членов с решающим голосом (*Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Первухин, Сабуров, Хрущев, Микоян, Суслов, Кириченко*) и 7 кандидатов в члены Политбюро с совещательным голосом (*Брежнев, Жуков, Козлов, Мухитдинов, Шенилов, Фурцева, Шверник*). Выделенные жирным курсивом лица на том заседании Политбюро, о котором рассказывает Молотов, были против Хрущева.

Собрали... пленум. Фурцева, как секретарь ЦК, она играла роль. И Суслов, как секретарь ЦК. Серов (Председатель КГБ) большую роль сыграл. Использовал технический аппарат. Вызвал членов ЦК поскорей в Москву. Собрались к Суслову. Серов помогал. Ну, конечно, он играл техническую роль. Поскольку Хрущев оставался

Первым секретарем ЦК, аппарат был в его руках, а ему помогали Сулов с Фурцевой, тоже секретари ЦК...

Сулов – это такой провинциал в политике! Большая зануда... Одного поля ягоды с Хрущевым. Жуков – крупный военный, но слабый политик. Он сыграл решающую роль в возведении на пьедестал Хрущева тогда, в 1957 году, а потом сам проклинал Хрущева...

Хрущева не снимали с секретарей. Не успели снять. Собрали пленум, а пленум был на их стороне – чего же тут?!

Чуев: «А вам не дали выступить на пленуме?»

Молотов: «Нет, дали, я же все выложил. Пускай мою стенограмму покажут кому-нибудь!»

Чуев: «Не показывают. А как пленум реагировал?»

Молотов: «Орали. Орали. Я говорил не о Хрущеве, но о его руководстве специально. Теперь не вспомнить все, что было сказано, но, в частности, я говорил то, что у меня было намечено до этого...

Хрущев, видимо, подслушивал наши телефонные разговоры, и шпионы у него были. Я выступал на пленуме, орали, не слушали. Потом хитро опубликовали. Сначала троих включили в «антипартийную группу»: Маленкова, Кагановича, Молотова и добавили «примкнувшего к ним Шепилова», а через некоторое время – Булганина и Ворошилова. Ворошилов был с нами, только потом раскаялся. Можно судить по тому, что было напечатано, как он вел себя. Плохо вел. Растерялся. Не знал, куда идти. А Хрущев хитрый очень...

Потом каждый год я посылал в ЦК одно-два письма с критикой их политики. Последнее – с критикой Программы партии, в которой Хрущев наобещал народу коммунизм к 80-му году. Программу я считал фальшивой, антиленинской. Хрущев поднял этот вопрос, и меня исключили из партии. А Маленков и другие ничего об этих письмах не знали, жили себе. Но одного меня из партии исключать неудобно – нужна «антипартийная» группа, исключили четверых...

Я думаю. Что я помог, что вышибли из партии троих. Кагановича, Маленкова и... Шепилова присоединили, а он ни при чем...

Я написал письмо в ЦК из Женевы, когда работал там в Международном агентстве по атомной энергии. Письмо о том, что Хрущев продолжает повторять ошибку Сталина, который говорил, что коммунизм можно построить в капиталистическом окружении. Меня вызвали. Исключили из партии...

Я подавал четыре заявления с просьбой восстановить меня в партии, писал Брежневу. Ни разу не было ответа.

... Меня из партии исключали не за репрессии, а за то, что мы выступили против Хрущева, хотели снять его! Когда на XX съезде были осуждены репрессии, меня не только не исключили из партии, но я был избран в состав Политбюро!

Чуев: «Когда вас исключали из партии, вам репрессии вменяли в вину?»

Молотов: «Вменяли. Дескать, «антипартийная группа» боялась своего разоблачения, хотя бояться разоблачения на этот счет надо было именно Хрущеву...»

От автора: Здесь уместно к словам Молотова добавить слова А.Н. Яковлева, председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий: «Преступления чудовищные... Например, Хрущев... Жертв на его совести не меньше, а по сравнению с кое-кем (из окружения Сталина) и больше!»

Глазами Кагановича

Из рассказов мне Феликса Чуева

Каганович: «Сталин в последние годы допустил в оценке людей ошибку. Он приблизил к себе Хрущева, Маленкова, Берия, а Молотова, Кагановича и Ворошилова отодвинул. Он, видимо, считал, что мы можем, так сказать, после него сами... он уже готовился к отходу, я так думаю... Сталин нас... недооценил, но именно мы... оказались самыми крепкими».

Чуев: «Во времена «антипартийной группы» вы могли взять власть».

Каганович: «Мы не организованы были... Если б мы были фракцией, если б мы организовались, мы бы могли взять власть... Большинство Политбюро было за нами, но мы не были организованы... Хрущев сумел обмануть нас всех. Не просто обмануть. Он жулик высшего пошиба. А мы парламентаризмом занялись... Ошибка наша в том, что мы парламентаризмом занялись... И не собирались тайно, понимаете?»

Глазами Андрея, сына Маленкова

В конце января 1955 года отец и его «партия» технократов потерпели поражение. С этого момента почти на 4 десятилетия в на-

шей стране установилось полное господство партократии. В этом, по-моему, и состоит главное отличие режима Хрущева от режима Сталина. В этом же и корень многих бед, которые затем обрушились на страну. Полнейшая бесконтрольность, ненаказуемость партократии создали все условия для ее коррупции и разложения. Думаю, именно этим обстоятельством и объясняется трогательная любовь к Никите Сергеевичу, так бурно проявлявшаяся со стороны иных демократов, едва ли не до августовского путча, положившего конец партийной власти, из недр которой они в большинстве своем и вышли...

Никита Сергеевич торжествовал до октября 1964 года, когда партократия свалила и его по тем же подлым правилам, которыми он сам пользовался, особенно начиная с подготовки ареста Берии...

55-57 годы были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни моего отца. Ведь он видел, как рушились все его реформы. Видел, как хрущевская затея с целиной обрекла центральную Россию на нищету, а Казахстан – на экологическую катастрофу. Видел, как догматическое мышление Хрущева, разыгравшего в 1956 году «анти-сталинскую» карту, по сути своей так и оставалось сталинистским, что наглядно подтвердилось расстрелом мирной демонстрации в Тбилиси, беспощадной расправой с венгерской «контрреволюцией» в том же, 56 году, и обострением конфронтации между Восточной и Западной Германией...

Отчетливо помню, какой неясной тревогой в июньские дни 57 года был наполнен наш дом. Зная о том, что безудержный авантюризм Хрущева, его стремление к личной диктатуре привели к конфликту между ним и некоторыми тогдашними «олигархами», отец на правах члена Президиума ЦК... в уверенности, что... большая часть членов Президиума поддержит его, предлагает освободить Хрущева от обязанностей генсека, оставив за ним иной, не столь ответственный пост. Это был одновременно и последний шанс отца спасти главное дело своей жизни – реформаторский курс...

Мы решительно ни о чем не догадывались, но по каким-то нюансам в поведении отца видели: хоть и держится с полным спокойствием, но нервы у него на пределе. Однажды невольно услышал, как он властно сказал по телефону: «Николай, держись. Будь мужчиной. Не отступай...» Как потом стало ясно... разговаривал отец с Булганиным, который должен был опубликовать в «Правде» решение Президиума о снятии Хрущева. Увы, «Николай» уже

искал лазейки и компромиссы, чтобы уцелеть перед бешеным напором хрущевцев... Через какое-то время поплатились своей политической карьерой и все те... кто в той или иной мере поддерживал предложение Маленкова о снятии Хрущева...

Так Хрущев совершил государственный переворот и единолично захватил власть в стране. Известно, чем закончилась эта «победа»... Хрущев восстановил непомерные налоги на крестьян, ликвидировал приусадебные участки, забрал коров и, укрупнив колхозы, а многие из них превратив в совхозы, тем самым окончательно доконал сельское хозяйство. Отныне наша страна уже не могла обойтись без ежегодного импорта зерна.

Ну а об остальных «деяниях» Никиты Сергеевича — от совнахозов и разделения партии на промышленную и сельскую до страшного расстрела в Новочеркасске, расправы с «инакомыслящей» творческой интеллигенцией и демагогического обещания коммунизма к 80 году — я говорить не стану: они и так всем известны.

Глазами Шепилова

Правильно Молотов говорит, что я к «антипартийной группе» не имел никакого отношения. Но было несколько фактов, которые поражали. Как-то я гулял... Останавливается машина. Выходит Ворошилов: «Дмитрий Трофимович, голубчик, ну что же у нас происходит? Как дальше жить? Как дальше работать? Всех оскорбляет, всех унижает, ни с кем не считается, все один, сам решает!»

Я говорю: «Климент Ефремович, вы участник II съезда партии... В том, что вы говорите, много правды. Но почему вы это мне говорите? Вы член Президиума ЦК, я — нет... Там ставьте вопрос. Я выскажу свою точку зрения искренне и честно. Многие я уже вижу, что нарастает в партии...»

Я не знал, что против Хрущева что-то готовится...

Когда собрались (на заседание Президиума), я вижу, что Жукова нет. Маленков говорит: «Я предлагаю изменить повестку дня и обсудить вопрос относительно грубого нарушения коллективности руководства. Стало совершенно невыносимо... Председательствующим предлагаю Булганина». «Пожалуйста!» — с театральным жестом произносит Хрущев. И Булганин сел председательствовать.

... Мы с Жуковым много говорили: невозможно же, куролесит, ничего не понимает, во все лезет... Когда Жуков приехал на заседа-

ние, сел рядом со мной — мы всегда сидели вместе на заседании Президиума.

Я уже не помню порядок выступлений, но все говорили, что стало невыносимо работать, все нарушено, ни о каком коллективном руководстве не может быть и речи, и каждый перечислял, в какой области и как Хрущев куролесит, какой вред это приносит. Он сидел, подергивался.

Но никто не предлагал Хрущева репрессировать. Сказали: «Вот Хрущев говорил, что все критикуют сельское хозяйство, есть предложение назначить его министром сельского хозяйства, оставив его членом Политбюро». Другого предложения я не слышал...

Когда дошла очередь до меня, я говорил долго. И начал с того, что советский народ и партия заплатили большой кровью за культ личности Сталина... И что же? Прошел небольшой срок, и снова то же самое видишь. Я стал перечислять. Появился новый диктатор.

— Сколько вас учили? — перебил меня Хрущев.

— Я много учился, я дорого стою народу...

— А я одну зиму у попа за пуд картошки учился!

— Так что же вы претендуете на то, что вы знаток и металлургии, и химии, и литературы?

Булганин говорил: «У меня, когда я уезжал, перекопали весь двор, проложили провода подслушивания...» И так один за другим — о подслушивании, о слежке, о восстановлении сталинизма...

Я сказал: «Какое же это коллективное руководство? Приходит ко мне Фурцева, секретарь МК, секретарь ЦК, и говорит: «Отойдем туда за угол, да закройте телефон чем-нибудь, нас подслушивают! Что же делается! Ничего не получается, все разваливается...»

Я знал, что она была возлюбленной Никиты... Мне говорили, что она неискренняя. А перед этим заседанием она пришла, бледная, ко мне, трясется: «Если вы когда-нибудь расскажете о том, что я вам говорила, когда приходила, мы вас в лагерную пыль превратим». Такая мегера!

— Вы меня не пугайте, я фронтовик, Екатерина Алексеевна, я смерти в глаза смотрел не раз.

И я сказал на Политбюро: «Мы, два секретаря ЦК, мы не фракционеры, мы искренне, Фурцева и я, переживаем. Она: «Это ложь! Это ложь!» Я говорю: «Ну отчего же ложь, Екатерина Алексеевна?! Мы ж собрались здесь сейчас для того, чтобы это исправить!» С ней истерика. И я сказал: «Нельзя же, чтобы в государственных делах сказывалась интимная близость...»

После того, как Жуков сделал все, чтобы Хрущев остался у власти, Никита Сергеевич сделал Жукова триумфатором... А меня выгнали с треском... После пленума выхожу — идет навстречу Жуков. Я ему говорю: «Георгий Константинович, имей в виду: следующим будешь ты!» В июне нас выгнали, а в октябре — его. Жуков потом локти кусал и не мог слышать имени Хрущева...

Глазами Жукова

Весной 1957 года сын Хрущева Сергей женился. На даче Хрущева устроили свадьбу. Крепко выпили и произносили речи. Выступил и Хрущев. Как всегда хорошо рассказал о своей родословной, тепло вспомнил свою маму, а затем как-то вскользь уколел Председателя Совета Министров СССР Булганина. В другое время Булганин промолчал бы, а тут неузнаваемо вскипел и довольно резко сказал: «Я попросил бы выбрать выражения...»

Присутствовавшие поняли: Булганин озлоблен против Хрущева. Догадка подтвердилась. Как только кончился обед, Молотов, Маленков, Булганин, Каганович уехали к Маленкову на дачу. Хрущев понял, что Булганин переметнулся в стан его противников и был явно озабочен их усилением.

После того, как ушли Молотов, Маленков, Булганин, Каганович, ко мне, — вспоминает Жуков, — подошел Кириченко и завел такой разговор: «...Ты понимаешь, куда дело клонится? Эта компания не случайно демонстративно ушла со свадьбы. Нам нужно... быть ко всему готовыми. Мы на тебя надеемся... Одно твое слово, и армия сделает все, что нужно...»

Я видел, что Кириченко пьян, но сразу же насторожился: «Я тебя не понимаю, куда ты клонишь?»

Кириченко: «Ты что, не видишь, как злобно они разговаривали с Хрущевым? Они — решительные и озлобленные люди... Дело может дойти до серьезного...»

Мне показалось, что Кириченко завел разговор не от своего ума, что подтверждалось следующими его словами: «В случае чего, мы не дадим в обиду Никиту Сергеевича...»

...Утром 19 июня (Здесь Жуков скорее всего не точен, так как по документам это могло быть не позднее 18-го. — НАД.) мне позвонил Маленков и попросил заехать по неотложному делу... Маленков встретил меня очень любезно и сказал, что давно собирался поговорить со мной по душам о Хрущеве. Он коротко изложил свое

мнение о якобы неправильной практике руководства со стороны Первого секретаря ЦК Хрущева, указав при этом, что Хрущев перестал считаться с Президиумом ЦК, выступает на местах без предварительного рассмотрения вопросов на Президиуме. Хрущев стал крайне грубым в обращении со старейшими членами Президиума. В заключение он спросил, как лично я расцениваю создавшееся положение в Президиуме ЦК...

Я спросил его: «Вы от своего имени со мной говорите или?..»

«Я говорю с тобой как со старым членом партии, мнение которого ценю и уважаю...»

Я понял, что за спиной Маленкова действуют более сильные личности, Маленков явно не раскрывает настоящей цели разговора со мной...

Я сказал Маленкову: «Советую вам пойти к Хрущеву и переговорить с ним по-товарищески. Уверен, он вас поймет».

«Ты ошибаешься, — возразил Маленков, — не таков Хрущев, чтобы признать свои действия неправильными, тем более исправить их».

Я ему ответил: «Думаю, что вопрос постепенно утрясется». На этом мы и разошлись. Через несколько часов меня срочно вызвали на заседание Президиума ЦК...

Открыв заседание, Хрущев спросил: «О чем будем говорить?» Слово взял Маленков: «Я выступаю по поручению группы товарищей членов Президиума. Мы хотим обсудить вопрос о Хрущеве, но поскольку речь будет идти лично о Хрущеве, я предлагаю, чтобы... председательствовал не Хрущев, а Булганин».

Молотов, Каганович, Булганин и Первухин громко заявили: «Правильно!» Так как группа оказалась в большинстве, Хрущев молча освободил место председателя...

Булганин: «Слово имеет Маленков». Маленков подробно изложил все претензии к Хрущеву и внес предложение освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря.

После Маленкова слово взял Каганович. Речь его была явно злобная, он сказал: «Ну, какой это первый секретарь, в прошлом он троцкист, боролся против Ленина, политически он малограмотный, запутал дело сельского хозяйства и не знает дела в промышленности...»

Обвинив Хрущева в тщеславии, Каганович предложил принять предложение Маленкова об освобождении Хрущева... и назначить его на другую работу. Молотов присоединился к тому, что было

сказано Маленковым и Кагановичем. Против принятия этого решения выступила группа: члены Президиума Микоян, Суслов и кандидаты в члены Президиума (без права голосовать) Фурцева, Шверник и я. Мы были в меньшинстве. Чтобы оттянуть время для вызова отсутствующих членов Президиума (Кириченко и Сабурова), мы внесли предложение ввиду важности вопроса сделать перерыв до завтра и срочно вызвать всех членов Президиума... Видя, что дело принимает серьезный оборот, Хрущев предложил созвать Пленум ЦК. Группа отклонила это предложение, сказав, что вначале снимем Хрущева, а потом можно будет собрать Пленум. Я видел выход из создавшегося положения только в решительных действиях. Я заявил: «Категорически настаиваю на срочном созыве Пленума ЦК. Вопрос стоит гораздо шире, чем предлагает группа. Я хочу на Пленуме поставить вопрос о Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Маленкове. Я имею на руках материалы о их кровавых злодеяниях вместе со Сталиным в 37-38 годах, и им не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС. И если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущева... Я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизации вооруженных сил».

Это, конечно, было необычное и вынужденное заявление. Я хотел провести психологическую атаку на антипартийную группу и оттянуть время до прибытия членов ЦК, которые уже перебрасывались в Москву военными самолетами. После этого моего заявления было принято решение перенести заседание на третий день, и этим самым группа проиграла затеянное ими дело против Хрущева. Если мне тогда говорили спасибо за столь решительное выступление, то через 4 месяца я очень сожалел об этом своем решительном заявлении, так как мое заявление в защиту Хрущева обернули в октябре 57-го года против меня...

В конце октября, в день возвращения из поездки в Югославию и Албанию, меня сейчас же пригласили на Президиум ЦК. После обличительных заявлений Хрущева и Суслова взял слово Микоян: «Меня до сих пор волнует одна фраза, сказанная Жуковым по поводу антипартийной группы. Жуков тогда сказал: «Если будет принято решение, предложенное Маленковым, то он, Жуков, не подчинится этому решению и обратится к армии. Как это понимать?»

Я тут же ответил, да, это было сказано... «Значит, вы сознательно об этом говорили, — сказал Микоян, — а я думал, что вы тогда

оговорились». «Вы что, забыли обстановку, которая тогда сложилась?» – ответил я Микояну. (В первый и второй день борьбы с антипартийной группой Хрущев был как-то деморализован, держался растерянно. Видя, что я решительно встал на его защиту и члены Президиума, и члены ЦК потянулись ко мне, сделав меня как бы центральной фигурой события, Хрущев растроганно сказал: «Георгий, спасай положение, ты это можешь сделать. Я тебе этого никогда не забуду». Я его успокоил: «Никита, если группа Маленкова-Молотова рискнет прибегнуть к насилию, мы к этому будем готовы». И Хрущев ответил: «Делай все. Что считаешь нужным...»)

Затем (это уже в октябре) выступил Брежнев. Он наговорил, что было и чего никогда не было, что я зазнался, что я игнорирую Хрущева и Президиум, что я пытаюсь навязать свою линию ЦК... А Хрущев сказал: «Есть мнение освободить товарища Жукова от должности министра обороны... Есть также предложение провести Пленум ЦК, где рассмотреть деятельность товарища Жукова».

Предложение было, конечно, принято единогласно... Я почувствовал, что Хрущев, Брежнев, Микоян, Суслов и Кириченко решили удалить меня из Президиума ЦК. Видимо, как слишком непокорного и опасного политического конкурента, освободиться от того, у кого Хрущев оставался в долгу со времени борьбы с антипартийной группой. Эта мысль была подтверждена речью Микояна на Пленуме, где он сказал: «Откровенно говоря, мы боимся Жукова...»

От автора. Здесь уместен небольшой комментарий. Переживая истинное отношение к себе Хрущева и Микояна, Жуков, скорее всего, вспомнил и еще одно свое заявление, в котором в порыве выступления против «антипартийной группы» сделал очень неосторожный намек, сказав: «Товарищи! Весь наш народ носил Молотова, Кагановича, Маленкова в своем сердце как знамя, мы верили в их чистоту, объективность, а на самом деле вы видите, насколько это грязные люди. Если бы только народ знал, что у них на руках невинная кровь, то их встречал бы народ не аплодисментами, а камнями. Я считаю, надо... потребовать объяснений от Маленкова, Кагановича, Молотова за их злоупотребления властью, за антипартийные дела. Нужно сказать, что виновны и другие товарищи, бывшие члены Политбюро. Я полагаю, товарищи, что вы знаете, о ком идет речь, но вы знаете, что эти товарищи своей честной работой, прямотой заслужили, чтобы им доверял Центральный Комитет

партии, и я уверен, что мы будем и впредь за чистосердечное признание признавать их руководителями».

Сделав это несвоевременное заявление, Жуков тогда зашел слишком далеко и тем самым переиграл самого себя, ибо явно имел в виду Хрущева и Микояна: первого за его неслыханно кровавые репрессии в Москве и на Украине, а второго, например, за руководство Комиссией по разоблачению Бухарина, как врага народа...

Впрочем, в этом отношении и сам Жуков не отличался особой святостью, чтобы произносить такие обличительные речи. Жуков на июньском пленуме 1957 года, осуждая Сталина и его окружение, фактически повторил доклад Хрущева на XX съезде о репрессиях, а сам, как рассказывал мне Герой Советского Союза (1944 г.) маршал авиации Сергей Игнатьевич Руденко, во время войны мог в порыве гнева без суда и следствия самолично расстрелять проштрафившихся подчиненных.

Только теперь я понимаю, почему, считая маршала Жукова одним из лучших полководцев мира, знавшие его люди вместе с тем о нем, как о человеке, говорили: «Ну и жук этот Жуков...» Начинаю осознавать и то, почему все чаще высказывается мысль, что, проложив Хрущеву дорогу к власти, Жуков тем самым позволил Никите Сергеевичу открыть путь таким деятельным на словах партийным функционерам, как Михаил Горбачев. А уж они, выдвинувшись на руководящие роли именно в те годы, довели одну из величайших сверхдержав мира до полной катастрофы. Все это было трагедией для такого далеко неоднозначного человека, как маршал Георгий Константинович Жуков, ибо не мог он не сознавать того, что, как во многом благодаря именно ему в 41-м отстояли Москву, так и того, что, не без его участия, начался хрущевский развал страны, а затем (уже после его смерти) последовало и полномасштабное поражение СССР в Холодной войне.

Тем не менее еще при жизни он знал, какой суровый приговор готовится вынести История Хрущеву, КПСС, а вместе с тем и ему, Жукову, за содеянное. Еще 21 декабря 1964 года, анализируя происходившие в Советском Союзе события, руководители Китая и Албании в совместном заявлении предсказывали уопомрачительный, но, как тогда казалось, совершенно нереальный для нашей страны исход. В заявлении говорилось: «Преступные действия Хрущева и его сподручных будут иметь долговременные последствия, они приведут к перерождению, а затем к разрушению СССР и КПСС... Либо Советский Союз под руководством хрущевцев

превратится в бюрократическое, социал-империалистическое государство, а КПСС станет номенклатурной надстройкой такого государства, либо ревизионистская, провокационная политика хрущевцев приведет к распаду КПСС и СССР, к превращению его республик в колонии и протектораты западного империализма... «Без Хрущева, но по пути Хрущева» — таков сегодня лозунг ревизионистов...»

Однако все это будет потом, а пока Жуков, скорее из карьерных, нежели из идейных соображений, весь в борьбе за спасение власти Хрущева. Продолжая воспоминания об «антипартийной группе», он говорит: «В ходе заседания Президиума ЦК резко выступил Сабуров. Видимо, что-то пронюхав, сказал: «Вы что же, Хрущев, делаете, уж не решили ли арестовать нас за то, что мы выступаем против вашей персоны?» Хрущев спросил: «Из чего вы это видите?» «Из того, что под Москвой появились танки».

Я сказал: «Какие танки? Что вы, товарищ Сабуров, болтаете? Танки не могут подойти к Москве без приказа министра, а такого приказа с моей стороны не было». Эта моя контратака тогда очень понравилась всей группе Хрущева...»

Итак, Жуков, выступив на стороне Хрущева и оказав на его противников психологическое давление, спутал все карты. Разговор оказался переведенным совсем на другую тему, чем это предполагалось вначале. «Антипартийная группа» хотела раскритиковать и снять Хрущева и огласить новый политический курс. А Жуков своим неожиданным обвинением Маленкова, Молотова и Кагановича в репрессиях поставил вопрос об обсуждении не Хрущева, а представителей «антипартийной группы». И пленум пошел за Жуковым, объявив Молотова, Маленкова и Кагановича вне закона.

Именно из-за этого Жуков, когда через 4 месяца отправили его в отставку, «кусал себе локти и не мог слышать имени Хрущева...»

20.9. ТАЙНЫ НИКОЛАЯ БУЛГАНИНА

За годы существования СССР было 11 Председателей Совета Министров (до 19 марта 1946 г. Совет Народных Комиссаров). Это: В.И. Ленин (1917-24), А.И. Рыков (1924-30), В.М. Молотов (1930-41), И.В. Сталин (1941-53), Г.М. Маленков (1953-55), Н.А. Булганин (1955-58), Н.С. Хрущёв (1958-64), А.Н. Косыгин (1964-80),

Н.А. Тихонов (1980-85), Н.И. Рыжков (1985-91) и В.С. Павлов (с января по август 1991 г.).

Из них менее всего известно о 6-м Председателе — о Николае Александровиче Булганине. Может сложиться впечатление, что этот человек предпочитал находиться в тени и лишний раз не высываться. Судя по имеющимся у меня данным, он действительно не был выскочкой. Однако, когда какой-то вопрос вставал очень принципиально, мог показать характер. Во всяком случае, видя, как Хрущёв, сломя голову, начинает практиковать губительный волевой подход к государственным делам, сперва (в июне 1957 г.) в какой-то мере поддержал выступление против него так называемой «антипартийной группы Маленкова, Молотова, Кагановича», а затем (в 1958 г.) и сам встал на ее позиции. За что в марте был лишён поста руководителя Советского правительства. Более того, был отправлен в унизительную ссылку из Москвы — с поста 2-го человека в государстве на третьестепенную должность председателя Совнархоза в Ставрополь...

Между тем своеобразное нахождение в тени не помешало этому человеку на протяжении более 20 лет играть в делах СССР многие ведущие роли. Сейчас принято считать, что первым чекистом на посту Председателя Совета Министров России стал Владимир Путин. Однако, чтобы быть точным, не стоит забывать, что ещё в 1937-38 гг. эту должность занимал никто иной, как бывший чекист Николай Булганин. Об этом «не помнит», кажется, ни одна современная государственная энциклопедия, хотя (насколько мне известно) является неопровержимым фактом, что Булганин прошёл школу ЧК, когда ещё были живы её основатели — не любившие себя выпячивать люди: Ф. Дзержинский и В. Менжинский. Может, поэтому, продолжая их школу, и Н. Булганин предпочитал жить так же...

Прежде чем приступить к удалению белых пятен в его жизни (особенно это касается 50-х годов), следует ознакомиться с тем, что говорит о нём

Официальная биографическая справка:

«Булганин Н.А. (1895-1975 гг.), сов. гос. деятель. Чл. КПСС с 1917 г. В 1931-37 гг. пред. исполкома Моссовета. В 1937-38 гг. пред. СНК РСФСР, в 1938-41 гг. зам. пред. СНК СССР. В 1941-43 гг. чл. Воен. советов ряда фронтов, с 1944 г. по 45 г. чл. ГКО, в 1944-47 гг. зам. наркома обороны (мин. Вооружённых Сил), в 1947-53 гг. зам. пред.

СМ и одноврем. в 1947-49 гг. мин. Вооружённых Сил, в 1953-55 гг. мин. обороны и одноврем. 1-й зам. пред. СМ СССР. В 1955-58 гг. пред. СМ СССР. Чл. ЦК КПСС в 1934-61 гг., чл. Политбюро, Президиума ЦК в 1948-58 гг. Ден. ВС СССР в 1937-62 гг. Герой Соц. Труда (1955 г.). Ген.-полк. (1944 г. и с 1958 г.), в 1947-58 гг. имел звание Маршала Сов. Союза».

Чтобы добавить что-то существенное к тому, что уже известно из разных источников, я решил выйти на родных Булганина и офицеров госбезопасности, которые его охраняли и обслуживали. К счастью, часть наиболее важных из них здравствует и поныне. Это прежде всего — полковник Александр Петрович Шаров. Ему довелось работать с А.И. Микояном, Н.А. Булганиным, А.Н. Шелепиным, Ф.Д. Кулаковым, а последние годы службы долгое время быть начальником охраны М.С. Горбачёва.

Его рассказ невелик, но так и тянет сказать: нет ничего тайного, что не сделалось бы явным потому, что всегда находятся такие живые люди, которым тем или иным образом повезло прикоснуться к историческим событиям и сохранить их в своей памяти. Благодаря им и не рвётся связь времён.

Итак, А.П. Шаров:

— Родился 9 сентября 1927 г. Пришёл в органы в 1947 г. Ушёл через 40 лет — в 1987 г. Без дела не сижу. До сих пор сам вожу машину. Сам хожу за покупками. Раньше жена ходила, но второй год, как её не стало. Теперь только воспоминаниями заниматься. Много чего было на службе, но вот что запомнилось особенно.

Сперва направили меня охранять дачу Микояна. В 1950 г. доверили охранять Булганина. И вот здесь пришлось стать участником событий, о которых надо обязательно рассказать.

На последней тайной вечере у Сталина Булганина не было

Сейчас столько слухов о том, когда и как стало известно о болезни и смерти Сталина, что считаю своим долгом вспомнить то, чему сам был свидетелем. Начну с места работы.

...Квартира Булганина находилась на улице Грановского на пятом этаже. На лестничной клетке было две квартиры. Булганин, если стоять спиной к лифту, жил справа. Слева жил Хрущёв. Маленков жил на четвёртом этаже. Под Хрущёвым. Каждую дверь охранял свой охранник. А старшие офицеры, так называемые «при-

креплённые» к главным руководителям страны, дежурили в специальной «комнате отдыха» на первом этаже.

Когда Булганин уезжал в отпуск, я нёс ночное дежурство в приёмной перед его кабинетом в Кремле, в здании Совета Министров. Работали мы с напарником: я — ночью, он — днем. Смотрели, чтобы посторонние не заходили и не рылись в бумагах — Боже упаси! Только два личных пожилых секретаря могли заходить беспрепятственно.

Дежурил я всегда с оружием. И всегда оружие было заряжено. Плюс запасная обойма. Одна обойма — в рукоятке пистолета Макарова, вторая — в кармане. Патроны были самые настоящие — боевые. Ещё, на всякий случай, на дачные посты нам выдавали полуавтоматы Стечкина. Отчётности особой за боеприпасы не было. Всё было организовано так, что наверху не боялись, что кто-то использует оружие не по назначению.

...Было воскресенье. В ту, быть может, самую запомнившуюся мне ночь (с 1 на 2 марта 1953 г.) я, как всегда, во всеоружии охранял вход в квартиру Булганина. Где-то в начале 12-го в квартирах Маленкова, Хрущёва и Булганина стали открываться двери. Называю точное время потому, что именно на эти часы перед полуночью выпало моё дежурство с 23.00 до 1 часа ночи. Сменялись мы по очереди каждые 2 часа. И шли отдыхать вниз в свою комнату. Всего было нас в смене у Булганина трое. Причём, никто не покидал пост прежде, чем примет его сменщик. Посты находились не у самых дверей, а чуть ниже квартир — на площадке. (НАД: здесь важно иметь в виду следующее замечание А.П. Шарова: «Мое дежурство было с 23.00 до 1 часа ночи, если считать, что наша смена заступала на сутки в 9 часов утра. Но, если смена заступала с 10 утра, то это мое дежурство должно было быть с нуля часов до двух часов ночи. Вся сложность заключается в том, что я никак не могу вспомнить, когда точно — в 9 или в 10 утра — заступала новая смена на дежурство. Поэтому вопросы насчет точного времени остаются».)

Неожиданно Булганин вышел и зашёл к Хрущёву. Видимо, они уже созвонились и теперь хотели обсудить что-то с глазу на глаз. Минут через 15 он вернулся к себе. Я не обратил бы на этот случай внимания, если бы через некоторое время не вышел Хрущёв и не спросил: «Где Николай Александрович?»

— Никита Сергеевич, он у себя, — ответил я.

— Ну, скажи, что мы с Маленковым будем ждать его внизу.

Хрущёв вызвал лифт. Лифт остановился на четвёртом этаже. Вошёл Маленков, и они поехали вниз. Через несколько минут выходит Булганин: «А где Никита Сергеевич?»

– Николай Александрович, они с Маленковым будут Вас ждать на улице.

Он в лифт и поехал. Я быстрее лифта помчался на первый этаж предупредить «прикреплённого» Шванёва. Шванёв уже настроился спать, когда влетел я и передал, чтобы готовили срочный выезд.

– Не мог сказать раньше, – упрекнул Шванёв.

– Да я только узнал...

Рассуждать было некогда – вызвали машины. Но Маленкова с Хрущёвым на улице не оказалось. Не знаю, ждали они Булганина? Или сразу сели в машины и уехали. А может, вместе на одном ЗИСе поехали, чтобы вдвоём переговорить... Не знаю! Но не прошло и 10 минут, как Булганин спустился.

– На Зелёную! – сказал Булганин. Так называли ближнюю сталинскую дачу в Кунцево за её зелёный цвет.

Подъезжаем к Зелёной. На воротах, как обычно, два сотрудника. Один подошёл к машине – смотрит: кто в машине. Обычно багажник не открывали, оружие сдавать не требовали, патроны не забирали. Так было и в этот раз. Увидев Булганина, смотрящий скомандовал: «Открывай!» Ворота открылись, и Булганин въехал на территорию Зелёной. А мы, кто был у него «на хвосте», остались ждать за воротами дачи.

Так здесь было заведено. Здесь не требовали: кто за кем должен становиться. Кто первым приехал – у того машина первой на площадке и встаёт. Становятся в очередь, а не кто главнее – тот вперёд. Когда вызванные все(!) таким образом съезжались, сопровождающие их машины вместе с их охраной запускали на территорию дачи. Там для этого справа была специальная площадка с хоздвором, столовой для obsługi и служебными помещениями, в том числе и для приезжей охраны.

Там мы сидели и ждали указаний. Кто в домино играл. Кто – чего... Никто ж ничего не знал. Ничего ж не говорили про то, что случилось. Для нас было всё, как всегда. Потом все разъехались.

...Мы после ночи оружие почистили. Сдали. Около 10 утра 2 марта идём домой. А в нашей смене был опытный пожилой охранник Погодин Николай Павлович. И вот он говорит: «Ты знаешь, Саш, наверное, Сталин заболел». Я: «Почему Вы так решили?» А он: «У Сталина две машины прикрытия. Одна – впереди, другая –

сзади. Так вот, одна его машина то и дело ходит сюда, на улицу Грановского, через ворота — в Санупр. Видимо, берёт лекарства и уезжает».

Тут надо обязательно обратить внимание на следующий факт.. Когда наша смена в 9 утра 1 марта заступала на дежурство, отдежурившие ребята нам сказали: «Николай Александрович вчера на работу (тогда суббота была рабочим днём) и на Зелёную не ездил. Он приболел — и весь день, и всю ночь был дома». А раз с утра субботы 28 февраля до утра воскресенья 1 марта Булганин никуда не ездил, значит — на последней ночной встрече у вождя вместе с Берией, Маленковым и Хрущёвым (вопреки официальной версии) он не был!!! Когда в ночь с 1 на 2 марта 1953 г. со Сталиным что-то случилось, и Булганин с Хрущёвым и Маленковым были срочно вызваны на Зелёную дачу, видимо, никто(!) из них ещё не знал, что произошло.

Особенно Булганин, которому меньше всех из них было известно, что и как происходило там прошедшей ночью. Этот факт во многом меняет сложившееся представление об имевших место событиях в ночь с 28 февраля на 1 марта. Между тем уже более 50 лет историки, к сожалению, исходят из того, что Булганин был участником той таинственной последней вечери у Сталина, и тем самым искажают историю, а заодно, используя неверные данные, делают и неверные выводы...

Кстати, судя по всему, не знали, что произошло со Сталиным, и Маленков с Хрущёвым. И тот, и другой всё воскресенье 1 марта (после отъезда ранним утром от Сталина) провели на своих дачах и только вечером приехали к себе на квартиры. Домой они вернулись, чтобы в понедельник ехать на работу. Тогда никто из них с дачи на работу не ездил! Тем более, если бы они уже знали, что Сталин заболел, никто бы из них на своей даче целый день не сидел. И не на квартиры бы они к себе возвращались, чтобы договориться ехать к больному, а сразу бы выехали на Зелёную. (Ведь заговора-то между ними быть не могло...) И потом, если завтра на работу, вряд ли бы тянули они до поздней ночи, чтобы затем в спешном порядке мчаться через весь город в Кунцево?! Нет! Для них для всех, по моим наблюдениям, это было полной неожиданностью. Вот только про Берию ничего сказать не могу — не видел я его в ту ночь...

Что же касается Булганина, то в эту зиму он каждые сутки на Зелёную дачу ездил. Поэтому и запомнилась суббота 28 февраля,

когда он туда не ездил! Потому что приболел. Его геморрой прихватил...

(Вывод: таким образом круг возможных убийц И.В. Сталина сократился до трёх человек. Это: Берия, Маленков и Хрущёв. — НАД.)

Наперегонки с мёртвым

Возвращаясь в те дни и ночи, скажу: с 1 на 2 марта, когда мы приехали на Зелёную, мы были на ней, кажется, до утра. Во всяком случае, находились мы там очень долго! Ездил или не ездил сюда Булганин в следующую смену — не знаю, а ребята-сменщики ничего не говорили. Но то, что через сутки, когда мы 3 марта снова заступили на дежурство, мы днём опять поехали туда — это точно!

Нашей сменой руководил «прикреплённый» Шванёв, а «старший прикреплённый» Безрук попал в другую смену. Запомнилось, что уже 3 марта, придя на развод, Безрук всех нас предупредил: «Ребята, будьте повнимательней — с товарищем Сталиным очень плохо». Это было ещё до официального объявления 4-го утром...

Утром 4-го мы с Зелёной уехали. Вновь заступили 5-го утром. 5-го всё высшее руководство на Зелёную съехалось. Потом (к вечеру) все уехали. Приезжали ли они ещё раз — не помню. Но то, что Булганин и Микоян остались, помню хорошо. Помню, дежурный по даче спрашивает: «А микояновские машины где?»

— Они ушли...

— А булганинские?

— Булганинские остались.

Тут же с микояновскими связались по рации. И они вернулись. (Непонятно, как могли оставить Микояна без персонального транспорта в такой сложной ситуации? — НАД.)

...Поздно вечером вдруг говорят: «Машины к подъезду!» И основные машины с «прикреплёнными» Булганина и Микояна ушли к подъезду. Мы же (их прикрытые) остались ждать на хозтерритории. Ждём. А снегу много было! Видим, ребята из сталинской охраны бегут. Говорят: «Станьте в сторонку! Сейчас выезжать будем». Тогда наш Николай Павлович говорит: «Куда выезжать-то? Он ведь болен...»

— Он умер!

Ну мы — в сторону. Смотрим едет ЗИС с красным крестом. За ним две машины с охраной. Следом машины Булганина и Микояна. (Они, по-моему, оба ехали в булганинской машине.) Мы за

ними. Только поднялись по дороге от дачи туда, где сейчас Парк Победы, и... неожиданно... пошли на обгон — ЗИСа с крестом!

Кто-то (кажется, Пал Андреич Модирук) пошутил: «Ну... хоть мёртвого обогнали!»

Всех тонкостей я, конечно, не помню. А чего-то и вовсе не знал. Но в память врезалось почему-то, что не под утро 6-го (как пишет Светлана Аллилуева), а ещё 5-го вечером тело увозили...

Прощание со Сталиным

Тяжело было. Плакали все. На поминки сталинская охрана нас не позвала. Это особая каста была. Они себя выше считали. Ещё как считали! У них даже кормёжка особая была. И к Сталину они нас ближе, чем на 5 метров, не подпускали.

Когда открылось прощание в Колонном зале Дома Союзов, мне поручили стоять на боковом выходе из зала, чтобы через двор увеличить пропускную способность на улицу Горького. Всё происходящее было хорошо видно. Мурашки по коже поползли — когда первые люди пошли. Как же они плакали! Женщины навзрыд кричали. Ой... страшно становилось. Невозможно было удержаться от дрожи. Только в деревнях так оплакивают покойников. Особенно невозможно стало, когда какая-то маленькая девчужка цветочек ему положила... А ночью пришли врачи и ухаживали за телом, чтобы оно сохранило свой вид.

И вот тогда, в часы прощания, многое вспоминалось. Вспоминалось, как привык видеть его почти каждую смену, начиная с того дня, как стал работать у Булганина. Вспоминалось, как после кино в Кремле он в машину садился. Когда все ещё выходят — уже стоит ждёт. Его «прикреплённый» открывал дверь и в его машину на заднее сиденье один за другим садились Маленков и Берия. После чего ему откидывали «откидушку». И он садился. «Прикреплённый» закрывал дверь, обегал ЗИС и — на переднее сиденье! Всё! Поехали... Сталин всегда на «откидушке» ездил.

Бритва для Берии

Ещё не могу забыть случай, связанный с арестом Берии. В тот же вечер или на другой день в Большом театре происходило какое-то представление. Всё высшее руководство съехалось. Только Берии нет... Подходит ко мне Масленко — сотрудник охраны Ми-

кояна. Он охранял его машину сзади. А я уже у Булганина работал. Подходит и говорит: «Саш, а что... этого не видно?» И на усы мне показывает. Берия тогда усики носил. Я говорю: «Кто его знает, Михал Иваныч? Он всё ходит, воротник поднимает, не разберёшь, что и как...»

Поясню, почему именно меня Масленко про Берию спросил. Когда я работал у Булганина в Кремле, первым по коридору, в середине, был булганинский кабинет с окнами на 14-й корпус, в котором сейчас Федеральная служба охраны, а следующий за ним, по той же стороне, Берии. Берия обычно позже приезжал. Идёт из подъезда. Воротник торчит. Проходит мимо меня. И к себе в кабинет. Я его почти каждую смену встречал. Мой пост был прямо у двери Булганина, а рядом пост бериевского охранника. Мы с его охранником, когда стояли, часто переговаривались. Дежурили через сутки. Булганин и Берия как первые заместители Маленкова поднимались в Совет Министров на третий этаж через 3-й подъезд.

...Наши ребята, которые видели, как арестованного Берию уводили, когда нам смену сдавали, ничего не сказали. Но мы сами сообразили, что что-то не так. С чего бы это вдруг стали сшибать портреты Берии в ГОНе (гараж особого назначения)?! Ещё никто ничего не говорил. Только водители первых лиц всё знали. Поэтому сразу стали портреты у себя снимать.

Через несколько дней (может быть, через смену) вызывают машины и «старший прикрепленный» к министру обороны Булганину офицер Фёдор Тимофеевич Безрук говорит: «Будьте готовы. Срочный выезд». Мы сразу по местам. Булганин с Безруком садятся в правительственный ЗИС. Едут. Мы, как полагается, у него «на хвосте». У Булганина, кстати, было три смены охраны по 3 человека. Это у Сталина была охрана и спереди, и сзади, а у Булганина — только сзади.

Приезжаем в Штаб Московского Военного округа. А там весь двор заставлен машинами. В них сидят солдаты. Все с автоматами. Машины большие, открытые. У всех напряжение на лицах...

Булганина встречал генерал. Министр подошел поздороваться с солдатами. Потом переговорил с генералом и пошел с ним к середине двора. Туда, где за забором находился вход в подземелье, в бомбоубежище, устроенное с насыпью в виде спуска в деревенский погреб. Проход за изгородку охраняли два автоматчика. Сперва прошёл командующий округом. За ним Булганин и его «прикрепленный» Безрук. Хотел с ними пройти и начальник нашей сме-

ны Тарасенко Пал Палыч. А солдаты так... раз автоматами! Не положено! И не пустили.

Булганин спустился в подземелье. Сколько он там был — 30-40 минут — не помню. Помню только, что дело было к вечеру...

— Пстойте, — перебил я рассказчика, — Александр Петрович! Нигде не сообщалось, что вскоре после ареста 26 июня 1953 г. кто-то из первых лиц встречался с Берией. Считается, что на его письма с просьбами разобраться по справедливости, никто не обращал внимания. Дошло до того, что в последнем своём письме, полном ужаса и отчаяния, Берия обречённо написал:

«1 июля 1953 г.

<...> Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5-дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого недопустили, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас... Почему делать, так как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении Члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его.

Ещё раз умоляю Вас всех... прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться...

<...> Что за спешка и при том, очень подозрительная. Т. Маленкова и т. Хрущёва прошу не упорствовать...

Ещё и ещё раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.

Ваш Лаврентий Берия»

И вот теперь вы говорите, что всё-таки на этот крик бериевского отчаяния высшее руководство откликнулось, и с Берией встретился Булганин...

— Да! Встретился. Но об этом не сообщалось! Поэтому никто из историков этого не слышал. Не знаю: закончилась ли жизнь Берии общеизвестным судом, вынесшим 23 декабря 1953 г. высшую меру наказания, или его действительно тайно расстреляли ещё до июльского (2-7 июля 1953 г.) пленума, т. е. вскоре после секретной встречи Булганина, и на суде роль Берии, как утверждает его сын Серго, исполнял артист?!

(Примечание. После этого крика отчаяния Берия вдруг так неожиданно перестал писать письма, словно его действительно казнили... — НАД.)

Одно знаю точно: после ареста вывозил Берию из Кремля в бункер Штаба Московского Военного округа вместе с Булганиным его личный водитель на персональном булганинском ЗИСе...

Вскоре после посещения арестованного поехали к Булганину домой в его двухэтажный особняк на Ленгоры. (Это — где Дом приёмов. Его особняк — первый от церкви). Мы, как всегда, были «на хвосте». Безруку и его заместителю Шванёву Николаю Васильевичу (не то, что нам!) полагалось в одной машине с Булганиным ездить. Безрук был здоровый такой, сильный и симпатичный мужчина, а Шванёв — маленький, но крепкий.

Когда вышли из машин, ничего особенного на лице Булганина я не заметил, а вот разговор его с Безруком произвёл на меня впечатление. Я стал невольным его свидетелем. Как раз моё время было стоять на посту. Вот здесь кухня. Здесь основной вход. И я, значит, стою, а Булганин с Безруком туда-сюда по двору мимо меня ходят. Разговаривают. Дом-то бериевские люди по-прежнему прослушивать могли. (Про эту прослушку я потом узнал.) В какой-то момент они так разговорились, что остановились. И как раз возле меня. Да. Ко мне подошли, значит. Он так разворачивается и вдруг.. говорит Безруку: «Берия попросил у меня бритву.. Побриться...» (Тут я понял, что Берия точно арестован и что туда, где он сидит, Безрука тоже не пустили. Значит, один к нему Булганин ходил.)

— Побриться, — говорит, — надо.

А я ему, — говорит Булганин, — и говорю: «Нельзя. Вы же сами издавали постановление, что заключённым острые, колющие и режущие предметы выдавать не по-ло-же-но!» А он мне: «Ну... зря я тебя тогда не расстрелял». Сказал это Булганин и пошёл. Что там дальше он Безруку говорил — не знаю. Но серьёзный, видно, разговор был...

(Может, тогда Булганин сказал Берии, что бритва ему больше не понадобится?! — НАД.)

Время спустя, ближе к осени, было совещание генералов руководящего состава Министерства обороны. Безрук поручил мне, чтобы сел в первый ряд и (если что!) никого к Булганину на трибуну не пускал. Почему мне? Безрук сказал: «Он к тебе привык. Привык, что ты охраняешь вход и в его квартиру, и в его особняк, и в его кабинет в Кремле. Значит, знает тебя». Действительно, когда

сперва Булганину дали особняк у Патриарших прудов, Безрук приказал мне посменно с одним товарищем в этом особняке не то, что дежурить, а как бы за всем хозяйством общий контроль осуществлять. Вот поэтому Булганин меня и знал.

Короче, на совещании... сижу, слушаю и ушам не верю. Булганин говорит: «Мы (Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Хрущёв, Микоян и другие), конечно, и поодиночке догадывались, когда разговаривали по телефону, что что-то не так, что-то щёлкает в трубке, будто к ней подключается кто-то. А потом между собой, осторожно, стали выяснять, что и как?! Теперь мы имеем в своём распоряжении записи подслушивания Хрущёва, Маленкова, Молотова, Булганина, Ворошилова. За нами наблюдали.

Я приведу один небольшой, может быть, факт, но он характерен для того, чтобы вы поняли обстановку, маленький штришок. За 2-3 дня, кажется, до того, как мы 26 июня Берия арестовали, мы на машине приехали ночью в половине второго, кончив поздно работать, на квартиру — товарищ Маленков, товарищ Хрущёв, я и Берия — он нас подвёз на квартиру. Живём мы — Георгий Максимилианович, Никита Сергеевич и я в одном доме. Мы с Никитой живём друг против друга на одном этаже, а Георгий живёт этажом ниже. Приехали мы на квартиру. Георгий Максимилианович на четвёртый этаж пошёл, а мы с Никитой на пятый поднялись. Поднялись на площадку, стоим и говорим, что жарко дома, поедem на дачу.

Он говорит: «Я зайду домой, взгляну». А я говорю: «Я прямо поеду на дачу». В этот же лифт сел, спустился, поехал на дачу. На другой день Никита Сергеевич звонит мне среди дня и говорит: «Слушай, я для проверки хочу спросить. Ты никому не говорил, что мы уехали на дачу? У тебя не было ни с кем разговора? Откуда Берия знает, что мы уехали на дачу? Он позвонил мне и говорит: «Ты с Булганиным на дачу поехал». Мы не придали этому значения. На другой день у товарища Маленкова, в его комнате, Берия вслух говорит: «Они хитрят. Поднялись на квартиру, а потом уехали на дачу». Я говорю: «Знаешь, дома очень жарко, поехали на дачу». «Брось, — говорит, ты в квартиру не заходил, спустился в лифте и поехал на дачу, а Хрущёв, — говорит, — тот действительно, не мешкая, зашёл и за тобой следом поехал». Мы решили это в шутку превратить. Никита Сергеевич Берии говорит: «Как ты здорово узнаёшь, у тебя что, шпионы?» Берия ничего не сказал. Этот

факт говорит, что этот человек распоясался уже в конце, и откладывать дальше, конечно, о нём дело было опасно».

Вот так прямо Булганин на том совещании и сказал. «Ничего себе, — думаю, — Булганин всё-таки ни какая-нибудь пешка, а его, оказывается, тоже Берия прослушивал». Это я своими ушами слышал.

Кто испортил чай Хрущёву?

После того, как до Хрущёва дошло, что Булганин тайно заодно с «антипартийной группой», из Председателя Совета Министров СССР его где-то осенью 1958 года сделали председателем Совнархоза в Ставрополе. Отправился он туда не самолётом, а поездом. Отправилась с ним туда и наша охрана. С Правительства его сняли, а правительственную охрану пока оставили.

Булганин побыл там сколько-то и поехал в Москву. Потому что Хрущёв решил во Дворце Спорта в Лужниках провести какое-то мероприятие. Ну и... речь произнести. Хотя машинисты гнали паровоз вовсю, получилось так, что к назначенному времени мы не успели. (Совпало это как раз с моей сменой.)

Приезжаем, а Хрущёв уже выступает. Когда Булганин вошёл — зал встал и... зааплодировал Булганину! Хрущёв даже в лице переменялся — словно это было ему — как серпом по... молоту.

К концу мероприятия на втором этаже накрыли правительственный стол. После всего, когда поднялись наверх, официант говорит: «Никита Сергеевич, чайку пожалуйста!»

— Я чай пью дома, — буркнул Хрущёв. И ушёл. И тогда все тоже ушли. Вот так не понравилось ему, как народ поддержал поступок Булганина...

Глава 21

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ХРУЩЕВА

21.1. СТРАННАЯ ОХОТА

Рассказ генерала Королева

ОХОТНИЧКИ

«В тот, 64-й год, какая-то нехорошая осень была в Крыму. Хмурая. Холодная. Из-за моросящих дождей солнца не было видно. Хотя был только конец сентября. Я, в то время полковник КГБ, отвечал за госдачи на территории Южного берега Крыма в пределах Ливадии, Мисхора, Кореиза и Мухалатки. Меня назначили сюда начальником 9-го отдела 9-го Управления КГБ. 9-й отдел в Крыму, как и 9-й отдел на Кавказе – это прием, размещение, охрана и организация отдыха главных лиц СССР и высоких гостей из других стран, которые приезжали по приглашению партии и правительства. Резиденция отдела находилась в Мисхоре. Кроме этого было у нас два охотничьих хозяйства в Крымском заповеднике: «Дубрава» и «Зеленый Гай». «Дубрава» – это большое здание и пара маленьких домиков для гостей, делегаций, охраны и obsługi. В «Зеленом Гае» на красивой поляне – несколько одноэтажных построек. По оформлению – самые настоящие гостиницы со всеми удобствами, нормально отделанные и довольно просто обставленные, никакого богатства типа мрамора. Ничего лишнего там не было. Самые обыкновенные, но очень удобные дачи. Главное же здание в «Дубраве» – двухэтажное. Кухня, просторная столовая, а наверху гостиничные номера.

В Крымском заповеднике было на что поохотиться: не только зайцы и лисы, но и кабаны, и олени, и птица разная. Заповедник принадлежал украинским властям. Потому всю работу по сохранению живности и растительности, по поддержанию санитарного порядка и ремонту дорог вела администрация заповедника.

Примерно 29 сентября 1964 года мне позвонил начальник охраны отдохавшего у нас Хрущева Леонид Трофимович Литовченко:

– Слушай, – говорит, – мы улетаем в Пицунду. Погода здесь испортилась. Ветер. Холодно. Всего 10 градусов. Остаток отпуска Никита Сергеевич решил провести в Пицунде. Но перед тем, как улететь, хотел бы поохотиться в заповеднике.

– Хорошо, – сказал я. – Сегодня же отправлю туда команду: врача, медсестру и охрану. И сам с ними поеду, чтобы все осмотреть, проверить и встретить вас, как полагается.

В это же время в Крыму отдыхал и первый секретарь ЦК Компартии Украины, он же член Политбюро ЦК КПСС – Шелест Петр Ефимович. Короче, Хрущев захотел напоследок поохотиться с Шелестом. И потом, сразу после охоты, отправиться на аэродром в Гвардейское... Нет! На симферопольский аэродром, что в 34 километрах от охоты. А уже оттуда лететь в Пицунду.

С местными чекистами мы спланировали пересечь вершину Ай-Петри по грунтовым дорогам, чтобы не возвращаться на главное шоссе, которое шло в объезд, и к тому же к нему нужно было спускаться вниз, то есть в Массандру. А уже из Массандры через Алушту ехать в Симферополь. Тут же, через перевал, горными дорогами было быстрее. К тому же Шелест предложил заехать поохотиться еще и в Белогорский заповедник. Там хороший фазаний питомник. Как договорились, так и сделали.

...Приехал Никита Сергеевич. Следом Шелест с охраной. Я их встретил, и они тут же отправились на охоту. Егеря, конечно, во избежание неприятностей, развел их в разные стороны. Чтобы кто кого не подстрелил в азарте. Я же с командой остался на месте, а повар и сестра-хозяйка дачи пошли готовить ужин. Первым делом поймали на уху рыбку. Ее в речках хватало. Позже, уже при Леониде Ильиче, там еще и пруды сделали для выращивания форели. Царская, скажу я вам, рыба! Однако сам Леонид Ильич рыбу не ловил. Предпочитал охоту.

...Прошло два, может, три часа времени. Вижу, Никита Сергеевич возвращается в «Дубраву»... ни с чем. Грустный такой. Я говорю: «Никита Сергеевич, что это вы сегодня без трофеев?» Он так махнул рукой: «Да, ладно. Я просто так поездил, посмотрел, немножко подышал свежим воздухом. Уже и это хорошо...» Ему тогда уже 70 было. Сказал так, а сам, вижу, вялый какой-то, какой-то задумчивый... Словно плохо ему от чего-то. Сказал и стал подниматься к себе наверх. На полпути остановился, обернулся и спрашивает: «А что, Шелеста еще не

было? Известий от него никаких?» — «Пока никаких, Никита Сергеевич», — ответил я и пошел распорядиться, чтобы накрывали на стол.

Через время, видимо, отдохнув, он спустился вниз и снова спрашивает: «Что? Шелеста все еще нет?» — «Нет, Никита Сергеевич, еще не возвращался, — опять ответил я и добавил. — Может вы покушаете чего? У нас ужин готов». — «Ну, хорошо, — говорит Хрущев, — давайте я перекушу. Потом погуляю. Сам».

Не помню уже: то ли он уху поел, то ли только чаю попил. К спиртному тоже вроде не прикоснулся. Вообще на моей памяти нет того, чтобы сказать, что он в те годы злоупотреблял этим. Может, когда помоложе был, всякое бывало, но при мне ничего дурного. А я все-таки много его наблюдал, в том числе и на приемах в Крыму. Когда он один был, кажется, вообще в рот не брал. Вот и в тот раз... просто перекусил, погулял чуток и опять спрашивает: «Где же этот Шелест застрял? Уже и ночь в глаза, а его нет...»

Я же подумал: «Надо же... такого еще не было, чтобы Первый секретарь кого-то ждал. Обычно все его ждали. А тут уехали и будто забыли про него, не говоря уже про то, что он их гость. Раньше один впереди другого бежали, чтобы побольше с Хрущевым побыть, а теперь что-то не спешат!»

...Карманных телефонов еще не было, да и оборудованных простой радиосвязью персональных машин что-то не помню. На охоту выезжали на обычных «козелках», то есть на вездеходах ГАЗ-69. Хорошая машина для охоты. Без верха. Вся открытая. Едешь — все вокруг видно. Увидел — тут же стрелять можно.

Меж тем уже совсем стемнело, а Шелест, видно, и не думал возвращаться. И тогда Хрущев снова спрашивает:

— Что же делать? Может, мне самому ехать к самолету? А он догонит...

«Это уже совсем ни в какие рамки не вписывается. Чтобы пригласить и не угостить, а тем более не проводить гостя, да еще какого гостя! Это просто из рук вон выходящий случай», — подумал я так и говорю:

— Как скажете, Никита Сергеевич...

И скомандовал, чтобы готовились сопровождать его кабриолет. Была у него машина такая, марки ЗИЛ, с открывающимся и закрывающимся верхом. Он только на ней в Крыму ездил. В Ялте, кажется, лишь один такой автомобиль был. Потом еще пару «Чаек»

кабриолетами сделали. Сопровождала его обычно «Чайка», но могла и простая «Волга». Я, например, сопровождать на «Волге» ездил. В этот же раз была резервная «Чайка», в которой была охрана. А впереди ехал местный спецоперативник из госбезопасности Ялты, майор Чердак Федор Иванович. Охраняющие же Хрущева Литовченко, Бунаев и Васильев находились с ним в кабриолете.

Короче, так и не дождавшись Шелеста, поехали и благополучно добрались до Белогорска. Там остановились в скромном одноэтажном охотничьем домике. Приехали туда и стали размещаться на ночлег. Вышел Никита Сергеевич. Я следом. Вышел Хрущев и в который уже раз:

– Ну, когда же этот Шелест приедет?

А ночь уже всюю. И темень непроглядная. Часа, наверное, два до полуночи. Что тут делать? И вот, чтобы хоть как-то сгладить неудобную ситуацию, я позвонил первому секретарю Крымского обкома партии Лутаку:

– Иван Кондратьич, мы тут с Никитой Сергеевичем недалеко находимся...

– Знаю, – отвечает Лутак, – Лукин, наш начальник управления КГБ, мне докладывал.

– Иван Кондратьич, вы не могли бы к Никите Сергеевичу приехать, а то он совсем один здесь... Шелест Петр Ефимович где-то уже очень долго задерживается. Неудобно как-то получается. Никита Сергеевич уже сам и туда, и сюда – места не находит. Посидел на веранде, подремал, проснулся и, не знаю, уже какой раз спрашивает: «Шелест не приехал?»

Лутак в ответ:

– Будет команда – я приеду.

Я: «Хорошо». И к Хрущеву: «Никита Сергеевич, пока Петра Ефимовича нету, может Лутака пригласить? Он в обкоме сейчас...»
– «Так позвони ему. Если можно, пусть приедет».

Я к аппарату ВЧ.

– Иван Кондратьич, давайте срочно к нам! Когда вас ждать?

– Да я сейчас в спортивном костюме и потом мне... доклад надо готовить к собранию, – начал как-то неуверенно объяснять Лутак невозможность своего быстрого приезда.

– Эх! Иван Кондратьич, приезжайте, в чем есть. Да поскорей! А то... как-то все нехорошо выходит.

– Ну... Я посмотрю... как получится...

Я к Хрущеву. Чувствую, ему уже очень не по себе. Хотя старается виду не показывать. Говорю: «Товарищ Лутак обещал через 40-50 минут быть». — «Ну, хорошо», — ответил Хрущев и ушел дожидаться в дом.

Прошел час. Лутака нет. Хрущев не знает, куда деть себя. Звоню в обком. В обкоме не отвечают. Ждем теперь уже двоих. Наконец, где-то часа через полтора подъезжает Лутак. А Шелеста все нет...

Лутак сразу за разговор, что и как выращивают в Крыму. Хрущев сразу повеселел, обрадовался... и не столько рассказу, сколько тому, что кончилось его необъяснимое одиночество. Так они долго разговаривали. И вот стал я замечать, как снова к Никите Сергеевичу возвращается не дающая покоя мысль: «Где же все-таки Шелест?» И опять я его успокоил:

— Должен уже вот-вот приехать...

Но приехал Шелест только около двух часов ночи. Страшно сказать, сколько ждал его Хрущев.

Шелест начал рассказывать: «Мы тут заплутали...» Может, так оно и было, хотя не верилось, чтобы с такими знатоками этих мест, какие были с Шелестом, такое могло случиться. Между тем Шелест взялся показывать свой трофей — убитого оленя. Но что-то такое проскользнуло в его рассказе, что я подумал: «А ведь ни одного этого оленя убил он. Часть трофеев куда-то еще отвез».

Сели за стол, так скажем, ужинать. И просидели до пяти утра. Выпивали, конечно. Да так, что... выходит от них Литовченко и говорит: «Ну, надо же... Никита Сергеевич... у него давление сегодня — страшнейшее и настроение... сами видели какое, а он уже три рюмки выпил. Давно такого не было. Что с ним?»

— Ну, ты чего, — говорю я, — для Никиты Сергеевича три рюмки... Что с ним будет? Стол хороший. Закуска, что надо! И к тому же он доволен — наконец-то все собрались!

А стол действительно был роскошный. Поскольку был это фазаний питомник, то стояла обязательная фазанья уха или, как зовут ее здешние охотники, юшка. И, конечно, великолепная отварная и жареная дичь была. Стол ломился от даров садов и огородов. Да что там говорить: сентябрь стоял в Крыму, и, значит, все там было. А еще для таких случаев в Ялте работала специальная база продовольствия и специлаборатория, чтоб, не дай Бог, чего не вышло.

...О чем и как шел там разговор, не знаю. Нас туда приглашали только тогда, когда им нужно было. Только специальные

официанты могли там находиться время от времени. Да начальник охраны Хрущева Литовченко мог зайти туда спросить или сказать что-то и выйти... В пять утра Хрущев вышел и сказал нам, что идет спать. Тут Литовченко и спросил:

— Никита Сергеевич, как нам быть? Вы ведь говорили, что в семь утра еще и на фазанов собираетесь...

— Да, — вспомнил Хрущев, — ну вот тогда и разбуди меня.

Так что в ту ночь не спали мы ни одной минуты. Опять осмотрели готовность машин, оружие проверили, распоряжения нужные сделали. Покушали. Потом чайку. Я разрешил выпить по рюмке, не больше. Для аппетита. И снятия усталости. У меня у самого не было и нет к этому делу особого пристрастия. Хотя и сейчас дома всегда наготове и водка, и вино, и коньяк, и виски стоят. Наверное, и поэтому так долго живу, и память не потерял. А ребята тогда малость приняли... кто водки, кто коньяка. Кому что нравилось... Кстати, курил я лет десять — с 18 до 28, а потом кремлевские врачи сказали, что сердце мое от этого быстро стареет. И я бросил. Еще у меня пульс редкий был до 50, а то и до 44 ударов в минуту. Помню, в Крыму секретарь ЦК Пономарев Борис Николаевич сказал: «Сергей Степанович, и у меня такой же пульс. Знаете, что это значит? Это значит — мы долгожители. Жить долго будем»... Он прожил, если не ошибаюсь, почти до 90 лет. И я свой 85-й день рождения надеюсь встретить в рабочем состоянии.

... Что же касается того, сколько выпил тогда Шелест, то... он не мог выпить больше, чем Первый секретарь ЦК КПСС. Потому что тогда существовал уже такой порядок. Это при Сталине можно было пить — кому сколько захочется. А вообще Петр Ефимович Шелест был очень сильный. Могучий был мужчина и мог выпить разом безо всякого две, а то и три бутылки водки. И хоть бы хны! Начальник его охраны Захар Петрович Глушко, — когда я спрашивал: «Ну, как себя чувствует Петр Ефимович?», — говорил мне: «Нормально, он выпивает горшок горячего кипяченного коровьего молока и может сразу начинать поновой. А главное — работать может и день, и ночь. Крепкий мужик!» Ну, да ладно. Вернемся к охоте...

... Без пятнадцати семь мы разбудили Хрущева и Шелеста и отправили их на фазанов. И опять Хрущев поехал в одном направлении, а Шелест — в другом. Надо сказать, поднялись они легко. Видать, толком еще не уснули. Не успели мы развернуться с завтраком, может, и часа не прошло, как Хрущев вернулся. И снова ни одного трофея, хотя фазанов там хватает. Я ему: «Никита

Сергеевич, что-то вы опять без трофеев?» И снова Хрущев как бы обреченно махнул рукой: «А...Обойдемся!» Пошел к себе, попросил чаю и, как до этого, не то спросил, не то отметил: «Шелест еще не вернулся?! – и, усмехнувшись, добавил. – Видимо, снова заблудился...»

Однако на этот раз Шелест возвратился довольно скоро, менее чем через час. Но все равно получилось, что Хрущев опять вынужден был его ждать: не уезжать же гостю, не попрощавшись с хозяином.

У Шелеста снова были богатые трофеи: 9 или 10 фазанов. Их разложили на утренней полянке перед домом и позвали Хрущева посмотреть на добычу. Среди фазанов были и самки. А их запрещено бить, что каждый настоящий охотник знает. Хрущев пришел, поглядел так и говорит:

– Эх, ты, охотник, зачем же ты самок побил?! А? И не стыдно тебе?

Шелест: «Никита Сергеевич, охота есть охота...» Хрущев, словно не услышав его, говорит: «Видно, бил, когда они разбегались по траве... Стрелять надо на лету, когда птица становится на крыло, тогда не перепутаешь. Эх, вы, охотнички... Пойдем завтракать, а то мне пора уже ехать. В 10.00 самолет должен взлететь, чтобы не задерживать пассажирские вылеты». Покушали, поблагодарили за стол и распрощались.

В Симферополе уже ждал самолет. У трапа стоял Николай Иванович Цыбин. Генерал, летавший с Хрущевым еще во время войны, когда Никита Сергеевич был членом Военного совета. Он всегда сопровождал Хрущева в самолете и мог даже сам сесть за штурвал. Цыбин доложил, что все в порядке, а Хрущев вдруг и говорит: «Ну и зачем мы летим в Пицунду, если, оказывается, и там такая же плохая погода, как здесь?» А перед этим я позвонил Степину, начальнику 9-го отдела на Кавказе, и говорю: «Леня, как там у тебя погода? Сколько градусов?» «Десять!» – отвечает Степин. Хрущев, помню, посмотрел на меня и спросил: «Ну что? Какая в Пицунде погода?» – «К сожалению, Никита Сергеевич, – говорю, – тоже 10 градусов».

«Ну, ладно, – говорит Хрущев. – Раз мы уже решили, будем лететь».

Распрощался, поднялся по трапу, последний раз махнул рукой и... улетел. Пожалуй, больше я его не видел. Но на том моя ответственность за Хрущева не кончилась.

Хрущев нас не любил

...Хрущев улетел. Больше на отдыхе в Крыму никого не было. Наступил «мертвый сезон». Надо было ремонтировать пляжи, которые постоянно разрушались штормами, строить жилье для obsługi и приводить в порядок наши детские сады. Да мало ли работы после курортной поры. И вот 15 октября, в семь утра, включая свой трофейный приемник «Симменс», чтобы, как обычно перед работой, узнать последние известия. Слышу: «Состоялся Пленум ЦК КПСС... Пленум принял решение освободить от обязанностей Первого секретаря... и Председателя Совета Министров СССР Хрущева Никиту Сергеевича... по его просьбе!» Как только прозвучало это сообщение, сразу мне в голову ударило: стали вспоминаться всякие события и случайные факты, которые в те дни, когда они наблюдались, я не мог свести воедино и дать им толковое объяснение. Конечно, первым делом перед глазами возникла картина последнего нашего прощания. Хрущев запомнился мне тогда очень плохим своим настроением, будто бы знал, что что-то будет, или о чем-то догадывался, а может быть, просто предчувствовал что-то нехорошее. Интуиция у него была — дай Бог каждому!

Сейчас уже не помню, при каких обстоятельствах... Скорее всего, это было в день отправки умершего в Крыму Пальмиро Тольятти. Случайно дверь оказалась приоткрытой, и я невольно услышал условный разговор Косыгина с Брежневым. Косыгин из Гурзуфа, из Артека, звонил Леониду Ильичу в Симферополь. Брежнев как раз должен был сопровождать мертвого Тольятти, его семью и членов Политбюро Итальянской компартии. Косыгин, объясняя обстановку, называл его как-то особо по-дружески Лёней. Говорил: «Лёня, ну вот мы сейчас выезжаем... Встретимся и уже окончательно переговорим по всем этим вопросам...» При этом имя Хрущева не произносилось, но говорилось все так, что можно было легко понять, что этот разговор относится именно к нему. Что-то явно общее и взаимопонятное было в их отношениях, и нечто очень серьезное звучало в их словах относительно противостоявшего им кого-то третьего. Тогда я не придавал этому значения. Мне было как-то ни к чему. Это я только потом понял, что имелось в виду.

Звонил Косыгин по ВЧ из моего кабинета в Артеке. Когда мы приехали в Симферополь, Леонид Ильич уже стоял под крылом

самолета и ждал машину с телом Тольятти. Машина с гробом Тольятти опоздала. Стояла 34-градусная жара, и РАФик специального назначения вышел из строя. Из Алушты он стал подниматься на перевал и двигатель загорелся...

Тольятти умер в Артеке. Когда его состояние начало резко ухудшаться, мне там оборудовали кабинет с ВЧ-связью. Каждый день проводились консилиумы, и все происходящее я должен был держать под контролем и докладывать в Москву. Его, кажется, с тяжелой формой инсульта привез лечащий врач из Италии. Все члены ЦК посетили его. Премьер-министр Италии Альдо Моро специально выделил военный самолет для членов ЦК. Прилетело их около 100 человек. Тольятти лежал восемь суток в коматозном состоянии, но спасти его мы не смогли. И вот в такой напряженной обстановке я услышал тот как бы условный «товарищеский разговор»...

...Сам Семичастный, как Председатель КГБ, никаких сигналов по поводу предстоявшего смещения Хрущева мне не подавал. Абсолютно. Я ничего не знал. Я узнал все по радио. Помню еще жене сказал: «Я пойду на работу, а ты давай тут посиди и «покрути» радиоприемник. Может, еще чего скажут». Конечно, я был ошарашенный. Пришел к себе в кабинет, снимаю «ВЧ» и прямо с утра звоню Сверчкову, заместителю начальника 9-го Управления, моему куратору. Был такой покойный уже генерал КГБ Сверчков Владимир Алексеевич... Именно его сменил я на этом посту после того, как он был отправлен начальником Управления КГБ... на периферию. Говорю: «Владимир Алексеевич, сегодня утром по радио услышал... Как мне быть?» А тут еще позвонил первый секретарь Ялтинского горкома партии Андрей Андреич Куценко, чтобы я к 9 часам прибыл в Ялту в Театр имени Чехова, там собирается актив. Сверчков отвечает: «Воспринимай так, как слышал. И поезжай на актив. Приедешь с актива, позвони».

Куценко ночью возвратился из Симферополя. Там актив прошел еще вечером. И с докладом о том, за что Хрущева освободили от должности, выступил как раз тот самый Иван Кондратьич Лутак, который, так сказать, «разделил» последнее (теперь уже объясненное) одиночество Хрущева в Крыму... Короче, в Ялте Куценко собрал свой актив. Я, как член Ялтинского горкома партии, оказался в президиуме. Наблюдая за залом, обнаружил, что многие с мест открыто выражают недовольство. С балкона даже кричали: «Что это за безобразие? До каких пор это будет продол-

жаться? Один ни с того, ни с сего умер (это про Сталина). Другой вдруг оказался не тот (это про Маленкова). Потом главные вожди превратились в «антипартийную группу» (это про Молотова, Кагановича и других). И вот новый сюрприз... Опять власть поменялась! Когда это кончится? За кого нас держат?» С трибуны такого не было. А из зала реплик хватало... Слушая происходящее, я вспоминал прошедшее и начинал думать, что, наверное, неслучайно Шелест на охоте так долго «плутал», да и Лутак, видимо, не просто так не торопился тогда ехать к «одинокому Хрущеву». Полагаю, и тот, и другой были предупреждены, что Хрущева снимут. Совершенно не исключено! И Хрущев, видимо, уже чувствовал какое-то отчуждение с их стороны. Вот, видимо, чем, скорее всего, объяснялось плохое его настроение на последней охоте.

Хрущев не мог не видеть, что к нему уже не спешат, как раньше. Потому что он терял власть...

Между тем ни до того, ни после лично я от Председателя КГБ Владимира Ефимовича Семичастного ничего по поводу Хрущева не слышал. Зато начальник нашего 9-го Управления Владимир Яковлевич Чекалов во время разговора в его кабинете как-то сказал мне, что вообще-то Хрущев был умным человеком! Я понял, что он сожалеет...

И вскоре... он, Чекалов, был заменен... Хотя, думаю, Чекаловато Семичастный поставил в известность, что ждет Никиту Сергеевича. Потому что не без ведома Чекалова уже была готова группа по разоружению охраны Хрущева. Делалось все очень быстро. Это я знаю от наших ветеранов, которые поставили меня во главе своего совета... Кстати, группу по разоружению личной охраны возглавлял бывший замначальника отдела этой охраны Иван Петрович Соломатин, которого еще по указанию самого Хрущева освободили от обязанностей заместителя начальника личной охраны и с повышением назначали начальником другого оперативного отдела, отдела, занимавшегося охраной трасс, правительственных городских квартир и т.д. Но непосредственного общения с Хрущевым он уже не имел. И для этого были причины...

После отставки Хрущев размещался в Горках-9. Однако, когда меня вернули в Москву в связи с назначением на должность начальника хозяйственного отдела, а вскоре и заместителя начальника «девятки», т.е. к осени 67-го года, возникла особо не

объяснявшаяся тогда необходимость переселить Хрущева в Петрово-Дальнее или Ближнее. Не помню уж. Так снова мои пути пересеклись с Никитой Сергеевичем, но на этот раз он должен был находиться под совсем другим моим наблюдением. Дело было так. Вызывает меня шеф «девятки» Антонов Сергей Николаевич: «Съезди, посмотри новое жилье для Хрущева. ЮВА (Юрий Владимирович Андропов, он Семичастного в мае 67-го заменил) интересуется, что там за дачу Хрущеву дали». ЮВА очень шепетильный был в этих делах... независимо ни от чего. А тут все-таки бывшее первое лицо. Ну, я поехал. Стал осматривать. Дача оказалась очень скромненькая. Одноэтажная. Три или четыре комнаты. Участок соток двадцать или побольше. Прогулочные дорожки. Обычный забор... При власти Хрущева дачу эту занимал управляющий делами Совмина... Степанов такой был. А когда Хрущева сняли, и Степанова убрали. Со временем и дача освободилась. И вот на нее-то и предполагалось переселить Хрущева. Разумеется, удобства были все. Все-таки управляющий Совмина жил. Но, конечно, не по нашей норме, не по норме для членов Политбюро, все было. Вернулся, докладываю: «В сравнении с нашими дачами, Сергей Николаевич, конечно, не тот уровень. Но все удобства есть. Чистенько». Ну и т.д. Помоему, даже кинозал был небольшой. Антонов выслушал и приказывает: «Что ж, бери ее под себя! И имей в виду – там Хрущев будет жить...»

Раз такое дело, назначил на эту дачу нового коменданта, Кондрашова. Потом в своей книге Хрущев его возненавидел. Тот без конца к нему обращался с какими-то вопросами, а наш Кондрашов ему отвечал одно и то же: «Я доложу своему руководству». У Хрущева все какие-то проблемы были. Хрущев вообще нас не любил. Не любил. И не доверял нам. До самой смерти. Там он, кажется, и жил, пока не умер. А я туда больше не ездил. Зачем старое ворошить?..

Хрущев и Сталин

Возвращаясь к той последней встрече с Хрущевым, что была на охоте, вспоминаю, что несмотря на плохое настроение был он тогда спокоен: не ругался, как обычно, ничем не возмущался, был на редкость уравновешен. А вообще... обычно он не церемонился. Скажем, во время своих выступлений он мог отложить кем-то

написанный ему текст и начать все по-своему. А как захватило его, так все — не остановишь. С одного на другое. И понес. Причем, все съезды и пленумы, на которых приходилось мне работать до отъезда в Крым, т.е. до марта 1962 года, он все время, о чем бы ни заговаривал, переходил на Сталина и ругал его, как только мог. Даже в грубой форме. Все время. Обзывал его. Язвил по поводу его внешности. Дескать, отрастил себе живот и напаялил мундир генералиссимуса, а мы... все богу на него молились. И в таком стиле, пока духу хватало. И все время ругал органы государственной безопасности. Говорил: «Это безобразники. Мы должны искоренить это дело. Мы должны послать на работу в органы новые кадры. Главным образом, надо с партийной работы туда посылать».

На одном пленуме, когда он выступил в таком плане, выскочил из боковой двери оттуда Семичастный к нам, в «Карьергардный зал»: «Ну что он привязался? Опять как понес нас... такие-сякие и прочее». Семичастный был встревоженный, а я как раз сидел там за столом и дежурил на телефонах для руководства. Семичастный выскочил позвонить: «Где тут у тебя «вертушка»?» Я показал и отошел. Он с кем-то переговорил и, не скрывая обиды, возвратился на пленум, где Хрущев продолжал отчитывать всех, кто попадет под горячую руку. Невыдержанный был человек.

Много раз я слушал и видел выступления Сталина и выступления Хрущева, что называется, в натуральную величину. И если сравнить их, то вот что следует сказать. На массового слушателя выступления Хрущева производили большее впечатление уже хотя бы потому, что он осмелился критиковать Сталина.

Привлекала и форма его выступлений, когда он совершенно отрывался и отключался от текста и начинал делать такие отступления, которые по своему значению перекрывали главную речь.

Что же касается людей государственного масштаба, людей думающих, да и простых людей, понимавших величие Сталина, понимавших неразрывность его слов и дел, на них выступления Сталина, конечно, производили сильнее впечатление. Хотя слушать его было тяжело. Он же тоже выступал подолгу. Причем, он все читал и почти не отходил от написанной им самим речи. Читал с большим акцентом и при этом волновался. И чем больше волновался, тем больше это отражалось на его акценте. Так вместо

обычного своего мягкого «мы» он начинал произносить явное «ми». Говорил тихо и не спеша, и довольно однообразно. Зал молчал абсолютно, как будто в нем людей нет. И только когда он заканчивал какие-то подводящие итог фразы, народ взрывался аплодисментами. Но как только он начинал говорить, снова наступала тишина. Это была просто гробовая тишина. Сталин великолепно знал пословицы, литературные образы и исторические факты и часто приводил их в своих выступлениях. Он завораживал связанностью своей речи, в которой одно вызывалось другим и на одном держалось другое. Никто не хотел прослушать и потерять нить разговора, каким был захвачен весь зал. И вместе с тем именно поэтому, именно из-за концентрированности речи, слушать его было тяжело. Однако и удовлетворение от сказанного давало такие новые и ни с чем несравнимые силы, что люди верили, что будет так, как он сказал, и, возвращаясь на свои рабочие места, сразу начинали делать то, что он сказал. Не случайно так быстро восстановили страну после войны. Большинство искренне верило Сталину. А у Хрущева слова часто расходились с делом. Чаще было не так, как обещал Хрущев. И ему переставали и в конце концов совсем перестали верить.

...Здесь я хочу снова вернуться в Крым, потому что на отдыхе чаще всего человек и проявляется, какой он на самом деле. С него спадает все величие, если, конечно, оно напускное. Как сейчас вижу Никиту Сергеевича на фоне моря. Тепло. Никита Сергеевич, как всегда, когда тепло, в одних трусах бродит по пляжу, ходит по берегу, прогуливается на глазах у всех по дорожкам по территории дачи, не обращая внимания — смотрят на него или нет... Особенно он любил ходить в одних трусах утром.

Трусы были широкие, длинные, почти как у футболистов когда-то. Они могли быть разные: светлые или черные. Эти его «семейные трусы» производили неизгладимое впечатление. Потому что тело у Никиты Сергеевича имело очень сложные, очень нестандартные формы. Я больше ни у кого не встречал таких очертаний.

Вместе с тем несмотря на очень неординарную фигуру костюмы на нем сидели прекрасно. Потому что был у него потрясающий закройщик, которому так удавалось преодолевать все сложности анатомии Никиты Сергеевича, что специалисты этого дела и иностранные гости не раз отмечали удачность подобранных для Хрущева одежд. Чтобы понять, насколько дело это было нелегкое,

нужно было видеть Хрущева в одних трусах. В глаза сразу бросалась большая шея и короткие руки при известном на весь мир животе. Ему не подходила ни одна стандартная рубашка. Для него специально шили даже рубашки. Шили из шелка. Во все времена года он любил костюмы из темно-серых и светлых тканей, а уж летом, как говорится, сам Бог велел носить ему белые и серые костюмы. Ну и, конечно, почти не расставался со шляпой, как Лужков с кепкой. Запоминающийся был человек».

...Что-то вспомнив, генерал Королев засмеялся. Однако, почему засмеялся, распространяться не стал. Не все же можно рассказывать. Тем более человеку, который, как он, кажется, от и до наполнен тайнами, а быть может, и вообще весь(!) состоит из тайн... Между тем, созерцая этого нерядового генерала, я не мог отвлечься и от личности Хрущева «в одних трусах»... Мне показалось, что я про это где-то уже слышал. Стоп! Да ведь Егоров, Павел Иванович Егоров, охранявший от Сталина до Шелепина, рассказывал мне, как, будучи охранником Мориса Тореза, тоже наблюдал нечто подобное, а именно... Утро. Побережье Черного моря. Дача генерального секретаря Компартии Франции Мориса Тореза, приехавшего с женой и сыном на отдых в СССР. Семья собирается завтракать. И вдруг в их апартаментах появляется Хрущев. В одних трусах. Нет. В семейных трусах и в шляпе. И, бесцеремонно выставив необъятный живот, начинает какой-то свой нескончаемый разговор. Французы не знают, что делать? По правилам их этикета нужно бы отвести глаза от почти голого старого тела, но по русским правилам — это может обидеть гостя!

Вспоминая эту картину, я неожиданно понимаю, что трудно даже представить Сталина в таком виде и в подобной ситуации.

P.S. В заключение имеет смысл вновь, но более обстоятельно изучить одно «*Личное дело*», благодаря которому можно хоть немного представить: откуда(?) брались и берутся такие «деятели», как Хрущёв. Итак:

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Комиссара запаса

Никиты Сергеевича Хрущёва

1894 года рождения

(Выдержки с комментариями автора)

«Аттестация за период с 21 июля 1930 г. по 1 сентября 1930 г.»

ЛИЧНЫЕ ДАННЫЕ: энергичен и решителен, инициативу проявлял недостаточно (То есть брать на себя ответственность за других или за какое-то дело не стремился, но в тоже время уже тогда, если что-то предпринимал, обращал на себя внимание энергичностью и решительностью. — НАД.), дисциплинирован (Это всегда ценилось, а Сталиным — тем более. — НАД.); походы вынес удовлетворительно.

СЛУЖЕБНЫЕ ДАННЫЕ: военная подготовка, стрелковое дело — усвоил удовлетворительно; оружие — удовлетворительно; стрельбы выполнил (Выходит: военными и воинскими данными не отличался. — НАД.); политзанятия «Наши западные соседи» усвоил удовлетворительно; политработа и политигры — удовлетворительно (Стало быть, к истории и политическим теориям интереса не проявлял. — НАД.).

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА: в обстановке разбирается вполне (Значит, было у него чутьё, позволявшее ему раньше большинства определять — откуда подует ветер. Недаром бывший председатель КГБ Владимир Семичастный говорил мне: «Хрущёв толком не учился, но от мамы получил столько, сколько иные не получают и после нескольких академий». — НАД.); язык имеет, нет системы в мышлении по оценке обстановки и принятию решений.

Командир роты — старшина политсостава Страшненко.

3 сентября 1930 г. С «Аттестацией» и выводами согласен.

Нач. под. див. Исаенко, 17 октября 1930 г.»

Итак, из главных данных «Личного дела» Н.С. Хрущёва прямо следует, что даже в зрелом, 36-летнем, возрасте большинство его качеств оценивались как удовлетворительные. Напрашивается вывод: прислушались бы тогда к мнению старшины Страшненко, особенно к заключительным его словам, как это сделал нач. под. див. Исаенко, может быть, и не было бы у нас разразившихся в годы правления Хрущёва и после: смуты, разброда, развала, бед и позора на весь мир... Впрочем, Хрущёв был закономерным продуктом складывавшейся системы, которая в том или ином обличье, но, скорее всего, пришла бы к тому, к чему пришла! Вместе с тем нельзя не признать, что очень наблюдательным и дальновидным оказался этот самый старшина Страшненко...

21.2. ПРЕДСМЕРТНОЕ ОТКРОВЕНИЕ ВЛАДИМИРА СЕМИЧАСТНОГО

Тени на Патриарших прудах

1 января 2001 года ему исполнилось 77 лет. А 12 января его не стало. Еще утром он, как всегда, гулял со своей любимой собакой. И вдруг слег. Случилось это ближе к ужину, когда его позвали за стол, а он, проведив очередного гостя (кажется, журналиста), сказал, что сейчас быстро закончит дела и сразу придет есть. Только ни через 5, ни через 15 минут не пришел. И когда вошли к нему в кабинет, то увидели его лежащим у большого письменного стола рядом с бронзовой скульптуркой мальчика, о которого, падая, видимо, от приступа боли, он разбил голову... Несколько дней и ночей боролись врачи за его жизнь, но все оказалось напрасно. Отвоевать его у инсульта не удалось. Это рассказал мне его внук...

Понимая, что все мы смертны, бывший Председатель КГБ В. Семичастный считал своим долгом перед историей рассказать то важное, что знает, и говорить только то, что думает. Мы подружились недавно, но так, что Владимир Ефимович неожиданно предложил мне писать книгу его воспоминаний. И теперь, после того, как его не стало, предлагаю одну из самых интересных глав.

«Тут чудятся тени забытых событий...» 13 октября 2000 года. Голос у него сильный, хорошо поставленный, речь правильная, слова разборчивые, без всякого старческого кряхтения и, если закрыть глаза, вряд ли скажешь, что этот голос принадлежит почтенному 76-летнему человеку. Правда, в 54 года был инфаркт, и такой, что, как он сам говорит, «у сердца задняя стенка отвалилась, но... выжил!» Видно, гены живучие. Вот и сестре уже 91 год, а она в «Текстильщики» ездит... за сахаром, так как в центре Москвы он по 21-му, а там по 15 рублей за килограмм. Но не только сегодняшнему сахару он знает цену. Кабинет, хозяином которого он является, и гостем которого позволил быть и мне, впору назвать маленьким музеем, что находится в доме некогда сильных мира сего. Этот дом (словно по какому-то магическому стечению об-

стоятельств) расположился у самых Патриарших прудов, так таинственно и захватывающе описанных Булгаковым на самых бесовских страницах романа «Мастер и Маргарита». Да и сам роман впервые получил право увидеть свет, если верить слухам, не без участия главных жильцов указанного или соседнего дома, когда эпохальный хозяин этого небольшого старомодного, но по-прежнему уютного кабинета, был еще у власти и еще у какой власти(!) — он был Председателем... Председателем КГБ, Комитета Государственной Безопасности.

От одного звучания этого веского слова («КаГэБэ») настораживался весь мир. Это при его активном участии удалось тихо и незаметно провести вызвавшую потом бурю по всей планете операцию по прекращению разрушительной, как тогда говорилось, «волюнтаристской деятельности» всевластного советского божка по имени Никита Хрущев. Хозяина кабинета, из которого вышли эти мемуарные и злободневные записи, эти сенсационные откровения Председателя КГБ, зовут Владимир Семичастный. В самой его фамилии слышится предупреждение: семь раз отмерь — один раз отрежь. Владимир Ефимович, судя по всему, и на самом деле именно такой человек. Мыслит трезво. Впрочем, не без подкупающей ностальгии по прошлому. Ему есть что вспомнить и что сказать нам, «сегодняшним господам жизни»... Не понаслышке он знает то, что происходило на стыке двух эпох, когда уходила эпоха Сталина, Молотова, Кагановича и наступала эпоха Хрущева, Брежнева, Андропова и... Горбачева. Он, как, может быть, никто знает тайны событий, которым сама жизнь, а не голоса сменяющихся, словно назойливые мухи, руководителей только начинает давать выверенные временем оценки.

А события, надо сказать, были такие, какие теперь принято считать знаменами времени. Присуждение Нобелевской премии Пастернаку и... отказ от нее. Возведение Хрущевым железобетонного занавеса Берлинской стены. Солженицын, вылупившийся из инкубаторского яйца «оттепели». Атомная угроза «Карибского кризиса». И... убийство Кеннеди в назидание всем(!!!) президентам мира. Взлет и нелепая смерть Королева. Триумф и необъяснимая гибель Гагарина. Начало правозащитной судьбы Сахарова и зарождение политкарьеры Горбачева. Правление начинавшего обвешиваться орденами Брежнева. Хрущевский расстрел голодного Новочеркаска. Первые пресле-

дования не так, как надо, мыслящих Бродского, Даниэля и Синявского... А ведь мало кто тогда понимал, что главный вопрос не в том: правильно ли их преследовали, а в том, почему все больше появляется тех, кого нужно будет преследовать??? Однако еще меньше было тех, кто знал такой ответ, какой я услышал только теперь от самого Семичастного. При нем был и побег в Индию дочери человека, чье тело ночью (как когда-то тело Пушкина – то-то пригодился «пушкинский опыт») вынесли под кремлевские стены. Бесславный конец жалкого предателя Пеньковского, имя которого оплакивалось на всех языках Запада. Разоблачение невиданных шпионов типа Пауэрса и звездный час бескорыстных гениев разведки Абея, Блейка и Молодого – это ли не история, которую делал и он – генерал-полковник Семичастный? Однако, всегда ли ему удавалось так семь раз отмерить, чтобы можно было один раз верно отрезать? Об этом думал я, когда сидел в ожидании хозяина в его, вошедшем в историю мира, кабинете.

А он, совсем не Понтий Пилат, а... как оказалось вопреки бесчисленным вымыслам, обыкновенный пенсионер, пришел с Патриарших прудов с прогулки, как ни в чем не бывало, с очень домашней, ласковой и пушистой собакой по кличке «Сэр». И сразу спросил: «Читали? Какие «сочинения» под названием «Омут памяти» печатает в «Аргументах и Фактах» советчик Горбачева Яковлев. Слушайте! «14 октября, когда Хрущев вернулся из Пицунды, на летном поле его встречали, кажется, Микоян, Семичастный и несколько сотрудников «девятки».

– А где же все остальные бляди? – спросил Хрущев.

– Никита Сергеевич, идет заседание Президиума. Вас там ждут.

Там действительно ждали, чтобы снять Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС».

«Сочинение» поистине в духе Яковлева. Во-первых, Хрущев при всей своей несдержанности никогда не позволял себе говорить об официальных лицах матом. Во-вторых, приехали я и Георгадзе. Без посторонних. Микоян же прилетел из Пицунды вместе с Хрущевым, где они вместе отдыхали. И в-третьих, я сказал, что все в Кремле, и ожидают Вас. Все это заставляет задуматься: чего можно ждать от Яковлева в изложении сложных событий, если он так искажает даже самые простые и общеизвестные факты? Меня это насторожило. Я тут же сел и написал главному редактору Старкову, попросив его быть

осмотрительней... хотя бы в тех случаях, когда еще есть люди, у которых можно уточнить, как и что было с их участием. Все-таки речь идет не о филькиной грамоте, а об истории одной из главных стран мира.

Так что... в этом «Омуте», скорее, больше беспамятства, нежели памяти. «Омут» он и есть омут — водоворот на реке, образуемый встречным течением. Однако идти против движения истории — то же, что препятствовать течению реки: ее течение в конце концов все равно все снесет. Вот какое получилось неожиданное саморазоблачительное признание. Недаром же говорят, что даже в тихом омуте черти водятся...

Кстати, Хрущев вернулся из Пицунды в Москву 13-го, а не 14-го октября, как пишет А.Н. Яковлев».

Справка из Советского Энциклопедического Словаря:

«Семичастный Владимир Ефимович (р. 1924), советский, государственный, партийный деятель. Член КПСС с 1944 года. В 1946 — 1950 гг. секретарь, Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины. В 1958 — 1959 гг. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1961 — 1967 гг. Председатель КГБ...»

Был ли заговор против Хрущева?

Тут я увидел подходящий момент и прервал его вопросом:

— Почему вам удалась операция по прекращению катастрофической деятельности Н.С. Хрущева, а КГБ времен Перестройки, пытавшемуся предотвратить разрушительное правление Горбачева, — нет?

— Вопрос правильный, — сделав паузу, сказал Семичастный и, подумав, продолжил. — Срыв намеченного в последние дни Перестройки произошел потому, что, даже объявив ГКЧП, куда вошло почти все руководство и, главное, все силовые министры, ГКЧПисты не только практически ничего не сделали из заявленного, а так, как было, все и оставили, а потом, не предприняв решительных мер, даже и усугубили то, что было.

И поэтому прав генерал армии Вареников, который пишет, что у ГКЧП не нашлось человека... И при этом называет меня, что вот, мол, тогда был человек, который мог командовать, а сейчас никто не взял на себя смелость скомандовать так, чтобы довести все до

конца при... в основном правильном заявлении, с которым ГКЧП обратился к народу.

Мы действительно действовали грамотнее, не половинчато, и главное: все делали по закону. Когда освобождали Хрущева, никакого такого комитета не было, и никто никуда не входил. Просто созвали пленум ЦК согласно Уставу и, что важно, при участии самого Хрущева всё и вместе решили. А с Горбачевым что-то непонятное вышло — до сих пор неясно: то ли он был в курсе предстоящего объявления ГКЧП, то ли нет; то ли соглашался на свое... временное, что ли... отстранение, якобы по состоянию здоровья, то ли не соглашался? Путаница какая-то. И все на словах. А у нас было официальное законное решение! И когда говорят: «Вы же устроили заговор, вы предварительно готовились и советовались...» Я отвечаю, что мы и перед тем, как собрать даже самое обычное собрание готовились и советовались, потому что так не только можно, но и нужно было действовать по Уставу КПСС... чтобы знать мнения и расстановку сил, прежде чем предлагать к обсуждению тот или иной вопрос. И по Хрущеву со мною советовались, и я советовался. И я сказал, что поддерживаю, потому что убедился, что Хрущев уже выработал себя и начал топтаться на месте. Хрущев, как я говорю, был уже перезревший плод. Он уже перезрел настолько, что мог, если бы сорвался, принести вред больший, чем тогда, когда его без всякого шума спокойно убрали с дороги, чтобы он дальше не путался и не мешался под ногами. Да! Очень большой вред он мог принести, что и произошло в конце концов после падения перезревшего, как и Хрущев, Горбачева, который своим падением развалил всю страну... А вообще, все, что мы сейчас имеем в стране, началось с Хрущева. Хотят это признать некоторые или не хотят — с Хрущева все началось!!! Все эти заигрывания и попустительства... Прежде всего, для кого, спрашивается, были эти попустительства? Да для тех, кто ненавидел страну и готов был ее растащить и распродать, что они и сделали, когда им окончательно развязали руки при Горбачеве. А еще говорят, дескать, так сложились обстоятельства, дескать, страна оказалась в состоянии Застоя: так надо было выводить ее из Застоя, а не толкать в пропасть!

Потом, как я уже говорил, Хрущева остановили вовремя, а вот с Горбачевым историю довели до абсурда. Мы вовремя заметили, что все эти предоставления Хрущевым особых условий деятелям

нетрадиционного, я бы сказал, антинародного мышления в ущерб развитию свобод большинства до хорошего не доведут. Чего стоило одно только выдвижение Солженицына на Ленинскую премию? И все это исходило от Хрущева, который руководствовался не интересами народа, а выгодами якобы обиженной вниманием на родине кучки интеллигентов, подзуживаемых и подкармливаемых Западом. Дошло до того, что даже газета «Правда» с подачи Хрущева опубликовала все это. И только через время, как бы оправдываясь, было напечатано, что сделано это как бы в порядке своеобразного предложения для обсуждения. А вначале ведь это выглядело как прямое указание, дескать, только так должно быть, потому что без ведома Хрущева ничего в прессе не выходило, даже про волос, упавший с чьей бы то ни было головы. Однако все это не означает, что мы должны были оставаться закрытыми. Мы обязательно должны были и занавес приоткрыть, и без лишнего контроля выезды за границу разрешить, если все это, конечно, не в ущерб стране, в конкуренции с которой был тогда весь империалистический мир во главе с Америкой, претендовавшей на роль мирового жандарма, чего ей сейчас во многом и удалось добиться за счет, прежде всего, легкомысленных односторонних уступок со стороны Горбачева... Но все-таки с Хрущева все началось! С Хрущева!!! В итоге, многое в обществе стало пониматься так, словно все дозволено, все можно... даже если можно за счет других, будто другие не люди!

Брежнева хотели арестовать

— Когда Вы подготавливали снятие Хрущева с должности, Вы как-то эту операцию называли, или она шла под каким-то там кодом? Как Вы к этому готовились, и как это было?

— Нет. Мы к этому не готовились. В аппарате КГБ вообще мало кто про это знал. Мы даже и не называли это операцией, а тем более никак ее не именовали.

Мы в КГБ на этот счет вообще нигде и никаких следов не хотели оставлять. Это делал Президиум ЦК. А мы были, как говорится, на подхвате. Мы были фактически теми, кто исполнял поручение политического руководства страны. Поэтому мы все это не облекали в форму какой-то законченной операции...

— И все-таки, раз не информировали Хрущева, что для него готовится, выходит, заговор был?

— Ну, заговор был... но в таком смысле, что и любое самое плохое собрание тогда тоже заговор, раз оно заранее готовится и учитывается, кто как себя на нем поведет.

— Когда Вы Хрущева встретили в аэропорту Внуково и сказали, что его ждут в Кремле, Вы ехали с ним вместе в машине?

— Я никогда с Хрущевым и вообще с первыми лицами государства в одной машине не ездил. И в тот день было так же. У меня всегда была своя машина.

— А Хрущев в тот день один сел в свою машину?

— Нет. Они вдвоем с Микояном сели в его машину. Машина Микояна осталась пустой. Микоян был тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР, т.е. вторым человеком в государстве... За машиной Хрущева пошла машина с охраной... человек пять там было. Дальше за ними поехал я, а за нами шла пустая машина Микояна... или нет? Наверное, в ней сидел Георгадзе — секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Таким образом, Хрущев и Микоян уехали вдвоем. Уже из машины я позвонил и сообщил, что еду... что едем в Кремль. И что они, возможно, будут обедать вместе с другими членами Президиума ЦК, если они еще не пообедали. Когда же охрана Хрущева начала заглядывать в мою машину (очень активно поворачивать голову), а у меня впереди оказался офицер из 9-го управления, потому что мне Брежнев посоветовал на эти дни взять себе охрану... Я взял офицера из 9-го управления. Ну они знали, что у меня никогда охраны не было, а тут вдруг их коллега из 9-го управления сидит впереди у меня. И они начали посматривать все время с таким интересом большим... Я сказал водителю, чтобы он затормозил на обочину, подождал, пропустил их всех вперед, чтобы не вызывать ни у кого никаких недоуменных вопросов. И вот после этого позвонил в Кремль и все рассказал; доложил, что еду, так что будьте готовы. И поехал следом...

— Что было дальше, когда они приехали в Кремль?

— Не знаю, обедали они или не обедали, но в конце концов известно, что не то в час, не то в 2 часа дня они пошли на заседание Президиума ЦК. И заседание это, как не покажется странным, открывал Хрущев. Но первым попросил слова Брежнев. И Брежнев начал свое выступление с критики и с анализа недостатков, допускаемых Хрущевым. А за ним уже — Подгорный, и пошли все члены Президиума выступать. А выступали они по часу, по полтора. И так продолжалось до

глубокой ночи. Когда же закончилось заседание, мне позвонил Брежнев и говорит: «Куда Он поедет?»

— Да куда угодно пусть едет, — сказал я. — Хочет на квартиру — на квартиру. Хочет на дачу — на дачу. Хочет в особняк. (А он жил еще в то время в особняке на Ленинских горах. Там и Он жил, и Микоян...)

— Ка-а-ак — та-а-ак?

— А очень просто, потому что я уже сменил везде всю охрану: и на даче, и на квартире, и в приемной, и водителей заменил... Все, понимаете, уже сделано так, чтобы никаких случайностей!..

— Но Он же это заметил? — перебиваю я Семичастного.

— Ну а как же... Он все понял с первого выступления Брежнева, что его пригласили сюда не для того, что ему объясняли... не для корректировки пятилетнего плана и не для изучения записок по сельскому хозяйству. Ничего подобного. Из выступлений Брежнева и Подгорного уже было ясно, что речь идет о том, чтобы освободить его от обязанностей. Он начал перебивать, огрызаясь, начал какие-то реплики бросать, но... Ему сказали, что... мы Вам дадим слово. А пока послушайте, что Вам скажут. Ну и вот так до ночи, а на другой день продолжилось заседание. Но на второй день начались уже ко мне звонки. Частые. От разных членов ЦК. Члены ЦК съезжались в Москву, потому что из аппарата ЦК, видно, было сказано, что членам ЦК необходимо подтянуться сюда для срочных дел.

— На пленум ЦК?

— Нет, тогда еще пленум не был объявлен. Просто необходимо быть здесь. В Москве. Ну и... начались звонки. Одни стали звонить, что вот там идет заседание, а мы не знаем, что там... Из руководства же никого, один я. Все члены Президиума и секретари ЦК на заседании. И я получился один на хозяйстве.

Секретари обкомов, члены ЦК — ко мне, поскольку знают, что все нити в какой-то мере ведут ко мне. Во всяком случае, я должен знать, что происходит?! Начали раздаваться такие предложения: «Вот... там Хрущев побеждает. Надо собрать группу и идти спасать других». Короче, все так, как было в дни борьбы Молотова и Хрущева, когда пошли спасать Хрущева, когда началось выступление против Хрущева.

Но были и другие звонки... такого порядка: «Что ты сидишь? Там Хрущева снимают! Там уже все... А ты сидишь и не принимаешь меры...»

— А что отвечали Вы?

– Я ничего не знаю, – отвечал я. – Там идет заседание Президиума ЦК. И моя задача обеспечивать, чтобы все было нормально вокруг. Влиять на то, что происходит на Президиуме в мои обязанности не входит. Я там не присутствую и не обязан знать, кого там снимают или кого там хотят заменить. Я отвечаю за государственные дела, а не за партийные вопросы, которые там решаются...

Однако в районе часа дня, под давлением таких звонков, я позвонил туда и попросил передать Брежневу записку, чтобы он связался со мной. И он мне позвонил. И я говорю, что вот такие, понимаете, звонки раздаются... Имейте в виду, если пойдет группа членов ЦК, я не смогу остановить их. К ним физическую силу я применять не могу. Одни пойдут спасать Вас, другие – Хрущева...

– Не на-а-адо!!!

– Я понимаю, что не надо. Но... они могут сами прийти... И Вы... что? Откажете им появиться в приемной? И я не смогу... В итоге – дополнительная буча и... свалка.

И... другая сторона требует, чтобы я активно вмешался и призвал Вас к порядку: почему Вы там так насаждаете на Хрущева?

– Все члены Президиума уже выступили, – говорит Брежнев, – остались кандидаты и секретари ЦК. Мы сейчас посоветуемся и дадим тем, кто не выступил, по 5 – 7 минут для того, чтобы они отметили свое отношение по обсуждаемому вопросу. Потом я тебе позвоню.

И через каких-то 30 – 40 минут позвонил: «Все! Договорились. Заканчиваем. В 6 часов Пленум ЦК». Я говорю: «Меня это устраивает...»

Чуть погодя, Семичастный пояснил мне: «Вторую ночь я вряд ли бы выстоял, так как все настойчивее стали раздаваться требования арестовать Брежнева и других организаторов выступления против Хрущева».

Брежневские времена или за что Семичастного отправили в 14-летнюю ссылку

– Давно известно, что революции совершаются одними людьми, а пользуются их плодами чаще всего другие, как бы обслуживая одного из тех, кто, стараясь обезопасить себя от

возможного соперничества с соратниками, начинает постепенно избавляться от такого окружения. И тогда: кого-то отправляют на заслуженный отдых по состоянию здоровья, кого-то бросают на укрепление особо важных районов страны или посылают для усиления дипломатической миссии в какое-то государство, кто-то умирает естественной смертью, а кому-то помогают умереть. В таких случаях знающие люди шепчутся: «Слышали? А такого-то все-таки убрали от себя подальше... Видать, слишком много знал...» У меня такое впечатление, что и с Вами произошло нечто подобное...

— К сожалению, Вы даже не представляете, насколько Вы правы. Вот говорят: революции пожирают своих детей, а я бы внес в это изречение свою поправку: революции отказываются от своих отцов! Так будет точнее.

— Так расскажите, если можно, что между Вами и Брежневым произошло. Как получилось, что Вы оказались в 14-летней ссылке?

— Понимаете, я, как никто, по роду своей деятельности, знал: вначале о том, что и как делалось для освобождения Хрущева от власти; и потом, как этой властью стал распоряжаться вновь испеченный генсек... и, конечно, через охрану, все нехорошие подробности его личной жизни. Можно сказать, таким образом в моей голове само собою (независимо от моего сознания) стало складываться, как сейчас любят говорить, «Досье на Брежнева». И Брежнев это сразу понял. Однако поначалу, казалось, ничего не предвещало беду. Хотя нет — подождите! Так называемое «телефонное право» стало формироваться почти сразу. Чтобы было понятнее, начну...»

— Начните, если можно, вот с какого вопроса: «Сильным ли было в годы Вашего председательства в КГБ давление на Вашу работу со стороны влиятельных людей, или Вам удавалось действовать достаточно самостоятельно?»

— Очень самостоятельно! Ведь я был на каком положении? Больше я докладывал и вносил предложения: как быть с тем или иным подозреваемым или с тем, за кем мы следим, как он ведет себя и что он делает. Но со временем стали учащаться и такие случаи, когда, например, мы кого-то арестовали, вели дело, и он сидел в тюрьме, а ко мне приходил следователь, который вел это дело, и говорил: «Владимир Ефимович... или товарищ Председатель...» — или не помню уже, как было... товарищ генерал... генералом же я стал только в 64-м (Видимо, за «операцию» с

Хрущевым. — НАД.)... а так они меня всегда звали «товарищ Председатель». Ну вот, следовательно мне и говорит: «Будет попытка через Галину Брежневу забросить ходатайство к Брежневу, чтобы вот относительно такого-то, такого-то смягчить дело или выпустить. Ну, конечно, не то, чтобы совсем выпустить, а как бывает в таких случаях, действовать в соответствии со словами «ты уж там повнимательней рассмотри и ты имей в виду, что этот человек, может быть, и не заслуживает того, что может быть...»

Я к Брежневу: «Леонид Ильич, имейте в виду, будут пытаться на Вас выйти...» Причем, сказал ему: «Через Галю!» А он: «Да-да! Вот хорошо, что ты меня предупредил». Проходит какое-то время, звонит мне Цуканов, первый помощник Брежнева: «Владимир Ефимович, вот у Вас там сидит ы-ы-ы... так Вы там...» Я говорю: «Георгий Эммануилович, Вам кто это поручил?»

— Да нет... никто не поручал, но вот тут письмо... и Леонид Ильич написал, попросил с Вами переговорить...»

У меня это вызвало такое возмущение и такой взрыв... Я снимаю трубку и говорю: «Леонид Ильич...»

— А Вы могли в любое время звонить ему напрямую?

— В любое! Единственное, что я предварительно звонил в приемную и спрашивал: кто находится у Леонида Ильича? Потому что мой разговор с ним по телефону мог иногда поставить его в неловкое положение, когда кто-то у него сидит, так как или слишком слышно будет, смотря как отрегулирован телефон, или ему будет неудобно отвечать на мои вопросы, или еще что-то... Поэтому я всегда узнавал. И если я видел, что не могу нормально с ним переговорить, я не звонил. Или просил наших ребят из приемной, чекистов из охраны, позвонить мне, когда от него уйдут. И они сразу меня ставили в известность...

И вот, значит, я его спросил... Он сразу: «А что?» Я говорю: «Да вот мне позвонил...» Он: «Как? А я что... разве?» Я: «Так вы же Цуканову поручили...»

— Так нет... Я же не тебе. Я ж Цуканову!

— Ну а Цуканов-то ведь мне звонит и говорит, что я вроде того, что... должен что-то исполнить и не принимать слишком жесткие меры... И это, когда следствие еще идет, Леонид Ильич! И я еще не знаю, чем оно закончится. Вы понимаете, это вещь такая, что... Ведь я еще не знаю, к чему следователи придут... Если это Вас интересует, я Вам сразу доложу и скажу: какие будут предложения

окончательно. Ну зачем Вам в это влазить? Надо, чтобы Вы были от этого подальше! А Вас в это дело втаскивает Галя. Вы понимаете, что может из этого получиться?

Он тогда согласился, и закончилось тогда все нормально, но, видно, это все-таки произвело на него какое-то неблагоприятное впечатление, и он это запомнил, и крепко задумался...

Впрочем, ему моя самостоятельность, видимо, и до этого уже не давала покоя. И у него уже был свой расчет. Еще и года не прошло после освобождения от власти Хрущева, как он (Брежнев) звонит мне (а он меня звал Володя) и говорит: «Володь, ты как думаешь? Может, тебе пора в нашу когорту переходить?»

Я говорю: «Леонид Ильич, а что Вы имеете в виду, когда говорите «в нашу когорту»?»

— Наверное, он боялся, что с Вашим опытом может повториться то, что было с Хрущевым?

— Да! Да! И поэтому он уже заранее звал, точнее, отзывал меня из КГБ или в секретари ЦК, или, быть может, в замы Предсовмина, или как-то даже в Политбюро ввести, как потом Андропова, чтобы я у него всегда, так сказать, на контроле был.

И вот, когда я сказал «Что Вы имеете в виду?», и он ответил «Пора!», я говорю ему: «Да нет, знаете, Леонид Ильич, еще очень рано... только Пленум прошел, надо, чтобы все, как говорится, утихомирилось, успокоилось, а со мной решить вопрос Вы всегда успеете... Да я еще и не готов. Куда мне на такие посты? Дайте мне еще время подучиться и показать себя. Зачем так сразу прыгать? Тем более, еще одно не успел, как следует, освоить, а тут сразу другое... Давайте не будем спешить?»

— А это его, видно, еще больше напугало?

— Ну да. Вы как исследователь судеб всемирно-известных людей не хуже меня это понимаете? Вы совершенно правы. Он, конечно, побаивался, что, если так легко справились с Хрущевым, то с ним еще проще будет! Говорят, «мавр сделал свое дело — и должен удалиться». Так и со мной получилось. Впрочем, это участь всех тайных советников у царей, императоров и вообще у руководящих лиц. Тайные советники очень много о них знают, и цари становятся как бы зависимыми от них. Поэтому от «советников» так хотят избавиться, и тем самым... развязать себе руки.

Вот почему Брежнев всех(!), в конечном счете, отодвинул от себя, как можно дальше: бывшего передо мною Председателя КГБ Шелепина задвинул в ВЦСПС, а меня... так и вообще,

можно сказать, сослал на 14 лет на Украину... в «почетном звании» зампредсовмина к Щербицкому. Всех(!) со счетов сбросил... вплоть до того, что и Месяцева из Комитета Радио и Телевидения отправил послом в Австралию. Короче, всех, кто работал со мною и с Шелепиным, убрал и разослал в разные стороны, чтобы ни при каких обстоятельствах не могли против него объединиться.

А все начиналось с того, что на Президиуме (так тогда называлось Политбюро) он заявил, что хочет приблизить КГБ к ЦК. На что я возразил: «А мы что? Действуем как-то отдельно от партии?» И все...

И тогда, чтобы все-таки избавиться от меня, был найден повод: побег дочери Сталина Светланы в Индию...

Слухи, что, преследуя из-за отца, ее довели до побега, — вымыслы! Никто ее при Брежнев не преследовал. А то, что она не могла себе позволять того, что позволяла при Сталине... ну, это, как говорится, само собой разумеется. А вообще, она сдурила... была дуреха, неуравновешенная женщина. И этим, судя по всему, очень похожа на мать...

Спуталась с этим индусом. А индус этот — какой-то тятарастьяпа и больной весь. Она жила в доме на Берсеневской набережной, в хорошей пятикомнатной квартире. И сын ее, Иосиф, потом рассказывал, что, когда она поселила к себе этого индуса, все его снадобья наводили такой дурман, что мимо его комнаты невозможно было пройти. У индуса было двое детей, а она сошлась с ним где-то там в издательстве, в «Политиздате», на почве переводов с английского. Он же был каким-то там родственником Сингха, министра иностранных дел Индии. И когда этот индус умер, она решила поехать... туда, чтобы по их обычаям развеять его прах над Гангом. И с этой целью она уговорила Косыгина, чтобы ей разрешили это сделать. И Косыгин дал согласие. После чего вышло решение (как бы даже не из Политбюро): разрешить и... КГБ обеспечить охрану. Спрашивается: кто такая Светлана, чтобы с ней посылать еще и охрану? Однако, выполняя указание, я дал мужчине и женщину. Ну, коли обязали, значит надо. А послом в Индии тогда был Бенедиктов, бывший министр сельского хозяйства при Сталине. И Сталин его любил. И он к Сталину относился с особым почтением. И вот Бенедиктов, даже не посоветовавшись ни с нашим индийским резидентом, ни с охранявшими чекистами, выдал

ей паспорт. Вы представляете? А еще раньше, когда в Москве послом Индии был Коуп, она подружилась с дочерью этого посла и через нее передала рукопись, которую потом в мире узнали под названием «20 писем к другу». И когда Светлана приехала в Индию, эти «письма» были уже там. И она, не без помощи соответствующих служб, пустила их в дело. И заработала на этом немалые деньги.

Мы никак не могли предотвратить передачу этой рукописи, поскольку не имели права досматривать летевшую с отцом дочь посла, обладавшего дипломатической неприкосновенностью.

Получив паспорт, Светлана на полтора месяца уехала в деревню, к дяде умершего. А в той деревне не было ни одной гостиницы. Короче, чекистам приставленным к ней, негде было даже остановиться, и я был вынужден отозвать их в Москву.

И вот, когда возник вопрос на Политбюро, я спросил: «А в чем дело?» Мжеванадзе и говорит: «А за Светлану должен кто-то отвечать?» Я ему: «Знаете, пусть отвечает тот, кто ее выпустил». И тогда Косыгин встал и все рассказал, как было. Это был самый порядочный и грамотный в Политбюро человек. Мужик неповторимый!

И хотя его слова не могли просто так игнорировать, Брежневым была дана команда на вопросы «За что освободили Семичастного?» отвечать: «За то, что по его недосмотру Светлана осталась за границей!»

На мое место поставили Андропова. Мало того, что он был, что называется, «из своих», из секретарей ЦК, но и еще в одном... в еще более важном отношении он был, так сказать, благонадежнее меня. Если я, как говорится, слишком много знал о Брежневе и из-за этого Брежнев предполагал какую-то зависимость от меня, то с Андроповым было... как раз наоборот: в распоряжении Брежнева находились две «тяжелые карельские тетради» Куприянова об излишнем усердии Андропова в так называемом расстрельном «ленинградском деле»...

Так завершалось время самостоятельности Председателя КГБ. Начиналось время Андропова.

Разговор с Хрущевым о пропавшем сыне

– А что Вы знаете о судьбе пропавшего летчика Л.Н. Хрущева – старшего сына Н.С. Хрущева? – задал я вопрос, время от времени повторяющийся в обществе уже 57 лет. Владимир Ефимович (как я понял) вопреки растиражированному мнению владеет им (по сравнению с другими темами) не очень. Во всяком случае, после его ответов вопросов, лично у меня, стало еще больше.

Впрочем, быть может, это я такой непонятливый и за каждым «но», за каждой общей фразой привык усматривать либо секретную дипломатию, либо какую-то государственную или личную тайну... тем более, когда перед тобой сам Председатель КГБ. Пусть бывший... Для КГБ! Для истории же он всегда настоящий!

Итак, на вопрос «А что Вы знаете о судьбе пропавшего летчика Л.Н. Хрущева – старшего сына Н.С. Хрущева?» в ответ я услышал сбивчивый рассказ, почти дословно сообщающий следующее.

– Я-я-я... Вы понимаете? Я думаю, что это все... э-э-э ...выдумка! Это все... он (Хрущев, – НАД.) мне о нем рассказывал как-то... специально о Леониде... еще, по-моему, когда я работал в Киеве. Он говорил, что хулиганистый парень был, и Нина Петровна (вторая жена Н.С. Хрущева и мачеха Леонида, – НАД.) с ним возилась... И он так и преподносил, что они погибли с сыном Микояна почти в одно время. Тот был летчик, и этот был летчик. И что, дескать, до войны (а там, в Киеве, был такой висячий мост через Днепр) он под мостом на руках перебирался по этим... э-э-э ...вантам (ванты – стальные тросы, на основании которых держится висячий мост) туда... (видимо, имеется в виду другой берег, – НАД.). Это вызывало... там... и прочее, но никогда... и уже, когда в КГБ я работал... Во-первых, никогда слух не доходил о том... ну, этот слух, который потом появился, что якобы он попал в плен, что он поручил партизанам его выкрасть, что его потом выкрали, а он пошел к Сталину, а Сталин не простил, сказал, что судите, и его расстреляли, и поэтому он Сталина ненавидел, и поэтому он выступил на XX съезде... Вот такая линия. Ничего подобного! Если б этот слух дошел до нас, я бы поручил разобраться: так ли было с Леонидом или нет...

– То есть в Ваше время этого слуха еще не было?

— И не было, и никто не заикался о том, что вот такое было с Леонидом. Считали, что он погиб в бою. И потом... вот.. где-то уже... понимаете... подождите... где-то я уже слышал... Какое-то было расследование... не то Николаев вот этот вел расследование, что по НТВ ведет, или кто-то еще (вероятно, имеется в виду телепрограмма Шкловского «Как это было», — НАД). И все же пришли к выводу, что он погиб в бою. И всё на этом...

— А вот генерал КГБ Докучаев в своей книге 1996 года «Москва—Кремль—Охрана» говорит, что в кругу приближенных лиц незадолго до XX съезда Н.С. Хрущев якобы сказал: «Ленин, в свое время, отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына...»

— Да Докучаев вот здесь рядом живет. Это бывший замначальника 9-го Управления. Да нет.. Во-первых, Докучаев во времена Хрущева не был замом начальника 9-го Управления. Потом был...

— Но Докучаев это, видимо, где-то мог слышать...

— Да ну! Ничего подобного. Это исключается.

— Тем не менее книга вышла...

— Ну... я не знаю.

— Еще есть генерал КГБ Удилов. Он тоже официально заявляет, что по его данным было даже заседание Политбюро по этому вопросу, и на нем выступали Щербаков, Берия, Молотов, Каганович и т. д. И вот еще что пишет Феликс Чуев. Знали Чуева?

— Да!

— Так вот Чуев в одной из своих книг говорит, что у него на магнитофонной пленке есть слова Молотова, подтверждающие расстрел за измену Родине.

— Не знаю, где это может быть? Чуев вот такой том о Молотове выпустил. В нем все, что Молотов ему говорил! И нигде и...и...и не заикнулся Молотов... (Это не так. См. журнал «Мужество», № 4 — 1990 г., стр. 121. — НАД.)

— А скажите тогда, где и как можно все это проверить? Может быть, в архивах Германии могут быть на этот счет какие-то данные о военнопленных?

— Черт его знает... Я не думаю, что у них, хоть немцы люди и пунктуальные и, понимаете, очень дотошные, что-то может на этот счет сохраниться. Тем более, если подтверждается слух, что партизаны его выкрали, то он, может, у них нигде и не проходил...

— Короче, Вы в этом вопросе не информированы?

– Не информирован. И я убежден, что этого не было.

– Да? А что же идут разговоры, что Н.С. Хрущев уничтожал документы в связи с этим (в том числе, видимо, и в ГДР)...

– Такие разговоры идут. Почему? Да потому, что он все время Серова за собой... Серов у него был Председателем КГБ на Украине. Потом он его сюда взял заместителем Берии и выше, а потом, когда уже я стал Председателем КГБ и стал предъявлять Серову претензии и записку послал в связи с предательством Пеньковского, работавшего у Серова в ГРУ... так его все равно из партии не исключили и разжаловали из генералов всего лишь до генерал-майора. Все это дало повод думать, что Хрущев, видно, не зря его таскал за собой. А потом уже Серов Председателем КГБ стал... До Шелепина. Хрущев его с собой всюду брал. Он за границу с ним всюду ездил. Ни Шелепин, ни я с Хрущевым никогда никуда не ездили. По стране я никогда не сопровождал Хрущева. И Шелепин не сопровождал. А Серов всюду как начальник 9-го Управления или как начальник личной охраны был с Хрущевым. И это тогда дало повод думать, что, видимо, он не случайно таскает Серова за собой, потому что Серов помогал ему... Понимаете? А тут еще Хрущев выступил с разоблачением культа Сталина, где приводит многие решения на «расстрельных письмах» с росписями Молотова, Кагановича, Микояна, других, а его росписи нет, как будто бы он не участвовал. Это тоже все наводило на мысль о том, что кто-то... и, скорее всего, именно с ведома Серова... сделал так, чтобы росписи Хрущева испарились.

– А что? Можно сделать так, чтобы каких-то подписей не стало...

– Ну конечно! Подписи можно вывести... вытравить!

– И экспертиза ничего не покажет?

– Да черт его знает... Делается это очень искусно. Я думаю, если при мне это делали искусно, то теперь – тем более.

– А что делали?

– Да многое. Например, в паспортах Гали Брежневой и Игоря Кио не осталось и следа, что дочь Брежнева, вопреки желанию отца, вышла замуж за фокусника... Это в паспорте было зарегистрировано, а потом паспорт оказался без этой регистрации. Все чисто и аккуратно, как будто так и было. Так что при Серове и с росписями Хрущева такое же могло быть. А некоторые документы могли быть и вовсе уничтожены. Но это все догадки. Это – не факты!

А вообще-то, я Вам скажу: Хрущев – это самобытная личность! И это я говорил всегда. Ведь он же ничего не кончал и не учился никогда. Он – самородок. Но в сравнении со многими, кто имел высшее образование и академии заканчивал, Хрущев по ряду вопросов «от земли», от мамы получил больше, чем они от академий...

– Скажите, а Вы не можете дать хотя бы какие-то наводки, где еще можно найти данные по сыну Хрущева Леониду. Ведь, как я обратил внимание, работая с архивами, именно в Ваше правление, где-то в самом начале 60-х, кем-то было дано указание вновь вернуться к проверке, дополнению и новому оформлению «Личного дела» пропавшего сына Хрущева. И, что бросается в глаза, как только Хрущева сняли, точнее, через 40 дней после его снятия, т. е. 23 ноября 1964 года, всю эту работу, словно по чьему-то предписанию, полностью прекратили и... «дело» закрыли.

– Вы знаете, я даже уходя в 1967-м из КГБ не знал, что сын Леонид у него был... что он... понимаете... так... Я считал, что он погиб в начале войны. И все на этом кончилось.

– То есть тогда Вы не слышали об этой истории совершенно?

– Со-вер-шен-но!

– То есть, значит, она появилась уже после Вас?

– После меня! А так даже слухов никаких не было. У меня был такой аппарат, что пояись они где-то, обязательно кто-то пришел бы и сказал: «Вот ходят такие разговоры...» В крайнем случае, кто-то бы анонимку прислал. И это бы заставило сразу все выяснить. Например, возник тогда вопрос с Куйбышевым. Я сразу поднял архивы и все установил... Кто такой Куйбышев? Какое он письмо Берии писал? Он был на грани ареста и уже был... сами понимаете... (Речь идет о брате В.В. Куйбышева – о Н.В. Куйбышеве, 1893-1938 гг. – НАД.) Ну и еще, скажем, вопрос по Андропову, по поводу его «работы» в Карелии, когда «ленинградское дело» началось и «ленинградцев» в Карелии всех арестовали, и Куприянов, бывший первый секретарь Карельского обкома партии (которому 10 лет дали, и он их отсидел), дал показания и письма по поводу того, что обращался и к Хрущеву, и к Брежневу, и в КПК, что это дело рук Андропова!!! Куприянов написал две тетради – целое «досье на Андропова», которое потом попало в распоряжение Брежнева (Не из рук ли Семичастного? – НАД.). Мне же это сразу стало известно. И я сразу поручил все выяснить, а на этот счет... ну.. как

будто и не было у Хрущева больше сына кроме одного... (Вот как раз здесь, лично у меня, и появляются безответные вопросы, если иметь в виду, что в самом начале 60-х кто-то активно занимался пересмотром «личного дела» пропавшего сына Хрущева: была написана и собрана целая кипа новых объяснений и разных бумаг, а в КГБ об этом ни слухом, ни духом не знали вплоть до «неожиданного» приостановления всей этой активной деятельности... через 40 дней после снятия Хрущева. Странная какая-то история! — НАД.).

Секреты Солженицына

— Раз уж мы заговорили о временах Хрущева, не могли бы Вы рассказать о Солженицыне такое, что до сих пор либо совсем не было известно миру, либо доходило до нас в виде самых невероятных слухов и по-прежнему вызывает среди интеллигенции массу непримиримых споров? Солженицын ведь начинал, можно сказать, под Вашим наблюдением.

— Солженицын был крупнейший внутренний диссидент.

— Он что, правда, готов был ради утверждения своего «я» на все?

— Видите ли что? Он ненавидел органы КГБ. Он ненавидел Советскую власть за то, что она отняла у него его прошлое, отняла богатства, несправедливо нажитые его родственниками. Он был озлоблен до мозга костей, до бессознательного состояния был озлоблен. Озлобление у него было страшное. Не помню уж точно в каком году, мы захватили у кого-то, — у кого он хранил, — чемоданчик с его рукописями. Это были еще не книги. Это были главные его рукописи против власти. И тогда мне сказали: «Вы пригласите его!» «Нет, — ответил я, — пусть его приглашает Руденко».

— То есть тогдашний Генеральный прокурор СССР, который, если помните, был обвинителем на Нюрнбергском процессе. И я переслал ему все эти материалы. Особое внимание привлекала поэма Солженицына... в стихах... «Пир победителей». Представляете? Солженицын был известен только как публицист и прозаик, а тут вдруг сразу целая поэма. И ладно бы — как у Гоголя «Мертвые души» в прозе... Так нет тебе — еще и в стихах. Это обратило внимание. Начали наводить справки, и оказалось, что тут не обошлось без Твардовского и Симонова. Во всяком случае, насколько мне известно, и Твардовский ее читал и руку прикладывал, и Симонов — тоже. Ну... в общем помогали. Сам Солженицын, как вы понимаете

те, не такой пиит, чтобы сразу поэму выдать. И тогда, разослав эту поэму всем членам Политбюро, я в ЦК внес предложение: собрать писателей Москвы и зачитать им «Пир победителей» от и до, чтобы каждый, без всяких там спецслужб, убедился, что это за поэма, что это за антинародное, прямо-таки пропитанное ненавистью к нашему народу, произведение, и, разумеется, что за человек сам Солженицын!

А содержание поэмы такое. Вступив в Восточную Пруссию, одна из наших частей остановилась в каком-то дворце и начала праздновать пир победителей. А чтобы отпраздновать победу, сняли с драгоценного трюмо зеркало и превратили его в стол. И пошел пир. И вот, значит, Солженицын с помощью Твардовского и Симонова начинает показывать, какие они все советские командиры, полковники и т.д. — тупые, невежественные, невоспитанные, без хороших манер... и вообще, черт знает кто! Одним словом, недоделанные какие-то! Сразу возникает вопрос: «А как же тогда они могли победить тех же самых немцев, которых не одолели ни такие умные и воспитанные французы(?), ни такие благородные и храбрые англичане(?). Ну и так далее, все лучшие нации по порядку... Но, оказывается, среди этих наших недоумков все-таки был один-единственный человек. И, сами понимаете, кто это. В прототипе этого человека без проблем узнается сам Солженицын, согласно поэме, командир мотоциклетного подразделения.

Особенно были смешаны с грязью особы — СМЕРШевцы. (СМЕРШ — смерть немецким шпионам). Между тем в этом дворце обнаруживается гувернантка. Родом с Украины. Не помню уж, как она попала в Австрию... учиться что ли, а потом в этот самый прусский дворец в Кенигсберге гувернанткой. И вот этот самый благородный рыцарь на мотоцикле берется спасти ее от советского быдла, берется перевезти ее через линию фронта, где ее ждет возлюбленный. И, разумеется, тоже очень благородный кавалер из тех, кто стал «власовцем», то есть предателем, перешедшим на службу к немецким оккупантам, которые мечтали уничтожить и уничтожали наш народ, а не только, как утверждают некоторые, советских командиров и комиссаров.

Ознакомившись с этой, так сказать, дурно-пахнущей поэмой, я предложил всем писателям Москвы прочитать этот «Пир победителей». Сразу бы всем самим, а не с чужих слов, стало ясно: какой он в действительности этот Солженицын. Однако организовывать такое чтение не захотели, а кажется, Симонов сказал: «Нет! Мы

этого делать не будем, потому что это прошло через руки КГБ – это добыли чекисты. Возникнет вопрос: как они это сделали? И если мы так поступим, получится, что Союз писателей вроде бы занимается тем же, что и ЧК». В итоге вместо открытой информации среди столичной интеллигенции стали распространяться слухи, дескать, КГБ ни за что устраивает гонения против борца за свободу слова и права человека, каким выдавал себя тогда, но каким тогда не был Александр Исаевич. Это он теперь, после того, как пожил западной жизнью, все или почти все переосмыслил и теперь выступает «левее» любого зюгановского коммуниста. Как его не прикармливали на Западе, а все-таки наблюдения за тамошней жизнью изнутри, видимо, заставили его пересмотреть многие свои прежние позиции и настолько, что порою, можно сказать, Солженицын заговорил языком Сталина. Ум и совесть у него все-таки взяли верх над слепой злобой. И это сразу почувляли наши враги. И быстренько прикрыли ему свободу для его слова на центральном телевидении, да и вообще почти во всех наиболее влиятельных средствах массовой информации. А почему? Да потому, что Солженицын тогда, и Солженицын сегодня – разные люди!

Вы проследите, как меняется отношение к Солженицыну после возвращения в Россию. От пышных встреч и многочисленных приемов, от подробного освещения его обратного пути на Родину из вынужденной эмиграции через всю страну, до полного многолетнего забвения. И только с приходом Путина о нем опять осторожно заговорили...

21.3. СТАЛИН МОЖЕТ ВЕРНУТЬСЯ В МАВЗОЛЕЙ

Кривда и правда

Прошло время идеологического противостояния двух мировых систем, когда в ход шли все средства внутренней и внешней дезинформации. Наступает время истины – открываются архивы СССР с грифом «Совершенно секретно». И по мере того, как становится очевидной не сочиненная в интересах политиков, а документально выверенная историками и демографами картина репрессий тех лет, начинает складываться действительный, а не инспирированный образ И.В. Сталина.

Это находит выражение: в открытии памятников, в требованиях вернуть городу на Волге имя Верховного Главнокомандующего, в замене на мемориале у Кремлевской стены слов «Город-Герой Волгоград» на «Город-Герой Сталинград», в создании произведений искусства, исследований и воспоминаний, опровергающих прежние обобщающие выводы.

Все это происходит не по указанию или заказу, а потому что все чаще совесть не позволяет поддакивать по сиюминутным соображениям в пользу сенсационных заявлений продажных политиков.

Сбываются слова Сталина: «Молва много мусора нанесет на мою могилу. Но... ветер Истории его развеет».

Расчеты демографов, основанные на секретных материалах переписей населения, свидетельствуют: если бы используемые для дезинформации цифры репрессий соответствовали действительности, то к началу Великой Отечественной войны в стране осталось бы 70-80 млн. человек. И тогда бы СССР физически не смог противостоять нашествию Гитлера, на которого работала вся покоренная им Европа.

По недавно опубликованным данным Центра демографии Российской Академии Наук «со времен окончания Гражданской войны вплоть до смерти Сталина, то есть за 33 года, общее число репрессированных в СССР составило 3,8-4 млн. человек». Для сравнения — только за 8,5 лет правления Ельцина из-за бесчеловечных реформ вымерло более 3,5 миллионов. В дни его похорон по телевидению официально объявили: с 1991-го по 2000-й год население России сократилось со 148,5 до 145 миллионов. Кто не верит этим цифрам, может пересчитать их сам. Простая арифметика!

Вместе с тем архивы свидетельствуют — в то переломное время (1917-1953 гг.), как и во все без исключения исторические эпохи, пострадали по сфабрикованным делам и невинные: в одних случаях — из-за сомнительного политического усердия сослуживцев по работе, в других — из-за карьеристов и оборотней в чекистской форме, в третьих — из-за идеологических диверсий западных мастеров дезинформации.

Но большинство получило по заслугам. Это и сегодня подтверждают антинародные действия потомков репрессированных.

Не все гладко в разоблачении граждан, которые и сейчас паразитируют на здоровье нации, паразитируют буквально на крови

законопослушных предпринимателей и военных, художников и ученых, врачей и инженеров, рабочих и крестьян...

Тем не менее первый и главный шаг по контролю за теми, кто привык устраивать свое благополучие за счет остальных, — сделан! Все больше наручников — на нечистоплотных руках разных Ходорковских и Лебедевых! Значит — вновь начинает торжествовать Закон, один Закон для всех! Этому больше других отдал сил Сталин. Как результат — массаами овладевает идея: вернуть его в Мавзолей!!!

Насколько это возможно технически, я узнал от одного из крупнейших специалистов по бальзамированию. В связи с тем, что разговор носил конфиденциальный характер и не предназначался для печати, я, имея право передать его, не имею право назвать имя ученого.

Передаю разговор.

Вход в святая святых

— Я — ученик академика Сергея Сергеевича Дебова. Патологоанатом. Здание, в котором сейчас находится лаборатория бальзамирования, построено по решению правительства в 1974 году. Так что вскрытие и бальзамирование тела Сталина происходило не здесь, а на Садово-Кудринской, дом 3.

В годы Перестройки Дебов описал в «Медицинской газете» атмосферу бальзамирования вождя. Это своеобразное введение в тайну наших работ. Примерно до 1994 года «совершенно секретным» у нас было почти все! Никаких следов о наших делах ни в каких архивах вы не найдете. Если нужно было что-то записать — должны были писать только в специальных блокнотах. Эти блокноты хранились в I отделе. Потом уничтожались. Даже по разрешению члена Политбюро в те годы вы бы сюда не попали. Были только строго определенные люди, которые единственные имели право давать разрешения на вход. Я был свидетелем случая, когда даже член ЦК не смог сюда попасть. Он очень хотел, но его не пустили.

То, что мы делаем, по-прежнему никто в мире делать не умеет! По-прежнему — это тайна, имеющая для науки о человеке, о его жизни и смерти, вечное значение. Понимание открытий, которыми мы владеем и которые совершенствуем на опыте сохранения тела Ленина и других избранных смертных, может

быть с невиданным успехом использовано для продления жизни живых.

Нами созданы поразительные по своим возможностям технологии и оборудование, которые, на первый взгляд, могут удивить своей простотой и даже примитивностью. Однако недаром говорится: все гениальное просто...

В наших руках есть ключи от таких тайн, которые люди пытались открыть еще до нашей эры, начиная с попыток сохранить в египетских гробницах мумии фараонов. Скрывать не буду: мы неохотно открываем свои двери посторонним. И не только потому, что многие научные тайны знаем только мы. Скорее потому, что вокруг наших работ недобросовестные средства массовой информации стремятся создать раздражающий общество ажиотаж, чтобы сделать на этом деньги. На первое место ставятся не интересы науки, а чаще всего дико выдуманные «жареные факты» с недобросовестным моральным и политическим подтекстом.

Желая быть правильно понятыми, мы одно время стремились к максимально возможной открытости. Но страшно обожглись. Как-то дали согласие на репортаж из наших лабораторий для телепрограммы о растительной жизни. В итоге был снят фильм, после которого мы попали в такое идиотское положение, что пришлось на государственном уровне объясняться с Вьетнамом и Северной Кореей, для которых выполняем политически значимые заказы, требующие уважения самостоятельности этих стран. Автор передачи показал все настолько натуралистически оскорбительно, что чьи-то святости превратились из образов поклонения в предмет для нездорового разглядывания праздно-любопытными обывателями. Попробовал бы он снять и показать по телевидению что-то подобное, скажем, о мощах православных святых... Похоже, в погоне за сенсацией он просто не думал, что делал! Теперь даже за то, что встречаюсь с вами, у меня, скорее всего, будут неприятности.

Возникает вопрос: зачем сочинять то, чего в помине не было, а потом разжигать нездоровые страсти и подводить под них нездоровую политическую подоплеку, как это было в разгар дискуссий о клонировании овечки Долли? Однажды, когда я был в кабинете нашего директора, академика Быкова, ему позвонили из «Московского комсомольца». Я стал свидетелем их разговора. Потом вышла вот такая маленькая заметка, из которой мы узнали, что мы собираемся клонировать... Ленина!

Если бы я не был свидетелем разговора, я удивился бы, как мог такой серьезный человек сделать такое несерьезное заявление?! Помню, он меня вызвал и говорит: «Прочти! Ты же слышал, о чем я говорил?! А здесь что написано?»

После этого решили: держаться от журналистов подальше! Если такое позволяет себе одна из крупнейших центральных газет, чего ждать от остальных?!

Особенно дикими выглядят подобные выходки в нашей стране, потому что родиной технологии бальзамирования является Россия. Эта технология оправдала себя во всех случаях, когда другие государства обращались за помощью к нашему правительству. Наши ученые смогли осуществить сохранение тела Хо Ши Мина. А это было не просто в условиях тропического климата. Или невероятные сложности в Анголе, когда понадобилось бальзамирование человека с черным цветом кожи. А бальзамирование Ким Ир Сена – представителя желтой расы... Да мало ли было нетрадиционных случаев, потребовавших революционных открытий в медицине.

В Мавзолей опять очереди

Тут я задал первый сложный вопрос: «Вам правительство сейчас хоть как-то помогает или приходится денежные проблемы решать самостоятельно?»

– Самостоятельно. Заключаем с границей научные контракты и... сами себя содержим. Формально входим в ВИЛАР (Все-российский институт лекарственных ароматических растений), но из тех денег, которые он получает от государства, нам не перепадает ничего. Средства от контрактов идут на новые исследования и, конечно, на содержание Мавзолея В.И. Ленина.

Я представляю уже третье поколение, которое работает в Мавзолее. Когда возникает вопрос: «Не грозит ли продолжению процесса бальзамирования необеспеченность необходимыми медицинскими и прочими материалами?» – отвечаю: «Нет! Этого мы не допустим». Если до нас два поколения ученых посвятили этому делу всю жизнь, разве можем мы угробить то уникальное научное наследство, которое мы от них получили?! Для воспитания смены материальные возможности теперь, конечно, очень ограничены. Но молодые способные и самоотверженные люди, хотя и редко, к нам приходят и с энтузиазмом продолжают дело.

Это — своеобразный подвиг, если учесть, что со своими данными в частных клиниках они могли бы иметь денег в 10-20 раз больше. Можете представить, какие у них зарплаты, если даже ведущие специалисты получают у нас порядка 6 тысяч рублей. И это при том, что надо не только очень много работать, но и выполнять невероятно сложные операции. Работа и дежурство в Мавзолее ведутся по графику непрерывно!!! И несмотря на то, что, например, я, как доктор наук, имею право на 56 дней отпуска, я его толком не использую, потому что приходится постоянно прерывать его на дни дежурств в Мавзолее. Отказаться от дежурств на время отпуска — подобно предательству. Я этого сделать не могу. Так же думают и поступают почти все мавзолейные работники, хотя никто делать так нас не заставляет.

— Какие-то угрозы со стороны противников существования Мавзолея вы ощущаете?

— Нет. Да таких угроз, по-серьезному, и не было.

— На эту тему у меня был разговор со Сливской, с первым заместителем председателя Госдумы. Она сказала: «Путин, по-моему, ясно дал понять, что мы трогать Ленина не будем. Пусть пройдет время и, может быть, другие поколения решат этот вопрос по-другому. А пока живет поколение, которому Ленин дорог, мы трогать его не будем».

— Это так. Отношение кремлевских служб к нам хорошее. Работать нам не мешают. Никакого давления не чувствуется. Когда комендатура в Мавзолее может чем-то помочь, она помогает абсолютно доброжелательно. Старается проявлять здравый смысл во всем. Сложившиеся обстоятельства обязывают сотрудников комендатуры при Мавзолее следить за всем, что происходит в Кремле и на прилегающих к нему территориях, и не допускать нарушения, как вновь установленных порядков, так и установившихся традиций. Это вполне вписывается в требования ЮНЕСКО по отношению к историческим памятникам мирового значения. И они стараются выполнять эти требования. Тем более, что в Мавзолее опять много стало приходиться народу. Очень много! Бывают очереди, как в советское время.

В Кремле, на мой взгляд, с пониманием относятся к тому, что Ленин по-прежнему остается святыней для огромных масс страны и мира, и сделать то, что безответственно, подстрекательски, провокационно призывают разные Михалковы, — значит надругаться над выбором и верой народов и вызвать их

справедливый гнев. Чего, конечно, Кремль (и прежде всего Президент) допустить не может. Он же не может быть, как Михалковы, которые, когда им было выгодно, на весь мир славили Ленина и Сталина, а когда выгоднее стало ругать — стали проклинать...

Здесь я позволил себе рассказать ученому историю, случившуюся у меня с Жириновским. Как-то мы обсуждали, что значит похоронить Ленина по-христиански. Я спросил Жириновского: «По-христиански — это значит, как Христа?» Он говорит: «Да!» «Что ж, — говорю я, — давайте посмотрим, как похоронен Христос по Евангелиям Нового Завета». А там, оказалось, написано, что Христос похоронен так, как потом будет похоронен в Мавзолее Ленин... И вот после этого в своей книге «Всемирный обман» Жириновский написал: «Когда Добрюха мне это показал, я понял, что Сталин, как старый семинарист, решил похоронить Ленина, как Христа. Так что Ленин похоронен по-христиански. Его, как Христа, правда, в более торжественной форме, положили в каменном склепе на специальный постамент...» И вот теперь Жириновский выступает против тех, кто (подобно М. Захарову, Н. Михалкову, А. Собчаку) заявляет — дескать, Ленин похоронен не по-христиански. «Напротив, — говорит Жириновский, — Ленин похоронен, как Христос, а поскольку он не был верующим, то и хоронить его по-христиански было нельзя!»

Непредсказуемое подземелье

Сказав это, вспоминаю о нарастающих в народе настроениях воздать Сталину должное и решаюсь задать, может быть, самый сложный вопрос: «Если бы вам поступило предложение восстановить тело Сталина, чтобы вернуть его в Мавзолей, насколько бы это было возможно? Перенесло ли бальзамирование, которому подверглось тело, те годы, какие ему пришлось пролежать под землей после спешного волевого, безо всякого референдума, выноса Сталина из Мавзолея 31 октября 1961 года?»

— На этот вопрос однозначно ответить нельзя, потому что мы не знаем, в каком состоянии находится тело. Вы спрашиваете: как долго оно могло продержаться? Не знаю, хотя бы по той причине, что до сих пор неизвестно: похоронено ли оно было, как обычно, в земле или же замуровано в бетоне. В могилу с гробом Сталина, по некоторым воспоминаниям, вывалили машину цементного раствора. В связи с этим мы не знаем, какие конкретные природ-

ные условия окружали тело все эти годы? Какая температура и каковы были ее колебания? Была ли там вода или еще что-то? Особенно могли сказаться изменения, которые произошли в пластах земли на территории Кремля и Красной площади после того, как разрыли Манеж и построили там непредсказуемое подземелье. Вместе с тем не надо забывать, что, в принципе, все разлагается. И вполне возможно, что даже забальзамированное по новейшим технологиям тело тоже истлело. Но это только предположения.

А разрывать могилу, чтобы проверить останки на предмет того, чем был отравлен Сталин – никто не разрешит. Потому что сейчас никого не интересует: отравили его или не отравили.

То, что к этому проявляют интерес телевидение и пресса, – это еще не все! На мой взгляд, выступления средств массовой информации и государственные решения настолько оторваны друг от друга, что, скажем, мы на примере нашей работы чего-то явно заметного не наблюдаем. По своему опыту знаю, что такие вопросы решаются только на уровне Президента. А он руководствуется прежде всего государственными интересами, а не чьими-то сенсационными заявлениями, которые чаще всего имеют целью привлечь к себе всеобщее внимание, чтобы сделать на этом имя и деньги.

Власть есть власть. Она обязана быть ответственной. Это пытались соблюдать даже при Ельцине.

– Вы правы, – соглашаюсь я, – правители, чьи личные интересы шли явно вразрез с интересами государства, долго не правили, хотя бывают, конечно, исключения, когда государство толком еще не оформилось и, стало быть, не имеет еще своей классической формы... Однако, продолжая тему, ответьте и на такой вопрос: «Влияет ли на возможности бальзамирования то, что человек был отравлен? И чем был отравлен? Или в вашу работу не входит определять: от чего человек умер, потому что это не сказывается на порядке и возможностях бальзамирования?»

– Нет, это входит в круг наших работ, потому что техника бальзамирования в достаточной степени обусловлена биологической чистотой тела. Если яды были, то, естественно, и работать необходимо по-другому. Ведь яды оставляют свою среду, требующую иных подходов и материалов, чтобы сохранить плоть...

Так что, кто занимается бальзамированием, относительно отравления Сталина тоже имеют возможность сказать свое слово... Понимаете, в чем дело?!

Вся надежда на Путина

Заканчивая разговор, я задумался: почему все-таки в народе возникла идея вернуть Сталина в Мавзолей именно сейчас?! Перед глазами была Россия, которую стремится унижить НАТО во главе с США, поддерживая фашиствующий режим Эстонии, демонстрирующий перед Праздником Победы, как надо вытирать ноги о Россию, — распилен на части памятник нашему бронзовому солдату-освободителю. И, главное, демонстративно отрезаны ноги, чтобы не ходил больше, куда не следует. На постаменте остались только обрезанные по щиколотки сапоги...

А тех, кто протестовал против поругания святынь Великой Победы, умывали кровью и дубинками ставили на колени. Это показывали телеканалы всего мира — в форме урока России, точнее, урока тому, что от нее осталось после развала СССР. И сам по себе складывался ответ на вопрос: почему в массах нарастает желание, чтобы Сталин вернулся в Мавзолей. Россия уже не может терпеть обид!

От этих мыслей приходит на память последняя встреча с Председателем КГБ Владимиром Семичастным, который сказал мне: «Здесь я не могу не вспомнить Сталина. Все эти общественные процессы он умел предвидеть, как никто. Вот вы спрашиваете: почему в народе опять начинают говорить о нем с уважением? Говорят, что при Сталине был порядок! О каком порядке, казалось бы, может идти речь, если было так много незаконных политических расправ? Вы спрашиваете, и я вот что отвечу: парадоксально, но при Сталине (несмотря на поддержание порядка по законам военного времени, несмотря на преобладание революционных норм над юридическими в политической сфере) в повседневной жизни закон соблюдался, как никогда, и, может быть, как нигде в мире. А простым людям прежде всего это и нужно, поскольку от жизни низов до существования верхов — как от Земли до Солнца. Поэтому все, кто незаслуженно обогатился, при Сталине дрожали и знали, что кара никого не минует! И в первую очередь не минует тех политиков, которые будут пытаться оправдывать, защищать и обосновывать такое обогащение. И еще знали, что ни в какой стране не спрячешься от этой карающей руки. А сейчас что происходит? Разве можно представить, чтобы Сталин так долго

наблюдал, как издеваются над немощными участниками Великой Отечественной войны, да и вообще над русскоязычным населением в Прибалтике? Сталин бы однозначно не позволил не то что так по-хамски и неуважительно вести себя по отношению к России, но даже бы и пикнуть, даже и рта открыть не дал бы. Поэтому в народе и говорят: было бы это при Сталине (даже не при Советской власти, а при Сталине, именно Сталина вспоминают), так Сталин бы сходу всех на свои места поставил!

Что же касается Путина, то это, надеюсь, не Горбачев, продолживший самые плохие стороны Хрущева...»

В заключение следует заметить, что даже Молотов, как мало кто знавший Сталина, сказал: «Сталин, видимо, настолько велик, что мы вблизи и разглядеть-то пока его не можем!»

Глава 22

«АРЕНА СКЛОК»

Разгадка недавних событий в Грузии

Так Сталин назвал Грузию в 1923 г., когда находившиеся у власти местные националисты принялись учить Россию и всех своих соседей, как надо жить! Сталин с присущей ему иронией относительно зарвавшихся деятелей сказал: «Я думаю, что у некоторых товарищей, работающих на некотором куске советской территории, называемом Грузией, там, в верхнем этаже, по-видимому, не всё в порядке».

Нынешние антироссийские выступления правящей грузинской верхушки заставляют вспомнить «дикие декреты» враждебности привилегированных слоёв Грузии (в 20-е годы прошлого века) ко всем окружающим народам, в том числе и к своему собственному. Стравливала и стравливает народы заносчивая продажная госэлита. А страдают обыкновенные грузинские граждане...

Всё откуда-то берёт начало. У сегодняшних антироссийских выступлений тоже есть начало. Оно исследовано ещё в 30-е годы по материалам политической борьбы в Грузии до и после Октябрьской революции. Это исследование, проведённое под руководством позднее репрессированных Берией историков Бедии и Сефа, находится теперь под контролем Президента «самоопределившейся» Грузии в структурах бывшего местного Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ). Так что, при желании конечно, современные «тифлисские национал-уклонисты» могут убедиться в подлинности тех (публикуемых ниже) откровений, которые оставили потомкам, как мало кто знавшие Грузию, их соотечественники-интернационалисты.

До СССР уже был СНГ

Всё началось с того, что летом 1921 г. Сталин (тогда ещё «двойной» нарком по делам национальностей и рабоче-крестьянской инспекции), находясь на лечении в Нальчике, принимает решение участвовать в работе пленума Кавказского бюро ЦК РКП(б). Для этого в конце июня он выезжает в Грузию. В итоге, так сказать, «путешествия из Нальчика в Тифлис» Сталин видит такое, что узнать родную Грузию не может.

(Тогда, кстати, тоже был своеобразный СНГ. СССР ещё не было. Грузия, Армения и Азербайджан были настолько самостоятельны и отделены друг от друга, что каждая из этих республик имела собственные денежные знаки, контрольно-пропускные пограничные пункты и таможни. В те годы Советская власть не обязательно принадлежала коммунистам. Большинство мест в Советах могло в разное время, в зависимости от положения дел в республиках, принадлежать, как тайным так и явным представителям буржуазных партий, например: дашнакам — в Армении, мусаватистам — в Азербайджане или меньшевикам — в Грузии.)

Под неизгладимым впечатлением от увиденного и услышанного во время «путешествия из Нальчика» Сталин 6 июля выступил на общем собрании тифлисской парторганизации с такой обличительной речью, что при чтении её стенограммы сегодня создаётся впечатление, будто попал в Грузию наших дней, т. е. в 2007 г. Судите сами!

Сталин: «Я помню годы 1905-1917, когда среди... трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность... Теперь, по приезде в Тифлис, я был поражён отсутствием былой солидарности... развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим инонациональным товарищам: антиармянского, антитатарского, антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма теперь хоть отбавляй...

Очевидно, три года существования националистических правительств в Грузии (меньшевики), в Азербайджане (мусаватисты), в Армении (дашнаки) не прошли даром. Эти националистические правительства, ... работая среди трудящихся в духе агрессивного национализма, доработались, наконец, до того, что каждая из этих маленьких стран оказалась окружённой кольцом враждебной националистической атмосферы, лишившим Грузию и Армению русского хлеба и азербайджанской нефти, а Азербайджан и Россию — товаров, идущих через Батум.

Я уже не говорю о вооружённых столкновениях (грузино-армянская война) и резне (армяно-татарская), как естественных результатах националистической политики. Неудивительно, что в этой ядовитой националистической обстановке старые интернациональные узы порвались, а сознание... оказалось отравленным ядом национализма.

<...> Национализм является величайшей помехой делу объединения хозяйственных (и военных) усилий закавказских...

республик. Ну а... без такого объединения немыслимо хозяйственное преуспеяние... особенно... Грузии.

<...> Это не значит, конечно, что не должно быть больше независимой Грузии или независимого Азербайджана... Именно для того, чтобы рассеять атмосферу взаимного недоверия и восстановить узы братства между рабочими национальностей Закавказья и России — именно для этого необходимо сохранить независимость как Грузии, так и Азербайджана и Армении. Это не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость взаимной хозяйственной и иной поддержки, так же как и необходимость объединения хозяйственных усилий независимых республик на началах добровольного соглашения...

<...> Итак, ликвидировать националистические пережитки, вытравить их калёным железом и создать здоровую атмосферу взаимного доверия среди трудящихся национальностей Закавказья для того, чтобы облегчить и ускорить дело объединения хозяйственных усилий... (без чего немыслимо хозяйственное возрождение Грузии) при сохранении независимости Грузии».

Голая свобода

Уместно сказать, когда и как Грузия стала свободной. Право на собственную государственность Грузии, Армении и Азербайджану дали русские революции. И три нации 11 ноября 1917 г. учредили общее правительство. А 26 мая 1918 г. зарвавшаяся элита Грузии, подстрекаемая настроенной против России Германией, высокомерно объявила о своей полной независимости от всех соседей. За три года население основательно испытало на себе, чего в действительности стоят обещания «самого независимого правительства». Поэтому не взбунтовалось, когда в феврале 1921 г. на место министров этого правительства пришли наркомы, как тогда говорили, «под водительством тов. Орджоникидзе». Впрочем, и наркомы оказались не лучше, пока до них не добралась рука Сталина.

Архивы сохранили результаты обследования Грузии после 2 лет наркомовского правления. В потрясении Орджоникидзе 25 января 1923 г. написал: «...самые крупные землевладения до сих пор остались нетронутыми, и там продолжают сидеть б. князья-дворяне... помещики живут в своих старых поместьях — дедовских имениях. Крестьяне же по-прежнему находятся в

полной экономической зависимости от своего старого доброго барина-князя... Старые царские генералы, бывшие князья Абхази, Тумановы, графы Кученбахи сидят в своих поместьях и крестьянам даже не разрешают проводить дороги через «свои» имения.

...сиятельнейшие князья Абхази, Мухранские, Андрониковы, Чолокаевы живут припеваючи в своих барских домах и издеваются над крестьянами и советской властью. (Иначе говоря, полное крепостничество через 62 года после его отмены. — НАД.)

<...> К нашему позору, — делает вынужденное признание Орджоникидзе, — почти у каждого из этих господ на руках соответствующие грамоты от какого-либо советского чиновника из Наркомзема, охраняющие их неприкосновенность и покой...»

Лучшего свидетельства о продажности, как министров-капиталистов, так и наркомов в Грузии не придумаешь! Однако, что в новой Грузии поразило именно Сталина? Сенсационный по сегодняшним дням ответ на этот вопрос дают выдержки из документов, собранных в 30-е годы грузинскими историками Бедией и Сефом.

«Границы Грузии объявляются закрытыми»

Любого, не только Сталина, могли привести в бешенство, например, следующие грузинские декреты, подписанные председателем ЦИК т. Махарадзе и зампредсовнаркома т. Окуджавой.

1. «31 марта 1922 г. От сего числа границы республики Грузии объявляются закрытыми, и дальнейший пропуск беженцев на территорию ССР Грузии прекращён...»

2. «§ 1. Лица, получающие разрешения на право въезда в пределы Грузии своих родственников, платят за выдаваемые им разрешения 50000 руб. (Это грузинскими бонами: 1 млн. равняется 10 руб. золотом.)

<...> § 5. Лица, после 13 августа 1917 г. прибывшие в пределы Грузии и желающие получить право на постоянное жительство в Грузии, в случае удовлетворения их просьбы, платят за выдаваемые им разрешения 1 млн. рублей...»

Явно запомнился Сталину и такой декрет. «Гражданство Грузии теряет грузинская гражданка в том случае, если она выйдет замуж за иностранца».

Грузинская игра в декреты дошла до того, что даже грузин И.В. Джугашвили, «сделавшийся к тому времени генсеком и сосредоточивший в своих руках необъятную власть» попал в положение человека, чьё грузинское гражданство юридически оказалось под вопросом.

Кто-то спросит: «Почему тогда рвались в Грузию так, как теперь рвутся в Россию?» Да потому, что географическое местонахождение Грузии при тогдашнем развитии хозяйственных и транспортных связей ставило Грузию в привилегированное экономическое положение, и можно было жить только за счёт экономических ультиматумов. Как говорится, хорошо устроились, оказавшись в нужном месте в нужное время!

Сталин на эту грузинскую уловку отреагировал следующими выводами: «...узы федерации Закавказья лишают Грузию той доли привилегированного положения, которое она могла бы занять по своему географическому положению. Судите сами. Грузия имеет свой порт — Батум, откуда притекают товары с Запада, Грузия имеет такой железнодорожный узел, как Тифлис, которого не минуют армяне, не минует Азербайджан, получающий свои товары из Батума. Если бы Грузия была отдельной республикой... она могла бы некоторый маленький ультиматум поставить и Армении, которая без Тифлиса не может обойтись, и Азербайджану, который без Батума не может обойтись... Это не случайность, что всем известный дикий декрет о пограничных кордонах был выработан именно в Грузии, ...а не в Азербайджане или в Армении.

<...>Выгоды в географическом отношении, которые грузинские уклонисты терять не хотят, и невыгодное положение грузин в самом Тифлисе, где грузин меньше, чем армян, и заставляет наших уклонистов бороться против федерации (читайте: СНГ и России! — НАД.). ...надо выделиться из федерации, и тогда будут юридические возможности, чтобы самостоятельно произвести некоторые такие операции, которые приведут к тому, что выгодное положение грузин будет использовано полностью против Азербайджана и Армении. И в результате всего этого создано бы привилегированное положение грузин внутри Закавказья. В этом вся опасность», — заключает Сталин.

Конечно, многие видят опасность в другом, а именно в великорусском шовинизме, т.е. в самой агрессивной форме национализма. Сталин тоже не отрицает такой опасности. Однако в сложившейся обстановке увлекшимся борьбой только с русским национализмом

он, знающий Кавказ лучше многих, предлагает не проглядеть и обратную сторону этой борьбы, которая в какой-то момент обязательно обернётся такой кровавой драмой, что великорусский шовинизм сразу отойдёт на второй план. «Новые грузины» сегодня, конечно, считают себя хитрее, умнее и культурнее всех. И до их сознания вряд ли дойдёт голос со стороны. Поэтому, чтобы услышали, опять обратимся к голосу их всемирно, — а не то, что они, — известного земляка Иосифа Джугашвили, который ещё 23 апреля 1923 года предупреждал: «Конечно, ...антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма великорусского... Если бы этот национализм был только оборонительный, можно было бы ещё не поднимать из-за него шума. <...> Но беда в том, что в некоторых республиках этот оборонительный национализм превращается в наступательный.

Возьмём Грузию. Там имеется более 30% негрузинского населения. Среди них: армяне, абхазцы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузин... родилась и развивается идея — не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развиты, а посему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм, — шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую республику в арену склоки. Впрочем, он уже превратил её в арену склоки».

Это не из сегодняшних газет

Как в воду глядел тов. Сталин! Теперь снова так, как было тогда. А тогда, — как писали в 30-е годы грузинские историки, — «национал-уклонисты, требуя выхода из федерации, хотели создать и развить привилегии для грузин за счёт Азербайджана и Армении, и, тем более, за счёт нацменьшинств — абхазцев, аджарцев, осетин, армян и др. Грузинские уклонисты боролись против предоставления автономии национальным меньшинствам Грузии. <...> всеми мерами оттягивали предоставление автономии Южной Осетии, Аджаристану и Абхазии. <...> один из руководителей грузинского уклонизма — Б. Мдивани голосовал против решения о включении гор. Цхинвали в автономную Юго-Осетинскую область. <...> грузинские пуришкевичи организовали кровавый поход против национальных меньшинств Грузии — осетин, абхазцев, аджарцев».

Заметьте! Это слова не из сегодняшних газет. Это написано 3/4 века назад и даже раньше, «когда в припадке шовинистического бешенства люди жгли и резали друг друга». Тогдашние историки, поправляя Сталина, подчёркивали: «Грузинский национал-уклонизм вырос не столько из тенденции борьбы против русского великодержавного национализма, сколько из тенденции грузинского агрессивного национализма, направленного против негрузинских национальностей Закавказья, и прежде всего против армян.

<...> самые подлые изменники и предатели грузинского народа... оторвали Грузию от... России, вступили в союз вначале с германским, затем с англо-французским империализмом и превратили Закавказье в плацдарм иностранной интервенции...

<...> Подонки... во главе с Н. Жордания, окончательно продавшись империалистам и интервентам, ...превратились в заурядных шпионов и лазутчиков генеральных штабов и контрразведок империалистических государств...

<...> Грузинская уклонистская оппозиция встретила полное сочувствие и поддержку со стороны... национал-шовинистической интеллигенции.

<...> Они намеревались оторвать Закавказье и в частности Грузию от Советского Союза и создать с помощью всех антисоветских сил «независимое» грузинское государство под протекторатом одной из капиталистических держав».

«Но они совершили грубую ошибку, — с сожалением, передавая слова Берию, рассказывал его сын Серго, объясняя почему грузинское восстание против союза с Россией в августе 1924 г. потерпело крах, — они совершили ошибку, рассчитывая на материальную помощь со стороны французов и англичан. По мнению отца, Запад их обманул намеренно (в дальнейшем они так же поступят и с прибалтами)...

Однако, как всё повторяется! И это стоило бы иметь в виду тем лидерам сегодняшней Грузии, которые в 2007 г. ещё не совсем потеряли голову, осознавая, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Это лишь отдельные факты, дающие представление, как вела себя верхушка Грузии в первые годы после Революции. Но и от этих фактов складывается впечатление, что стремление много иметь, мало делая, в крови у проникших во власть националистически настроенных грузинских лидеров. Причём, даже за счёт

издевательского угнетения большинства собственного населения, вынужденного не жить, а выживать. После того, как Сталин своими глазами увидел, что происходит у него на родине, он в конце концов сумел сделать так, чтобы в Грузии возродилось уважение к другим нациям и прошли иждивенческие настроения жить за счёт других народов. Конечно, при Хрущёве и в последующие времена всё вернулось на круги своя, но Сталин не был бы Сталиным, если бы всё осталось, как было в 20-е годы.

Как аукается закрытие «мингрельского дела»

3 июля 1953 г. на пленуме, посвященном аресту Берии, Н. Булганин предупреждал: «Говоря о национальном вопросе, нельзя пройти мимо грузинского вопроса. <...> прохвост Берия взял на себя в отношении Грузии монопольное право единоличного решения всех грузинских вопросов. <...> он запутал это дело так, что предстоит серьезно разобраться, что сейчас делается в Грузии».

Прошло 55 лет, но о «мингрельском деле» нельзя не вспомнить! (Мингрелия – западная часть Грузии.) Потому что закрытие «мингрельского дела» весной 1953 г. аукается и сегодня! Для ясности немного истории. Суть «дела» в том, что «если грузины с трудом мирились с русским господством, то мингрелы, более чем кто-либо другой, – вспоминал слова отца Серго Берия, – оказывали упорное сопротивление власти царя». Это явное и тайное антироссийское сопротивление Грузии продолжалось и в советские годы, утихая, когда завинчивались гайки, и вспыхивая, когда начинали летать искры от какой-нибудь разжигаемой «псевдооттепели».

Мало того, что Лаврентий Берия (одно из самых страшных порождений тайной полиции!) был сам мингрел, так он ещё, – по признанию жены, – скрытно «симпатизировал грузинскому национализму». Поэтому интернационалист Сталин, узнав о тайных шовинистических устремлениях националиста Берии, неслучайно начал «мингрельское дело». Знал Сталин и то, что Е.П. Гегечкори, дядя жены Берии (в девичестве мингрельская дворянка Н.Т. Гегечкори) – бывший министр иностранных дел Грузии прозападного периода (1918-1921 гг.). Знал Сталин и то, что этот дядя, бежав во Францию, продолжает на протяжении десятилетий поддерживать не только семейные отношения с мужем пле-

мянницы, но и организует с его помощью «полезные» для нации дела. Например, такие, как спасение от чекистов Теймураза Шадия, ставшего в немецком плену «командующим национального грузинского легиона, сражавшегося на стороне вермахта, затем служившего в дивизии СС и принимавшего участие в жестоким подавлении французского Сопротивления». И ещё много чего знал Сталин, чтобы иметь веские основания для «мингрельского дела». Кстати, после смерти Сталина его быстро закрыли и 37 арестованных выпустили, но вскоре, после ареста Берии, некоторых вновь срочно посадили, а кое-кого (скажем, А.Н. Рапава) и расстреляли.

Всё это объясняет тот факт, что Берия, вновь получив 5 марта 1953 г. (день смерти Сталина) контроль над объединённым МВД-МГБ, буквально в считанные дни в спешном порядке принял меры по отмене «дела» о «мингрельской националистической группе»; «дела», уличавшего его участников в стремлениях отделить Грузию от России и войти в военно-политический союз с Западом. Не просто так спешил Берия. Берия опасался, что арестованные начнут давать неопровержимые показания против него самого.

Ходившие слухи, что Сталин с помощью «мингрельского дела» **просто хотел** расправиться с Берией (как будто не было у него других возможностей), не очень-то согласуются, как с архивными документами, так и с воспоминаниями ведущих политиков и членов семьи Берии.

Начну с признаний сына Берии: «В Москве доносили на евреев и врачей («дело врачей», — НАД.), а параллельно подобная кампания против мингрелов проходила в Грузии. Однажды мой отец... сказал мне: «...эти два дела нацелены на меня и на нашу семью». Прямо обвинений ему не предъявляли, но через свои контакты он знал, что каждый обвиняемый был допрошен о его связях с ним и о полученных от него распоряжениях. Сталин составлял досье и выжидал благоприятного момента, чтобы им воспользоваться. Я спрашивал у отца, должны ли мы ждать как бараны, которым собираются перерезать глотку. «До этого дело не дойдёт», — ответил он мне». (Кстати, это означало, что Берия уже готов был убрать Сталина. — НАД.)

По-новому воспринимается и известное уже заявление Микояна: «Надо сказать, что товарищ Сталин в последнее время не доверял Берия. Берия вынужден был признать на последнем для

него заседании Президиума ЦК, что товарищ Сталин ему не доверял, что «мингрельское дело» создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берия, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел».

И наконец — официальные документы, составленные после смерти Сталина самим Берией или под его контролем.

8 апреля 1953 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка Л.П. Берии «О неправильном ведении дела о так называемой мингрельской националистической группе». На письме стоял гриф «Совершенно секретно». Записка сообщала: «Осенью 1951 года Н. Рухадзе (тогдашний министр МГБ Грузии, — НАД.) ложно информировал находившегося на отдыхе в Грузии И.В. Сталина о положении дел в грузинской партийной организации, представив имевшие место недостатки в работе партийных и хозяйственных органов как результат подрывной вражеской деятельности им же самим вымышленной группы мингрельских националистов.

И.В. Сталин взял на веру провокационную информацию...

<...> последовало известное Постановление ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 года («О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия», — НАД.), в котором в числе прочих мероприятий органам госбезопасности предлагалось выявить и ликвидировать... мингрело-националистическую группу.

<...> И.В. Сталин систематически звонил в Тбилиси... и требовал отчёта о ходе следствия, активизации следственных мероприятий и представления протоколов допроса...

<...> 16 ноября 1951 года ЦК ВКП(б) на основе предложения ЦК КП(б) Грузии, по прямому указанию Сталина, принял Постановление «О выселении враждебных элементов с территории Грузинской ССР». 29 ноября 1951 года... принято Постановление Совета Министров СССР, санкционировавшее представление Министерством ГБ СССР предложения о принципах и порядке выселения.

<...> 11200 граждан были выселены» из Грузии в отдалённые районы Казахстана.

Дальше в качестве необоснованного выселения Берия приводит, например, такой случай: «Георгадзе Н.С., грузин, выселен за службу в «грузинском национальном легионе» германской армии с апреля 1943 г. по август 1944 г. В августе 1944 г. Георгадзе из легиона бежал к советским партизанам...»

То есть, когда победа СССР была под вопросом, воевал за немцев, а когда стало ясно, что фашизму «капут», перебежал назад, но не в действующую армию, а к партизанам, где не так опасно, как на передовой. Если причины этого выселения Берия находил сомнительными, то можно представить – каковы были причины для остальных выселений.

В заключение своей записки Берия как министр МВД «считает необходимым... всех арестованных по делу вымышленной «мингрельской националистической группы»... в количестве 37 человек из-под стражи освободить с полной реабилитацией, а дело на них... прекратить.

<...> пересмотреть решения... о выселении граждан Грузинской ССР и всех незаконно выселенных вернуть к местам их прежнего жительства...»

В ответ на эту «совершенно секретную» записку уже через 2 дня 10 апреля 1953 г. последовало «строго секретное» Постановление Президиума ЦК КПСС «О фальсификации дела о так называемой мингрельской националистической группе».

Это Постановление, принятое, как видим, совершенно наспех и без необходимой в таких случаях независимой перепроверки данных, было выдержано в духе записки Берии. Больше того, в нём безапелляционно отвергалось, что арестованные ставили «своей целью ликвидацию Советской власти в Грузии с помощью империалистических государств». Утверждалось, что «на самом деле никакой мингрельской националистической группы не было и нет», что бывший министр МГБ Рухадзе просто «воспользовался тем, что в последний период в Грузии в работе партийных и хозяйственных органов имели место недостатки...»

Теперь-то, когда открылись некоторые архивы, когда на весь мир прозвучали признания сына и жены Берии, когда произошли провокационные события, отделившие во время Перестройки Грузию от России, и особенно сегодня, когда то и дело слышатся знакомые открыто прозападные откровения потомков грузинских националистов... теперь-то понимаешь, что всё было далеко не так, как сумел официально представить Берия.

Теперь приходится только сожалеть, что Сталин не успел довести «мингрельское дело» до конца. И зря, конечно, после ареста Берии не возобновили срочно прикрытое им это не просто «мингрельское», а националистически-антироссийское дело. А возобновили бы – не было бы со стороны Грузии в годы Перестрой-

ки, а тем более сейчас — враждебных нам действий и явно угоднических содействий блоку НАТО, медленно, но верно и целенаправленно осуществляющему окружение тяжело раненной России новыми военными базами.

Как тут не вспомнить меткие слова В. Путина: «И мы с вами должны строить свой дом, свой собственный дом крепким, надёжным — потому что мы же видим, что в мире происходит... Как говорится, товарищ волк знает, кого кушать. Кушает — и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается. И куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, всё возможно, нет никаких ограничений».

Это откровение Путина весьма согласуется с наблюдениями Сталина, который, ещё в 20-е годы XX века, подметил: «Волки империализма, нас окружающие, не дремлют!»

Глава 23

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

«Вся земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

Нестор, летопись, стр. 8.

Часть первая

От Алексея Константиновича Толстого

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

Ах, эту правду, детки,
За тыщу с лишним лет
Смекнули наши предки:
Порядка, дескать, нет.

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить».

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

Княжил их Рюрик сильно
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Мастак военных игр
И умный человек.

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
И так сменилось столько
Языческих держав.

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Со всеми кончил с ними.
Отец крещенья он.

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!»
И сделал Иордань.

Послал он за попами
В Афины и Царьград,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят.

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав,
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

Узнали то татары:
«Ну, — думают, — не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем».

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата -
Порядка ж вовсе нет.

Иван явился Третий
И говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
И вместо дани — шиш.

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А все ж порядка нет.

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умён,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

Прямые были страсти -
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдешь.

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

И выгнала их сила
Поляков в кой уж раз,
Земля же Михаила
Взвела на трон тотчас.

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна -
Порядка ж нет как нет.

Сел Алексей на царство,
Взял и родил Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец!
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!»

Хотя силен уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы, как в ванне...
О Бог, помилуй, дам!

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

Какая ж тут причина
И где же корень зла(?),
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

Царь Александр Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
но был он джентльмен.

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

Казалось, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Луи ле Дезире.

В то время очень сильно
Расцвел России цвет.
Земля была обильна
Порядка ж нет как нет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Часть вторая Николай НАД

Так правили народом
Российские цари.
Народ же год за годом
Работал до зари.

Последний царь державы
Стрелял, давил пятой.
Был Николай Кровавый,
А ныне стал Святой.

Монархом тайно правил
Распутин совет:
Не стало прежних правил...
И все ж порядка нет!

Зато от революций
Свербит, едрена вошь.
Керенский был не лучше.
За ним — картавый вождь.

Тот сразу на лопатки
Антанту уложил.
К нему мы были падки.
Но он недолго жил.

Меж тем взошел на сцену
Таинственный грузин.
И многих за измену
На тот свет «отгрузил».

Вот он навел порядок.
Пошла благая весть!
Знал он, что делать надо,
Коль сила духа есть.

Когда в Европе бедной
Нацизм внедрял чуму,
Во многом мир победой
Обязан был ему.

Весь мир тогда ведь дрогнул.
Сдалась Европа вся.
Когда б не он, — ей Богу, —
Всё(!) наперекосяк.

Так стал отцом народам,
Но... Берия его
Сжил со свету и сходу
Поставил своего.

Поставил Маленкова
Главой России всей,
Взяв под надзор суровый
Его и всех «друзей».

Ну а «друзья», внезапно
Арестовав «царя»,
Твердили: «Он на Запад
Работал втихаря».

И все ж в тот год в реформах
Он проявил свой пыл.
Но кто ж хотел, чтоб в нормах
Лаврентий «глаз забыл»?

Свободы дав для формы,
Хрущев и Маленков,
Ввели его реформы,
Не сняв совсем оков.

Менялись порядки
Тем, этим ли назло?
Внутри партийной схватки
Хрущёву повезло.

Всю власть тогда Никите
Вдруг Жуков подарил.
Потом жалел всё: ить ведь
Как от-благодарил...

Казалось, всё! Разрядка!
И тут увидел свет:
Как не было порядка,
Так и поныне нет.

Хрущёв твердил нам: «Верьте,
Наступит коммунизм!»
Но тут вдруг его сверху
Отправил голод вниз...

Его сверг верный Брежнев.
Вначале был настрой,
Но цвел свод правил прежний,
И наступил Застой.

Жизнь кончил Брежнев честно
В отцвете своих лет.
И занял его место
Другой солидный дед.

Навел порядок сходу -
В делах он был не робок:
Дал водку, взял «свободу»
Шеф КГБ Андропов.

Но и при нем власть толком
Не стала все ж нетленкой.
И править своим долгом
Счел дряхлый дед Черненко.

Чего уж там он правил,
Как тень и звук пустой?
Мир через год оставил,
восстановив Застой.

Но курс свой Горбачёвы
С шитьем да перекройкой,
Открыв, сказали: «Чё вы?
Порядок с Перестройкой!»

Народ лишили водки(!),
Ни хлеба и ни сала...
Зато речами вот как(!)
Кормили до отвала.

Нашелся, к счастью, Ельцин.
Их курсу ставя тройку,
Сказал: «Подождем, если
Продолжим Перестройку!»

Меж ними завязалась
Вовсю борьба за власть.
Народу ж оставалось
Решать: чего украть?

Пока, — кто главный было? -
Искали все ответ.
Ох! И того, что было...
Уже порядка нет.

Чтоб власть ему досталась,
Борис «размножил» Русь.
И... «Горби» вмиг осталась
От власти только гнусь.

Борис же правил круто —
Кровь, как вода, хлестала.
Для водки ему суток
Нередко не хватало.

И вот, чтоб было время,
Явил особый дар:
За власти его бремя
Стал отвечать Гайдар.

Гайдар, блин, шоком правил,
Чтоб были «ширли-мырли».
Народ не снёс расправы...
Так всплыл вдруг Черномырдин.

Тот... еще тот хозяин -
Анархию взрастил.
И хоть был не раззява -
Бандитов распустил.

Газ полюбя украдкой,
«Бубукал» столько лет.
Но был грех: от порядка
Оставил только след.

Его б успех утроил,
Придя «Киндер-сюрприз»,
Когда бы не устроил
Финансам нашим криз.

И снова Черномырдин
Пытался речи лить.
Ему мозги промыть бы,
А не страной рулить.

Конец пришел халяве!
Чему конец? Ну-ну...
Тут Примаков возглавил
Под... Ельциным страну.

Так закрутить сумели
«Семьей» всей наверху,
Что Примакова «съели»,
Понять дав — «ху есть ху!»

Власть «зажигать» пожарник
Назначен был Степашин,
Но, взявшись слишком жарко,
Стал «яканьем» опасен.

И Ельцин, чуя это,
Что тот и «мэ», и «бэ»,
Поставил править мэтра
Из кадров ФСБ.

Мэтр, зная дело в тире,
Враз проявил почин.
И обещал... в сортире
Кругом крутых мочить.

Ему создали веру.
А Ельцин под шумок,
Не хлопнув, кстати, дверью,
Так завершил свой срок:

«Я не навёл порядка,
Но изменил порядок...»
Оставив для отладки
Власть Путину, сел рядом.

За то, что сдал вдруг трон он,
Ему гарантий дали,
Что никогда не тронут
За все его «печали»...

И вновь народ в надежде
Стоит на перепутье.
В изношенной одежде
Ждет, что воздаст всем Путин.

Как много слов прекрасных!
Жаль, что немного дела.
Надежда то — на «красных»,
А то опять — на «белых»...

Кто с этим всем завяжет?	Ну неужель вовеки
Кто кончит этот бред?	Порядка не видать?
Доколь терпеть, что скажут:	Что мы за человеки?
«Порядка снова нет!»?	Прости нас... Бога мать!

После всего

Чем больше узнаешь прошлое, тем легче понимаешь, почему так складывается настоящее, и лучше представляешь, как будет складываться будущее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Невыдуманный Сталин _____	5
Глава 2. Ссора вождей _____	18
Глава 3. Отчаяние Дзержинского _____	62
Глава 4. Время диктатур _____	73
Глава 5. Маятник Горького _____	82
Глава 6. Правда о коллективизации... _____	109
Глава 7. Хрущев и Микоян против Бухарина _____	140
Глава 7.1. Хрущев против Бухарина _____	140
Глава 7.2. Микоян против Бухарина _____	164
Глава 8. Личное дело Валерия Чкалова _____	176
Глава 8.1. Армия _____	176
Глава 8.2. Гибель _____	193
Глава 9. Сталин и Королев _____	213
Глава 10. Как действительно начиналась война _____	227
Глава 11. Обратная сторона войны _____	246
Глава 12. Тень Сталина _____	255
Глава 13. Берия против Сталина _____	269
Глава 14. Неизбежность переворота _____	287
Глава 15. Им было за что отвечать _____	303
Глава 16. Два председателя... _____	317
Глава 17. Операция «Гамлет» _____	332
Глава 18. Как убивали Сталина _____	339

Глава 19. Известная жена Сталина или самозванка? _____	376
Глава 19.1. Известная жена Сталина _____	376
Глава 19.2. Самозванка? _____	380
Глава 20. Наследники Берии _____	386
Глава 20.1. Первая «оттепель»... _____	386
Глава 20.2. Горбачев - наследник Берии _____	399
Глава 20.3. Берия и бомба _____	407
Глава 20.4. Хрущев не был первым! _____	415
Глава 20.5. Предатель или герой? _____	437
Глава 20.6. Хрущев на коленях умолял Сталина ... _____	466
Глава 20.7. Два Сталина _____	472
Глава 20.8. Запоздалое раскаяние маршала Жукова _____	482
Глава 20.9. Тайны Николая Булганина _____	511
Глава 21. Последние дни Хрущева _____	524
Глава 21.1. Странная охота _____	524
Глава 21.2. Предсмертное откровение Семичастного _____	539
Глава 21.3. Сталин может вернуться в Мавзолей _____	559
Глава 22. «Арена склок» _____	569
Глава 23. Краткая история Государства Российского _____	581

Николай НАД

КАК УБИВАЛИ СТАЛИНА

Вёрстка — Иванова И.И.

Подписано в печать 16.11.2007 г.

Формат 60x90/16.

Гарнитура «PetersburgС».

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37.

Тираж 3000.

Заказ № 278

Электронный вывод и печать
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

НИКОЛАЙ НАД

псевдоним,

который избрал

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДОБРЮХА,

автор сенсационных исторических исследований,

получивших известность

благодаря миллионным тиражам

центральных газет и журналов.

Псевдоним,

составленный из первых букв

имени, отчества и фамилии автора,

отражает его стремление

быть **НАД** схваткой сторон,

чтобы видеть,

где находится истина.

*За неоценимую помощь,
оказанную в подготовке этой книги,
автор особо благодарен
всем тем, кто поделился с ним своими воспоминаниями,
а также руководителям и рядовым сотрудникам архивов:
РГАНИ, ГАРФ, РГАСПИ, ЦАМО, РГВА.*

Все авторские права на книгу «Как убивали Сталина»
принадлежат супруге автора Е.М. Добрюха.

ВНИМАНИЕ!!!

Если кто-то располагает
какими бы то ни было данными
(воспоминания, письма, документы, фото и т.п.),
которые могут способствовать
решению вопросов,
затронутых в этой книге,
просьба звонить по телефону:

8-910-446-25-59.

интернет-магазин
OZON.RU

4 285 248